

Министерство
образования
Российской
Федерации

ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. Мак-Артуров
(США)

Институт
«Открытое общество»
(Фонд Сороса)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования РФ, **ИНОЦЕНТРОм** (Информация. Наука. Образование) и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

**В. В. Долгов, Д. А. Котляров,
Ю. В. Кривошеев, В. В. Пузанов**

**Формирование
российской государственности:
разнообразие взаимодействий
«центр — периферия»
(этнокультурный и социально-
политический аспекты)**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

ББК ТЗ(2)–5 + Х2(2)
Ф 796

Рецензенты:

А. П. Богданов — доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института российской истории
РАН, академик РАН

М. Ф. Флоринский — доктор исторических наук,
профессор кафедры русской истории Санкт-Петербургского
государственного университета

В. И. Хрисанфов — доктор исторических наук,
профессор кафедры исторического регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета

Долгов В. В., Котляров Д. А., Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В.
Ф 796 **Формирование российской государственности: разнообразие
взаимодействий «центр — периферия» (этнокультурный
и социально-политический аспекты).** — Изд-во Урал. ун-та,
2003. — 465 с.

ISBN 5-7525-1162-3

В монографии рассматривается становление российской государственности сквозь призму особенностей этнического, конфессионального и, в широком плане, культурного взаимодействия в контексте отношений «центр—периферия». На обширном фактологическом материале прослеживается противоречивость и неоднозначность процессов этнопсихологической, социальной, политической и культурной адаптации населения и отдельных регионов в систему формирующейся российской государственности. Большое внимание уделяется генезису российской цивилизации как локальному варианту общемирового геополитического и культурного развития.

Для научных работников, преподавателей высших учебных заведений, студентов гуманитарных специальностей, всех интересующихся отечественной историей.

ББК ТЗ(2)–5 + Х2(2)

ISBN 5-7525-1162-3

© В. В. Долгов, Д. А. Котляров,
Ю. В. Кривошеев, В. В. Пузанов, 2003
© Издательство Уральского универ-
ситета, 2003

Оглавление

Введение. <i>В. В. Долгов</i>	6
Древние славяне и «инии языци». Традиционное сознание и нормы поведения. <i>В. В. Пузанов</i>	9
Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий. <i>В. В. Пузанов</i>	99
Обретение этнокультурных ориентиров: «свои — чужие». <i>В. В. Долгов</i>	195
Средневековые русские земли-государства и становление великорусской государственности. <i>Ю. В. Кривошеев</i>	249
Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI вв.). <i>Д. А. Котляров</i>	291
Формирование многонациональной российской государственности: синтез культурных традиций, становление нового центра. <i>В. В. Долгов</i>	405
Заключение. <i>Д. А. Котляров, В. В. Пузанов</i>	462
Сведения об авторах	464

Введение

«Свои», «мы», оказавшиеся перед лицом «чужих», — так условно можно представить «начальную мизансцену» истории человечества, отправную точку становления самосознания вида *homo sapiens*¹, начало политогенеза, исходную позицию любого конфликта и любых взаимоотношений вообще. Это инвариант, раз за разом воспроизводящийся на протяжении веков. Новый виток развития сопровождается новым воплощением вечной модели: «мы» и «они».

Каждое общество вырабатывает свои способы построения отношений с «чужими». От господствующей парадигмы в этой сфере напрямую зависит и характер государства, одна из основных функций которого — урегулирование отношений с внешним, «чуждым» миром и организация «своих». Культурные алгоритмы реакции на «чужих» являются важной характеристикой любой человеческой общности. Мировая история знает много примеров того, как в тех или иных социумах в качестве социально-психологической доминанты выступало то желание закрыться, уйти, избежать общения, то агрессия, то стремление к усвоению «их» опыта, открытости, мирному сосуществованию. Как правило, все названные типы реакций существовали в рамках одной культуры в разных пропорциях. На роль главенствующей выдвигалась та, которая отвечала требованиям исторического момента. Периоды слабости, связанные с угрозой потери национальной и культур-

¹ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. С. 80.

ной идентичности, приводили, как правило, к стремлению отгородиться от «чужаков», замкнуться в своем мире. Чувство ущемленности групповых интересов рождало агрессию. Периоды благополучия, успешности давали ощущение силы и позволяли относиться к «чужакам» спокойно, снисходительно и дружелюбно.

Нередко бывает, что «чужие» становятся «своими». При сближении с соседями, как правило, определяется общество-лидер, которое оказывает политическое и культурное влияние на свое окружение. Таким образом, отношения выходят на новый уровень, формируется новая модель взаимодействия: «центр — периферия». Превращение «чужого» в «свой» центр или «свою» периферию — процесс сложный и многоплановый. С первых веков своей истории Русь была вовлечена в разнообразные культурные и этнополитические процессы, при этом оказываясь то в позиции периферийной структуры, то в позиции центра. Впрочем, порой она существовала в обеих ипостасях одновременно — в зависимости от ракурса рассмотрения. Например, Киев, ставший в IX–X вв. центром объединения восточнославянских племен и связующим звеном формирующегося суперсоюза, был в то же время периферией огромного византийского сообщества стран, попавших под обаяние имперского величия. В течение русской истории этот инвариант воплощался неоднократно: Русь как улус монголо-татарской Орды; Русь, осознающая себя Третьим Римом и претендующая тем самым на роль мирового центра; Русь, сознательно возвращающая себя в позицию культурной периферии на сей раз уже иного центра — западной Европы.

Но каждый виток воплощения базовой модели отличался своими особенностями. Вот, казалось бы, Русь приняла крещение и стала варварской окраиной ромейской державы, но несмотря на то, что Византия была для Руси несомненным цивилизационным образцом, последняя заняла достаточно самостоятельную позицию по отношению к культурному и политическому давлению Империи. Приглашая константинопольских архитекторов и художников, копируя некоторые формы оформления центральной имперской государственной системы, русские князья продолжали именоваться своими старыми, языческими, так называемыми «княжескими» именами и часто весьма сдержанно относились к политической идеологии, продуцируемой византийскими мыслителями. Впоследствии на Руси были выработаны свои, оригинальные типы храмов, возникли национальные школы иконописи и пр. Таким образом, Русь оказалась в по-

ложении культурной периферии, но периферии активной, имеющей силу не сливаться полностью с материнской цивилизацией.

По-другому складывались отношения Руси с Ордой. Не ставя себе цели перенимать опыт державы-победительницы, нового центра, Русь тем не менее неуклонно и почти незаметно для самой себя усвоила опыт восточной государственности. Оказалось, что политическая зависимость неуклонно приводит и к зависимости культурной.

Несколько столетий спустя Русь распространила политическое влияние на сопредельные неславянские территории: в орбиту Московского государства оказались включены Казанское и Астраханское ханства. Центры самостоятельных политических образований были низведены до положения этнокультурной периферии. Провозглашая себя царем, Иван Грозный оказался наследником двух совершенно разных царств — греческого и татарского. Бывшая периферия стала новым центром, причудливо сочетая элементы былых империй, в которых сама она была лишь окраиной.

Знаменательно, что поворотные моменты русской истории часто сопровождались сознательным превращением нашей страны в культурную периферию (крещение, реформы Петра). Как ни странно, это было самое продуктивное время. В предлагаемой читателю книге опыт построения отношений между центром и периферией рассматривается в контексте этнокультурной и социально-политической истории Древней Руси. Объектом нашего изучения стала история формирования российского государства как многонационального сообщества, становление и развитие которого было бы невозможно без синтеза культур входящих в него народов. На страницах книги нашли отражение вопросы этногенеза восточного славянства, проблемы формирования древнерусской государственности и становления этнического самосознания древнерусской народности, взаимодействия цивилизаций по линии «Восток — Запад», а также непростая история взаимоотношений великорусской народности со своими ближними и дальними соседями. В фокусе внимания авторов работы — феномен России как зоны кросс-культурного взаимодействия, в которое были вовлечены десятки различных языков, религий, коллективных мировоззрений. Ценность накопленного в течение столетий опыта контактов славян, тюрков и финно-угров, судьбы которых оказались тесно переплетены в истории России, неоспорима. Необходимость изучения и обобщения этого опыта и обусловила появление настоящего исследования.

В. В. Пузанов

Древние славяне и «инии языци».
Традиционное сознание
и нормы поведения

Вопрос о происхождении славян весьма сложен. Письменные источники впервые фиксируют их под собственным именем начиная с VI в. на огромных пространствах Европы и характеризуют как многочисленные и многолюдные племена. Археологически славяне надежно прослеживаются с этого же времени и потом уже не теряются из поля зрения исследователей. Однако ни одной более ранней достоверно славянской археологической культуры, равно как ни одного надежного письменного известия о славянах предшествующего времени, не найдено.

В настоящее время с достаточной степенью уверенности можно лишь признать, что единая славянская общность кристаллизуется сравнительно поздно — в конце первой половины I тыс. н. э. Процесс расселения славян сопровождался распадом общеславянского языка. Однако в VI–VII вв. «еще не было самостоятельных славянских языков и групп языков, а вместе с тем не было и сформировавшихся славянских народностей»¹.

Таким образом, среди славян достаточно долго сохраняется общность языка, духовной и материальной культуры, основных черт общественного строя. Более того, даже в VI–VII вв. наметившиеся различия были минимальными. Со временем они нарастали, особенно в тех регионах славянского расселения, где была сильна рецепция античных традиций и которые подвергались наиболее агрессивному воздействию формирующейся христианской цивилизации. Вместе с тем не следует забывать, что расселение сла-

вян в Восточной Европе происходило на громадной континентальной территории, на которой проживали этносы, находившиеся зачастую на более низкой степени общественного развития, чем сами пришельцы. Эти обстоятельства, по справедливому заключению Л. В. Даниловой, «не только не содействовали прогрессу общественных отношений у восточных славян, но, напротив, в неблагоприятных естественно-географических и исторических условиях вызывали подчас попятное движение»².

Из вышесказанного следует, что предки восточных славян в VI–VII вв. находились на той же стадии развития, что и остальные славяне. Выделить их из общей массы склавинских и антских племен еще невозможно³.

Выход на мировую историческую арену славяне осуществляли, находясь на стадии родоплеменного строя. Социальная структура у склавинов и антов в VI–VII вв. была достаточно проста. Она сводилась, в основном, к оппозициям «свой — чужой», «свободный — несвободный». Родовые традиции регулировали отношения в обществе, являясь несущей конструкцией социальных связей. Регламентированность жизни была жесткой и обуславливалась, как и все общественные отношения и институты, внешней, сверхъестественной санкцией. Поэтому права сородича защищались традициями, на страже которых стояла родовая организация. Закабаление сородича сородичем исключалось⁴. Градация в среде свободных была выражена слабо и не имела ничего общего с системой господства — подчинения. Весь народ обладал правом на участие в родовой и племенной собственности, представлял собой вооруженную силу (народное ополчение) и принимал непосредственное участие в управлении племенем (народное собрание). Образно говоря, понятия «народ», «войско», «власть» не были четко разграничены в сознании людей того времени, зачастую являясь тождественными. По словам Маврикия Стратега, «племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле»⁵. Они, дополняет Прокопий Кессарийский, «не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща»⁶.

Во многом сходную картину наблюдаем и у восточных славян VIII–IX вв., у которых консервация традиционного быта была

ошутимее, чем у большинства их южных и западных собратьев. Несмотря на прогресс производительных сил и консолидацию племенных объединений, появление первых раннегородских центров (наблюдаемое в отдельных регионах Восточной Европы) и укрепление наследственной княжеской власти (прослеживаемое, в основном, чисто логическим путем), сознание оставалось еще родоплеменным по сути. Во всяком случае, восточных славян этого времени отделяла от антов и склавинов гораздо меньшая дистанция, чем от древнерусского населения XI–XII вв. Поэтому сложные процессы межэтнического взаимодействия на территории Восточной Европы, основные черты ментальности восточных славян и отдельные стороны социо- и политогенеза невозможно понять без учета предшествующего периода их истории в рамках славянской общности и без анализа аналогичных процессов, протекавших у их южных и западных собратьев в VIII–IX вв.

Как известно, первобытная психология — защитная в своей основе, направленная на «сохранение кровнородственного коллектива в его борьбе с природой и соседями»⁷. Не случайно поэтому «свой всегда противопоставлен чужому, эта противоположность в человеческом коллективе является одной из древнейших»⁸. Чужое — неизвестное и пугающее. В мифологизированном сознании древнего человека чужой — носитель вредоносной магии, колдовства, обладающего разрушительной силой⁹. Отсюда возникавшие в глубокой древности табу на общение с иноплеменниками, специальные магические ритуалы, направленные на нейтрализацию враждебного воздействия при посещении иноплеменниками общины¹⁰.

Боязнь чужаков понятна. Чужое приходило большой бедой в виде войны, тяжелых недугов и других лишений. Кровнородственный коллектив защищали не только и даже не столько живые сопородичи. Первобытное мышление — «мистическое по своему существу»¹¹, во всем видело вмешательство сверхъестественных, магических сил: богов, всевозможных духов и т. п. Сам родственный коллектив представлял собою сложную организацию из ушедших в мир иной, ныне живущих и будущих поколений. Главной задачей живущих было сохранять эту нить преемственности, не дать погибнуть роду. Отсюда необходимость строгой регламентации жизни, всех институтов, вызванная стремлением сберечь «магический щит», не допустить его ослабления и разрушения. Поэто-

му любой поступок, выходящий за регламентационный ряд, нес угрозу благополучию родичей, вызывал порицание и наказание. Ведь предки, духи или боги могли отвернуться от живущих, что не оставляло им шансов на выживание в борьбе с другими коллективами.

Одухотворялась, наделяясь могучими магическими силами, и «мать сыра земля». Своя помогала, давала силы, чужая — вредила. По словам Дж. Фрезера, «вступая в незнакомую страну, дикарь испытывает чувство, что идет по заколдованной земле, и принимает меры для того, чтобы охранить себя как от демонов, которые на ней обитают, так и от магических способностей ее жителей»¹². Ведь земля была неотделима от живущих на ней, являлась их естественным продолжением, «вторым я». Та или иная общественная группа, занимающая определенную территорию, как показал Л. Леви-Брюль, «не только хозяин этой территории, имеющий исключительное право охотиться на ней или собирать плоды. Территория принадлежит данной группе в мистическом значении слова: мистическое отношение связывает живых и мертвых членов группы с тайными силами всякого рода, населяющими территорию, позволяющими данной группе жить на территории, с силами, которые, несомненно, не стерпели бы присутствия на ней другой группы»¹³. Кроме того, по воззрениям древних, земля сама по себе обладала неисчерпаемыми запасами сил¹⁴. Отсюда обычай у ряда славянских племен: прах мертвых помещать в урны и водружать их на холмах или деревянных столбах по периметру границ владений рода¹⁵. Таким образом, создавалась как бы двойная внешняя защита: со стороны предков и со стороны земли.

В глубокой древности чужаков, как правило, уничтожали, либо, в определенных случаях, вводили в род посредством института adopции. Кровная месть, служившая важнейшим инструментом защиты кровнородственных коллективов, была неограниченной: весь род мстил роду обидчика¹⁶, что нередко приводило к полному уничтожению противника.

По мере развития общества (роста производительных сил, увеличения плотности населения, активизации межплеменных контактов и улаживания конфликтов) эволюционирует система взаимоотношений с «чужими». Зарождается и совершенствуется институт гостеприимства. Обеспечивая гостю прием и защиту, он создавал условия для более или менее устойчивых межплеменных

контактов, налаживания экономических, культурных, союзнических, а впоследствии и политических связей. В государствах древнего мира институт гостеприимства (например, древнегреческая проксения) мог превращаться в инструмент международно-правовой защиты иностранных купцов. Наибольшее развитие гостеприимство получило в эпоху варварства и в начальный период становления раннегосударственных образований. Сохранившись преимущественно у тех народов, которые опираются на устои традиционного быта, в древности оно было распространено повсеместно. По представлениям древних греков, гостям покровительствовал сам Зевс. Столь же трепетным было и почитание гостя у германцев. Античные авторы, зараженные уже рационализмом цивилизации, не без удивления, а порой и не без восторга, свидетельствовали о гостеприимстве северных варваров. «Не существует другого народа, который с такой же охотой затевал бы пирушки и был бы столь же гостеприимен, — писал Тацит о современных ему германцах. Отказать кому-нибудь в крове, на их взгляд, — нечестие, и каждый старается попотчевать гостя в меру своего достатка. А когда всем его припасам приходит конец, тот, кто только что был хозяином, указывает, где им окажут радушный прием, и вместе со своим гостем направляется к ближайшему дому, куда они заходят без приглашения. ... Если кто, уходя, попросит приглянувшуюся ему вещь, ее, по обычаю, тотчас же вручают ему. Впрочем, с такою же легкостью дозволяется попросить что-нибудь взамен отданного»¹⁷.

Не составляли исключения в этом отношении и славяне на варварской стадии своего развития. Спустя несколько столетий после Тацита, в начале VII в., Маврикий Стратег писал о славянах (антах и склавинах): «К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом»¹⁸.

Особо ценен рассказ Павла Диакона, поведавшего семейную историю о бегстве из аварского плена его прадеда Лопихиза. Не знавший пути и обессиленный от голода, он вышел к славянскому поселению, где его с риском для собственной жизни¹⁹ приютила пожилая славянка. «Движимая жалостью к нему, она спрятала его в своем доме и тайно давала ему понемногу еды, чтобы не погу-

бить его совсем, если сразу накормит его досыта». Когда Лопихиз окреп, она, «снабдив его провизией, указала путь на родину»²⁰.

Институт гостеприимства, выросший на языческой почве, особенно долго сохранялся в языческой среде. В XII в., находясь в Вагрии, Гельмольд на собственном опыте убедился в том, «что до тех пор знал лишь понаслышке, а именно, что в отношении гостеприимства нет другого народа, более достойного (уважения), чем славяне». Речь шла о балтийских славянах, закоренелых язычниках, упорно не желавших отказываться от веры предков. По словам автора-христианина, немало сделавшего для утверждения христианства среди славян, «принимать гостей они, как по уговору, готовы, так что нет нужды просить у кого-нибудь гостеприимства. Ибо все, что они получают от земледелия, рыбной ловли или охоты, все это они предлагают в изобилии, и того они считают самым достойным, кто наиболее расточителен. Это стремление показать себя толкает многих из них на кражу и грабеж. Такого рода пороки считаются у них простительными и оправдываются гостеприимством. Следуя законам славянским, то, что ты ночью украдешь, завтра ты должен предложить гостям. Если же кто-нибудь, что случается весьма редко, будет замечен в том, что отказал чужеземцу в гостеприимстве, то дом его и остатки разрешается предать огню, и на это все единодушно соглашаются, считая, что кто не боится отказать гостю в хлебе, тот — бесчестный, презренный и заслуживающий общего посмешища человек»²¹.

Описывая нравы ранов (руян), у которых «ненависть к христианству и жар заблуждений были... сильнее, чем у других славян», Гельмольд отметил, что они «обладали и многими природными добрыми качествами. Ибо им свойственно в полной мере гостеприимство, и родители они оказывают должное почтение...», что является у славян первой среди добродетелей²².

Характерно, что и пруссы, такие же язычники, обладали, по сведениям Адама Бременского, которые повторяет Гельмольд, многими добрыми качествами, всегда приходя на помощь терпящим бедствие²³. Еще одной важной отличительной чертой язычников, по словам Гельмольда, было отсутствие жадности, страсти стяжания²⁴, одного из пороков современных ему христианских обществ (будь то германские или славянские), которому были подвержены и многие служители культа²⁵.

Сходные известия о гостеприимстве русов встречаются у восточных авторов. По словам Ибн Русте, они «гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего»²⁶. Интересную подробность на сей счет приводит Гардизи: «И нет у них обыкновения, чтобы кто-либо оскорблял чужеземца. И если кто оскорбит, то половину имущества его отдают потерпевшему»²⁷. Создается впечатление, что с момента выхода славян на сцену мировой истории в начале VI в. история для них как будто замерла²⁸. В этом нет ничего удивительного. Традиционные общества отличаются удивительной живучестью и консервативностью. Характерно, что во всех вышеприведенных случаях речь шла об обществах не только языческих, но и находящихся во власти развитых, или еще весьма сильных, родовых традиций²⁹.

Оба эти фактора, традиционализм и язычество, со временем ослабевали, но еще долгое время сохраняли свое влияние, отдельные проявления которого встречаются по сей день. Естественно поэтому, что и на Руси официальное принятие христианства не привело к немедленному вытеснению языческих основ менталитета. Следует отметить и дофеодальный характер древнерусского общества³⁰, в котором многие традиционные институты имели определяющее значение. Поэтому христианское «нищелюбие» в нем медленно вытесняло языческое «гостеприимство», существуя параллельно или, в отдельных случаях, накладываясь на него. Причем подобная ситуация была характерна не только для окраинных районов Руси или низших социальных слоев, наиболее подверженных традициям. Знать также оставалась во власти традиционных представлений, с одной стороны, и не была свободна от настроения «масс» — с другой. Интересный образчик подобного положения дел дает знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха детям: «...И боле же чтите гость, откуда же к вам придет, или прость, или добрь, или соль, аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославять человека по всем землямъ, любо добрымъ, любо злымъ»³¹. Последняя мотивировка не оставляет сомнений в широком распространении института гостеприимства на рубеже XI–XII вв. и насущной необходимости следо-

вать его правилам, чтобы не потускнел престиж хозяина, в данном случае, что особенно важно, — князя³². Отдает Владимир Всеволодович дань и христианскому «нищелюбию»: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите...»³³.

Не отрицая социально-экономическую обусловленность института гостеприимства, следует, в первую очередь, отметить его изначально выраженную религиозную составляющую. Еще Дж. Фрезер высказал догадку, что «тот же страх перед иностранцами, а не желание оказать им почести лежит, вероятно, в основе обрядов, которые иногда совершаются при их встрече, но цель которых четко не выявлена»³⁴. С этим же связана и невероятная, на взгляд «цивилизованных» народов, расточительность «варваров». Например, в народной традиции славянских народов гость — «представитель чужого, иного мира»³⁵. Само слово «гость» у славян «долгое время оставалось двузначным; выражаемые им понятия — недруг, который может обернуться другом, гость и хозяин одновременно»³⁶. «Превращение “чужого” в “гостя” связано с обрядовыми формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования»³⁷. Таким образом, видимо, устанавливалось родство по пище, которое «наряду с родством по крови известно самым разным народам»³⁸. Не случайно и в гораздо более поздние времена существовала достаточно жесткая регламентация хождения в гости и приема гостей. Отдельные ее элементы сохранились до наших дней. Цель ее — обезопасить хозяйство и домочадцев от возможной порчи и урона³⁹.

Институт гостеприимства способствовал и такому распространенному у варварских народов явлению, как предоставление приюта тем, кто лишился крова и поддержки на родине, кому угрожала там смертельная опасность. У славян часто находили спасение и радушный прием вожди и представители знатных семей соседних племен, потерпевшие поражение в борьбе за власть у себя дома. Так, по сообщению Прокопия Кессарийского, правивший лангобардами Вак, желая передать престол собственному сыну и отстранить от наследования власти своего племянника Рисиульфа, добился ссылки последнего. Тот бежал к варнам, у которых проживали два его сына. Вак подкупил варнов, и они убили Рисиульфа. Один из его сыновей умер, а оставшийся в живых, Ильдигис, нашел спасение у славян. Во время разразившейся войны гепидов с лангобардами он прибыл в распоряжение первых с боль-

шим отрядом, состоявшим из его соотечественников⁴⁰ и склавин. Этой акции, видимо, предшествовали серьезные переговоры, так как, по словам Прокопия Кессарийского, «гепиды надеялись возвести» Ильдигиса «на царство». Однако после заключения договора между лангобардами и гепидами Ильдигис вернулся к славянам вместе со своим отрядом и добровольцами из гепидов⁴¹.

Спустя почти два столетия другой лангобард, фриульский герцог Пеммо, когда разгневанный король Лиутпранд отобрал у него герцогство, задумал, вместе со своими людьми, бежать «в страну славян». Бегство не состоялось, так как сын и преемник опального герцога умолил короля вернуть ему милость. Последовавшие затем события показали, что лучше бы Пеммо и его сподвижники бежали к славянам, так как по прибытии к королю они оказались в заточении⁴².

Нередко славяне принимали к себе и обеспечивали приют более крупным группам иноплеменников. «Хроника Фредегара» донесла до нас рассказ о драматических событиях начала 30-х гг. VII в., когда в результате раздоров в Аварском каганате из Паннонии вынуждены были бежать побежденные булгары («9 тысяч мужчин с женами и детьми»). Они обратились к королю франков Дагоберту с просьбой принять их на жительство. Король отправил их на зимовку в Баварию. Рассредоточенные по домам баваров, булгары «в одну ночь» по приказу Дагоберта были убиты «с женами и детьми». В этой резне смогли выжить лишь Алциок «с семьями мужчинами с женами и детьми», которым удалось спастись «в марке винидов. После этого он со своими людьми прожил много лет с Валлуком, князем винидов»⁴³.

Много времени спустя, в конце X в., датский король Гарольд, тяжело раненый, спасаясь от врагов, бежал в «знаменитый город славян» Волин. Там он, «вопреки ожиданиям», был дружелюбно принят язычниками⁴⁴.

Значительная часть «чужаков» прибывалась в славянские племена во время боевых действий в составе рабов и перебежчиков. Согласно особенностям рабства у славян⁴⁵, многие из невольников по истечении определенного срока получали свободу. Часть из них возвращалась домой за выкуп, часть же оставалась на положении свободных и друзей. Многие «чужаки» проникались интересами новой родины. Не случайно Маврикий Стратег указывал на необходимость «надежно стеречь» «так называемых пере-

бежчиков» из числа бывших ромеев, которые могли из благосклонности к славянам дать неверные сведения византийскому войску⁴⁶. В то же время подобная практика отношения с чужаками, случалось, вредила гостеприимным славянам. Известен случай с одним из гепидов, жившем у славян и предавшемся ромеям. Новым хозяевам он помог не только ценными сведениями, но и конкретным делом. Введя в заблуждение славянского вождя Мусокия, он организовал переправу византийского отряда через реку и тайное ночное нападение на ничего не подозревавших славянских воинов. «Варвары» были перебиты сонными, а Мусокий, не протрезвевший еще от устроенных им накануне поминок по усопшему брату, попал в плен⁴⁷.

Впрочем, и славяне не всегда отличались гостеприимством и дружелюбием по отношению к прибывавшим к ним иностранцам. Даже послы порой не могли быть спокойны за свою жизнь, отправляясь в «славинии». Менандр Протектор оставил нам интересные известия об аварском посольстве «к Даврентию и к тем, кто возглавлял народ» с требованием подчинения и уплаты дани. Гордый отказ славянского вождя⁴⁸ — с одной стороны, и высокомерные речи послов — с другой, переросли во взаимные «оскорбления и грубости». В результате страсти накалились настолько, что «славяне, не способные обуздать свою досаду», убили послов⁴⁹.

Впрочем, вряд ли этот эпизод безоговорочно можно считать нарушением славянами законов гостеприимства и неприкосновенности послов. Авары прибыли к ним с оскорбительным требованием, вели себя дерзко и вызывающе. Они вполне могли нарушить ту или иную норму поведения, считавшуюся священной для славян. Кроме того, убийство послов являлось своеобразным ответом хагану на его требования, выражало отказ и решимость бороться до конца. Подобная практика была не редкой. Те же авары, по сообщению Менандра Протектора, несколько ранее предали смерти антского посла Мезамера, прибывшего к ним с целью выкупа пленных⁵⁰. Ведь тогда в межплеменных отношениях главным источником права была сила, а главным решением споров — война. Авары чувствовали силу перед антами, поэтому и не церемонились, нанося им как можно более сильное оскорбление. Характерно, что хаган как личное оскорбление воспринял не только убийство славянами его послов, но и отказ платить ему дань⁵¹.

Поэтому отказ от уплаты дани уже сам по себе вел к войне, что славяне хорошо понимали. Убийство послов, вероятно, являлось своеобразной демонстрацией решимости противостоять угрозам авар, демонстрацией своей уверенности и силы. Самонадеянность склавинов и Даврентия понятна. По словам Менандра Протектора, до того времени славяне опустошали ромейские пределы, их же земля не подвергалась вторжениям других народов⁵².

При оценке указанных событий, равно как и стереотипов поведения людей того времени, следует также учитывать их эмоциональную неуровновешенность, отмеченную исследователями⁵³. Например, Й. Хейзинга писал: «...Повседневная жизнь возбуждала и разжигала страсти, проявлявшиеся то в неожиданных взрывах грубой необузданности и зверской жестокости, то в порывах душевной отзывчивости...»⁵⁴. Историк имел в виду городскую жизнь XIV–XV вв. в наиболее развитых регионах тогдашней Европы. Можно только догадываться, насколько более сильными были эмоции и их проявления в варварском обществе.

Еще проще обстояли дела со случайно встретившимися посольствами к другим народам во время боевых действий. Вскоре после описываемых событий славяне, в ходе вторжения в пределы империи, убили в Иллирии другого хазарского посла, который с многочисленным византийским сопровождением возвращался из Константинополя к кагану⁵⁵. Возможно, это был сознательный акт, возможно — проявление неразберихи военных действий. Не исключено, что отряд, напавший на посла и ромейское сопровождение, не разобрался в происходящем. Не исключено также, что роковую роль в судьбе посольства сыграли дары⁵⁶, которые передал с послами император.

В любом случае и по тем временам убийство послов — неординарное событие. Не только в Византийской империи, но и в варварских королевствах Запада уже «сложился устойчивый церемониал приема послов»⁵⁷, которому должны были так или иначе следовать и «славинии», активно вовлеченные в систему международных отношений того времени. Это подтверждают события 631/632 гг., приведшие к осложнению отношений между франками и королевством Само. В тот год на территории последнего славяне «в большом множестве убили франкских купцов и разграбили их добро». Король Дагоберт отправил посла по имени Сихарий к Само, «добиваясь, чтобы (тот) приказал дать справедливое

возмещение» за торговцев. Король славян отказался принять посла, вследствие чего тому пришлось прибегнуть к маскараду. Переодевшись в славянскую одежду, он со своими людьми предстал перед Само и «передал ему все, что ему было поручено». Однако «ничего из того, что совершили его люди, Само не поправил, пожелав лишь устроить разбирательство, дабы в отношении этих и других раздоров, возникших между сторонами, была осуществлена взаимная справедливость». Сихарий повел себя «как неразумный посол», произнес угрозы и оскорбления в адрес Само. Последний не остался в долгу и в довершение всего выгнал посла⁵⁸.

В отличие от славянских вождей, принимавших и перебивших аварское посольство, Само предстает человеком, не только знавшим требования международного права того времени, но и не выходящим за их рамки. В условиях обострения отношений с франкским королевством он сознательно отказал послу в приеме, что считалось «актом в высшей степени недружественным»⁵⁹. Отвечая на угрозы посла и его заявления о том, что «Само и народ его королевства должны де служить Дагоберту»⁶⁰, Само сказал: «И земля, которой владеем, Дагобертова, и сами мы его (люди), если только он решит сохранять с нами дружбу»⁶¹. По мнению ряда исследователей, Само здесь отстаивает «концепцию отношений с Франкским государством, определяя их как *amiciciae*: характерное для раннесредневековых варварских народов понимание “дружбы” как особого института международного права — формально установленные отношения полного равенства на основе взаимной верности и помощи советом и делом»⁶². Посол в грубой форме отверг это предложение, после чего и был изгнан «с глаз Само»⁶³. Иными словами, невзирая на крайне вызывающее поведение посла, нарушавшего установленный этикет (автор хроники называет его «неразумным послом»), Само не преступил грань дозволенного по отношению к нему.

Тем не менее, как было сказано, на подвластной Само территории произошло убийство франкских купцов, а его организаторы и исполнители, судя по всему, остались безнаказанными. Неясны ни мотивы этого преступления, ни роль короля в нем. Из речи Само следует, что убийству купцов предшествовал какой-то конфликт⁶⁴. Вместе с тем известно, что убийства и ограбления купцов не были чем-то исключительным для эпохи средневековья. Не удивительно, что и на территории «славиний» иноземные купцы не

всегда чувствовали себя в безопасности⁶⁵. В «Чудесах св. Дмитрия Солунского», например, сообщается о двойственной политике велегизитов по отношению к жителям осажденной славянами Фессалоники. Они не участвовали в осаде и даже торговали с осажденными, но в случае успеха штурмующих готовы были присоединиться к победителям. Более того, из текста следует, что отправленных к ним за покупкой продовольствия горожан велегизиты убили бы в случае взятия города⁶⁶. Конечно, рассматриваемый источник не заслуживает полного доверия. Житийный жанр, повествующий о деяниях святых, во всем склонен усматривать проявление чуда. Потому и замысел велегизитов не удался: «заступничество мученика и здесь предупредило их»⁶⁷. Несомненно и то, что такие «незначительные» для бурной эпохи Великого переселения народов явления, как гибель купцов, имели крайне мало шансов быть увековеченными в хрониках. В то же время обида, нанесенная купцам, служила законным поводом к войне, что и подтверждает описанный случай со славянами и франками. Получив от посла отчет о проделанной миссии, Дагоберт двинул против королевства Само огромную армию. Славяне в долгу не остались⁶⁸.

Имеющий универсальное значение, институт гостеприимства сыграл важную роль не только в налаживании межплеменных контактов, но и в постепенном, пусть медленном, затянувшемся на многие столетия, изживании неприязненного, враждебного отношения к «чужому»: он был первым шагом на долгом и трудном пути формирования терпимого отношения к представителям другого этноса, расы, иной конфессиональной принадлежности, к носителям других культурных ценностей. О сложности и противоречивости этой эволюции говорят и современные этнические, политические, социальные и конфессиональные противоречия и конфликты.

Будучи базовой и древнейшей, оппозиция «свой — чужой» лежала в основе деления общества на свободных и несвободных. Как показал И. Я. Фроянов, рабство возникло в первобытном обществе «как институт, обслуживающий жизненно важные нужды древних людей, связанные с непроизводительной (религиозной, военной, демографической, матримониальной и пр.) сферой их деятельности»⁶⁹. Однако даже в таком качестве данный феномен не мог получить сколько-нибудь зримые очертания до возникновения социально-экономической предпосылки рабства — появления

устойчивого прибавочного продукта. До этого времени рабство не имело ни экономического (произведенный рабами продукт практически полностью уходил бы на их содержание), ни престижного, матримониального и т. п. смысла (лишние рты кормить было нечем). С появлением излишков ситуация менялась. Их можно было направить на расширенное воспроизводство, обмен и т. п. Они же способствовали росту потребностей, стремлению иметь все больше и больше. Эти потребности выражались прежде всего в повышении социального престижа, показателем которого и являлись в древности накапливаемые материальные богатства, в том числе и рабы. Поскольку в кровнородственных коллективах эксплуатация сородича сородичем исключалась, то рабом мог стать только чужой — иноплеменник. Главным и первое время единственным средством легитимации рабства была война.

Точно определить время возникновения рабства у славян не представляется возможным. Новые институты в традиционных обществах утверждаются очень медленно в силу консервативности сознания, отягощенного всевозможными табу, отмена которых требовала сверхъестественной санкции. Попытки исследователей предельно сузить хронологические рамки появления рабства у славян, привязывая датировку к конкретным событиям, отраженным в источниках, вряд ли обоснованны и методологически корректны⁷⁰.

Первое известие о рабах у славян содержится у Прокопия Кесарийского, в рассказе о судьбе анта Хилвудия и его тезки — византийского полководца. Поскольку нам еще придется обращаться к этому сюжету, позволим себе кратко изложить его содержание.

Во время одной из экспедиций в славянские земли погиб византийский полководец Хилвудий, а спустя некоторое время на поле битвы встретились склавины и анты. В ходе сражения антский юноша, по имени Хилвудий, был пленен и поработен одним из склавинов. Юный ант стал «чрезвычайно» преданным рабом и умелым воином, «и много раз рискуя за господина... весьма отличился и поэтому смог покрыть себя большой славой». Примерно в то же время анты совершили набег на Фракию, ограбив и поработив многих ромеев. Некто из плененных, не находя других средств возвращения на родину, прибегнул к обману, уверив хозяина, что «в племени склавинов находится в рабстве Хилвудий, бывший ромейский полководец», скрывающий от варваров, кто

он такой. Не подозревая подвоха, надеясь на богатое вознаграждение и почет от императора, ант соблазнился предложением своего раба и, появившись с ним у склавинов, за большие деньги купил Хилвудия. Каково же было его разочарование, когда он узнал правду. Купленный раб откровенно изложил свою историю: «...родом он и сам ант, а сражаясь (вместе) с соплеменниками против склавинов... попал в плен к одному из противников, а нынче же, поскольку вернулся в отчие места, то впредь и сам будет свободен, по крайней мере по закону». Однако хитрый ромей настаивал на своем, доказывая, что Хилвудий скрывает истину, поскольку находится во враждебном окружении. Когда описанная история стала достоянием народа, «ради этого стали собираться почти все анты, (ибо) они считали это общим делом, думая, что им будут большие блага, раз уж они стали хозяевами ромейского полководца...». Угрозой наказания они заставили Хилвудия признать себя византийским военачальником.

В это время император Юстиниан прислал послов «именно к этим варварам», предлагая им поселиться в городе Турисе и обещая большие деньги за оборону границ Византии от кочевников. Анты согласились на том условии, что, поставив вновь Хилвудия «ромейским полководцем», император «даст (его) им в качестве сооснователя». Однако по пути в Константинополь лже-полководец был изобличен Нарсесом, арестован как самозванец и доставлен в столицу империи⁷¹.

Повествование Прокопия характеризует систему общественных отношений у славян VI в., наполняя ее конкретным содержанием. Так, мы видим, что пленный обращается в раба, становясь собственностью пленителя, а купленный раб — собственностью купившего его. Обращает внимание то обстоятельство, что Хилвудия принуждали на народном собрании признать себя византийским полководцем. Причем сами анты, видимо, искренне верили в это. Заподозрить их в хитрости сложно, поскольку Хилвудия готовили к отправке в Византию, где подлог легко было раскрыть (что и произошло на самом деле). Но если эта догадка верна, то он попал не в родное, а в какое-то другое антское племя, поскольку никто не мог его опознать и подтвердить истинность сказанного им. Более того, Хилвудий происходил из другого союза племен, поскольку в рамках такого объединения установление истины не было непосильной задачей. Предполагать наличие в это

время антского суперсоюза племен вряд ли возможно⁷². В лучшем случае речь может идти о координации военных действий некоторыми племенными объединениями⁷³, но не всех антов в целом. Определять антскую общность VI–VII вв. в потестарно-политических терминах нет оснований. Это метаэтническая общность, аналогичная склавинской, с устойчивым самосознанием⁷⁴. Следовательно, базировалось она на этнической основе, на представлении об общих корнях. Поэтому закабаление анта антом исключалось не только в рамках племени и союза племен⁷⁵, но и в масштабе антского мира в целом. По справедливому замечанию В. И. Абаева, ант мог быть рабом у склавина, но не анта⁷⁶.

Как бы там ни было, оказавшись в антских пределах, купленный в качестве раба (а не выкупленный) Хилвудий посчитал себя свободным «по закону». Данное обстоятельство заставляет подразумевать наличие определенных традиционных норм, распространяющихся только на антские племена. Из сюжета также следует, что интересы конкретного соплеменника и его рода в случае необходимости приносились в жертву племени (или союзу племен). Но решало это народное собрание. На народном же собрании обсуждались предложения Юстиниана и вырабатывалось соответствующее решение.

Рассматриваемое сообщение Прокопия пользуется доверием у исследователей. Написано оно было спустя несколько лет после описанных событий. Кроме того, византийское правительство не могло халатно отнестись к случаю самозванства, затрагивавшему интересы империи. Поэтому нет оснований сомневаться в тщательности проведенного властями расследования. Прокопий, видимо, и использовал сведения, полученные в результате онога. Следовательно, сама история с псевдо-Хилвудием вряд ли была им выдуманна.

Вместе с тем степень достоверности деталей рассказа может вызывать сомнения. Как отмечалось в историографии, «в рассказе о псевдо-Хилвудии ощущается литературное влияние... новотитической и римской комедии...»⁷⁷. Поэтому обстоятельства пребывания Хилвудия в плену, равно как и события, связанные с превращением его в самозванца, возможно, отмечены печатью византийских представлений о рабстве и взаимоотношениях рабов и господ. Если же известия Прокопия более или менее точно характеризуют систему социальных связей у славян VI в., то перед нами

проделавший значительный путь в своем развитии институт рабства, где купля-продажа рабов является обычным явлением, а судьба раба зависит от воли его господина. Он волен продать раба или отпустить его на свободу (иначе бы затея хитрого роменя, введенного в заблуждение своего господина и, волею случая, всех антов, не имела бы смысла) без согласия племени. Кроме того, налицо высокий уровень этнического самосознания антов. Однако оно опирается, скорее всего, на архаические представления о родстве, связанном с общностью происхождения и языка. Последнее обстоятельство предусматривает достаточно развитую систему генеалогических представлений и закрепление их на уровне общего мифологического пласта.

Даже если сделать поправки на возможность модернизации Прокопием общественных отношений у славян, следует согласиться с мнением, что к VI в. «рабство у славян пережило сравнительно долгую историю»⁷⁸. Но заметные масштабы оно приобретает в эпоху «военной демократии», с началом массовых войн, превратившихся в важный источник получения прибавочного продукта. Для славян, и не только для них, переломной стала эпоха Великого переселения народов, начавшаяся в конце IV в. Вовлечение в водоворот бурных событий, сопровождавшихся массовыми миграциями, столкновениями с другими этническими группами, вхождение отдельных племен в состав инородных племенных и этнополитических объединений, — все это не могло не сказаться на развитии рабства. Массовое же расселение славян с конца V–VIII в. и выход на стадию «военной демократии» придали данному институту новые количественные и качественные параметры. Отныне захват пленных стал одной из важнейших целей военных операций⁷⁹.

В охоте за живой добычей славяне уже в VI в. достигли совершенства, используя свои необычайные способности маскироваться на местности и незаурядные физические данные, о чем единодушно писали византийские авторы. Яркий пример — события 539 г., связанные с осадой готов в городе Ауксиме. Когда византийскому полководцу Велисарии понадобилось добыть живым «кого-нибудь достойного из врагов», Валериан посоветовал поручить это одному из склавинов, поскольку они «имеют навык, скрывшись за малым камнем или случайно попавшейся порослью, захватывать... врага». Отобранный им воин, «сжавшись всем те-

лом в комок», притаился в кустарнике недалеко от стены. Дождавшись, когда один из готов вышел из города на луг, склавин, «налетев на него сзади... внезапно схватил его и, сильно сдавив... поперек (туловища) обеими руками, принес в лагерь...»⁸⁰.

Следует отметить, что жертвою склавина на этот раз стал не изнеженный византийский городской житель, а закаленный и опытный в боях воин-варвар. С мирным населением Византии дела обстояли намного проще. Например, в течение нескольких лет славяне держали в фактической блокаде город Фессалонику. Когда не удавались осады, они действовали небольшими подразделениями: прячась в поле и между скал, убивали или захватывали в плен всех, кто выходил за стены города или отваживался выйти в море за пропитанием⁸¹. При этом варвары внезапно выскакивали «как ястребы»⁸². В рабов превращались и горожане-перебежчики, не выдерживавшие тяжкого бремени осады⁸³. Морское пиратство также служило источником получения рабов.

Не мудрено, что пленники-рабы скапливались у славян в больших количествах. Даже если отбросить эмоциональные сетования византийских авторов об уводе в плен десятков и сотен тысяч ромеев⁸⁴, следует признать, что счет шел на тысячи. Например, только в 768–769 гг. император Константин V выменял у славян на шелковые одежды две с половиною тысячи византийцев, захваченных в свое время на островах Имврос, Тенедос и Самофракия⁸⁵. Вряд ли ими исчерпывался весь контингент плененных славянами жителей указанных островов. Ясно также, что при вторжениях в материковые районы Византии добыча была гораздо весомее.

В свете вышесказанного понятны усилия византийского правительства по возвращению пленных христиан на родину, равно как и инструкции византийским армиям вторжения как можно дольше задерживаться на территории «славиний», «дабы пленные ромеи получили... возможность без страха вернуться»⁸⁶. Такие указания, особенно о зимовках в пределах противника, не вызывали энтузиазма у византийских воинов и нередко вели к солдатским бунтам⁸⁷.

Захваченных в бою или разведке врагов связывали. Этот способ ограничения свободы движения противника широко распространен в армиях мира. Однако отдельные сведения из источников позволяют считать, что в глубокой древности это был, помимо

прочего, символический акт, свидетельствующий о поступлении в полное распоряжение победителя. Интересные сведения на этот счет находим у Тацита. Проигравший в кости «свою свободу и свое тело» германец, писал он, «добровольно отдает себя в рабство и, сколь бы моложе и сильнее выигравшего он ни был, безропотно позволяет себя связать и выставить на продажу»⁸⁸.

Акт связывания, несомненно, играл здесь символическую роль. Выигравший мог не опасаться побега или сопротивления проигравшего, так как, по словам Тацита, «такова их стойкость в превратностях этого рода, тогда как ими самими она именуется честностью»⁸⁸. Возможно, у ряда славянских племен элементы подобного отношения к связыванию противника сохранялись в VII–VIII вв. Например, в несчастной для лангобардов битве со славянами в начале VIII в., в которой, по словам Павла Диакона, «погибла вся фриульская знать», единственным отличившимся среди побежденных оказался Мунихиз. «Когда его сбросили с коня и один из славян, тотчас напав на него, связал ему руки веревкой, он связанными руками вырвал из правой руки этого славянина копьё и им же его пронзил, а затем, связанный, бросился вниз по неровному склону и спасся»⁸⁹.

Из отрывка следует, что руки у Мунихиза были связаны спереди, в запястьях (в противном случае невозможно было вырвать копьё), а ноги оставались свободными (иначе он не смог бы бежать). Предположить, что славянин не успел его связать до конца, вряд ли возможно. Связывать противника, держа в правой руке копьё, затруднительно. Поэтому восстанавливается следующая картина. Во время одного из боевых эпизодов Мунихиза сбросили с коня. Бросившемуся на него славянину он протянул руки для связывания, что означало сдачу в плен (в единоборстве связать противнику, судя по всему не слабому, руки спереди практически невозможно). Удостоверившись в покорности пленника, отдавшего себя в его полную волю, славянин, по-видимому, повел его в обоз, к остальным пленным (с ним «на руках» он не мог продолжать участие в сражении). Воспользовавшись потерей бдительности со стороны своего пленителя, не ожидавшего, возможно, такого нарушения «правил», Мунихиз вырвал копьё и, пронзив конвоира, пустился в бегство.

Данный эпизод, на наш взгляд, свидетельствует о существовании у раннесредневековых славян определенных устоявшихся норм

в отношении сдавшегося врага. Протянувший руки для связывания полностью передавался, по их представлениям, во власть победителю. Последний мог убить поверженного, но мог и пленить. Символическим актом пленения и являлось связывание запястий. Ведь побежденный, по понятиям того времени, как и его имущество, переходил в распоряжение победителя. О символическом характере связывания говорит и то, что связанному таким образом человеку при удобных обстоятельствах освободиться гораздо проще, чем, скажем, в том случае, если бы руки были зафиксированы за спиной. Возможно, это восходит к ритуальному связыванию и как-то соотносится с магическими свойствами узла, веревки и круга, который она образует в таком положении. Вероятно, и распространенный впоследствии во многих странах способ казни через повешение восходит к ритуальному повешению, зафиксированному у многих народов, в том числе у славян и германцев.

Привлекает в этой связи внимание эпизод из «Повести временных лет» о походе князя Игоря на Византию в 941 г. Русо-славянские полки прошлились огнем и мечом по побережью, жестоко расправляясь с пленными: «...Их же емше, овехъ растинаху, другия аки странъ поставляюще и стреляху въ ня, изымахуть, опаки руже съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть имъ»⁹⁰. Прежде чем предать пленников мучительной смерти (может быть — принести в жертву богам), им связывали руки за спиной. Соблазнительно предположить, что добровольно сдавшимся, если им решали оставить жизнь, руки связывали спереди, если же их не убивали во время боя и оставляли для расправы или жертвоприношений, — то сзади. Это могло быть обусловлено религиозными представлениями древних людей, определявших по солнечно-му движению свое «отношение к окружающему миру, что очевидно из совпадения понятий левого с северным и правого с южным...», поскольку с молитвой всегда обращались к востоку⁹¹. Следовательно, восток являлся передней, а запад — задней стороной. Если с востоком «соединялось представление рая, блаженного царства вечной весны, неиссякаемого света и радостей», то с западом была связана идея смерти и ада, царства тьмы⁹². Возможно, поэтому, завязывая руки за спину, на «западную сторону человека»⁹³, его предназначали в жертву богам, готовили к отправке в царство тьмы?

Связывание рук противнику могло символизировать и лишение его силы с помощью узла и веревки (игравших магическую

роль). Ведь помимо прямого значения слово «рука» имело и переносное: власть, сила, мощь⁹⁴. Связывание говорило о потере свободы и переходе в полное распоряжение связавшего, устанавливало между ними определенную магическую связь. Этот ритуал, видимо, разрывал и связь с родом, нанося ему (по крайней мере, в ряде случаев) оскорбление. Особенно наглядно подобное представление варваров прослеживается на примере франков. Когда Хлодвиг разгромил войско своего родственника Рагнахара (короля Камбре), тот «приготовился к бегству, но свои же люди... его схватили, связали ему руки за спиной и вместе с его братом Рихером привели к Хлодвигу. Хлодвиг сказал ему: “Зачем ты унижил наш род тем, что позволил себя связать? Лучше бы тебе было умереть”. И, подняв секиру, рассек ему голову, затем, обратившись к его брату, сказал: “Если бы ты помог своему брату, его бы не связали”, и убил его... поразив секирой»⁹⁵.

Поскольку раб был чужаком, для нейтрализации его вредоносного магического воздействия на сородичей проводился определенный магический обряд, в результате которого он вводился в кровнородственный коллектив на правах младшего, неполноправного члена⁹⁶. Возможно, далеким отголоском такой практики является обычай подвязывания ключа при вступлении в должность ключника⁹⁷. Обычно ключ воспринимается как символическое отражение статуса его обладателя в господском хозяйстве. Однако ключ выполнял и магические функции⁹⁸ (не случайно его изображение широко использовалось в языческих амулетах). Архаический, магический смысл описанного обряда, на наш взгляд, выражают также пояс или веревка, на которые подвязывали ключ. В славянских народных представлениях пояс, веревка — не только «символ дороги, пути через мифические и реальные преграды», но и — в качестве детали одежды, принимающей форму круга, — мощный оберег. Снятие пояса означало приобщение к потустороннему миру, нечистой силе. «С помощью пояса устанавливалась связь между “своим” и “чужим” пространством, старым и новым домом»⁹⁹. У белорусов ребенка повязывали поясом сразу после крещения, в Курской губернии — на 40-й день. В Московской губернии обряд первого подпоясывания ребенка совершался через год после рождения. Характерно, что это делала крестная мать у печной трубы¹⁰⁰. Печь же, как известно, «наиболее мифологизированный и символически значимый предмет обихода», один из «сак-

ральных центров дома». Ее символика отнесена главным образом к интимной сфере жизни человека «в таких ее проявлениях, как соитие, дефлорация, развитие плода, рождение и, с другой стороны, агония, смерть и посмертное существование. Через печную трубу осуществляется связь с внешним миром, в том числе с “тем светом”»¹⁰¹.

В древних поверьях пояс представляется также источником жизненной силы, оплодотворяющего начала. Магические свойства пояса используются в свадебном обряде как охранительная мера¹⁰² и для скрепления союза молодых¹⁰³. В последнем случае это связано, видимо, с идеями инкорпорации чужака в новый коллектив, перехода из старого дома в новый и перерождения (рождения заново) в новом качестве. (Характерно, что пояс у восточных славян является и обязательным элементом одежды покойника¹⁰⁴.) Поэтому вполне возможно, что повязывание веревкой или поясом пленника представляло собой магический обряд по введению последнего в новый коллектив на вышеуказанных уже подчиненных условиях. Ведь, кроме перечисленных значений, в славянской мифологии «образ веревки... обозначает и переплетенность поколений, когда-то живших и ныне живущих»¹⁰⁵. Таким образом, старый человек, представитель чужого коллектива, «умирал», а «рождался» член нового кровнородственного сообщества¹⁰⁶. Это вполне естественно, так как в условиях господства кровнородственных отношений с их категоричным неприятием чужих включение в коллектив иноплеменника могло осуществляться только посредством адаптации в качестве младшего и, как следствие, неполноправного члена семьи или рода¹⁰⁷. Не исключено, что подпоясывание играло роль оберега, который должен был защитить коллектив от вошедшего в его состав чужака¹⁰⁸.

Захваченные пленники делились между участниками военного похода или пиратской акции. По мнению Фроянова, первоначально у антов и славянов рабовладение «было коллективным по существу и частным по форме». В результате дележа раб попадал в частные руки, но не только род, но и племя сохраняли на него владельческие права¹⁰⁹. Однако это касалось, по-видимому, лишь тех рабов, которые считались общей добычей и делились по жребии. Рабы, захваченные индивидуально, принадлежали захватившему, а вернее, его роду. Об этом свидетельствует случай с Хилвудием (как и более поздние прецеденты). Тот факт, что впослед-

ствии племя предъявило на него свои права, говорит не о праве собственности, а о приоритете общенародных (общеплеменных) интересов над частными. Ведь права на него анты предъявляли не как на раба, а как на византийского полководца, который волею судьбы оказался, как они думали, в их руках, и благодаря чему должна была кардинально измениться ситуация к лучшему в жизни данного объединения. Не исключено также, что между таким рабом и тем, кто его пленил, устанавливалась особая система личных связей. Тот же Хилвудий, по словам Прокопия Кессарийского, «стал чрезвычайно предан владельцу» и много раз рисковал жизнью ради господина¹¹⁰. Речь идет о личной преданности конкретному лицу, основанной, вероятно, на каких-то сакральных представлениях. Правда, мы не можем безоговорочно принимать данные свидетельства автора, поскольку он пользовался устной информацией и, подвергая ее литературной обработке, мог переносить на антское общество византийские реалии¹¹¹.

Кроме того, как показывает случай с тем же Хилвудием, равно как и косвенная информация других источников, частые контакты славян с византийцами и другими народами должны были существенно повлиять на прочность их традиционных устоев, в том числе и в отношении права собственности. В пределах рода или племени подобные новации еще встречали сильное препятствие со стороны традиционных институтов и норм. Однако отдельные лица могли выходить за рамки устоявшегося порядка отношений. Они допускали как переход на службу к императору, так и возможность получения личной выгоды от разного рода услуг, оказываемых империи. Характерно, что ант, купивший Хилвудия, скрывает от сообщинников свои намерения и стремится, с помощью раба-ромея, лично вступить в переговоры с византийскими властями и получить за возвращение «византийского полководца» большую награду. Это говорит о превалировании личных интересов над интересами племени¹¹². Естественно, это случай еще не массовый, но и далеко не единичный. Конечно, такие явления были возможны прежде всего в местах интенсивных славяно-византийских контактов. Если племя уходило на новые территории, то прежняя система ценностей быстро укрепляла свои позиции. Подобное, например, произошло с теми племенами, которые участвовали в заселении Восточной Европы.

Адоптируясь в тот или иной коллектив на положении млад-

ших домоладцев, рабы могли быть либо выкуплены соплеменниками, либо получить свободу по истечении определенного срока: «Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья»¹¹³. Маврикий Стратег, автор этого знаменитого пассажа, по-видимому, рассматривал такую практику как следствие хорошего отношения славян к иноземцам¹¹⁴. На самом деле это распространено на ранней стадии развития рабства явление¹¹⁵. Не всегда рабское состояние было наследственным¹¹⁶. У ряда народов статус невольничества утрачивался потомками плененных. Например, у аканов это происходило в третьем поколении¹¹⁷. У аваров, с которыми славян волею судьбы связывали весьма тесные отношения, существовали сходные порядки. Так, в «Чудесах св. Дмитрия Солунского» рассказывается о массовом выводе аварами пленных византийцев и поселении их в Паннонии. На новом месте переселенцы «смешались... с булгарами, аварами и другими язычниками... Когда же прошло шестьдесят лет и более с тех пор... образовался там уже другой, новый народ, и большинство из них со временем стали свободными. И хаган аваров, причисляя их уже к собственному народу... поставил над ними архонта по имени Кувер»¹¹⁸. О. В. Иванова на основании данного сообщения предположила, что «у аваров, как и у славян, видимо, существовал обычай предоставлять свободу пленным по истечении определенного срока»¹¹⁹. На наш взгляд, здесь был реализован второй вариант из указанной практики — предоставление свободы потомкам плененных в определенном поколении. Ведь по истечении шестидесяти с лишним лет свободу получили не все, а только «большинство». Поэтому, скорее всего, свободными становились потомки пленных. В каком поколении — сказать трудно, ведь за истекшие со времени пленения годы могли народиться и вырасти три новых поколения — с одной стороны, и остаться в живых некоторые из уведенных аварами в плен — с другой.

Институт временного рабства — следствие не столько низкого уровня развития производительных сил и неприбыльности рабского труда, как считают ряд авторов¹²⁰, сколько особенности менталитета кровнородственных коллективов на указанной стадии развития. Отношения между людьми строились на основе оппози-

ции «свой — чужой» и на половозрастной дифференциации. Присутствие чужого на своей территории можно было допустить только после процедуры его превращения в «гостя»¹²¹ либо после совершения обряда адаптации. Поскольку адаптация пленника предполагала его включение в коллектив на правах младшего, неполноправного сородича, то повышение его статуса должно было осмысливаться категориями естественного взросления человека и превращения в полноценного члена коллектива. Как юноша по достижении определенного возраста проходил обряд посвящения и становился мужчиной¹²², а вместе с этим и полноправным сородичем, так и раб по истечении определенного срока в результате сходной, по-видимому, процедуры¹²³ получал статус свободного. Но вся эта эволюция осмысливалась в плане естественного взросления человека.

Этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется и та часть сообщения Маврикия Стратега, в которой говорится, что славяне, определив для пленных «точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья»¹²⁴. Речь здесь идет не о выкупе из рабства, а о праве возвращения на родину по его окончании. Те, кто оставался у славян «как свободные люди и друзья», ничего не платили, так как, по-видимому, с точки зрения славян, уже стали «своими». Те же, кто выразил желание вернуться на родину, автоматически превращались опять в «чужих», и на них распространялось право выкупа, возможно, в меньшем размере, чем за просто пленных. Не исключено, впрочем, что это была своеобразная компенсация роду за потерю «сородича», каковым становился адаптированный чужак. Может быть, далеким отголоском такой практики является обычай продажи холопов в Древней Руси, отмеченный в ст. 110 Пространной Правды: «...Оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставити, а ногату дасть перед самем холопомь...». Вручение ногаты в присутствии продаваемого холопа, помимо уплаченной его фактической стоимости, возможно, символизировало компенсацию кровнородственному коллективу потери «сородича», каковым, пусть и неравноправным, некогда считался раб. Только раньше компенсация платилась за право покинуть род по окончании срока рабства, теперь же — при переходе в распоряжение другого хозяина и представляемого им рода. Происходило как бы раздвоение уплаченной суммы на соб-

ственно продажную стоимость раба и символическую компенсацию. Подобный обряд мог возникнуть на этапе трансформации временного рабства в пожизненное (или наследственное) либо в период, когда наряду с иноплемениками стали обращаться в рабство и соплеменники¹²⁵. Современникам Пространной Правды изначально содержание этого акта, скорее всего, было уже не вполне понятно.

Положение раба в родоплеменном коллективе современные исследователи все больше склонны рассматривать скорее через призму бытовой ущербности, нежели социального неравенства¹²⁶. Рабы выполняли тяжелую или наименее престижную работу, использовались в ведении домашнего хозяйства и для жертвоприношений, а женщины и в качестве наложниц. Вероятно, в ряде племен они восполняли нехватку рабочих рук, связанную с отвлечением мужчин для участия в военных и пиратских рейдах на сопредельные территории. Иногда допускалось, как в случае с Хилвудием, и участие рабов в битвах, где они могли, благодаря храбрости и мужеству, получить всеобщую известность и признание. Однако тот же Хилвудий, несмотря на все заслуги перед новым племенем и своим господином, был, как справедливо отметил Г. Г. Литаврин, продан последним, как только «ему предложили за него приличную сумму»¹²⁷. Большая же часть пленных или выкупалась соотечественниками после окончания боевых действий, или шла на продажу. Имеется известие, например, что осаждавшие Фессалоннику славяне продавали «всех, кто перешел к ним, народу славян в более северные (области)...»¹²⁸. Это свидетельствует уже не только о продаже, но и о перепродаже пленных с целью получения прибыли. (Вряд ли можно предполагать, что все покупаемые по случаю¹²⁹ пленники предназначались для внутриплеменного использования.)

Исследователи, как правило, склоняются к признанию мягкого характера рабства у славян рассматриваемого времени. Правда, существует точка зрения, по которой склавины и анты находились на рабовладельческой стадии развития¹³⁰, но современной наукой она не воспринимается всерьез. В последнее время высказаны два мнения по рассматриваемому вопросу: о «первобытном рабстве» у названных племен¹³¹ и о широком применении рабов в домах славянской племенной знати¹³². Г. Г. Литаврин, отстаивающий вторую точку зрения, полагает, что уже в VI в. «правовой статус и положение раба определялись, по-видимому, целиком и

полностью волей господина, исключая особые случаи»¹³³. В источниках имеются косвенные указания на подобный вариант отношений. Например, в «Чудесах св. Дмитрия Солунского» повествуется о пленении славянскими пиратами епископа Киприана во время плавания у берегов Эллады. Его, вместе с другими, славяне доставили «в свою страну» и «использовали их, как кому из них случилось, соответственно со (своим) более кротким или суровым нравом»¹³⁴. Однако датировать описанные здесь события весьма сложно. Кроме того, неясно, о чем идет речь: о том, что господин обладал всеми правами на раба, или о том, что бытовые условия содержания раба и отношение к нему в разных коллективах были различными в зависимости от степени достатка хозяев, их человечности и т. п. Как бы там ни было, в условиях родоплеменного строя отношение к рабу определялась традициями, а не личным произволом. (Во всяком случае, личный произвол ограничивался традициями и кровнородственным коллективом.)

Тем не менее жизнь раба не была «сладкой», более того, постоянно подвергалась опасности. За убийство раба свободный не нес ответственности. А если учесть неумение людей того времени владеть эмоциями, подобное, видимо, случалось нередко. Например, Корнелий Тацит писал о германцах: «Высечь раба или наказать его наложением оков и принудительной работой — такое у них случается редко; а вот убить его — дело обычное, но расправляются они с ним не ради поддержания дисциплины и не из жестокости, а сгоряча, в пылу гнева, как с врагом, с той лишь разницей, что это сходит им безнаказанно»¹³⁵. Вряд ли поведение славян было иным. Поэтому византийцы, среди других зол (страх, отчаяние, смерть), незначительным утешением считали «полное рабство в плену у диких и кровожадных господ и, что самое ужасное, не знающих Бога»¹³⁶.

Оценивая положение раба в варварских обществах, следует также учитывать довольно расчлененную социальную структуру последних, предопределяющую соответствующий тип социального поведения и мировоззрения¹³⁷. Славянское общество VI в. более архаично, чем германское начала экспансии на территорию Западной Римской империи: ему свойственны меньшая степень развитости институтов собственности, аристократических элементов, менее жесткая стратификация в целом (в том числе более выраженная архаичность рабства) и т. п.¹³⁸ Тем не менее славяне уже

находились на ранней стадии варварства, и соответствующий ей тип социального поведения и мировоззрения предполагал жесткое разграничение свободных и несвободных: «...Свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле»¹³⁹; Хилвудий, ступив на антскую землю, посчитал себя свободным, и т. п. Статус раба был позорным. Патриархальность рабства не только не исключала глубоко укоренившегося презрения к рабам, но выпячивала его¹⁴⁰. Отмечавшаяся близость положения рабов и положения свободнорожденных детей — во многом кажущаяся. Нам неизвестны случаи продажи славянами собственных детей¹⁴¹, тогда как рабов продавали и перепродавали. На последних не распространялось право кровной мести. В отличие от статуса раба, статус несовершеннолетнего не заключал в себе ничего позорного. Это важные отличия, показывающие, что раб все равно оставался не вполне своим и занимал положение ниже самого приниженного в родственном коллективе домоладца. Он адаптировался в род не потому, что хорошо относились к рабам, а потому, что нужно было обезопасить сородичей от «чужака». Иного механизма обеспечения безопасности кровнородственного коллектива тогда не знали. Под категорию «гостя» раб не подходил. Находиться вне кровнородственных коллективов в тех условиях он тоже не мог. Поэтому перед нами водораздел не бытовой или возрастной, а социальный. Другое дело, что социальная градация еще долго будет определяться традиционной терминологией родства и возраста.

Рабство у славян VI–VIII вв. вряд ли можно определить однозначно: как первобытное, домашнее или патриархальное. Во-первых, на таком значительном хронологическом отрезке этот институт не мог не эволюционировать. Во-вторых, в результате расселения славянские племенные образования оказались в разных географических, социально-экономических, политических и культурных условиях существования. Если в момент выхода их на историческую арену, зафиксированного источниками VI в., эти различия были минимальны, то за указанное время они обозначились весьма существенно. Особенно серьезные изменения происходили в зоне активного славяно-византийского синтеза, в которой институт рабства в VIII в., наверное, изживал патриархальную стадию развития.

В восточнославянских и в значительной части западнославянских племенных объединениях VIII–IX вв. рабовладение находи-

лось, по-видимому, еще на домашней стадии развития. Тем не менее и здесь обозначились определенные изменения. И. Я. Фроянов, посвятивший проблеме рабства у восточных славян обстоятельную монографию, приходит к выводу, что в VIII–X вв. «основную массу рабов у восточных славян по-старому составляли иноземцы», приведенные славянскими воинами «в качестве пленников»¹⁴². Одновременно, опираясь на сведения восточных авторов, исследователь полагает, что в рассматриваемое время появляются первые ростки рабства на местной почве: «в рабов стали обращать за преступления и нарушение нравственных норм». В сообщениях Ибн Русте и Гардизи об отправке царем славян преступников на окраины государства, под надзор местных правителей, И. Я. Фроянов усматривает «нечто похожее на “поток и разграбление”, когда человек, совершивший “разбой” или “татьбу”, обращался в рабство». На этом основании он делает весьма любопытное предположение: «Общество, следовательно, допуская в особых случаях порабощение соплеменников, вместе с тем отторгает подобное порабощение, локализуя его носителей в пограничье с внешним миром»¹⁴³.

Анализировать сведения мусульманских авторов о славянах весьма сложно. Во многих случаях крайне затруднена (часто — просто невозможна) как географическая, так и хронологическая привязка даваемой ими информации. Не составляют исключения и сведения о рабстве. Мы не можем, например, точно судить, о каких славянах речь, как и не можем, в том числе и в силу этого, объяснить наличие многочисленных противоречий в их сведениях. Яркий образец — ссылка И. Я. Фроянова на Гардизи о продаже в рабство мужем новобрачной (буде она не оказалась девственницей) как на один из источников формирования рабства на местной почве¹⁴⁴. Очевидно, что если бы подобная практика существовала в действительности, то вряд ли бы у славян, по словам того же Гардизи, могли быть «распространены прелюбодеяния»¹⁴⁵. Как явствует из источников, половые отношения у славян до вступления в брак отличались свободой, поскольку являлись неотъемлемой стороной различных языческих игрищ и действ. Девушка, выходя замуж, как правило, не была девственницей¹⁴⁶. Поэтому если бы информация Гардизи соответствовала действительности, то славянские общины должны были остаться без женщин.

Вывод И. Я. Фроянова о концентрации рабов из числа преступников на «пограничье с внешним миром» представляется весьма перспективным для дальнейшего изучения проблемы эволюции рабства и находит, как представляется, известные аналогии в германском мире. По сообщению Тацита, германец, проигравший свою свободу в кости, продавался «на сторону»¹⁴⁷. Подобное явление, как верно замечает И. Я. Фроянов, свидетельствует об изначально внешнем происхождении рабства и о переходе института рабства на этап, когда появляются зачатки рабства на местной почве. В данном случае, видимо, человек, преступивший определенные нормы поведения, оказывался недостоин звания свободного и тем самым ставил себя вне рода, либо, как в случае с германцами, проигрывал свое право на свободу (проигрыш — проявление воли богов, потеря счастья), а следовательно, и принадлежность к роду. Вследствие этого он выпадал из прежней системы социальных связей, превращаясь фактически в «чужого»¹⁴⁸.

Эволюцию подобного взгляда мы можем наблюдать на примере Древней Руси, где не только некоторые преступления, но и отдельные поступки свободного (браки с рабами, вступление в должность ключника или тиуна¹⁴⁹), несовместимые с его статусом, карались порабощением.

На рубеже IX–X вв. институт рабства у восточных славян вступил в новую фазу развития. Это было связано не только с активизацией процесса распада родоплеменных связей, но и с норманнской экспансией, приведшей к утверждению правящей династии скандинавского происхождения и господствующему положению завоевателей в новой, формирующейся общественной системе. Будучи инородным телом, русы не только принесли с собой собственные воззрения на рабство, но и активно порабощали местное население, что должно было ускорить процесс формирования новых источников рабства и способствовать изменению отношения к рабам у восточных славян. С точки зрения самих скандинавов, раб являлся вещью, обладавшей определенной стоимостью в зависимости от функциональных способностей¹⁵⁰. Подобно потерявшей стоимость неодушевленной вещи, «живая вещь» — раб или скотина, приходя в негодность, просто выбрасывалась. По сообщению ибн Фадлана, умершего раба русы оставляли на съедение птицам и собакам¹⁵¹. В самой Скандинавии раба не хоронили, а просто закапывали¹⁵² (как павшее животное)¹⁵³.

На первых порах норманны (русы) рассматривали представителей славянского и финно-угорского миров как потенциальный живой товар, ведь для них они были не соплеменниками, а «чужими», причем в основном покоренными. По мере успехов межэтнического симбиоза и распада родовых связей это обстоятельство способствовало быстрому изживанию архаичных представлений о том, что соплеменник не может быть рабом, и в самой восточнославянской среде.

Таким образом, активизация внешней торговли, организация широкомасштабных военных экспедиций за пределы восточнославянского мира, широкий приток иноэтнических элементов не только ускоряли процесс деструкции родоплеменных структур, но и вносили новые штрихи в туземные представления о рабстве. По крайней мере в X в. появляется долговое рабство, о чем может свидетельствовать обнаруженное Н. Голбом и введенное им совместно с О. Прицаком в научный оборот так называемое «Киевское письмо»¹⁵⁴.

X век стал переломным в истории восточного славянства как в плане эволюции общественного строя в целом (завершался процесс распада родоплеменных связей¹⁵⁵), так и в плане трансформации института рабства в частности. При этом собственно восточнославянские институты переживают сильное воздействие инородных систем, в том числе скандинавских и хазарских. Следует учитывать также неравномерность процессов социо- и политогенеза в различных частях восточнославянского мира и различную степень межэтнической интеграции. В этой связи необходимо поостеречься от прямого переноса известий о русах (по крайней мере, конца IX — первой половины X в.) на восточных славян в целом. Культура русов в это время — это прежде всего культура скандинавских дружинных слоев, которая активно впитывала и местные восточноевропейские традиции: славянские (в первую очередь), иранские, тюркские, финноугорские. Выделялись районы особо активного славяно-скандинавского синтеза¹⁵⁶. Однако формировавшаяся там система социальных и политических связей принадлежит уже нарождающейся древнерусской эпохе, а не восточнославянской истории предшествующего времени.

Инкорпорация иноэтнических элементов в славянские объединения способствовала дальнейшей деструкции родовых связей, формированию терпимого отношения к иноплеменникам. Тем не

менее чужаки оставались чужаками. Условия, при которых война являлась основным средством разрешения межплеменных конфликтов, когда врагов было неизмеримо больше, чем друзей и союзников, а последние в любой момент с легкостью могли стать врагами, способствовали этому. За пределами территории кровнородственного коллектива или межплеменного объединения все казалось чуждым, все в той или иной степени грозило гибелью. Можно было надеяться только на соплеменников и высшие силы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что чужое, приходившее с войной или грозившее другими напастьми, в языческом сознании представлялось в виде чудища. Не случайно некоторые народы сохранились в народной традиции в виде великанов и других чудовищ. Например, по мнению исследователей, «исполинь — искаженное временем в устном бытовании название “спалов”, которых разгромили в V в. готы в причерноморских степях...»¹⁵⁷. Авары, поработившие ряд славянских племен, представляли в древнерусской народной традиции как «теломъ велици»¹⁵⁸. В польском языке слово исполин (*olbrzym*) произошло из слова «обрин»¹⁵⁹. Аналогичным образом соседи воспринимали самих славян. Существует обоснованное мнение, что анты в германской народной традиции оставили свой след в образе великанов, победа над которыми была особенно почетна. Возможно, начало его формирования восходит к остrogотско-антскому конфликту, описанному Иорданом¹⁶⁰. Характерно также, что немецкое *Hüne* (исполин, великан) произошло от названия гуннов¹⁶¹. (Не следствие ли это готского противостояния гуннско-антскому союзу?)

Поведение человека в варварском обществе определялось интересами рода и племени. «Трусость, недостойные поступки, — писал А. Я. Гуревич о скандинавах эпохи викингов, — могли повредить родовому счастью; неотмщенная обида, причиненная самому человеку или кому-либо из его близких, ложилась не только темным пятном на его честь, — она грозила разрушить душу рода, переходившую от предков к потомкам»¹⁶². Несомненно, что сходные воззрения были присущи и славянам на стадии варварства. Инстинкт самосохранения рода, приобретенные в борьбе с природными стихиями и врагами сила и мужество вырабатывали своеобразный стереотип представления о мужчине как дерзком, не боящемся смерти, физических страданий и других тягот войны. Особенно наглядно эти качества могли проявляться в наиболее

экстремальных ситуациях, когда человек оказывался в полной воле врага, без оружия, поддержки соплеменников, связанным. Иными словами, когда изменчивая судьба превращала его в пленника.

Современные люди привыкли считать, что одно дело — героически погибнуть на глазах соплеменников («на миру и смерть красна»), и совсем другое — умереть под пытками, зная, что для соотечественников обстоятельства гибели, скорее всего, останутся покрытыми мраком. Наверное, и люди той далекой эпохи тоже понимали эту разницу. Однако имели место и существенные различия в восприятии такой ситуации, определяемые языческими воззрениями. Ведь даже оставшись наедине с врагом в этом мире, человек не был предоставлен самому себе. Ему помогали его боги и предки, а если не имели возможности помочь, то, несомненно, пристально следили за его поведением. Человек продолжал оставаться частицей своего рода и вел неравную борьбу за его благополучие и с врагом, и с вражеской магической силой. Он сражался за свой мир: сородичей (умершие, живущие и будущие поколения), богов, землю. В этой связи особо пристального внимания для характеристики менталитета древних славян заслуживает поведение их в плену, в ситуации, когда противник пытается получить от них жизненно важную информацию. В распоряжении исследователей имеются несколько достаточно красноречивых и, что не менее важно, разноплановых свидетельств на этот счет.

На исходе VI столетия, во время одной из военных кампаний против славян, стратиг Приск разгромил войско Ардагаста и разграбил его страну¹⁶³. Развивая наступление, византийцы, благодаря предательству перебежчика-гепида, разбили отряд славян, занявший оборону в болотах, и «схватили варваров». Командир византийского подразделения Александр, «устроив допрос... начал допытывать, откуда пленники родом. Но варвары, впад в предсмертное безумие, казалось, радовались мукам, как будто чужое тело испытывало страдания от бичей»¹⁶⁴. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в плен попали не один и не два человека, а судя по контексту — гораздо больше. Тем не менее ни один не выдал врагу требуемые сведения.

Спустя некоторое время преемник Приска, Петр, совершил очередное вторжение в пределы славян. Разбив отряд Пирагаста, византийское войско заблудилось и погибло бы от жажды, «если бы какой-то захваченный варвар» не указал им путь к бли-

жайшей реке. Однако там ромеи были атакованы и разбиты славянами¹⁶⁵.

Во время сбора и снаряжения Германом войска в Сардике «полчище склавинов, какого еще не бывало, вступило в ромейскую землю». «Какие-то ромеи» захватили нескольких пленных и, «связав (их), стали допытываться» о целях вторжения. Допрашиваемые «уверенно показали, что явились, дабы осадой захватить самое Фессалонику и окрестные города»¹⁶⁶.

Наконец, представляет интерес поведение ринхинского князя Первуда, взятого по приказу василевса под стражу. Один из царских толмачей договорился с ним о бегстве и укрыл в своем проастии. После того как Первуд был схвачен и допрошен, «он поведал, что убежал по совету и с согласия упомянутого толмача...». Василевс «приказал зарубить мечом... толмача вместе с женой и детьми», а Первуда велел посадить под стражу. Однако когда Первуд замыслил новый побег и о том стало известно, его казнили¹⁶⁷.

Перед нами, по крайней мере на первый взгляд, совершенно разные модели поведения славян в ромейском плену. В первом случае воины не только мужественно переносят пытки, но и издеваются над бессилием врага, тщетно пытающегося физической болью сломить их волю («казалось, радовались мукам»). Тем самым они, несомненно, одержали важную победу над ромеями, показали превосходство своих богов, наделивших их силой и непоколебимой стойкостью и смелостью. Во втором «варвар» (скорее всего — славянин), фактически спас заблудившееся византийское войско от гибели, направив его к реке. В третьем случае пленные, судя по всему, «раскололись» без особого труда, рассказав о цели похода. Наконец, в последнем незадачливый беглец выдал своего сообщника на расправу. При этом были казнены и жена (от которой Первуд, кстати сказать, «тайно получал» пищу¹⁶⁸), и дети помогавшего ему толмача. Кроме того, перед нами два случая относительно массовых (в плен попал не один воин¹⁶⁹), позволяющих, в известной мере, выделить стереотипные черты поведения, и два — индивидуальных.

Спустя столетия невозможно с точностью восстановить события, тем более — проникнуть в сознание их участников. Понимая это, ощущаешь невольную неловкость и моральную ответственность за трактовку поведения того или иного исторического лица, давно почившего и не имеющего возможность отстоять свою честь

и достоинство. Поэтому постараемся избежать модного сейчас жанра «исторического суда» и просто рассмотрим возможные варианты объяснения поведения наших далеких предков. Прежде всего не будем забывать о том, что степень физической и моральной стойкости у людей во все времена была разной. Даже в ту суровую воинственную и жестокую эпоху вынести изощренные пытки мог не каждый, будь он даже из «варваров». С другой стороны, бросается в глаза различие не только в поведении пленных, но и в конкретной ситуации и характере требуемой от них информации. В первом случае византийская армия вторглась в пределы славян, которые, таким образом, защищали свои роды и семьи на собственной земле. Ответ на поставленный пленникам вопрос (откуда они родом?) грозил привести врага к родным очагам, грозил смертью и пленом сородичей. За спиной воинов (а они остались таковыми и в плену) находились святилища, могилы предков и судьба рода и племени, наконец — им помогала сама родная земля.

В третьем эпизоде славяне сами совершали вторжение в пределы империи, и их спросили о цели похода. Как следует из текста, славяне не сомневались в своих силах, пока не узнали о пребывании в Сардики Германа¹⁷⁰. Сказать противнику, которого не боялись, о цели своего вторжения, и напротив, выдать нападавшему врагу места обитания своего племени — не одно и то же. Может быть, в отдельных случаях они просто не считали нужным скрывать свои планы, чему немало есть примеров в истории (вспомним хотя бы знаменитое «иду на вы» русского князя Святослава). Возможно и другое объяснение, о котором скажем в свое время.

Во втором приведенном эпизоде пленный указывает ромеям путь к реке, а не к своей общине. При этом настораживают два момента. Во-первых, византийцы, как видно из текста, деморализованные свалившимися на них бедствиями и, в нарушение воинских инструкций¹⁷¹, утолявшие жажду вином, смогли захватить одного из славян, отличавшихся, по всем известиям, уникальной способностью укрываться на местности, умением даже большим отрядом замаскироваться в лесу «словно какая-то забытая в листе виноградина»¹⁷². Во-вторых, «спаситель» вывел ромеев прямо на засаду, устроенную славянами. Византийцы были разгромлены, война в целом — проиграна, а Петр, брат императора, — отстранен от командования¹⁷³.

Конечно, совпадения возможны. Однако если учесть все выше-

сказанное, а также рельеф местности, отсутствие дорог и плотность населения в то время — их вероятность чрезвычайно мала. Поэтому имеются все основания допустить, что вышеназванный «варвар» не случайно оказался в руках ромеев и не случайно завел их в западню. История знает немало подобных случаев поведения у разных народов, в том числе и у славян. Например, во время венгерского вторжения 938 г. в Саксонию и подчиненные ей земли западных славян один славянин завел врага «хитростью» в болотистую местность, где венгерское войско «из-за трудностей этого места, окруженное вооруженными отрядами, погибло...»¹⁷⁴.

Вполне возможно, что и славяне, давшие показания о целях похода, могли по собственной воле оказаться в расположении неприятеля с целью его дезинформации или устрашения посредством запугивания рассказами об огромных силах вторжения и о грандиозных целях оною.

В поведении Первуда проще всего увидеть либо малодушие и предательское отношение к людям, помогавшим ему бежать, предоставившим убежище и трапезу, либо — испорченность византийским влиянием, которое он, несомненно, на себе испытал. (Первуд «носил одежду ромеев и говорил» на их языке, неоднократно бывал и даже, видимо, определенное время проживал в Фессалонике, где у него было немало друзей. Внешним обликом и повадками он также мало отличался от византийцев, поскольку, обманув стражу, «как один из горожан» вышел из города¹⁷⁵.) Однако в малодушие вождя, пусть и испытавшего влияние «цивилизации», верится с трудом. Скорее всего здесь имели место иные мотивы. В князе нуждалось родное племя, а длительное его отсутствие угрожало благополучию последнего. Пока Первуд находился в плену, соплеменники не могли предпринять какие-либо решительные действия и нарушить мир с византийцами. Его же появление на родине привело бы к немедленному военному демаршу в адрес империи, что хорошо понимали сами ромеи¹⁷⁶. Поэтому в ситуации выбора между интересами и безопасностью соплеменников, с одной стороны, и помогавших ему чужеземцев — с другой, решение князя было естественным. И это несмотря на то, что помощь, кров и пища — вещи святые для язычника. Здесь, может быть, можно даже усматривать конфликт между Первудом-гостем, обязанным толмачу и его семье, связанным с ними священными узами дружбы и «родства по пище, питью и крову» (преступившие

его карались богами), и Первудом-князем, от которого в существенной степени зависело благополучие сородичей. Интересы личные, в любом случае, должны были уступить интересам общины. Правда, личные интересы князя не могли не затрагивать общественных, ведь недостойное его поведение не только бросало тень на род и «племя», но и грозило им гибелью. Соплеменники же, судя по всему, восприняли действия князя как должное, а после его казни вместе с союзниками пришли мстить грекам.

Подобный стереотип поведения мог сложиться в обществе, где внешний мир — враждебен, а война — перманентное явление. Борьба за выживание рода, за сохранение своей территории и захват новых пространств была жестокой. Византийцы, первыми из народов, владеющих письменностью, столкнувшись с новым противником, единодушны в описании ужасного зла и бедствий, приносимых славянскими вторжениями в пределы империи. Естественно, не обходилось без преувеличений. Чего стоит, например, упоминавшееся мнение Прокопия Кессарийского о «более чем... 200 000 погубленных и поработанных... ромеев» «при каждом вторжении» авар, склавинов, антов¹⁷⁷. Тем не менее последствия таких вторжений действительно были ужасными, а с врагами не церемонились. В источниках используются, как правило, следующие штампы при описании действий противника, славян в том числе: «творили ужасное зло»¹⁷⁸, «заполнили все дороги трупами»,¹⁷⁹ многих убили¹⁸⁰, все разграбили¹⁸¹, поработили бесчисленное множество¹⁸², «захватили много городов и крепостей:... опустошали и жгли, и захватывали в плен»¹⁸³, «непрерывно убивали и брали в плен»¹⁸⁴, «грабили, захватывали и убивали»¹⁸⁵ и т. п.

Латинские источники гораздо сдержаннее. Например, «Хроника Фредегара», отметившая, что славяне Само разоряли и «сильно неистовствовали»¹⁸⁶, пожалуй, наиболее эмоциональна в этом плане. Это понятно — Западная Европа не подвергалась таким мощным вторжениям со стороны славян, как Византия. Западно-европейские общества в той или иной мере сами оставались «варварскими» по природе, поступки славян им были понятнее и мало чем отличались от привычных им стереотипов поведения. Более эмоциональной информация хроник станет позднее, когда немецкая и датская экспансия на славянские земли и насильственная христианизация обостряют взаимное ожесточение противников до предела.

Наряду с использованием штампов отдельные византийские авторы донесли до нас подробные, красочные и яркие описания конкретных событий, в которых отношение славян к врагам проступает во всей красе. Особенно ценен в этой связи рассказ Прокопия Кессарийского о вторжении 3-тысячного войска славян в Иллирик (Далмацию) и Фракию, в ходе которого был штурмом взят приморский город Топир. Разделившись на два отряда, славяне разгромили ромейские войска в Иллирике и Фракии. Вначале оба отряда «не щадили никакого возраста, но... убивали поголовно всех», «так что вся земля, составляющая Иллирик и Фракию, наполнилась трупами, по большей части не погребенными»¹⁸⁷. Убивали же они тех, кто им попадался, не мечом, не копьем и не каким-либо другим привычным способом, но, очень крепко вбив в землю колья и сделав их весьма острыми, с большой силой насаживали на них несчастных, направляя острие кола между ягодицами и вгоняя вплоть до внутренностей человека... Кроме того, вкопав в землю... четыре толстых столба, привязывая к ним руки и ноги пленных, а потом непрерывно колотя их дубинами по голове, варвары эти убивали (людей) наподобие собак, змей или другого какого животного. А иных они, запирая в сараях вместе с быками и овцами, которых не могли угнать в родные места, безо всякой жалости сжигали». Один из отрядов столкнулся с отборной ромейской конницей во главе с телохранителем императора Асвадом и разгромил ее «безо всякого труда». Большинство кавалеристов было перебито, а взятого в плен Асвада сожгли в костре, предварительно нарезав из спины ремней. В конце похода оба отряда, «как будто опьянев от потоков крови, решили взять в плен некоторых...». Так, захватив штурмом Топир, славяне «всех мужчин, числом до 15 тысяч»¹⁸⁸... тут же убили, все богатства разграбили, а детей и женщин обратили в рабство»¹⁸⁹.

Исследователи указывают, что Прокопий в данном случае пользовался устной информацией, поэтому преувеличения были неизбежны. Кроме того, не одобряя политику Юстиниана, он мог сознательно сгущать краски. Тем не менее согласимся, что для очевидца все письменные и устные преувеличения бледнеют перед одним мигмом кровавой действительности. Описанные же способы расправы с пленными встречаются и в более позднюю эпоху и вряд ли придуманы автором¹⁹⁰.

Нередко славянские отряды, обремененные большой добычей,

на обратном пути перехватывались византийскими подразделениями. В такой ситуации славяне вначале уничтожали способных носить оружие мужчин, для того, видимо, чтобы они не могли оказать сопротивления и помочь нападавшим, а если ход сражения складывался в пользу противника — вырезали и остальных¹⁹¹. Правда, это не всегда получалось¹⁹². Бывали случаи, когда во время боевых действий пленникам удавалось не только бежать, но и прихватить с собой часть награбленной славянами добычи¹⁹³.

В описанных случаях не следует усматривать какие-то особенные черты, свойственные только славянам или варварам в целом. Войны того времени характеризовались жестокостью по отношению к противнику, безжалостностью — к побежденным. Те же «цивилизованные» византийцы не отличались в подобных случаях гуманностью. Например, византийская армия при нападении на территорию славян стремилась к максимальному нанесению урона живой силе противника, к захвату пленных и добычи. Как следует из источников¹⁹⁴, была отработана совершенная система грабежа и переправки награбленного в Византию. При внезапных нападениях на «славинии» полководцам рекомендовалось «не захватывать живыми тех из врагов», которые могут оказать сопротивление, «но убивать всех встречаемых и продвигаться дальше. И не задерживаться ради них... а “ловить” благоприятное время»¹⁹⁵.

Во время персидской войны византийский отряд, проникший ночью в поселение мисимиян (союзников персов), произвел «страшное избиение». Не щадили ни женщин, ни детей. Оставшиеся в домах — «сжигались вместе с домами». «Было захвачено много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копья и пронзались ими в воздухе»¹⁹⁶. При этом византийский автор одобряет «величайшее озлобление» «римлян» «против мисимиян как за убийство Сотериха, так и за преступное злодейство по отношению к послам», в том числе оправдывает и жестокое избиение женщин, ставших «искупительной жертвой за преступное бесстыдство своих мужей». Вместе с тем, по его мнению, не следовало проявлять такую жестокость по отношению к детям, «которые отнюдь не являлись участниками злодейств их отцов...»¹⁹⁷.

Расправы и казни в Византии отличались особой изощренностью и жестокостью. Так, например, схваченного Христиана¹⁹⁸, союзника «архонта северов Славуна» по набегам на империю, вначале лишили рук и ног, потом врачи «разрезали его живым от лобка до груди, чтобы узнать устройство (тела) человека». В завершение всего «его предали огню»¹⁹⁹. В конце VII в. Юстиниан II, после перехода на сторону арабов части войска, набранного им из переселенных славян, «перебил их [славян] остатки вместе с женами и детьми...»²⁰⁰ и т. п.

Показательны и примеры жестокого поведения других народов. Например, визиготы (везеготы), по словам Прокопия Кесарийского, «как с вражеской страной обошлись со всей Европой», показав себя «самыми жестокими из всех людей». Взятые города «они разрушили до такой степени, что... от них не осталось никакого следа... Попадавших им людей они всех убивали, равно и старых, и молодых, не щадя ни женщин, ни детей. Потому-то еще и доньше Италия так малолюдна»²⁰¹. Вспомним также упоминавшееся массовое избиение булгар в Баварии с женами и детьми, которые пришли в качестве просящих защиты и крова, а не врагов²⁰². Да и более поздние времена не отличались гуманностью в отношении врагов и побежденных, особенно когда речь заходила о борьбе с инаковерными. Один из ярких примеров — кровавое крестоносное наступление в Прибалтике, приведшее к полному уничтожению ряда племен, и т. п.

Однако в мотивах жестокости варваров и цивилизованных народов, видимо, имелись существенные отличия. Поступки первых диктовались инстинктом самосохранения кровнородственного коллектива в окружении чужих, а следовательно, враждебных сил. Поэтому противник уничтожался, ему стремились нанести как можно больший урон. Жестокость к врагу была естественной, обусловленной военной обстановкой. Поступали так потому, что так искони поступали с врагами. Вперед они не заглядывали, не исследовали каких-то далеко идущих политических целей. По окончании боевых действий все ожесточение проходило. Например, после заключения мира с осажденными в Фессалонике горожанами славяне безбоязненно подходили к стене, продавали пленных, вели обмен товарами, вступали в непринужденную беседу с бывшими врагами, обсуждая перипетии недавней осады. Жестокость, таким образом, считалась чем-то естественным, но она не отлича-

лась изощренностью. Практицизм византийцев, когда пленника не просто казнили, а проводили одновременно медицинский опыт, варварам, и славянам в том числе, был чужд. Со стороны же византийцев жестокость являлась средством достижения определенных политических целей, одним из способов осуществления внешней и внутренней политики. Она оправдывалась идеологией отношения к варварам и язычникам. Религиозная непримиримость в этом случае была более сильной и заидеологизированной. Стоит ли говорить о том, что не менее изощренно византийцы предавали казни и своих сограждан²⁰³ за те или иные преступления. Подобного отношения к соплеменникам варвары не знали.

Одним из способов достижения победы была деморализация врага посредством воздействия на психику устрашением. Именно этой цели служило отмечавшееся выше жестокое обращение с жителями той территории, которая подверглась нападению. Применялись и другие способы воздействия на психику противника как накануне, так и в ходе военных действий. Славяне здесь опять же не изобретали чего-то нового. Подобная практика уходит своими корнями в седую древность и присуща всем народам.

К важным средствам запугивания врага относились боевые кличи. Видимо, иногда они одни могли обратить неприятеля в бегство, решив исход боя в пользу славян. «Если же и придется им отважиться при случае на сражение, — писал о славянах Маврикий Стратег, — они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют подобающим образом сражаться в теснинах»²⁰⁴. Однако подобная практика превалировала лишь на начальных этапах военного искусства славян и в определенных условиях. Либо Маврикий Стратег, хотя и был опытным полководцем, принял тактику заманивания врага, применяемую славянами, за нежелание вступать в открытое сражение²⁰⁵. Не исключено, что уже в VI в. наметились серьезные различия в вооружении и тактике некоторых славянских племенных объединений. Согласно ряду свидетельств славяне, по крайней мере отдельные племена, обладали достаточно совершенными приемами боя, и нередко византийские армии, несмотря на значительное численное превосходство, терпели от них поражение либо не решались принять бой.

Весьма показателен в этом плане неоднократно уже упоминавшийся поход середины VI в., когда двум славянским отрядам, общей численностью не более трех тысяч копий, удалось разорить Иллирик и Фракию, разбить несколько византийских отрядов, взять штурмом приморский город Топир²⁰⁶. К тому же славяне быстро учились у противника, перенимая отдельные виды вооружения и тактические приемы²⁰⁷. Не случайно Иоанн Эфесский, описывая события последней четверти VI в., заявлял, что славяне, не осмелившиеся ранее показаться из лесов и не знавшие другого оружия, кроме двух-трех метательных копий²⁰⁸, теперь, обогатившись и захватив много оружия, «выучились воевать лучше, чем ромеи»²⁰⁹.

Однако приемы устрашения, несомненно, сохранялись, дополняясь и совершенствуясь по мере развития военной организации. Интересные подробности на этот счет содержатся в «Чудесах св. Дмитрия Солунского». Приведем наиболее яркие, на наш взгляд, примеры. Так, во время одного из вторжений, в первый же день осады, славяне разожгли вокруг города огромный костер, окружив его своеобразной «огненной рекой». «Потом при этом ужасном огне они издали единодушно крик, еще более страшный, чем пламя, о котором мы, ясно ощутившие (это), говорим, согласно пророку, что земля тряслась и небеса таяли»²¹⁰. Оглушительный вопль, от которого «земля затряслась и стены зашатались», предшествовал началу штурма города и во время другой осады²¹¹. Устрашению противника, помимо прочего, служили, по-видимому, и дерзкие речи славянских послов²¹², и воинственные ответы вождей, и убийство послов противника²¹³. В этот же ряд следует поставить и оскорбления, которыми противники осыпали друг друга накануне сражения, — прием, известный у славян по несколько более поздним временам.

Будучи неплохими мастерами запугивания противника, славяне сами неоднократно попадались на ту же удочку. В словесном споре тогда решалось многое, в том числе и исход битвы. У Павла Диакона имеется интересное свидетельство о вторжении славян в окрестности города Сипонта (Южная Италия) в середине VII в. Выступивший против них герцог Айо угодил в одну из расставленных ими ловушек и погиб. Узнав об этом, герцог Радоальд быстро прибыл к месту событий и «заговорил с этими славянами на их собственном языке. Когда же он сделал их вследствие этого менее воинственными, то, тотчас напав на них», обратил в бег-

ство²¹⁴. Вследствие чего противники герцога стали «менее воинственными»? Видимо, вследствие способности Радоальда психологически воздействовать на врага, запугать его соответствующими словами и дерзким поведением²¹⁵.

Помимо прочего, варварская наивность, с одной стороны, и магическое сознание — с другой, приводили к тому, что все неизвестное настораживало, пугало. Поэтому, когда во время осады Фессалоники славяне, приготовившие таран напротив Касандриных ворот, «увидели на них некий крюк, подвешенный жителями города, железный, короткий и ничтожный, наподобие пугала, которое вешают для младенца», они бросили свое осадное орудие и ушли в лагерь. При этом «варвары» подпалили этот таран «и ему подобные». В тот день они больше ничего против города не предпринимали²¹⁶. Скорее всего осаждавшие город язычники приняли незадачливый предмет за какой-либо магический артефакт и ушли в лагерь нейтрализовывать его вредные для них, как они полагали, воздействия. Осадные орудия, оказавшиеся в зоне действия артефакта и, по мнению славян, «испорченные», были преданы очистительному огню. Данный случай может свидетельствовать о весьма архаичных представлениях осаждавших.

Характерно для той эпохи, что противники рассматривали события, связанные с несколькими осадами Фессалоники, сквозь призму противостояния сверхчеловеческих сил. Упомянувшийся огромный огонь, разожженный славянами вокруг города, охвативший его подобием магического круга, «огненной реки»²¹⁷, являлся, видимо, элементом языческого обряда, направленного на нейтрализацию враждебной магии, исходящей со стороны чужого города и чужой местности. Определенную магическую роль играл и огонь, разведенный славянами под воротами города во время другой осады. Увидев, что деревянные части ворот выгорели, «но соединяющие железные части совсем не ослабели, а выглядели как бы закаленными и спаянными другим образом, так что, сгорев, эти ворота остались целыми... варвары, испугавшись, отошли от этого места»²¹⁸. Понятен подобный интерес именно к воротам, которые в славянской мифологии символизируют границу «между своим, освоенным пространством и чужим, внешним миром». В более поздние времена ворота считались опасным местом, где обитала нечистая сила. «В воротах совершались определенные магические действия»²¹⁹. Кроме того, ворота являлись своеобраз-

разным разрывом в той магической границе, которую создавала городская стена. Если признать, что сакрализация городской стены восходит к ограде, окружающей славянские языческие капища²²⁰, можно только догадываться, какими могущественными могли казаться славянам, не знавшим каменных монументальных построек, магические силы, защищавшие византийские города. Понятно теперь, почему испугались славяне, когда огонь не смог сокрушить городские врата — их магическое средство не смогло преодолеть защитной магии противника. Возможно, что, не знакомые с конструкцией ворот, они приняли сохранившиеся в огне железные части за своеобразное магическое превращение дерева в металл.

В свою очередь византийцы воспринимали неудачу славян как следствие божественного вмешательства и защиты со стороны святого Дмитрия Солунского. Это нашло отражение не только в народных преданиях, в цитировавшихся неоднократно «Чудесах св. Дмитрия Солунского», но и в Указе Юстиниана II о царских дарениях в пользу храма Св. Дмитрия Солунского в Фессалонике²²¹. Характерно, что в императорском Указе враги империи являются и врагами святого²²². Показательно также, что сами славяне после очередной неудачи «стали восхвалять Бога...»²²³. Это сообщение следует понимать не в том смысле, что славяне приняли крещение, а в том, что они отдавали должное силе «ромейского бога», оказавшегося на этот раз сильнее их собственных богов. Подобное восприятие происходящих событий являлось неотъемлемой чертой средневекового сознания с его верой в божественное предопределение.

Более того, сами боевые кличи, вероятно, являлись элементом магического воздействия на противника. На магическое значение громкого голоса, пения и крика уже обращали внимание исследователи. Славяне, например, верили, что с помощью голоса можно «оградить культурное пространство от проникновения враждебных сил». Считалось, что если с высокого места человек что-то крикнет или пропоет, то в зоне слышимости «град не побьет посевов, звери не тронут скот, холодный туман не повредит всходам, там летом не будет змей, на такое расстояние злодей не подойдет к дому и т. п.». Голос представлялся «как нечто материальное, подверженное влиянию извне и само могущее стать инструментом воздействия». С его помощью можно было навести порчу

и т. п.²²⁴ Наконец, голосом можно было отогнать зверя, напугать человека, погасить собственный страх, что подкрепляло представления о его магической силе. Поскольку война представляла ту сферу деятельности, где магия применялась весьма часто, отмеченные возможности звукового воздействия на противника не могли не использоваться²²⁵.

Таким образом, приемы устрашения противника и боевая магия у славян были взаимосвязаны и фактически неразделимы, по крайней мере в рассматриваемое время.

Война являлась главным инструментом разрешения межплеменных и межгосударственных споров. Но ею не исчерпывались этнополитические отношения того времени. Они были гораздо богаче. Наряду с войной и разрушением имели место мир и созидание. Наконец, последствия войны не ограничивались лишь гибелью населения и материальными потерями. Насилие не только порождало насилие, но и пробуждало созидательные силы. Поэтому война, образно говоря, представляла собой нечто вроде хирургического вмешательства в процессы политико- и социогенеза, межэтнического синтеза и культурного взаимодействия. Естественно, что последствия таких «операций» были различны²²⁶.

В этой связи наибольший интерес для нас представляют славяно-византийские и аваро-славянские контакты. И не только потому, что они оказали существенное влияние на последующее развитие восточной ветви славянства (по крайней мере, определенной части племен, связавших свою судьбу с Восточной Европой). На примере этих контактов наиболее ярко проявляются основные принципы взаимоотношений славян с иноэтничными образованиями и представителями других этносов.

Во второй половине VI — первой трети VII в. ключевыми для славян, по-видимому, являлись отношения с аварами. Часть славянских племенных объединений оказались в подчинении у Аварского каганата. Степень зависимости была различной. Наиболее удаленные племена, наверное, отделялись сравнительно легко: уплатой дани и периодическим участием в аварских военных экспедициях. Другим повезло меньше. «Хроника Фредегара» сообщает, что авары «каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили» им дань²²⁷. Память об этом жила долго среди потомков тех, кто испытал на себе прелести такого «межэтничес-

кого симбиоза». Спустя несколько столетий автор «Повести временных лет» (знавший, несомненно, византийские источники²²⁸) писал по мотивам народных преданий о том, как обры (авары) «воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сушая словены, и насилье творяху женамъ дулебскимъ: аще поехати будяше обрину, не дадяхе въпрячи коня ни вола, но веляхе въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обрѣна, и тако мучаху дулебы»²²⁹.

Объединяет эти два свидетельства одно — изображение славянских женщин как жертв аварского насилия. Видимо, именно эта сторона господства представлялась наиболее оскорбительной и тяжелой для народной памяти. Характерно, что в «Повести...» вынужденное сожительство славянских женщин с аварами трансформировалось в издевательства с запряганием в телегу. Тем самым особо позорная для народной гордости сторона ига несколько затушевывалась. Как показывают исследования, до 20-х гг. VII в. зимовки у покоренных народов после весенне-летне-осеннего периода кочевания являлись составной частью хозяйственно-культурного уклада аваров²³⁰.

По приказу кагана славяне должны были участвовать в военных действиях на стороне аваров. В зависимости от ситуации и вооружения они могли использоваться в качестве морского десанта, просто гребцов на судах, строителей переправ, obsługi при осадных орудиях и т. п. Кроме того, славяне составляли первую линию боевого порядка аваров и обычно начинали сражение. В случае их успеха авары «подходили, чтобы захватить добычу»²³¹. При неудачном ведении славянами боя авары поддерживали их собственным натиском, благодаря чему первые «вновь обретали силы»²³². В случае же поражения славяне могли подвергнуться физическому уничтожению, как это произошло, по информации «Пасхальной хроники», во время осады Константинополя летом 626 г. После того как славянский флот был уничтожен византийцами, немногие из спасшихся вплавь «были убиты по... приказу» хагана²³³. О жестокости хагана к своим славянским подданным, о том, что аварское господство держалось на силе страха, свидетельствуют и другие известия. Например, Феофилакт Симокатта отмечает, что во время одного из походов славяне строили переправу по приказу хагана, повинувшись страху²³⁴. Нередко славяне, исполняя волю хагана, воевали самостоятельно.

Тяжесть ига выражалась и в том, что власть хагана была дес-

потической, а славяне, как мы помним, весьма дорожили своей свободой. «Свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле»²³⁵, — писал Маврикий Стратег. Особого внимания здесь заслуживает слово «повиноваться». Вполне возможно, что самое подчинение императору и королям, свойственное ряду соседних с ними народов, славяне считали недостойным, сродни рабству. В этой связи представляет интерес средневековая «Чешская хроника» Козьмы Пражского. Восхваляя древнюю свободу, он пересказывает легенду о Либуше, в которой говорится о добровольном избрании чехами князя. Введение института княжеской власти здесь равноценно добровольному порабощению²³⁶. Характерно, что Либуше пытается вразумить людей: «О народ, ты несчастен и жалок, ты жить не умеешь свободно, вы добровольно отказываетесь от той свободы, которую ни один добрый человек не отдаст иначе, как со своей жизнью, и перед неизбежным рабством добровольно склоняетесь»²³⁷. Не только народное предание, но и авторское мнение самого Козьмы Пражского передает борьбу двух идеологий: эпохи родоплеменного строя и раннефеодального общества. Автор тоскует, как бы сказали древние греки, по «золотому веку»²³⁸, воздаст должное первому князю — Пржемыслу и сожалеет об утерянной свободе, под которой понимается жизнь без княжеской власти²³⁹.

Может быть, этим обстоятельством отчасти объясняется и традиция преданий о добровольном избрании князя. Помимо чехов такие предания бытовали у поляков (Лешек и Земовит) и у русских (Рюрик с братьями)²⁴⁰.

Конечно, славянские племенные объединения имели своих князей. Но отношения между последними и народом еще не укладывались в схему «господство — подчинение»²⁴¹, а власть их даже отдаленно не напоминала деспотическую власть аварского хагана. Кроме того, по языческим воззрениям, славяне оставались «рабами» аваров не только в мире живых, но и в мире мертвых²⁴². Это обстоятельство особенно угнетающе действовало на народное сознание.

Отдельные славянские племена являлись союзниками аваров в борьбе с той же Византией. Отношение к ним было иным. Имеются смутные известия, что хаган привлекал старейшин племен к участию в походе щедрыми дарами. При этом они, приняв их, могли вежливо ему отказать²⁴³. Важным побудительным мотивом учас-

тия в аварских походах для славян, несомненно, была добыча, хотя распределялась она аvaraми. Когда, например, славяне, захватив г. Анхиал, «нашли там пурпурные одеяния», посвященные Анастасией, супругой императора Тиверия, местной церкви, аварский каган «забрал и надел» их, «говоря: “Желает этого царь ромеев или не желает, но вот, царство отдано мне!”»²⁴⁴.

Кроме того, славянские племена часто сами нуждались в военной поддержке каганата для противостояния противнику. На каких условиях хаган оказывал помощь, показывает описание одной из осад Фессалоники. Потерпев очередную неудачу, славяне, «собрав множество даров», отправили с ними послов к хагану. Ему обещали «дать еще больше денег, сверх того, что они предполагают» захватить при взятии города, «если (хаган) для этой (цели) окажет им помощь в войне»²⁴⁵. Славяне нуждались в поддержке хагана, на наш взгляд, и потому, что испытывали острый дефицит в кавалерии и тяжеловооруженной пехоте.

Отмечая важную роль славян в походах аваров на Византию, следует, в общем-то, согласиться с мнением, что главной ударной силой оставалась все же аварская конница, тогда как славяне использовались в качестве «пушечного мяса»²⁴⁶. Тем не менее оно нуждается в определенных коррективах. Во-первых, в качестве «пушечного мяса» использовались славяне, подчиненные хагану, а не его союзники (более или менее равноправные). Во-вторых, без славянских подразделений авары не имели возможности вести ширококомасштабные и комбинированные военные операции с использованием всех родов войск: конницы, пехоты и флота. Яркой иллюстрацией роли славянских подразделений в совместных акциях являются события 626 г.: уход славян из-под Константинополя заставил хагана снять осаду города²⁴⁷. Это при том, что император не появился в своей столице, не прислал ей подкрепления, предоставив город самому себе²⁴⁸.

Наконец, с рядом славянских племенных объединений авары вели напряженную борьбу. Особенно ожесточенными у них были отношения с антами. Начало противостоянию положил аваро-византийский союз, заключенный в 558 г. Став союзниками империи, авары начали опустошать территорию антов, которые, возможно, в то время являлись противниками Византии²⁴⁹. Именно с этими событиями связан известный фрагмент Менандра Протектора, в котором повествуется об антском посольстве к аварам с це-

лью выкупа пленных. Об ожесточении противников свидетельствует надменное поведение антского посла Мезамера и расправа аваров над ним²⁵⁰. Со временем внешнеполитическая ситуация в регионе изменяется, но не меняется тон антско-аварских отношений. Анты становятся союзниками Византии, а авары превращаются в противников империи. Следствием этого стали походы византийцев против склавинов (союзников хагана), с одной стороны, и экспедиции аваров против антов (союзников империи) — с другой. В историографии имеет место мнение, опирающееся на неясное свидетельство Феофилакта Симокатты, что поход Апсиха (602 г.) на антов привел к их уничтожению. Однако сейчас остается все меньше сторонников такой точки зрения²⁵¹.

К 20-м гг. VII в. аваро-славянские отношения обостряются. Начинается постепенный выход части славян из-под аварской зависимости. В Южной Моравии и прилегающих к ней районах²⁵² разгорается освободительная борьба под руководством Само, в ходе которой формируется обширное межплеменное объединение, называемое в западных источниках королевством (*regnum*). Как отмечает «Хроника Фредегара», «во многие битвы вступали против гуннов (аваров. — *В. П.*) виниды (славяне. — *В. П.*) в его (Само. — *В. П.*) царствование» и всегда одерживали верх²⁵³. Особенно активно славяне стали освобождаться от аварской зависимости после событий 626 г., когда славянские отряды покинули хагана под стенами Константинополя, что предопределило исход осады²⁵⁴ и остановило на некоторое время аварскую экспансию, новый виток которой приходится на середину VII в.²⁵⁵.

Опираясь на события, описанные в «Хронике Фредегара» и «Повести временных лет», а также на историю Кувера, описанную в «Чудесах св. Дмитрия Солунского», исследователи считают возможным вести речь о длительном («по меньшей мере 20–25 лет, пока подрастут дети, прижитые аварами со славянками») и тесном симбиозе, который мог иметь место «на центральной территории Аварского каганата, в Паннонии, на среднем Муре...». Благодаря такому смешению аваров с представителями других этносов складывалась полиэтническая региональная элита, «на которую опиралось аварское господство, но которая при случае могла отвергнуть власть хагана»²⁵⁶.

Конечно, элементы симбиоза в ряде районов Аварского каганата имели место. Однако вряд ли возможно вести речь о форми-

ровании региональной элиты из числа рожденных от аваров и славянок, тем более на основании сообщений «Хроники Фредегара» и «Повести временных лет». Предлагаемый исследователями вариант представлялся возможным в том случае, если бы за каждым из аваров закреплялись женщины определенной славянской семьи, причем на длительный срок («по меньшей мере 20–25 лет, пока подрастут дети, прижитые аварами со славянками») и если бы при этом авары (проводящие в кочевье весну-лето-осень) были еще и уверены в том, что это их дети. Сомнительно также, что авары, живовавшие в славянских селениях, заставляли славянских женщин оказывать им «сексуальные услуги» ради деторождения. Но если все-таки «степные витязи» шли на такие жертвы, то тогда они должны были усыновлять этих детей и, по мере взросления, брать с собой в кочевья. В свою очередь, дети должны были считать себя аварами, а не славянами. Показательно, например, что знатный славянин, получавший признание в Аварском каганате, в скором времени начинал воспринимать себя аварин²⁵⁷, то есть представителем господствующего этноса. В нашем же случае все наоборот: рожденный от аварина признает себя представителем угнетенного этноса.

Рассмотрим примеры, на которые ссылаются сторонники концепции подобного симбиоза²⁵⁸. В «Хронике Фредегара» речь идет о том, что «сыновья гуннов, рожденные (ими) от жен и дочерей винидов, не выдержав, наконец, злобы и притеснения и отвергнув господство гуннов... начали восставать»²⁵⁹. Из текста следует, что рожденные от аваров составляли не региональную элиту, а притеснялись наравне с винидами. Не ясно, правда, знали ли они о своем происхождении или нет. Смысл отрывка можно понять и так, что благодаря смешению сформировалось новое, более воинственное поколение, которое и начало борьбу. Возможно и другое объяснение. Многие из полукровок могли знать (или догадываться) об обстоятельствах своего появления на свет. Поэтому они, в отличие от остальной массы славян (побежденных аварами, а следовательно, лишенных счастья, удачи) не имели оснований считать себя хуже их физиологических «отцов». Психологически они были готовы к борьбе за свободу, и чем сильнее они осознавали пропасть, разделявшую их и «законных» аваров, тем тверже становилась решимость бороться. Как бы там ни было, сражались они бок о бок с другими славянами, как славяне против

аваров, а не как региональная элита, поднявшая мятеж против власти центра.

Во втором случае речь идет о том, что потомки плененных византийцев, поселенных в каганате и смешавшихся «с булгарами, аварами и другими язычниками», стали свободными. Хаган стал их причислять к своему народу и назначил им архонтом Кувера. Однако само население сохраняло и христианскую веру, и стремление вернуться на родину отцов, в Византию. Узнав об этом, Кувер (булгарин родом), попытался использовать настроения вверенного ему населения в своих интересах²⁶⁰. К элите здесь можно причислить Кувера, но не родившихся от смешения византийцев с варварами. В самом же произведении их положение сравнивается с положением библейских евреев, находившихся в египетском плену²⁶¹.

Конечно, нельзя отрицать того, что известная часть аваро-славянских полукровок пополняла ряды каганатской элиты. Но это были, прежде всего, рожденные не от жен и дочерей славян в результате «зимовок», а от славянок, уводившихся в плен и становившихся наложницами и женами аваров. (Предполагают, что в некоторых венгерских могильниках авары захоронены со славянскими женщинами²⁶².) Такие дети, несомненно, считали себя аварами. Могли «выслужиться» и отдельные славяне, в том числе и рожденные от аваров. Однако они, как уже отмечалось выше, после этого воспринимали себя не славянами, а аварами.

По мнению В. Поля, «аваро-славянские отношения нельзя свести к простой формуле. С одной стороны, несомненно, имеются аутогенные факторы, а не только давление кочевников... С другой стороны, конфронтация с конными воинами не прошла для славян бесследно. Она не только задержала самостоятельное развитие, но и вызвала изменение в общественном строе». Речь здесь идет прежде всего об изменениях в военной организации славян под влиянием аваров и выделении, в результате частых войн и грабительских походов, военных вождей²⁶³.

Вряд ли возможно отрицать факт определенного аваро-славянского синтеза и известного влияния его на отдельные стороны жизни и быта славян. Однако отношение самих славян к такому синтезу весьма однозначно и дошло до нас в виде народных преданий о тех издевательствах, которые они вынуждены были терпеть от аваров. Поэтому когда пал каганат, народная память с удовольствием и не без злорадства закрепила этот факт в пого-

ворке «погибоша аки обре»²⁶⁴. Летописцу же, спустя несколько столетий после этих событий, особое удовольствие, как представляется, доставляло то, что «помроша вси, и не остаю ни единъ обьринъ», что «их же несть племени ни наследька»²⁶⁵. Столь длительная живучесть в народной памяти сюжетов, связанных с аварским игом, думается, не нуждается в комментариях.

Отношения славян с Византийской империей, в отличие от контактов с аварами, имеют гораздо более солидную источниковую базу. Многие известия дошли до нас буквально «из первых рук». Благодаря этому можно не только восстанавливать общую канву событий, но и отдельные детали жизни славян, в том числе особенности их менталитета. При этом не следует забывать, что сведения эти происходят из среды, относящейся к славянам либо откровенно враждебно, либо, по крайней мере, с чувством несомненного превосходства.

Византийские авторы отмечают непостоянство варваров вообще, и славян в том числе, в отношениях с империей. «...У этих врагов, — писал, например, Прокопий Кессарийский, — обычай — и вести войну, не будучи побужденными (никакой) причиной, и не объявлять через посольство, и прекращать без всяких соглашений, и не заключать перемирия на определенное время, но начинать без повода и заканчивать одним оружием»²⁶⁶. По словам Маврикия Стратега, «они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к согласию, либо, даже если и соглашаются, то решенное тотчас же нарушают другие...»²⁶⁷.

Такая ситуация объясняется не только нравами той стадии общественного развития, которую переживали славяне, но и тем обстоятельством, что они разделялись на многие племенные объединения и племена и договариваться с каждым из них византийцам (как и славянам между собою) было невозможно. Характер эпохи в целом также определял поведение славян. Не только они, но и другие народы, в том числе сами ромеи, неоднократно нарушали достигнутые соглашения²⁶⁸. Кроме того, та же Византия, как и другие субъекты международного права, рассматривала подобный союз весьма односторонне, с точки зрения собственной выгоды. Поэтому идти наперекор общему течению означало действовать в ущерб себе. Славянские же племена, естественно, преследовали свои интересы.

Следует отметить также, что и византийцы, и другие соседи славян пытались извлечь пользу из тех противоречий, которые имели место в славянском мире. Тот же Маврикий Стратег советовал всеми силами не допускать объединения славянских племен под одной властью, сеять рознь и раздор между славянскими вождями, привлекать одних дарами, а на других нападать²⁶⁹. Естественно, что на такую «честную» политику империи в отношении славян последние отвечали взаимностью. Необходимо также учитывать, что внешнеполитические союзы древности и средневековья не отличались устойчивостью и определялись, как правило, сиюминутным совпадением интересов. Поэтому союзы заключались достаточно легко, и легко же, с изменением ситуации, перерастали в открытую конфронтацию.

Спокойствие и мир с варварами византийцы либо отстаивали оружием, либо, по возможности, покупали. Купленный мир был ненадежным хотя бы потому, что могли найтись те, кто заплатит больше и обратит союзников империи в ее врагов. Наиболее яркую иллюстрацию этого представляет история с 30-тысячным славянским корпусом, сформированным Юстинианом II, полагаясь на который он и развязал войну с арабами. Надежды императора не оправдались. Один из арабских военачальников, Мухаммед, «найдя подход к союзному ромеям стратигу славян», послал ему «колчан, полный номисом, и, обманув всяческими обещаниями», убедил перейти с 20-ю тысячами славян на свою сторону²⁷⁰. Единственным «утешением» императору стала зверская расправа над оставшимися славянами²⁷¹. Перебежчики вскоре смогли отомстить за убитых. Хорошо зная Византию, они участвовали в нападении на нее Мухаммеда, закончившемся выводом многих пленных²⁷².

С другой стороны, с изменением ситуации могла представиться возможность оружием взять больше, чем получали от Византии в виде подарков. Естественно, что подобную возможность старались не упускать. Поэтому Маврикий был во многом прав, когда писал, что славяне уступают «скорее страху, нежели дарам»²⁷³, как, собственно говоря, и другие субъекты международного права того времени²⁷⁴. Например, в 673 г. Константин IV после победоносной войны заключил 30-летний мир с арабами, на условиях уплаты ежегодной дани в пользу империи. «Узнав об этом, и обитатели западных краев, и аварский хаган, и тамошние риксы, экзархи, кастальды и предводители западных народов отправили...

дары василевсу, обращаясь с просьбой даровать им благодать мира»²⁷⁵. Впрочем, и Византия откупалась от набегов варваров до тех пор, пока ей было выгодно. Так, императрица Ирина (797–802), «заключив мир с арабами и обретя безопасность», отправила большое войско против славян, обосновавшихся в районе Фессалоники и фемы Эллады и обратила их в данников империи²⁷⁶.

Начиная с VI в. славяне служили в византийской армии, занимали командные посты, становились патриархами²⁷⁷ и даже императорами²⁷⁸. Распространено мнение, например, о том, что знаменитый ромейский полководец Хилвудий был славянином²⁷⁹. Однако прямые указания на сей счет в источниках отсутствуют. Известно также, что одним из отрядов византийской конницы в войне с персами командовал ант Дабрагез²⁸⁰.

Во время готско-византийских войн часть славянских племен были союзниками Византии. Так, славян мы видим в отряде Мартина и Валериана, прибывших на помощь Велисария (537 г.)²⁸¹. Один из них, выполняя поручение полководца, и захватил в плен гота²⁸². 300 антов из отряда Иоанна в 547 г. были оставлены Тулиану для охраны от готов узкого прохода, ведущего в Луканию. «С присущей им доблестью» анты опрокинули противника. Когда же местные патриции вошли в сговор с готами, а Туллиан бежал, антский отряд вернулся к Иоанну²⁸³.

Другие славяне, воспользовавшись отвлечением сил империи, опустошали ее пределы. Причем, по сообщению Прокопия Кессарийского, существовало подозрение, что некоторых из них, «подкупив большими деньгами», наслал на Византию Тотила, «дабы император, отвлекшись на этих варваров, не мог удачно вести войну против готов»²⁸⁴. Порой на службе империи состояли многотысячные отряды славян. Как уже упоминалось, Юстиниан II из числа переселенных им в область Опсикий славян сформировал 30-тысячное войско, вооружил и назвал его «отборным». Полагаясь на него, «он нарушил заключенный... отцом мир с сарацинами»²⁸⁵. Славянские воины активно использовались империей и в войнах с персами²⁸⁶.

Нередко смелость и мужество славянских воинов склоняли чашу весов в пользу византийского войска. Например, когда византийский отряд в ходе войны с персами подвергся атаке мисимиян, использовавших построение «черепахой», «прежде чем они приблизились и должным образом прикрылись, некий Сваруна... славя-

нин по происхождению, метнул копье в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же черепаха дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили» копьями²⁸⁷. Славяне незаменимы были в разведке и взятии «языка»²⁸⁸.

Славяне не только вторгались в сопредельные земли для грабежа, но и захватывали территории. Например, во время одного из нападений на Фессалонику они пришли вместе с родами и имуществом, намереваясь поселиться в городе после его захвата²⁸⁹. Особенно активный славяно-византийский синтез осуществлялся на территории собственно Греции, где поселились ряд славянских объединений, сохранявших длительное время автономию. Например, милинги и эзериты, обитавшие на Пелопоннесе, окончательно были покорены только к середине X в.²⁹⁰

Проживая в условиях непосредственных контактов с местным населением, славяне (в первую очередь, наверное, зная) заимствовали многие детали быта, язык, традиции и т. п. Мы уже упоминали о князе ринхинов Первуде, который не только знал ромейский язык, носил ромейскую одежду, но и внешне и, видимо, манерами поведения не отличался от византийцев. У него и подобных ему было немало друзей среди местной византийской знати, готовой оказать им помощь даже в условиях военных действий со славянами. Например, когда Первуда, по приказу василевса, взяли под стражу, за него просили не только соплеменники, но и делегация от городской общины Фессалоники. Можно, конечно, допустить, что фессалоникийцы пошли на этот шаг, опасаясь мести за князя со стороны ринхинов. Однако, как бы там ни было, в попытке бегства Первуду оказывали помощь императорский толмач и его жена. После раскрытия первого сговора и казни сообщников князя он задумал новый побег. Видимо, и на этот раз у него имелись сообщники, поскольку план едва не удалось осуществить²⁹¹.

Несколько ранее, во время очередной осады Фессалоники, один из славянских вождей, Хацон, задумал дерзкий план взятия города, для чего попытался проникнуть в него. Когда он, при выполнении своего замысла, попал в плен, то был укрыт некоторыми «из первенствующих... города... ради какой-то корысти и неблаговидных целей». Вполне возможно, что у Хацона имелись союзники среди лидеров городской общины. Не ясно, как бы разворачивались события далее, если бы не женщины, которые, «одушев-

ленные мужской отвагой, выволокли его из дома, где он скрывался, и, протаскив по городу, побили камнями». Видимо, действия славянского вождя не являлись такой уж отчаянной авантюрой и имелся значительный шанс на осуществление задуманного им плана. Не случайно в «Чудесах св. Дмитрия Солунского» крах планов Хациона сравнивается с «необычайным чудом (со стороны святого. — В. П.), достойным упоминания...»²⁹².

Впрочем, не только знать заводила знакомства с местными жителями. Сохранился весьма любопытный рассказ, характеризующий отношения жителей Фессалоники с окрестными славянами. Когда осада города со стороны стримонцев и ринхинцев была снята, василевс организовал против стримонцев карательную экспедицию. Славяне потерпели поражение: «И побежало все варварское племя, а некоторые, тайно проникнув» в город, «побудили при этом (горожан) выйти к находившимся вблизи их хижинам и взять припасы, так как из-за несказанного страха и избиения... семьи, оставив все, бежали (в глубь) области. И можно было видеть мертвых (славян) и бегущих горожан, вместе с женами и детьми» уносящих припасы из хижин²⁹³.

Привлекает внимание то обстоятельство, что некоторые из разбитых славян, спасающихся вместе с семьями от ромейских мечей, «тайно» проникают в город, чтобы сказать горожанам примерно следующее: «Мы вынуждены бежать со своими семьями, поэтому идите в наши хижины и берите все, что захотите». Эти весьма своеобразные отношения с теми, с кем находишься в состоянии войны, допускают несколько объяснений. Славяне, вынужденные бежать, предлагают своим друзьям из числа горожан: 1) забрать их имущество и сохранить за определенную плату; 2) забрать себе, чтобы не досталось присланному василевсом войску; 3) забрать припасы с целью продажи и последующего дележа барышей. Предположения могут множиться, однако ясно, что вышеуказанные славяне состояли в весьма дружественных отношениях с частью горожан. Привлекает внимание и тот факт, что славяне проникают в город «тайно», а следовательно, учитывая условия военной кампании, с риском для жизни или свободы. Стоило ли так рисковать ради того, чтобы сообщить горожанам приятную для них новость? Или проникавшие в город были уверены, что со стороны его жителей им ничего не угрожает? В свете вышесказанного несколько проясняется двойственная позиция по отношению к Фессалонике

(во время ее осады другими славянами) как велегизитов²⁹⁴, так и славян, живших в окрестностях: с одной стороны, они не прочь были, при удобном стечении обстоятельств, принять участие в грабеже города, с другой — «торжествовали, провозглашая» его спасение во время землетрясения²⁹⁵.

Отдельные вожди славянских племен, утвердившихся на территории Греции, уже в конце VIII в. настолько освоились в новой ситуации, что стали принимать весьма активное участие в политической жизни империи, вовлекаясь в придворные интриги. Например, в 799 г. был раскрыт заговор архонта славян «Велзитий»²⁹⁶ Акамира. Вместе с представителями местной знати он намеревался низложить императрицу Ирину²⁹⁷ и возвести в императоры одного из сыновей свергнутого ею Константина VI²⁹⁸.

Особенно быстро ассимиляция славян проходила на императорской военной службе, когда они, оторвавшись от основного этнического массива и женившись на византийках, легко кооптировались в местное общество. Характерна, например, судьба упоминавшегося анта Дабрагеца, командовавшего кавалерийским подразделением в войне с персами середины 50-х гг. VI в. В этой кампании принимал участие и его сын, который носил распространенное греческое имя Леонтий и, вероятно, был христианином²⁹⁹. Можно предположить, что, попадая на византийскую службу, многие славяне фактически ассимилировались в следующем поколении. Важную роль в этом процессе играло принятие христианства.

Поведение Первуда, Акамира и им подобных, равно как и упомянутый случай с имуществом бежавших славян, свидетельствует о том, что в VII — VIII в. родоплеменная система у славян, поселившихся на территории империи и в зоне контакта с ней, находилась на стадии деструкции. Особо показателен эпизод, произошедший в 60-е гг. VIII вв., связанный с похищением агентами императора архонта северов Славуна³⁰⁰. Г. Г. Литаврин справедливо отмечает, что без сообщников среди северов, находившихся в окрестностях Славуна, успех операции вряд ли был возможен³⁰¹. Это свидетельствует о глубоком кризисе родоплеменного строя у северов.

Впрочем, происходившие изменения и в указанном регионе еще не везде были глубокими, тем более — необратимыми. В случае попадания того или иного объединения в зону традиционных отношений возможен был достаточно быстрый откат назад. Веро-

ятно, это произошло с частью тех славянских племен, которые мигрировали в Восточную Европу и на северо-запад.

Несомненно, что и славяне оказали мощное воздействие на жизнь Византийской империи, как в плане этногенеза, так и в плане социально-экономического и политического развития. Основная масса славянского населения влилась в состав византийского крестьянства и, ассимилировавшись, оставила память о себе в названиях населенных пунктов и ряда орудий труда. Например, такие слова, как *плуг, коса, сенные вилы, борона, рыбная сеть*, в новогреческом языке происходят из славянского³⁰².

Существенное влияние на западную ветвь славянства оказали контакты с регионами так называемого «каролингского Запада» и северно-германскими народами³⁰³. Однако на развитии будущих восточнославянских племен до второй половины VIII в. это влияние почти не сказывалось. Несомненно, что несколькими веками ранее, в III–IV столетиях, была велика роль готов. К сожалению, за исключением известий Иордана, противоречивого археологического материала и данных лингвистики, о содержании этих контактов практически ничего не известно. Можно предполагать, исходя из туманной информации Иордана о столкновениях готов с венедами и антами³⁰⁴, что соседство с межплеменным объединением готов и борьба с ним вела к консолидации части праславянских племен. В свою очередь, это не могло не воздействовать на развитие военной организации, зарождение или укрепление института военных вождей, эволюцию социальной системы в целом. Вряд ли на основе этих предположений можно создавать сколько-нибудь концептуальные схемы, однако готское происхождение таких славянских слов, как *князь, пеннази* (деньги), *купить, полк, шлем, меч* — достаточно красноречиво. Все же эти данные мало информативны для настоящего исследования, к тому же, вероятно, восходят к стадии существования праславянского единства, вступавшего в эпоху переселений и, как следствие, распада.

Только в VIII в., с расширяющимся проникновением скандинавов в Восточную Европу, начинается прямое взаимодействие северно-германского и восточнославянского элементов. По мере успехов политогенеза у восточных славян, распространения христианства и оживления международных контактов их отношения с романо-германским миром будут расширяться и, несмотря на взлеты и падения, играть все более заметную роль.

Важное значение в этногенезе славянства (особенно его восточной части), в формировании хозяйственного уклада, развитии материальной и духовной культуры, военного дела и общественных отношений имели контакты с иранскими племенами. По наиболее распространенному в современной литературе мнению, антская общность сложилась в условиях славяно-иранского симбиоза, с включением, возможно, готского и тюркского элементов³⁰⁵. Однако конкретных сведений, относящихся к додревнерусскому периоду и способных пролить свет на интересующие нас в данной работе вопросы, нет.

Особого рассмотрения заслуживают отношения между самими славянскими племенами и объединениями. Не вызывает сомнения то, что славяне в VI–IX вв. осознавали свое этническое родство, принадлежность к единой общности³⁰⁶. Это обстоятельство определялось рядом факторов: лингвистическим, фольклорно-этнографическим, этнопсихологическим³⁰⁷. Дальнейшее укрепление общеславянского самосознания было связано с развитием славянской письменности и формированием старославянского литературного языка³⁰⁸. Использование «кириллицы» и старославянского языка лишь определенным кругом славянских народов, углубление конфессиональных и историко-культурных различий, консолидация отдельных народностей разрушали единство славянского мира. Тем не менее на протяжении эпохи средневековья славянские хронисты сохраняли и развивали традицию, признававшую общность происхождения всех славянских народов³⁰⁹.

О развитом чувстве племенной общности у славян³¹⁰ наглядно свидетельствуют события 626 г., связанные с осадой аваро-славянскими полчищами Константинополя. После того как хаган приказал перебить славян, уцелевших после проигранного морского сражения, остальные славяне «снялись и ушли». Хагану не оставалось ничего другого, как отступить от стен города³¹¹. Так бесславно закончилась эта военная акция, положившая начало заката Аварского каганата.

А вот другой пример межплеменной солидарности славян. После казни византийцами князя ринхинов Первуда вместе с его соплеменниками мстить ромеям пришли стримонцы и сагудаты, к которым впоследствии присоединились другувиты и, возможно, некоторые другие «варварские роды»³¹².

Однако чувство этнической общности отступало на второй план, когда речь шла об интересах собственного племенного союза, племени, рода. Маврикий Стратег, занимавший императорский престол с 582 по 602 г. и хорошо осведомленный о ситуации в приграничных с Византией славянских объединениях, писал, что склавины и анты пребывают «в состоянии анархии и взаимной вражды». Соглашения же, заключенные с ними, ненадежны по причине господства различных мнений, вследствие чего «они либо не приходят к согласию, либо, даже если и соглашаются, то решение тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому»³¹³. Данное сообщение содержит, вероятно, двухуровневую информацию: о состоянии анархии в управлении племенными союзами, понимавшемся как отсутствие монархии³¹⁴; о противоречиях между отдельными славянскими объединениями и группировками, в том числе и теми, которые находились в состоянии «дружбы»³¹⁵. Несомненно, существовали противоречия и между отдельными племенами, входившими в союз. Однако вряд ли решение, принятое на уровне союза племен, могло нарушаться отдельными входившими в него племенами без угрозы разрушения такого межплеменного образования.

К сожалению, мы не знаем ни о прочности племенных союзов того времени, ни о степени вовлеченности славянских племен в подобные объединения. В условиях массовых миграций, сложности международной ситуации, слабости социально-экономических предпосылок интеграции и т. п. вполне возможно существование первичных племен, не интегрированных в более крупные объединения либо входивших в иноэтнические образования и политические системы. Как бы то ни было, речь у Маврикия Стратега идет, прежде всего, о «межплеменных» противоречиях. И одна из задач империи, по его мнению, заключалась в том, чтобы всячески противодействовать дальнейшей интеграции славянских племенных объединений, не давать усиливаться тому или иному вождю, препятствовать формированию монархического правления, которое могло прийти на смену «анархии»: «Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров... а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к (их) объединению или монархии»³¹⁶.

Вследствие отмеченных обстоятельств интеграция в более круп-

ные, чем союзы племен, объединения встречала серьезные препятствия. Заключаемые отдельными племенными объединениями союзы, направленные на взаимопомощь при обороне и организацию совместных военных акций, были непрочны. Иллюстрацией тому служит нарушение договора о союзнических действиях против Фессалоники (мечь за смерть Первуда), о котором говорилось выше, что привело к снятию осады³¹⁷. Велегизиты же, прочно осевшие в Фессалии, готовы были, как мы помним, в случае падения города принять участие в захвате добычи и в то же время продавали осажденной Фессалонике продовольствие³¹⁸. Это говорит о том, что они преследовали только собственные интересы. По мнению О. В. Ивановой, славяне, обосновавшиеся в Греции, не поддерживали и не координировали действия с родственными им племенами Южной Македонии³¹⁹. Характерно также, что во время карательной экспедиции византийской армии против стримонцев соседние славяне, как можно понять из текста, не оказали (может быть, не успели) им помощи, несмотря на соответствующую просьбу, направленную к союзным князьям³²⁰.

Весьма напряженные отношения складывались между склавинами и антами, вовлеченными в орбиту противостояния Аварско-го каганата и Византии. Уже Прокопий Кессарийский сообщает об одном из конфликтов, закончившемся сражением и победой склавинов. Именно тогда в плену оказался лже-Хилвудий³²¹. Ожесточение аваро-византийской борьбы ожесточало и союзные им славянские племена. Во время славяно-аварского нашествия на Византию середины 80-х гг. VI в. ромеи подкупили антов и те совершили внезапное нападение на землю склавинов, пройдясь по ней огнем и мечом: «Они подчинили ее, разграбили ее, вывезли добро ее и выжгли ее»³²². Описание действий антов в пределах склавинов сопоставимо со сведениями византийских авторов о «варварских» вторжениях в империю. Иными словами, воюя против склавинов, анты действовали так же, как действовали бы и против другого противника, невзирая на то, что на этот раз объектом нападения стали славяне. Не случайно, узнав о нападении, склавины «зарычали, как лев на добычу. И собрались они — многие тысячи — и начали опустошение» империи³²³.

Тем не менее по окончании войн склавины и анты без страха общались друг с другом. Тот же ант, приехавший покупать Хилвудия, появился у склавинов вдвоем с рабом-ромеем, инициато-

ром развернувшейся аферы. Он прибыл с большими деньгами и совершенно безбоязненно³²⁴. Хотя, видимо, доверие восстанавливалось не сразу.

По мере распада родоплеменных связей и усиления дифференциации в славянском мире противоречия накапливались и все чаще решались силой оружия. Особенно показательны отношения среди западославянских образований, рано попавших в сферу влияния романо-германского мира и католической экспансии. Не являлись исключением и восточнославянские группировки. «Повесть временных лет», перечисляя «словенескъ языкъ в Руси» и «инии языци», не забывает отметить превосходство полян. Упомянул летописец и те времена, когда поляне «быша обидимы древлями и иними околними»³²⁵. Таким образом, спустя длительное время после распада племенных союзов былая племенная неприязнь и вражда не забывались.

Вероятно, что отношения между отдельными славянскими племенными объединениями, равно как и с иноэтничными образованиями, строились на принципе «дружбы» — особого института международного права у раннесредневековых варварских народов, понимаемого как «формально установленные отношения полного равенства на основе взаимной верности и помощи советом и делом». Именно такую схему взаимоотношений с королевством франков, как предполагают, пытался реализовать Само³²⁶. Однако основным способом решения конфликтов между племенными объединениями и государствами была война. Это не являлось особенностью славян. И в гораздо более позднее время «большинство средневековых государей считало главным методом достижения желанных для себя и своего государства результатов войну»³²⁷.

Мировоззрение и основные нормы поведения людей того времени определялись религией. Поэтому отношение к славянам в христианском мире — это прежде всего отношение христиан к язычникам. Данным обстоятельством, а также военным противостоянием и бытовыми различиями определялись те хлесткие эпитеты, на которые не скупились христианские авторы в отношении славян, закрепляя уже сложившиеся стереотипы их восприятия, с одной стороны, и формируя новые — с другой.

Византийские источники, характеризующие склавинов и антов, создают у читателя образ сильного, смелого, жестокого и многочисленного врага («силой и смелостью... превосходившие воевав-

ших когда-либо против них»³²⁸, свирепые племена³²⁹, «полчища славян»³³⁰, «толпы варваров»³³¹, «неисчислимое племя»³³²). Иногда для усиления эффекта проводятся параллели с животным миром, от неопределенного «звери» («эти звери», «звериное племя славян»³³³), до конкретного — «волки» («волки-славяне», «любящие разбой волки»³³⁴). Было бы заманчиво в определении «волки» усмотреть указание на тотемное животное. Однако это скорее всего поэтическая аллегория. Сравнение варваров с животным миром характерно для византийской литературы и рассматриваемого, и более позднего периодов³³⁵. Перед нами традиционный образ варвара — свирепого, звероподобного, лживого³³⁶ (интересно, что «варвары», в свою очередь, лживыми (лстивыми) считали византийцев) и безрассудного, в безумии своем напоминающем зверя³³⁷. Это понятно: для византийца язычник — не вполне человек, а любой не византиец в той или иной степени — варвар. Характерно название проповеди Феодора Синкела («О безумном нападении безбожных аваров и персов на богохранимый Град и об их позорном отступлении благодаря человеколюбию Бога и Богородицы»), из которого следует, что «человек» для автора — синоним христианина, в данном случае византийца³³⁸.

Вместе с тем византийская традиция, равно как и античная, отличала «северных варваров» (ведущих оседлый образ жизни) от «южных» (кочевников). Для характеристики последних особо применяется слово «мерзкий» («богомерзкий хаган» [аварский. — В. П.]³³⁹, «мерзкий народ»³⁴⁰ и т. п.). Представители оседлого населения зачастую считали кочевников людьми «лишь в том смысле», что они обнаруживали «подобие человеческой речи»³⁴¹.

«Северные варвары» гораздо ближе византийцам, и к ним, наряду с неприязнью и чувством превосходства, нередко выказывалось уважение. Не исключение из этого правила и славяне. Показательный пример — рассказ Феофилакта Симокатты (повторенный Феофаном Исповедником) о трех славянах, возвращавшихся из ставки аварского хана и задержанных императорскими телохранителями. Они не имели при себе никакого оружия и вообще ничего железного, а единственную их ношу составляли кифары. Задержанные поведали василевсу о своей стране, не знающей железа, «что делает их жизнь мирной и невозмутимой». Не ведая войн, они занимаются «безыскусными мусическими упражнениями. Автократор... восхитился их племенем и, подивившись разме-

рам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию»³⁴². Таким образом, «весь пассаж выдержан в духе идеализации: варварам приписывается простодушие и неспорченность цивилизацией»³⁴³. Поэтому, хотя, по словам Прокопия Кессарийского, «образ жизни (их) грубый и непрехотливый»³⁴⁴, как и у кочевников, в отличие от последних «они менее всего коварны и злокозненны»³⁴⁵. Кроме того, существовавшему стереотипному образу безобразного варвара-кочевника³⁴⁶ противопоставлялся образ красивого, высокого варвара-славянина.

В латиноязычных источниках славяне характеризуются прежде всего как закоренелые язычники³⁴⁷. Характеристика их порой более жесткая и уничижительная, чем у византийских авторов. По словам Бонифация, «винеды... гнуснейший и наихудший род людей»³⁴⁸. Поскольку невежество — атрибут язычников³⁴⁹, у Бонифация устами невежества сказано: «...Всегда любил меня край германский, грубый народ славян и дикая Скифия...»³⁵⁰. При этом, как видим, «симпатии» между этими варварами у него распределены отнюдь не поровну.

Менее строг Исидор Севильский. Из числа недостатков, свойственных народам, славянам он приписал нечистоту («нечистота славян»), являвшуюся, видимо, следствием убогости их весьма бедного быта³⁵¹. Этот «порок» славян³⁵², в глазах современников Исидора (середина VII в.) вряд ли был более значимым, чем, например, «зависть иудеев», «неверность персов», «пустое тщеславие лангобардов», «сладострастие скоттов», «дикость франков», «пьянство испанцев» или «глупость саксов» (вариант — «тупость баваров»)³⁵³.

В «Хронике Фредегара» в эпизоде, посвященном пребыванию Дагобертова посла Сихария в ставке Само, язычникам приписываются порочность и гордыня³⁵⁴. Здесь же, применительно на этот раз к славянам, содержится распространенный в средневековой литературе топос³⁵⁵, уподобляющий язычников псам. При этом ставится под сомнение возможность «дружбы» между христианами и язычниками³⁵⁶. Правда, в реальной жизни такая «дружба» нередко имела место³⁵⁷ и определялась она чисто прагматическими интересами.

Вследствие сильной приверженности славян язычеству миссионеры не очень охотно отправлялись к ним для проповеди и обращения в христианство. Более того, в VI–VII вв., как представляет-

ся, вообще бытовало мнение, подкрепляемое ссылками на волю Всевышнего, о бесполезности подобного занятия. Например, когда Колумбану (конец VI — начало VII в.), согласно «Житию», «запала... в голову мысль» отправиться в пределы славян, чтобы «озарить слепые умы евангельским светом и открыть путь истины тем, кто изначально блуждал по бездорожью», он был остановлен в своих намерениях явившимся в видении ангелом Господним: «Ты видишь, — сказал он, — что весь мир остается пустынным (desertus). Иди направо или налево, куда выберешь, дабы вкушать плоды дел своих»³⁵⁸. Смысл изреченного приблизительно таков: проповедовать у славян — все равно что проповедовать в пустынном (или безлюдном) месте. Другими словами, попытка обратить славян в Христову веру сродни попытке взрастить плоды в пустыне. При этом проводилась мысль, что миссионерская деятельность возможна практически у всех окрестных язычников («иди направо или налево»), кроме славян. Поняв, «что нелегко у этого народа успех веры», Колумбан «остался на месте, пока не открылся путь в Италию»³⁵⁹.

Более решительным оказался епископ Аманд, если верить его «Житию»³⁶⁰. Достигнув определенных успехов на пути проповеди во Фландрии и обратив некоторых франков в Христову веру, он, «горя еще большим желанием, чтобы еще и другие были обращены, услышал, что славяне опутаны сетями дьявола, и более всего уповая, что сможет достичь пальмы мученичества... переправился через Дунай...». Уже в данном фрагменте содержится мысль о бесполезности миссионерской деятельности у славян: Аманд идет к последним не столько с целью добиться результата в плане обращения их в истинную веру, сколько стремясь «достичь пальмы мученичества». Однако ожидания святого мужа исполнились лишь наполовину. Как он и предполагал, «лишь немногие» из славян «возродились во Христе», несмотря на то, что он «во всеуслышание проповедовал Евангелие Христово». Но и мученичества, «которого всегда жаждал», Аманд не достиг. Видя, что «плод для него еще совсем не созрел», он покинул славян³⁶¹.

Характерно, что славяне, хотя и не поддались на проповедь, не причинили вреда миссионеру, который, если верить «Житию», прямо-таки искал «неприятностей». Сказались, с одной стороны, святость уз гостеприимства и уважительное, даже опасливое, отношение к служителям культа, пусть и поклонявшимся чужим бо-

гам. С другой стороны, видимо, Аманд был недостаточно последователен в поисках мученического венца. Ведь от корректности миссионера в немалой степени зависела его личная безопасность.

Другое отношение со стороны славян ждало тех представителей христианского духовенства, которых захватывали в плен во время войн и пиратских рейдов. Их, как мы видели, обращали в рабство наравне со всеми. Видимо, это было обусловлено взглядами язычников на побежденных. Поэтому и плененные «жрецы», с точки зрения язычников, утрачивали свою благодать, сверхъестественную силу, становясь в один ряд с другими пленными, а потом и с рабами.

Конечно, христианские миссионеры не совсем бездействовали. На основании актов VI Вселенского собора, состоявшегося в 680–681 гг. в Константинополе, ряд исследователей делают вывод, что уже тогда среди славян работали церковные миссии и часть славян могла принять крещение³⁶². Однако что-либо определенное сказать на этот счет сложно. Отдельные успехи, скорее всего, были непрочными, а неофиты, как показывают более поздние времена, вполне могли оказываться во власти двоеверия. Наглядным примером этого служит история восточных славян после принятия христианства³⁶³. Сходные явления мы находим и у других народов. Суть языческого подхода, приводившего к двоеверию, отчетливо зафиксирована Видукиндою Корвейским на примере датчан. Они, по его словам, «с древних времен являлись христианами»³⁶⁴ и, тем не менее, следуя обычаю отечества, поклонялись идолам. И случилось, что на каком-то пиру в присутствии государя возник спор о почитании богов, когда датчане стали утверждать, что Христос — бог, но имеются и другие боги, более (могучие...), так как могут вызывать перед людьми еще большие знамения и чудеса». Присутствующий там клирик Попо вступил в спор, который был разрешен следующим образом. Король Гаральд Синезубый (936–985) велел испытать клирика раскаленным железом. Поскольку священнослужитель с честью выдержал испытание, «тем самым он доказал, что католическая вера заслуживает одобрения». Поэтому «король распорядился почитать богом одного только Христа» и приказал уничтожить идолов³⁶⁵.

Подобное отношение язычников понятно. Ведь, поклоняясь своим богам, они не отрицают существование чужих. И если последние могут оказать практическую помощь, то тоже становятся

объектами почитания. Поэтому те же норманны за пределами родины поклонялись местным богам. «Христа они воспринимали как могучего витязя, правителя многих народов». Скандинавы часто принимали христианство, «убедившись в могуществе Христа, в удачливости поклонявшихся ему людей»³⁶⁶.

Многие параллели приведенным здесь скандинавским воззрениям можно найти на славянском материале эпохи христианизации и даже в более позднее время. Некоторые наблюдения позволяет сделать и материал VI–VIII вв. Например, потерпев неудачу в осаде Фессалоники, славяне «сами стали восхвалять Бога...»³⁶⁷. Как отмечалось выше, вряд ли это следует воспринимать как готовность креститься. Скорее всего, они вынуждены были признать, что ромейские боги на этот раз оказались сильнее славянских. Но иногда подобное «превосходство» могло стать побудительным мотивом для крещения. Например, славянский мастер, придумавший хитроумное осадное сооружение, но потерпевший неудачу в его строительстве вследствие противодействия св. Дмитрия Солунского, лишившего его рассудка, «искренне уверовал в Бога и святого мученика Димитрия и был удостоен пречистого крещения»³⁶⁸.

Известны случаи участия славян в культовых церемониях, посвященных иноплеменным богам. Например, болгарский хан Крум сделал из черепа убитого византийского императора Никифора чашу и заставлял пить из нее славянских архонтов³⁶⁹: так они выполняли один из важнейших ритуалов служения тюркскому богу Тенгри³⁷⁰. Известно также, что не только в славянском, но и в скандинавском мире отдавали дань признания руянскому богу Свентовиту.

Как бы там ни было, путь славянских народов к христианству был очень долгим и тернистым. Особенно упорствовали балтийские славяне. Гельмольд с полным основанием отмечал, что «среди всех северных народов одни лишь славяне были упорнее других и позже других обратились к вере»³⁷¹. Еще в XII в. на значительной территории балтийских славян господствовало язычество, христианство насаждалось силой оружия, справедливо воспринимаясь местным населением как одно из средств их порабощения и ликвидации независимости.

Язычество, во власти которого находились славяне, закрепляло непримиримость в отношении иноплеменников. Напротив, христианство надэтнично по природе, однако более нетерпимо к ино-

верцам. Кроме того, христианство — более организованная и мобильная религия, стремящаяся к постоянному расширению своего ареала. Поэтому военно-политическая экспансия на славянские территории, осуществляемая христианскими народами, и процессы христианизации (по крайней мере с VIII в.) были взаимосвязаны. Сохранению язычества способствовало то, что у представителей светской власти меркантильные интересы часто преобладали над интересами веры, и нередко они готовы были закрывать глаза на языческие пристрастия славян, оказавшихся в орбите их влияния. Например, Карл Великий, немало способствуя крещению окрестных «варваров», охотно, «с Божией помощью» принимал под свою власть и язычников, в том числе славян³⁷². Последних франки называли «нашими славянами»³⁷³. Невзирая на свою принадлежность к язычеству, сражаясь с врагами Карла Великого, они одерживали победы с помощью веры «христиан и государя короля». И вознаграждал их Карл Великий «чрезвычайно, как они были того достойны»³⁷⁴. Спустя несколько столетий ситуация мало изменится. Духовенство будет жаловаться, что сугубо прагматичные интересы светской власти вредили делу христианства у балтийских славян³⁷⁵.

Впрочем, впоследствии, приняв новую веру, славяне, по словам западноевропейских информаторов, становились одними из наиболее преданных последователей христианства. Например, мучительно трудно утверждалось христианство в Карantanском княжестве³⁷⁶. Однако со временем все изменилось. Гельмольд, живший в XII в., дает такую характеристику карantanцам: «...Это люди, преданные служению Богу, и нет народа более, чем они, достойного уважения и более приверженного в служении Господу и в почитании духовенства»³⁷⁷. Когда в 1168 г. датский король Вальдемар, взяв Аркону, разрушил святилище Святовита, князь руян Яромир принял крещение. «Став христианином, он был столь же стойким в вере, сколь твердым в проповеди, так что (в нем) можно было видеть второго, призванного Христом», апостола Павла³⁷⁸.

Очевидно, что отношение к славянам-христианам было прямо противоположно отношению к славянам-язычникам. Однако христианизация целого ряда славянских народов стала важным фактором ликвидации их независимости и ассимиляции.

Вместе с тем романо-германские народы крестились еще сравнительно недавно, а многие в VI–VIII вв. либо еще не были хрис-

тианизированы, либо оставались под сильным влиянием языческих традиций. В этом плане, равно как и в других составляющих развития общества, они стояли ближе к славянам, чем византийцы. На протяжении всего средневековья и у славянских, и у романо-германских народов весьма жизненными были восходящие к язычеству представления об особой сакральной сущности правителя. При этом христианские представления о богоизбранности носителя высшей власти очень медленно разрушали прежнее языческое содержание. Показательно, что сакральной силой наделялись, в представлении средневековых христиан, не только христианские государи, но и языческие предводители. Это иллюстрирует интересный сюжет, который содержится в «Хронике Фредегара», в рассказе об истории вокняжения у славян Само. Отправившись в первой половине 20-х гг. VII в. по торговым делам к славянам, начавшим уже восставать против аварского ига, Само принял участие в одном из походов. «... И там столь большая доблесть (*utilitas*³⁷⁹) проявилась в нем против гуннов (аваров. — В. П.), что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем». И впоследствии во многих битвах с гуннами «благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх»³⁸⁰.

Под пером франкского автора оживает тип сакрального военного вождя. Остается только гадать, насколько более значимо его в таковой роли представляли сами славяне. Само неожиданно откуда-то приходит и показывает чудеса храбрости. Неожиданно (не будем забывать, что эти славяне находились под игом аваров) славяне побеждают. Эти обстоятельства могли дать толчок для буквального обожествления Само. С точки зрения славян он, несомненно, обладатель огромной магической силы, любимец богов. Его избирают «королем». И ведет он себя как подобающий сакральному вождю — имеет «12 жен из рода славян, родивших ему 22 сына и 15 дочерей»³⁸¹. Вполне возможно, что указанные 12 жен были дочерьми вождей племенных союзов, объединившихся под властью Само. Это могло символизировать сакральную связь вождя с территориями всех (если так можно выразиться) субъектов сформировавшегося суперсоюза и, как следствие, сакральное единство территории последнего, персонифицируемое в Само и его женах.

Еще более «доблестным» франкскому хронисту представлялся король франков Дагоберт: «Страх же доблесть его внушала такой, что уже с благоговением спешили предать себя его власти; так что и народы, находящиеся близ границы аваров и славян, с готовностью упрасивали его, чтобы он благополучно шел позади них, и твердо обещали, что авары и славяне, и другие народы вплоть до империи будут подчинены его власти»³⁸². Здесь налицо характерная для средневековья иерархия «доблести» (счастья, удачи). И хотя Само — язычник и в иерархии «доблести» стоит ниже Дагоберта-христианина (а главное — короля франков), хронист фактически ставит их в один ряд. При этом наличие большей «доблести» у Дагоберта обеспечивало ему в системе международного права моральный авторитет, а не право на власть над Само. Тот же хронист осуждает Дагобертова посла Сихария, заявившего в споре, что «Само и народ его королевства должны де служить Дагоберту»³⁸³.

И в более позднюю эпоху особа князя, короля, императора считалась настолько священной, что противостоять ей простому смертному было трудно, если вообще возможно. Даже князья-язычники были не по зубам простым воинам-христианам. Когда саксонскому воину Госеду (середина X в.) удалось обезглавить одного из полабско-славянских князей — Стоинефа, окружающие восприняли это как небывалую удачу. Причем Видукинд объяснил, почему Госеду удалось сразить противника. Оказывается, Стоинеф «был утомлен сражением и лишился оружия». Тем не менее убийство даже обессиленного и безоружного князя посчитали небывалым подвигом. Госед «стал известным и знаменитым», германский император лично наградил его доходами с 20 крестьянских наделов. Заслуживают внимания и последующие события, которые обнаруживают языческую психологию победителей, несмотря на их внешнюю приверженность христианству. «На следующий день голову [короля варваров] выставили в поле, а возле этого места обезглавили семьсот пленных, советнику [короля варваров] выкололи глаза, вырвали язык и оставили как бесполезного среди трупов»³⁸⁴. Приверженность язычеству, конечно же, прослеживается не в плане жестокости (в этом отношении христиане мало чем отличались от язычников), а в плане ритуала. Вспомним хотя бы знаменитого «короля» Боза, распятого готами «с сыновьями и 70 знатными людьми» для устрашения антов³⁸⁵. Вызывает интерес

и известное совпадение в обоих случаях количества казненных вместе с вождем³⁸⁶: 70 и 700.

У Павла Диакона есть интересный рассказ о нападении славян на Фороюли в годы правления герцога Фриульского Вехтари (664–670/671). Узнав, что герцог отправился в Тицин, славяне совершили дерзкое вторжение и стали лагерем неподалеку от крепости. «Однако, по Божьему соизволению, случилось так, что накануне вечером герцог Вехтари вернулся из Тицина, о чем славяне не знали». С двадцати пятью мужами он выступил против неприятеля. Увидев такое мизерное войско, враги «принялись насмехаться, говоря: это, мол, патриарх с клириками выступил против них». Подойдя ближе, Вехтари, «сняв с головы шлем, показал славянам свое лицо, ведь он был лыс. Едва славяне узнали его, ибо это был сам Вехтари, как тотчас в смятении закричали: здесь Вехтари, и, так как Бог поразил их страхом, думали больше о бегстве, чем о сражении». В учиненной затем славянам резне «из пяти тысяч мужей с трудом уцелели лишь немногие, спасшиеся бегством»³⁸⁷.

Павел Диакон писал спустя более ста лет после смерти Вехтари и названных событий, если они действительно имели место. Его рассказ, как отмечал П. Паскини, несет на себе «сильный отпечаток народных легенд, особенно в деталях»³⁸⁸. Тем не менее суеверный страх славян перед удачливым военным вождем, каковым с их точки зрения являлся Вехтари, соответствует историческим реалиям той эпохи и находит подтверждение в других средневековых памятниках³⁸⁹. Под тем же углом рассматривали события и соплеменники герцога — как современники, так, если признать фольклорные элементы рассказа, и потомки. Сходным образом оценивал ситуацию и сам Павел Диакон, человек, наделенный высоким церковным саном. Правда, он пытался придать событиям христианскую окраску, заявив, что «Бог поразил» славян страхом. Но это у него получилось не совсем убедительно. Ведь из его же рассказа следует, что славяне изначально боялись именно Вехтари и выступили в поход, будучи твердо уверенными в отсутствии онго в Фороюли. Они пришли в смятение, увидев Вехтари, коего не предполагали встретить, и именно после этого «Бог поразил их страхом».

Византийские и латиноязычные авторы VI–VIII вв. характеризовали славян, и в том числе их религиозные представления, в соответствии со своими идеологическими позициями. В их взглядах

было много общего. Вместе с тем если для первых понятие «варвары» имело и конфессиональную (не христиане), и этнополитическую (не византийцы) нагрузку, то для вторых прежде всего конфессиональную (не христиане). Характерно, что вопросы миссионерской деятельности среди славян интересовали, в первую очередь, латиноязычных авторов. При этом если единичные акты крещения славян, отмеченные византийцами, являлись как бы следствием вмешательства божественных сил, то успехи западных миссионеров были результатом их личных действий, в условиях, когда «плод» для миссионерской деятельности «еще не созрел».

Незнание сути языческого культа приводило порою к курьезам. Например, и византийские, и латиноязычные авторы отмечали сугубо языческий обряд «соумирания» жены и мужа (или, чаще всего, рабыни и господина), характерный для славян того времени, в качестве образца женской целомудренности и супружеской добродетели³⁹⁰. И впоследствии эти сюжеты сохранились в литературе христианских народов как наизидание соплеменникам и единоверцам.

Существует мнение, что славяне «не принуждали пленных отречься от своей религии»³⁹¹. Однако стать полноправным в славянской общине и добиться в ней высокого положения мог только принявший местную веру. Об этом свидетельствует ряд известий. Так, по сообщениям Феофилакта Симокатты, гепид, перебежавший от славян к ромеям и оказавший им неоценимые услуги, некогда принял христианскую веру³⁹². Иными словами, автор говорит о его христианстве не в настоящем, а в прошедшем времени. (Правда, это сообщения можно трактовать и так, что гепид, бывший некогда язычником, стал христианином и остается им). Вместе с архонтом северов Славуном византийские агенты захватили и его сподвижника по набегам на греков, предводителя разбойников Христиана, отступника от веры³⁹³. В любом случае проживавший на территории славянской общины должен был признавать и чтить местные культы. Иначе полностью стать «своим» он не мог.

Говорить о толерантности в глубокой древности не приходится. Однако уже тогда человечество приобретало первые навыки сосуществования различных иноэтничных общностей и отдельных их представителей. Процесс этот был длительным, трудным и противоречивым. В истории человечества можно выделить две древ-

нейшие оппозиции. Первая (доставшаяся в наследство от животного мира) — противоречие между интересами коллектива в целом и конкретного его представителя в отдельности. Именно успешное подавление индивидуального эгоизма и тесные коллективистские начала позволили человеку современного типа выжить в борьбе с природой и с теми же неандертальцами. Не останавливаясь на вопросе, в какой мере труд создал человека, и не отрицая важность производственного процесса в антропогенезе, отметим, что человек действительно стал превращаться в человека тогда, когда научился подавлять индивидуальные инстинкты самосохранения в пользу выживания общины в целом. Другим важным этапом «очеловечивания» стало сохранение жизни слабым членам общины, которых ранее приносили в жертву общим интересам (убивали, изгоняли, что одно и то же, и т. п.).

На заре человеческого общества появилась и другая древнейшая оппозиция — «свой — чужой», также, видимо, доставшаяся ему в наследство от животного мира. Со становлением родовых коллективов она стала определять систему ценностей в отношениях между другими кровнородственными коллективами, а потом, по мере разрастания и структурного усложнения коллективов, между членами данной общины. Таким образом формировалась система многоуровневых связей: род — племя (семья — род — племя) — союз племен — родственные союзы племен — ближайшие представители неродственных этносов — более далекие — наиболее отдаленные и т. п. Трансформация этой оппозиции в сторону расширения круга «своих» разной степени «свойства» и положила начало развитию такого явления, как терпимость. Естественно, что с ослаблением одной оппозиции возникала другая: социальная, конфессиональная и т. п. Однако прогресс шел по пути смягчения данной оппозиции.

Примечания

¹ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 152–223; См. также: Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980. С. 66, 89–91, 95–97; Лебедев Г. С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Пермь; Сыктывкар, 1982. С. 41–55; Васильев М. А. Анты и словене: этногенетические и раннеэтноисторические процессы в славяноязычном мире в первой половине — середине I тыс. н. э. // Он же. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологи-

ческое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1998. С. 270–273; Давня історія України. Т. 3. Слов'яно-руська доба. Київ, 2000. С. 24; Терпиловський Р. В. Біля витоків слов'янства (за матеріалами Подніпров'я) // Ruthenica. Київ, 2002. Т. 1. С. 25–40. Ср., например: Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998.

² Данилова Л. В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России / Отв. ред. Л. В. Данилова. М., 1993. Вып. 1. С. 47.

³ Мысль о том, что венецы — предки западных, склавны — южных, а анты — восточных славян, весьма популярная в историографии, не находит подтверждения. В формировании восточнославянской общности, как показывают новейшие исследования, в той или иной мере принимали участие все вышеперечисленные группы славян.

⁴ См. ниже.

⁵ Маврикий Стратег. Стратегикон // Свод древнейших письменных известий о славянах. Изд. 2-е, испр. М., 1994. Т. 1: IV–VI вв. С. 369. Далее: Свод 1.

⁶ Прокопий Кесарийский. История войн // Свод 1. С. 182–183.

⁷ Шкуратов В. А. Историческая психология. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 207.

⁸ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 64.

⁹ См.: Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1998. С. 209–215.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 333.

¹² Фрезер Дж. Дж. Указ соч. С. 212.

¹³ Леви-Брюль Л. Указ. соч. С. 346.

¹⁴ Вспомним хотя бы русские былины. Калики перехожие, пообещав Илье Муромцу, что ему смерть на поле брани не уготована, заказали богатырю мериться силою с Микулой Селяниновичем и Святогором: одного «мать сыра земля любит», а другого — «не носит». Тот же Святогор не смог поднять котомку с простой землицей и т. п.

¹⁵ Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 120. — «И аще кто умяше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне» (Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 11. Далее: ПВЛ).

¹⁶ Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 83.

¹⁷ Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении германцев // Он же. Соч.: В 2 т. СПб., 1993. С. 346.

¹⁸ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 368–369.

¹⁹ Эти славяне находились под властью Аварского каганата.

²⁰ Павел Диакон. История лангобардов // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2: VII–IX вв. С. 484–485. Далее: Свод 2.

²¹ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. I, 82.

²² Там же. II, 12.

²³ См.: Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Ed. 3. Hannoverae et Lipsiae, 1917. IV. 18; Гельмольд. Славянская хроника. I, 1.

²⁴ См.: Гельмольд. Славянская хроника. I, 1, 38; II, 12.

²⁵ Например, поляки, из-за своей жадности к добыче, «часто наилучшим дружьем причиняют зло, как будто врагам...» (Гельмольд. Славянская хроника. I, 1). Красной нитью сквозь содержание «Славянской хроники» проходит мысль о патологической жадности саксонцев, которая наносила непомерный вред делу утверждения веры Христовой у славян и т. п.

²⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 303.

²⁷ Там же. С. 305.

²⁸ Если у восточных авторов под русами подразумеваются скандинавы, то хронологический отрезок, на котором действует указанный институт, еще более значителен.

²⁹ Те же раны, по словам Гельмольда, не знают счета деньгам и их истинной ценности, используя золото и серебро в сакральных («отдают в казну своего бога») или престижных («употребляют... на украшения для своих жен») целях. Кроме того, у них оказывается «должное почтение» родителям и отсутствуют нищие (Гельмольд. Славянская хроника. I, 38; II, 12).

³⁰ См. гл. 2.

³¹ ПВЛ. С. 101.

³² То, что для представителей знати данное обстоятельство имело весьма важное значение, подтверждает и скандинавский материал, перекликающийся с «Поучением». Так, в «Саге о Ньяле Храпп», в ответ на отказ Гудбранда оставить его у себя, заявляет: «Сдается, что люди лгут, когда говорят, что ты принимаешь всех, кто тебя просит об этом, и что нет человека щедрее тебя. Но я стану говорить иначе, если ты не примешь меня». Гудбранд оставил его у себя, несмотря на то, что Храпп не казался ему «удачливым человеком» (Исландские саги: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 192). Из этого эпизода следует, что Гудбранд, подобно Владимиру Мономаху, был весьма озабочен тем, как его «мимоходячи прославять по всем землям, любю добрым, любю злым».

³³ Там же.

³⁴ Фрезер Дж. Дж. Указ. соч. С. 211.

³⁵ Славянская мифология: Энцикл. слов. М., 1995. С. 145.

³⁶ «Гость и чужой всегда пришельцы, они противопоставлены домашним...» (Колесов В. В. Указ соч. С. 67).

³⁷ Славянская мифология. С. 145.

³⁸ Ветловская В. Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1987. С. 63.

³⁹ См.: Славянская мифология. С. 145–147.

⁴⁰ Это были, видимо, те лангобарды, которые сохранили верность Рисиульфугу как законному наследнику власти, а после гибели последнего — его сыну Ильдигису.

⁴¹ Прокопий Кессарийский. История войн. С. 188–191. — Впоследствии Ильдигис ушел от славян в империю.

⁴² См.: Павел Диакон. История лангобардов. С. 492–493. — Для вступавшей в конфликт с королем фриульской верхушки славянское Карантанское княжество издавна служило «надежным убежищем и опорой» (Свод 2. С. 501, коммент. 77).

⁴³ Хроника Фредегара // Свод 2. С. 370–371.

⁴⁴ Гельмольд. Славянская хроника. I, 15.

⁴⁵ Речь идет о временном характере рабства. — См.: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 38–41.

⁴⁶ *Маврикий Стратег.* Стратегикон. С. 374–375.

⁴⁷ См.: *Феофилакт Симокатта.* История // Свод 2. С. 22–25.

⁴⁸ См.: *Пузанов В. В.* У истоков восточнославянской государственности // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 14.

⁴⁹ *Менандр Протектор.* История // Свод 1. С. 320–321.

⁵⁰ См.: Там же. С. 316–317.

⁵¹ В разговоре с византийским стратигом хаган Баян говорил, что «он терпит оскорбления от них (славян), не желающих платить ему назначенную тогда ими (аварами) ежегодную дань, послов же аварских, отправленных к ним, убили...» (*Менандр Протектор.* История. С. 322–323).

⁵² См.: Там же. С. 320–321.

⁵³ См.: *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 140–141.

⁵⁴ *Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 8.

⁵⁵ См.: *Менандр Протектор.* История. С. 326–327.

⁵⁶ См.: Там же.

⁵⁷ Свод 2. С. 386, коммент. 31.

⁵⁸ *Хроника Фредегара.* С. 368–369.

⁵⁹ Свод 2. С. 386, коммент. 31.

⁶⁰ *Хроника Фредегара.* С. 368–369. — Автор хроники заявляет, что произносить подобные речи послу не поручали, и осуждает его за это.

⁶¹ *Хроника Фредегара.* С. 368–369.

⁶² См.: Свод 2. С. 386–387, коммент. 38.

⁶³ *Хроника Фредегара.* С. 368–369.

⁶⁴ См.: Свод 2. С. 385, коммент. 29.

⁶⁵ Убийство купцов в варварских обществах, видимо, чаще всего происходило вне пределов территории того или иного объединения, где они могли уже считаться не гостями, а военной добычей.

⁶⁶ См.: Чудеса св. Дмитрия Солунского // Свод 2. С. 154–159.

⁶⁷ Там же. С. 158–159.

⁶⁸ См.: *Хроника Фредегара.* С. 368–371.

⁶⁹ *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 494 и др.

⁷⁰ Критику подобных построений см.: *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 35–37.

⁷¹ *Прокопий Кессарийский.* История войн. С. 178–187.

⁷² См.: *Васильев М. А.* Указ. соч. С. 276. — М. А. Васильев, правда, понимает суперсоюз племен несколько однозначно. По его мнению, таковой «должен был... иметь единый центр (столицу), единый орган (органы) управления, продолжительную стабильность функционирования в качестве политического единства и т. д.». Это образование, «стоявшее на пороге государственности. Думаем, — заключает он, — что столь далеко в оценке социальной продвинутости антского общества сегодня едва ли пойдет кто-либо из ответственных исследователей» (Там же). На самом деле, как представляется, суперсоюзы типологически были более разнообразны (см. гл. 2). М. А. Васильев обрисовал высшую стадию развития суперсоюза. Тем не менее антскую общность нельзя считать даже первичной формой суперсоюза племен.

⁷³ Ср.: *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 554.

⁷⁴ См.: *Васильев М. А.* Указ. соч. С. 267–296. — В литературе, правда, имеет место точка зрения, что анты представляют особый случай ранней истории славян, выделяясь среди остальных славянских племен как более или менее организованное, хотя бы уже своим названием, общество (*Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822. n. Chr. Munchen. 1988. S. 96).

⁷⁵ См.: *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–VIII вв. М., 1985. С. 45; *Пузанов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. С. 10. — Ср.: *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 554.

⁷⁶ См.: *Абаев В. И.* Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С. 14.

⁷⁷ Свод 1. С. 231, коммент. 110.

⁷⁸ *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 37.

⁷⁹ Обстоятельная подборка сведений о рабстве у антов и склавинов VI–VII вв., у восточных славян VIII–X вв. содержится в специальной монографии И. Я. Фроянова «Рабство и данничество у восточных славян». Поэтому мы остановимся лишь на вопросах, либо не отраженных, в силу специфики, в указанной работе, либо особо важных для сохранения целостности сюжета и решения поставленных в данном разделе задач.

⁸⁰ *Прокопий Кессарийский.* История войн. С. 176–179.

⁸¹ См.: Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 97–181.

⁸² Там же. С. 154–155.

⁸³ См.: Там же. С. 152–155.

⁸⁴ Например, Прокопий Кессарийский, говоря о почти ежегодных вторжениях аваров, склавинов и антов, писал: «Думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по 200 000 погубленных и поработанных там ромеев, (поэтому) скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле...» (*Прокопий Кессарийский.* Тайная история // Свод 1. С. 203).

⁸⁵ См.: Иже во святых отца нашего Никифора, Патриарха Константинопольского, сокращенная история, начинающаяся с царствования Маврикия // Свод 2. С. 234–235.

⁸⁶ *Маврикий Стратег.* Стратегикон. С. 176–377 и др.

⁸⁷ Помимо отмеченной, византийское правительство преследовало и другую цель — уменьшить расходы казны на содержание армии, заставив ее жить за счет противника.

⁸⁸ *Тацит Корнелий.* О происхождении германцев... С. 347.

⁸⁹ *Павел Диакон.* История лангобардов. С. 490–491.

⁹⁰ ПВЛ. С. 22. Этот сюжет заимствован из Продолжателя Амартола. Сходные сведения содержатся и у Продолжателя Феофана (Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. М., 1992. С. 175–176).

⁹¹ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. 1. С. 95–96.

⁹² Там же. С. 94. — См. также: *Попович М. В.* Мировоззрение древних киевлян. Киев, 1985. С. 61.

⁹³ Такие представления могли быть связаны и с тем, что спина является самым незащищенным местом человека.

⁹⁴ См.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. С. 588.

⁹⁵ *Григорий Турский.* История франков. М., 1987. II, 42. С. 58.

⁹⁶ Сравни со схожими действиями в отношении гостя (см. выше, а также: *Пузанов В. В.* Институт гостеприимства у древних славян // Исторические истоки,

опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международ. науч. конф. Ижевск, 2002. С. 391–399).

⁹⁷ «...А се третье холопство: тивунство без ряду или привязать ключ к собе без ряду...» (Пространная Правда. Ст. 110. Далее: ПП).

⁹⁸ См., например: Славянская мифология. С. 188–189.

⁹⁹ Там же. С. 321–322.

¹⁰⁰ См.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 331; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987. С. 400; Славянская мифология. С. 321. — Крестная мать, возможно, заменила представителя родовой общины или волхва. Сам древний обряд, связанный с введением в род, трансформировался в обряд, обеспечивающий физическое и материальное благополучие. Крестная мать, надевая пояс, говорит крестнику: «Будь здоров и толстой, как печной столб!» (Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 331).

¹⁰¹ Славянская мифология. С. 310–311.

¹⁰² См.: Этнография восточных славян. С. 406.

¹⁰³ См.: Славянская мифология. С. 321–322.

¹⁰⁴ См.: Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 347.

¹⁰⁵ Криничная Н. А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск, 1995. С. 23.

¹⁰⁶ О том, что обращаемый в раба становился как бы другим человеком (родившимся заново), может свидетельствовать и древнегреческая мифология. Убийцы, в том числе и боги, отдавали себя в рабство, чтобы очиститься от греха (см.: Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 19).

¹⁰⁷ Кроме того, связывание могло означать установление тесной связи между отдельными людьми.

¹⁰⁸ Возможно, у древних ацтеков деревянный или металлический ошейник-ярмо с пропущенным через него прутом первоначально играл роль не клейма, как отмечается в литературе (Баглай В. Е. Социально-классовая структура древнеацтекского общества // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993. С. 191), а выполнял аналогичные вышеотмеченным функции. В древнем Риме рабам, привезенным с чужбины, «ноги смазывали мелом», а «пленных продавали, надев им на голову венки, — откуда и выражение: *Sub corona vendere...*» (Сергеенко М. Е. Жизнь в древнем Риме. СПб., 2000. С. 252). Интересно, что венки вешали на дверях и при рождении ребенка (Там же. С. 148).

¹⁰⁹ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 47–50.

¹¹⁰ Прокопий Кессарийский. История войн. С. 180–181.

¹¹¹ См. выше.

¹¹² Видимо, такое девиантное поведение на начальных этапах вело к выходу из родственного коллектива. Тот же ант, купивший Хилвудия, в случае успеха операции, скорее всего, должен был остаться в Византии. Согласно Прокопию Кессарийскому, ант собирался доставить мнимого полководца «в землю ромеев», соблазнившись надеждой, «что и доброй славой, и великими богатствами окружит его император». Кроме того, вся «операция» готовилась и осуществлялась втайне от соплеменников (Прокопий Кессарийский. История войн. С. 182–183).

¹¹³ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 368–369.

¹¹⁴ Цитированный текст следует сразу за другим, уже упоминавшимся знаме-

нитым известием Маврикия Стратега: «К пребывающим им иноземцам добры и дружелюбны...». Полную цитату см. выше (с. 15).

¹¹⁵ См.: История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 202; Фентон У. Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 109–158; и др.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См.: Попов В. А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в паразитических обществах (на материале доколониальных аканов) // Ранние формы социальной стратификации... С. 138.

¹¹⁸ Свод 2. С. 168–171.

¹¹⁹ Там же. С. 206, коммент. 207.

¹²⁰ См. напр.: Моця О. П. Населення південно-руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993. С. 51.

¹²¹ См. выше, а также: Пузанов В. В. Институт гостеприимства у древних славян.

¹²² Внешне положение детей в таких обществах мало чем отличалось от положения рабов. Тацит, описывая быт германцев, отметил: «Господа воспитываются в такой же простоте, как и рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания» (Тацит Корнелий. О происхождении германцев... С. 345). Таким образом, по Тациту, отличие свободнорожденного от раба заключалось в том, что он мог стать, в смысле обычного права, «взрослым» (полноправным), тогда как рабу приходилось всю жизнь оставаться в числе «детей» (неполноправных). А ведь речь идет о более развитой стадии рабства, чем у славян VI–VII вв. В описываемом Тацитом германском обществе рабство не только не было временным, но и допускалась продажа сообщинника (в частности, в том случае, когда он себя проиграл в кости) — См.: Тацит Корнелий. О происхождении германцев... С. 347.

¹²³ Может быть, об этом свидетельствует обычай усыновления рабов-мужчин у ленапов и делаваров (см.: Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 46) или ирокезов (см.: Моця О. П. Указ. соч. С. 51)

¹²⁴ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 368–369. — См. также выше.

¹²⁵ См. ниже.

¹²⁶ См., например: История первобытного общества... С. 201–202; Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 46.

¹²⁷ Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 536.

¹²⁸ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 152–155.

¹²⁹ Осаждавшие город славяне боялись, чтобы перебежавшие к ним ромеи «из-за их многочисленности здесь и из-за близости города... каким-либо способом не вернулись» (Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 152–153). Поэтому, стремясь быстрее от них избавиться, они должны были продавать их дешевле обычного.

¹³⁰ См.: Пьянков П. А. Социальный строй восточных славян в VI–VIII вв. // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / Под ред. З. В. Удальцов. М., 1969. С. 56–58, 62, 70 и др.

¹³¹ См.: Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 46 и др.

¹³² См.: Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 536; Свод 2. С. 246–247, коммент. 110–111, 113–114.

¹³³ Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 536.

¹³⁴ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 178–181.

- ¹³⁵ Тацит Корнелий. О происхождении германцев... С. 347.
- ¹³⁶ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 112–113.
- ¹³⁷ См.: Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.; СПб., 1999. С. 280 и др.
- ¹³⁸ См.: Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 5–48; Он же. О феодализме в России // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 3–4. С. 193–194 и др.
- ¹³⁹ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 368–369.
- ¹⁴⁰ См., например: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 274.
- ¹⁴¹ Они известны для древнерусского периода, когда и общество, и институт рабства находились на иной стадии развития.
- ¹⁴² Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 76.
- ¹⁴³ Там же. С. 76–77.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 78.
- ¹⁴⁵ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 297.
- ¹⁴⁶ Подробно о браке и добрачных отношениях у славян см.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 203–211.
- ¹⁴⁷ Тацит Корнелий. О происхождении германцев... С. 347. — См. также выше.
- ¹⁴⁸ Видимо, дальнейшее пребывание такового в составе рода могло разрушить живую душу рода, разорвать единую цепь поколений и тем самым погубить род.
- ¹⁴⁹ См. также: Пузанов В. В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: народ и власть. С. 55.
- ¹⁵⁰ См.: Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 85, 163–164.
- ¹⁵¹ См.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 96.
- ¹⁵² См.: Роэсдал Э. Мир викингов. СПб., 2001. С. 51.
- ¹⁵³ Ситуация здесь должна была начать меняться с принятием христианства, согласно которому пред Богом все христиане равны.
- ¹⁵⁴ См. гл. 2.
- ¹⁵⁵ См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57–93 и др.
- ¹⁵⁶ См. гл. 2.
- ¹⁵⁷ См.: Колесов В. В. Указ. соч. С. 64; Филин Ф. П. Указ. соч. С. 58; Свод 1. С. 118–119, коммент. 37.
- ¹⁵⁸ ПВЛ. С. 10.
- ¹⁵⁹ Филин Ф. П. Указ. соч. С. 58.
- ¹⁶⁰ Свод 1. С. 118, коммент. 37; С. 159, коммент. 254.
- ¹⁶¹ См.: Филин Ф. П. Указ. соч. С. 58.
- ¹⁶² Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1: Древние германцы. Викинги. С. 175.
- ¹⁶³ См.: Феофилакт Симокатта. История. С. 18–21.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 22–23.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 34–37.
- ¹⁶⁶ Прокопий Кессарийский. История войн. С. 194–195.
- ¹⁶⁷ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 144–151.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 148–149.

¹⁶⁹ Правда, в отношении третьего эпизода нельзя с полной уверенностью говорить о том, что все схваченные дали соответствующие показания.

¹⁷⁰ *Прокопий Кессарийский*. История войн. С. 194–197.

¹⁷¹ «Маврикий строго предостерегает, чтобы в солдатских фляжках была именно вода, а не вино, особенно в летнее время» (Свод 2. С. 60, коммент. 126).

¹⁷² *Феофилакт Симокатта*. История. С. 34–35.

¹⁷³ Там же. С. 34–37.

¹⁷⁴ *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. М., 1975. II, 14.

¹⁷⁵ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 144–147.

¹⁷⁶ Там же. С. 148–151.

¹⁷⁷ *Прокопий Кессарийский*. Тайная история. С. 202–203.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ *Прокопий Кессарийский*. История войн. С. 200–201.

¹⁸⁰ *Иоанн Малала*. Хроника // Свод 1. С. 268.

¹⁸¹ *Прокопий Кессарийский*. История войн. С. 200–201.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ *Иоанн Эфесский*. Церковная история // Свод 1. С. 278–279.

¹⁸⁴ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 150–151.

¹⁸⁵ Там же. С. 152–155.

¹⁸⁶ Хроника Фредегара. С. 370–373.

¹⁸⁷ Видимо, из местных жителей кто был убит, кто бежал, а оставшиеся не были в состоянии предать земле всех погибших.

¹⁸⁸ Цифра, по мнению исследователей, завышенная.

¹⁸⁹ *Прокопий Кессарийский*. История войн. С. 190–195.

¹⁹⁰ И. Я. Фроянов полагает, что, помимо прочего, такая жестокость может объясняться и жертвоприношениями «в честь богов, даровавших победу» (Фроянов И. Я. Рабство и данничество... С. 37). В этой связи можно, например, найти известные параллели в сообщении Прокопия о сжигании пленных в сараях с известием ПВЛ о сожжении в бане, по приказу Ольги, древлянских послов (ПВЛ. С. 27–28). На ритуальный характер последнего давно обращалось внимание в литературе.

¹⁹¹ См.: *Феофилакт Симокатта*. История. С. 28–31.

¹⁹² См., например: Там же. С. 14–15.

¹⁹³ Так произошло, например, при осаде Фессалоники (Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 134–135).

¹⁹⁴ См.: *Маврикий Стратег*. Стратегикон. С. 368–381; *Феофилакт Симокатта*. История. С. 20–29, 40–43; и др.

¹⁹⁵ *Маврикий Стратег*. Стратегикон. С. 378.

¹⁹⁶ *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. М., 1996. IV, 19. С. 150–151.

¹⁹⁷ Там же. С. 151–152.

¹⁹⁸ См. о нем: Свод 2. С. 320, коммент. 393; *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 257.

¹⁹⁹ *Феофан Исповедник*. Хронография // Свод 2. С. 284–285.

²⁰⁰ Там же. С. 280–281.

²⁰¹ *Прокопий Кессарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 178–179.

²⁰² См. выше (с. 19).

²⁰³ Прежде всего — политических противников.

²⁰⁴ *Маврикий Стратег*. Стратегикон. С. 370–371.

²⁰⁵ Это была широко распространенная тактика ведения «варварами» боя с

превосходившими их в техническом отношении имперскими армиями. Например, когда Квинтин с римскими войсками подошел к франкским селениям, они оказались покинутыми: «Ибо франки, делая вид, что боятся встречи с врагом, ушли в более отдаленные лесистые места, по краям которых соорудили засеки». В итоге римляне попали в западню и были уничтожены (*Григорий Турский. История франков. II, 9. С. 37*).

²⁰⁶ См. выше (с. 48).

²⁰⁷ Во время осады Фессалоники славяне пытались использовать весьма сложные и совершенные осадные орудия, правда, не всегда успешно.

²⁰⁸ Ср. со свидетельством Маврикия Стратега: «Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами... Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными ядом (*Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 370–371*). То есть славяне не были приспособлены для сражения с тяжеловооруженным противником, что до поры до времени и заставляло их уклоняться от прямых столкновений.

²⁰⁹ *Иоанн Эфесский. Церковная история. С. 278–279.*

²¹⁰ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 112–113.

²¹¹ Там же. С. 158–159.

²¹² Например, антский посланник Мезамер, прибыв к аварам, «изрек слова высокомерные и в чем-то даже наглые» (*Менандр Протектор. История. С. 316–317*).

²¹³ См. эпизод с аварским посольством к Даврентию или историю послов Дагоберта к Само.

²¹⁴ *Павел Диакон. История лангобардов. С. 486–487.*

²¹⁵ Характерный типаж варварского вождя представлен в образе Мармарота, который, «как и подобало ему, намного превосходил подданных своих, не одним лишь почетом главаря, но и ростом, силой и испытанностью в походах. Кроме того, как то присуще варварам, он был отменно наделен дерзостью и надменностью» (*Мученичество Орентия и его братьев // Свод 2. С. 515*).

²¹⁶ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 114–115.

²¹⁷ В славянской мифологии образ огненной реки, «отделяющей мир мертвых от мира живых», восходит к глубокой древности (*Славянская мифология. С. 285*).

²¹⁸ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 160–161.

²¹⁹ *Славянская мифология. С. 118–119.*

²²⁰ См.: *Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 20–30; Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 295; Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Христианские символы и языческие традиции Древней Руси // Символы в культуре. СПб., 1992. С. 37–38.*

²²¹ «...После того как испытали необоримую помощь венчающего нас Бога, получив союзником святого великомученика Дмитрия в совершенных нами различных сражениях как с его, так и с нашими противниками, мы полагаем, что справедливо теперь воздать дарами благодарности тому, кто выступает поборником нашим» (Указ Юстиниана II о царском дарении в пользу храма св. Дмитрия в Фессалонике II // *Свод 2. С. 214–215*).

²²² См. прим. 220.

²²³ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 162–163.

²²⁴ *Славянская мифология. С. 136–139.*

²²⁵ О боевой магии славян см.: *Пузанов В. В. О боевой магии древних сла-*

вян // Этнос — Культура — Человек: Сб. материалов Международ. науч. конф., посв. 60-летию В. Е. Владыкина. Ижевск, 2003. С. 288–300.

²²⁶ См.: Пузанов В. В. Война и внешняя торговля как факторы образования древнерусской государственности // Российская государственность: уровни власти: Историческая динамика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 2001. С. 3–16.

²²⁷ Хроника Фредегара. С. 366–367.

²²⁸ «В си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» (ПВЛ. С. 10).

²²⁹ ПВЛ. С. 10.

²³⁰ Свод 2. С. 381, коммент. 13. — А. В. Майоров усмотрел в практике сожительства аваров со славянками «давнюю традицию», обычай «гостеприимного гетеризма» (История России: Россия и Восток / Сост. Ю. А. Сандулов. СПб., 2002. С. 16). Это мнение не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Перед нами обычная для того времени практика насилия победителей над женщинами побежденных.

²³¹ Хроника Фредегара. С. 366–367.

²³² Там же.

²³³ Пасхальная хроника // Свод 2. С. 78–79.

²³⁴ См.: Феофилакт Симокатта. История. С. 18–20.

²³⁵ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 369.

²³⁶ Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 37–45.

²³⁷ Там же. С. 40.

²³⁸ Там же. С. 34–35.

²³⁹ «[Пржемысл был] человеком, который за свою храбрость поистине заслужил звание мужа; с помощью законов, он укротил это дикое племя и необузданный народ усмирил, обратив его в рабство...» (Козьма Пражский. Чешская хроника. С. 45).

²⁴⁰ По поводу источников легенд о призвании правителей см.: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. С. 118–121.

²⁴¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 8–19; Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 5–48.

²⁴² См.: Пузанов В. В. Институт рабства у антов, склавинов и восточных славян: традиции и новации // Вестник Удмуртского университета. 2003. Сер.: История. С. 31–32.

²⁴³ Феофилакт Симокатта. История. С. 16–17.

²⁴⁴ Иоанн Эфесский. Церковная история: Приложение // Свод 1. С. 284–285. — По византийским понятиям считалось недопустимым и кощунственным облачение варваров в императорские одежды. Константин Багрянородный вразумлял сына ни в коем случае не выполнять просьбы правителей других народов «послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов», поскольку они посланы первому императору-христианину Константину «через ангела» Богом. Потому царские одеяния и хранятся в церкви (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 54–57).

²⁴⁵ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 134–135.

²⁴⁶ Pohl W. Die Awaren... S. 114.

²⁴⁷ См.: Пасхальная хроника. С. 78–79.

²⁴⁸ См.: Свод 2. С. 80, коммент. 1.

²⁴⁹ Существует точка зрения, опирающаяся на сообщения Прокопия Кесса-

рийского, о заключении антско-византийского союза уже в 545 г. В таком случае остается непонятым не только поведение аваров, но и информация Маврикия Стратега, из которой явствует, что анты рассматривались как противники империи. Скорее всего антско-византийские союзные отношения были временными и неустойчивыми. Об антско-византийских отношениях см. ниже.

²⁵⁰ См.: Менаандр Протектор. История. С. 316–317. — См. также выше.

²⁵¹ См.: Свод 2. С. 63–64, коммент. 153–154 и др.; Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 567–578.

²⁵² См.: Свод 2. С. 377–378, коммент. 5.

²⁵³ Хроника Фредегара. С. 366–367.

²⁵⁴ См. ниже.

²⁵⁵ См.: Авенариус А. «Государство Само»: проблемы археологии и истории / Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 71.

²⁵⁶ Свод 2. С. 381–382, коммент. 13. — Ср.: Pohl W. Die Awaren. S. 114.

²⁵⁷ Pohl W. Die Awaren. S. 116.

²⁵⁸ Свод 2. С. 381–382, коммент. 13.

²⁵⁹ Хроника Фредегара. С. 366–367.

²⁶⁰ См.: Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 169–171. См. также выше.

²⁶¹ «И подобно тому как при фараоне в Египте увеличивался род евреев, так и у них таким же образом через православную веру и святое животворящее крещение росло племя христиан. И рассказывая друг другу о родине отцов, они, как огонь, возжигали в сердцах друг друга (стремление) к бегству» (Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 170–171).

²⁶² См.: Pohl W. Die Awaren. S. 113.

²⁶³ Ibid. S. 113–117.

²⁶⁴ ПВЛ. С. 10.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Прокопий Кессарийский. О постройках // Свод 1. С. 204–207.

²⁶⁷ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 370–373.

²⁶⁸ См., например: Феофилакт Симокатта. История. С. 32–33, 38; Феофан Исповедник. Хронография. С. 278–279.

²⁶⁹ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 374–375.

²⁷⁰ Феофан Исповедник. Хронография. С. 280–281.

²⁷¹ См. также ниже.

²⁷² Феофан Исповедник. Хронография. С. 280–281.

²⁷³ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 370–371.

²⁷⁴ Собственно говоря, сходная ситуация в существенной степени характерна и для современной системы международных отношений.

²⁷⁵ Феофан Исповедник. Хронография. С. 274–275.

²⁷⁶ См.: Там же. С. 286–287.

²⁷⁷ Например, патриарх Никита (766–780 гг.).

²⁷⁸ Например, Василий I — основатель македонской династии (см.: Успенский Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 13).

²⁷⁹ См., например: Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 548–556.

²⁸⁰ Агафий Миринейский. История // Свод 1. С. 294–297.

²⁸¹ Прокопий Кессарийский. История войн. С. 176–179.

²⁸² См. выше.

- ²⁸³ *Прокопий Кессарийский*. История войн. С. 186–187.
- ²⁸⁴ Там же. С. 196–197.
- ²⁸⁵ Иже во святых отца нашего Никифора, патриарха Константинопольского, сокращенная история... С. 232–233; *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 280–281. — Чем это завершилось, см. выше (с. 63).
- ²⁸⁶ *Агафий Миринейский*. История. С. 294–297.
- ²⁸⁷ *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. IV. 20. С. 152.
- ²⁸⁸ См., например, эпизод с захватом в плен гота (с. 28 наст. изд.).
- ²⁸⁹ См.: Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 126–127.
- ²⁹⁰ Свод 2. С. 322, коммент. 421.
- ²⁹¹ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 144–151.
- ²⁹² Там же. С. 132–133. — См. подробнее: *Пузанов В. В.* О боевой магии древних славян.
- ²⁹³ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 164–167.
- ²⁹⁴ Там же. С. 154–163.
- ²⁹⁵ Там же. С. 142–145.
- ²⁹⁶ Велегизиты были подчинены к тому времени империи, но сохраняли полуавтономию (см.: Свод 2. С. 323, коммент. 433).
- ²⁹⁷ Пришедшую к власти в 797 г. в результате ослепления собственного сына Константина VI.
- ²⁹⁸ См.: *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 288–289.
- ²⁹⁹ См.: *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. С. 150.
- ³⁰⁰ См.: *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 284–285.
- ³⁰¹ См.: Свод 2. С. 320, коммент. 392.
- ³⁰² *Pohl W.* Die Awaren. S. 110.
- ³⁰³ См.: *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу. Вторая волна. СПб., 2001.
- ³⁰⁴ Некоторые исследователи высказывают серьезные сомнения в возможности отождествления венедов и антов, воевавших с готами, с венетами и антами VI в. (времени написания труда Иорданом).
- ³⁰⁵ См.: *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 233–286; *Он же*. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 186–198.
- ³⁰⁶ См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 25–27 и др.
- ³⁰⁷ См.: Там же. С. 246.
- ³⁰⁸ См.: Там же.
- ³⁰⁹ Краткое содержание взглядов средневековых славянских авторов на данную проблему см.: *Седов В. В.* Славяне в древности. С. 8–13.
- ³¹⁰ Свод 2. С. 82, коммент. 35.
- ³¹¹ См.: Пасхальная хроника. С. 78–79.
- ³¹² Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 150–161.
- ³¹³ *Маврикий Стратег*. Стратегикон. С. 370–373.
- ³¹⁴ См. ниже цитату из «Стратегикона» о политике в отношении славянских вождей.
- ³¹⁵ Об отношениях на принципах «дружбы» см. выше (с. 22). Несомненно, что межплеменные противоречия в рамках союзов племен имели место. Возможно, и их подразумевал автор. Тем не менее речь шла, главным образом, о противоречиях между отдельными объединениями.
- ³¹⁶ *Маврикий Стратег*. Стратегикон. С. 374–375.
- ³¹⁷ См.: Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 160–161, 203, коммент. 171.

- ³¹⁸ См.: Там же. С. 154–159, 202–203, коммент. 167, 171.
- ³¹⁹ *Иванова О. В.* Формы политической организации славян в центральной и южной частях Балканского полуострова // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.* С. 59–61.
- ³²⁰ См.: Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 165–167.
- ³²¹ *Проконий Кессарийский.* История войн. С. 180–181.
- ³²² *Иоанн Эфесский.* Церковная история. С. 284–285.
- ³²³ Там же. С. 284–285. — Характерно, что месть пришлось на империю, а не на антов. Что это? Боязнь ослушаться аварского хагана и уйти из организованного им похода? Или стремление отложить месть антам на потом, а пока, по случаю, отомстить византийцам? Вероятно, учитывая характер эпохи, первое.
- ³²⁴ См.: *Проконий Кессарийский.* История войн. С. 182–183.
- ³²⁵ ПВЛ. С. 10–11.
- ³²⁶ Свод 2. С. 387, коммент. 38. — См. также выше.
- ³²⁷ *Котляр М. Ф.* Історія дипломатії Південно-Західної Русі. Київ, 2002. С. 3.
- ³²⁸ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 98–99.
- ³²⁹ *Феодор Синкел.* О безумном нападении безбожных аваров и персов на богосохранимый Град и об их позорном отступлении благодаря человеколюбию Бога и Богородицы // Свод 2. С. 84–85.
- ³³⁰ *Феофилакт Симокатта.* История. С. 14–15, 30–31; Феофан Исповедник. Хронография. С. 278–279.
- ³³¹ *Феофилакт Симокатта.* История. С. 24–27.
- ³³² Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 106–107, 110–111.
- ³³³ Там же. С. 102–103, 106–107, 110–111.
- ³³⁴ *Георгий Псисид.* Ираклиада, или на окончательное падение Хосроя, царя Персидского // Свод 2. С. 70–71.
- ³³⁵ См., например: *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 593; *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 98.
- ³³⁶ «Народ лживый славяне» (*Иоанн Эфесский.* Церковная история. С. 278–279). — Данное определение характерно для традиции описания диких народов в сирийской историографии (Свод 1. С. 281, коммент. 11).
- ³³⁷ Георгия Псиды, диакона и скевофилака Великой Божьей церкви (поэма) о случившемся нашествии варваров и их безрассудстве, или изложение происшедшей у стен Константинополя войны между аварами и горожанами // Свод 2. С. 66–67. — Ср.: Славяне «в зверином безумии» достигли храма трех святых мучениц (Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 98–99).
- ³³⁸ Ср.: Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 110–111, 148–149 и др.
- ³³⁹ Пасхальная хроника. С. 76–77
- ³⁴⁰ *Феофан Исповедник.* Хронография. С. 276–279.
- ³⁴¹ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 84–85.
- ³⁴² *Феофилакт Симокатта.* История. С. 14–17. См. также: *Феофан Исповедник.* Хронография. С. 254–255.
- ³⁴³ Свод 2. С. 48, коммент. 29.
- ³⁴⁴ См.: Свод 2. С. 227, коммент. 91–93.
- ³⁴⁵ *Проконий Кессарийский.* История войн. С. 184–185.
- ³⁴⁶ См.: Свод 2. С. 49, коммент. 31.
- ³⁴⁷ Св. епископ Аманд «услышал, что славяне, вовлеченные в чрезмерное заблуждение, опутаны сетями дьявола...» (Житие св. епископа Аманды // Свод 2. С. 407). Как «...народ весьма приверженный язычеству...», характеризуются сла-

вяне в Мозельских анналах (Лоршские и Мозельские анналы // Свод 2. С. 444–445). В Бревиарных записях славяне названы жестокими и жесточайшими язычниками (Бревиарные записи // Свод 2. С. 502–505).

³⁴⁸ «Загадки, посланные сестре» и переписка Бонифация // Свод 2. С. 416–417.
³⁴⁹ См.: Свод 2. С. 416, комментарий 1.

³⁵⁰ «Загадки, посланные сестре» и переписка Бонифация. С. 414–415.

³⁵¹ См.: Свод 2. С. 358, комментарий 7. — Сходные характеристики содержатся и у византийских авторов.

³⁵² Свойственный, по Исидору, также севам.

³⁵³ *Исидор Севильский*. О свойствах народов. О недостатках народов // Свод 2. С. 356–357.

³⁵⁴ См.: Хроника Фредегара. С. 368–369.

³⁵⁵ См.: Свод 2. С. 388, комментарий 39–40.

³⁵⁶ «Сихарий сказал: “Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами”» (Хроника Фредегара. С. 368–369).

³⁵⁷ См.: Свод 2. С. 388, комментарий 39. — См. также ниже.

³⁵⁸ *Иона из Бобьо*. Житие св. Аббата Колумбана и его учеников // Свод 2. С. 360–361.

³⁵⁹ Там же. С. 360–361.

³⁶⁰ Аманд родился после 590 г., а умер после 675 г. «Житие» написано не позднее первой четверти VIII в. (Свод 2. С. 406).

³⁶¹ Житие св. Епископа Аманды. С. 406–407.

³⁶² См.: Свод 2. С. 212. — О христианизации славянских народов см.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

³⁶³ См.: *Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я.* Христианство... С. 189–329.

³⁶⁴ Эта информация не соответствует действительности. Речь может идти о том, что часть датчан принимали христианство. См. также ниже и прим. 366.

³⁶⁵ *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. III. 65.

³⁶⁶ *Гуревич А. Я.* Избранные труды. Т. 1. С. 175–176.

³⁶⁷ Чудеса св. Дмитрия Солунского. С. 162–163.

³⁶⁸ Там же. С. 162–165.

³⁶⁹ См.: *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 288–289.

³⁷⁰ См.: Свод 2. С. 324, комментарий 446.

³⁷¹ *Гельмольд*. Славянская хроника. I, 6.

³⁷² *Анналы Петау* // Свод 2. С. 449.

³⁷³ «...Наши славяне, которые называются ободритами» (Лоршские и Мозельские Анналы. С. 444–445).

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Отмечалась, прежде всего, ненасытная жадность саксов (*Гельмольд*. Славянская хроника. I, 19; 21 и др.).

³⁷⁶ См.: *Ронин В. К.* Принятие христианства в Карantanском княжестве // Принятие христианства... С. 104–121; Свод 2. С. 458–460, комментарий 1–2.

³⁷⁷ *Гельмольд*. Славянская хроника. I, 1.

³⁷⁸ Там же. II, 12.

³⁷⁹ *Utilitas* — полезность, благо, выгода. Здесь и во многих других контекстах — некая главная добродетель военного вождя и правителя, соединяющая в себе «силу, энергию, мудрость, т. е. вообще способность эффективно распоря-

жаться своей властью. ... *Utilitas* подразумевает также удачливость, особую благодать, проявляющуюся в успешности действий носителя этой добродетели» (см.: Свод 2. С. 383, коммент. 15).

³⁸⁰ Хроника Фредегара. С. 366–367.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же. С. 366–369.

³⁸³ Там же. С. 368–369.

³⁸⁴ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. III, 55.

³⁸⁵ Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Свод 1. С. 114–115.

³⁸⁶ В последнем случае убитого вождя символизировала его голова, вокруг которой и разворачивались казни.

³⁸⁷ Павел Диакон. История лангобардов. С. 488–489.

³⁸⁸ Свод 2. С. 499, коммент. 58.

³⁸⁹ О том, что славяне опасались не столько византийской армии, сколько удачливых полководцев, свидетельствуют и византийские авторы. У них же имеются сведения о сакрализации власти вождей у славян (См.: Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 13).

³⁹⁰ См.: Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 368–369; «Загадки, посланные сестре» и переписка Бонифация. С. 416–417.

³⁹¹ Свод 2. С. 246, коммент. 111.

³⁹² Феофилакт Симокатта. История. С. 22–23.

³⁹³ См.: Феофан Исповедник. Хронография. С. 284–285.

В. В. Пузанов
Образование
Древнерусского государства:
межэтнический симбиоз
и иерархия территорий

Проблема образования Древнерусского государства относится к одной из наиболее актуальных и старейших в отечественной историографии. Своими истоками она уходит в первые летописные своды, а ее серьезная научная разработка ведется со второй четверти XVIII в. — начального этапа становления отечественной исторической науки. Краеугольным камнем проблемы является вопрос о соотношении внешних и внутренних факторов в процессах генезиса государственности, важнейшей составляющей которого является так называемый «норманнский вопрос».

Обоснованная в общих чертах Г. Ф. Байером, развитая в трудах Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера¹ и их последователей норманнская теория прошла длительный, противоречивый путь развития. Становление ее было обусловлено прежде всего уровнем развития исторической науки XVIII в. Доступные в то время исследователям источники в основном ограничивались кругом древнерусских, византийских и западноевропейских известий. Большинство из них подтверждало сведения «Сказания о призвании варягов», содержащегося в «Повести временных лет» (далее: ПВЛ)², о норманском происхождении варягов, русов и родоначальников русской княжеской династии. Господствующие в то время историософские воззрения, отводившие исключительную роль в основании государств выдающимся личностям, способствовали тому, что историю того или иного государства вели с момента появления первой правящей династии. Кроме того, свидетельства летописи о

«призвании» на княжение Рюрика с братьями удачно соотносился с популярной тогда теорией «общественного договора». Поэтому естественно, что первые норманнисты, признав скандинавское происхождение Рюрика с братьями, пришли к выводу о норманнском происхождении Древнерусского государства. Даже их главный оппонент, основоположник так называемой «славянской школы» М. В. Ломоносов не ушел дальше и также вел начало русской государственности с прихода Рюрика, только видел в нем и приведенной им «руси» не скандинавов, а западных славян.

Достаточно быстро, помимо научной, наметились и другие составляющие проблемы. Показательно, что полемика по норманнскому вопросу началась не после выхода работ Г. З. Байера, а после ознакомления членами Петербургской академии наук с диссертацией Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Тогда впервые в научный спор вмешались политические соображения и оскорбленное национальное достоинство русских. Однако «обвинять» в этом нужно не Г. Ф. Миллера и не М. В. Ломоносова «со товарищи», а ту общественно-политическую ситуацию, которая сложилась в стране с приходом к власти Елизаветы Петровны, когда русский национальный дух воспрянул после унижений «мрачного бироновского десятилетия», а политика двора строилась на контрасте с политикой Анны Иоановны. Поэтому реакция на труд Г. Ф. Миллера была излишне болезненной, даже если признать некорректными отдельные положения и выводы автора. Сыграли свою весомую роль и не вполне зрелое национальное самосознание русских, и младенческое состояние отечественной исторической науки.

В XIX в. изучение проблемы вошло в более или менее спокойное русло. Время от времени спокойствие нарушалось воинствующими антинорманнистами, в построениях которых было больше эмоций, чем научного анализа. Правда, эмоции проявлялись не столько в академической науке, сколько в околonaучных кругах. Особенно наглядно это прослеживается в период после Отечественной войны 1812 г., приведшей к небывалому подъему патриотизма и национального самосознания. Вместе с тем наряду с откровенно дилетантскими работами Ф. Л. Морошкина, Ю. И. Венелина, А. С. Великанова, А. Артемьева, Ф. И. Кнауэра и др. антинорманнистская школа XIX — начала XX в. явила научному миру ряд выдающихся исследований, представленных трудами Н. И. Ко-

стомарова, Д. И. Иловайского, С. А. Гедеонова, М. С. Грушевского.

В целом же в среде российских ученых рассматриваемого времени преобладали норманнистские взгляды. Однако историографическая ситуация середины XIX — начала XX в. по сравнению с предшествующим периодом имела и существенные особенности, определяемые, в первую очередь, новыми методологическими подходами к изучению проблемы становления государства и трактовке природы последнего. Все больше исследователей смотрели на государство как на продукт длительного развития общества, что неизбежно вело к переоценке и роли норманнов в процессе политогенеза на территории Восточной Европы. Характерна в этом плане, например, позиция ученых государственной школы, писавших о победе государственных начал над родовыми только в XV—XVI вв. и отказавшихся выделять «норманнский период» в русской истории (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин). Еще более «радикальной» была точка зрения В. О. Ключевского, который, касаясь содержания споров по варяжской проблеме, не без присущей ему язвительности замечал: «...Национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или иного князя и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название»³. Известный историк права М. Ф. Владимирский-Буданов прямо заявлял, что у восточных славян «князья-варяги застали везде готовый государственный строй»⁴, и т. д.

Такая метаморфоза не должна вызывать удивления. Уровень науки был принципиально иным, чем в XVIII в. Спор же между норманнистами и антинорманнистами по-прежнему вращался вокруг вопроса об этническом происхождении правящей древнерусской династии. Признававшие скандинавское происхождение первых наших князей относились к норманнистам, а все остальные — к антинорманнистам. Среди антинорманнистов были сторонники славянской, финской, готской, хазарской, жмудской, иверийской и прочих теорий. Наиболее представительной являлась славянская школа, делившаяся, в свою очередь, на западнославянскую (признавалось западнославянское происхождение Рюрика и варягов-руси) и среднеднепровскую (вела речь об автохтонном, среднеднепровском происхождении росов-русов). Вопрос об этнической природе варягов и русов фактически был

подчинен решению проблемы этнического происхождения Рюрика с братьями.

Таким образом, уже в дореволюционной историографии выделяются две важнейшие составляющие «варяжской проблемы»: 1) этническая принадлежность родоначальников княжеской династии и варягов-руси, происхождение названия «Русь»; 2) роль внутренних и внешних факторов в образовании древнерусской государственности. Содержание полемики по первому вопросу, в силу его конкретно-исторического характера⁵, достаточно устойчиво по сути и связано, в основном, с состоянием источниковой базы, тогда как по второму существенно меняется в зависимости от развития методологических основ исторической науки⁶.

Марксистская историография стала трактовать проблему возникновения государственности с позиции становления классов, акцентируя внимание прежде на глубинных, внутренних процессах развития общества. Вместе с тем, рассматривая исторический процесс под социально-экономическим углом зрения, историки-марксисты не забывали о многофакторности развития социума, в том числе и о внешнем факторе. Тем более что важное значение последнего в образовании государства признавали и классики марксизма⁷. Однако со второй половины 1930-х гг. в советской историографии наметилась, а в 40-е — середине 50-х гг. возобладали тенденции на преуменьшение, а порой и фактическое отрицание внешнего воздействия в процессе социо- и политогенеза у восточных славян. При этом создавалась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: советские историки, критикуя как дореволюционных, так и современных им норманистов, равнодушно относились к другим «неславянским» теориям происхождения «руси» (например, «финской» и «литовской»). Они не только признавали существенную роль финно-угорского и балтского компонентов в генезисе древнерусской народности, но и отмечали, например, прочные традиции «культурного, экономического и политического братства народов Прибалтики и русского народа»⁸. Однако роль германских элементов (готских и скандинавских) фактически отрицалась⁹. После публикации в 1951 г. в «Правде» статьи П. И. Иванова «Об одной ошибочной концепции» началась кампания по борьбе с «идеализацией истории хазар», «преувеличением их роли в создании Древнерусского государства» и т. п. Правда, работ подобного рода появилось немного¹⁰, и по-

прежнему наиболее злободневным оставался именно «норманнский» (правильнее даже, «германский») вопрос. Можно без преувеличения сказать, что и для советской историографии, и для национального самосознания он явился определенной лакмусовой бумажкой проверки на зрелость.

Показательна в этой связи ситуация, когда достаточно осторожные, по современным понятиям, попытки В. В. Мавродина указать на роль варягов в объединении Новгорода и Киева в одно государство¹¹ встретили жесткую критику со стороны коллег. Господствующую в отечественной историографии того времени позицию четко обозначил Г. Г. Литаврин, который, полемизируя с А. Стендер-Петерсеном, писал: «...Марксисты вовсе не отрицают... внешнего влияния на процесс образования государства... Однако они не считают это влияние не только решающим фактором в возникновении государства, но и одним из необходимых факторов в этом процессе»¹².

В результате советская марксистская историческая наука, объявившая норманнский вопрос второстепенным для изучения процессов классообразования и становления государственности, оказалась его заложницей в большей степени, чем дореволюционная. Прежде всего, в XIX — начале XX в. государство не вмешивалось в научный спор о происхождении русов. Поэтому норманизм, как и антинорманизм, являлись частным делом каждого историка. С конца 30-х — начала 40-х гг. XX столетия варяжская проблема из частной (точка зрения конкретного исследователя) переросла в государственную, став одним из важных направлений в общем наступлении на «антинаучную буржуазную историографию». При этом советские историки пытались показать несостоятельность норманизма, апеллируя не только к марксистской методологии, но и к фактическому материалу, задействовав и развив доказательный потенциал, накопленный отечественными антинорманистами XVIII — начала XX в., прежде всего — сторонниками среднеднепровского происхождения «руси». Как следствие, центр тяжести в изыскании истоков древнерусской государственности был перенесен на юг, в Среднее Поднепровье, которое стали представлять в качестве локомотива социально-экономического, политического и культурного развития среди восточнославянских регионов (как говорится, подальше от варягов). Одновременно начались поиски классового общества и раннегосударственных

образований у восточных славян в эпоху, предшествующую появлению скандинавов в Восточной Европе. Весьма откровенно о цели подобных поисков высказался В. Т. Пашуто, касаясь вопроса о летописных племенах: «Если вся структура тогдашней Руси оканчивается не этнографической, племенной, а политической, то, понятно, рушится и пресловутое “русское” племя и славяно-скандинавский симбиоз народов»¹³. Наконец, явно противореча своим марксистским убеждениям, советские историки на одно из первых мест поставили проблему происхождения названий «Русь», «Русская земля», начав усиленные поиски их на юге Восточной Европы в «доваряжский» период ее истории.

Между тем антинорманизм в советской историографии отличался от антинорманизма образца XVIII — XIX в., когда спор фокусировался на этническом происхождении первых князей и летописной «руси». Советские антинорманисты, говоря о среднеднепровском, славянском происхождении «русов», признавали факт скандинавского происхождения княжеской династии Рюриковичей¹⁴. Да и норманизм к тому времени уже понимался по-другому¹⁵.

Во второй половине 1950-х — 60-е гг. (Х. Ловмянский, А. П. Новосельцев и др.) и особенно в 1970–80-е гг. (Г. С. Лебедев, И. В. Дубов, Д. А. Мачинский и др.) намечается определенный перелом в оценке роли норманнов. Все больше ученых приходят к выводу о северном происхождении термина «Русь», усматривая в «русах» или скандинавов, или надэтничный социальный слой с существенной, и даже преобладающей, долей норманнов¹⁶. Однако возникновение государственности историки рассматривали в контексте становления классового общества, акцентируя внимание на том, что норманны не принесли на Русь нового способа производства и не могли создать классы. В итоге признание роли внешнего фактора оставалось, по сути, декларативным, не привязанным к конкретным процессам социо- и политогенеза на Руси. В лучшем случае (после работ В. Т. Пашуто) варягам отводилась роль орудия в руках восточнославянской и финно-угорской знати, с помощью которого последним было удобнее эксплуатировать соплеменников¹⁷. Это была косметическая корректировка официальной теории. Поэтому, например, когда И. Я. Фроянов мимоходом обмолвился, что появление варягов как инородного тела дало толчок «к отрыву княжеской власти от народа»¹⁸, тот

же В. Т. Пашуто, в завуалированной, правда, форме, обвинил его в приверженности норманнизму¹⁹. Тем самым он показал, что со времен выступления Г. Г. Литаврина принципиальных изменений по этому вопросу в нашей официальной науке не произошло.

Новые методологические подходы к проблеме генезиса раннегосударственных образований намечаются во второй половине 1960-х гг., когда рядом исследователей было поставлено под сомнение господствующее положение о государстве как продукте классового общества. В отношении Древнерусского государства важную роль сыграли труды И. Я. Фроянова, не только показавшего доклассовый характер древнерусского общества²⁰, но и обосновавшего мысль о городах-государствах домонгольской Руси, в которых он увидел элементы сходства с городами-государствами древности²¹. Этот революционный для современной исторической науки вывод получил детальное обоснование в последующих изысканиях ученого²² и окончательно оформился в стройную концепцию генезиса древнерусской государственности в работах начала 1990-х гг.²³ И. Я. Фроянов обратил внимание и на роль внешнего фактора. По его мнению, «объединение племен в границах “Русской земли” невозможно понять, абстрагируясь от внешних импульсов». Образование же Киевской Руси стало результатом «завоеваний, осуществленных полянами»²⁴.

С начала 1990-х гг. начинается массовый отказ исследователей от господствовавшего в советской историографии взгляда на природу раннегосударственных образований. Переломным моментом можно считать Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (апрель 1992 г.), посвященные спорным проблемам образования Древнерусского государства, в ходе которых был подвергнут критике классовый подход к проблеме зарождения государственности²⁵.

Отход от ортодоксальных марксистских теоретических положений привел к определенному методологическому кризису в области изучения проблем генезиса древнерусской государственности. В наиболее выигрышном положении оказались те исследователи, которые еще в доперестроечные годы отказались от догматического понимания марксизма и выработали цельную концепцию процессов социо- и политогенеза у восточных славян эпохи средневековья. Данное направление, представленное работами И. Я. Фроянова и его последователей, органически выросло на ос-

нове тех новационных процессов, которые будоражили советскую историографию 1960-х гг. и которые сумели выстоять в условиях жесткого научного и административного прессинга 1970–80-х гг.²⁶

Значительная часть исследователей в поиске новых методологических ориентиров обратилась к идеям представителей западной политантропологии, пытаясь применить их к решению проблемы генезиса Древнерусского государства. Речь идет прежде всего о теории вожества, наиболее фундаментальные положения которой были сформулированы Э. Сервисом и нашли широкое признание на Западе, а со временем в СССР и особенно в современной России²⁷. Однако выведенная на этнографических материалах Океании теория вожества сталкивается с проблемами при применении ее к конкретному материалу других частей планеты. Попытки выделения археологических критериев вожеств вряд ли можно считать убедительными. Создается впечатление, что ученые ухватились за очередную «универсальную теорию», вносящую методологическую стройность и упорядоченность в исторические сочинения, но имеющую те же недостатки в плане применения к конкретному историческому материалу, что и другие «универсальные» теории. Понимая уязвимость такого «универсализма», отдельные исследователи отказываются от использования теории вожества, а другие усматривают в вожествах лишь один из возможных путей политогенеза. Многие представители отечественной науки наряду с понятием «вожество» оперируют и более привычными: «военная демократия», «племя», «союз племен» и т. п.

Не вдаваясь в полемику по поводу вожеств, еще раз отметим, что они были выделены на материалах весьма специфических, узколокальных обществ, являющихся, если так можно выразиться, «тупиковой ветвью» развития цивилизации. Достаточно логичная для объяснения процессов политогенеза в ряде (а может быть, и в большинстве) регионов Азии, Африки и Америки, эта теория трудно приложима к европейскому материалу. Впрочем, как формационная и ряд других «универсальных» теорий, теория вожества хороша тем, что ее при желании можно применить практически ко всем обществам. Правда, и вопросов в связи с такой универсальностью она порождает не меньше.

В литературе принято выделять основополагающие признаки государства, отличающие его от догосударственных образований.

К числу таковых обычно относят «появление налогообложения, возникновение независимой от основной массы народа публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления, и переход к территориальному разделению народа вместо родоплеменного...»²⁸. Некоторые исследователи добавляют к их числу «наличие права, закрепляющего систему норм», обеспечивающих функционирование общества²⁹. Можно встретить в литературе и другой набор признаков, которые отчасти дублируют вышеуказанные, отчасти добавляют новые (те, что либо не могут быть признаны базовыми, либо модернизируют раннегосударственные отношения).

Выделяемые в литературе основные признаки государства в общем-то верны, прежде всего с точки зрения теории. Однако, во-первых, на ранних этапах они никогда не встречаются в «чистом виде»; во-вторых, ряд из них вторичны по отношению к государству (например, право); в-третьих, практически неуловима грань, когда происходит отделение публичной власти от народа, равно как трудноуловимы на ранней стадии и другие выделяемые признаки государства. К тому же они не могут носить универсального характера для раннегосударственных образований. В этом плане привлекает внимание такой признак, как размещение/разделение населения по территориальному принципу (правильнее, на наш взгляд, вести речь об организации населения по территориальному принципу). Ряд исследователей отмечали, что именно территориальное деление общества в отдельных случаях могло знаменовать возникновение государства³⁰. К числу таковых, по нашему мнению, можно отнести и случай с восточнославянским политогенезом. На древнерусском летописном материале процесс деструкции родоплеменных связей и замена их территориальными прослеживается достаточно отчетливо, в отличие от трансформации даней и даров в налог или формирования публичной власти. Конечно, необходимо учитывать, что летописи писались тогда, когда, по крайней мере для большинства регионов восточнославянского мира, организация общества по территориальному принципу стала свершившимся фактом. Тем не менее первые летописцы могли быть свидетелями завершающей стадии этих процессов на периферии Киевской Руси, могли соприкасаться с осколками, и весьма значительными, прежней системы связей в жизни общества, внимать народным преданиям и даже знать людей, заставших вре-

мена объединения племенных союзов под властью Киева. Кроме того, организация населения по территориальному принципу так или иначе предусматривает наличие элементов и публичной власти, и налоговой системы. Поэтому данный признак, по крайней мере в отношении восточнославянской государственности, можно считать определяющим.

Недостаточно продуманно и объяснение предпосылок перехода общества на государственный уровень развития. Причина понятна — острый дефицит фактов. Поэтому исследователи вынуждены оперировать теоретическими схемами, пытаясь встроить в них имеющийся скудный конкретный материал. Широко распространенную точку зрения на данный вопрос можно выразить словами Е. А. Мельниковой, которая, вслед за Э. Сервисом, выделила внутренние предпосылки возникновения государства, «создаваемые производящим хозяйством и ведущие в первую очередь к стратификации общества», и «внешние факторы, среди которых важнейшая роль отводится военной деятельности и торговле»³¹. Кроме того, и отечественные, и зарубежные специалисты в качестве важной предпосылки называют рост плотности населения.

Вряд ли возможно серьезно оспаривать традиционное мнение о том, что для образований государства необходимы известный уровень развития производящего хозяйства, обеспечивающий получение устойчивого прибавочного продукта, и определенная плотность населения. Вместе с тем для многих регионов планеты, в том числе Европы, уровень плотности населения на протяжении средневековья оставался незначительным. Поэтому недостаток внутренних связей должен был компенсироваться внешними. Можно предположить, что для таких регионов, Восточной Европы в частности, особо значимую роль играли внешние факторы, прежде всего война и тесно связанная с ней внешняя торговля. К числу важнейших факторов, действовавших в эпоху раннего и развитого средневековья, следует отнести и идеологический — экспансию христианства в языческие регионы.

В последнее время роль внешнего фактора в интеграции восточнославянских племен и генезисе древнерусской государственности становится все более очевидна для исследователей. Однако акцент в их работах делается не на военных действиях, а на внешней торговле, на ее организующей и интегрирующей роли³². Например, А. П. Новосельцев считает, что «экономическая ситуация

IX в., когда начал формироваться “путь из варяг в греки”, требовала объединения всех территорий вокруг него». Исследователь указывает на географическое разделение труда как на «еще одну форму разделения труда, присущую раннеклассовым и даже, кажется, доклассовым обществам». Восточная Европа уже в VIII–IX вв. специализировалась «на конкретной, весьма специфической группе товаров (пушнина, рыба, воск, мед и др.), которые были очень ходовыми в наиболее развитых обществах той эпохи (Халифате, Византии)». Собрать их можно было при наличии определенной «организации труда», осуществляемой «через местных правителей и их дружины». Но гораздо сложнее было вывезти и реализовать собранное на рынках Востока или Византии, «учитывая конкуренцию хазар» и кочевников. «Этот фактор сыграл в объединении восточнославянских (и иных) земель Восточной Европы куда большую роль, нежели развитие зернового хозяйства или только возникающего городского ремесла»³³.

Весьма показательна позиция Е. А. Мельниковой. По ее мнению, в «формировании ранних (варварских) германских государств, наряду с ростом производящего хозяйства, особая роль принадлежала войне», в частности завоеваниям в Галлии и Британии. Среди же северных германцев «война не играла столь значительной роли». В Дании и Швеции значительное место занимала внешняя торговля. И «в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути». Благодаря волжской торговле возникают торгово-ремесленные центры — места стоянки купцов, торговли и обмена, притягивающие вскоре местную знать. Как следствие, «усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации в среде местных разнородных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, на которой в середине IX в. возникает первое раннегосударственное образование»³⁴.

Ошибочно, на наш взгляд, преувеличивать роль внешней торговли и недооценивать роль войны в жизни народов Скандинавии и Восточной Европы. Внешняя торговля в тех условиях была связана с престижной экономикой и войной и не имела самостоятельного значения. Пират, воин и торговец, как правило, выступали в одном лице, а торговые экспедиции мало отличались от

военных. Сопряженная с чрезвычайным риском, торговля могла существовать только при сверхприбылях. При этом основной поток богатств, поступаемых в Северную и Восточную Европу извне, приходился не на торговлю, а на военные экспедиции. Внешняя торговля IX–X вв. не оказала определяющего влияния на стратификацию и имущественное расслоение в восточнославянском обществе. И совсем не повлияла на процесс становления крупного землевладения, робкие ростки которого пробиваются только со второй половины XI в.³⁵

Более важная, самостоятельная и универсальная роль в интеграционных процессах в Восточной Европе, впрочем, как и везде, принадлежала войне. Подобно торговле, просто война, военные набеги не создают сами собой нового способа производства. Все зависит от характера военных действий и от уровня развития общественных систем, вовлеченных в противостояние.

Войны — древнейший спутник человечества. «Основная, фундаментальная причина войн, действовавшая на протяжении всей первобытной истории», по мнению И. Я. Фроянова, «лежала в сфере восприятия древних людей внешнего мира, всегда опасного и враждебного, грозящего гибелью и, стало быть, вызывающего потребность нейтрализации»³⁶. На определенном этапе развития производительных сил, с появлением прибавочного продукта, война, помимо прочего, становится важным, весьма эффективным и, как правило, малозатратным средством получения его. Происходит «милитаризация» общества, начинается консолидация племен и племенных объединений, вызванная, с одной стороны, потребностями расширения и оптимизации способов получения добычи, с другой — необходимостью обороны от других «добытчиков». Сейчас можно со значительной долей уверенности утверждать, что формирование союзов и суперсоюзов племен было вызвано воздействием внешнего фактора. В первом случае речь чаще всего, видимо, шла об объединении родственных племен с целью отпора завоевателям и повышения эффективности собственных грабительских набегов, во втором — о результате таких действий, когда племенные союзы от периодических набегов за добычей переходили к регулярной эксплуатации других племен посредством даней. Таким образом, суперсоюзы племен чаще всего являлись следствием завоевания слабого племенного объединения более сильным³⁷. Здесь мы вступаем в сферу такого явления, как внешняя

эксплуатация (одного племени другим), которая предшествовала внутренней.

Родоплеменное общество весьма устойчиво, консервативно. Жизнь в нем регламентировалась традициями, требовавшими, как и все общественные отношения и институты, подтверждения внешней санкцией. Кровное родство обуславливало жесткую круговую поруку, и защита соплеменника являлась важнейшим делом рода и всего племени. Закабаление сородича сородичем исключалось, поэтому первичная эксплуатация была направлена вовне — на чужое племя в целом, либо на иноплеменника в частности. Но эта внешняя эксплуатация была возможна только в случае завоевания одного племени другим (либо подчинения под угрозой завоевания или разорительных набегов). Равно как и эксплуатация раба-иноплеменника могла осуществиться в случае его пленения. Таким образом, война являлась способом или условием легитимации господства одного племени над другим, легитимацией внешней эксплуатации. Она же была и первичным средством легитимации эксплуатации человека человеком, хотя это и накладывалось на традиционные семейно-родственные представления. Первичной экономической предпосылкой эксплуатации стало появление прибавочного продукта вследствие развития производящего хозяйства. Война же, помимо вторичного источника прибавочного продукта, может считаться разновидностью внешней санкции, без которой невозможны были бы вышеотмеченные явления. Ведь побежденный, по понятиям того времени, значит лишенный счастья, покровительства богов. Его жизнь и имущество принадлежали победителю. В результате войны проявлялась воля богов и устанавливался новый порядок вещей. Взятое с боя — свято (освящено богами, удачей, судьбой и т. п.). Не случайно военная добыча была почетнее торговой прибыли, меч — благороднее весов, а важнейшим критерием свободы и полноправия считалось право ношения оружия. Страта воинов в стратифицированных обществах выше страты торговцев. Такое же соотношение характерно и для корпораций феодального типа.

Потребности войны и внешней эксплуатации обуславливали необходимость формирования властных институтов, действие которых первоначально было направлено вовне. Важнейшими из них являлись институты военного вождя, народного ополче-

ния и дружины. Пока сохранялась возможность широкой внешней эксплуатации, князь и дружина, говоря языком летописца, «кормились воюя иные страны»³⁸. Когда эти источники оскудели, созданная структура начинала использовать внутренний ресурс, обращаясь к перераспределению внутреннего прибавочного продукта. Но и это перераспределение еще долго имело архаический характер.

Завоевание, при определенных условиях, может содействовать и формированию нового способа производства. Пути здесь разные³⁹. В итоге конечный результат определяется уровнем развития как победителей, так и побежденных. При этом главная роль отводится степени готовности местной среды к восприятию тех или иных новаций. Как бы там ни было, трансформация родоплеменного общества в дофеодальное (как и дофеодального в феодальное⁴⁰) не могла осуществляться сугубо на базе внутреннего развития. Требовался известный внешний импульс (завоевание, экономические, военные и культурные контакты и т. п.). Что же касается интеграции разрозненных племен в более крупные объединения, равно как становление раннегосударственных образований, то они были невозможны без применения (либо угрозы применения) военной силы.

Изменения в обществе, происходящие под воздействием социально-экономических и внешних факторов, закреплялись на уровне идеологии, выражавшейся в мифе, что естественно для мифологизированного сознания людей того времени. Однако миф не только утверждал складывавшуюся систему социальных связей, но и, в известной степени, являлся ее первоисточником, хотя и был внешне направлен в прошлое, а не в будущее. В условиях родового общества он способствовал градации родственных коллективов по их «знатности», т. е. приближенности к легендарному предку⁴¹. Представления о счастье, удаче способствовали возвышению наиболее удачливых и деятельных членов кровнородственных коллективов. Являясь внешней санкцией, миф, с одной стороны, закреплял такой порядок (консервативная роль), с другой — освящал новые явления (прогрессивная роль).

Таким образом, первоначальная градация шла по кровнородственному принципу. Как следствие, в руках отдельных родов, возрастных групп и лиц (тех, кому, по воззрениям того времени, сопутствовали удача, счастье, т. е. — благоволили боги) оказыва-

лись те или иные функции управления. С появлением прибавочного продукта они монополизировали перераспределение оного. Однако о стратифицированном обществе в полном виде можно говорить лишь тогда, когда кровнородственная, мифологическая в своей основе, покоящаяся на традициях градация накладывается на социально-экономическую матрицу. Развитие производительных сил ведет к общественному разделению труда, постепенному обособлению большой семьи и индивидуального (большесемейного) хозяйства, формированию страт и, как следствие, к деструкции родовых структур. Общество усложняется, приобретает новое качество и не может уже обеспечивать свое нормальное существование и развитие с помощью прежних механизмов регулирования. Потестарные структуры эволюционируют в собственно политические, возникает государство. Миф идеологически обеспечивает этот процесс, легитимизирует его в качестве внешней санкции.

Усложнение и эволюция потестарно-политических институтов шли по линии интеграции родоплеменных образований различного уровня в более емкие и сложные системы. Высшей формой таких объединений на догосударственном уровне, по мнению ряда исследователей, являлись суперсоюзы племен (объединения, состоявшие из двух и более племенных союзов)⁴². Правда, в исторической литературе последнего времени этот термин употребляется редко. Одной из причин этого, на наш взгляд, является слабая теоретическая и конкретно-историческая проработка вопроса о суперсоюзах племен и терминологическая неопределенность. Существенным недостатком в использовании понятия «суперсоюз племен» является понимание суперсоюзов как некоего абстрактного типологически единого явления, которое зачастую не вписывается в колею фактологического материала и современных методологических схем. Между тем, на наш взгляд, так называемые суперсоюзы племен не являлись застывшими и однотипными по форме системами, а были гораздо более сложными и многоплановыми по внутреннему наполнению, чем обычно принято их изображать. Более того, при традиционном подходе невозможно объективно и всесторонне рассмотреть механизмы интеграции того времени.

На материале Восточной Европы выделяется 3 основных типа суперсоюзов племен (не считая переходных форм), соответствующих различным уровням (стадиям) интеграции составлявших их

племенных союзов. Первичным объединением такого рода (соответственно — 1-й стадией интеграции) является военный союз племен с целью противодействия общей внешней опасности. Такие объединения недолговечны и распадаются после исчезновения причин, их породивших (либо просто вследствие раздоров, когда бывшие союзники превращаются в противников), если только не выходят на более высокий уровень интеграции.

2-я стадия интеграции — объединение союзов племен под эгидой сильнейшего из них, который представлял зародыш публичной власти по отношению к остальным. Зависимость устанавливалась, по большей части, силовым путем, выражалась в уплате дани и совместных военных акциях. Порядок управления в подвластных «племенах» оставался прежним. Таким образом, правящий союз племен являлся и источником внешней угрозы для подчиненных племенных объединений. Не случайно, например, летопись не видит различий между даннической зависимостью радимичей и северян от Хазарского каганата, с одной стороны, и от Киева — с другой⁴³.

Наконец, 3-я стадия интеграции и, соответственно, высший тип суперсоюза начинается с того момента, когда господствующий союз племен от периодического «наезда» за данью переходит к прямому управлению подвластными «племенами», при этом ликвидируя (либо ограничивая) местные («племенные») органы власти и заменяя их наместниками из «центра»⁴⁴. Достижение этого уровня интеграции предполагает далеко зашедший процесс распада родоплеменных отношений, известную степень деструкции родоплеменной обособленности и начальную стадию формирования системы территориальной организации общества. Кроме того, оно предусматривает, по крайней мере для подчиненных территорий, известное обособление публичной власти от основной массы населения и наличие аппарата принуждения, представленного княжескими дружинами и ополчением господствующего союза племен. Наметившись на второй стадии, указанные явления приобретают четкие очертания на третьей стадии интеграции, когда наместники из «центра» в той или иной степени подавляют местные органы власти. Поэтому в образованиях данного типа просматриваются уже основные черты ранней государственности.

В свете вышесказанного следует откорректировать распространенную точку зрения, объясняющую причины образования су-

персоюзов необходимостью сплочения сил для противодействия внешней угрозе. Такая трактовка приемлема, видимо, в отношении 1-й стадии интеграции. 2-я и 3-я стадии являлись не столько следствием «объединения сил», сколько результатом воздействия самой внешней угрозы — результатом завоевания. Для подчиненных субъектов суперсоюза власть господствующего «племени» могла быть отнюдь не желаннее власти той внешней силы, противодействовать которой был призван, по мнению исследователей, такой суперсоюз. Хотя, наверное, добровольное вхождение в такое образование под давлением обстоятельств могло иметь место.

Следующий этап политогенеза у восточных славян — формирование городов-государств⁴⁵. Особенностью этого процесса было то, что он происходил не автономно, а в рамках Киевской Руси, способствуя ее трансформации из сложного суперсоюза племен (включающего в себя элементы, связанные разным уровнем интеграции) в сложную федерацию земель⁴⁶.

Исходя из указанных принципов мы и постараемся рассмотреть процессы социо- и политогенеза в Восточной Европе и место в них иноэтничных элементов. Остановимся сначала на хазарской проблеме, которая в последнее время вновь стала привлекать пристальное внимание исследователей⁴⁷. Это проявилось, в частности, в усилении интереса к трудам О. Прицака, придающего роли хазар в истории восточных славян огромное, даже гипертрофированное значение. В частности, он ведет речь о хазарском происхождении полян, основании хазарами Киева, господстве хазар в Киеве вплоть до 30-х гг. X в. и т. п. Надо признать, что отдельные взгляды О. Прицака имеют некоторые зацепки в источниках.

ПВЛ под 859 г. сообщает о взимании дани варягами с чуди, словен, кривичей, мери и веси, а хазарами с полян, северян, вятичей⁴⁸. Под 885 г. к кругу хазарских данников летописец причисляет и радимичей⁴⁹. Археологические источники подтверждают эти свидетельства, и вряд ли у кого-то может вызвать сомнение тот факт, что отмеченные племенные объединения входили в сферу влияния Хазарского каганата⁵⁰. Однако обстоятельства обложения славян хазарской данью покрыты мраком. То же самое можно сказать и в отношении освобождения от хазарской зависимости. ПВЛ, судя по всему, относит начало этого процесса ко временам Аскольда и Дира, укрепившихся в Киеве. Освобождение же

радимичей, северян и вятичей было связано с деятельностью Олега и Святослава, распространявших господство Киева на окружающие территории. Этот процесс закончился разгромом каганата Святославом⁵¹.

Однако стройная канва славяно-хазарских и русо-хазарских отношений, представленная ПВЛ, была нарушена введением в научный оборот хазарско-еврейских источников, и прежде всего так называемого Кембриджского документа (текст Шехтера). В нем, помимо прочего, сообщается об обострении византийско-хазарских отношений в правление Романа I Лакапина (920–944 гг.), о взятии, по наущению византийского императора, царем Руси Хлгу хазарского города Смкрии и ответных действиях хазар под представительством военачальника Песаха. Особый интерес вызывает сообщение о том, что Песах победил Хлгу и заставил его воевать против византийцев. Потерпев поражение на море от греческого огня, Хлгу постыдился возвращаться на Русь, ушел за море, где и погиб с остатками войска⁵².

Исследователи не могли не обратить внимание на данный документ, который, казалось бы, согласуется с Новгородской первой летописью (далее: НЛ), датирующей поход Олега на Константинополь не 907 г. (как ПВЛ), а 922 г.⁵³ Но на этом сходство и заканчивается. НЛ, как и ПВЛ, ведет речь о победоносном походе, а не о поражении⁵⁴. Известия текста Шехтера больше соответствуют реалиям похода 941 г., отраженного в ПВЛ и в греческих источниках, организация которого приписывается летописцем Игорю. В. Я. Петрухин полагает, что в Кембриджском документе отражена информация именно об этом походе, а Хлгу — не Олег Вещий, а кто-то другой из русских князей⁵⁵.

Такой вариант стечения обстоятельств не исключен. Но... Насколько ценен рассматриваемый документ как источник и может ли он быть противопоставлен в этой связи ПВЛ? А. П. Новосельцев, проанализировав текст Шехтера, в основных своих выводах согласился с П. К. Коковцовым, увидевшим в нем «своеобразное литературное произведение, в котором реальные исторические факты довольно свободно перемещаются автором... Это не летопись, это вообще, строго говоря, не исторический документ в узком понимании этого слова». По предположению А. П. Новосельцева, «перед нами трактат, цели и задачи которого мы сейчас сколько-нибудь точно установить не можем из-за отсутствия других

памятников из той же среды», и который «можно датировать X в., но скорее периодом после падения Хазарии». Автор, бывший подданный Иосифа, «после гибели каганата нашел другого господина... и по просьбе последнего составил по памяти, слухам и отчасти по книгам что-то вроде справки о Хазарии. В частности, он знал, что когда-то часть славян подчинялась хазарам, но перенес это на время Иосифа. Он слышал о князе Олеге, о походе 941 г. на Византию и о походах русов на Каспий, но точных данных и дат в его распоряжении не было, и он объединил все это в один весьма впечатляющий рассказ для просвещения своего любознательно-го, но малоосведомленного корреспондента»⁵⁶.

Наблюдения и выводы А. П. Новосельцева, на наш взгляд, весьма близки к истине. Видимо, автор Кембриджского документа был в известной мере знаком с перипетиями отдаленных от него событий и вполне мог связать какую-то победу над русами, может быть локального значения, с легендарным князем, победившим ромеев. В целом же следует признать, что характер текста Шехтера не позволяет рассматривать его свидетельства о русо-славяно-хазарских отношениях в качестве альтернативы известиям ПВЛ. Тем не менее пролить свет на некоторые темные страницы древнерусской истории он, наверное, может. Речь идет, в частности, о судьбе восточносеверянских земель⁵⁷ и о подозрительном отсутствии в летописи указаний на противодействие со стороны хазар русской (русов), а потом и русо-полянской экспансии в их сферы влияния. Под пером летописца создается идеальная картина подчинения власти Киева хазарских данников: «В лето 6392. Иде Олегъ на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: “Азь имъ противень, а вамъ не чему”. В лето 6393. Посла къ радимичемъ, рька: “Кому дань даете?”. Они же реша: “Козаромъ”. И рече имъ Олегъ: “Не дайте козаромъ, но мне дайте”. И въдаша Ольгови по щелягу, якоже и козаромъ даяху»⁵⁸. Вряд ли дела обстояли так безоблачно для Руси на самом деле. Скорее всего, Хазарский каганат не взирав спокойно на экспансию со стороны Киева, а активно ей противодействовал. И на этом пути у русов, видимо, были не только победы. Отголоски такой борьбы, возможно, и отражены в тексте Шехтера, только в панегирическом для хазар тоне.

О противостоянии косвенно свидетельствуют и слова, вложенные летописцем в уста Олега: «Азь имъ противень...»⁵⁹. Возмож-

но, следствием такого противостояния был пожар, приведший к гибели Шестовицкого городища в промежутке приблизительно между 950–960 гг.⁶⁰ Не исключено, что и поход Святослава, решивший судьбу Хазарии, мог быть вызван какими-то активными действиями каганата, наподобие разгрома указанного городища.

Важное значение для доказательства своих идей О. Прицак придает так называемому Киевскому письму, открытому в 1962 г. Н. Голбом. Исследователей оно интересует прежде всего (если признать верной датировку его X веком⁶¹) как древнейший аутентичный документ, вышедший с территории Древней Руси. В целом же за ним закрепилась слава источника малоинформативного⁶². Однако его информативные возможности используются однобоко⁶³, под углом зрения русо-хазаро-славянских отношений X в. Амплитуду изысканий задали Н. Голб и О. Прицак, совместно введшие документ в научный оборот. Исходя из своеобразной концепции О. Прицака, они используют письмо как одно из доказательств того, что Киев до завоевания в 30-х гг. X в. Игорем⁶⁴ находился под властью хазар. Поэтому большое внимание уделяется анализу еврейско-хазарских имен тех, кто подписал послание. Цель очевидна: показать, что «отправители письма или их предки были прозелитами хазарского происхождения», а «хазарский иудаизм не замыкался в кругу правителей, но пустил корни по всей Хазарии, достигнув даже пограничного Киева»⁶⁵. Одну из ключевых ролей в системе доказательств играют шесть непонятных знаков, располагавшихся под основным текстом, написанным на еврейском языке. У О. Прицака нет ни малейших сомнений, что это «хазарские письмена», написанные тюркскими рунами орхонского типа. После произвольных лингвистических комбинаций и существенных натяжек О. Прицак переводит их как «Я прочел». Последняя фраза, полагает он, была приписана киевским хазарским чиновником, «официально уполномоченным читать документы. Это примечание удостоверяло действительность документа для использования в путешествии». Сама же фраза свидетельствовала, что вышеозначенный чиновник «умел читать по-еврейски и в то же время использовал хазарский язык в качестве языка официальных документов», что могло иметь место только в период до так называемого завоевания Киева русью в 930-х гг.⁶⁶

На непоколебимой уверенности в непогрешимости выводов

О. Прицака о господстве хазар в Киеве до 930-х гг., помимо указаний на «явную древность фрагмента», «уникальное начертание букв» и архаическую раввинистическую специфику «еврейских идиом текста», использование особых форм, «очевидно» существовавших «в первой половине X века», анализ несемитских имен и «тюркской рунической надписи»⁶⁷, и основывается датировка рассматриваемого документа «примерно 930 г.»⁶⁸.

Следует отметить, что прочтение О. Прицаком так называемой рунической надписи исходя из орхоно-енисейских рун весьма произвольно. Как отмечали специалисты-тюркологи, эту надпись невозможно отнести к орхонской письменности и вообще «уверенно причислить... к какому-либо из известных алфавитов...»⁶⁹. Сам же «орхоно-енисейский алфавит не может быть надежной опорой при чтении восточноевропейских рунических или рунообразных надписей»⁷⁰. Недавно весьма критические замечания по поводу лингвистических комбинаций О. Прицака высказал В. В. Напольских. По его мнению, «с точки зрения лингвистической реконструкция “хазарского” слова из Киевского письма, предложенная О. Прицаком и прямо вытекающая из его прочтения рассматриваемой надписи, является абсолютно надуманной и невероятной»⁷¹. Не исключено, что загадочная надпись относится к обычным криптограммам.

Содержание источника также не подтверждает догадку О. Прицака ни в плане обстоятельств появления «рунической надписи» (если даже, в пылу буйной фантазии, признать прочтение верным), ни в плане общ исторических выводов.

Рассматриваемый документ представляет собой рекомендательное письмо киевской еврейской общины, выданное одному из ее членов и предназначенное для предъявления в других еврейских общинах с целью получения материальной помощи. Судьба Мар Яакова бен Р., отправившегося по «святым общинам», была печальна. «Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет, до того времени, пока ему не была предreshена жестокая судьба, и брат пошел и взял деньги у иноверцев». Яков выступил поручителем. Однако брата ограбили и убили некие разбойники, после чего к поручителю пришли кредиторы, наложив «железные цепи на его шею и кандалы на его ноги». В таком состоянии он провел «целый год», пока киевские единоверцы не поручились за него и не заплатили 60 монет. Оставшиеся 40 монет они отправили его со-

бирать по «святым общинам», снабдив вышеозначенным сопроводительным письмом⁷².

Прежде чем приступить к анализу документа, необходимо уточнить некоторые детали. Прежде всего, какие «монеты» имелись в виду? Как отмечает Н. Голб, «евр. *zeqiqim* обычно означает “серебряные монеты”», но «здесь, очевидно, речь идет о золотых»⁷³. Логика автора, видимо, основывается на его представлениях о Киеве как подвластном хазарам городе. Поэтому ему трудно допустить, что господствующая община вынуждена была обращаться к единоверцам из других стран за помощью в выплате достаточно небольшой суммы, если вести речь о серебряных монетах. В. Я. Петрухин по этому поводу справедливо заметил, что «на Руси в IX–X вв. имели хождение серебряные, а не золотые монеты, по преимуществу — арабские дирхемы»⁷⁴. Далее Н. Голб задается вопросом, составляли ли эти 100 монет «первоначальную сумму займа или это была обычная в Киеве плата за выкуп пленника», и принимает «за более вероятное второе...»⁷⁵.

Вряд ли здесь уместно вести речь о выкупе пленника, ведь Яков оказался в таком положении не в результате пленения, а вследствие задолженности (как поручитель погибшего должника). Перед нами, судя по всему, разновидность долгового рабства. Из документа следует, что Яков, с точки зрения киевской еврейской общины, был достаточно состоятельным человеком («Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет...»). Вместе с тем 60 дирхемов за его освобождение вынуждены были вносить единоверцы, а оставшиеся 40 монет он отправился собирать по «святым общинам». Видимо, его имущество было конфисковано в пользу заимодавцев. Более того — изъятые не покрыли стоимости долга, вследствие чего на Якова наложили оковы. Отмеченные 100 серебряных дирхемов и являлись суммой выкупа на свободу. По оценкам исследователей, стоимость раба на севере Европы в IX–XI вв. колебалась в пределах 100 дирхемов⁷⁶, т. е. равнялась сумме, которую требовалось внести за свободу Якова. Вряд ли цены в Восточной и Северной Европе существенно различались, тем более если учесть активные экономические связи между указанными регионами и роль варягов на Руси в X в.

Якова освободили после того, как киевские иудеи внесли за него 60 дирхемов залога, с тем условием, что он потом внесет недостающие 40 дирхемов. Заимодавцы в данном случае ничего не

теряли, так как за Якова поручалась киевская иудейская община, с которой, в случае чего, они и могли востребовать оставшуюся сумму. Поскольку Якову платить было нечем, его отправили добирать оставшиеся деньги по другим еврейским общинам. Уплаченная же сумма, вероятно, являлась милостынею со стороны киевской общины.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Яков отправился не в хазарские города, а вдоль пути «из варяг в греки», пока не достиг столицы Египта⁷⁷. Это тем более странно, что в киевской иудейской общине имелись этнические хазары⁷⁸. Кроме того, если верить О. Прицаку, Н. Голбу и их сторонникам, Киев находился во власти хазар. И вот «иноверцы» оказываются состоятельнее представителей господствующей конфессии (традиционно, к слову сказать, связанной с торгово-ростовщической деятельностью), а последние отсылают своего сообщинника побираться не по «родным местам», а в далекие края⁷⁹, путь в которые был и долгим, и опасным. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что дорога в Хазарию ему была закрыта (или самого каганата уже не существовало). Следовательно, Киев в то время не находился под властью хазар и не являлся западным форпостом иудаизма⁸⁰, иудеи не были здесь представителями господствующей конфессии, а хазары — господствующим этносом. Конечно, «письмо» не позволяет вести речь о том, что отправившие его принадлежали к представителям притесняемых «меньшинств». Однако ощущение определенной «неуютности» их положения в Киеве из чтения документа возникает.

Не менее странна и сумма (40 дирхемов), из-за которой еврейская община Киева посылает своего сотоварища «на край света». За эти деньги можно было купить 4 овцы (или 4 свиньи). Для сравнения: стоимость «10 локтей роскошной восточной ткани» на рынках Востока доходила до 600 дирхемов⁸¹. 60 же дирхемов (стоимость 1 локтя ткани) киевские иудеи собирали в течение года, в продолжение которого их товарищ и пребывал в железе. Если учесть, что письмо подписали 11 человек, то каждый за это время в среднем собрал менее 6 дирхемов. Естественно, напрашивается вопрос либо о социальном статусе киевских иудеев, либо о моральной атмосфере в общине (если принять версию Прицака — Голба). Опять же показательно, что брат Якова взял деньги в долг не у единоверцев. Из этого могут вытекать два предположе-

ния: либо единоверцы, в силу каких-то причин, изрядно обнищали (взятие каганата? притеснения со стороны коренного населения или русов?), либо ростовщический процент у них был выше, чем у иноверцев, даже для «своих» (в последнее предположение верится с трудом, учитывая иудейские традиции и малочисленность диаспоры, находившейся в иноэтничном и, не исключено, враждебном окружении).

Таким образом, как источник по истории хазаро-славяно-русских отношений времени его составления Киевское письмо предоставляет больше вопросов, чем ответов. Из него только непреложно следует, что какая-то иудейская община в Киеве была. Но говорить о ее господствующей роли, равно как и о принадлежности Киева того времени Хазарскому каганату, можно только находясь в плену всепоглощающей идеи или некритичного восприятия складывающейся историографической ситуации⁸².

Однако письмо имеет несомненную ценность, прежде всего благодаря описанию обстоятельств развития событий, приведших Якова к той плачевной ситуации, в которой он оказался, поскольку содержит уникальную информацию, необходимую для понимания социально-экономического развития Древней Руси (а именно Среднего Поднепровья) X в., связанного с процессом распада родоплеменных отношений и определенным этапом формирования стратифицированного общества, а следовательно, и социальных предпосылок генезиса древнерусской государственности. Поэтому позволим себе усомниться в соответствии истинного мнения о малой информативности Киевского письма, в том, что оно «не содержит таких уникальных сведений об истории Восточной Европы, которые читаются в так называемой еврейско-хазарской переписке»⁸³. Сведения эти не только уникальны, но и, в отличие от вышеназванной переписки, конкретны и достаточно объективны⁸⁴.

Таким образом, анализ еврейско-хазарских источников не дает основания для сколько-нибудь кардинального пересмотра той схемы славяно-русо-хазарских отношений, которая представлена в ПВЛ. Проблемы Самбатаса⁸⁵ мы не касаемся, поскольку она по-прежнему остается в сфере шатких гипотез, да и не может существенно повлиять на решение хазарского вопроса, даже если признать Самбатас крепостью, построенной хазарами в период их господства над полянами.

Более важную роль в процессах социо- и политогенеза на территории, занятой восточными славянами, играл скандинавский фактор. ПВЛ, известия которой и послужили отправной точкой формирования норманнской теории, впервые фиксирует варягов на территории Восточной Европы в качестве находников, обложивших данью ряд восточнославянских и финно-угорских племен: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мере и на всехъ, кривичехъ»⁸⁶. Последние, объединившись, изгнали насильников, но вследствие разгоревшейся междоусобной войны пригласили на княжение Рюрика с братьями: «Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володе-ти, и не бе в них правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: “Поищемъ себе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву”. И идоша за море къ варягомъ, к руси. (...) Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: “Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами”. И избращася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша...»⁸⁷.

Этот сюжет с призыванием многократно становился объектом пристального внимания исследователей. И. Я. Фроянов, изучивший отечественную историографию вопроса, выделил 3 основных точки зрения: одни историки полагали, что призывание действительно было; другие допускали лишь возможность приглашения наемной варяжской дружины во главе с конунгом одной из противоборствующих сторон с последующей узурпацией наемниками власти; третьи вообще скептически относились к данному сообщению⁸⁸.

В современной историографии вопроса наблюдается тенденция ко все большему доверию к летописному «Сказанию...». Например, А. П. Новосельцев писал, что «отрицать некое реальное зерно в рассказе о призывании варягов нет оснований, особенно если рассматривать этот рассказ в связи с реальной ситуацией в IX в. в Восточной Европе». Хазария, захватив в свои руки «большую часть торгового пути из Европы на Восток», могла стремиться овладеть и его северной частью. Поэтому «нет ничего удивительного в том, что словене и некоторые финские племена севера пригласили каких-то варяжских конунгов с дружинами», на условии договора⁸⁹. А. П. Новосельцев достаточно жестко противопоставляет деятельность скандинавов и хазар в Восточной Европе:

«...В отличие от хазар, просто захватывавших славянские земли, варяги появлялись не как завоеватели, а скорее как союзники местной знати в борьбе “племен” друг с другом и теми же хазарами. <...> В борьбе с последними... скандинавские дружины и их предводители утверждались в славянских землях», причем «не только в своих интересах, но и для пользы самих восточных славян и их знати»⁹⁰.

На первый взгляд может показаться, что точка зрения А. П. Новосельцева перекликается с вышеизложенной позицией В. Т. Пашуто. Однако у него, в отличие от последнего, скандинавы названы союзниками (причем с известными оговорками) местной знати, а не орудием в ее руках.

Гораздо более близки к позиции В. Т. Пашуто построения А. Е. Мельниковой и В. Я. Петрухина, чьи труды во многом определяют состояние современной историографии норманнского вопроса. С одной стороны, Е. А. Мельникова рассматривает деятельность варягов в Восточной Европе сквозь призму внешней торговли, считая их, небезосновательно, первооткрывателями и организаторами таковой на Балтийско-Волжском пути. Более того, «до определенного времени» скандинавы «осуществляли контроль над большинством (если не над всеми) узловых пунктов пути». В этом вопросе ее позиция кардинально расходится с положениями В. Т. Пашуто. Сходство в другом: как и В. Т. Пашуто, Е. А. Мельникова на страницах своих работ пытается поставить норманнов под контроль местного «нобилитета». По ее мнению, «к середине IX в. знать нескольких разнородных групп, обитавших на различных участках Балтийско-Волжского пути», установив прочные связи, начала совместную борьбу против варягов «за контроль над торговым путем». Эта знать и призвала на княжение Рюрика для защиты от других групп скандинавов, ограничив его власть «рядом, правом», что явилось победой местного нобилитета, который «смог диктовать свою волю пришельцам»⁹¹.

Схожие выводы содержатся и в работе, посвященной легенде о «призвании варягов» и написанной Е. А. Мельниковой в соавторстве с В. Я. Петрухиным. Авторы справедливо возражают против попыток буквального толкования легенды и поисков «прямых соответствий тексту» в археологических материалах, чем грешат работы ряда археологов. Вслед за В. Т. Пашуто они ведут речь о

достоверности ядра повествования, обращая внимание на то, что, согласно летописи, князья «были призваны “володеть”, “судить” (“рядить”) по праву, по “ряду”». Вместе с тем, если В. Т. Пашуто соблюдал здесь вполне обоснованную осторожность⁹², то Е. А. Мельникова и В. Т. Петрухин более категоричны: «Исходной точкой, вокруг которой сложилось предание, был “ряд” — соглашение между приглашенным князем и местным нобилитетом, составляющее основную часть летописного текста»⁹³. Из разряда предположений в разряд аксиом переходит и заимствованная авторами у В. Т. Пашуто трактовка мотивов призвания, преследовавшего цель установления «для господства над народами» сильной княжеской власти, которая бы защищала интересы знати всех земель. «И варяги, и местная племенная верхушка стремились к эксплуатации природных богатств и населения Новгородской земли», и «совместить интересы тех и других можно было только при условии перераспределения дани и ее фиксации»⁹⁴.

В такой постановке вопроса видится серьезное нарушение исторической перспективы. Знать в то время (в условиях неизжитых родоплеменных связей) еще не оторвалась от основной массы населения. Для поддержания и оправдания своего социального статуса она должна была нести то же бремя расходов, что и соплеменники, в размерах, соответствующих своему статусу.

О том, как обстояли дела в отношении уплаты дани (которая на Руси до конца X в. была «внешним побором»⁹⁵) между знатью и соплеменниками, имеется любопытное известие, не привлекавшееся должным образом для решения данного вопроса. В «Орозии короля Альфреда» конца IX в. содержится уникальная информация о плавании в Биармию Оттара, записанная со слов последнего. (Полагают, что он принадлежал к норвежской знати и первым открыл путь в Белое море и Биармию⁹⁶.) Помимо прочего, Оттар дает королю сведения о своем хозяйстве и взаимоотношениях с «финнами» (лопарями⁹⁷). «Он был в числе первых людей... страны: хотя у него было всего двадцать голов крупного рогатого скота и двадцать овец и двадцать свиней; а то немного, что он пахал, он пахал на лошадях». Кроме того, ему принадлежало 600 «прирученных оленей» и «он был очень богат тем, в чем состоит для них богатство, то есть дикими животными»⁹⁸. Однако основной доход Оттара состоял из «податей», которую туземцы ему платили «каждый... согласно его происхождению»⁹⁹. Причем

из контекста следует, что чем знатнее плательщик — тем больше размер дани. Сколько Оттару выплачивал рядовой «финн» — неизвестно. «Самый знатный», однако, был обязан «пятнадцатью шкурками куниц и пятью ездовыми оленями, и одной медвежьей шкурой, и десятью мерами пера, и шубой из медвежьей шкуры или шкуры выдры, и двумя канатами, каждый по шестьдесят локтей», один из моржовой, другой — из тюленьей кожи.

Мы не знаем, сам ли Оттар делал подобную раскладку, или назначал общий размер дани, а местные жители ее распределяли. Обычен второй вариант. Но даже если викинг и лично определял, сколько кому платить, то в любом случае такой порядок согласовывался и с его представлениями, и с представлениями аборигенов. Вряд ли с восточнославянских и финно-угорских племен, которые, по летописи, изгоняли и призывали варягов, норманны брали намного меньше в сумме, чем Оттар со своих «финнов». Из летописи следует, что словене, кривичи, меря и чудь платили «по беле и веверице» «от мужа»¹⁰⁰. Даже если принять точку зрения тех исследователей, которые «по белеи веверице» переводят как «по беле (по белой, серебряной монете) и белке»¹⁰¹, то сумма, уплачиваемая рядовым соплеменником, все равно будет несравнима с вышеприведенной.

Порядок раскладки общественных расходов в зависимости от социального статуса существовал практически повсеместно, в том числе у восточных славян. Нет никаких свидетельств о том, что местная племенная знать находилась в особых условиях и не платила даней. Тем более нет сведений о том, что знать получала часть дани, собранной варягами или киевскими князьями с соплеменников (то есть о «перераспределении»). Когда Игорь идет к древлянам «и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его», Мал и древлянская знать не приобрели ничего, кроме дополнительных расходов. Не случайна и последовавшая реакция на возвращение Игоря за дополнительной данью со стороны древлян, которые «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ» «убиша Игоря и дружину его»¹⁰². Если же придерживаться логики В. Т. Пашуто и его последователей, то Мал с «местным нобилитетом» должны были только радоваться действиям Игоря, который являлся в их руках орудием эксплуатации рядовых соплеменников.

Не иначе обстояло дело с выплатой дани у северян, радимичей и у других племен. Конечно, словене, кривичи и меря находились

в несколько иных отношениях по степени интеграции и к Рюрику и, позднее, к киевским князьям и к Киеву¹⁰³. Однако когда, например, Олег «дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ», вряд ли там ситуация в распределении последней обстоила иначе, чем в других племенных объединениях. Сказанное относится и к тем 300 гривнам в год, которые Олег установил давать варягам «мира деля»¹⁰⁴. В их уплате участвовала, несомненно, и местная знать, причем по принципу, отмеченному у «финнов». В этом убеждает и анализ событий 1018 г., когда новгородцы для помощи Ярославу в борьбе со Святополком установили единократный экстраординарный «налог» и «начаша скоть събирати от мужа по четыре куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен»¹⁰⁵. Такая диспропорция являлась выражением социальной оценки старост и бояр¹⁰⁶. И это понятно, так как в варварских обществах «самосознание рода или семьи нуждалось в общественном признании», вследствие чего каждый человек должен был вести себя соответственно своему статусу¹⁰⁷.

Подобные представления были весьма живучи, о чем свидетельствуют, на наш взгляд, события 1257–1259 гг., связанные с татарской переписью в Новгороде¹⁰⁸. Конфликт достиг апогея во время второго приезда татарских послов (1259 г.). Горожане раскололись на два противостоящих лагеря. «Вятские» не только согласились на перепись и обложение данью, но и велели меньшим пойти под «число». Последние же готовы были умереть «за святую Софью и дома ангельския», но не подчиняться требованиям. В самый напряженный момент «съеха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимъ; и злых светомъ яшася по число: творяху бо бояре себе легко, а меньшимъ зло. И почаша ездити оканьнии по улицамъ, пишуче дома христьяньския: зане навель богъ за грехы наша ис пустыня звери дивия ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую»¹⁰⁹.

Против чего же протестовали простые новгородцы? Наиболее близко, на наш взгляд, подошел к верному решению проблемы Ю. В. Кривошеев, справедливо оспоривший устоявшееся мнение о том, что бояре якобы допускали злоупотребления при переписи имущества либо даже вообще не платили дани¹¹⁰. По его мнению, «данью облагалось все население, причем учитывалось его имущественное положение», что характерно для монгольской системы даннической эксплуатации покоренных народов¹¹¹. Недоволь-

ство же основной массы новгородцев он объясняет, с одной стороны, проявлениями древнейшего менталитета (боязнь новизны, страх перед точным числом и подсчетом людей, скота и т. п.), с другой — тем обстоятельством, что «для “вятших” — бояр — “злых светом” — выплата дани не была связана с таким напряжением, как для “менших”»¹¹².

Особенности менталитета, конечно, имели место, как и различие в степени финансового напряжения на отдельные семьи. Однако в первом случае это не вполне объясняет покладистость «вятших», а во втором — оставляет без должного ответа загадочную фразу летописи: «...Зане навель богъ за грехы наша ис пустыня звери дивияя ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую».

Нам кажется, что при анализе событий 1257–1259 гг. не учитывается различие местных и привнесенных монголами традиций. В Северной и Восточной Европе, говоря языком Оттара, каждый платил дань завоевателям и нес общественную нагрузку «согласно его происхождению». Монголы же заимствовали китайскую систему раскладки дани в соответствии с доходами плательщика. Это, по словам С. А. Нефедова, «была совершенная и уникальная по тем временам государственная система — продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации». Кроме того, использовались элементы налогообложения, заимствованные и в мусульманских странах¹¹³.

Как бы там ни было, монгольский принцип раскладки дани с учетом имущественного положения плательщиков основную массу новгородцев не устраивал. Узнав о согласии «вятших» на условия, выдвинутые татарами, народ посчитал, что «творяхут бо себе бояре легко, а меньшимъ зло». Это «зло», видимо, заключалось в том, что дань должна была выплачиваться, по мнению основной массы населения, в соответствии с социальным, а не имущественным статусом. Поэтому они, вероятно, выступали против исчисления татарами домов, предпочитая фиксированную сумму, разложенную вечно по семьям, с учетом новгородских, а не монгольских традиций. То есть по тому же принципу, по которому собирався экстраординарный сбор 1018 г. Эта система была более понятна и естественна для них. Она коренилась в прочных традициях, берущих свое начало, по крайней мере, в раннем средневековье Северной и Восточной Европы. Социальные верхи Новгорода, лучше понимавшие пагубность сопротивления, обладавшие ме-

нее консервативным сознанием, устраивала система, предложенная татарами. Вполне возможно, что бояре в результате противостояния стали все же нести дополнительную нагрузку, поскольку летописец отметил: «И почаша ездити оканьнии по улицамъ, пишуче домы христьянскыя: зане навель богъ за грехы наша ис пустыня звери дивияя ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую»¹¹⁴. Социальная острота конфликта усугублялась и тем, что русские земли переживали переломный этап своей истории, когда общество еще не вырвалось окончательно из пут ментальности эпохи варварства, но значительно их ослабило. Новые же раннефеодальные институты только нарождались и были весьма аморфны. Нельзя не учитывать и нравственного падения общества, вызванного «батыевым погромом» и установлением ига. Для новгородцев последнее обстоятельство усугублялось и тем фактом, что они обращались в данников, не будучи побежденными в бою. Это не могло не сказаться на взаимодействии и миропонимании «вятших» и «менших».

При характеристике системы даннических взаимоотношений варягов со славянскими и финно-угорскими племенами необходимо учитывать и другие особенности, характерные для скандинавов¹¹⁵. Из саг следует, что размер и качество взимаемой дани зависели от личности сборщика таковой и количества сопровождавших его воинов. Например, в «Саге об Эгиле» говорится, что Торольв, получивший право сбора дани в Финмарке, взял «с собой большую дружину — не меньше девяти десятков человек. А прежде было в обычае, чтобы сборщики дани имели при себе три десятка человек, иногда же и меньше. Он вез с собой много товаров. Торольв быстро назначал лопарям встречи, взыскивал с них дань и в то же время торговал. Дело шло у них мирно и в добром согласии, а иногда и страх делал лопарей сговорчивыми»¹¹⁶. Когда конунг Харальд получил от Торольва принадлежавшую ему часть финмаркской дани, «дань была много больше и лучше, чем бывала прежде...»¹¹⁷. Торольв усилился, завел большую, хорошо вооруженную дружину. Появились, естественно, завистники. Сыновья Хильдирид внушали Харальду, что Торольв замышляет измену и хочет стать конунгом Халогаланда и Наумудаля, что он утаивает от Харальда большую часть финмаркской дани. Усиление Торольва не понравилось Харальду, и он передал управление в Халогаланде сыновьям Хильдирид, обещавшим собирать больше дани¹¹⁸. Зимой сыновья Хильдирид отправились за данью, взяв

с собой «три десятка человек. Лопарям казалось, что этим сборщикам дани можно меньше стараться угодить, чем Торольву, и поэтому они платили дань гораздо хуже»¹¹⁹.

Как видим, факторы страха и личного счастья/удачи сборщика дани играли важную роль. Возможно, что история с финмаркской данью проливает свет и на события, связанные с древлянской данью и гибелью Игоря. Тем более, что сюжеты саги и наших летописей в чем-то схожи. Свенельд получил от князя право сбора дани с древлян и уличей, после чего дружина Игоря возропала, сказав ему: «Се даль еси единому мужеве много»¹²⁰. Часть дани, видимо, Свенельд должен был отправлять князю. Свенельд, судя по всему, усилился, завел большую, хорошо вооруженную дружину. Это не давало покоя завистникам. В 945 г. «ркоша дружина ко Игореве: “отрочи Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази; а поиди княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы”». И послуша их Игорь, иде в дане, и насияше имъ и мужи его; и возма дань, поиде въ свои град. Идушу же ему въспяты, размысливъ, рече дружине своей: “идете с данью домовъ, аязъ возвращаюся и похожу еще”. И пусти дружину свою домове, с малою дружиною възратися, желая болшаго имени»¹²¹. Дальнейшее развитие событий хорошо известно: древляне убили Игоря и перебили его малую дружину.

Действия Игоря объясняются отнюдь не его жадностью (как неоднократно пытались, прямо следуя за летописцем, представить его поведение исследователи), а особенностью менталитета той эпохи. Поддавшись уговорам дружинников, он сам пошел за данью, желая, видимо, проверить финансовые возможности древлян и обоснованность обвинений в адрес Свенельда (если они, конечно, имели место) в сокрытии дани. Как бы там ни было, лично возглавив экспедицию, князь поставил себя в весьма сложное положение. Он не мог собрать дани меньше, чем собирал Свенельд, без ущерба своему престижу¹²². Этим объясняются, как видится, и жесткие действия Игоря в отношении древлян, и возвращение с малой дружиной за дополнительной данью¹²³. Стремление князя собрать больше, чем собирал Свенельд, подчеркивается в сообщении ПВЛ: «и примышляше къ первой дани (здесь и далее выделено нами. — В. П.), и насияше имъ и мужи его»¹²⁴.

Известные параллели древнерусскому сюжету можно найти и в «Саге о Харальде Серая Шкура»¹²⁵. Отправившись вместе с вой-

ском в Трандхейм, Харальд и его братья «не встретили там никакого сопротивления. Они собрали там налоги и подати и все доходы конунга и заставили бондов заплатить большой выкуп, так как конунги долгое время получали мало денег с Трандхейма, пока Хакон ярл был там с большим войском и воевал с конунгами. Осенью Харальд конунг отправился на юг страны с большей частью того войска, которое было оттуда, а Эрлинг конунг со своим войском остался. Он донимал бондов большими поборами и сильно притеснял их, а бонды очень роптали и плохо переносили эти тяготы. Зимой бонды» собрались большой ратью, убили Эрлинга «и много народу вместе с ним»¹²⁶.

Существенным недостатком отечественной историографии даннических отношений Киева с подвластными «племенами» конца IX — первой половины X в. является попытка рассматривать их сквозь призму либо внутригосударственных, либо внутриславянских отношений. На самом же деле на первых порах это были отношения между завоевателями-варягами и подчиненными восточнославянскими и финно-угорскими племенными союзами, которые по характеру ничем не отличались, например, от отношений между скандинавами и населением Финмарки. Для варяго-русов, а потом и для русо-полян и простое население, и знать подданных племен — смерды-данники¹²⁷.

Конечно, часть местной знати включалась и во внешнюю торговлю, и в грабительские походы, и в прииск данников, что взаимосвязано. Однако полученный прибавочный продукт использовался не для закабаления соплеменников, а для повышения все того же социального престижа, как было и в Скандинавии¹²⁸. При этом объектом эксплуатации становились соседи, ближние и дальние. Сама структура восточноевропейского экспорта, в котором ведущую роль играла работорговля, предусматривала внешние акции, внешнюю эксплуатацию. Обращение в рабов соплеменников, и тем более массовое выставление их на продажу на чужеземных рынках в тех условиях малореально. Долгое рабство в X в. делало первые шаги, став сравнительно заметным явлением в наиболее развитых регионах Руси не ранее, видимо, второй половины столетия¹²⁹. Поэтому знати, чтобы получить товар для торговли, следовало сначала отправиться в военное предприятие. А для успеха такового — заручиться поддержкой соплеменников.

Особняком стоит мнение, непопулярное в отечественной историографии, о завоевании восточных славян варягами. Лишь немногие историки, в той или иной степени, допускали возможность подобного варианта развития событий¹³⁰. Однако, на наш взгляд, он наиболее соответствует и свидетельствам источников, и самой геополитической ситуации в Европе «эпохи викингов». Договоры, конечно, не исключались. Однако если можно было добиться цели оружием, переговоры становились излишними. Поэтому «призвание» на княжение, как нам видится, явный вымысел летописца второй половины XI — начала XII в., отразившего скорее реалии своего времени, чем IX в.¹³¹

Летописные свидетельства о вокняжении Рюрика с братьями в трех восточноевропейских центрах также не могут восприниматься буквально. Однако исторические реалии об утверждении норманов в Восточной Европе и их роли в интеграционных процессах из них извлечь можно. Немаловажно, что археологические источники не только дополняют письменные, но и, взятые отдельно, рисуют весьма сходную с последними картину¹³².

На рубеже VIII–IX вв. скандинавы активизируют свою деятельность на территории Восточной Европы. В попытках противостояния им словене, кривичи, чудь, меря и, возможно, весь, объединяют свои усилия, и небезрезультатно: «Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети»¹³³ — отметила ПВЛ. Более конкретна НЛ: «И вѣсташа Словене и Кривичи и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами себе и города ставити»¹³⁴. Видимо, это был первичный суперсоюз, который со временем мог в отношении отдельных «племен» перерасти во вторую стадию интеграции. На возможность реализации такого варианта содержатся косвенные указания в летописях. Так, отметив успешную акцию по изгнанию варягов, и ПВЛ, и НЛ обращают внимание на серьезные противоречия между бывшими союзниками, переросшие в открытое вооруженное противостояние: «и не бе в нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся»¹³⁵; «и вѣсташа сами на ся воевати, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не беше в нихъ правды»¹³⁶. Возможно, это и была борьба за первенство в образовавшемся первичном суперсоюзе, которая при победе одной из противоборствующих сторон могла вывести данное объединение на вторую стадию интеграции.

Однако местных ресурсов для перехода к новому этапу развития оказалось недостаточно. То ли возможности противников были примерно равны, то ли не хватило времени, но потребовалось вмешательство третьей силы.

Впрочем, вполне вероятно, что никакого суперсоюза или «союзной военной акции», направленной против варягов, на самом деле не было, а указанные события — плод воображения летописца, стремившегося легенду о призвании логично вписать в контекст ранней истории — с одной стороны, и освятить «старинной» претензии Новгорода (относительно «молодого» города) на первенствующую роль в очерченном регионе — с другой¹³⁷. Ведь если бы не было совместного «изгнания» варягов и последующих междоусобных войн, то не было бы и соответствующего «призвания». К тому же ранним летописцам должно было быть известно о существовании северного объединения (суперсоюза, или конфедерации) под главенством варягов. Поэтому они вполне могли перенести более поздние политические реалии на ранний период. Как бы там ни было, последующие объединительные процессы были катализированы и возглавлены норманнами¹³⁸.

По-видимому, в середине IX в.¹³⁹ одному из конунгов удалось достаточно прочно осесть в Ладоге. Она была укреплена норманнами как важный форпост их влияния в регионе, обеспечивающий контроль на важнейших торговых путях и удобный для поддержания постоянных контактов с Северной Европой¹⁴⁰. Утвердившись в Ладоге, варяги, естественно, пытались закрепиться на всем течении Волхова, для чего недалеко от оз. Ильмень срубили другой город, предшествовавший Новгороду (Рюриково городище), ставший, как предполагают, с конца IX в. экстерриториальной княжеской резиденцией¹⁴¹. В 860-е гг. в пожаре гибнет племенной центр, располагавшийся при впадении р. Псковы в р. Великую, и «группа мигрантов, среди которых фиксируется присутствие скандинавов, основывает укрепленное поселение», которое, как полагает С. В. Белецкий, и названо в летописном «сказании о призвании» Изборском. Приблизительно тогда же гибнет поселение на Труворовом городище, не без участия тех же скандинавов¹⁴². Думается, что близкие по времени драматические события в Ладоге, на Труворовом городище и племенном центре у слияния Псковы и Великой, равно как и строительство Рюрикова городища, взаимосвязаны и отражают начало широкой норманнской

экспансии, приведшей к формированию северного суперсоюза племен на первом этапе и к гегемонии Киева — на втором. Если верить летописи, в рассматриваемый период норманны утверждаются в районе Белоозера, где по преданию вокняжился Синеус¹⁴³. Следующий этап — распространение норманнского присутствия в районе Ростова, Муром и Полоцка. В ПВЛ осмысление этих событий содержится в рассказе о действиях Рюрика по смерти легендарных Синеуса и Трувора: «И прия власть Рюрик и раздая мужамъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новгороде словене, въ Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик»¹⁴⁴.

Мы не должны воспринимать летописные сведения буквально. Легендарный характер их очевиден: три брата оказываются основателями народа или государства. Сюжет, широко известный в фольклорной и ранней литературной традиции многих народов. Достаточно, например, сравнить его с летописным же преданием об основании Киева. Поэтому раздавал ли Рюрик в действительности своим мужам грады и какие именно — точно сказать нельзя. Однако исторические реалии из этого рассказа извлечь можно. Здесь отражен процесс перехода сформировавшегося под эгидой варягов северного суперсоюза племен в третью, заключительную стадию интеграции. Появление в летописных племенных центрах варяжских мужей, подчинявшихся конунгу, который сидел в Ладоге или на Рюриковом городище, свидетельствует об этом. Территория северного суперсоюза определяется землями союзов племен, фигурирующих в «сказании о призвании варягов» (сложная идентификация летописной «чюди»), с городами Ладога, Новгород (Рюриково городище?), Муром (Чадаевское городище?), Ростов (Сарское городище?), Полоцк, Изборск (городище, предшествовавшее средневековому Пскову?), Белоозеро (городище Крутик?), располагающимися на северных, ключевых участках двух важнейших транзитных международных путей, которые привлекали норманнов. Предшествующие древнерусским городам открытые торгово-ремесленные поселения (указаны в скобках)¹⁴⁵ были, как показывает археологический материал, полиэтничны. На это же обстоятельство имеются намеки и в летописях¹⁴⁶. Здесь же проскальзывают указания на надплеменной характер нового объеди-

нения. Если раньше словене, кривичи, меря, чудь каждые «свою волость имели», «кождо своимъ родомъ владаше»¹⁴⁷, то теперь «всеми обладаше Рюрикъ»¹⁴⁸.

Для определения границ этого объединения немаловажно то обстоятельство, что Новгород, Муром, Ростов, Полоцк входят в тот узкий круг восточноевропейских городов (Holmgardr /Новгород/, Moramar /Муром/, Rostofa /Ростов/, Palteskia /Полоцк/, Surdalar /Суздаль/, Syrnes /?/, Gadar /?/, Kaenugardr /Киев/, Smaleskia /Смоленск/), который отражен в скандинавских географических сочинениях¹⁴⁹. Эти города как бы очерчивают район наиболее раннего активного присутствия скандинавов в Восточной Европе и, исключая Киев и Смоленск (под вопросом загадочные Сюрнес и Гадар), соответствуют, по-видимому, северному суперсоюзу, возглавляемому варягами, на разных стадиях его формирования. На это же указывает карта распространения ланцетовидных наконечников стрел, принесенных на Русь скандинавами¹⁵⁰. Топография их находок представлена в основном районом Смоленска и территорией союзов племен, «призвавших» варягов. В пользу этого же свидетельствуют и последующие известия, связанные с подчинением земель власти Киева. Означенные территории в этой связи, за исключением взятия Полоцка Владимиром, больше не упоминаются¹⁵¹.

Утверждение Рюрика с дружиной проходило отнюдь не мирным путем, а в острой борьбе с местными племенными союзами и, видимо, другими отрядами скандинавов¹⁵². Энергичными усилиями ему удалось объединить ряд восточнославянских и финно-угорских племенных союзов под своей властью. Вероятно, враждовавшие между собою варяжские группировки активно входили в союзные отношения с местными племенами. Как это могло осуществляться на практике, показывает пример объединения усилий викинга Торольва и квенского князя Фаравида в «Саге об Эгиле». Фаравид просил помощи у Торольва против карелов, у которых «были более крепкие щиты, чем у квенов». Союзники совершили два военных мероприятия против карелов. Торольв получил равную долю добычи с Фаравидом, а каждый его дружинник — долю трех квенов¹⁵³. Комментируя этот эпизод, Г. С. Лебедев писал: «Союз вождя дружины викингов с князьком чужого племени, когда военно-техническое превосходство норманнов... оказывается решающим в межплеменной распре, — модель отношений, реали-

зованная, видимо, не только в Фенноскандии, но и Прибалтике, и на Северо-Западе Руси»¹⁵⁴.

В нашем случае союзники Рюрика (каковыми, судя по всему, стали словене¹⁵⁵) должны были занять первое место в иерархии образованного суперсоюза, после самих варяго-русов. Как бы там ни было, дальнейшая консолидация племенных объединений на территории Восточной Европы происходит под гегемонией варягов и не без участия со стороны «степи».

Вступление северного суперсоюза в третью стадию интеграции позволило приступить к распространению его сферы влияния вовне. Взятие войсками Олега и Игоря Смоленска, а потом Киева ознаменовало начало новой волны норманнской экспансии, следствием чего стало расширение северного суперсоюза на юг и перенесение резиденции русов в Киев¹⁵⁶.

Утвердившись в Киеве, согласно ПВЛ, Олег наложил дани на древлян (883 г.), северян (884 г.) и радимичей (885 г.), после чего «обладая... поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а съ уличи и тверци имяше рать»¹⁵⁷. Несколько иную картину дает НІЛ. По смерти Рюрика Игорь и Олег «налезоста Днепръ реку и Смолнескъ град», откуда пришли к Киеву (т. е. подчинены смоленские кривичи /«Смолнескъ градъ»/ и поляне /Киев/). Далее речь идет о завоевании древлян и уличей. Однако когда Игорь «примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свеньделду», то «не вдадьяшется единъ град, именемъ Пересечень». После того как в результате трехлетней осады город был взят, уличи, сидевшие вниз по Днепру, «приидоша межи Бѣгъ и Днестръ, и седоша тамо»¹⁵⁸. Т. е. уличи, не желая быть данниками, покинули прежние места обитания.

Таким образом, по версии НІЛ, в правление Игоря были подчинены только кривичи, поляне и древляне (а также словене, кривичи (псковские), меря и, возможно, чудь (весь?) на севере¹⁵⁹). Характерно, что по сведениям НІЛ в походе Олега на Византию участвовали варяги, поляне, словене и кривичи¹⁶⁰. Это закономерно, поскольку рассказ о примучивании древлян и уличей приходится на время по окончании греческого похода¹⁶¹. Удивляет отсутствие упоминания о северянах. НІЛ их не знает. Сам город Чернигов, если не считать росписи киевских и новгородских князей, русских митрополитов и новгородских архиепископов и посадников «по святомъ крещении»¹⁶², впервые упоминается только под 1054 г. в связи с завещанием Ярослава Мудрого¹⁶³. На страницах ПВЛ Чер-

нигов появляется под 907 г., в перечне древнерусских городов, представители которых имеют право на получение «месячного» в Царьграде. Причем по рангу город поставлен сразу после Киева¹⁶⁴. Однако данное упоминание, скорее всего, отражает иерархию более позднего времени, когда писалась летопись. Так, здесь же, на третьем месте, упоминается Переяславль, который в начале X в. еще не существовал.

В известной мере проясняет ситуацию трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», составленный в 948–952 гг. Не касаясь проблемы «внешней» и «внутренней России»¹⁶⁵, отметим, что у Константина русы противопоставлены славянам. Четкого представления о территории «Росии» он не имел. В трактате она определяется городами, где находились «росы». В упомянутых здесь городах исследователи усматривают Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Витичев (проблемы Самватаса мы не касаемся). Все они (исключая, видимо, крепость-пактиот Витичев) связываются Константином с собственно *Росией*, *росами*, в противоположность *Славиниям*: *кривичинам* (кривичам), *вервианам/древленинам* (древлянам), *другувитам* (дреговичам), *севериям* (северянам), *лендзанинам* (волянцам? полянам?¹⁶⁶), *ультинам* (уличам) и «прочим славянам»¹⁶⁷.

Нетрудно заметить, что указанные города располагаются строго по пути «из варяг в греки»¹⁶⁸. Лишь Чернигов, казалось бы, остается несколько в стороне. Однако он имел важное значение на восточном направлении экспансии росов и находился на такой важной торговой артерии, связанной и с Днепровским, и с Волжским путями, как Десна. Кроме того, это пункты, где отмечено активное норманнское присутствие и где сидели представители киевского князя. Константин сообщает, что в Новгороде находился Святослав Игоревич. Русские летописи отмечают, что Олег посадил своих мужей в Смоленске и Любече (известие ПВЛ о Претиче под 968 г.¹⁶⁹ и данные археологии¹⁷⁰ позволяют включить в этот круг и Чернигов), тогда как в отношении других покоренных «племен» речь идет только о наложении дани. Указанные города являлись центрами союзов племен словен, кривичей смоленских, полян (Чернигов находился на поляно-северянском пограничье). То есть здесь отражена та территория формирующегося суперсоюза, которая, по нашей классификации, находилась на третьей стадии интеграции. Не случайно, может быть,

НІЛ среди участников похода Олега отметила только **варягов, полян, словен и кривичей**¹⁷¹.

Данные НІЛ о походе Олега отличаются от сведений ПВЛ не только датировкой¹⁷², но и перечнем племен, принимавших в нем участие. В ПВЛ этот список гораздо шире: **варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы** («яже суть толковины»)¹⁷³. В литературе он зачастую служил обоснованием точки зрения об обширности «державы Олега». Вряд ли для подобных выводов имеются серьезные основания. Та же ПВЛ, перечисляя состав войска Игоря в походе на Византию 944 г., отметит: «Игорь же совокупивъ вои многи, **варяги, Русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверце, и печенеги наа...**»¹⁷⁴. Как видим, костяк армии тот же, что и в перечне НІЛ при описании похода Олега. Добавились только тиверцы, которые использовались в 907 г. как «толковины», и печенеги. При этом, как и в случае с НІЛ, мы не знаем, только ли смоленские кривичи участвовали в походе, или, может быть, еще псковские и полоцкие. В перечне ПВЛ добавлено и неопределенное «Русь», которая, как бы ее ни понимать, подразумевалась обеими летописями и среди участников похода Олега¹⁷⁵.

Видимо, не стоит придавать большого значения перечню ПВЛ под 907 г. Вряд ли княжеская «канцелярия» фиксировала участников похода. Расширенный по сравнению с последующими акциями их состав, представленный «Повестью...», мог объясняться победным завершением похода. Как незаурядное событие он сохранялся в памяти. Поэтому было немало желающих поучаствовать в нем «задним числом». Возможно также, что личное участие отдельных представителей тех или иных племен на местах обрастало легендами и переносилось, со временем, на все племя. Впрочем, некоторые не подчиненные Киеву племена могли отправиться на Византию в качестве союзников, надеясь на богатую добычу¹⁷⁶.

Расширение суперсоюза на юг и перенос резиденции русов в Киев привели к известным изменениям в отношениях между субъектами северной «конфедерации». Кривичи, меря и, возможно, весь (летописная «чудь»?) подчиняются Киеву, но, видимо, через посредство словен и оставшихся на севере варягов, осевших в упоминавшихся «виках»¹⁷⁷. С возвышением полян, с которыми варяги-русь заключают союз¹⁷⁸, и началом формирования городов-государств менялся и расклад сил. Муромская и Ростовская (с Бело-

озером) земли попадают в непосредственную сферу влияния Киева и других полянских центров. Некоторые территории отпадают, возможно, из-под власти русов. Так, из летописи следует, что в последней четверти X в. в Полоцке находился Рогволод, который не зависел ни от Ярополка Киевского, ни от Владимира Новгородского. В Турове сидел некий Туры¹⁷⁹. Обстоятельства появления их в названных городах туманны. Можно думать, что последние были заняты какими-то варяжскими дружинами, вожди которых могли быть никак не связаны с Рюриковичами. Менялся и статус словен, которые к середине X в. оттесняются полянами, но сохраняют особое положение в объединении¹⁸⁰.

Таким образом, в середине X в., если опираться на письменные источники, ядром развивающегося суперсоюза племен являлась территория, очерченная городами Киев, Вышгород, Чернигов, Любеч (полянская земля, включая, возможно, западно-северянское пограничье), Смоленск (смоленские кривичи), Новгород (словене). Она находилась на третьей, высшей стадии интеграции. Именно здесь располагалась зона наиболее активного славяно-скандинавского синтеза. «Все славинии» (волынiane /лендзяне?/, северяне, дреговичи, древляне, часть кривичей) Константина Багрянородного, платившие дань Руси, находились на второй стадии интеграции по отношению к Киеву. Наконец, некоторые племена вступали в военный союз с Киевом. Таковыми могли быть перчисленные ПВЛ в конце списка участников похода 907 г. на Константинополь вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы. Характерно упоминание тиверцев и среди участников похода 944 г.

Районы Ростова, Белоозера, Мурома, Изборска-Пскова (о Полоцке речь велась выше), вероятно всего, по-прежнему были привязаны к основному ядру третьей стадии интеграции. Что касается псковских кривичей, то они, видимо, находились в орбите влияния Новгорода. Там также зафиксировано заметное присутствие скандинавского элемента. Несомненно, что связь территорий прежних субъектов северного суперсоюза с Новгородом, Смоленском и Киевом поддерживалась оживленными контактами на Волжском и Днепровском торговых путях и их ответвлениях. Очевидно, что и в Новгороде, и в Киеве прилагали все усилия по удержанию позиций в этих стратегически важных пунктах¹⁸¹.

Следовательно, мы можем предполагать, что не только территория вдоль пути «из варяг в греки» находилась на третьей стадии

интеграции, но и изначальная территория северного суперсоюза. Лишь Полоцк на определенном этапе, видимо, выпал из этой обоймы, до взятия его Владимиром в 980 г. (по ПВЛ). В середине X в., после погрома, устроенного Ольгой, третья стадия интеграции распространяется на древлянскую землю¹⁸². Походы Святослава ввели в круг данников вятичей. Вероятно, контроль за данной территорией осуществлялся из Муром и Чернигова. Большая часть вятичской территории была охвачена третьей стадией интеграции, видимо, при Владимире Святославиче¹⁸³. Однако еще во второй половине XI в. Владимир Мономах воевал с неким Ходотой и его сыном¹⁸⁴.

Завершение формирования суперсоюза с центром в Киеве приходится на правление Владимира Святославича, когда происходит окончательное обложение данью восточнославянских племен, а в важнейшие центры назначаются княжеские наместники¹⁸⁵. Однако сам перечень столов, на которых оказались сыновья Владимира (Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, Владимир /Волынский/, Тмутаракань и Древлянская земля /«Древехъ»/, Смоленск, Псков /Изборск «Сказания о призвании варягов»?/)¹⁸⁶, показывает, что процесс этот был не единовременным. В Новгороде, Полоцке, Ростове, Муроме, Изборске мужи были посажены еще Рюриком, в Смоленске — Олегом, в древлянской земле, видимо, — Ольгой (Святослав там посадил сына Олега¹⁸⁷). То есть указанные центры (под вопросом — Полоцк) уже к тому времени были охвачены высшей стадией интеграции в рамках суперсоюза.

В отношении остальных точной информации нет. Если принять во внимание «лендзян»-волынян Константина Багрянородного¹⁸⁸, то эта территория рано входит в круг данников Киева. Однако сам город Владимир-Волынский, если исходить из названия, был основан Владимиром Святославичем как важный форпост на западном и юго-западном направлении русо-полянской экспансии. Видимо, это произошло в период борьбы за Перемышль и Червен — предмет соперничества с Польшей и, возможно, Чехией. В данной связи интересен поход Владимира на хорватов, помещенный в ПВЛ под 992 г., о результатах которого умалчивается¹⁸⁹. Важное значение города отразится и в «завещании» Ярослава, когда он войдет в круг главнейших центров Руси, в которых вокняжились Ярославичи¹⁹⁰.

Дреговичи («другувиты») упоминаются Константином Багрянородным в той же связи, что и «лендзяне». Обстоятельства окончательной интеграции этой территории в состав Киевской Руси

не ясны. Упоминание Туры, от которого «туровци прозвашася»¹⁹¹, возможно, лишь изложение этимологической легенды¹⁹². Однако представляется, что здесь содержится и известный намек на пришлый характер княжой власти и на ее связь с одним из норманнских вождей, отношение которого к Рюриковичам, как отмечалось выше, не известно.

Тмутаракань, не славянская по этническому облику, вошла под протекторат Руси, судя по всему, при том же Владимире¹⁹³.

Наконец, мы не знаем, какие города «раздая» Владимир отобранным им варягам после утверждения в Киеве¹⁹⁴. Вероятно, среди них были и некоторые из вышеперечисленных.

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что многие «племена» приходилось покорять повторно вследствие весьма слабой их интеграции в рамках формирующейся Киевской Руси. Вряд ли возможно ставить под сомнение реальность такого положения дел. Однако повторные походы, на наш взгляд, могли быть вызваны не только попытками «племен» освободиться из-под «опеки» Киева, но и включением их в третью стадию интеграции. Какими средствами это достигалось, видно на примере древлян¹⁹⁵. Возможно, этими обстоятельствами объясняется и поход Владимира на радимичей, которые, по свидетельству ПВЛ, были подчинены еще Олегом¹⁹⁶. Само выражение, подытоживающее результаты акции, — «и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне»¹⁹⁷, содержит указание на новый характер зависимости, который сохранился и во времена летописца. То же самое можно предположить и в отношении двух походов на вятичей¹⁹⁸. Интересна и такая деталь. Из 83 стационарно исследованных городищ IX — начала XI в. 24 (28,9 %) «прекратили существование к началу XI в. Всего из археологически изученных древнерусских укрепленных поселений не дожили до середины XII в. 37 (15,3 %) из 242 памятников. Гибель большинства из них на рубеже X–XI вв. объясняется не только ударами кочевников, но и становлением единого государства Руси»¹⁹⁹. Это яркий показатель того, что господство Киева распространялось не столько посредством «рядов», как полагают некоторые исследователи²⁰⁰, сколько с помощью насилия (следствием которого и были «ряды»). А Рюриковичи, в прямом смысле слова, утверждались на костях «племенных князей».

Распад родоплеменных связей, явственно обозначившийся ко второй половине X в., способствовал активизации процессов транс-

формации племенных союзов в города-государства²⁰¹. Однако процесс этот протекал неравномерно. Если, например, на территории полян и словен первые симптомы организации общества на территориальных началах фиксируются, по летописям, по крайней мере с конца второй трети X столетия²⁰², то в отдельных регионах вятичского мира родоплеменные отношения были сильны, видимо, еще при Владимире Мономахе. Таким образом, различия в темпах политогенеза и в характере интеграции между разными субъектами суперсоюза сохранялись. По мере оформления городов-государств происходила трансформация сложного (включающего в себя элементы, связанные разным уровнем интеграции) суперсоюза племен в федерацию земель (городов-государств) с центром в Киеве. Асинхронность политогенеза в различных частях восточнославянского мира придавала Киевской Руси конца X — начала XI в. сложный и неоднородный характер: она сочетала в себе элементы и суперсоюза племен, и федерации земель (то есть являлась образованием, переходным от суперсоюза племен к союзу /федерации/ земель). Окончательно «федерация» оформляется в середине XI в.²⁰³ Ядром ее становится собственно бывшая полянская земля, включая и районы наиболее сильного русо-полянского влияния — так называемая «Русская земля» в узком смысле слова²⁰⁴.

Еще в дореволюционной России историки обратили внимание на использование летописцами названий «Русь», «Русская земля» в двух значениях: широком (применительно к территории всей Древней Руси) и в узком (к территории Среднего Поднепровья, в первую очередь — к Киевской земле)²⁰⁵. Многие исследователи, используя это обстоятельство, пытались доказать, что первичным было «узкое название», которое потом распространилось на остальные территории²⁰⁶. Широкое признание получила точка зрения А. Н. Насонова о «Русской земле» как ядре «государственной территории Киевской Руси»²⁰⁷.

Существует и другое, популярное в историографии, объяснение этого феномена: «Русская земля» складывалась на основе великокняжеского домена, при активном участии скандинавов²⁰⁸.

В принципе тезис о среднеднепровской «Русской земле» как государственном ядре Киевской Руси принять можно, но с отдельными оговорками. Во-первых, корректнее, на наш взгляд, вести речь о «политическом ядре». Во-вторых, о начале формирования «Русской земли» в этом регионе можно говорить лишь с момента

появления здесь варяго-русов. Когда это происходит — сказать с абсолютной точностью невозможно. Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин полагают, что «Русской» «эта земля стала называться с тех пор (оттоле), как в Киеве обосновались Олег и Игорь со своей русью»²⁰⁹. «Показательно, — пишет В. Я. Петрухин, — что Аскольд и Дир, закрепившиеся в Киеве до Олега», согласно летописи, «владеют не “Русской”, а “польской” (полянской) землей»²¹⁰.

Подобная методика анализа летописных текстов вызывает определенные сомнения. ПВЛ, после того как уже Олег, по ее же сведениям, назвал Киев «матерью городов русских» (ключевая фраза для построений Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина), сообщает о наложении дани на древлян, северян и радимичей, после чего «бе обладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тверци имяше рать»²¹¹. То есть, если исходить из логики рассматриваемых авторов, он также обладал не «Русской», а «полянской» (как Аскольд и Дир) землей, плюс — землями недавно подчиненных племенных союзов.

Следующее упоминание о действиях «руси» (если отбросить не относящиеся к рассматриваемому вопросу общие рассуждения в контексте сказания о приобретении грамоты словенской под 898 г.²¹²) содержится в летописном рассказе 907 г. о походе Олега на Византию. Оно также принципиально не отличается от известия о походе Аскольда и Дира на ту же Византию. Сравним эти данные.

Аскольд и Дир	Олег
<p>«Иде Аскольдъ и Диръ на греки... Цесарю же отшедшу на огаряны, и дошедшие ему Черные реки, вестъ епархъ посла к нему, яко <i>русь</i> на Царьгородъ идеть, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сот корабль Царьград оступиша». После молебна и погружения в море божественной ризы святой Богородицы, поднялась буря, которая «безбожных <i>руси</i> корабле смете...» (ПВЛ. С. 13).</p>	<p>«Иде Олегъ на Греки,... поя же множество варяг, и словень, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци... И... поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И прииде къ Царюграду... И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. ... И ина многа зла творяху <i>русь</i> грекомъ...» (ПВЛ. С. 16).</p>

Как видим, различие только в масштабах. На Византию Олег повел не 200 кораблей, как его предшественники, а 2000, плюс конницу. И тот и другой походы у летописца ассоциировались с походом «руси». Причем в обоих случаях «русь» — собирательное название для всех участников похода (исключение — эпизод с парусами для руси и словен)²¹³. Только в сообщении о походе Игоря 944 г. на Византию ПВЛ, наряду с собирательным значением, выделяет «русь» непосредственно в перечне участников акции²¹⁴.

Для нас, в данном случае, не важен вопрос об историчности Аскольда и Дира, равно как и вопрос об их отношении к Рюрику. Факт заимствования сведений о походе Аскольда и Дира летописцем у Продолжателя Амартола²¹⁵ также не меняет существенно картины. Для нас важно то, что летописец связывал данное мероприятие с «русью», как и поход 907 г. Следовательно, в его понимании часть русов появилась в Киеве еще до Олега. Это не удивительно, ведь в трактовке составителя ПВЛ Аскольд и Дир — мужи Рюрика, пришедшие, судя по всему, в составе приведенной им с собой «руси», но не состоящие с ним в родстве²¹⁶. Более того, несостоятельность попыток противопоставления сюжетов ПВЛ, связанных с Олегом, — с одной стороны, Аскольдом и Диром — с другой, подтверждается и тем фактом, что для летописца исходным хронологическим рубежом для датировки событий послужил именно поход Аскольда и Дира на Византию, когда собственно и стала «прозывати Руская земля»²¹⁷. При этом летописец всячески проводит мысль о незаконности власти Аскольда и Дира, которые не являлись князьями. Д. С. Лихачев, комментируя данное обстоятельство, справедливо отмечал: «Скрытая мысль летописца состоит в том, что полноправные князья только из “племени” Рюрика»²¹⁸. Тем не менее, как мы видели, летописец не отказывает им в принадлежности к «руси».

Что касается сообщения под 882 г. («И седе Олегъ княжа въ Киеве, и рече Олегъ: “Се буди мати градомъ русьскимъ”. И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью»²¹⁹), то оно представляет собой осмысление людьми второй половины XI в. процессов формирования Киевской Руси и древнерусской народности²²⁰ и не может восприниматься буквально. Более того, этот сюжет, на наш взгляд, следует в русле противостояния двух традиций, новгородской и киевской, за право политического первенства, в том числе и в плане преемственности с варяжской «русью».

Так, касаясь вопроса «о начале Русьская земля и о князехъ, како откуду быша», НІЛ исходила из примата Новгорода («преже Новгородская волость и потом Киевская»)²²¹. Новгородцы (словене) сыграли главную роль в призвании князей, и не случайно старший, Рюрик, сел княжить в Новгороде. Именно от призванных варягов прозвалась Русская земля. Особая роль новгородцев подчеркивалась и тем, что современные летописцу киевляне ведут свое происхождение от полян, а новгородцы — от варягов²²²: «И беша мужи мудри и смыслене, наречашуся Поляне, и до сего дне от них же суть кыяне...»; «И от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словес Руская земля; и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска»²²³. Таким образом, новгородские книжники проводили мысль о том, что Русская земля прозвалась от их предков.

Полностью отбросить эти аргументы киевские книжники были не в состоянии. Поэтому они попытались перевести проблему «начала Руси» в несколько иное русло, акцентировав внимание на вопросе, кто стал первым княжить в Киеве²²⁴. Не отрицая того, что «людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени»²²⁵, южный летописец предпринял попытку генетически связать с варяго-русами полян: «Поляне, яже ныне зовомая Русь»; «А словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаяа речъ бе»²²⁶. В дополнение ко всему, противоречия своему же утверждению о тесной связи новгородцев с призванными ими варяго-русами²²⁷, проводник киевской традиции в цитировавшемся выше извести под 882 г. окончательно поставил все на свои места, заявив, что «русью» словени и прочие стали называться после утверждения Олега в Киеве²²⁸. При этом возникало существенное противоречие: Олег сначала окрестил Киев «матерью городов русских» (и это логично, так как князь русов утвердил в нем свою резиденцию), а потом словене (уже проживавшие на территории, подконтрольной русам, и уже слывшие «от рода варяжска», от которого и прозвалась Русская земля²²⁹), равно как и сами варяги и прочие, «прозвались русью».

В этой связи следует обратить внимание на использование летописцем понятий «варяги» и «русь». В НІЛ Русь, Русская земля получили название от «тех Варягъ», которые пришли с Рюриком и братьями («находникъ техъ»). После утверждения Игоря в Кие-

ве, «беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прочии прозвашася Русью»²³⁰. После этого слово «Русь» применяется в широком смысле, в качестве названия страны (территории, подвластной Рюриковичам), либо для обозначения участников военных походов, организуемых первыми князьями²³¹, а иногда и для обозначения населения, им подвластного²³². В узком смысле слова «русь» упоминается под 922 г. (противопоставляется словенам)²³³, 945 г. (древлянам)²³⁴, 984 г. (радимичам)²³⁵. В описании подготовки похода Олега на греков под 921 г. НІЛ сообщает: «Игорь и Олегъ пристроиста воя многи, и Варягы и Поляне и Словене и Кривичи...». В 922 г. все они пойдут на Византию. После того как Олегъ обложит данью империю, он особо выделит среди участников «Русь» и «Словен». Здесь, с одной стороны, «Русь» (вероятно) — все участники похода, с другой — часть их²³⁶. Возможно (если сравнить приводимые данные о кампании 922 г. с перечнем ее участников, содержащемся в НІЛ под 921 г.), под «Русью» здесь подразумеваются варяги. Но варяги «свои», а не заморские. Не те, которым должны были платить дань «мира деля» новгородцы (после утверждения Игоря и Олега в Киеве)²³⁷, и не те, которых приглашали на помощь князь в междоусобных войнах (Владимир Святославич, Ярослав Мудрый) и которые нередко вели себя нагло и вызывающе на Руси²³⁸.

Таким образом, для НІЛ «Русь» в X в. — это прежде всего территория и население, подвластные русским князьям, получившие свое название от призванных ранее варягов. Варяги, с одной стороны, часть этой «Руси» (давшие название целому), с другой — скандинавские отряды, грозившие вторжениями (от которых следовало откупаться), либо наемники на службе Рюриковичей.

Более «концептуальна» и заполитизирована схема ПВЛ, которая пытается четко отделить «Русь» (призванных, «своих», варягов) от остальных варягов. Под пером летописца «Русь» — относится к числу варяжских племен, так же как «свие... урмане, ангыляне... гъте...»²³⁹. То есть это часть варягов. Чтобы снять все сомнения и недоразумения, летописец выводит всю «Русь» с первоначальной родины и поселяет в Восточной Европе, на территории призвавших племен, откуда она потом разойдется и даст название Русской земле: «И избрашася 3 брѣтья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша... И от техъ варягъ прозвася Руская земля...»²⁴⁰. Таким образом, Русская земля прозвалась имен-

но от конкретных варягов, «Руси» (остальные варяги к этому не имеют никакого отношения). В этой связи понятно последующее использование термина и в широком плане (для всей территории и племен, находящихся под властью Руси)²⁴¹, и в узком (применительно к одному из участников общих мероприятий, в отличие от полян, словен, просто варягов и т. п.). «Русь» в узком смысле — господствующая часть населения Руси и, одновременно, в широком смысле — страна, территория и племена, подвластные русским князьям.

Вместе с тем ПВЛ не всегда последовательно пытается провести разграничение между «Русью» и варягами. Варяги, «совокупленные» в Киеве Аскольдом и Диром, судя по всему, та же «Русь»²⁴². Походы на греков, как мы видели, совершаются «Русью» в широком смысле. Однако, как и в НЛ, «Русь», получившая перед возвращением домой по приказу Олега «парусы паволочиты», видимо, отождествляется с варягами, перечисленными среди участников похода²⁴³. Только с сообщения 941 г., когда Игорь после неудавшегося похода на Византию «посла по варяги многи за море», это разграничение между «своими» варягами («Русью») и «заморскими» становится более отчетливым²⁴⁴. Но и после этого, описывая процедуру заключения договора 945 г. с греками, летописец отметит: «... А хрестяную Русь водиша роте в церкви святого Ильи... мнози бо беша варязи хрестяни»²⁴⁵. Здесь «Русь» можно понимать как в широком смысле (а варягов — как составную часть ее), так и в узком («Русь» — это варяги-русы).

Такая непоследовательность понятна, учитывая искусственность летописной конструкции о варяжском племени Русь, перебравшемся в полном составе в Восточную Европу. Реальных же критериев, позволяющих отличить «своих» варягов от заморских, на ранней стадии развития Киевской Руси летописец не знал. Но и он, и многие на Руси знали, в той или иной степени, о варяжском происхождении князей²⁴⁶ и многих представителей знати, которые, как и Рюриковичи, должны были помнить о своих варяжских корнях²⁴⁷. Это, естественно, приводило к нарушению внутренней логики летописного текста. Реальные же разграничительные критерии для летописца появились позднее, когда обозначились существенные различия между ославянивавшимися потомками варягов и присутствовавшими на Руси наемниками и купцами из Скандинавии. Но и в числе последних было немало тех, которые

прочно оседали на Руси, обзаводились семьями, пополняя категорию «своих» варягов.

Из вышесказанного также следует, что ПВЛ понимает «Русь» не как дружину, а как этническую общность, отличающуюся и от «полян», «словен» и т. п., и от просто «варягов». Попытки современных исследователей истолковать «Русь» как социальный слой, дружину — следствие трактовки летописи, но не показание самого источника. Летописец же понимал «Русь» в том смысле, как и «полян», «словен» и т. п. Те жили с «роды своими», и эти пришли с «роды своими» в полном составе к призвавшим их «родам» — словен, кривичей, меря, чудь и т. п. Аскольд и Дир отпросились у Рюрика в Царьград «с родомъ своимъ». Поляне, в свою очередь, на вопрос Аскольда и Дира «чий се градокъ?» ответили: «Была суть 3 братья... сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седимъ, родъ ихъ, платяче дань казаромъ»²⁴⁸. «Мы от рода русаго» — так представляются послы Олега и Игоря в договорах с Византией²⁴⁹, и т. п.

Стремление связать себя генетически с «Русью» должно было реализоваться через представления о родоначалнике. Признать родоначальниками Аскольда и Дира значило унизить себя перед лицом тех же новгородцев, «родоначальником» которых был сам Рюрик. И хотя Ипатьевская летопись начинает перечень князей с Аскольда и Дира²⁵⁰ — они не «рода княжеского». Поэтому «Русью» полян (а потом уже словен и «прочих») окрестили не они, а Олег²⁵¹ (внешняя санкция, своеобразное введение в род), который был рода княжеского. Таким образом, генетически киевляне связали себя, через Олега, с Игорем (через них обоих — с Рюриком), а не Аскольдом и Диром. Тем самым отбрасывалась и нежелательная версия об узурпации власти. Эти книжные выкладки сурово расходились с реальностью, поскольку киевляне (поляне) были завоеваны, покорены и вначале находились на подчиненном положении. Ситуация изменяется со времен Игоря, когда уже оформился, в общих чертах, варяго-полянский союз²⁵².

Как бы там ни было, Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин и их сторонники правы в том, что до прихода норманнских отрядов в Среднее Поднепровье ни о какой «Русской земле» здесь не может идти и речи. Последние попытки реанимировать антинорманнские концепции происхождения «руси» с использованием форм «руги», «Ruzzi» (здесь мы абсолютно солидарны с В. Я. Петрухиным) малоубедительны²⁵³. Вместе с тем точную хронологию ут-

верждения «руси» в Киеве, равно как и степень достоверности сведений летописца, доподлинно установить невозможно.

Теперь вернемся к вопросу о «Русской земле» в узком смысле слова, как о «великокняжеском домене». Среди современных историков эту точку зрения активно отстаивает В. Я. Петрухин. Однако собственные наблюдения известного исследователя противоречат такой постановке вопроса. Так, комментируя историографическую ситуацию по поводу «изначальности “Русской земли” в узком или широком смысле», он, с некоторыми оговорками, склоняется к мнению «о раннем бытовании названия *Русь* именно в широком смысле». Вместе с тем он отмечает, что к X в. «относятся и упоминания триединства Киева, Чернигова и Переяславля (в договорах 911 и 944 гг.), правда, без идентификации их с Русской землей в узком смысле: вероятно, именно в X в. происходило формирование великокняжеского домена, который сохранил в эпоху раздробленности название “Русская земля”»²⁵⁴. Возникает вопрос, что это за «домен», который держался на «триединстве» городов? Более того, по мнению автора, «ряд» Ярослава, по которому он разделил перед смертью «домен» между сыновьями, был уже шагом «к “отчинному” — феодальному (удельному) распределению и наследованию столов». Однако «легитимность “отчинной” княжеской власти должны были признать главные города Русской земли — Киев, Чернигов и Переяславль, и “тянувшие” к ним волости». Более того — раздел Руси, по В. Я. Петрухину, был предопределен как “рядом” Ярослава, так и “вечевым строем” городов»²⁵⁵. Из положений самого автора, таким образом, напрашивается вывод, что главную роль в политической жизни того времени играли не столько межкняжеские отношения, сколько отношения между городами.

Показательны в этом плане и построения А. В. Назаренко. С середины 1980-х гг. он отстаивает идею родового сюзеринитета Рюриковичей в трактовке, весьма близкой к построениям представителей «теории родового быта», и проводит аналогии с Франкским королевством. По его мнению, «завещание» Ярослава Мудрого устанавливает порядок сеньориата, а до этого все братья были равны²⁵⁶. Вряд ли можно отрицать родовый характер княжеской власти и значимость принципа родового старшинства. Но сводился ли только к ним порядок наследования? В этом следует усомниться. Сам А. В. Назаренко верно указывает на «принципиальное от-

личие» престолонаследования во Франкском государстве IX в. и на Руси XI в.: «У франков обладание императорским титулом не было связано с владением какой-то определенной (так сказать, «стольной») областью...», тогда как на Руси «сеньориат был связан с обладанием богатым Киевским княжеством...»²⁵⁷. Значит, и в данном случае дело не столько в родовом сюзеринитете, сколько в городах, выстраивавшихся в иерархию «старших» и «младших», под которую подстраивалась и которой определялась, в значительной степени, родовая иерархия князей.

В. Я. Петрухин очень удачно охарактеризовал отношения между Киевом, Черниговом и Переяславом как «триединство». Вместе с тем говорить о таковом применительно уже к X в., тем более — со ссылкой на договоры 911 и 944 г., не приходится (равно как и, исходя из посылки автора, о формировании в X в. княжеского «домена»). В летописных вставках в тексты договоров отражена картина более позднего времени (XI — начала XII в.). Более того, Переяславля ни в 911, ни в 944 г. еще не существовало. Он основан в конце X в. Владимиром Святославичем, а в разряд ведущих городов, как увидим, войдет еще позже.

На наш взгляд, особая роль Киева, Чернигова и Переяславля, отмечаемая исследователями, определялась тем, что они сформировались на основе полянской земли — в территориальном, и норманно-полянского синтеза²⁵⁸ — в этнополитическом плане, что обеспечило господствующее положение региона в восточнославянском мире. Этим же обстоятельством (зона русо-полянского синтеза) и объясняется использование в летописях названия «Русская земля» в узком смысле, применительно к Среднему Поднепровью. Поскольку господство над подвластными «племенами» поддерживалось усилиями всех русо-полянских центров, осуществлявших совместную их эксплуатацию, это обуславливало и особый характер отношений между этими центрами, и сохранение за крупнейшими из них ведущей роли в восточнославянском мире на протяжении XI столетия²⁵⁹.

Из вышесказанного следует, что ведущую роль в политических процессах эпохи формирования древнерусской государственности играли те регионы и центры, где зафиксировано наиболее активное присутствие скандинавов. Последние явились той силой, которая активировала процессы политогенеза на территории Киевской Руси и, наложившись на мощную волну восточ-

нославянской колонизации, придавала им динамизм и масштабность. Неизбежно возникает вопрос, почему это произошло, какие факторы обусловили столь большую роль сравнительно малочисленных варяжских элементов, обеспечили их преобладание над туземными на начальной стадии этнополитической интеграции? Вопрос этот становится еще более актуальным, если учитывать общепринятое мнение о равно стадийном развитии скандинавов и восточных славян. Не возражая в целом против такого вывода, заметим, что при общей равной стадийности развития первые обладали рядом существенных преимуществ, которые и позволили им на определенном этапе захватить инициативу в свои руки.

Начнем с того, что на момент начала норманнской экспансии в Восточной Европе варяги имели большой исторический опыт, накапливаемый с эпохи бронзы в Дании и Норвегии или с периода Вендель (VI–VII вв.) в Швеции²⁶⁰. Они обладали письменностью и более развитыми, чем у восточных славян, эпосом и мифологией, более сложной общей системой религиозных воззрений. Мифология же в то время была универсальным инструментом осмысления мироздания, природных и общественных явлений. Являясь необходимым и неотъемлемым элементом и средством легитимации общественных институтов, она выступала в роли внешней санкции, охраняющей, с одной стороны, традиционный уклад и в то же время, с другой стороны, освещающей новационные явления. Ведь ничто новое не могло утвердиться без внешней санкции. Считалось, что существующие порядки установлены богами или предками-родоначальниками и не могут меняться без проявления либо их воли, либо без воли более могущественных аналогичных сил. Поэтому уровень развития общества и уровень развития мифологии хотя и не линейные, но взаимосвязанные, неотделимые процессы.

Как морской, а не лесной народ, норманны были мобильнее и славян, и финно-угров. Дальние военные и торговые экспедиции расширяли их мировоззренческий кругозор, накапливали дополнительный социальный и просто жизненный опыт. По замечанию А. Я. Гуревича, скандинавам были присущи «дух странствий», «жажда приключений». О массовости этого явления говорит тот факт, что «человек, всю жизнь просидевший в своем дворе, никуда не выезжая, не пользовался высоким уважением»²⁶¹.

Неоспоримо военно-техническое превосходство норманнов в IX–X вв. над разрозненными племенными объединениями Восточной Европы. Оно достигалось за счет гораздо более солидного военного опыта и первоклассного, по тем временам, вооружения. Оружие поступало как из лучших европейских (в виде товара или военной добычи), так и собственных мастерских. Особенно развита металлургия железа была на территории Швеции. Можно полагать, что сложные технологии железообработки (например, тройной пакет) были принесены в Восточную Европу варягами. Давно замечено, что в IX–X и даже в XI–XII вв. сложные технологические приемы обработки железа в Древней Руси преобладали в северных регионах, тогда как в южных (за исключением Шестовиц и Киева) в основном развивались архаичные восточнославянские традиции, уходившие корнями в эпоху раннего железа²⁶². Иными словами, наиболее сложные и высококачественные предметы из железа изготавливались в тех регионах Руси, которые в свое время были отмечены наиболее интенсивным норманнским присутствием²⁶³. Этот факт, а также находки мастерских скандинавских кузнецов на Руси²⁶⁴, позволяют предполагать принесение скандинавских ремесленных традиций в области металлообработки на Русь непосредственными их носителями.

Характерно, что в IX в. восточнославянские племенные союзы уступали в области металлургии железа и носителям Салтовской культуры. Это весьма важный и существенный момент, не оцененный должным образом в историографии. Ведь уровень железнодобычи и особенно железообработки в рассматриваемую эпоху определял и общий уровень развития производительных сил со всеми вытекающими отсюда последствиями для развития общества, в том числе — его обороноспособности. Неудивительно поэтому, что в то время, когда на восточных славян падает первый луч истории, многие их племенные объединения предстают в роли данников хазар и варягов. Ведь франкским мечам, тяжелым копьям и боевым топорам норманнов, защищенных доспехами, славяне, как явствует из археологических материалов и известий восточных авторов, могли противопоставить в основном стрелы и дротики. Кроме того, восточные славяне, видимо, не знали еще правильного боевого строя, их военно-тактическое искусство было несовершенно. Норманны же обладали одной из самых развитых в то вре-

мия военных организаций, позволявшей им терроризировать и Европу, и Северную Африку, и часть Азии. Если исключить византийский флот с его «греческим огнем», то и в военно-морском деле норманнам не было равных. До появления в Восточной Европе норманнов ни славяне, ни финно-угры не знали, видимо, и такой важнейшей организации, как постоянная, сплоченная неразрывными узами с вождем, дружина²⁶⁵.

Таким образом, по ряду важнейших качественных параметров варяги опережали туземное население. Мобильность норманнских отрядов, разрозненность местных племенных группировок и разбросанность их поселений не позволяли последним сколько-нибудь эффективно использовать такой фактор, как численное превосходство перед завоевателями, и компенсировать за счет этого военно-техническое отставание. Как следствие — ведущая интегрирующая роль в этнополитических процессах на территории Восточной Европы конца IX — начала последней трети X в. принадлежала варягам.

По мере деструкции родоплеменных связей, вступающей в X в. в завершающую стадию, роста восточнославянских городов и консолидации местных общин, приобретения славянами военного опыта (следствие участие в совместных с варягами походах), а также в связи с сокращением поступлений восточного серебра²⁶⁶ и закатом эпохи викингов эти преимущества постепенно сходят на нет. Варяжские князья вынуждены были вступать в союз с местными племенными объединениями (прежде всего со словенами, а потом полянами), пополнять свою дружину славянскими элементами. Для укрепления власти над подвластными племенами, достижения политических целей в междоусобной борьбе, организации дальних грабительских походов они должны были все больше опираться на народное ополчение, следить за повышением его боеспособности. То же происходило на местах, и мы видим, как Олег и Владимир Святославичи в противостоянии Ярополку опираются, соответственно, на ополчения древлян²⁶⁷ и северной конфедерации²⁶⁸. Тем не менее в междоусобных войнах побеждал тот, кто имел союзниками варягов²⁶⁹. Это не удивительно, так как в конце X — первой половине XI в. варяги по-прежнему превосходили по боевым качествам ополченцев, а численность княжеских дружин была недостаточной для ведения сколько-нибудь широкомасштабных военных действий²⁷⁰.

Последний раз варяги в качестве наемников фигурируют под 1036 г., когда сражаются под Киевом, на стороне русских, с печенегими. Это был последний варяжский военный аккорд (есть мнение, что варяги участвовали и в походе 1043 г. Владимира Ярославича на греков²⁷¹). Подходила к концу эпоха викингов, да и в военных услугах варягов на Руси все меньше было нужды. Формирование городов-государств вступало в завершающую стадию. Одним из следствий этого процесса была трансформация племенных ополчений в ополчения земель, ядром которых постепенно становилась тяжеловооруженная пехота. В результате от былого превосходства скандинавов не осталось и следа²⁷².

Падение роли норманнского элемента и возвышение местного, полянского, в Среднем Поднепровье наблюдается уже в середине X в. Особенно это характерно для периода правления Святослава²⁷³. Но коренной перелом начинается с эпохи Владимира Святославича. Если Рюрик, Олег, Игорь и Святослав по своему поведению — типичные викинги²⁷⁴, то Владимир уже не просто князь нового типа, он прежде всего полянский князь (может быть, в этом кроется одна из причин его популярности в фольклоре?). При нем отмечается значительная роль варягов (за исключением начального периода, когда с их помощью он утвердился в Киеве)²⁷⁵. Одновременно шел процесс славянизации дружины, нашедший наглядное отражение в летописном рассказе об отроке Кожемяке, победившем грозного печенежина. Характерно, что среди полиэтнической княжеской дружины не нашлось никого, кто бы рискнул сразиться с врагом в поединке, решавшем, по договоренности, судьбу военной кампании и мира на три года²⁷⁶. Князя и русское войско от поражения, а Русскую землю от последующих набегов спас один из ополченцев. С четырьмя своими старшими сыновьями он вышел на битву, а младшего, пятого сына оставил дома. Именно «меньшенький», спешно вызванный в воинский стан, и «удави печенежина в руку до смерти»²⁷⁷. Печенеги были разбиты, а князь заложил на месте памятных событий город Переяславль, «зане перея славу отроко ть. Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его»²⁷⁸.

Это предание является осмыслением не только процесса славянизации дружины посредством включения в нее лучших местных элементов, но и важных сдвигов в военной организации Киевской Руси, характеризующихся усилением роли народного ополчения,

переходом этого института в новую фазу развития. Конечно, основы для этого закладывались уже во времена Игоря и Святослава. Но только теперь, в изменившихся внутри- и внешнеполитических условиях этот процесс получает устойчивое развитие. Владимир не отказался полностью от практики организации дальних грабительских походов, как и его предшественники, однако центр тяжести в своей деятельности он перенес на укрепление власти Киева в восточнославянском мире и на оборону южных границ Руси. Это совпало, с одной стороны, с сокращением стихийного норманнского присутствия в Восточной Европе²⁷⁹, являвшегося источником идеальной для дальних походов военной силы, а с другой стороны — с активизацией печенегов на южных русских рубежах. В деле же организации обороны роль народного ополчения неизмеримо возрастала. Необходимо было создавать надежную военную инфраструктуру на южных границах. Начинается активное строительство крепостей и укрепленных линий. Вопрос обеспечения их «живой силой» не мог решаться посредством найма варягов. Поэтому Владимир «поча нарубати муже лучьшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ, и от сих насели грады; бе борать от печенегъ»²⁸⁰. Процесс повышения роли народного ополчения и пополнения дружины лучшими его представителями наглядно отразился и в былинном эпосе, в котором самый знаменитый богатырь — «крестьянский сын» Илья Муромец, а самый сильный (если не считать архаичного Святогора) — Микула Селянинович.

Повышалась и военно-техническая оснащенность народного ополчения, что обуславливалось как приобретаемым опытом и заимствованием военной организации у варягов и южных соседей (представители последних также играли важную роль в русском войске), так и развитием ремесленного производства, сделавшего к концу X в. ощутимые успехи в производстве достаточно совершенных образцов вооружения.

Как видим, в правление Владимира роль варягов резко сократилась, они были полностью поставлены под контроль русской администрации и не занимали уже столь исключительного места в вооруженных силах и аппарате управления, как прежде. При Ярославе опять наблюдается некоторая активизация варяжского присутствия, но уже полностью под контролем русской администрации²⁸¹.

Таким образом, «норманнский период» русской истории завершился при Владимире. При Ярославе был лишь незначительный «варяжский ренессанс», который еще явственнее отразил закат «готической Руси».

Однако, говоря о норманнском периоде, следует отметить, что он не был чисто норманнским. Образование северного суперсоюза племен обуславливалось необходимостью организации отпора варяжской агрессии. Союз этот в таком виде оказался недолговечным. В итоге интеграция на севере Восточной Европы стала делом рук варягов, возглавивших завоевание и южных племенных объединений. На севере союзниками варягов, вряд ли на первых порах равноправными, были словене, на юге, по крайней мере со времен Игоря, — поляне. Дальнейшее объединение племен вокруг Киева также являлось результатом завоевания, в первую очередь норманно-полянского. При этом господствующее объединение не довольствовалось взиманием дани и политическим контролем территории покоренных, но стремилось и к расширению собственного ареала проживания. Еще до прихода варягов в Среднее Поднепровье поляне, возможно, пытались освоить прилегающие районы Левобережья Днестра. Имеется предположение, что уже в начале IX в. «с территории Днепрового Правобережья, особенно района Киева, в район междуречья Днестра и Десны, который достаточно неравномерно был заселен роменцами (роменская культура связывается археологами с северянами. — В. П.), переселяется часть древнерусского населения, которая, гипотетично, сосредоточивается в районе будущего Чернигова»²⁸². Как бы там ни было, кардинально политическая ситуация на Днепровском Левобережье, ранее входившем в сферу влияния Хазарского каганата, резко изменяется в конце IX в., вследствие походов Олега. В последней четверти IX в. «и без того малочисленные» роменские поселения, располагавшиеся в районе Черниговского Подесенья, прекращают свое существование в результате военного разгрома (Седнев, Чернигов), а на смену им «приходят памятники древнерусского типа»²⁸³. Тогда же, в конце IX — начале X в., здесь появляются памятники так называемой «дружинной культуры» (район Шестовицы)²⁸⁴, что может свидетельствовать об административно-политическом освоении Киевом данной территории.

В последнее время неоднократно высказывалось мнение, что в вышеозначенных случаях следует вести речь «не о распростране-

нии “полянского” этнографического облика... а о выработке... единого общедревнерусского стиля культуры»²⁸⁵. На наш взгляд, формирование древнерусской культуры в этом регионе обуславливалось, с одной стороны, процессами распада родоплеменных связей и постепенным подтягиванием уровня социально-экономического и культурного развития северянской территории к уровню полянской, а с другой — поляно-русской военно-политической экспансией. Во-первых, как отмечалось выше, роменские поселения прекращают свое существование. Во-вторых, на возникших в IX–X вв. в междуречье низовий Десны и Днепра селищах «выявлена раннегончарная керамика, аналогичная найденной в Киеве...»²⁸⁶. А. В. Шекун и Е. М. Веремейчик связывают эти явления с древнерусским заселением региона²⁸⁷. Показательно и то, что «после похода Олега граница между русью и северой не исчезла, а отодвинулась вверх по р. Десне. При этом Северская земля была поделена на две неравных части. Меньшая, западная, вошла в состав Древнерусского государства, статус основной части Северной земли в X в. нам неизвестен»²⁸⁸. О слиянии к середине X в. западносеверянской территории с полянской писал и П. П. Толочко²⁸⁹.

С этого времени начинается период активных норманно-полянских завоеваний, пик которых приходится на вторую половину X в. и завершается в правление Владимира.

В ходе норманно-славянского взаимодействия не только кристаллизировались новые потестарные институты, но и ускорялся процесс деструкции родоплеменных структур, разрушалась племенная обособленность, восточные славяне становились соучастниками дальних военных и торговых экспедиций, выходя, таким образом, из племенной изоляции и приобщаясь к достижениям передовых цивилизаций. В эти же процессы органично включались и представители покоренных балтских и финно-угорских племен, что ускоряло ассимиляцию, способствовало более быстрому становлению древнерусской народности и государственности. Поэтому ведущая интегрирующая роль в Восточной Европе принадлежала не внешней торговле, производной варяжского фактора, а военно-политической деятельности скандинавов. Именно они, в поисках добычи и возможностей ее сбыта, стали проникать в Восточную Европу и открыли важнейшие торговые пути, они же стали главной военно-политической силой, давшей толчок к интеграции на огромных пространствах. Однако к процессу

формирования городов-государств, обозначившемуся ко второй половине X в., варяги имели опосредованное отношение. Как показал В. В. Седов, основателями городов и городской жизни в Древней Руси стало восточнославянское население, тогда как торговые ремесленные поселения, где изначально были сильны позиции скандинавов, в большинстве своем на рубеже X–XI вв. приходят в упадок и постепенно сходят с исторической арены²⁹⁰.

Мы остановились на проблеме норманно-славянского симбиоза не потому, что абсолютизируем роль норманнского и недооцениваем роль иных этнических элементов. Несомненно, что роль балтов и финно-угров в процессе становления древнерусской народности была намного значимее, чем роль германцев. Однако в процессе политического и социогенеза, напротив, значение германского фактора было намного весомее. Если финский и балтский элементы в этой сфере выступали в пассивной, то норманнский — в активной роли. Более того, при его непосредственном участии начались, и на первых порах возглавлялись, интеграционные процессы на той части Восточной Европы, где сформировались Киевская Русь и древнерусская народность.

Таким образом, норманнский период русской истории завершился при Владимире. Но уже применительно к правлению Игоря и Святослава уместно вести речь о норманно-полянском периоде. Со времени Владимира начинается собственно полянский (вернее — восточнославянский) этап в истории Руси.

На ранних этапах восточнославянского этно- и политогенеза была значительна роль иранских, а потом и тюркских элементов. Влияние Византии и южных славян определялось, прежде всего, духовной и культурной сферой. В области политики, да и экономики, Древняя Русь XI — начала XIII в. ориентировалась больше на Запад, на германский и западнославянский миры. Однако несмотря на такое многофакторное внешнее воздействие, древнерусская цивилизация, городская в своей основе, в Европе того времени отличалась самобытностью. И хотя в X–XIII вв. ей типологически наиболее близки Швеция и Норвегия²⁹¹, в исторической ретроспективе она ближе к цивилизации античных городов-государств²⁹². В таком сопоставлении, на наш взгляд, нет противоречия, поскольку все вышеперечисленные общества находились на одной и той же дофеодальной стадии развития²⁹³. Так же как и подчеркивание самобытности Киевской Руси не отрицает того

факта, что уже тогда были заложены основы формирования русской цивилизации как многонациональной и этнотолерантной (конечно, в той степени, насколько это было возможно в то время).

Славяне очень трудно начинали свое восхождение на Олимп европейской истории. Первые шаги их сопровождались не только и, может быть, даже не столько победами, сколько серьезными поражениями от более развитых, более технически оснащенных, военно и политически организованных народов. Боль унижения долго не утихала в народной памяти. Однако славяне, и восточные здесь не исключение, проявили максимум мужества и самопожертвования, чтобы исправить ситуацию. Интересно в этой связи, что народная память не сохранила сведений о враждебных отношениях с финно-уграми и балтами²⁹⁴. Зато остались в памяти события, связанные с угнетением. И историческая справедливость, в понимании народа, не могла не восторжествовать. Авары притесняли славян и «Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обринъ. И есть притьча в Руси...: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследька»²⁹⁵. Поляне «быша обидимы древлями и инеми околними»²⁹⁶, а потом возглавили все племена. Хазары притесняли славян, полян в том числе, а затем были подчинены русскими князьями²⁹⁷. Даже варяги взимали дань, но потом их изгнали. Варяги-русь пришли уже не как насильники, а как призванные²⁹⁸. Они по праву заняли господствующее положение, а поляне и словене тесно связаны с ними.

Какова же была, если так можно сказать, политическая природа Киевской Руси X–XI вв.? С 30-х гг. XX в. в советской историографии постепенно утверждается взгляд на нее как на раннефеодальную монархию, окончательно возобладавший в 50–60-е гг. Серьезный удар по этой концепции был нанесен работами И. Я. Фроянова 1980–90-х гг.²⁹⁹ В Киевской Руси X в. он увидел грандиозный суперсоюз племен с центром в Киеве. Однако Русь первой половины XI в. специально в этом контексте И. Я. Фроянов не рассматривает, так как основное внимание уделяет изучению магистральных путей политогенеза и прежде всего формированию городов-государств.

Историографическая ситуация изменяется с конца 1980-х — начала 1990-х гг. Вслед за И. Я. Фрояновым и его учениками пересмотр прежних концепций начал А. П. Новосельцев, охарактеризовавший Русь X в. как «типичное варварское государство»³⁰⁰,

представлявшее собой «федерацию княжеств, возглавляемую Великим князем Киевским»³⁰¹. Е. А. Мельникова нашла на Руси X в. «дружинное государство», которое с конца столетия приобретает «черты раннефеодального государства», в виде огромной полиэтнической «империи» типа Каролингской и Датской³⁰². Выводы о «дружинном государстве» воспринял Н. Ф. Котляр. Древнерусское же государство первой половины XI в., по его мнению, «можно с весомыми основаниями назвать раннефеодальной монархией»³⁰³. К кругу раннефеодальных монархий относит Киевскую Русь эпохи первых Рюриковичей и А. В. Назаренко³⁰⁴.

В. Я. Петрухин, плодотворно работающий над изучением проблем политогенеза в Восточной и Северной Европе эпохи раннего средневековья, практически не акцентирует внимание на социальной природе Древнерусского государства и предшествующих ему объединений. Киевскую же Русь он склонен считать «генеалогической» «федерацией», которая после Любечского съезда 1097 г. превращается в «политическую»³⁰⁵.

Таким образом, вопрос о политической природе Киевской Руси требует дальнейшего изучения. Попытаемся представить собственное видение проблемы. Для ее решения важное значение имеют летописные свидетельства о противостоянии Ярослава и Мстислава Владимировичей. Но немного предыстории.

В 1015 г. умер Владимир Святославич, после чего разгорелась кровопролитная борьба между его сыновьями. Победителем вышел Ярослав Владимирович, который с помощью новгородцев и варягов окончательно закрепился на Киевском столе в 1019 г. Его основной противник, «сын двух отцов»³⁰⁶ Святополк погиб при неясных обстоятельствах. В живых же из многочисленных сыновей Владимира оставались сам Ярослав, Судислав Псковский да Мстислав Тмутараканский. Судислав никакими воинскими подвигами отмечен не был и, видимо, не представлял угрозы великому князю. К другой категории людей принадлежал Мстислав, возмужавший на далекой окраине русских владений и успевший прославиться как храбрый и умелый воин в боях с касогами. В 1023/24 г., по сообщению ПВЛ, он выступил из Тмутаракани с «козары и касогы» к Киеву. Однако Ярослава в городе не оказалось — он «сущю Новегороде». Несмотря на отсутствие князя, киевляне «не прияша» Мстислава, после чего «онъ же шедъ, седе на столе Чернигове...»³⁰⁷. Между тем Ярослав подавил мятеж волхвов в Сузда-

ле и, возвратясь в Новгород, послал за варягами. Получив помощь, он вместе с Якуном, «князем варяжскимъ», двинулся на Мстислава. Войска встретились на Листвене. Грозовой ночью Мстислав начал битву и одержал победу. Из летописи следует, что в бою участвовали только три силы: варяги (на стороне Ярослава), северяне и хазаро-касожская дружина (на стороне Мстислава)³⁰⁸. Кажется бы, Ярослав, бежавший с Якуном, повержен. Однако Мстислав, через послов, великодушно обратился к брату: «Сяди в своемъ Кыеве: Ты еси старейшей братъ, а мне буди си сторона». Но и после этого «не смяше Ярослав ити в Кыевъ, дондеже смири-тася». Создалась ситуация, когда Ярослав сидел в Новгороде, Мстислав в Чернигове, а в Киеве «беяху... мужи Ярославли». Только в 1026 г. (1025 г. в ПВЛ пропущен) «Ярославъ совокупи воя многы, приде Кыеву, и створи миръ с братом своимъ Мьстиславом у Городьця. И разделиста по Днепръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаша жити мирно и в братолюбьстве, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика в земли»³⁰⁹. По смерти Мстислава в 1036 г. «перя власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстей земли»³¹⁰.

В летописном материале много неясного. Летописец передает события сквозь призму деятельности князей³¹¹. Однако при таком подходе возникает масса вопросов, на которые нельзя получить ответ, если следовать буквально тексту источника. Непонятно, например, почему Ярослав, когда Мстислав подошел к Киеву, оказался в Новгороде. Вряд ли поход брата застал его врасплох, так как о начале его летописец упомянул под 1023 г., а подошел Мстислав к Киеву в 1024 г. Можно, конечно, предположить, что, узнав о походе, Ярослав отправился в Новгород за помощью. Однако почему-то медлит, не спешит отстаивать Киев. Вместо этого он отправляется к Суздалю, якобы для подавления мятежа волхвов, и только потом посылает за помощью к варягам. В битве на Листвене с его стороны упомянуты только варяги. Даже после того, как Мстислав «великодушно» уступил ему Киев, он «не смяше ити в Кыевъ», в котором оставались его мужи. Лишь спустя 2 года после поражения, если верить летописи, Ярослав уже не с варягами, а с «воя многы» (т. е. с народным /в основе, видимо, новгородским/ ополчением) пришел к Киеву: «... И створи миръ с братом своим... у Городьця»³¹². В свою очередь Мстислав, победив соперника, не только не торопится занять Киев, но и «уступает» его по-

бежденному, который не спешит этим воспользоваться. Из текста ясно только, что Ярослава он не боялся.

Определенной зацепкой для распутывания клубка вопросов может послужить позиция киевлян, которые отказались принять Мстислава. Однако причислять их к верноподданным Ярослава на том основании, что там сидели мужи последнего, тоже нельзя. Ясно одно, что с позицией киевской общины Мстислав вынужден был считаться. Но в чем она заключалась? Если киевляне стояли за Ярослава — непонятны ни пассивность самих горожан, со стороны которых не видим даже малейшей попытки оказать помощь своему князю, ни медлительность последнего. Чтобы собрать на севере народное ополчение, нужно было время, но не столь долгое. В событиях 1036 г., когда печенеги осадили Киев, Ярослав был куда расторопнее и вовремя поспел на помощь стольному городу вместе с новгородцами и варягами³¹³. К тому же оставлять Киев на длительное время при таких условиях грозило потерей власти. Не ясна и роль новгородцев, которые не упоминаются в качестве участников сражения на Листвене.

Позиция Новгорода — разговор особый. О конфликте между новгородцами и Ярославом в это время могут свидетельствовать сообщения ряда относительно поздних летописей о том, что Ярослав разгневался на новгородского посадника Константина Добрынича³¹⁴ «и поточи и Ростову; на 3 лето повеле оубити и въ Моуроме, на Оце реце»³¹⁵. ПВЛ об этих событиях молчит, НІЛ (в перечне новгородских князей) упоминает только, что «разгневался Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Владимира посади в Новгороде»³¹⁶. Константин погиб примерно в 1022/24 гг., то есть накануне или в начале выступления Мстислава³¹⁷. Учитывая, что Константин был заточен в Ростове, а убит в Муроме, суздальский поход Ярослава мог быть вызван этими обстоятельствами. Ярослав должен был опасаться возможного (а может, уже и реального) альянса Мстислав — Константин. Но этим загадки суздальского похода не исчерпываются. Ярослав, по логике вещей, учитывая предстоящую схватку с братом, не мог не предпринять попытки набора на северо-востоке «воев». Однако ни малейшего намека на этот счет источники не содержат. Видимо, попытка не удалась. Неудача могла объясняться противодействием местных общин, которые, вероятно, уже находились в сфере влияния Чернигова³¹⁸. Интересно, что и НІЛ, и, в определенной степени, ПВЛ устроили заговор молчания

вокруг событий того времени. Не значит ли это, что Ярослав подвергся серьезному шантажу, о котором не хотели вспоминать?

Вероятно, Новгород смог выхлопотать себе какие-то уступки, так как потом мы видим «воев» в войске Ярослава 1026 г. Большинство их, несомненно, должны были составлять новгородцы. О характере «льгот» новгородцам судить преждевременно. Возможно, в числе прочего им передавались в сферу влияния соседние финно-угорские племена. Не случайно, быть может, Ярослав в 1030 г. ходил на чудь, победил их и поставил город Юрьев³¹⁹. В распространении влияния на территории чуди был заинтересован прежде всего Новгород.

В свою очередь Чернигов принял Мстислава, после чего тот посчитал себя вправе претендовать на левобережную, если считать по Днепру, Русь. Видимо, два года после битвы прошли в напряженных переговорах не только между князьями, но и черниговской и киевской общиной, возможно, с участием новгородцев. Вокняжение в Чернигове Мстислава делало город независимым от старейшего Киева и давало ему старейшинство над доброй половиной русских земель. Естественно, это не входило в планы Киева, который хотел сохранить прежний статус и подыскивал удобные варианты, не спеша встать стеной за Ярослава. В итоге был заключен мир, который юридически оформил случившийся раздел Руси. Единственное, чего смог добиться Киев, это сохранения статуса старейшего города, что подтверждалось и княжением в нем «старейшего» в княжеском роде. Это обеспечивало взаимодействие двух центров по отношению к заграничным походам (в 1031 г. Ярослав и Мстислав «идоста на Ляхы»)³²⁰ и, вероятно, по отношению к русским землям. Возможно, и поэтому Киев не решился открыть ворота Мстиславу, так как в противном случае Чернигов мог принять старейшего — Ярослава, еще больше упрочив свои позиции по отношению к Киеву.

О драматизме событий, отнюдь не исчерпываемомся сражением на Листвине, говорят и цитировавшиеся строки летописи: «И начаша жити мирно и в братолюбстве, и уста усобица и мятеж, и бысть тишина велика в земли».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что вокняжение в Чернигове давало Мстиславу право на левобережную часть Руси и, наоборот, с его смертью все приходит в прежнее состояние. Как русо-полянский город, Чернигов имел право на участие в даянах

с подвластных племен³²¹. Окончательное разграничение сфер влияния, видимо, связано с занятием Чернигова Мстиславом. Не в последнюю очередь этим, наверное, и объясняются длительные переговоры и князей, и представителей заинтересованных городских общин. В пользу того, что обладание не только Киевом, но и Черниговом, и Переяславлем давало право власти над определенной частью русских земель (соучастия во власти), свидетельствует также завещание Ярослава³²².

Перед смертью Ярослав поручил Киев «старейшему сыну» Изяславу, Чернигов — Святославу, Переяславль — Всеволоду, Владимир-Волынский — Игорю, а Смоленск — Вячеславу³²³. При этом три старших брата «разделиша землю»: Изяслав взял Киев, Новгород и «иные города многи киевския во пределех»; Святослав — «Черниговъ и всю страну вѣсточную и до Муромъ; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Белоозеро, Поволжье»³²⁴.

Как и в предыдущей ситуации, видим, что киевский князь обладает властью над всеми землями до тех пор, пока нет князя в Чернигове и, как в последнем случае, в Переяславле. При этом к каждому городу «тянет», помимо собственной волости, определенная часть русских земель. Впоследствии в Новгороде к каждому из пяти концов «тянула» одна из пятин, что отражало, вероятно, более раннюю практику деления сфер влияния в волости между городскими концами. Возможно, такая практика имела место и в других городах и волостях. Думается, это явления одного порядка. И ни то, ни другое не имеют отношения к процессу формирования «домена», а лежат в плоскости, возможно, еще межплеменных отношений. По крайней мере, они зарождаются на стадии разложения родоплеменного строя и связаны с процессом становления городов и городских волостей. Немаловажно, что территория, которая оказалась под властью Мстислава Владимировича, контролировавшего Чернигов и Переяславль, совпадала, судя по всему, с владениями Чернигова и Переяславля, обозначенными рядом Ярослава. Вероятно, тогда же (1054 г.) было юридически оформлено выделение Переяславльской федерации из состава Черниговской.

В данной связи интересна запись Ипатьевской летописи под 1195 г., когда Рюрик, Всеволод и Давыд «послаша моужи своя ко Ярославоу и ко всимъ Олговичемъ, рекше емоу: целоуи к намъ крестъ со всею своею братею, како вы не искати отчины нашея

Киева и Смоленска под нами и под нашими детми, и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ, како насъ розделилилъ дедъ нашъ Ярославъ по Дънепрѣ»³²⁵. Однако по ряду Ярослава Всеволоду достается та же сторона Днепра, что и Святославу, а правая — Изяславу. Более того, Ярослав раздает сыновьям столы, но намеков на раздел по Днепру нет. Тем не менее сам факт раздачи столов в общественном сознании, как видно из летописи, мог отождествляться с разделом по Днепру. Вспомним, что по Днепру делилась Русь между Ярославом и Мстиславом Владимировичами. Такое деление, судя по всему, отражало реальное соотношение сил городов и связано с исторической традицией. На помощь Киеву Претичь в 968 г. пришел с «оноя страны Днепра»³²⁶. Мстислав говорит о границе по Днепру как естественной, само собою разумеющейся: «Сяди в своемъ Киеве: ты еси старейшей брат, а мне буди си сторона»³²⁷. Так можно сказать как о чем-то реально существующем. Киевская, правая сторона Днепра — исконная территория полян и земли, к ней тянувшие. Левая, черниговская сторона — территория, колонизованная полянами за счет северян, и тянувшие к ней земли. Днепр, таким образом, разделял сферы полянского влияния на западную (Киевскую) и восточную (Черниговскую). Вероятнее всего, никакого раздела Ярославом по Днепру не было. Упоминания же о разделе были вызваны исторически сложившимся делением и попыткой распространить его на межкняжеские отношения. Имя Ярослава, в данном случае, должно было использоваться как внешняя санкция для обоснования политических устремлений Мономашичей³²⁸.

Таким образом, Киевская, Черниговская и Переяславская земли в XI в. предстают как союзы (федерации) земель³²⁹. Киевская Русь XI в. в целом может быть охарактеризована как сложный союз (федерация) земель, состоявший из федераций (союзов) земель — Киевской (Киевская, Туровская, Волынская, будущая Галицкая, Смоленская земли), Черниговской (Чернигово-Северская, Муромо-Рязанская земли, Тмутаракань с волостью), Переяславской (Переяславская, Ростово-Суздальская земли и тянувшие к последней территории). Новгородская и Полоцкая земли обладали особым статусом, при этом первая входила в сферу влияния Киевской федерации. Что касается Полоцкой земли, то Киев претендовал, с разной степенью успеха, на ее включение в орбиту своего влияния, хотя, судя по сообщению Лаврентьевской летописи

под 1128 г.³³⁰, мало был уверен в положительном результате и историческом праве на нее. Сложная федерация держалась на триединстве трех главных полянских центров, при сохраняющемся старшинстве Киева³³¹.

К концу столетия процесс формирования городов-государств вступит в заключительную фазу, что приведет не только к ослаблению зависимости Чернигова и Переяславля от Киева, но и поставит под угрозу самое существование федерации. Чернигов и Переяславль окажутся в противоречивой ситуации. Стремлением к ликвидации остатков зависимости от Киева они разрушали сложившуюся политическую систему, на которой зиждились и возглавляемые ими федерации как составные части сложного союза земель. К тому же эти процессы совпали с обострением внешней угрозы со стороны степи. В завязавшемся русско-половецком противостоянии русские медленно, но неуклонно упускали из рук стратегическую инициативу. Своеобразие ситуации заключалось в том, что Черниговская и Переяславская земли, созревшие для окончательного выхода из-под власти Киева, более других (наряду с собственно Киевской волостью) страдали от набегов степняков. Кроме того, сепаратистские устремления второй и третьей по значению господствующих общин грозили спровоцировать распад и собственных федераций, т. е. выход из-под их власти подчиненных волостей, юридически закрепленных «завещанием» Ярослава. И примеры подобного сепаратизма уже имели место. Вспомним хотя бы Ростислава Владимировича, оказавшегося князем-изгоем и получившего теплый прием в Тмутаракани, находившейся в сфере влияния Чернигова³³². Непокойно было и на юго-западных окраинах Руси, входивших в собственно Киевскую федерацию³³³. В этих условиях князья, выражая чаяния населения, страдающего от набегов, и интересы господствующих общин, собрались в 1097 г. в г. Любече. На съезде они договорились примириться и объединить усилия в борьбе с половцами. Кроме того, было юридически закреплено сложившееся соотношение сил между отдельными федерациями и волостями Киевской Руси. «...Каждо да держить отчину свою» — решили князья. Святополк Изяславич подтверждал права на земли Киевской федерации, Владимир Всеволодович — Переяславской, Давыд, Олег и Ярослав Святославичи — Черниговской. Все в соответствии с тем, как распорядил столы перед смертью Ярослав Мудрый между их отцами. Кро-

ме того, съезд подтвердил выделение княжений, произведенное Всеволодом Ярославичем в отношении Давыда Игоревича (Владимир-Волинский), Володаря (Перемышль) и Василька (Теребовль) Ростиславичей.

Было бы ошибкой рассматривать любечские решения только через призму междукняжеских отношений и приписывать им судьбоносные последствия, приведшие к формированию нового порядка наследования на Руси. Однако неоправданно, на наш взгляд, и преуменьшать значение съезда или суживать рамки действия достигнутых соглашений территорией собственно Русской земли (в узком значении) и юго-западных волостей. Определялись судьбы всей Руси (другое дело, были ли достигнуты поставленные цели). Поэтому решения 1097 г. и последовавшие за ними драматические события следует оценивать в контексте политических процессов, протекавших на всем пространстве Киевской Руси.

Договоренности князей в Любече объединиться «въ едино сердце» были нарушены сразу же. В Киеве Давыд Игоревич оговорил перед Святополком Василька Ростиславича. Последнему инкриминировался заговор с Владимиром Мономахом, направленный против Давыда и Святополка. Заговорщики якобы планировали занять волость Святополкову (Киев, Туров, Пинск, Берестье и Погорину) и Давыдову (Владимир-Волинский). После нелегких колебаний, посоветовавшись с киевлянами, Святополк принял сторону Давыда. Василько был завлечен в Киев, схвачен и ослеплен. Ужаснувшись содеянному, Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи двинули полки на Святополка. Последний неуклюже пытался свалить всю вину на Давыда, хотя главным виновником, несомненно, являлся сам. В его городе было совершено преступление, и князья-союзники без обиняков указали ему на это обстоятельство. Святополк собрался бежать из Киева, однако ему помешали киевляне. Послав посольство к негодующим князьям, они вынудили их к примирению. Далее разворачиваются события не вполне логичные, с точки зрения междукняжеских отношений.

Вынужденные согласиться с позицией киевлян, переяславский и черниговские князья поручили Святополку самому наказать Давыда. Но когда последний был изгнан из Владимира, Святополк «нача думати на Володаря и на Василька, глаголя, яко “Се есть волость отца моего и брата”; и поиде на ня». Таким образом, один из соучастников преступления, наказав зачинщика, обращает ору-

жие против пострадавшего. Володарь и Василько сумели постоять за себя. Разбив войска Святополка, они, и это символично, стали на рубежах своей волости. Победенный, однако, не унился. Посадив во Владимире своего сына, он решил натравить на Ростиславичей венгров...³³⁴

Еще более странной представляется позиция князей, возмущавшихся преступлением и собиравшихся осуществить правый суд. В 1100 г. Святополк, Владимир, Олег и Давыд призвали Давыда Игоревича в Уветичи и заявили ему через доверенных мужей: «Не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножъ в ны, его же не было в Русской земли». Впрочем, Давыд получил кое-какую компенсацию: 3 городка и 400 гривен. Не забыли и о пострадавшем. Послав к Володарю послов, князья-союзники предъявили ему ультиматум в грубо оскорбительной форме: «Помии брата своего Василка к собе, и буди вама едина власть, Перемышль. Да аще вам любо, да седита, аще ли ни, — да пусти Василка семо, да его кормим сде»³³⁵.

Таким образом, мы могли наблюдать, как Святополк из главного обвиняемого превращается в одного из главных судей, а Василько из пострадавшего — в «подсудимого», наряду с «подельником» киевского князя Давыдом Игоревичем. При этом Святополк не только не ответил за содеянное, но и оказался в выигрыше (к нему перешел г. Владимир-Волынский³³⁶), Давыд понес наказание, и опять пострадала жертва злодеяния. Правда, храбрые Ростиславичи проигнорировали требование старших князей.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что пользу из возникшей ситуации извлек не столько Святополк, сколько Киев. И изменение позиции по отношению к Святополку со стороны переяславского и черниговских князей объяснялось не особым уважением к нему³³⁷, а требованием киевской общины. Это была борьба, фактически, не с Васильком и Володарем, а с попытками выхода Перемышльщины и Теробовльщины (где впоследствии оформится Галицкая земля) из состава Киевской федерации. То же самое можно сказать и в отношении Давыда и Волыни. Видимо, переяславская и черниговская общины разделяли позицию Киева, что также должны были учитывать Рюриковичи.

В дальнейших событиях обращают на себя внимание совместные действия Святополка, Владимира, Олега и Давыда (то есть киевских, черниговских и переяславских полков) в борьбе как с

половцами, так и с другими русскими князьями. До Любечского съезда Олег находился в весьма враждебных отношениях и со Святополком и, особенно, с Владимиром Мономахом. И вдруг ситуация меняется. В 1098 г. Владимир, Олег и Давыд предпринимают упоминавшуюся совместную акцию против Святополка. В 1100 г. они же и Святополк «створиша миръ межи собою» в Уветичах, а спустя 20 дней там же решали все вместе судьбу Давыда, а потом и Ростиславичей. В 1103, 1107, 1100, 1111 гг. — громили половцев. Правда, в походах 1103, 1100 и 1111 гг. из Святославичей участвовал только Давыд. Однако в 1113 г., по смерти Святополка, Владимир ходил на половцев с Олегом. В 1115 г. Владимир, Олег и Давыд вместе переносили в новую, специально построенную ими каменную церковь, мощи святых Бориса и Глеба. В 1104 и 1116 гг. киевские, черниговские и переяславские войска (в 1104 г. — совместно с Давыдом Всеславичем Полоцким) совершали походы на Глеба Всеславича Минского. Особенно показателен поход 1117 г. на Ярослава Святополковича Владимиро-Волынского. В нем, наряду с Владимиром, Давыдом и Ольговичами; принимали участие и Володарь с Васильком. Ярослав вынужден был покориться³³⁸.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что на Любечском съезде 1097 г. конституируется новый союз Киева, Чернигова и Переяславля (триумвират), предусматривавший фактическое равенство сторон и направленный как против половецкой угрозы, так и против сепаратизма оформлявшихся городов-государств, стремившихся выйти из единого политического пространства³³⁹. «Триумвират» не только способствовал более эффективной борьбе с половецкой опасностью, но и затормозил на время центробежные тенденции. Так, Волынь продолжала оставаться в составе Киевской федерации. Предпринимались совместные действия и на смоленско-полоцком направлении. Однако не все было во власти «триумвирата» полянских городов. События 1117 г. показывают, что «триумвират» вынужден был смириться с фактической независимостью Перемышльско-Теребовльской волости и строить с ней отношения не с позиций господства-подчинения, а, видимо, на основе договорных отношений.

Таким образом, «триумвират» земель позволил ослабить внешнюю опасность, замедлить процесс распада Киевской Руси, смягчив его негативные последствия. Когда внешняя угроза уменьшилась — ослабили скрепы, поддерживавшие единство Руси. Завер-

шение процесса формирования городов-государств привело к окончательному распаду и самой сложной федерации, и федераций, ее составлявших. Со второй трети XII в. центробежные тенденции переходят в решающую, необратимую стадию. Заканчивалась эпоха зыбкого политического единства, начинался новый этап развития древнерусской государственности — этап независимого существования городов-государств. Тем не менее продолжало сохраняться единое культурное, идеологическое, социально-экономическое и, в известной степени, политическое пространство. Продолжалась история народа, ощущавшего себя не только «киянами», «смолянскими», «новгородцами» и т. п., или «православными», но и «рускими». Это ощущение этнической общности не забывалось и впоследствии, когда бури XIII–XIV столетий разматывали русские земли по разным политическим, социально-экономическим и культурным пространствам.

***

История становления и развития русской государственности, изначально формировавшейся как полиэтническое образование, представляет собой благодатный объект исследования в плане изучения особенностей этнического, конфессионального и, в широком смысле, культурного взаимодействия в контексте взаимоотношений «центр — периферия». Вопрос о славянской прародине, как уже отмечалось в работе, остается открытым. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что на большей части Восточной Европы, на которой сформируется так называемая Киевская Русь, славяне не являлись коренным населением. Они расселялись на огромных пространствах, населенных финно-угорскими, балтскими и ираноязычными племенами. Пришельцы частично истребили автохтонных жителей, частично — оттеснили, остальных — ассимилировали. Ассимиляционные процессы протекали неравномерно и могли затягиваться на долгие столетия, порождая проблему взаимной культурной, экономической и политической адаптации. Первоначально, судя по всему, славяне расселялись оазисами, окруженными островками местных племенных территорий и «морем» незаселенных, неосвоенных пространств. Затем следовали новые волны колонизации как из этих освоенных славянами оазисов, так и из других территорий. При этом, согласно представлениям того времени, приоритет оставался за славянами-первопосе-

ленцами, что в идеале должно было вести к формированию той иерархии общин и занимаемых ими территорий, которая постепенно кристаллизировалась в процессе трансформации союзов и суперсоюзов племен в сложную федерацию земель и, впоследствии, в систему независимых городов-государств. На начальном этапе эти процессы были осложнены и катализированы мощным внешним воздействием со стороны хазар и, прежде всего, варягов. Следствием «норманнского завоевания» стало образование под эгидой Рюрика северного полиэтнического суперсоюза племен, распространившего свое влияние на другие территории. При этом переход к широкой экспансии сопровождался переносом организующего центра с севера (район Ладоги — Новгорода) на юг, в Среднее Поднепровье. Именно активностью скандинавского элемента и следствием славяно-норманнского синтеза объясняется и особая роль «Русской земли» в так называемом узком смысле, и сохраняющееся особое положение Новгорода — восприемника политической роли старого центра (Ладоги и «Рюрикова городища»). Следствие этого — сложная иерархия территорий, отражающая иерархию общин и князей.

В середине XI в. окончательно оформляется сложная федерация земель, состоящая из Киевской, Черниговской и Переяславской федераций, с разным уровнем интеграции входящих в них земель по отношению к центру. В самих землях, основных «субъектах федерации», а со временем и независимых городах-государствах, иерархия формировалась по принципу деления на старшие и младшие общины: старший город — пригород, город — сельская округа (волощанские общины), уличанская — кончанская — городовая общины, вервь — мир — волость и т. п. Наконец, существовали, выражаясь словами летописца, и «инии языци, иже дань даютъ Руси...»³⁴⁰. Они не входили в волостную организацию русских земель и являлись объектом эксплуатации внешнего типа. Часть из них, находившаяся в зоне славянской колонизации, мало-помалу втягивалась в древнерусскую политическую структуру, адаптируясь постепенно и в социально-экономическое, и в этнокультурное поле древнерусской народности. Наконец, для полноты картины, отметим наличие «своих поганных» (черных клобуков, торков, берендеев) — тюркоязычных племен, осевших на южных рубежах Киевской земли. Они были интегрированы в русскую военно-политическую систему, но сохраняли известную автономию и тра-

диционный кочевой уклад, постепенно деформировавшийся под влиянием древнерусских реалий.

Политический полицентризм и полиэтничность домонгольской Руси накладывались на переходную, дофеодальную природу общества, порождавшую обилие социальных групп (сословий Древняя Русь не знала). Не менее пестрой была картина ментального мира древнерусского общества, сочетавшая христианские и языческие элементы (с преобладанием последних), различные этнопсихологические и культурные традиции. Вследствие этого и традиционная оппозиция «свои — чужие» приобретала сложный, многоаспектный характер. В этническом плане: «словенескъ языкъ в Руси» — «иннии языци, иже дань дають Руси»/«свои поганые» — просто иноземцы — полумифические и мифические народы. При этом в книжной традиции на первое место выдвигалась оппозиция «христиане — не христиане (поганые)», а в рамках первой ее составляющей — «православные — католики». В пределах самого древнерусского социума имели место оппозиции, основанные по политическому (например, «киевляне — новгородцы»), «смолянские — черниговцы»), социальному («свободный — несвободный», «простой — знатный», богатый — бедный» и т. п.), административно-территориальному (сообщинник — представитель другой общины), кровнородственному (родственник — чужой), половозрастному, профессиональному и прочим принципам.

По своим типологическим признакам общество домонгольской Руси соответствовало той социальной организации, которую А. И. Неусыхин, применительно к западноевропейской истории, охарактеризовал как дофеодальную. Возможность эволюции подобной социальной структуры была чрезвычайно ограничена. Это касается как скандинавских обществ, так и Древней Руси, и, вероятно, других равностадиальных социальных организмов. То же самое относится и к другим обществам с близкой социальной организацией, где основная оппозиция «свободный — несвободный» продолжает и развивает в новых условиях первичную оппозицию «свой — чужой». Например, к античным и древневосточным³⁴¹. Так, «радикальность в разрыве европейского общества с традициями античного мира» находилась «в прямой зависимости от завоевательских успехов и интенсивности проникновения варваров — германцев и славян — на территорию Римской империи»³⁴². Думается, что в ходе этого движения и внедрения в ткань рома-

низированного мира была задана тенденция разрушения варварских дофеодальных начал, сила которой зависела от степени воздействия на них римских традиций. Влияние последних не ограничивалось зоной «романо-варварского» синтеза, но достигало, пусть и опосредованно (посредством примера, образца — с одной стороны, и внешней угрозы — с другой), самых отдаленных окраин славяно-германского мира и, так или иначе, воздействовало на него. При всей самобытности развития (речь идет о так называемой «бессинтезной модели развития, не испытывавшей прямого воздействия римских традиций»), например, Швеции, Норвегии и Руси, необходимо учитывать значительную вовлеченность их (особенно первых двух) в европейскую политику и, в известной мере, экономику; а также влияние христианства, технологические и иные заимствования. Для Руси относительная «самобытность» была прервана монголо-татарским нашествием и установлением ига. Таким образом, «самобытность» была придавлена мощным импульсом новых социально-экономических и политических реалий, определяемых ордынским и производным от него факторами, что усилило различия в развитии Руси и других европейских стран.

Батыев погром нанес сокрушительный удар по производительным силам и демографическому потенциалу страны, по древнерусской цивилизации в целом. Тяжелые последствия имело пресечение многих традиционных внешнеэкономических и политических связей, нарастание изоляционистских явлений в отношениях с иностранными государствами и между самими русскими землями. Отмеченные обстоятельства постепенно изменили основной вектор социально-экономического, политического и культурного развития Руси. Они же послужили главной причиной разрыва единой исторической судьбы русских земель, способствовали распаду древнерусской народности. Формирование великорусской народности и государственности началось на бывшей периферии Древней Руси, в условиях тяжкого иноземного ига и изоляции со стороны европейской цивилизации³⁴³.

Примечания

¹ Норманистские идеи зародились в шведской историографии XVII в. (см.: *Фомин В. В.* Норманнская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). От Тмуктора-

каня до Тамани. М., 2002. С. 306 и др.). Собственно говоря, этот факт был широко известен в академических кругах России еще в XVIII в., о чем, например, свидетельствует одно из писем Шумахера (см.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 57).

² См.: *Повесть временных лет* / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 12–13. Далее: ПВЛ.

³ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 114.

⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1905. С. 13–14.

⁵ Первый вопрос распадается на собственно историческую, этнографическую и филологическую составляющие. При этом, если в дореволюционной историографии вопрос о происхождении названия «Русь» был подчинен решению проблемы этнического происхождения Рюрика и варяго-русов, то в советской историографии он не только приобрел полную научную самостоятельность, но и отеснил, как не актуальный, вопрос о «национальности» первых князей (см. ниже).

⁶ См. также: *Пузанов В. В., Михайлов С. А.* Летописное сказание о призвании варягов и норманнский вопрос // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф., посв. 20-летнему юбилею УдГУ. Ижевск, 23 окт. 1992 г. / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 102–110.

⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 73–74; Т. 6. С. 481; Т. 39. С. 356. О Руси см.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5. С. 42; *Marx K.* Secret diplomatic history of the Eighteenth century and the Story of Life of Lord Palmerstone. N. Y., 1969. P. 109–110 (см. также: *Шишкин И. Г.* К вопросу о становлении марксистской концепции образования Древнерусского государства в отечественной историографии 1920–1930-х гг. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 3–4. С. 23–40).

⁸ Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 45.

⁹ «Парадоксальность» ситуации заключалась в сугубо научной точке зрения. Однако ситуация была адекватна общественно-политическим реалиям того времени, учитывая жесткий внешнеидеологический прессинг на СССР и роль фашистской Германии. Сыграла свою роль и начавшаяся «холодная война». Как показал Й. П. Нильсен, после капитуляции Германии партийное руководство, придавая особое значение «идеологии и необходимости установления контактов с историками в западных странах-союзниках», выражало недовольство восхвалением прошлого России в годы Великой Отечественной войны». С 1947 г., с ухудшением отношений СССР с бывшими союзниками, ситуация изменилась. Началось мощное давление сверху на исследователей и по норманнскому вопросу (*Нильсен Й. П.* Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992. С. 57–66). Однако по мере усиления позиций СССР, становления и укрепления ГДР, отдаления во времени от трагических событий Великой Отечественной войны наблюдалась переоценка и германского фактора в древней истории Восточной Европы, и иная оценка деятельности первых норманнистов.

¹⁰ Подробнее см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

¹¹ См.: *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

¹² *Литавин Г. Г.* Вопросы образования Древнерусского государства // Средние века. М., 1956. Вып. VIII. С. 387. — Речь шла, прежде всего, о варяжском вопросе.

¹³ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 83.

¹⁴ Лишь некоторые исследователи (например, А. Г. Кузьмин, В. Б. Вилинбахов, А. П. Пьянков) пытались оспорить это мнение.

¹⁵ А. Стендер-Петерсен, например, характеризовал варяжский вопрос как проблему определения роли скандинавского элемента «в истории культурно-политического становления и раннего развития древнерусского государства» (Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. P. 5). В советской историографии понимание норманнизма изменялось в зависимости от политической и историографической ситуации. Например, в разгар борьбы с норманнизмом Б. Д. Греков понимал его как «“теорию”, доказывающую неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры» (Греков Б. Д. Антинаучные измышления финского профессора // Он же. Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 561). И. П. Шаскольский, писавший уже в несколько иной ситуации, назвал норманнизм «научной теорией», но в рамках буржуазной науки. Он выступил против попыток воевать с «абстрактным норманнизмом». Под норманнизмом он понимал теории и концепции, приписывающие скандинавам наиболее важную или решающую роль в формировании классового общества, образовании Древнерусского государства и других коренных событиях нашей истории IX–XI вв. (см.: Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 6–20 и др.).

¹⁶ Историографию вопроса о происхождении этнонима «Русь» см.: Горский А. А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131–137; Стрижак О. С. Русь, земля // Этимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 117–124; Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. С. 116–153.

¹⁷ См.: Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. 1970. Вып. 15. С. 53–56. Наиболее «радикальную» позицию в этом вопросе в рассматриваемое время занимал Д. А. Мачинский. Однако она, при ближайшем рассмотрении, оказывается лишь модернизацией точки зрения В. Т. Пашуто. Несомненной заслугой Д. А. Мачинского является обоснование ключевой роли Северной Руси в процессе политогенеза у восточных славян, в противовес безгранично царившему в умах советских историков мифу об исключительной роли восточнославянского юга (см.: Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 5–25). — См. также ниже.

¹⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 20.

¹⁹ См.: Пашуто В. Т. По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // Вopr. истории. 1982. № 9. С. 175.

²⁰ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

²¹ Там же. С. 216–243.

²² См.: Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

²³ См.: *Фроянов И. Я.* К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991; *Он же.* Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

²⁴ *Фроянов И. Я.* К истории зарождения Русского государства. С. 74–76.

²⁵ См.: *Пузанов В. В.* О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996. С. 148–167.

²⁶ См.: К 65-летию Игоря Яковлевича Фроянова // Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. В. Пузанов. СПб.; Ижевск, 2001. С. 4–12.

²⁷ См.: *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С. 11–61.

²⁸ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 244–247; Ср.: *Фроянов И. Я.* К истории зарождения Русского государства. С. 61; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 40–41 и др.

²⁹ См., например: *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе: Постановка проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 19. — При этом Е. А. Мельникова не включает систему налогообложения в основной ряд, справедливо, в принципе, полагая, что таковая «естественно вытекает из необходимости содержания институтов власти». Правда, при таком подходе от внимания исследователя ускользает полифункциональность института налогообложения, не сводящегося только к содержанию «институтов власти».

³⁰ См.: История первобытного общества. С. 247.

³¹ *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 19.

³² См.: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989; Кирпичников А. Н. «Сказание о призвании варягов»: Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А. С. Мыльников. СПб., 1997. С. 7–18; *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 16–33; *Мельникова Е. А.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию А. Л. Витберга) / Отв. ред. В. В. Нилов. Киров, 1997. С. 132–139; *Носов Е. Н.* Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // Древности славян и финно-угров / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. А. Рябинина. СПб., 1992. С. 100–105; *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990 и др.

³³ *Новосельцев А. П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопр. истории. 1991. № 2–3. С. 10–11. Ср.: *Он же.* Хазарское государство... С. 202, 204–205.

³⁴ *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 23–31; *Она же.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках. С. 134–135.

³⁵ Подробнее см.: *Пузанов В. В.* Война и внешняя торговля как факторы образования древнерусской государственности // Российская государственность: уров-

ни власти: Историческая динамика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 2001. С. 3–16.

³⁶ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 487–489.

³⁷ См.: Пузанов В. В. Этапы становления и развития древнерусской государственности // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 14–15 января 1999 г. / Отв. ред. М. Ю. Малышев, В. В. Пузанов. Ижевск, 1999. С. 8–14.

³⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3. С. 104. Далее: ПСРЛ.

³⁹ См.: Пузанов В. В. Война и внешняя торговля... С. 7.

⁴⁰ См.: Пузанов В. В. К вопросу о дофеодалном периоде // Этнический фактор и политика. История и современность: Тез. докл. Рос. науч.-практ. конф. Ижевск, 3–4 марта 2000 г. Ижевск, 2000. С. 30–34.

⁴¹ Таким образом, например, зарождались представления об аристократических родах.

⁴² См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства.

⁴³ См.: ПВЛ. С. 14. — См. также ниже.

⁴⁴ В реальной жизни выделенные типы суперсоюзов, естественно, редко встречались в «чистом виде», а прохождение стадий интеграции не обязательно было строго последовательным (См.: Пузанов В. В. Этапы становления и развития древнерусской государственности. С. 8–14). Теоретически можно допустить и такой вариант, когда союзы племен подчиняют себе племена. Наверное, их можно было назвать сложными племенными союзами.

⁴⁵ О городах-государствах см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси; Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства; и др.

⁴⁶ См.: Пузанов В. В. Этапы становления и развития древнерусской государственности; Он же. Главные черты политического строя Киевской Руси X–XI вв. // Исследования по русской истории. С. 19–47. — См. также ниже.

⁴⁷ Историографию вопроса см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство...

⁴⁸ См.: ПВЛ. С. 12.

⁴⁹ См.: Там же. С. 14.

⁵⁰ Подр. см.: Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2001; Новосельцев А. П. Хазарское государство...

⁵¹ См.: ПВЛ. С. 13, 14, 31.

⁵² См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 141–142. См. также перевод А. П. Новосельцева (Новосельцев А. П. Хазарское государство...).

⁵³ НПЛ. С. 108–109.

⁵⁴ См.: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 95.

⁵⁵ См.: Он же. Начало этнокультурной истории Руси. С. 94; Он же. Комментарии // Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 221 (здесь и далее даны ссылки на издание 1997 г.).

⁵⁶ Новосельцев А. П. Хазарское государство...

⁵⁷ См. ниже.

⁵⁸ ПВЛ. С. 14.

⁵⁹ Показательно, что ПВЛ, упоминая о северянах в связи с походом Олега

907 г. («Иде Олегъ на Греки... поя же множество варяг, и словенъ, и чудь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и *северо*, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци (здесь и далее выделено нами. — В. П.) яже суть толковины...» — ПВЛ. С. 16), молчит о них в связи с походом 944 г. («Игорь же совокупивъ вои многи, варяги, Русь, и поляны, словени, и кривичи, и тверце, и печенеги наа...» — ПВЛ. С. 23). После упоминания под 907 г. ПВЛ молчит о северянах до 1024 г., до битвы на Листвене (ПВЛ. С. 65). Не связано ли это было с событиями, описанными в Кембриджском документе, и временным отпадением северян (может быть, части их) под власть хазар?

⁶⁰ См.: *Андрошук Ф. О.* Нормани і слов'яни у Подесенні: Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя. Київ, 1999. С. 55.

⁶¹ См.: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 36, 96 и др.

⁶² См., например: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 8; *Петрухин В. Я.* Послесловие // *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 194.

⁶³ См.: *Пузанов В. В.* «Киевское письмо» как источник эпохи становления древнерусской государственности // *Российская государственность: история и современность* / Отв. ред. М. В. Ходяков. СПб., 2003. С. 6–14; *Он же.* Институт рабства у антов, склавинов и восточных славян: традиции и новации // *Вестн. Удмурт. ун-та.* 2003. Сер. «История». С. 32–36.

⁶⁴ О. Прицак полагает, что Киев оказался под властью руси «где-то в 30-х годах X века» (в другом месте автор дает более узкую датировку: «...Это событие имело место где-то в 930 г....»). — *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 86–96 и др. — В наши планы не входит рассмотрение общеисторических взглядов О. Прицака и Н. Голба. Оценка отдельных их положений и выводов содержится в послесловии и комментариях В. Я. Петрухина (*Петрухин В. Я.* Послесловие. С. 194–200; *Он же.* Комментарии. С. 201–223). Построения О. Прицака неоднократно подвергались критике в отечественной и зарубежной историографии.

⁶⁵ *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 36–61.

⁶⁶ Там же. С. 62–65. При этом О. Прицак считает свою точку зрения абсолютно доказанной. Например, он пишет: «Общезвестно, что Киев управлялся хазарами, до того как был завоеван русью» (Там же. С. 64) и др.

⁶⁷ Там же. С. 18, 36, 62–65.

⁶⁸ *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 96. — Конечно, последнее слово в оценке корректности этих построений остается за гебраистами. Однако тенденциозность авторов не может не бросаться в глаза, подрывая доверие к их выводам.

⁶⁹ *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. М., 1990. С. 65, 67.

⁷⁰ *Щербак А. М.* Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001. С. 83.

⁷¹ *Напольских В. В.* К чтению так называемой «хазарской» надписи в Киевском письме // *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 2003. С. 221–225. (Выражаю искреннюю признательность В. В. Напольских за полезные консультации по так называемой «хазарской рунической надписи» и за возможность ознакомиться с рукописью его комментария, опубликованного недавно в новом издании книги Н. Голба и О. Прицака. В. В. Напольских указал мне также на работы А. М. Щербака и И. Л. Кызласова.)

⁷² *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 30–31.

⁷³ Там же. С. 22.

⁷⁴ Петрухин В. Я. Комментарии. С. 201.

⁷⁵ Голб Н., Прицак О. Указ соч. С. 22.

⁷⁶ См.: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 145, табл. 8.

⁷⁷ См.: Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 23.

⁷⁸ Там же. С. 36–61.

⁷⁹ «За границу» — по выражению Н. Голба (Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 23).

⁸⁰ По словам Н. Голба, рассматриваемое «письмо» «подтверждает и демонстрирует подлинность других еврейских текстов, имеющих отношение к хазарским евреям. Оно также совместно с этими документами показывает, что хазарский иудаизм не замыкался в кругу правителей, но пустил корни по всей территории Хазарии, достигнув даже пограничного города Киева» (Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 48).

⁸¹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. С. 145. — Еще дороже, до 800 дирхемов, стоила византийская паволока (Там же).

⁸² В обобщающих работах, среагировавших на введение в научный оборот Киевского письма, уже появились высказывания о «значительной и влиятельной еврейско-хазарской» общине в Киеве X в. Представляется, что мы присутствуем при рождении нового историографического мифа, в котором соединяются два потока, заданных, с одной стороны, Л. Н. Гумилевым, с другой — О. Прицаком и его сторонниками.

⁸³ Петрухин В. Я. Послесловие. С. 194. — По мнению А. П. Новосельцева, содержание письма «малоинтересно» (Новосельцев А. П. Хазарский каганат... С. 8).

⁸⁴ См.: Пузанов В. В. Институт рабства...

⁸⁵ См., например, из последних работ: Зоценко В. М. Ще раз про *sambatas* // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 126–132; Архипов А. А. Об одном древнем названии Киева // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь. М., 2002. Т. 2, кн. 1. С. 30–46.

⁸⁶ ПВЛ. С. 12. — Ср.: НІЛ. С. 106.

⁸⁷ ПВЛ. С. 13. — В НІЛ последняя фраза звучит так: «Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду» (НІЛ. С. 106).

⁸⁸ Историографию вопроса см.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. С. 75–84.

⁸⁹ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель. С. 6–7. — Ср.: Он же. Хазарское государство... С. 208–210, 242, прим. 457 и др.

⁹⁰ Он же. Хазарское государство... С. 208–210. — Думается, что на первых порах норманнской экспансии в Восточной Европе для местных племен не было особой разницы, кому платить дань: варягам или хазарам. Поэтому не совсем корректно говорить, например, что Олег «освободил от хазарской дани северян и радимичей» (Там же. С. 210). Для последних реального облегчения не было. Если на северян Олег «възложи... дань легьку», то на радимичей в том же объеме, в котором они платили хазарам: «И въдаша Ольгови по шьлягу, яко же и козаромъ даяху» (ПВЛ. С. 14). Кроме того, понятие «легкая дань» — относительно. Мы не знаем, была ли дань с северян «легкой» по сравнению с той, которую они давали хазарам или, может быть, относительно наложенной Олегом на древлян (за год до подчинения северян Олегъ «примучивъ» древлян и наложил на них дань «по черне куне» — ПВЛ. С. 14). Если верно второе предположение,

то варяжский даннический прессинг на славян был сильнее хазарского. Исключение могли составлять племенные союзы, подвластные хазарам. В последнем случае «русы», не заинтересованные в объединении хазар и их данников, должны были проявлять некоторую умеренность. Проблема эта требует специального изучения. Пока же, оставляя в стороне запутанный вопрос с радимичскими «щлягами», отметим, что под 859 г. ПВЛ говорит, что хазары взимали дань «по беле и веверице» (ПВЛ. С. 12). Но в чем конкретно выражалась эта плата — точно не выяснено (см.: ПВЛ. С. 397; 594–595).

⁹¹ Мельникова Е. А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках. С. 132–136.

⁹² «Я специально изучал термин “ряд” — “наряд” в наших летописях и убедился, что он всегда определял условия, на которых правящая знать отдельных русских центров приглашала князя занять престол. Значит, варяжские князья, если вообще верить летописному преданию (выделено нами. — В. П.), были подчинены воле славянской знати» (Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения... С. 53).

⁹³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *Вопр. истории*. 1995. № 2. С. 55. — Методы доказательств у авторов не всегда научно корректны. Например, они ссылаются на то обстоятельство, что в лексике «легенды» отсутствует значительный пласт «архаичной славянской правовой терминологии: “правда”, “володеть и судить по праву”, “наряд”, “княжить и володеть”» (Там же. С. 53; Петрухин В. Е. Начало этнокультурной истории Руси... С. 123–125; Он же. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 113–115). Однако этот аргумент имел бы силу в том случае, если бы данная терминология не применялась в более позднее время (в период написания летописи) в правовой практике. Для летописца же она была вполне обычна. Летописец использовал ее, как современную ему правовую лексику, которую он, вместе с современными ему политическими реалиями, переносил на более ранний период.

⁹⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии. С. 51–55. — Правда, необходимо отметить, что в последних работах В. Я. Петрухина, затрагивающих проблему летописного «призвания варягов», внимание на социальных предпосылках и последствиях «ряда» не акцентируется (см.: Петрухин В. Е. Начало этнокультурной истории Руси... 116–127; Он же. Древняя Русь... С. 104–137 и др.).

⁹⁵ Фроянов И. Я. Рабство и данничество... С. 497.

⁹⁶ См.: Орозий короля Альфреда // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 28–32.

⁹⁷ См.: там же. С. 29, коммент. 33.

⁹⁸ Это место не вполне понятно. То ли речь идет о табунах диких оленей, бродивших по землям, подвластным Оттару и заманиваемых с помощью специально обученных для этого оленей, то ли о пойманных, но не прирученных оленях, то ли о промысловых угодьях.

⁹⁹ «...Gylt be hus geburdum». В литературе имеет место и другой перевод, не вполне точный: «Соответственно благосостояния (богатства)». — См., например: Прицак О. Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Київ, 1997. Т. 1. С. 715; и др.

¹⁰⁰ НІЛ. С. 106.

¹⁰¹ См.: ПВЛ. С. 397. — Возможно, это была распространенная скандинавская практика. Например, в «Саге об Эгиле» главный герой получает дань для конунга с Вермаланда «частью серебром, частью — беличьими шкурками» (Сага об Эгиле // Исландские саги: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 183).

¹⁰² ПВЛ. С. 26–27.

¹⁰³ См.: Пузанов В. В. Этапы становления и развития древнерусской государственности. С. 9–11; *Он же*. Главные черты политического строя... С. 21–31 и др.; *Он же*. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности // Этнотолерантность: философские, психологические и культурологические аспекты / Гл. ред. А. А. Грызлов. Ижевск, 2002. С. 248–260 и др.

¹⁰⁴ О том, кто и кому выплачивал дань, см.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя... С. 25–27; *Он же*. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности. С. 256–257.

¹⁰⁵ ПВЛ. С. 63.

¹⁰⁶ Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 29.

¹⁰⁷ См.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 116–144. — У ацтеков «для знатного... накопление материальных ценностей не было самоцелью, оно требовалось лишь для того, чтобы с их помощью продемонстрировать, подтвердить свою знатность и социальную значимость» (Баглай В. Е. Социально-классовая структура древнеацтекского общества // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: Памяти Л. Е. Кубеля. М., 1993. С. 174). При разделении бремени расходов на выполнение гражданского долга у ацтеков также учитывался социальный статус (Там же. С. 182).

¹⁰⁸ Подр. см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 170–190. — Там же дана подробная историография вопроса.

¹⁰⁹ НЛ. С. 82–83, 310–311.

¹¹⁰ См.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 184–187.

¹¹¹ Там же. С. 186.

¹¹² Там же. С. 179–188.

¹¹³ О принципах налогообложения у монголов и источниках их происхождения см.: Нефедов С. А. Влияние монгольского завоевания на развитие российских государственных институтов // Российская государственность: уровни власти: Историческая динамика. С. 52–54.

¹¹⁴ НЛ. С. 82–83, 309–311.

¹¹⁵ По словам А. Я. Гуревича, в Норвегии «величина дани, по-видимому, определялась от случая к случаю. Она зависела от могущества правителя, от величины его дружины и от численности и благосостояния населения, обложенного данью. Несомненно, что завоеватели и викинги стремились выжать из покоренных все, что возможно... тогда как постоянные правители должны были в какой-то мере считаться с положением и настроениями населения» (Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 125).

¹¹⁶ Сага об Эгиле. С. 39.

¹¹⁷ Там же. С. 43–44.

¹¹⁸ Там же. С. 39–47. — «Харек спросил: — Вам понравилась, конунг, финмаркская дань, которую прислал Торольв? — Да, — ответил конунг. Тогда Харек говорит: — Что бы вы сказали, если бы получили все, что вам принадлежит!

Но вы получили далеко не все. Торольв взял себе гораздо большую долю. Он прислал вам в дар три бобровых меха, а я твердо знаю, что у него их осталось еще три десятка, и все они принадлежат вам. Я думаю, что так же было со всеми другими мехами. Я, конунг, говорю правду: если ты получишь сбор дани нам с братом, мы привезем тебе больше» (Там же. С. 46–47).

¹¹⁹ Там же. С. 49. — Братья пытались оправдаться перед конунгом: «Этой зимой нас было в Финмарке три десятка человек, столько же, сколько обычно бывало раньше со сборщиками дани. Позже там появился Торольв, и с ним было сто двадцать человек... Из-за этого мы поспешили уйти...» (Там же. С. 50–51).

¹²⁰ НЛ. С. 109–110.

¹²¹ НЛ. С. 110; ПВЛ. С. 26–27.

¹²² В противном случае для всех стало бы очевидно, что счастье/удача Свенельда больше, чем счастье/удача Игоря. Это бы поставило под сомнение и право Игоря на княжение. Игорь должен был стремиться показать, что его «счастье» больше, чем Свенельдово (более того, он органически не мог действовать иначе). А это могло подтвердиться только материализованным выражением такового в количественных и качественных показателях собранной дани.

¹²³ О чем «размыслил» князь на обратном пути? Уж не о том ли, что собранная им дань не больше (или не намного больше) Свенельдовой? А возвращение с малой дружиной не преследовало ли цель, «потрепав судьбу за косу», испытать «удачу» и поднять свой престиж? Показать, что он может собрать «много» и с «малой дружиной»?

¹²⁴ ПВЛ. С. 26.

¹²⁵ На это уже мимоходом обращал внимание А. Я. Гуревич (*Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии*. С. 125, примеч. 116).

¹²⁶ *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М., 1995. С. 96.

¹²⁷ Понятие «смерды» употребляется нами в трактовке И. Я. Фроянова — «даники» (см.: *Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории*. С. 113–126). В этой связи мы согласны с Д. С. Лихачевым в том, что «с точки зрения метрополии-покорительницы» все население подвластных племен — «смерды». Вместе с тем сомневаемся, что «сбор дани с этих “смердов” ложился на готовую местную почву и, приспособливаясь, использовал тот механизм, который уже был у этих племен налицо» (*Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ*. С. 410). Мы не знаем о наличии подобного «механизма» у восточнославянских племен. Более того, вполне вероятно, что таковой формировался именно под влиянием извне. Созданный для уплаты дани Киеву, он мог впоследствии эволюционировать во внутреннюю систему налогообложения.

¹²⁸ См.: *История Норвегии*. М., 1980; *Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции*. М., 1977 и др.

¹²⁹ См.: *Пузанов В. В. Институт рабства...*

¹³⁰ Подр. см.: *Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности*. С. 21–44; *Он же. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности*. С. 243–244.

¹³¹ Подр. см.: *Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности*. С. 21–44; *Он же. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности*. С. 244–246.

¹³² См.: *Пузанов В. В., Михайлов С. А. Указ соч.* С. 105–107; *Пузанов В. В. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности*. С. 246–248 и др.

¹³³ ПВЛ. С. 12–13; НЛ. С. 106–107.

¹³⁴ НЛ. С. 106.

¹³⁵ ПВЛ. С. 13.

¹³⁶ НЛ. С. 106.

¹³⁷ Более того, получается, что именно Новгород стоял у истоков Русской земли: «И седе старейшии в Новгороде, бе имя ему Рюрик... И от тех Варяг, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска» (то есть получается, что от предков современных летописцу новгородцев «прозвашася Русь». — В. П.) — НЛ. С. 106 (Ср.: ПВЛ. С. 13). Не случайно «преже Новгородчкая волость и потом Киевская» (НЛ. С. 103). Показательно, что именно в Новгороде вокняжился «старейшии... Рюрик» (НЛ. С. 106; ПВЛ. С. 13), тогда как в Киеве, по смерти братьев-основателей, сели простые «два Варяга», которые «нарекостася князем» (НЛ. С. 106) или, по другой версии, мужи Рюрика, «не племени его», которым даже городов при разделе не досталось, почему они и отпросились в Царьград, но по дороге осели в Киеве (ПВЛ. С. 13).

¹³⁸ См.: Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности. С. 21–44; *Он же*. У истоков восточнославянской государственности. С. 5–48.

¹³⁹ В Бертинских анналах народ Rhos упоминается под 839 г. Но откуда прибыли эти «росы», оказавшиеся «из народа шведов» — неизвестно (см.: Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности).

¹⁴⁰ Подробнее см.: Пузанов В. В. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности.

¹⁴¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5. С. 73. — Недавно, основываясь на радиоуглеродных анализах, высказана точка зрения, что Рюриково городище было основано не в середине IX, а в VIII в. (Попов С. Г., Зайцева Г. И. Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 164–183).

¹⁴² Белецкий С. В. Возникновение города Пскова: К проблеме участия варягов в судьбах Руси // Шведы и Русский Север... С. 139–152; *Он же*. Начало Пскова. СПб., 1996.

¹⁴³ ПВЛ. С. 13; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; НЛ. С. 106.

¹⁴⁴ ПВЛ. С. 13.

¹⁴⁵ Поскольку археологических слоев IX — начала X в. в соответствующих древнерусских городах не обнаружено (за исключением Полоцка), имеется предположение, что им предшествовали располагавшиеся поблизости так называемые «открытые торгово-ремесленные поселения» (в тексте указаны в скобках). Данное определение, как неоднократно отмечалось в литературе, не вполне удачно, тем более что такие поселения, как правило, вскоре обрастали укреплениями. Поэтому логичнее называть их просто торгово-ремесленными поселениями (ТРП) или, учитывая их типологическое сходство с североευропейскими «виками», «поселениями типа “виков”».

¹⁴⁶ См.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя... С. 22 и др.

¹⁴⁷ НЛ. С. 106.

¹⁴⁸ ПВЛ. С. 13; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14–15.

¹⁴⁹ См.: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения.

М., 1986. С. 36 и др. — Этот перечень можно дополнить по сагам Альдейгьюборгом (Старая Ладога) и Алаборгом (?). Кроме того в рунических надписях фигурируют «Vitholmr (Витичев?), Ustaholmr (Устье?) в Среднем Поднепровье, днепровские пороги Aiforr, Rofsteinn, Ulfshali, сопоставимые с данными Константина Багрянородного» (Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. С. 188; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 198–209).

¹⁵⁰ См.: Каинов С. Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 1999. С. 56, 62.

¹⁵¹ По ПВЛ: в 882 г. подчинены Смоленск, Любеч, Киев; 883 г. — древляне (повторно — 914 г.); 884 г. — северяне; 885 г. — радимичи (повторно — 984 г.); 964–966 гг. — вятичи (повторно — 981, 982); 981 г. — Перемышль, Червень, ятвяги; 992 г. — поход на хорватов.

¹⁵² Об исторических реалиях сказания см.: Пузанов В. В., Михайлов С. А. Указ. соч.

¹⁵³ Сага об Эгиле. С. 45–46, 49.

¹⁵⁴ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. С. 60.

¹⁵⁵ См.: Пузанов В. В. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности; и др.

¹⁵⁶ См.: Пузанов В. В. К вопросу об этапах становления древнерусской государственности // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докл. 10–12 октября 1994 г. / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1994. С. 6–11; Он же. Этапы становления и развития древнерусской государственности.

¹⁵⁷ ПВЛ. С. 14.

¹⁵⁸ НЛ. С. 107.

¹⁵⁹ См.: НЛ. С. 107.

¹⁶⁰ См.: НЛ. С. 108. — См. также ниже.

¹⁶¹ См.: НЛ. С. 109.

¹⁶² НЛ. С. 160–164.

¹⁶³ НЛ. С. 182.

¹⁶⁴ См.: ПВЛ. С. 17.

¹⁶⁵ См. одну из новейших работ: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. С. 2–69.

¹⁶⁶ Большинство исследователей связывают лендзанинов (лендзян) Константина Багрянородного с волянянами (см.: Комментарий // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 390, коммент. 15; см. также одну из последних работ: Плахонін А. Г. Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X — перша половина XI ст.) // Український історичний журнал. 2000. № 4. С. 127–143). Недавно высказано мнение, что под «лендзянами» следует понимать среднеднепровских полян (Петрашенко В. О. Літописні поляни — міф чи реальність // Археологія. 1998. № 2. С. 54). Последнее объяснение, действительно, не только напрашивается, но и, как говорится, «лежит на поверхности». Сходная мысль посещала и автора данных строк еще до знакомства с работой В. О. Петрашенко (Пузанов В. В. Главные черты политического строя Киевской Руси X–XI вв. С. 44, прим. 44). Подобное отождествление, на наш взгляд, возможно в том случае, если известие Константина о соседстве фемы Иавдиер-тим отразило ситуацию до переселения уличей в междуречье Буга и Днестра. Однако замена волянян полянами также порождает немало спорных вопросов,

почему мы и склонились к мнению большинства (см. там же). Знакомство с работой В. О. Петрашенко (к сожалению, несколько запоздалое) укрепило нас в мысли о необходимости детальной разработки данного вопроса.

¹⁶⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–47, 50–51, 156–157 (Подробнее см.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя...; Он же. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности).

¹⁶⁸ Этим, видимо, и объясняется осведомленность Константина о них, тогда как о городах, лежавших вне пути, он не сообщает.

¹⁶⁹ На помощь осажденному печенегами Киеву Претич подошел с левобережной (черниговской) стороны Днепра (ПВЛ. С. 31–32).

¹⁷⁰ См. ниже.

¹⁷¹ НЛ. С. 108.

¹⁷² См. выше (с. 118).

¹⁷³ ПВЛ. С. 16 (См. также прим. 175).

¹⁷⁴ ПВЛ. С. 23. — В академическом издании Лаврентьевской летописи в данном случае возможно прочтение «Варяги-Русь и Поляны, Словени и Кривичи, и Тиверцы и печенеги наа, и тали уо нихъ поя...» (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 45). В таком случае получаются пары: варяги-русь — поляне, словене — кривичи, нанятые тиверцы и печенеги.

¹⁷⁵ В ПВЛ в данном случае термин «русь», с одной стороны, используется в широком смысле, для обозначения всех участников похода Олега, как синоним греческому «Великая Скуфь»: «Иде Олегъ на Греки... поя же множество варяг, и словенъ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звяхуться от гркъ Великая Скуфь». Когда же речь зашла о боевых действиях, то «многа зла творяху русь грекомъ, елии же ратнии творять» (выделено нами. — В. П.). С другой стороны, «русь» — часть участников похода, поскольку для них Олегъ велел грекам сшить «парусы паволочиты», а для словен — «кропинны» (ПВЛ. С. 16–17). НЛ упоминает о «руси» в связи с наложением Олегом дани на греков («юже дають и доселе княземъ руским», и в эпизоде с парусами (НЛ. С. 108–109). Таким образом, в ней Русь не перечисляется в перечне отправившихся в поход, но указывается среди участников при распределении добычи. В широком смысле в качестве всех участников похода, «русь», может быть, подразумевается, однако прямых указаний на этот счет нет («дають и доселе княземъ руским» — весьма неопределенно). См. также ниже.

¹⁷⁶ См. также: Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности. С. 32; Он же. Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности. С. 287, прим. 130.

¹⁷⁷ См. прим. 145.

¹⁷⁸ См.: Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности. С. 36–38; Он же. У истоков восточнославянской государственности. С. 25–27; Он же. Особенности формирования городов-государств в Среднем Поднепровье X–XI вв. // Российская государственность: уровни власти. С. 26–30.

¹⁷⁹ ПВЛ. С. 36; НЛ. С. 125.

¹⁸⁰ Подр. см.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя... С. 27–28.

¹⁸¹ Подр. см.: там же. С. 28–29.

¹⁸² См.: ПВЛ. С. 28–29.

¹⁸³ См. ниже.

¹⁸⁴ См.: ПВЛ. С. 103.

¹⁸⁵ См.: Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности. С. 37–39; *Он же*. У истоков восточнославянской государственности. С. 25–27.

¹⁸⁶ Подробнее см.: Пузанов В. В. Особенности формирования городов-государств в Среднем Поднепровье X–XI вв. С. 24.

¹⁸⁷ ПВЛ. С. 33.

¹⁸⁸ Возможно, однако, что речь у Константина идет о среднеднепровских полях (см. выше, прим. 166).

¹⁸⁹ ПВЛ. С. 54. — А. Г. Плехонин датирует окончательное присоединение Волыни «к территории Древнерусского государства» 979–981 гг. (Плехонин А. Г. Указ. соч. С. 133–134).

¹⁹⁰ См.: ПВЛ. С. 70.

¹⁹¹ ПВЛ. С. 36.

¹⁹² См.: Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 393, 404, 449.

¹⁹³ См.: Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 71–82.

¹⁹⁴ ПВЛ. С. 37.

¹⁹⁵ См.: ПВЛ. С. 26–29; Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности.

¹⁹⁶ См.: ПВЛ. С. 14.

¹⁹⁷ ПВЛ. С. 39.

¹⁹⁸ См.: ПВЛ. С. 38.

¹⁹⁹ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 50.

²⁰⁰ См.: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси...; *Он же*. Древняя Русь... С. 13–410 и др. — См. также выше.

²⁰¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 216–243; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси; Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства; *Он же*. Мятежный Новгород. С. 3–185.

²⁰² См.: Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 40–48; *Он же*. О вечевых собраниях на Руси в X веке // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 1. С. 13–20.

²⁰³ См.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя...; и др.

²⁰⁴ См.: Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 60–80; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Стрижак О. С. Указ. соч.; и др.

²⁰⁵ См.: Тихомиров М. Н. Указ соч.; Насонов А. Н. Указ. соч.

²⁰⁶ См.: там же и др.

²⁰⁷ См.: Насонов А. Н. Указ. соч.; Горский А. А. Указ. соч.

²⁰⁸ См.: Петрухин В. Я. Комментарии // Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 278; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия). С. 74, 77; Петрухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1987 год. М., 1989. С. 26–30 и др.; Мачинский Д. А. Указ. соч. С. 19, 23.

²⁰⁹ Петрухин В. Я. Комментарии // Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 276; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 30; Пет-

рухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье. С. 29–30; Он же. Древняя Русь... С. 77–86.

²¹⁰ Петрухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье. С. 29–30.

²¹¹ ПВЛ. С. 14; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24. Еще более интересен Ипатьевский вариант ПВЛ: «И бе обладая Олегъ деревляны, полями, радимичи...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 17). Здесь поляне отодвинуты на второе место после древлян.

²¹² См.: Пузанов В. В., Михайлов С. А. Указ. соч. С. 107–108.

²¹³ См. выше, прим. 175.

²¹⁴ «Игорь же, совокупивъ вои многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кри-вичи, и тверце, и печенеги наа... поиде на греки...» (ПВЛ. С. 23).

²¹⁵ В «Хронике Амартола» речь идет просто о походе русов 860 г. на Визан-тию. Наш летописец датировал его 866 г. и связал с Аскольдом и Диром.

²¹⁶ См.: ПВЛ. С. 13, 149.

²¹⁷ «Въ лето 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся про-зывать Руска земля. О семъ бо уведахомъ, яко при семьѣ цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописании гречестемъ. Тем же отселе почнем и числа положимъ...» (ПВЛ. С. 12).

²¹⁸ Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 405.

²¹⁹ ПВЛ. С. 14.

²²⁰ См.: Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 25.

²²¹ НЛ. С. 103.

²²² Несколько иначе данный фрагмент трактует В. Я. Петрухин. См.: Петру-хин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С. 72.

²²³ Там же. С. 105, 106.

²²⁴ См.: ПВЛ. С. 7.

²²⁵ Там же. С. 13.

²²⁶ Там же. С. 15, 16.

²²⁷ «И от техъ варягъ прозвася Руская земля, новугорордьци, ти суть льдые ноугорордьци от рода варяжьска, преже бо беша словени» (ПВЛ. С. 13).

²²⁸ Следует отметить, что данная летописная фраза сложна для понимания и может быть истолкована по-разному (см.: Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 409). Д. С. Лихачев, ссылаясь на НЛ, отразившую в своем составе Нача-льный свод, полагал, что «русью» варяги, словене и прочие стали называться имен-но с момента утверждения Олега в Киеве (Там же). Это мнение утвердилось в историографии. Однако оно не бесспорно, и текст ПВЛ может быть истолко-ван в том смысле, что варяги, словене и прочие уже до прихода в Киев называ-лись русью. Поэтому, настаивая на своем утверждении о стремлении летопис-цев генетически связать новгородцев и полян с варяго-русами, допускаем воз-можность различной трактовки рассматриваемого эпизода летописной записи под 882 г.

²²⁹ «И от техъ варягъ прозвася Руская земля, новугорордьци, ти суть людье ноугорордьци от рода варяжьска, преже бо беша словени» (ПВЛ. С. 13).

²³⁰ НЛ. С. 106–107.

²³¹ НЛ. С. 107–108, 114–115, 118, 121–123, 125, 151, 159.

²³² Так, патриарх Константинопольский говорит Ольге: «Благословена ты в женах русских...; и благословити тя имуть сынове русти в последняя дни родове внуку твоих» (НЛ. С. 114). — Но здесь патриарх заглядывает в будущее, предре-кая победу христианства на Руси.

²³³ «И рече Олегъ: “шиите пре паволочиты Руси, а Словенам кропинны...”» (НЛ. С. 108–109).

²³⁴ Древляне, убив Игоря, говорят: «Се князя убихомъ рускаго» (НЛ. С. 110). В то же время древляне — часть «Руси». Так, после гибели Олега и бегства Владимира из Новгорода за море, Ярополк Святославич «бе владея единъ в Руси» (НЛ. С. 125).

²³⁵ «...Темъ же и Русь корят Радимиче, глаголюще: “пищаньци вольчиа хвоста бегали”. Они же “платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дни”» (НЛ. С. 131).

²³⁶ См. прим. 175.

²³⁷ НЛ. С. 107.

²³⁸ См.: НЛ. С. 125, 127–128, 174–175.

²³⁹ ПВЛ. С. 13.

²⁴⁰ ПВЛ. С. 13.

²⁴¹ Это, прежде всего, совокупность участников походов на Византию. Возможно, что в таком широком понимании «Руси» важную роль сыграла византийская литературная традиция.

²⁴² ПВЛ. С. 13.

²⁴³ ПВЛ. С. 16–17.

²⁴⁴ ПВЛ. С. 23. — Ср. случай с упоминавшейся новгородской данью варягам «мира деля» под 882 г. (ПВЛ. С. 14).

²⁴⁵ ПВЛ. С. 26.

²⁴⁶ «Съ бысть сын Святъславль от племени варяжъска, князь Володимир...» — говорится, например, в Житии князя Владимира (Древнерусские княжеские жития. М., 2001). С. 41.

²⁴⁷ Например, в Киево-Печерском патерике упоминаются отец, сын и правнуки варяга Шимона (Симона) (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 7–12).

²⁴⁸ ПВЛ. С. 13.

²⁴⁹ ПВЛ. С. 18, 23.

²⁵⁰ Почему не с Кия?

²⁵¹ Родственник и преемник власти Рюрика, по ПВЛ, правление которого было связующим звеном между правлением Рюрика и Игоря.

²⁵² См.: Пузанов В. В. Истоки восточнославянской государственности; и др.

²⁵³ См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 87–88.

²⁵⁴ Петрухин В. Я. Комментарии // *Ловмянский Х.* Указ. соч. С. 278. — Мнение о «триединстве» городов уже в X в., со ссылкой на договоры 911 и 944 г., не может быть принято (как и основывающийся на данном предположении вывод о формировании в X в. княжеского домена). В договорах отражена картина более позднего времени (XI — начала XII в.). Более того, Переяславля ни в 911, ни в 944 г. еще не существовало. Он основан в конце X в. Владимиром Святославичем, а в разряд ведущих городов, как увидим, войдет еще позже.

²⁵⁵ Петрухин В. Я. Древняя Русь... С. 189–193 и др.

²⁵⁶ См.: Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. С. 504–505, 515–516 (Выводы А. В. Назаренко о родовом сюзеринитете, равно как и построения В. О. Ключевского, оказали известное влияние на В. Я. Петрухина.)

²⁵⁷ Там же. С. 517–518. — Правильнее было бы сказать «с Киевом».

²⁵⁸ Немаловажную роль играли также тюркский, иранский и др. элементы.

²⁵⁹ См.: Пузанов В. В. Особенности формирования городов-государств в Сред-

нем Поднепровье X–XI вв.; *Он же*. Главные черты политического строя Киевской Руси X–XI вв.

²⁶⁰ История Дании с древнейших времен до начала XX в. М., 1996; История Норвегии; *Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции.

²⁶¹ История Норвегии. С. 116.

²⁶² Из последних работ см.: *Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997; *Вознесенская Г. А.* О сложении производственных традиций в древнерусской металлообработке // *Археология*. 1995. № 3. С. 47–52 и др.

²⁶³ См.: *Вознесенская Г. А.* Указ. соч. С. 47–48.

²⁶⁴ См. например: *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладogi // *Скандинавский сборник*. XXV. Таллинн, 1980. С. 161–177.

²⁶⁵ *Пузанов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. С. 17.

²⁶⁶ Восточное серебро стимулировало приток норманнов в Восточную Европу и питало социально-экономическую базу для их господствующего положения на циркумбалтийском пространстве.

²⁶⁷ «Побегшу Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий...» (ПВЛ. С. 35; НЛ. С. 124).

²⁶⁸ «Володимеръ же собра вои многи, варяги и словени, чудь и кривичи...» (ПВЛ. С. 35–36; НЛ. С. 124–126).

²⁶⁹ См.: *Пузанов В. В.* Норманнское военное присутствие на Руси в правление Владимира Святославича и Ярослава Мудрого // В кругу учеников, коллег, друзей: К 70-летию И. П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 120–136.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ *Мельникова Е. А.* Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию в 1043 г. // *Скандинавский сборник*. 1976. Вып. XXI. С. 74–87; *Она же*. Скандинавские рунические надписи.: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 58–62; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. С. 257–258 и др.

²⁷² См.: *Пузанов В. В.* Норманнское военное присутствие на Руси...; и др.

²⁷³ См.: *Пузанов В. В.* У истоков восточнославянской государственности.

²⁷⁴ См.: *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. М., 1971. С. 213, 242.

²⁷⁵ См.: *Пузанов В. В.* Норманнское военное присутствие на Руси...

²⁷⁶ Князь печенежский «возва Володимера и рече ему: “Выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужъ ударить моимъ, да не воюемъ за три лета; аще ли нашъ мужъ ударить, да воюемъ за три лета”. (...) Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: “Нету ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенежиномъ?” И не обретесе нигдеже» (ПВЛ. С. 55).

²⁷⁷ ПВЛ. С. 55.

²⁷⁸ ПВЛ. С. 55.

²⁷⁹ См.: *Пузанов В. В.* Война и внешняя торговля как факторы образования древнерусской государственности. С. 3–16, и др.

²⁸⁰ ПВЛ. С. 54.

²⁸¹ См.: *Пузанов В. В.* Норманнское военное присутствие на Руси...; *Он же*. Славяно-норманнский симбиоз...

²⁸² Андрощук Ф. О. Указ. соч. С. 24. — Вряд ли корректно вести речь для начала IX в. о древнерусском населении.

²⁸³ См.: Григорьев А. В. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 73; Он же. О границе Руси и северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від народження Д. Я. Самоквасова. Чернівці, 1992. С. 98.

²⁸⁴ Там же. С. 9–92.

²⁸⁵ Толочко П. П. Киев и Чернигов в IX–XIII вв. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов, 15–18 апреля 1985 г.: Тез. докл. Чернигов, 1985. С. 9; Сухобоков О. В. Левобережная Украина в VII–XIII вв. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. С. 52; Андрощук Ф. А. Указ. соч. С. 20–21 и др.

²⁸⁶ Шекун А. В., Веремейчик Е. М. Селища IX — XIV вв. в междуречье Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. С. 104–105.

²⁸⁷ См.: Там же.

²⁸⁸ Григорьев А. В. О границе Руси и северы в Подесенье. С. 99.

²⁸⁹ Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 64–68.

²⁹⁰ См.: Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси и варяги // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. С. 206–210.

²⁹¹ См.: Пузанов В. В. О феодализме в России // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 3–4. С. 212–213, примеч. 40.

²⁹² Об общем и особенном в развитии городов-государств в Древней Греции и Древней Руси см.: Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). С. 331–335; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 265–268 и др.

²⁹³ См.: Пузанов В. В. К вопросу о дофеодалном периоде. С. 30–34.

²⁹⁴ За исключением некоторых сюжетов в былинах, которые хронологически привязать очень сложно.

²⁹⁵ ПВЛ. С. 10.

²⁹⁶ ПВЛ. С. 11.

²⁹⁷ ПВЛ. С. 11–12.

²⁹⁸ ПВЛ. С. 12–13.

²⁹⁹ См. выше, примеч. 15–20.

³⁰⁰ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 229. — Под «варварским» А. П. Новосельцев понимал «феодализирующееся» государство (Там же. Прим. 676).

³⁰¹ Новосельцев А. П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4; Он же. Образование Древнерусского государства и первый его правитель.

³⁰² См.: Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе: Постановка проблемы // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1992. С. 38–41; Она же. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе... С. 16–33.

³⁰³ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 150.

³⁰⁴ См.: Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв. С. 501 и др.

³⁰⁵ «Перефразируя В. О. Ключевского, можно сказать, что “федерация” русских земель должна была превратиться из “генеалогической”, объединяемой княжеским родом, в *политическую* (курсив В. Я. Петрухина. — В. П.)...» (*Петрухин В. Я. Древняя Русь...* С. 195–198).

³⁰⁶ Владимир стал сожительствовать с женой своего брата Ярополка, когда она уже была беременна (ПВЛ. С. 37).

³⁰⁷ ПВЛ. С. 64–65.

³⁰⁸ Подр. см.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя...

³⁰⁹ ПВЛ. С. 65.

³¹⁰ ПВЛ. С. 66.

³¹¹ См.: Пузанов В. В. О вечевых собраниях... С. 13–14; *Он же*. Народ и власть в городах государствах Древней Руси // История России: народ и власть. С. 66–67; *Он же*. Главные черты политического строя... С. 34, 101–102, коммент. 101.

³¹² ПВЛ. С. 65.

³¹³ См.: ПВЛ. С. 66.

³¹⁴ Своего двоюродного дядю, много сделавшего для победы Ярослава в борьбе со Святополком.

³¹⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. Вып. 1. С. 110; Пг., 1917. Т. 4, ч. 2. Вып. 1. С. 113; М., 2000. Т. 9. С. 77 и др.; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 374; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 172 и др.

³¹⁶ НЛ. С. 161, 470.

³¹⁷ Подр. см.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя...

³¹⁸ См. там же.

³¹⁹ См.: ПВЛ. С. 65.

³²⁰ Там же. С. 65.

³²¹ См.: Пузанов В. В. Особенности формирования городов-государств...

³²² Это соучастие определялось особым статусом городов, а не княжеской власти.

³²³ ПВЛ. С. 70.

³²⁴ НЛ. С. 160, 469.

³²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688–689.

³²⁶ ПВЛ. С. 31–32. — В. Я. Петрухин полагает, что Претич являлся воеводой князя черниговского Левобережья, который был «под рукой» Святослава и на указанный момент находился с последним в балканском походе (*Петрухин В. Я. Древняя Русь...* С. 164–165). — Вряд ли эта догадка имеет под собою серьезную основу. Тем не менее определенное указание на особый статус черниговского Левобережья по отношению к правобережной полянской (Киевской) территории в рассматриваемом известии имеется.

³²⁷ ПВЛ. С. 65.

³²⁸ В свете вышесказанного трудно согласиться с мнением, что именно раздел по Днепру 1026 г. стал определяющим для будущих поколений (*Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. Київ, 1998. С. 21*).

³²⁹ Хотя термин «союз» в данном случае наиболее адекватно отражает исторические реалии, считаем возможным применять и понятие «федерация, как более удобное для использования и имеющее уже определенную историографическую традицию (например, «федерация племен», «конфедерация племен»). Но, естественно, термин «федерация» в данном случае должен пониматься не как современный тип государственности, а в лингвистическом плане, как латинское соответствие русскому «союз», «объединение».

³³⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299–301. — Летописец пытается осмыслить противостояние двух ветвей Рюриковичей и особый статус Полоцкой земли. Он возвращается к событиям конца X в., связанным с известным сватовством Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде Рогволодовне. Оскорбительный отказ гордой полочанки («не хочю розути робиича» — намек на рабский статус матери Владимира), отдавшей предпочтение киевскому князю Ярополку, вызвал поход новгородского (тогда еще) князя на Полоцк. Город был взят штурмом, Рогволод с женою и дочерью оказались в руках победителя. После этого Добрыня (который воспринял оскорбление и на свой счет, поскольку доводился братом Малуши — матери Владимира) всячески поносил Рогволода и его дочь, «нарек еи робиича». Более того — своему племяннику он велел изнасиловать Рогнеду на глазах отца и матери. Рогволод был убит, а Рогнеда стала женой Владимира и родила ему Изяслава. Владимир же, заведя много иных жен, стал пренебрегать полоцкой княжной. Она не смогла снести нового удара судьбы и попыталась ночью убить мужа ножом. Вовремя пробудившись, князь отвел удар и приказал жене подготовиться к смерти. Находчивость Рогнеды (давшей Изяславу меч, с которым он встретил отца, сказав: «...Отче еда единъ мнишися ходя») отсрочила расправу. Более того, озадаченный Владимир, послушав боярского совета, устроил Рогнеде с сыном вотчину, построив город Изяславль. С того времени, отметил летописец, «мечъ взимають Рогволожи внуци» (полоцкая ветвь князей ведет начало от Изяслава. — В. П.) против внуков Ярослава Мудрого. Наивность «генеалогического» объяснения очевидна. Ярослав Мудрый также являлся сыном Рогнеды (см.: ПВЛ. С. 37) и, следовательно, таким же внуком «Рогволожим», как и Изяслав. Видимо, здесь проводилась несколько иная мысль, основанная на персонификации князя с землей: Изяслав и его потомки потому «Рогволожици», что княжат в вотчине Рогволода — Полоцкой земле. Здесь как бы соединяются два генеалогических вида преемственности, основанные на родстве с Рогволодом и на передавшейся (посредством обладания Полоцкой землей) сакральной связи с его вотчиной.

³³¹ Подр. см.: Пузанов В. В. Главные черты политического строя...

³³² См.: ПВЛ. С. 71–72.

³³³ О чем могут свидетельствовать события 1097–1100 и последующих годов. — См. ниже.

³³⁴ ПВЛ. С. 110–116.

³³⁵ ПВЛ. С. 116–117.

³³⁶ ПВЛ. С. 117.

³³⁷ Князя, как мы видели, хорошо понимали, что главный виновник ослепления Василька — Святополк.

³³⁸ ПВЛ. С. 111–112, 116–129.

³³⁹ См. также: Пузанов В. В. Этапы становления и развития древнерусской государственности. С. 11–14.

³⁴⁰ ПВЛ. С. 10.

³⁴¹ См.: Пузанов В. В. К вопросу о дофеодальном периоде. С. 30–34.

³⁴² Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. С. 332.

³⁴³ См.: Пузанов В. В. О феодализме в России. С. 187–219.

В. В. Долгов

Обретение этнокультурных
ориентиров: «свои — чужие»

Оппозиция «свои — чужие» является одной из базовых в человеческом сознании. С ее помощью новорожденный человек ориентируется в мире; в далекой древности противопоставление «своих» «чужим» послужило первым шагом к развитию самосознания вида *homo sapiens*. Историческое развитие человечества дает самые разнообразные примеры воплощения этой оппозиции в социальной психологии. Неповторимыми чертами своеобразия обладает образ внешнего мира, представления о «своих» и «чужих» эпохи раннего русского средневековья.

Подобно тому как объем понятия «свои» бывает разным в различных случаях — от своих домочадцев до жителей одной волости, точно так же многомерно и представление о «чужих». Можно выделить три уровня восприятия этого понятия: 1) чужие — население других русских земель относительно своих сограждан; 2) чужие — иноплеменики, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни; 3) чужие — полумифическое население дальних неведомых стран, о которых слыхали от редких путешественников или читали.

Свои «чужие». Вопрос об отношении к населению чужих земель-волостей тесно связан с проблемой осознания единства Руси. Как известно, в XII в. русские земли не составляли единого монолитного государства. В то же время они не были абсолютно независимыми и невзаимосвязанными политическими образованиями. Поэтому и развитие идей относительно этого предмета носило

двойственный характер. В общественном сознании существовали две противоречащие друг другу тенденции.

Одна из них была, по сути, отражением сепаратистских устремлений русских земель, стремящихся к самостоятельности. Постоянные межгородские столкновения, ссоры князей, то есть сама общественно-политическая ситуация, предполагали осознание каждой волостью своей «самости». Повседневная жизнь диктовала свои установки. Города-государства боролись между собой: руками своих князей плели политические интриги, выступали друг против друга гражданскими ополчениями. Новгород боролся против гегемонии Киева¹, Владимир против «старых» Ростова и Суздаля² и пр. Действительность чаще всего актуализировала в сознании тот уровень оппозиции «свои — чужие», где в роли «своего» пространства выступала не Русская земля, а родной город. У древнерусского горожанина было более чем достаточно причин относиться к другим городам не только как к чужим, но иногда и как к врагам, не предаваясь размышлениям о теоретическом братстве и единстве. Картина социального мира, свойственная типичному представителю древнерусского общества, ограничивалась рамками его собственной земли-волости. Даже механизм действия права был вписан в эти границы: как было замечено еще В. И. Сергеевичем, свод по Русской Правде не идет в чужую землю³. По удачной формулировке В. П. Даркевича, «природной хаотической дикости противостояло архитектурно организованное, очеловеченное, окультуренное пространство, упорядоченный и одомашненный мир, где обитателям не грозит опасность, где они всегда среди своих»⁴. Зримым воплощением замкнутости «своего» пространства была городская стена. По мнению А. Ю. Дворниченко, она выполняла функции не только утилитарного военно-инженерного сооружения, но и сакрального покрова, отделяющего «наш» мир от враждебного внешнего космоса⁵. Помимо городской стены освоенное пространство мира имело в древнерусском общественном сознании еще ряд атрибутов, также исполнявших функцию сакральной защиты и символа групповой идентификации. Как было показано И. Я. Фрояновым, к их числу относились «кафедральные храмы, воздвигнутые в волостных центрах — средоточиях различных древнерусских земель, или городов-государств. Они приобрели огромное значение, будучи оплотом благоденствия и мира, символом суверенитета волостных общин»⁶. И. Я. Фроянов ука-

зывает на распространенный в Древней Руси обычай разорения в межволостных войнах храмов и монастырей противника⁷. В этом обычае проявились сохранившиеся в сознании древнерусского человека пережитки языческой ментальности, согласно которой разрушить святилище врага — значит лишить его покрова Божьего и тем самым победить. Таким образом, храм не простоместилище вездесущего христианского Бога, но еще и средоточие магической, иррациональной силы той гражданской общины, на территории которой он находится. Данное воззрение настолько несовместимо с христианской доктриной, что не остается никакого сомнения в его языческом происхождении. Не менее важным атрибутом упорядоченности и защищенности «своего» мира было наличие князя — вождя, нарядника, судьи и символа независимости, полноценности общины. Общий взгляд на город как на сакрально организованное пространство был определен А. Ю. Дворниченко, по мнению которого «на Руси город рисовался его обитателям центром мироздания. Его возвышенное положение означало, что город — место, где “небеса встречаются с землей”»⁸.

Будучи сплоченными социальными организмами, городовые волости выступают в русской истории в виде своеобразных коллективных личностей. Недаром в летописях нередки выражения: «сдумаше кыяны», «реша новгородьце» и пр. Обыденное сознание наделяет их различными характеристиками, часто иронического толка. Киевляне кричат новгородцам, пришедшим в Ярослав в 1016 г. отвоевывать великокняжеский престол: «Вы! Плотницы суще! А приставимъ вы хоромъ рубити нашим»⁹. Утверждение, что они плотники (и, подразумевается, ничего больше — не воины), показалось новгородцам настолько обидным, что они сами потребовали у Ярослава начать битву на следующее же утро. В качестве «коллективных личностей» города-государства сменили на исторической арене древние племена. Летопись сохранила нам поговорку о радимичах: «Пищаньцы волчьа хвоста бегают», основанную на том, что воевода князя Владимира по имени Волчий Хвост победил их у реки Пищаны¹⁰. Когда речь шла о самих себе, конечно, образ складывался более достойный: предки киевлян — поляне, в изображении ПВЛ «бяху мужи мудрии и смыслени»¹¹. «Чужие» древляне, вятичи и северяне представлены гораздо менее привлекательно: «живяху звериньским образом, живоуще скотьс-

ки»¹² и т. п. Передавая впечатления путешествующего по Днепру апостола Андрея, якобы посетившего в незапамятные времена Русь, летописец рассказывает, что Андрей предрек славное будущее горам, на которых впоследствии возникнет Киев, а потом посетил Новгородскую землю, где видел поразивший его обычай мытья в бане — «како ся мыют и хвощутся», о котором он поведал, возвратившись домой, в Рим¹³. В рассказе о путешествии Андрея угадывается рука книжника-южанина: киевским горам предречена благодать, а новгородцы описаны с юмористической стороны. В «Слове о полку Игореве» говорится: «А мои ти куряни сведоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелеяны, конец копия въскормлени; пути имѣ ведоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени. Сами скачють, акы серыи вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю славе»¹⁴. Субъект этого красочного описания определен по городской принадлежности — «куряне».

В то же время в древнерусской литературе активно пропагандировалась идея единения русских земель. Будучи оформлена через понятие братской/божественной любви, она вошла в арсенал самых актуальных идеологических конструкций Древней Руси. Следы ее мы находим и в «Повести временных лет» (далее: ПВЛ)¹⁵, в «Поучении» Владимира Мономаха¹⁶, в «Слове о князьях»¹⁷. Ею проникнуто «Сказание о Борисе и Глебе»¹⁸. Выражение «Русская земля» достаточно часто встречается на страницах произведений древнерусской литературы. Объективная общность восточнославянского населения осознавалась древнерусскими мыслителями. Очевидна она была и на бытовом уровне (общность языка, сходство обычаев и пр.). «А словеньский языкъ и роуский одно есть. От варягъ бо прозвашася роусью, а первое беша словене. Аще и поляне звахуса, но словенскаа речъ бе. Полями же прозвани быши, зане в поли седяхоу, а язык словенский имѣ един»¹⁹. Но, как известно, осознание общности не всегда означает отсутствие вражды. Поэтому даже в русле этой тенденции жители иных областей далеко не всегда воспринимались как «братья» и соотечественники, хотя, в принципе, не были «чужими». Мстислав Владимирович после битвы его сборного войска с дружиной Ярослава в 1024 г. рассуждает: «Кто сему не рад? Се лежит северянинъ, а се варягъ, а дружина своя цела»²⁰, — не делая разницы между славянским племенем северян и скандинавами варягами.

Сама практика частых широковещательных призывов к заботе об интересах всей Руси заставляет думать, что реальность была далека от пропагандируемого образца. Можно заметить, что о «Русской земле» говорится прежде всего в пассажах, имеющих яркую риторическую окраску. Очень часто «русская земля» «от конца до конца» поминается в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха²¹ и подобных ему панегирических сочинениях.

И все же нельзя сказать, что в XI–XII вв. понятие «Русская земля» как воплощение представлений о едином общественном и территориальном образовании существовало лишь в книжной культуре (об особенностях «книжного» взгляда на Русь см. ниже) и было абсолютно безжизненно. Нельзя отрицать связь литературы с жизнью. Оказавшись в Палестине, игумен Даниил, автор «Хождения», чувствует себя представителем всей Руси. В качестве «руськыя земли игумена» он предстает перед королем Балдуином. В лавре св. Саввы им были записаны для поминовения имени всех русских князей, начиная со Святополка Изяславича и далее, нисходя по лестнице старшинства, сколько вспомнил²². Любечский съезд по летописи открывается торжественной речью: «Почто губим русьскую землю, сами на ся котору деюще, а половци землю нашу несут розно и ради суть оже межю нами рати. Да ноне отселе имеемся въ едино сердце и блюдем Русьские земли»²³. То есть осознание этнической принадлежности приходит при взаимодействии с иноплемениками. У себя на Руси человек был «новгородцем», «киянином», «черниговцем» и мог спокойно зарубить в военном столкновении своего недалекого соседа, говорящего на том же языке. Но перед лицом внешней опасности или в далеком странствии приходило понимание общности, актуализировалась оппозиция «русские — чужеземцы». Впрочем, у книжника, воспарившего умом «под облакы», такое «соприкосновение» могло произойти и в мирное время у себя дома. Тогда, например, когда он читал описание неведомых «языков» в летописи. Можно согласиться с утверждением А. П. Моци, что «трудно представить высокое осознание своего единства смердами, сидящими (например) под Галичем и Псковом»²⁴, однако следует уточнить, что верно оно только относительно тех «смердов», которые действительно «сидели», и только до тех пор, пока «сидели». Если такого смерда судьба заносила далеко от дома, то вряд ли разница между жителем

(например) Чернигова и степняком-половцем оставалась для него непонятна.

Иноземцы. Самым существенным признаком древнеславянского образа иноземца, истинно «чужого», ни при каких условиях не становящегося полностью «своим», было языковое отличие. Недаром те, чья речь понятна, обозначались словом «словенинь» — «владеющий словом». Соответственно тот, кто «по-человечески» говорить не умеет — «немьць», то есть «немой»²⁵.

Славянам, расселившимся по Восточной Европе, пришлось столкнуться с огромным количеством разноязычных народов. Во-первых, непосредственными соседями славян стали балтские и финно-угорские народы: территория Восточной Европы издревле была заселена ими и пришедшим славянам пришлось по существу занимать их сферу обитания. Ввиду небольшой плотности населения соседство это было мирным и привело со временем к растворению многих местных иноязычных племен в славянской массе (подробнее о процессах аккультурации и ассимиляции финноязычного населения см. гл. «Формирование многонациональной российской государственности: синтез культурных традиций»). В русском языке той эпохи восточноевропейские финны получили общее название «чудь». Родственность этого названия со словами «чудной», «чудак» дает возможность предположительной реконструкции первоначального отношения к аборигенным племенам как «необычным, странным и в своей странности удивительным людям», в образе которых, однако, не чувствуется особой угрозы и враждебности. Такой изначально позитивный взгляд на «чужого» стал основой для медленного, но неуклонного превращения соседей в «своих».

Значительно менее толерантно складывались отношения с тюркскими соседями. Модель их развития была определена первыми тюркоязычными кочевниками, аварами, память о которых открывает историческое сознание восточных славян. Авары пришли и покорили славянское племя дулебов-волянн. В дальнейшем такая ситуация повторялась неоднократно. Поэтому тюркам уделено особенно много внимания в русском летописании, где они, как будет показано далее, всегда выступают в качестве несомненных врагов. Однако следует заметить, что несмотря на субъективное восприятие тюрков как врагов *par excellence*, реальная картина взаимоотношений была несколько сложнее: столетия совмест-

ного существования привели к установлению достаточно крепких связей и активному (хотя подчас и незаметному для самих участников) культурному синтезу²⁶.

Подробное описание народов мира, своеобразный этнографический очерк находим мы в начальной части «Повести временных лет». Для достижения своей задачи автор летописи счел нужным сначала определить место Руси в ойкумене. По словам Ю. М. Лотмана, в средние века география «не воспринималась как особая естественнонаучная дисциплина, а скорее напоминала разновидность религиозно-утопической классификации»²⁷. Классификация народов, осуществленная автором «очерка», основывается на мифической библейской генеалогии, производящей три большие части человечества от сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета (Бытие. 10, 5). Возможно, источником этого описания послужил также еврейский хронограф середины X в. «Книга Иосиппон», в основу которой был положен созданный в IV в. латинский перевод «Иудейских древностей» Иосифа Флавия²⁸. Большинство индоевропейских, а также финно-угорских народов, жителей западных и северных стран, согласно этой классификации отнесены к «жребию Афетову»²⁹. В их число включена и Русь.

Летописное повествование развивается одновременно в географической и временной плоскостях. Сначала летописец дает этнографическое описание самих славян. Затем по ходу рассказа о славянах пред мысленным взором читателя проходят образы различных народов — как современных, так и канувших в Лету: болгары, угры, обры. Последним уделено особенно много внимания. Характеристика их весьма живописна: «В си же времена быша и обри иже ходиша на Арълия царя и мало его не яша. Си же обре воеваху на словенех и примучиша дулебы, сущая словены, и насиле творяху женам дулебским. Аще поехати будяше обрину, не дадяхе въпречи ни коня ни вола, но веляше въпречи 3, или 4, или 5 ли жен в телегу о повести обрина. И тако мучаху дулебы. Быша бо обре телом велицы и оумом горди, и Богъ потреби я и помроша вси, и не остася ни единъ обринъ. Есть притъча в Руси и до сего дне: “Погибоша аки обре”»³⁰. После рассказа о славянских племенах и как бы в объяснение «странностей» их обычаев и поведения в «очерке» следует еще одна теоретическая выкладка. Ссылаясь на Георгия Амартола, летописец делит все народы на имеющие письменный закон и не имеющие такового. Последние, в свою

очередь, делятся на те, чьи обычаи казались средневековому православному монаху «приличными» и «неприличными». Их описание приводится также по Амартолу, так как сам книжник лично, конечно, с этими народами незнаком. К «приличным» отнесены сирийцы, «живоуще на конец земля». У них в качестве закона выступают обычаи их отцов: не заниматься ни любодеянием, ни прелюбодеянием, не красть, не клеветать, не убивать. Ничуть не хуже нравы бактриан, «глаголемии върахмане и островичи». Они из благочестия не едят мяса, не пьют вина, не творят блуда и никакого не делают зла вообще. Совсем иначе, по древнерусским представлениям, обстоят дела у соседей бактриан — индийцев. Они «убийстводенца, сквернотворяще и гневливи и паче естества; въ внутренней же стране ихъ человек ядуще и странствующихъ оубиваху, паче же ядятъ яко пси». Столь же плохи халдейцы и вавилоняне, гилийцы, британцы и амазонки. Неприемлемость для летописца их обычаев заключается, в основном, в постыдности принятых у них норм сексуального общения. Халдейцы и вавилоняне вступают в половой контакт с матерями и с детьми братьев, убивают, совершают разнообразные бесстыдства, почитая их за добродетель. Гилийские женщины взяли на себя исполнение мужских обязанностей и пользуются поэтому полной половой свободой. В Британии сосуществуют полиандрия и полигиния. А амазонки, «аки скоть бесловесный», не имеют мужей. Один раз в год, ближе к весне, они выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужами. Этот выход они «мнят» как некое торжество или праздник. Зачав, они удаляются к себе. Если у них рождается девочка, «то въздоять и прележне възпитают», а если мальчик — убивают. В этот список неведомых злодейских народов включены хорошо известные русскому человеку половцы, которые тем самым предстают как явление «всемирно-исторического» масштаба. В древнерусских текстах половцы отождествляются с «сынами Измаиловыми», в их описании ясно чувствуются апокалиптические черты (что, впрочем, не мешало вполне деловым и даже подчас дружественным отношениям с ними в повседневной политической жизни)³¹. Портрет их крайне непривлекателен: они «закон держать отецъ своихъ: кровь проливати, а хваляще о сихъ и ядуще мертвечину и всю нечисту — хомеки и сусолы; и поимають мачехи своя и ятрови и ины обычая отецъ своихъ творять». С помощью описания половцев в летописном рассказе мир нече-

стивых чужаков соотнесен со «своим» миром. Это дало возможность летописцу провести противопоставление «свои — чужие» на самом высоком уровне: перечень «языков», увенчанный половцами, противопоставлен христианам. «Мы же, христиане елико земель, иже веруют в святую Троицу и в едино крещение, в едину веру, закон имам единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облокохомся»³².

Бытовая классификация чужаков строилась преимущественно не по этническому признаку, а по религиозному. Основной характеристикой иноземца для русского человека была его конфессиональная принадлежность. Несмотря на сравнительно слабое проникновение христианства в повседневное мировоззрение населения Древней Руси, формирование образа врага как прежде всего неправославного к XI–XII вв. продвинулось уже довольно далеко. Это неудивительно. Психологически становление группового самосознания через противопоставление некой чуждой силе является самым простым и часто выступает в качестве начальной его формы (достаточно вспомнить современный иронический фразеологизм «Против кого дружить будем?»). Поэтому, как правило, отношение к иноверцам было крайне отрицательным. Хорошие отзывы о чужих верах рассматривалось почти как религиозное преступление. Феодосий Печерский в своем «Поучении» наставляет князя Изяслава: «Не подобаеъ же хвалити чюже веры. Аще ли хвалитъ кто чюжою веру, то обретаеся свою веру хуля. Аще ли начьнеъ непрестанно хвалити и свою и чюжою, то обретаеся таковъ двоверье держа, и близъ есть ереси. Ты же, чадо, такихъ деяний блюди, ни присвои, ни бегай отъ нихъ, якоже можеши, и свою веру едину непрестанно хвали, подвижаяся въ ней добрыми делы»³³. Устав Ярослава (далее: УЯ) в законодательном порядке запрещал близкое (в особенности сексуальное) общение с иноверцами. Пребывание русской женщины с иудеем или мусульманином влекло за собой ответственность: «на иноверцехъ митрополиту 50 гривен, а рускую поняти в дом церковный» (ст. 19)³⁴. Насколько более важным был признак вероисповедания по сравнению с признаком национальной принадлежности, видно из 49 статьи УЯ, в которой не делается практической разницы между «своим» нехристом и иноплемennым: «С некрещенымъ, ни иноязычникомъ, или отъ нашего языка будетъ с некрещенымъ, ведая ясть и пьетъ, митрополиту в винѣ»³⁵.

Согласно этой же статье, с иноверцами запрещалось даже есть и пить. Об этом говорит и Феодосий: «своихъ же дочерей не даия за не, не поимате у нихъ, ни брататися с ними, ни поклонитися, ни целовати его, ни с нимъ въ одномъ съсуде ясти, ни пити, ни борошна ихъ поимати». Если же кто-то из иноверцев просит ради Бога дать им поесть или попить, то, во исполнение христианского долга, сделать это непременно нужно, но только чтоб посуда была их³⁶. Бытовую сценку религиозного шовинизма рисует нам Киево-Печерский патерик. Разговаривают два «медика» — «безмездный врач» монах Киево-Печерского монастыря Агапит и его светский коллега, армянин родом, «лечець» Владимира Мономаха. «Въпроси же блаженный: “Кто еси ты и коеа веры еси?” Лечець же рече к нему: “Не слышалъ ли еси мене, яко арменинъ есми?” Блаженный же рече к нему: “То како ты смель еси внити и осквернити келию мою и дръжати за грешную мою руку? Изыди от мене, иноверне и нечестиве!” Осрамленъ же бывъ арменинъ, отъиде»³⁷. «Грешная» рука Агапита все же несоизмеримо «чище» руки иноверца. Даже руки сына армяно-григорианской церкви, канонические расхождения с которой у русской православной церкви невелики.

Представления о сути чужих вер соответствовали недружелюбному отношению к иноверцам. Например, ислам в летописном повествовании о выборе религии Владимиром изображен очень искаженно и отталкивающе. По словам «философа», просвещавшего князя в вопросах веры, эта религия проклята Богом, а люди, ее исповедующие, уподобились жителям Содомы и Гоморры. Они творят беззакония: подмывшись, они обливаются использованной водой, льют ее себе в рот, мажут по бороде и поминают «Бохмита». А жены их творят «ту же скверну и ино пуще — от совокупленья мужска и женска вкушают». Вполне естественна реакция князя на описанные ужасы: «Си слышавъ Володимеръ блону не землю и рекъ: “Нечисто есть дело”»³⁸. Собственные эмиссары, посланные Владимиром в Волжскую Болгарию, привозят впечатления, дополняющие рассказы греческого учителя. По их словам, богослужение в магометанских храмах проходит нелепо: молящиеся стоят без поясов (согласно символике русского костюма это означает распущенность — ср. «распоясаться»), потом садятся и глядят, как безумные «семо и овамо», веселья у них нет, «но печаль и смрад велик»³⁹.

Любопытно, что, несмотря на извечную вражду между мусульманами и христианами, отнюдь не ислам вызывал у древнерусских мыслителей наиболее отрицательную реакцию. Гораздо большему порицанию подвергались, как ни странно на первый взгляд, исповедующие похожую веру католики. Именно на борьбу с ними были направлены основные интеллектуальные силы православных проповедников. Многочисленные сочинения «на латину» призваны были отвратить паству от симпатий к римскому христианству. Сделать это было достаточно сложно, так как даже для того, чтобы объяснить рядовому верующему принципиальную разницу между православием и католицизмом, нужно было проявить известные педагогические способности. Поэтому-то эта тема так занимала древнерусских служителей церкви. Представить в невыгодном свете «нехристей» в XI–XII вв. было несложно, но объяснить, почему почитающие Христа католики не являются настоящими христианами — задача по плечу не всякому схоласту. Поэтому в ход шли различные пропагандистские уловки. В рассказе об испытании вер мотивировка отказа от католического крещения объяснена не вполне отчетливо. Владимир, который достаточно остроумно и развернуто отвечает представителям ислама и иудаизма, с посланниками Рима разговаривает алогично. Он задает им вопрос о заповеди, а потом безо всякой связи с сутью их ответа (в котором не было, кажется, ничего крамольного) заявляет: «идете опять, яко отци наши сего не прияли суть»⁴⁰. Складывается впечатление, что по сути возразить ему нечего, он еще не вполне подготовлен для богословских дискуссий. Отец Владимира Святослав не принял и греческого крещения, однако это не смущает князя — он ссылается на авторитет предков, что даже при безупречности логики сообщает авторитет его словам. Впрочем, существовали и другие, более последовательные «доказательства» богословской несостоятельности католицизма. Перечень их в литературе достаточно велик. Критике западного христианства посвящали свои произведения высшие иерархи церкви: митрополиты Иоанн I, Никифор, Георгий, игумен Киево-Печерского монастыря св. Феодосий Печерский. В изображении последнего католики выглядят особенно примечательно. Они едят из одной посуды с кошками и собаками, пьют свою мочу, употребляют в пищу ящериц, диких коней, ослов, удушенину и мертвечину, медвежатину, бобровое мясо, включая бобровые хвосты. Феодосий инк-

риминирует им несоблюдение постов, а именно то, что употребление мяса разрешено во вторник первой недели поста. Аморально католическое духовенство: монахи едят сало, постятся в субботу, а попостившись, едят молоко и яйца. Интересно, что celibacy белого духовенства также рассматривается Феодосием как проявление безнравственности — по его мнению, это пренебрежение законным браком. Священники приживают детей со служанками и тем не менее продолжают служить. Епископы имеют наложниц и ездят на войну. Католики рисуют на земле крест, целуют его, а потом попирают ногами (аналогичный укор «латинам» имеется и в ПВЛ). Помимо перечисленных, Феодосий приводит еще целый ряд особенностей, отличающих приверженцев западного христианства от православных. Особенности эти лежат в основном в сфере обычаев и традиций. Неприязнь у Феодосия вызывает формальная разница в обряде погребения, крещения. Достоинство православного человека перед католиком, по Феодосию, в том, что помимо мирского имени у него есть еще другое, нарекаемое при крещении в честь какого-нибудь святого, а католиков «как прозвать родители, в то имя и крестять». В последнюю очередь упомянуто о принципиальном расхождении православной и католической доктрин по поводу основного догмата римской церкви *filioque*: «Се же пакы глаголють и Духа Святаго исходящаго от Отца и от Сына. Мы же не глаголемъ: от Сына». Перечень недостатков «латинской веры» Феодосий подытоживает фразой: «И ина многа суть яже въ техъ злая и неправая и развращеная, и погыбели полна вера ихъ и делеса ихъ; егоже жидове творять, то они творять, много же и въ Савьску ересь вьступають»⁴¹. Западные христиане оказываются хуже иудеев. Это достаточно распространенное социально-психологическое явление, когда «чужой» кажется тем неприятней, чем более он похож на «своего». Половец — враг, от которого можно ждать набега; враг, которого можно победить мечом. «Заблуждения» иудеев очевидны — критика их взглядов давно отработана. А вот «латинцы», вчерашние единоверцы, на самом деле гораздо хуже, они посягают на самое святое, «извращают» самое сокровенное: вместо мира и масла сыплют в рот крещаемому соль и т. п. Делают все вроде бы так же, но не совсем так — будто передразнивают.

В целом для древнерусского общественного сознания (как для сознания многих народов) характерно представление, что чужак —

не в полной мере человек. О них либо прямо говорится, что они «аки скоть бесловесный»⁴² и «живяху звериньским образом, живоуще скотьски»⁴³, либо им приписываются качества, несовместимые с человеческим обликом: еда из одной тарелки с животными, употребление для питья мочи и пр. Подобные свидетельства встречаются и в эпосе. Так, например, Идолище отличается нечеловеческими размерами.

Говорит татарин таково слово:
Как есть у нас погано есть Идолище.
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная.
А головищо что ведь люто лохалищо,
А глазища что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был⁴⁴.

Тугарин Змеевич летает по поднебесью на бумажных крыльях. Кроме того, на его inferнальное происхождение указывает отчество⁴⁵. Еще меньше человеческого в облике Соловья-разбойника:

Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын
На семи дубах, в девяти суках.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, собака, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному,
Так все травушки-муравы улетаются,
Все лазоревы цветочки отсыпаются,
А что есть люди вблизи — все мертвы лежат⁴⁶.

«Чужому» в Древней Руси склонны были приписывать особые возможности. Недаром княжеский род был призван из Скандинавии, а «лечец» Владимира Мономаха, который «хитрь бе врачеванию, яко таковъ не бе прежде его»⁴⁷, был армянином. Ввиду того, что чужак, как было сказано, не вполне человек, возможности его могут превосходить человеческие. Многим народам свойственно приписывать чужеплеменникам колдовские способности. Австралийские аборигены верили, что всякая болезнь или смерть, причины которой не видны непосредственно, вызваны деятельностью колдуна чужого племени⁴⁸. «Индийские тогда считали сильнейшими колдунами своих соседей курумба, а те по той же причине боялись самих тогда; к лопарям их соседи финны, карелы, шведы относились с суеверным страхом, как к опасным колдунам (ср. изве-

стные стихи “Калевалы” о страшных колдунах Похьёлы); сами лопари так же смотрели на финнов, шведов. Таких примеров можно привести немало»⁴⁹. Не был, по-видимому, исключением и древнерусский народ. Судя по тому, что в мировоззрении волхвов, мимолетно запечатленном в летописном рассказе о событиях в Ростовской «области»⁵⁰, просматриваются черты мордовской мифологии⁵¹, репутацией колдунов у русского населения могли пользоваться представители финских племен. Твердо утверждать, что колдунами на Руси были исключительно неславяне, конечно, нельзя. Тем не менее этнографические параллели, указывающие на то, что умение колдовать чаще всего связывается традиционным сознанием с образом иноплеменника, могут служить косвенным доказательством финского или другого иноэтничного происхождения волхвов, упоминаемых древнерусскими источниками.

В любом случае отношение к иноплеменникам было внимательным и осторожным. И даже византийцы-единоверцы заслужили неслестный отзыв автора ПВЛ: «суть <... > греци льстивы и до сего дни»⁵².

Вместе с тем международные связи Киевской Руси эпохи раннего средневековья были весьма обширны. Осторожное и даже опасливое отношение к иноземцам сочеталось в общественном сознании с готовностью к контактам, открытостью, отсутствием национальной замкнутости и высокомерия. Крупные города были полны иностранцев. При дворах князей были обычны скандинавы (об этом свидетельствуют как русские, так и скандинавские источники)⁵³. Они уходили на Русь из поколения в поколение. Например, варяги во главе с Якуном сражались в войске Ярослава Мудрого против Мстислава. На службе у Ярослава состояли племянники Якуна — Фриад и Шимон⁵⁴. Двенадцатилетний конунг Олаф Трюггви, убив на торговой площади Новгорода обидчика топором, смог впоследствии жить в городе инкогнито, не привлекая ничего внимания своим иностранным происхождением⁵⁵. Это могло случиться только в том случае, если для древнего новгородца скандинав был привычным соседом, не вызывавшим ни особого внимания к своей персоне, ни подозрения. Высшими церковными иерархами выступали, как правило, греки. Немало, очевидно, было иноземных купцов. Род рюриковичей был связан династическими связями со многими правящими домами мира. Нравы того времени, в отличие от нравов московского периода,

не запрещали князьям выдавать своих дочерей за иностранных (и иноверных) монархов и самим брать в жены половецких, европейских или греческих принцесс. Дочь Ярослава Мудрого Анна была выдана замуж за французского короля Генриха I, Елизавета — за норвежского конунга Харальда Сигурдрасона, Анастасия — за венгерского короля Андрея I. Сам Ярослав был женат на дочери норвежского короля Олафа Ингигерде, в крещении Ирини⁵⁶, а его внук Владимир Мономах — на Гите, дочери последнего англо-саксонского короля Гаральда.

Указанная двойственность в отношении иностранцев и инокультурных влияний отразилась и на взаимодействии с Византийской империей, цивилизация которой оценивалась А. Тойнби как отеческая по отношению к русской⁵⁷. Действительно, трудно перечислить все культурные достижения, появлению которых Русь обязана своему великому южному соседу: это архитектура и живопись, письменность и литература, религия и философия. Византия, одно из самых культурных государств средневекового мира, вобрала в себя огромный потенциал, унаследовав достижения многих цивилизаций. Сказочные богатства Ромейской державы, ее культурное превосходство с необоримой силой привлекали северных варваров. В конечном итоге периодически грабительские походы первых русских князей — Олега, Игоря, Святослава — есть в некотором роде прямое признание и проявление этого влечения, которое было вызвано не только меркантильным расчетом, но и тем чарующим впечатлением, которое производила на славян и скандинавов Восточная Римская империя. Отзвуки этого очарования доносят до нас летописные источники. «И приидохом же в Греky, и ведоша на, идеже служат Богу своему, и не sweмы, на небеси ли esмы были, или на земле: несть бо на земли такого вида или красоты такая, недоумеем бо сказати. Токмо то вемы, онъде Бог съ человекеы пребывает, и есть служба ихъ паче всих странъ. Мы убо не можем забыти красоты тоя — всякъ бо человекъ, аще преже вкусить сладка, последи же не можетъ горести прияти — тако и мы не имам сде быти» — так описывают свои впечатления послы, вернувшиеся из поездки, в которую их отправил князь Владимир Святославич, готовившийся к «выбору веры». Гимн красоте греческого богослужения был по существу гимном величию византийской цивилизации. Грандиозное великолепие Софии константинопольской не могло, конечно, оставить безучастными рус-

ских гостей, проводивших всю жизнь в рубленых хоромах. Не меньшее впечатление, очевидно, производила величественная система византийской государственности — империи, ведущей свое происхождение из античной древности. Однако именно в том, как на Руси были восприняты основополагающие идеи имперской государственности, видно активное отношение русской культуры (выступавшей в данном случае в качестве реципиента) к богатейшему наследию политической идеологии великого соседа и учителя.

Одним из фундаментальных положений византийской политической идеологии является теория божественного происхождения императорской власти⁵⁸. Знакомство с ней русских книжников не вызывает сомнения. Свидетельства тому мы находим уже в Изборнике 1076 года, где читаем: «Небрежение же о властьхъ — небрежение о самомъ Боже <... > князь бо есть Божий слуга к человеку милостью и казнью к злымъ»⁵⁹. В «Повести временных лет» под 996 год помещен рассказ о том, как «оумножишася зело разбоеве». Владимир, боясь греха, не решался казнить виновников. Проблема была разрешена после того, как епископы объяснили князю: «ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милование»⁶⁰. Под 1015 год в летописной повести об убийении Бориса и Глеба рассказано о том, как Святополк «оканьный и злый», убив братьев, «нача помышляти яко изобью всю братью свою и приму власть Русьску единъ». Летописец обличает его «высокоумие» фразой из книги пророка Даниила, библейскими адресатами которой были чрезмерно вознесшиеся (и поплатившиеся за это) халдейские цари Навуходоносор и Валтасар: «Даетъ Богъ власть, емуже хоцетъ, поставляеть бо цесаря и князя Вышений, емуже хоцет, дасть» (Дан. 4, 22, 30; 5, 21). И рассуждает далее уже в общем плане: «Аще бо кая земля управить предъ Богомъ, поставляеть цесаря и князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля оустраяеть и судью правящаго судъ. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаются согрешения, аще ли зли и лукави бывають, то большее зло наводит Бог на землю ту, понеже глава есть земли»⁶¹.

Летописание более позднего времени продолжило идейную традицию, заложенную ПВЛ. Рассказ об убийении Андрея Боголюбского повествует о том, как «горожане Боголюбскыи и дворане» после смерти князя «разграбиша домъ княж» и учинили еще много беспорядков. «И много зла створися в волости его». В связи с

описанным фактом летописец выдает сентенцию следующего содержания: «Павел апостол глаголет: всякая душа властителям повинуется, власти бо от Бога оучинены суть; естествомъ бо земным подобенъ есть всякому человеку царь, властью же сана яко Бог. Веща бо великыи Златоустец темже противатся волости, противатся закону Божию. Князь бо не туне мечъ носить, Божии бо слуга есть»⁶². Указанный пассаж присутствует как в южной Ипатьевской летописи⁶³ (в той ее части, которая атрибутируется А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым как Киевский свод 1200 г.), так и в северо-восточной Лаврентьевской, с небольшими различиями. Это свидетельствует о том, что к концу XII в. мысль о божественной природе «царской» и, шире, всякой монархической власти достаточно прочно вошла в русскую книжную культуру.

Летописание — не единственный источник. Те же идеи присутствуют в произведениях митрополита Никифора, грека, занимавшего киевскую кафедру с 1104 по 1121 гг. Митрополит писал свои произведения, по-видимому, по-гречески, после чего они переводились на язык вверенной ему паствы⁶⁴. Его перу принадлежат произведения о посте и о разделении церквей на восточную и западную. Взгляды Никифора были детально рассмотрены И. С. Чичуровым: «Вполне закономерно для греческого митрополита константинопольской выучки упоминание в “Послании против латинян” божественного избранничества светского правителя. Никифор пишет о подобающем “княземъ яко отъ бога избраномъ”, соотносит царство земное с небесным (“Единъ бо Богъ царствуетъ небесным, вамъ же, съ его помощью, царствовать земными”), обращается к князям — “избрани бысте отъ Бога” [“Против Латинян”. С. 163]. Метафизически предопределено, согласно Никифору, княжение самого Владимира: “егоже Богъ издалеча проразоуме и предповеле, егоже изъ оутробы освяти и помазавъ” [“О посте”. С. 63]»⁶⁵.

К настоящему моменту представление о том, что общественному сознанию Древней Руси была свойственна заимствованная из Византии идея о божественной основе светской власти, утвердилось в отечественной науке как аксиома и превратилось, в некоторой степени, в схему. В то же время, по-видимому, не все так просто. Рассмотрим некоторые факты, говорящие о том, что бытование данного положения идеологической системы не имело всеобъемлющего характера как в пространственном, так и в хро-

нологическом отношении: в число актуальных элементов интеллектуального обоснования власти оно вошло лишь тогда, когда для этого образовались внутренние предпосылки.

Начнем с того, что в Новгородской первой летописи (далее: НПЛ) младшего извода, которая, как считается, более точно отразила Начальный свод, послуживший протографом одновременно и для нее, и для ПВЛ, метафизическое обоснование княжеской власти проводится гораздо менее интенсивно. Из перечисленных выше сюжетов ПВЛ в НПЛ имеется параллель только к первому («оумножишася зело разбоеве»⁶⁶). В то же время в рассказе об убийстве Бориса и Глеба новгородская летопись не имеет того нравоучительного рассуждения, основанного на фразе пророка Даниила, которое читается в ПВЛ. Следовательно, можно предположить, не было его и в Начальном своде. Отсутствуют в обоих изводах НПЛ и какие-либо богословские экскурсы по поводу смерти Андрея Боголюбского. Думается, это не случайно: следует отметить качественное отличие сюжета о казни разбойников от двух последующих. Если в первом летописец просто передает слова епископов (очевидно, греков), то в рассказах об убийстве Бориса и Глеба или Андрея Боголюбского он говорит как бы «от себя», это «голос за кадром». Именно эти-то последние и отсутствуют в новгородских летописях.

Особенно очевидной становится недопустимость прямолинейных трактовок, если проанализировать такое замечательное по форме и идейному содержанию произведение древнерусской литературы, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Оно неоднократно привлекало внимание исследователей. Сложилось две противоположные точки зрения на концепцию власти у Илариона. Согласно мнению одних, автор «Слова...» первым ввел в сознание русского общества мысль о божественном происхождении власти. Этой точки зрения придерживаются И. У. Будовниц⁶⁷, Н. М. Золотухина⁶⁸, А. Ф. Замалеев⁶⁹, И. Я. Фроянов⁷⁰. Таким образом, она является почти общепринятой. Противоположное воззрение представлено в монографии И. С. Чичурова⁷¹.

Аргументация Н. М. Золотухиной была опровергнута И. С. Чичуровым, показавшим, что строилась она на недоразумении⁷². Он же, опираясь на византийский материал, внес существенные уточнения в понимание фразы «бе благоверие его съ вла-

стию съпрежено»⁷³. «Мысль, сформулированная Иларионом, отвечает основополагающей концепции византийской политической идеологии, согласно которой идеальное государственное устройство подразумевает сочетание власти и православия»⁷⁴. Фраза эта указывает только на особенность положения Владимира, облегчавшую его «миссионерскую» деятельность. А именно на то, что он обладал политическим могуществом, которое дало ему дополнительные рычаги для распространения христианства. Таким образом, невозможно согласиться с исследователями, которые склонны были видеть в ней признак присутствия в сочинении Илариона метафизического обоснования власти⁷⁵.

Вместе с тем следует отметить, что и построения самого И. С. Чичурова небезупречны. Систему доказательств он строит на полемике с работами Н. М. Золотухиной и А. Ф. Замалеева (не отличающимися особой корректностью). Им, однако, проигнорирован довод И. У. Будовница, который подкреплял свое утверждение о том, что «Иларион проводит идею божественного происхождения княжеской власти» ссылкой на то место в «Слове», где митрополит просит Владимира помолиться о сыне «благовернем кагане нашем Георгии» (Ярославе Мудром). Среди дел, в которых Иларион хотел испросить помощи для своего князя, чтобы «въ мире и въ съдравии пучину житиа преплутити», главное — управление *Богом данными ему людьми* («... безъ блазна же Богом даныа ему люди управивъшу...»⁷⁶). Поэтому не вполне обоснованным кажется категоричное утверждение И. С. Чичурова о том, что «мысль о божественном происхождении княжеской власти не нашла у Илариона ни прямого, ни косвенного выражения»⁷⁷. «Трудно предположить, — пишет И. С. Чичуров, — чтобы столь образованный автор, как Иларион, не был знаком с азами христианской трактовки государственной власти»⁷⁸. Предполагать такое действительно нет никакой необходимости — знакомство видно в тексте. Тем не менее в главном с исследователем можно согласиться: идея божественной санкции верховной власти не относится в «Слове» к числу основных. Иларион, безусловно, знаком с ней, но она его не занимает. Он уделяет ей минимум внимания.

То же можно сказать об идейном наполнении «Поучения» новгородского епископа Луки Жидята. Фраза в поучении «бога ся боите, князя чтите»⁷⁹, на которую указывает И. У. Будовниц⁸⁰, вряд ли может быть истолкована однозначно как провозглашение бо-

жественного источника княжеской власти. Это, скорее, призыв к духовной («бога ся бойте») и светской («князя чтите») дисциплине, построенный в виде параллели. Сходный пассаж находим мы в Изборнике 1076 года: «Князя бои ся въсю силою своею, несть бо страхъ его пагуба души нъ паче наоучиши ся отъ того и Бога бояти ся»⁸¹. То есть страх перед князем есть способ научиться, «потренироваться» бояться Бога. В то же время указанный отрывок соседствует в Изборнике с уже цитированным нами моментом («князь бо есть Божий слуга...»), связь которого с концепцией «власть от Бога» очевидна. Значит, если предположить, что составитель сборника и церковный иерарх имели сходный круг чтения, то знакомство епископа с упомянутой концепцией кажется вполне вероятным. Но нельзя сказать, что Лука Жидята уделяет рассуждению на эту тему хоть сколько-нибудь внимания. Не находим мы следов популярности представлений о божественном источнике княжеской власти и в «Сказании о Борисе и Глебе». В занимающем нас аспекте оно ничем не отличается от аналогичного рассказа НПЛ.

В свете вышесказанного судьба интересующего нас идейного конструкта на Руси выглядит, предположительно, следующим образом. В русское общественное сознание он проникает вместе с христианством из Византии. Источник сведений обозначен в повествовании о благочестивых колебаниях Владимира Святого по поводу разбойников — это греческое духовенство, «епископы», а также переводная литература. Идея, однако, пока только скользнула по поверхности сознания, но не вошла в глубину, не стала популярной. Такое положение существовало на протяжении всего XI в. (до 90-х гг., когда, по мнению А. А. Шахматова, был составлен свод, предшествующий ПВЛ). Как было показано, и митрополиту Илариону, и епископу Луке, и автору Начального свода она известна, но для них не актуальна. Русский книжник слышал, что «власть от Бога», читал, например, у Георгия Амартола⁸², а может быть, даже переписывал из какого-нибудь греческого перевода вместе с другими душеспасительными сентенциями, как сделано это в Изборнике 1076 года, но сам пока не привык использовать эту конструкцию в своих размышлениях. «Хронологические пробы» оригинальной русской литературы XI в. — 1037–50-е гг. («Слово о законе и благодати»⁸³), 60–70-е гг. («Сказание о Борисе и Глебе»⁸⁴), 90-е гг. (гипотетический Начальный

свод, отразившийся в НЛ⁸⁵) — показывают, что на протяжении всего этого времени мысль о метафизической основе власти большого влияния не имела. Она содержалась в русской книжной культуре в «свернутом» виде. Ее привезли из Константинополя, но пользоваться ей пока не стали.

Определенные подвижки начинаются с первого десятилетия XII в. При составлении первой редакции ПВЛ программное произведение древнерусской общественно-политической жизни — летописный рассказ о святых Борисе и Глебе — комплектуется упомянутой цитатой из Даниила и построенным вокруг него рассуждением, звучащим как авторская ремарка самого летописца. К этому же времени относятся и сочинения митрополита Никифора, которые написаны хотя и греком по-гречески, но написаны на Руси для русских русским митрополитом, а следовательно, не могут быть уравнены с простыми переводами. В них князья называются «избранными от Бога» неоднократно. Концепция «власть от Бога» начинает использоваться уже не просто как общетеоретическое положение, а в привязке к конкретному политическому материалу. В последующий период она завоевывает определенные позиции в летописной традиции, генетически связанной с ПВЛ. Свидетельство тому — наличие признаков влияния концепции как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях.

Что послужило причиной того, что в начале XII в. концепция «власть от Бога» переживает период активизации? Мы вправе предполагать причины двух видов: во-первых, причины внешние — изменения социально-политической ситуации в стране, те или иные исторические события; во-вторых, внутреннее развитие самой идеологии.

Причины внешнего порядка можно искать в социальном кризисе, разразившемся в киевской земле в конце XI — начале XII в.⁸⁶. По мнению И. Я. Фроянова, осложнению социальной ситуации способствовали княжеские междоусобия, многочисленные рати «от Половец», засуха 1092 г., повлекшая за собой голод и смерти. Распад родоплеменного строя и формирование территориально-общинных союзов привели к потере рядовым населением обычного в догосударственную эпоху механизма защиты в лице родовой организации. Общество вступило в период гражданского развития. Старый родовой механизм поддержания социального равновесия был сломан, а новый оставался еще очень несовершенным.

«Страсть к богатству стала повседневной приметой быта княжеско-дружинного сословия. Отсюда произвол и насилия, чинимые над простыми киевлянами»⁸⁷. Вина за «нестроения» во многом лежала и на княжеской власти. Беспорядки умножались либо с попустительства, либо с прямым ее участием. Великий князь Всеволод Ярославич, когда в результате беспокойной жизни, устроенной ему докучливыми «сыновцами», «печали вьсташа и недужи ему, и приспеваше к нимъ старость; и нача любити смыслъ оуных, и светъ творяше с ними; си же начаша и заводити и негодовати дружины своея первыя, и людем не хотети княже правде. И начаша тивуне его грабити люди и продаяти, сему не ведущу в болезнях своихъ»⁸⁸. Восшедший вслед за Всеволодом на киевский престол князь Святополк Изяславич оказался еще хуже, потому что не только позволял беззакония, но и участвовал в них сам. «Перечень возникших бед, можно сказать, почти исчерпывающий», находим мы в Киево-Печерском патерике⁸⁹. Если в княжение Всеволода бесчинствовали, грабили и продавали людей «унии», члены младшей дружины, пользуясь тем, что князь из-за своего нездоровья не мог за ними следить и полностью им доверился, то теперь ситуация усугубилась. Автор патерика обвиняет в преступлениях самого князя. «Бысть убо въ дъни княжения Святополча в Киеве. Много насилия сътвори людем Святополкъ, дома сильныхъ до основания безъ вины искоренивъ, имени многихъ отъем. И сего ради попустил Господь поганымъ силу имети над нимъ, и быша брани много от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, и глад крепокъ, и скудота велиа при всем Руской земли»⁹⁰. В конце концов киевская община при помощи Владимира Мономаха преодолела вставшие перед ней трудности. Кризис был ликвидирован. Механизм общественной жизни усовершенствован. И опять одним из важнейших инструментов саморегуляции городской общины выступил князь.

Несомненно, сложная социально-политическая ситуация требовала осмысления, политического и богословского. У нас нет оснований жестко связывать «актуализацию» теории божественного происхождения власти с событиями 1113 г. В ПВЛ восшествие Мономаха на великокняжеский престол, как и в «Поучении», не сопровождается метафизической аргументацией. Он восходит на престол «отца своего и дедъ своихъ, и вси людье ради быша»⁹¹. Тем не менее в «Послании о посте» митрополита Никифора к ве-

ликому князю Владимиру мы находим весьма интересные рассуждения о том, каков должен быть правитель, сочетающийся с четко выраженной идеей божественного избранничества самого Мономаха⁹². Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что на подобные рассуждения митрополита подвигли социально-политические коллизии в Киеве, свидетелем которых он стал.

Таким образом, причины внешние в этой ситуации прочно соединяются с причинами внутренними, одной из которых была проповедническая деятельность митрополита Никифора. Выше уже говорилось о «воспитывающем» воздействии церковных иерархов, присылаемых константинопольской патриархией. Невозможно согласиться с И. У. Будовницем, который считал, что «читая сочинения митрополитов-греков — Иоанна, Никифора и некоторых других, можно лишний раз убедиться в том, как далеко они стояли от русской жизни, как чужды были они ее запросам, как безразлично относились они к животрепещущим вопросам русской современности»⁹³. Будучи изначально, конечно, далеки от русской жизни, большинство из них не могут быть обвинены в безразличии к ней и к окружавшим их людям. У нас была возможность видеть, как греческое духовенство объясняло христианские правила Св. Владимиру. Совершенно аналогичное положение возле князя занимает и Никифор: поучает его в разных вопросах. Более того, в состав его паствы, к которой он обращался с учительским словом, входил, конечно, не один князь. Население было уже христианизировано, а в самом митрополите явно чувствуется стремление учить и проповедовать. Недаром он сетовал, что не дан ему «дар язычный», знание русского языка, а значит, возможность свободно говорить с паствой. «Того ради безгласен по среде вас стою и молчу». Невозможность проповедовать устно компенсировалась письменными проповедями, адресатами которых выступали не только князья Владимир Мономах и Ярослав Святославич Муромский, но и духовенство и народ. По-видимому, митрополит Никифор — один из тех деятелей, стараниями которых идея происхождения власти от Бога, а вместе с тем и сам дух византийской политической культуры не только проникли в древнерусское общественное сознание, но и закрепились в нем.

Тем не менее и в XII в. этот комплекс идей продолжал оставаться элементом сознания небольшой группы высокообразованного духовенства, рафинированных интеллектуалов, ориентиру-

ванных на византийскую культуру и идеологию, связанных со знаменитыми монастырями, в которых велось летописание, с митрополичьим двором, в наибольшей мере впитавших греческую образованность. Преувеличивать широту распространения этих взглядов в древнейший период нашей истории не стоит. Это закономерно: политическая система Древней Руси слишком сильно отличалась от имперской. Чтобы развивать идею божественного происхождения власти на русской почве в XI–XII вв., необходимо было иметь достаточно большой навык абстрактного мышления. Далекий северный Новгород, как видно из новгородского летописания, оказался в стороне. Да и на юге люди практические, для которых книжные штудии не были основным занятием, не всегда держались в русле новых веяний. Таким был, например, Владимир Мономах. В его «Поучении» мы находим размышления на различные, очевидно актуальные темы морально-нравственного и просто житейского плана. Обосновывать могущество, давно обоснованное оружием, трудами, «путями и ловами», авторитетом, нашедшим высшее подтверждение в приглашении князя на киевский стол, при помощи рафинированной греческой мудрости, вероятно, смысла не имело. Князь был современником и Нестора, и Никифора, а с последним даже состоял в переписке. ПВЛ составлялась под его покровительством. Два послания Никифора адресованы конкретно Мономаху. То есть византийские идеи по поводу власти, приобретшие популярность в образованных кругах южной Руси в начале XII в., были князю, конечно, известны, но не захватили, как видно из сочинений, автором которых он являлся, его воображения. Формирование его представлений шло в совсем другой идеологической обстановке⁹⁴. «На санех сидя», имея за плечами целую жизнь, опыт реального политика, Мономах вряд ли мог проникнуться теориями, больше похожими на интеллектуальную игру. Политическая идеология интересовала его постольку, поскольку могла послужить практическим руководством к действию. Это хорошо видно в его «Поучении» — одном из самых интересных произведений оригинальной древнерусской литературы. Таким образом, описанный материал позволяет видеть, что восприятие Русью византийского опыта носило активный, деятельный характер: открытость инокультурным влияниям сочеталась в древнерусской книжной, «высокой» среде со вдумчивой избирательностью.

Весьма важным вопросом в изучении истории идейного взаимодействия Византийской империи и Древней Руси является проблема отношения древнерусских идеологов к так называемой «византийской иерархии государств» и к теории супрематии византийского императора, его верховного суверенитета над всеми христианскими государями, составлявшей основу взгляда на окружающий населенный мир, разработанного греческими мыслителями.

Много внимания этой проблеме уделил в своей монографии, посвященной княжеской власти, А. П. Толочко. По его мнению, на Руси уже в XI в. не могли не знать византийской теории о верховенстве императора над всеми христианскими монархами. В качестве доказательства факта знакомства названный исследователь приводит наблюдение М. Д. Приселкова, согласно которому «имперские амбиции» Ярослава Мудрого воплотились в символах, заимствованных из Царьграда-Константинополя: это названия Золотых ворот и Софийского собора. Кроме того, киевскими князьями был заимствован целый ряд важных символов, которые использовались для оформления власти: Богоматерь-Оранта, мозаика с изображением которой украшает конх центральной апсиды Софийского собора в Киеве, северный предел того же собора, посвященный св. Георгию, который воспринимался в Византии как покровитель царей, «позиционирование» Владимира I как «нового Константина»⁹⁵. В то же время А. П. Толочко пишет о том, что «в случае с Ярославом Мудрым трудно все же предполагать сознательное и последовательное стремление к *imitatio imperii* в сугубо византийском духе, как считают некоторые исследователи. Спорадические случаи демонстративного копирования константинопольских обычаев были в то время скорее своеобразной формой отторжения не вполне еще воспитанным в православной традиции русским обществом непонятной ему идеи вселенского характера власти императора»⁹⁶. И только впоследствии «отторжение» сменилось, по его мнению, своей противоположностью — фабрикацией легенд «в византийском духе», что означает «принятие» имперской идеи. Доказательством этому у А. П. Толочко служит, например, постройка Влахернской Богородичной церкви Кловского монастыря (которая должна была копировать Влахернский храм в Византии) при Владимире Мономахе.

Концепция А. П. Толочко была подвергнута критике со стороны А. В. Назаренко, учившего А. П. Толочко в непоследова-

тельности. По его мнению, вряд ли справедливо относить «широкую строительную программу Ярослава в Киеве, явно ориентированную на византийскую столичную модель, к “спорадическим попыткам демонстративного копирования”»⁹⁷, скорее напротив, в действиях князя обнаруживается вполне продуманная и последовательная политика. Кроме того, по мнению А. В. Назаренко, нет никаких оснований видеть принципиальную разницу между отношением к идее империи в домонаховой Руси и в более позднее время: «Почему “копирование” византийских образцов при Ярославе — это “отторжение” идеи империи, а такое же копирование при Мономахе или Андрее Боголюбском (С. 122–123) — это принятие такой идеи?» Это замечание А. В. Назаренко нельзя не признать справедливым. Действительно, никакой существенной разницы в копировании византийской имперской символики на протяжении всего древнерусского периода нет.

К замечаниям А. В. Назаренко следует добавить, что само по себе это копирование еще не может служить доказательством признания Русью верховенства византийских императоров. Все могло быть совершенно наоборот (и при Ярославе Мудром, и при Владимире Мономахе). Причиной того, что Русь примеряла византийские имперские одежды на себя, могло быть в той или иной степени осознанное стремление самой стать вершиной самостоятельной иерархии. Возможность такого положения вещей предусматривает и А. В. Назаренко, когда говорит о необходимости сопоставить древнерусский материал с идеей «внеримской империи» (*romfreies Kaisertum*), «которая стала одним из организующих элементов в процессе становления империи на Западе»⁹⁸.

Кроме того, Русь могла использовать византийские символы для конструирования собственных политических концепций, весьма далеких как от идеи вселенской супрематии византийского императора, так, впрочем, и от идеи империи вообще.

Имеющиеся материалы заставляют думать, что именно такое предположение ближе всего к действительности. Следует обратить внимание на то, что наиболее актуальной необходимостью для Руси, особенно на раннем этапе, была необходимость сформировать представление о себе как о державе мирового масштаба. Именно так можно обозначить общий принцип, просматривающийся в идеологической деятельности русских князей первых столетий отечественной истории. Причем вряд ли правильно будет уравнивать

идею земли «ведомой и слышимой»⁹⁹ с идеей империи, не рискуя чрезмерным расширением лишить это последнее понятие смысла. Идея империи в данном случае не была сколько-нибудь существенной: размышляя в собственной системе координат, Ярослав искал именно средств придания Руси образа великой державы, а Киеву — великого города, сообразуясь со своим оригинальным, стихийно и случайно сложившимся пониманием этого величия. Строили этот образ древнерусские князья и книжники из символов как местного славянского, так и инокультурного происхождения. Из «привозных» чаще всего пускались в дело те, что были известны лучше всего — византийские. В ход шли те элементы, которые могли быть более или менее органично вписаны в местную систему коллективных представлений. Учитывая объем культурного влияния Ромейской державы на восточных славян, неудивительно, что у Ярослава и его последователей неизменно получалась почти «Вторая Византия», но лишь внешне.

Византия не была абсолютным образцом, задававшим направление развития политической идеологии раз и навсегда. «Копировалось» далеко не все. Так, например, по точному наблюдению О. Н. Трубачева, сфера использования христианских имен в княжеской среде была очень ограниченной¹⁰⁰ — князья предпочитали долгое время именовать себя языческими «княжескими» именами, что свидетельствует об отсутствии культурной монополии византийского влияния в сфере политической идеологии. Назваться греческим именем было вроде бы проще, чем построить собор, но почему-то князья не спешат это делать, хотя христианское имя гораздо быстрее сделало бы их «похожими» на византийских императоров, чем изменение архитектурного убранства столицы. Кроме того, стараясь придать киевскому князю большую значительность и величие, на Руси стали использовать отнюдь не греческую титулатуру («василевс», «деспот» и пр.), а титул «каган», имевший тюркское происхождение. Образ хазарского владыки (а до него и аварского), носившего этот титул, надо полагать, был воплощением мировой власти и мощи для славян на протяжении нескольких столетий еще до прихода Рюрика. Оказалось, что древняя традиция предпочтительней. Значит, в политическом сознании русского княжеского рода оставалось еще довольно много пережитков родового, языческого, догосударственного наследия, которое невозможно определить через понятия, взятые из лекси-

кона византийской и западноевропейской общественно-политической мысли. Нет никаких оснований считать, что постройка Софийского собора или Золотых ворот — это признание или отторжение идеи супрематии византийского императора. Не менее бездоказательным будет предположение, что этот «градостроительный текст», которому вторил и митрополит Иларион, — это претензия на императорский титул. Используемые имперские символы приобретали на Руси новое значение — значение, не сводимое к идее империи в той или иной трактовке. Это была идея великой и славной страны «яже ведома и слышима есть всеми четырьмя конци земли», идея, вызревшая в рамках совершенно иного понятийного аппарата. Для политики, проводимой в курсе этой идеи, характерна ориентация на внешние, «представительские» признаки значительности и величия, понимаемые вполне по-варварски, то есть без особого внимания к сущностной стороне, к тонким оттенкам значения, придаваемым этим символам в рамках культуры, их породившей. Строительство Софийского собора и Золотых ворот — явления, сопоставимые с выпуском золотых и серебряных монет при Владимире I, Святополке Окаянном и Ярославле: экономической необходимости в этих монетах не было, в денежном обращении они существенной роли не играли (поэтому их выпуск и прекратился довольно скоро) и даже не отражали местную денежно-счетную систему¹⁰¹. Они были выпущены, скорее всего, потому, что наличие собственной монеты (внешне исполненной по византийскому образцу) воспринималось как обязательный элемент «настоящей» державы. Точно так же и архитектурные памятники, «обслуживавшие» в Византии идею империи, для русских князей были символами того, что они и их предки «не в худе <...> и неведоме земли владычествоваща, нъ въ Русьске», и только.

К супрематии византийских императоров отношение было вполне безразличным и неопределенным. Равно как и к возможности самим стать в том или ином виде «императорами». Думается, позиция Илариона по этому вопросу — это и не «зеркальное отражение»¹⁰² византийских концепций (А. П. Толочко), и не красноречивое молчание «*qui tacet, clamat*»¹⁰³ (А. В. Назаренко), а просто обыкновенное невнимание. В данном случае такая гипотеза является наиболее простой и, следовательно, наиболее вероятной. Иларион, будучи образованным книжником, скорее всего знал об

этом комплексе идей, но они его нисколько не занимали, как не занимала его, например, идея божественного происхождения царской/княжеской власти, хотя и о ней, как уже говорилось, он знал. Весьма показательно также молчание на эти темы и других оригинальных письменных источников, и то довольно вольное и беспорядочное употребление царского титула, которое наблюдается в древнерусской литературе. Система ментальных координат для развития политической идеологии в домонгольский период продолжала оставаться своей, оригинальной. Причина этого, очевидно, была в том, что реалии Византийского государства слишком сильно отличались от русских, делая крайне затруднительным прямое перенесение идейного багажа империи на славянскую почву. Другая причина заключалась в том, что сами византийцы не проявили должного старания и внимания к новокрещенной Руси, отведя ей слишком низкое положение в своем миропорядке, надолго тем самым отбив у северных варваров желание «играть по их правилам», то есть мыслить в византийской системе координат. Хотя, быть может, в самом начале, сразу после крещения, такое желание у русских князей и было. Ведь византийский мир, завораживавший величием древней культуры, имел для славян безусловную привлекательность и вызывал стремление к нему приобщиться. Но у византийцев были выработаны меры для удержания на приличной дистанции соседей-варваров. Константин Багрянородный в своем «учебном пособии» «Об управлении империей» формулирует целый набор теорий «для внешнего пользования», согласно которым просящим богатых и престижных подарков варварам должно было внушать, что и царские одеяния, и венцы, и мантии есть вещи неземного происхождения и поэтому не могут быть посланы им. Причем в перечне народов, для которых Константин заготовил шаблоны ответов-отказов, росы соседствуют с хазарами и турками¹⁰⁴. То есть Русь, сохранившая и развившая впоследствии многие традиции византийской культуры, не входила в число «приоритетных партнеров» восточно-римской цивилизации. Император в своем сочинении уравнивал русских христиан с враждебными империи и, что самое существенное, нехристианскими народами. Отсутствие льстящих самолюбию почестей закономерно приводило к отчуждению, к желанию игнорировать византийскую иерархию государств, в которой Руси на протяжении нескольких столетий не удавалось «продвинуться». Макси-

мум, чего удалось достигнуть в этом направлении, — это браки двух русских князей (Владимира I Святославича и Всеволода Ярославича) с невестами константинопольского правящего дома, но честь иметь родственные связи с императором не распространялась на весь княжеский род, а лишь на отдельных его представителей (собственно, похвастаться этим могли только мономашичи). Перечень же возможных и не полученных Русью почестей был весьма солидным. Русская митрополия оставалась в числе малозначительных, русские князья не смогли, как ни старались, добиться права влиять на назначение митрополитов. Как было отмечено А. В. Назаренко, источники молчат о пожаловании русским князьям сенаторских титулов¹⁰⁵, что было в обыкновении при построении дипломатических отношений с главами соседних государств. То есть, может быть, какие-то титулы и были пожалованы, но, весьма вероятно, они казались русской стороне слишком низкими, чтобы ими гордиться, а значит, и упоминать о них было незначительно (впрочем, об этом предмете молчат и греческие источники). И наконец, русские князья, в отличие от венгерских королей, не удостоились чести получить из рук императора ни венца, ни иных символов власти, столь ценных и престижных в мировоззрении людей той эпохи¹⁰⁶. Впрочем, возможна и обратная зависимость — русские князья не преуспели в продвижении по византийской лестнице из-за отсутствия в них большого стремления к этому продвижению.

Не способствовала стремлению так или иначе усвоить имперскую идею и позиция греческих иерархов, присылавшихся константинопольской патриархией на русский митрополичий престол. По мнению В. М. Живова, на «миссионерское» по сути служение в Киев «отправлялись люди, для которых гуманистическая культура столицы не имела особой ценности». Это были приверженцы аскетической традиции, менее интеллектуально изысканной и, что самое важное, сохранившей «ряд моментов раннехристианского противостояния языческой империи»¹⁰⁷.

В сложившейся обстановке развитие политической идеологии на Руси пошло в направлении, не совпадающем с линией, намеченной византийской традицией. Была выбрана ориентация на свои собственные, оригинальные образы и ценности. Набор византийских идей использовался лишь в качестве деталей конструктора, которые служили украшению самодельной идеологичес-

кой системы. Причем византийский набор деталей был далеко не единственным, из которого брался материал. Был там в наличии и весомый тюркско-хазарский пласт (титул «каган», возможно боярин)¹⁰⁸.

Мифология и эмпирический опыт в представлениях о «чужих».

Представления о внешнем мире в Древней Руси черпались как из опыта практического общения с ближайшими соседями, так и из литературных источников (в основном переводных, таких как «Хроника» Георгия Амартола или «Книга Иосиппон»). Реальные сведения в них сочетались с мифологической традицией. Так, например, амазонки, по мнению В. Я. Петрухина, «в разных традициях (восходящих к античной) отмечают не историко-географические реалии, а, напротив, неосвоенную часть ойкумены в пространственном отношении или доисторическую (мифологическую) эпоху <...> во временном отношении»¹⁰⁹. О них можно было узнать только из какого-нибудь византийского сочинения. И напротив, греки, степные кочевники, варяги были известны не понаслышке. Характерно, что древнерусский книжник не делал разницы между настоящими и мифологическими народами. Его задачей было объединить все доступные ему сведения в единую систему, в которой и фантастические амазонки, и реальные половцы заняли бы предназначенное им место. Точнее, главная цель работы заключалась в том, чтобы органично «встроить» факты реальной жизни в мировоззренческую систему, воспринятую вместе с византийской образованностью. Этим объясняется желание летописца облечь литературный портрет половцев в форму, аналогичную форме описания неведомых «беззаконных», «скотских» народов типа халдейцев, британцев или амазонок. Странная, на первый взгляд, привычка путешественного по Святой Земле игумена Даниила все измерять и излагать в верстах, саженьях, штуках и пр. — продиктована тем же стремлением. По сути, автор летописи, рисуя мифологическими красками портрет реальных половцев, и Даниил, старательно подсчитывающий количество колонн в храмах и обмеряющий Гроб Господень, стремятся к одной и той же цели — связать воедино сферы сакрального и реального, примирить образно-символическую¹¹⁰ и рациональную формы мышления. Разница в том только, что в летописи сделана попытка выразить реальность через мифологические образы (здесь можно вспомнить и «теорию Божьих казней»), а в «Хождении», наобо-

рот, сакральное пространство, на котором некогда разворачивались события библейской истории, осваивается при помощи нарочито мирских, приземленных понятий.

Соединение божественного и земного привело к возникновению некоего срединного слоя в картине мира. Характерные черты этого явления были проанализированы В. С. Горским. По его мнению, в картине мира, свойственной культуре Древней Руси, существовало пространство, занимающее промежуточное положение между небесными силами и земными. Древнерусские мыслители не были склонны противопоставлять божественное и человеческое. Второе мыслилось гармоничным созданием первого. Сферы эти находились во взаимном непосредственном контакте. Область контакта и есть — «срединный слой». В нем объединялись черты сакрального и реального. Мир людей сообщался с вышними сферами посредством молитв, ангелы (особенно архангел Михаил) принимали участие в повседневных делах смертных, Богородица выступала заступницей и ходатаем перед Богом¹¹. Если развернуть схему В. С. Горского в пространстве, то можно заметить, что степень взаимосвязанности, смешанности сакрального и земного будет нарастать по мере удаления к окраинам известной русскому человеку ойкумены. В конечном итоге обе эти сферы смыкаются где-то на краю населенного мира: недаром, по древнерусским представлениям, в рай, помимо «естественного» пути, можно попасть и при жизни — после долгого путешествия. Представление о том, что рай находится на земле, только очень далеко, нашло, например, отражение в «Сказании отца нашего Агапия» — апокрифе, дошедшем до нас в списке XII в. Агапий выходит из монастыря, в котором он был игуменом, держит путь посуху, потом переправляется через море и попадает в сад. Сад этот прекрасен. В нем различные деревья, цветы, плоды, которых никто никогда не видел. На ветвях деревьев сидят птицы в разнообразном оперении и великолепно поют. «Агапий же наслушавъ ся и напитавъ ся отъ овоща и испочив от труда». Потом на дорожке в саду он увидел людей в белых одеждах. Когда они приблизились, Агапий «узьре Исуса въ славе велице» и поинтересовался у него, что это за люди и куда он попал? Выяснилось, что люди — апостолы, а место — не что иное, как райский сад. Агапий выразил желание остаться здесь навсегда. Это, однако, не входило в планы Господа. Игумену было приказано возвращаться назад. На обрат-

ном пути Агапий подходит к стене высотой до неба, которая окружает рай. Там он встречается с человеком, Ильей Тезвитянином, который показал ему много разных чудес, а потом проводил через «оконце» в стене. В целом рай апокрифа напоминает ухоженный парк с дорожками, ручьями, животными, птицами и плодовыми деревьями¹¹². Согласно системе мира, изложенной в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, рай расположен далеко на востоке, за океаном. В принципе до него тоже можно добраться морским путем¹¹³. Конкретную географическую привязку имеет и ад. По мнению игумена Даниила, он находится под дном Содомского, или Мертвого, моря. Сделать такой вывод, по видимому, его заставил сернистый запах, исходящий от воды: «смрад исходит из моря того, яко от серы горяща, ту бо есть мука под морем тем»¹¹⁴.

Помимо рая и ада в дальних краях находятся страны, где обитают существа, которых можно назвать людьми только с большой натяжкой. О них рассказывается в некоторых произведениях, известных древнерусскому читателю (в основном переводных). Это вполне понятно, так как страны эти, уже в силу своей удаленности и загадочности, недоступны для обыкновенного путешественника. Рассказ о них, как правило, ведется не столько с информативной целью, сколько является способом построения неких идеальных социальных моделей — утопий или антиутопий. Страна Утопия древнерусского общественного сознания — это Индия. Представление о ней, если опираться на известия, встречающиеся в древнерусской литературе, может сложиться очень противоречивое. С одной стороны, индийцы, как говорилось выше, «убийстводеица, сквернотворяще и гневливи и паче естества; въ нутренейший же стране ихъ человек ядуще и странствующихъ оубиваху, паче же ядять яко пси»¹¹⁵. С другой — где-то в тех же краях живут «рахманы», мифический народ, который повстречал во время своего похода Александр Македонский. Об этом повествует средневековый роман «Александрия», переведенный с греческого не позднее середины XIII в.¹¹⁶ О том, что рахманы — обитатели Индии, можно судить по тому, что встреча с ними у Александра произошла после победы над царем Пором. Рахманы — пример благочестивого существования. В тексте нигде не акцентируется внимание на том, христиане ли они, понятно только, что они отличаются святой жизнью. Они не имеют никакого имуще-

ства, даже одежды, поэтому и называются «нагомудреци». Глава у них — игумен. Кормятся они тем, что дает им природа. Жены и дети их предстали перед Александром, «яко стада на пастве». Они сразу предупреждают, что воевать с ними бесполезно, — у них нечего взять. Зато они очень мудры. Александр задает им различные вопросы, похожие на загадки. Например, «“что есть боле, земля или море”? Они же реша: “земля, ибо то само море землею подьдержится”. Паки же въпроси: “что есть во всехъ животныхъ лукавее?” Они же реша: “человекъ”», и т. п. В образе «нагомудрецов» рахманов в романе дается модель некоего совершенного общества, построенного на доведенных до логического завершения евангельских максимах. Они не имеют собственности, полагаются во всем на волю Божию. Не воюют, проводят время в молитвах. В то же время в тексте проводится мысль об ограниченности показанного идеала, недоступности и, что особенно важно, необязательности его для широких масс. Она видна в диалоге, которым завершается встреча царя с «нагомудрецами». Рахманы спрашивают у Александра, для чего ему все его победы, если он не бессмертен, ведь он не сможет ничего унести в могилу. На это великий полководец отвечает, что, во-первых, как и все в мире, действует он по промыслу Божию, а не по своей личной воле. И, кроме того, если бы все люди «единъ нравъ имели, празденъ убо бы весь миръ; по морю быша не плавали, земли быша не делали, детино роженъе не было»¹¹⁷. По сути, это был один из вариантов ответа на вопрос о смысле жизни в древнерусской литературе.

Еще более впечатляющие черты приобретает Индия в «Сказании об Индийском царстве» — греческом литературном произведении XII в., попавшем на Русь, как предполагают, в XIII–XIV вв.¹¹⁸ Сказание построено в виде ответа мифического индийского царя Иоанна византийскому императору Мануилу, желавшему узнать о силе царства и его чудесах. Иоанн, «царь и попъ, над цари царь», описывает свою страну. Она огромна. В одну сторону нужно идти десять месяцев, а до другой стороны дойти невозможно, потому что там «соткнуся небо с землею». Страна населена разнообразными чудовищными народами. В одной области живут немые люди, в другой — рогатые, в третьей — трехногие, а иные люди — девяти сажень, а иные — с четырьмя руками, а иные — с шестью. Кроме того, есть земля, где у людей половина тела собачья, половина — от человека. Существуют в «Индии»

люди, у которых глаза и рот располагаются на груди. Есть такие, у которых сверху — большие рты, другие имеют скотьи ноги. Есть люди, которые наполовину птицы, а у других собачьи головы. При всем при том страна православная: Иоанн «поборник по православно́й вере Христове». Далее идет описание различных чудес, которыми богата «Индия» и которые могут дать представление о ее истинном величии. В стране водятся чудесные звери: например, «крокодилъ зверь лютъ есть, на что ся разгневает, а помочится на дерево или на ино что, в той час огнем сгорит».

Несмотря на то, что «Сказание» является переводным греческим произведением, образ «Индии» как «далекой, прекрасной, богатой, но вместе с тем немного пугающей страны» прочно вошел в древнерусскую культуру. В качестве таковой она фигурирует в эпосе, в былинах о Дюке Степановиче. Многие списки «Сказания» имеют предисловие, в котором царь Иоанн говорит послам: «цены твоего царства не хватит тебе на хартию, потому что невозможно тебе описать моего царства и всех чудес моих»¹¹⁹. В былинe находим аналогичный сюжет. «Дюкова матушка» говорит послу Добрыне:

Вы эй мужики, вы обценщики,
Вы скажите-ко солнышку Владимиру:
На бумагу-ту пушай продаст весь Киев-град,
На чернила-ты продаст весь Чернигов-град...¹²⁰

Сходным образом изображается «городской ландшафт». В «Сказании»: «В верху тех полат учинена два яблока златы, в них же вковано по великому камению самфиру, того ради, дабы хоробрость наша не оскудела. Суть бѣ 4 камени на столпех, того ради, дабы потворницы не могли чаров творити над нами»¹²¹ и т. д. В былинe:

Там крышечки в домах золоченыя,
У них маковки на церквах самоцветныя <...>
Мостовые рудожелтыми песочками изнасыпаны,
Сорочинские суконца припазостланы...¹²²

Архетип построения всех чудес примерно одинаков. В основе его лежит прием увеличения количественных характеристик хорошо знакомых в повседневной жизни явлений или предметов, то есть гиперболизация (искатели жемчуга ныряют в воду на 3–4 месяца, чтобы обойти царский дворец, нужно пять дней и пр.)¹²³. Та-

ким образом, представление о дальних странах практически сливается в древнерусском сознании с мифом, былинной и сказкой.

Осмысление феномена Руси в древнерусской книжной культуре XI–XII вв. Как было показано, представления древних о мире были наполнены самыми фантастическими мифологическими образами. Сам стиль мышления летописца был весьма далек от аналитических приемов современного человека. На таком фоне и восприятие самой Руси, то есть той общности, которую древнерусские книжники считали «своей», имело достаточно существенные особенности. Недаром проблема осознания единства Руси вызывает такое количество споров. Тема эта чрезвычайно важна, поэтому следует остановиться на ней подробнее. Осознавали ли люди Древней Руси ее как целостность даже в те времена, когда территория эта была разделена между самостоятельными государствами? И вопрос еще более существенный — как формировалось сознание групповой общности? В каком качестве Русь существовала в умах современников: как этнос или как конфедерация самостоятельных государств, объединенных только единой княжеской династией и властью митрополита киевского? Вопрос принципиальный, ведь подчас сознание групповой общности — единственная связующая нить, составляющая источник жизни социума тогда, когда более «материальные» связи по тем или иным причинам «не держат». Более того, в ретроспективе особенно явственным становится факт, что чаще всего в определении границ исторических общностей иных критериев, кроме существовавших у людей представлений о том, где они пролегают, просто нет. Поэтому особенно важным представляется уяснить, как осмыслялось существование русской общности на самых ранних этапах ее возникновения, в эпоху, когда Русь переживала период становления государства и этноса (а стало быть, не имела в полной мере ни того ни другого), а русские книжники делали еще только первые попытки осмыслить феномен ее появления на мировой арене.

Вопрос этот имеет довольно обширную литературу, в которой процесс оформления идеи Руси как общности рассматривается в ключе становления этнического самосознания. В статье «Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет”» Н. И. Толстой предложил условную парадигму, или сетку-модель характеристики славянского самосознания, включающую следующие компоненты-пока-

затели: 1. религиозный; 2. общеплеменной; 3. среднеплеменной; 4. частноплеменной; 5. государственный. По мнению ученого, у Нестора религиозное сознание — христианское, общеплеменное — славянское, среднеплеменное — русское (которое, правда, «еще созревало и не занимало ключевой доминирующей позиции»), частноплеменное — полянское, и государственное — «причастность к Русской земле». «В процессе исторического развития тот или иной показатель становится доминантным, и эта система доминант и их взаимного соположения характерна для истории и развития национального самосознания каждого славянского народа»¹²⁴.

При общей стройности модель Н. И. Толстого обнаруживает, однако, ряд существенных недостатков. Как ни странно, хуже всего она работает именно на восточнославянском материале (очевидно, именно поэтому Н. И. Толстой использовал в качестве примеров ляхов-мазовшан и поэзию Николая Ключева, а не собственно днепровских полян). Во-первых, вне зависимости от того, является ли «Русь» этнонимом местного днепровского или пришлого скандинавского происхождения, генетической связи между Русью и, например, дреговичами нет. И здесь вряд ли существенно меняют дело оговорки по поводу «еще созревающего» компонента, так как в отношении тех же лютичей, мазовшан и поморян речь идет именно о происхождении от ляхов («Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии: Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне»¹²⁵), в то время как днепровские поляне, древляне, северяне и пр. в трактовке ПВЛ происходят прямо от славян. «Созревать» здесь, собственно, нечему. «Русь» и «ляхи» для летописца — понятия совершенно разных порядков. Во-вторых, «среднеплеменной» и «государственный» компоненты в указанной модели дублируют друг друга — в обоих случаях фигурирует «Русь», «Русская земля». Это, очевидно, должно означать, что в рамках политического образования формируется этническая общность, но ясности в понимании особенностей мировоззрения летописца это не добавляет, так как остается непонятно, что же для Нестора «Русь» — народ или политическое объединение?

Слабое звено рассмотренной концепции, как кажется, заключается в том, что Н. И. Толстой пытался приписать мировоззрению летописца ту строгую логичность, которой в его произведе-

нии не было и быть не могло в силу особенностей мышления средневекового человека, для которого было характерно гораздо более свободное построение логических связей, чем то привычно современному человеку¹²⁶. «Историко-этнографический очерк», которым открывается ПВЛ, сам по себе очень противоречив. Прежде всего потому, что, как уже было сказано, он является в действительности не «историко-этнографическим», а, скорее, историко-богословским очерком. Анализируя его, следует иметь это обстоятельство в виду. Исследуя самосознание, необходимо по возможности воссоздавать ход мысли исследуемого объекта, так как, подходя к материалу с заранее заготовленным трафаретом (в данном случае это понятие «этническое самосознание»), мы рискуем увидеть сквозь намеченные нами «окошечки» картину либо искаженную, либо вообще вполне бессмысленную и лишенную внутренней логики.

Попробуем рассмотреть имеющийся материал, используя понятия, близкие тем, которыми оперировал сам летописец, и опираясь на его программу раскрытия вопроса «откуда возникла Русская земля».

Согласно логике летописи, желая определить место Руси в мире, Нестор первым делом вписывает ее в библейскую классификацию, производящую три большие части человечества от сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета (Бытие. 10, 5). Таким образом, первая координата, первый компонент самосознания летописца — отнесение Руси к «жребию Афетову»¹²⁷.

Обращение летописца к этой классификации не стало лишь эпизодом развития книжной традиции. Представление о Руси как стране потомков Иафета закрепилось в самосознании. Свидетельством этому служит тот факт, что спустя столетия в памятнике севернорусской, новгородской исторической мысли XVII в. «О истории еже о начале Руския земли и создании Новогграда и откуду влачашеся род Славенских князей» эта сугубо библейская конструкция предстает перед нами в «доработанном» местными мыслителями виде. По сути мы имеем дело с абсолютно новой историко-мифологической конструкцией, в которой привнесенного славянского (новгородского) уже гораздо больше, чем изначального библейского. По этой легенде, вошедшей во многие памятники письменности XVII в., Новгород изначально назывался Словенск Великий, в честь его основателя Словена, родоначальника славян, и

потомка Скифа, который, в свою очередь, был Иафетовым правнуком¹²⁸. Помимо авторитета христианской традиции на использование именно этой «координаты» в качестве начальной в ПВЛ, очевидно, оказало влияние еще и то, что построена она была на элементарном генеалогическом принципе, близком и понятном человеку раннего средневековья, едва вышедшему из родовой эпохи. Летописная концепция, возможно, была выстроена в противовес языческим представлениям, зафиксированным «Словом о полку Игореве», согласно которым Русь мыслилась как «жизнь Дажь-Божа внука»¹²⁹, то есть, по сути, как наследие потомков Дажьбога. Языческой мифологии была противопоставлена, таким образом, мифология библейская (противопоставлена, как показывает «История» о Словене и Русе, успешно).

Следует отметить, что уже на этом этапе рассуждения летописца с точки зрения строгой формальной логики не вполне безупречны. Во-первых, начав перечислять народы «жребия Афетова», он, не завершив списка, прерывает его, а затем вносит дополнения, открывающиеся фразами «Въ Афетови же части...», «Афетово бо и то колено...»¹³⁰. Во-вторых, некоторые народы (в том числе и русь) в списке повторяются. В науке неоднократно предпринимались попытки обнаружить в данном перечне логику. Одна из последних, весьма основательных, предпринята В. Я. Петрухиным¹³¹. Им проанализирован перечень народов, данный в ПВЛ после вводной фразы «Афетово бо и то колено...», в который вошли: «варязи, свей, урмане, готе, русь, агляне, галичане, волхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове». По его мнению, «варязи» и «волхва» — это общие наименования групп народов, которые перечисляются следом¹³². То есть список имеет следующую форму: «ВАРЯЗИ: свей, урмане, готе, русь, агляне, галичане; ВОЛХВА: римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове». Однако в этом случае не совсем понятно положение в нем «галичан», которые, кажется, более уместно смотрелись бы в списке народов, находившихся в орбите «волхвы». Тем не менее, несмотря на отсутствие полной ясности в рассуждениях летописца на этом первом этапе, бесспорным остается то, что наиболее общая координата происхождения и славян, и Руси (на этом этапе у летописца нет необходимости дифференцировать эти понятия, так как и те и другие происходят от одного корня) — это их генеалогическая связь с потомством Иафета.

Следующий смысловой блок, который может быть без существенных натяжек выделен из рассказа летописца, посвящен определению соотношения понятий «славяне», «поляне», «варяги» и «Русь». Современному формально-логически рассуждающему читателю из объяснений летописца так или иначе понятными оказываются следующие положения.

Во-первых, славяне, происходящие от Иафета и первоначально жившие на Дунае, по прошествии лет разошлись по земле и приобрели различные имена, оставшись при этом общностью, связанной единством происхождения, языка и грамоты (то есть письменности и, может быть, литературного языка).

Во-вторых, киевляне — это в прошлом поляне и, следовательно, тоже славяне, так как «поляне» — одно из «имен», приобретенных частью славянской общности после расселения.

В-третьих, современная летописцу «Русь» охватывает только славянские племена, в то время как в прошлом «русь» — это одна из разновидностей «варягов», от которых название вследствие вокняжения варяжских (а именно русских) князей перешло на славян¹³³. О том, кто такие, по мнению летописца, «варяги», косвенно можно заключить из того, какие этнонимы поставлены им в перечень, охватываемый этим понятием. Это шведы, норманны, англичане и готы. Живут они возле «варяжского» моря (хотя география их расселения дается весьма туманно). Читателю наших дней многое остается о варягах непонятно. Прямо не обозначено взаимное отношение народов, охваченных этим понятием (русь, шведы, норманны, англичане и готы родственны или объединены по иному критерию, например, культурному или географическому)? Каким образом новгородцы могли поменять свою родовую (племенную) принадлежность и стать вдруг «от рода варяжского» (это идет вразрез со всеми представлениями о механизмах функционирования родового общества)? Эти неясности в конечном итоге и дают основания непрекращающемуся спору между исследователями по поводу так называемой «норманнской проблемы». Ясно, впрочем, что варяги в понимании летописца — общность не местная, пришлая, к славянству, расселявшемуся с Дуная, отношения не имеющая.

Как видим, объем информации достаточно большой. И, очевидно, для современников данные летописцем объяснения, «откуда есть пошла земля Русская», были вполне достаточны. Однако

если рассуждать в рамках современного терминологического аппарата, «Русь» оказывается понятием с таким набором характеристик, который никуда не вписывается. Это не этнос в полном смысле слова, но и не государство. Многозначность понятия «Русь» у Нестора — факт, на который обращали внимание многие исследователи. А. И. Рогов и Б. Н. Флоря считают, что «для Нестора и для его предшественников “Русь” и “Русская земля” — это одновременно обозначение и особого народа, и особого государства»¹³⁴. По мнению В. В. Седова, «русь в X–XIII вв. одновременно и этноним, и политоним»¹³⁵. О многозначности понятия «Русская земля» пишет В. М. Рычка¹³⁶.

Причина этой многозначности отмечается большинством исследователей совершенно определенно — это незавершенность процесса образования государства и этноса на момент создания летописи. По удачной формулировке, данной А. И. Роговым и Б. Н. Флорей, «Русь как этническая общность, совпадая с государством, именно этим аспектом наиболее ясно отделялась, с одной стороны, от восточнославянских “племен”, с другой — от славянской общности»¹³⁷. Нельзя, однако, согласиться с мнением названных исследователей о том, что Нестору были известны лишь два термина для обозначения этнических общностей — «род» и «язык». Существовал еще один термин, который используется летописцем для осмысления сущности описываемого явления достаточно широко. Это термин «земля». На первый взгляд кажется, что слово это имеет отношение не к сфере этноса, а лишь к территории. Однако это не так. Внимательный анализ всего круга значений показывает, что во многих случаях появлялось значение «народ»¹³⁸. Можно привести целый ряд примеров — первый находим в самом заголовке ПВЛ: «Откуда есть пошла земля русская». Здесь слово «земля» употреблено в смысле нерасчлененном: и народ, и территория (народ — в первую очередь, так как территория не имела в мировоззрении той эпохи такого большого значения, как придается ей сейчас¹³⁹), откуда «пойти» мог именно народ. В этом смысле близким этому слову было слово «страна», значение которого также отличалось от современного. Это было не просто «государство» и «область»¹⁴⁰. Только слово «страна» употреблялось для обозначения чужих земель, для Руси оно, как правило, не использовалось (что понятно: страна — сторона — сторонний — странник — stranger /чужак/). В древнерусской литературе часто *земля*/

страна — это широкое понятие, в котором было интегрировано представление о территории, объединяющей некую человеческую общность со своими жизненными устоями, нравами, обычаями и властью. Именно так употребляет это понятие митрополит Иларион в своем «Слове»: «Хвалить же похвальными гласы Римская *страна* Петра и Паула, имаже вероваша въ Исуса Христа, Сына Божия; Исиа и Ефесь, и Патмъ Иоанна Богословьца, Индиа Фому, Египеть Марка. Вся *страны* и гради, и людие чтуть и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша я православней вере. Похвалимъ же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашаа земли Володимера, вѣнука старааго Игоря, сына же сланого Святослава, иже в своа лета владычествующе, мужьством же и храборьством прослуша въ *странах* многих, и победами и крепостию поминанюся ныне и словуть. Не въ худе бо и неведоме *земли* владычествоваша, нѣ в Русьске, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли»¹⁴¹. Отзвук самостоятельного значения слова «страна», не сводимого ни к государству, ни к территории, ни к народу в отдельности, а объединяющего все эти понятия, в современном языке сохранился, например, в выражении «дальние страны». Именно к такому понятию, к земле/стране и вел свое рассуждение Нестор, и, доведя объяснение до границ понимания, обусловленных этим термином, он остановился. Он рассказывал не о генезисе государства, не о происхождении народа, а именно о земле/стране в древнерусском ее значении. Он писал о той общности, которая реально существовала, и употреблял для этого термин, лучше всего к тому подходящий. «Русь» в ПВЛ не «язык», не «род» и не «княжество», это земля/страна. Народ, ее населяющий, происходит от Иафета и говорит на славянском языке, на котором говорят многие люди не в одной только Руси. Название свое и княжеский род страна эта получила от чужого народа — варягов-руси, которые в лице своего князя были приглашены для наведения порядка — примерно так может быть передана концепция русской общности в «Повести временных лет».

Особый пункт построений летописца — религия. Принятие христианства и образование русской митрополии стало важным этноконсолидирующим фактором¹⁴². Наряду с княжеским родом церковная организация служила объединяющим началом, действие которого не прерывалось даже тогда, когда русские городские во-

лости переживали период политической разобщенности. Конфессиональные отличия играли роль принципиального критерия отделения «своих» от «чужих». Однако православная вера воспринималась как национальная лишь на бытовом уровне. И хотя в повседневной жизни «бытовая» классификация чужаков строилась преимущественно не по национальному, а именно по религиозному признаку¹⁴³, в сфере идеологий, в представлении ученого-книжника православие не имело значения символа национальной спецификации. Как раз наоборот. Исповедание христианства было характеристикой, при помощи которой летописец вводил Русь в общность высшего порядка — мир праведно верующих стран: «Мы же, христиане, елико земель, иже веруют в святую Троицу и в едино крещение, и в едину веру, закон имам одинъ, елико в Христа крестихомся и в Христа облекохомся»¹⁴⁴. Отделяя Русскую землю от незаконных и нечестивых народов, православие делало ее частью светлого мира народов «правильных», обозначая тем самым ее положение во вселенском противостоянии сил добра и зла.

Таким образом, пути осмысления феномена Руси летописцем в достаточной степени отличались от того шаблона, с которым часто подходят к его произведению исследователи наших дней. Он отвечал на вопросы, существенно отличающиеся от тех, которые занимают современного ученого, и ответы на которые наука пытается найти в его произведении. В центре его внимания — не народ и не государство (представляющие основной интерес для современного человека). Этнические и политические отношения для него — лишь элементы сложной картины, не имеющие самостоятельной ценности. В центре его внимания — земля/страна, именно в рамках этого понятия конструируется осмысление этно- и политогенетических процессов в ПВЛ. Понятие земли/страны широко используется на страницах летописного труда. Границы этого понятия существенно отличаются от современного значения слова «страна», подобно тому как существенно отличается понятие «философия», которое в древнерусской культуре включало в себя без разделения многие отрасли гуманитарного знания, институализировавшиеся ныне в отдельные дисциплины¹⁴⁵. Земля/страна — это и территория (границы которой определяются достаточно приблизительно — как перечень географических ориентиров мест расселения ее обитателей, прежде всего бассейнов рек, а кроме того,

лесов, озер, гор, торговых путей), и общность, культурное и политическое пространство в его неразделимом единстве.

Происхождение от Иафета, славянский язык и грамота, название и княжеская династия от пришлых варягов-руси, включенность в христианский мир — вот координаты, описывающие положение Русской земли среди других стран в «Повести временных лет».

Мы можем причислить (хотя и с некоторой натяжкой) такое понимание Руси, сконструированное при помощи понятия земли/страны, к явлениям этнического самосознания, но с той лишь оговоркой, что совпадение в данном случае не буквальное (ведь «земля» все же не совсем и не только «этнос»); однако вряд ли перекодировка мысли летописца на язык современной науки возможна в более адекватных формах.

Обобщая изложенный материал, можно сказать, что картина мира человека Древней Руси XI–XIII вв. строилась на сочетании книжной (библейской, византийской) традиций и местных славянских представлений, многие из которых уходили корнями в догосударственную эпоху. Причем славянская составляющая часто служила нерелевантным ментальным фоном общей композиции, в то время как книжные знания выдвигались на первый план и были результатом осознанной работы летописца-идеолога, старавшегося, насколько это было возможно, согласовать обе традиции.

Мы рассмотрели несколько базовых уровней оппозиции «свои — чужие», свойственных общественному сознанию Древней Руси. В качестве первого, начального уровня было взято противопоставление сограждан жителям других волостей. Противопоставление это являлось весьма актуальным в эпоху распада политического единства восточнославянских земель и возникновения самостоятельных территориальных образований — городов-государств или земель-волостей.

Каждая волость выступала на исторической арене в виде своеобразной коллективной личности. Общественное сознание наделяло такую «личность» определенным характером. Естественно, враждебной волости склонны были приписывать отрицательные черты, своей — положительные. Это свидетельствует о наличии достаточно высокого уровня группового самосознания. В качестве «коллективных личностей» городские волости сменили в общественной психологии древние племена.

Следующий уровень исследуемой оппозиции включает в себе противопоставление Русской земли иноплеменикам. Он актуализировался, когда населению Руси приходилось сталкиваться с иноэтнической средой. Это происходило в случае масштабной военной угрозы со стороны, например, кочевников. Или в далеком путешествии, когда человек, оказавшись в чужом краю, начинал осознавать себя не просто новгородцем или киевлянином, а русским. Достаточно сложно судить о том, насколько полно осознавалось населением единство Руси как этнической и политической общности. В обыденной жизни, скорее всего, все зависело от конкретной ситуации, но с большой долей уверенности можно утверждать, что в соответствующих условиях житель любой древнерусской волости, вне зависимости от социального положения и уровня образования, мог подняться до уровня противопоставления «русские — иноземцы». Основанием для этого утверждения служит тот факт, что степень «объективной» консолидации восточных славян к XII–XIII вв. была уже достаточно высокой: от других народов русских в то время отличали такие «зримые» культурные отличия, как язык, религия, политическая и церковная организация. Все это создавало основу для скорейшего становления коллективного самосознания (которое в принципе может быть названо этническим самосознанием, если принимать во внимание условность этого термина по отношению к средневековью).

В авангарде процессов формирования самосознания шли представители интеллектуальной элиты. В книжной культуре, в летописании базовым понятием для осмысления феномена Руси было понятие земли/страны, в котором интегрировалось представление о территории, объединяющей некую человеческую общность со своими жизненными устоями, нравами, обычаями и властью.

Христианство как символ групповой идентификации имело двойное значение. В повседневном быту православная вера служила критерием отделения «своих» от «чужих», однако в ПВЛ акцент часто делался на другом. Православие в построениях летописца вводило Русь в общность высшего порядка — мир праведно верующих стран, «сил добра», противостоящих «силам зла» — иноверцам, «паганым».

Весьма неоднозначным было отношение к великому южному соседу — Византийской империи. С одной стороны, Империя дол-

гое время оставалась для Руси культурным образцом, обществом-ориентиром, от которого русская культура переняла много ценного, особенно в области религиозно-идеологический. С другой стороны, следует отметить большую самостоятельность в усвоении достижений греческой цивилизации, которые перенимались избирательно, творчески перерабатывались и вписывались в систему местных идеологических и политических реалий в существенно трансформированном виде. Византийское влияние было ощутимо прежде всего в сфере общественно-политической мысли, но почти не достигало общественно-политического быта. То есть оно было сильным настолько, чтобы интеллектуальная элита вырабатывала в себе навыки восприятия окружающей политической реальности сквозь призму греческой философии, но не настолько, чтобы под его влиянием менялся традиционный уклад.

Источником представлений об иноплемениках были как собственный опыт общения, так и литературные произведения. Вполне реалистические сведения соседствовали с мифом. С одной стороны — греки, половцы, варяги. С другой — амазонки, гилийцы, индийцы (представления о которых у русских в XI–XIII вв. были весьма неправдоподобны). В чужаках склонны были видеть не совсем людей. Им приписывали различные сверхчеловеческие способности, например колдовские. Чем более отдаленно живет тот или иной народ, тем отчетливее проступают в его образе черты мифологического, сакрального. Сильнее всего смешение сфер реального и сакрального, земного и божественного наблюдается на окраине известной русскому человеку ойкумены. Там средневековое сознание помещало «чудесные» страны: Рай, Индию; а также «чудовищные» народы.

Отношение к чужестранцам часто было настороженным. В то же время древнерусское общество отличалось открытостью межэтническим контактам и обширностью международных связей. Это свидетельствует об определенной двойственности восприятия, которая в дальнейшем, в эпоху Московской Руси, сменяется преимущественно отрицательным отношением к иностранцам, приведшим к началу XVII в. к закрытости общества иностранным влияниям, потере интереса к международной политике и снижению влияния России на международной арене.

Примечания

¹ См.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 97–112.

² См.: Там же. С. 576–697.

³ См.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1909. С. 108.

⁴ *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов древней Руси // *Вопр. истории.* 1994. № 10. С. 57.

⁵ См.: *Дворниченко А. Ю.* Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // *Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры // Проблемы отечественной и всеобщей истории.* Л., 1987. Вып. 10. С. 21–23.

⁶ *Курбатов Г. Л. Фролов Э. Д. Фроянов И. Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 293.

⁷ См.: Там же.

⁸ *Дворниченко А. Ю.* Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. С. 24–25.

⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Стб. 142. Далее: ПСРЛ.

¹⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 8.

¹⁴ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 256. Далее: БЛДР.

¹⁵ См., например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256.

¹⁶ См.: Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII вв. С. 470–474.

¹⁷ См.: Слово о князьях // БЛДР. Т. 4. С. 226–228.

¹⁸ См.: Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. Т. 1. С. 328–352.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 28–29.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149.

²¹ Память и похвала князю русскому Владимиру // БЛДР. Т. 1. С. 316.

²² См.: Хождение игумена Даниила // БЛДР. Т. 4. С. 116.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256.

²⁴ *Моця А. П.* Степень этнической интеграции восточных славян в древнерусское время // *Истоки русской культуры: Археология и лингвистика.* М., 1997. С. 135.

²⁵ *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 133.

²⁶ См.: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье: Учеб. пособие для гуманитарных факультетов высших учебных заведений. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 226–236.

²⁷ *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Труды по знаковым системам-II.* Тарту, 1965. С. 212. См. также: *Шапов А. П.* Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских сказаниях о мире // *Он же.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 3–46.

²⁸ См.: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М., 1995. С. 25.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 3–4.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11–12.

³¹ См.: Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 691–717.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 1–16.

³³ Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. С. 450.

³⁴ Устав Ярослава // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 88.

³⁵ Там же. С. 89.

³⁶ См.: Поучения и молитва Феодосия Печерского. С. 448.

³⁷ Слово 27. И о святемъ и блаженнемъ Агапите, безмездномъ врачи. Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4. С. 402.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 86.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 107.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85.

⁴¹ Поучения и молитва Феодосия Печерского. С. 448–450.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.

⁴⁴ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М.; Л., 1949. Т. 1, № 48.

⁴⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. № 20.

⁴⁶ Былины Севера. Т. II: Прионежье, Пинега и Поморье / Подготовка текста и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. № 131.

⁴⁷ Слово 27. И о святемъ и блаженнемъ Агапите, безмездномъ врачи. С. 398.

⁴⁸ См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 85.

⁴⁹ Там же. С. 91.

⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 176–177.

⁵¹ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. С. 144–145.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70.

⁵³ См., например: Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М.: Языки русской культуры, 2000. 192 с. (Studia historica. Series minor).

⁵⁴ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148; Киево-Печерский патерик. Слово 1. С. 296.

⁵⁵ См.: Снорри Стурлусон. Хеймскрингла (круг земной) // Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 65–66.

⁵⁶ См.: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 22–27.

⁵⁷ См.: Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 43.

⁵⁸ См.: Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1991. С. 151.

⁵⁹ Изборник 1076 года / Под ред. С. И. Коткова. М., 1965. С. 241–242.

⁶⁰ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 127.

⁶¹ Там же. Стб. 139–140.

⁶² Там же. Стб. 370.

⁶³ См.: ПСРЛ. М., 1997. Т. 2. Стб. 592–593.

⁶⁴ См.: Колесов В. В. Никифор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 278.

⁶⁵ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. С. 141.

- ⁶⁶ Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 167.
- ⁶⁷ См.: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. С. 101.
- ⁶⁸ См.: Золотухина Н. М. Русская политическая и правовая мысль. С. 193.
- ⁶⁹ См.: Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси XI–XVI вв. Л., 1987. С. 36.
- ⁷⁰ См.: Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. С. 243.
- ⁷¹ См.: Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. С. 127–140.
- ⁷² См.: Там же. С. 131, 135.
- ⁷³ Слово о законе и благодати митрополита Илариона // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII вв. С. 44.
- ⁷⁴ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. С. 132.
- ⁷⁵ См.: Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. С. 243.
- ⁷⁶ Слово о законе и благодати митрополита Илариона. С. 52.
- ⁷⁷ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. С. 130.
- ⁷⁸ Там же. С. 135.
- ⁷⁹ Евсеев И. Е. Поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского // Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 16.
- ⁸⁰ См.: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. С. 101.
- ⁸¹ Изборник 1076 года. С. 241.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ См.: Молдован А. М. Слово о законе и благодати митрополита Илариона: Комментарии // БЛДР. Т. 1. С. 480.
- ⁸⁴ См.: Поппе А. В. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. Munchen, 1973. Т. 1. С. 6–39. Цит. по: Дмитриев Л. А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1. С. 400.
- ⁸⁵ См.: Творогов О. В. Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1. С. 338.
- ⁸⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 207–208.
- ⁸⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. С. 196.
- ⁹⁰ Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4. С. 426.
- ⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276.
- ⁹² См.: Калайдович К. Ф. Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 63.
- ⁹³ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. С. 95–96.
- ⁹⁴ Традиционные представления о власти восточнославянского населения Руси рассмотрены в следующем очерке.

⁹⁵ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. С. 106–107.

⁹⁶ Там же. С. 107.

⁹⁷ Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси: Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с. // Средневековая Русь. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Ч. 2. С. 164–193.

⁹⁸ Там же. С. 182.

⁹⁹ Иларион. Слово о Законе и Благодати // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 1: XI–XII вв. С. 42–44.

¹⁰⁰ См.: Трубачев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 1997. С. 45.

¹⁰¹ См.: Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов: Вища школа, 1979. С. 160. См. также: Толстой И. И. Древние русские монеты великого княжества Киевского: Нумизматический опыт. СПб.: Типография императорской академии наук, 1882. 272 с. 19 табл.

¹⁰² Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. С. 108.

¹⁰³ Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. С. 182.

¹⁰⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. С. 274.

¹⁰⁵ См.: Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. С. 186.

¹⁰⁶ Мы не будем рассматривать вопрос о существовании княжеских венцов в Древней Руси в рамках настоящей работы. Скажем вкратце. Исследователи, считающие, что венцы были (П. П. Толочко), опираются главным образом на археологические данные. Однако найденные диадемы первым своим исследователям (Н. П. Кондакову) казались женскими украшениями, и точка зрения их весьма убедительна. Но дело даже не в этом. Венец как инсигния в любой стране является величайшим национальным символом, узловым понятием политической идеологии, а в произведениях древнерусской общественно-политической мысли о них нет ни слова. Письменные источники вообще молчат. Следовательно, даже если бы удалось найти настоящую корону, подобную короне св. Стефана, это бы ничего не доказывало. Чтобы утверждать, что княжеские венцы существовали, необходимо отыскать не само ювелирное изделие, а его значение.

¹⁰⁷ Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 587–589.

¹⁰⁸ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. С. 234.

¹⁰⁹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. С. 46–47.

¹¹⁰ Трактовку мифа как образно-символическую форму мышления см.: Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 5.

¹¹¹ См.: Горский В. С. «Срединный слой» картины мира в культуре Киевской Руси // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988. С. 169–176.

¹¹² Сказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дети и възьмьше кръсть и идудь въ следъ Господа яко же евангелие велить // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 154–165.

¹¹³ См.: Чаев Н. С. Просвещение // История культуры Древней Руси: Домонгольский период: В 2 т. / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. II: Общественный строй и духовная культура / Под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. М.; Л., 1951. С. 230.

¹¹⁴ Хождение игумена Даниила. С. 60–62.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 1–16.

¹¹⁶ См.: Творогов О. В. Александрия Хронографическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 35.

¹¹⁷ Александрия // Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893.

¹¹⁸ См.: Прохоров Г. М. Сказание о Индийском царстве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 410.

¹¹⁹ Прохоров Г. М. Сказание об Индийском царстве: Комментарии // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5: XIII век. С. 523.

¹²⁰ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М.; Л., 1938. Т. 2, № 152.

¹²¹ Сказание об Индийском царстве // БЛДР. Т. 5. С. 400.

¹²² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т. 2, № 152.

¹²³ См.: Сказание об Индийском царстве. С. 396–340.

¹²⁴ Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры. 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 446.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 6.

¹²⁶ Подробней см.: Долгов В. В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. С. 105.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 3–4.

¹²⁸ См.: Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб.: Петербургское востоковедение. 1999. С. 23–24.

¹²⁹ Слово о полку Игореве. С. 258.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4.

¹³¹ См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. 2000.

¹³² См.: Там же. С. 62.

¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 28.

¹³⁴ Rogov A. И., Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов. М.: Наука, 1982. С. 166.

¹³⁵ Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 221.

¹³⁶ См.: Ричка В. М. Київська Русь: проблема етнокультурного розвитку (конфесійний аспект). Київ, 1994. С. 9.

¹³⁷ Rogov A. И., Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.). С. 116.

¹³⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Стб. 972–973.

¹³⁹ См.: Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. 38 с.

¹⁴⁰ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 772. Ср.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. Т. III. Стб. 535–537.

¹⁴¹ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 42–44.

¹⁴² См.: Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. С. 11–29.

¹⁴³ См.: Долгов В. В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков. С. 203–208.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12.

¹⁴⁵ См.: Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 38.

Ю. В. Кривошеев

Средневековые русские
земли-государства
и становление великорусской
государственности

Первая половина XIII в. стала великим испытанием для русского народа. С запада и с востока на русские земли двинулись завоеватели. И если — во многом благодаря деятельности Александра Невского — западные рубежи удалось отстоять, то на востоке был затянут более тугой узел.

Принимая во внимание новейшие работы отечественных исследователей (Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, В. В. Трепавлов), можно говорить, что в XIII в. произошло столкновение двух достаточно близких по своему социальному развитию миров (так как и на Руси, и у монголов во многом определяющую роль играли архаические архетипы и основы), но двух разных по быту и мировоззрению этносов. Этот фактор, как представляется, и наложил отпечаток на их сложные длительные взаимоотношения¹.

Установлению зависимости русских земель от монголов предшествовали три их похода. Первый — в 1223 г., когда под их властью уже находилась огромная территория Китая, Средней Азии и Закавказья.

Предупрежденные половцами русские князья (киевский Мстислав Романович, галицкий Мстислав Мстиславич, черниговский Мстислав Святославич, волынский Даниил Романович и др.) весной выступили навстречу грозному противнику. Применив свою обычную тактику, передовые монгольские отряды в течение 12 дней заманивали русские дружины глубоко в степи, и они неожиданно оказались лицом к лицу с большим 30-тысячным незна-

комым войском. Битва на Калке состоялась 31 мая 1223 г. К сожалению, древнерусское княжье оказалось верным себе: бесконечные убоицы в роде Рюриковичей дали знать себя и здесь. Каждый решил сражаться сам за себя, и для монголо-татар в привычной степной обстановке не стоило труда разбить их поодиночке. Преследуя бегущие оставшиеся дружины, монголо-татары дошли по Днепру до Новгорода Северского. Однако поход далее — в глубь древнерусских земель — не последовал². Субедей и Джебе — «свиные псы Чингис-хана» — отложили его до лучших времен. Как оказалось — на четырнадцать лет. Обычная жизнь на Руси не была нарушена, а вот в далеком Каракоруме — столице монголов — происходят важные изменения.

К этому времени завоеванная ими обширная территория была поделена на несколько частей — улусов. Самый большой, в землях, «куда доходили кони их полчищ при набегах» (арабский историк XIV в. Эннувейри) получил старший сын Чингис-хана — Джучи. И когда в середине 20-х гг. великий хан вместе с другими сыновьями вернулся на восток, Джучи, оставшись в своих владениях на западе, захотел основать государство, не зависящее от метрополии. Однако в 1227 г. практически одновременно умерли и Джучи, и Чингис.

Перед назначенным еще в раннее время преемником великого хана, его третьим сыном Угедеем, стояли две задачи. Первая — принять к исполнению управленческие начала устройства улусов, заложенные его отцом в кодексе обычного монгольского права — «Яса», вторая — продолжить походы.

Что касается первой, то по многим сведениям монголы сразу же после покорения тех или иных земель старались наладить мирную жизнь. Так, в города Средней Азии, как правило, назначался монгольский чиновник-наместник, называвшийся «баскаком» (по-тюркски), или «дорухачи» (по-монгольски). Это был представитель главы империи. В его обязанности входили: перепись жителей, набор войска, устройство почтовых сообщений, сбор и доставка ко двору даней. Таким образом, он являлся исполнительным и контролирующим лицом, он же доставлял необходимые сведения в центр. Однако почти всегда рядом с ним находился представитель местной власти. Такую же ситуацию мы увидим и на Руси.

Первоначально именно наследнику улуса Джучи (а значитель-

ная часть этих территорий перешла к его сыну Бату) и предстояли походы на запад. Известно, что в 1229 г. на курилтае хан Угедей «во исполнение указа Чинги-хана, данного на имя Джучи, поручил завоевания Северных стран членам его [Джучи] дома» (персидский автор начала XIV в. Рашид-ад-Дин). Монголо-татары вторглись в Прикаспийские степи. Этот поход еще не был всемонгольским, так как основной для них в то время была война в Китае. На новом курилтае в 1235 г. был уже намечен общемонгольский поход на Запад.

В этой связи возникает вопрос: какая роль отводилась Руси? Или, другими словами, означал ли поход на Запад одновременно и поход на Русь? Если последнее верно, то по всем ли территориям Руси должен был промчатся смерч монгольского нашествия, или только по южным? В таком случае, в какой ипостаси рассматривались северо-восточные и северо-западные земли Руси?

Принятая в исторической науке версия Батыева нашествия исходит как из само собой разумеющегося, что Русь — и северо-восточная, и южная ее части, лежащие на пути движения монгольских орд, должны были быть завоеваны. Другого исхода не существовало, и Русь приняла этот удар на себя, заслонив Европу. Целью монголов, действительно, была Европа. Тогда зачем им было воевать в труднодоступном русском лесье? Заведомо ясно, что военные действия там тяжелы, а результаты неизвестны.

Но Русь — это не только лесье. Южная Русь — это степи, родная стихия кочевников. И именно она лежала на пути в Европу. Именно на нее должно было обрушиться нашествие. Когда мы читаем в источниках о планах завоевания Руси, видимо, надо подразумевать Южную Русь³. (В этой связи важными являются наблюдения историков над эволюцией понятия «Русская земля», «Русь» в текстах летописей первой половины XIII в. Этими терминами обозначалась южная часть Русской земли (Киевщина, Переяславщина, Черниговщина), но не территория Северо-Востока («Ростовская земля», «Суждаль»). «Русь», «Русская земля» стали обозначать Северо-Восточную Русь только со второй половины XIII в.⁴)

Как же тогда монголы оказались в Северо-Восточной Руси? Ответ на этот вопрос попытался дать — один из немногих — Л. Н. Гумилев. По Л. Н. Гумилеву, поводом для вторжения в северо-восточные русские земли стало сопротивление половцев («фронталь-

ное наступление монголов на запад захлебнулось»), которых монголы вынуждены были обойти севернее. Это было сделано по русской территории, князья и население которой оказали отпор. «Думается, — пишет ученый, — Батый не ожидал активного сопротивления от Юрия II, но, встретив таковое, сломил его, проложив дорогу своему войску»⁵. Но «западный поход» монголов «свернул» от прямого пути на север не только из-за половецкого фактора. «Монголы Бату-хана, планировавшие поход в глубь Европы, в 1237–1240 гг. не рассматривали Русь как свое будущее владение; их заботила лишь добыча да потребность обезопасить свой правый фланг и тыл, поэтому нашествие носило чрезвычайно опустошительный характер и привело к исчезновению многих городов и сельских поселений» (А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузов). Итак, «русский поход» (в глубь северо-восточной территории) завершился по двум причинам: монголам (для похода на Запад) необходимы были материальное подкрепление и безопасность тыла. При этом, по их мнению, печальная участь Северо-Восточной Руси была решена заранее. Нам представляется, что последнее утверждение не верно, зато мысль о «добыче» и безопасности заслуживает внимания.

По вопросу о численности монгольского войска, вторгшегося в пределы Руси, существовали и существуют различные мнения. В. В. Каргалов называет 120–130 тыс., И. Б. Греков и Ф. Ф. Шамагонов пишут, что «Батый привел на Русь от 30 до 40 тыс. всадников», В. А. Кучкин определяет это войско в 37,5–75 тыс., а Д. В. Чернышевский — в 55–65 тыс. конных воинов. Однако в любом случае это была огромная армия. И противопоставить ей даже близкое по численности войско ни одна русская земля в то время не могла. А объединенное войско, к примеру, Северо-Восточной Руси, исчислялось бы не более, чем пятьюдесятью тысячами. Как известно, объединения не произошло, да и монголо-татары избегали фронтальных сражений, предпочитая разбивать противника по частям. При всем этом необходимо учитывать еще и то, что наследники Чингис-хана достойно продолжали его дело: монголы оставались великолепно обученным, дисциплинированным и организованным войском.

В русских землях они повели себя так же, как и в других странах. Остановившись вблизи рязанских границ, они потребовали от местного князя Юрия Игоревича «десятины во всем: и в людях,

и во князех, и в конех»⁶. Эти требования или требования о добровольной сдаче повторялись и при каждом последующем появлении монголо-татарских отрядов под стенами русских городов. Те города, которые им не уступали и сопротивлялись, были подвержены разгрому, а жители уничтожены. И это тоже относилось к обычной, закреплённой в их праве практике. Так пострадали Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, Владимир, Торжок — всего 14 северо-восточных русских городов, жители которых героически оборонялись. Другие же города — Ростов и Углич — были сданы монголо-татарам и избежали разрушения и разгрома.

После Владимира монголо-татарское войско было разделено на отряды, направленные в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях. «Выявляется нечто вроде огромных “клетей”, составляющих характерную особенность татарской практики» (В. В. Каргалов). Один из отрядов, двигавшихся по «селгерскому пути», остановился в 100 верстах от Новгорода. Не дошли монголо-татары и до северных русских городов: Белоозера, Вологды, Устюга. В марте 1238 г. все эти разбросанные отряды резко повернули в южном направлении — к половецким степям, двинувшись «облавою», предусматривавшей взятие городов, попадавшихся на пути.

Подчеркнем, что именно героическое сопротивление рязанцев, не позволившее монголам пополнить запасы и ресурсы для похода на запад, как бы автоматически повлекло их вторжение в северо-восточные русские земли. Спонтанное, вызванное, как писал Л. Н. Гумилев, сопротивлением русских земель их движение туда объясняет и их дальнейшую непоследовательность, своеобразное отступление. Они не дошли до Новгорода (судя по всему, это не входило в их планы), резко повернули на юг и, таким образом, сделав огромный крюк, по сути возвратились на тот плацдарм, с которого они начали в конце 1237 г. поход на Русь.

Лишь в 1239 г. разработанный на курултае 1235 г. план стал претворяться в жизнь. В 1239–1241 гг. монголы, теперь уже никуда не сворачивая, прошли по южнорусским землям, сея разрушение и горе...

А как обстояли в эти годы дела в Северо-Восточной Руси? Вслед за эмоциональным рассказом летописца о постигшей беде следует четкое перечисление оставшихся в живых представителей дома Рюриковичей, которые уже в том же 1238 г. рассказываются по го-

родам. «Пришед седе на столы в Володимери» Ярослав Всеволодович, «разсудив коемуждо их свою вотчину». Но еще раньше он «обнови землю Суждальскую». «Съхранив» «кости» погибших, он приступает к налаживанию мирной жизни: «пришелци утеши и люди многи събра», наконец, «поча ряды рядити», а в 1239 г. происходит освящение церкви в Кидекше⁷.

Таким образом, возвращение к «структурам повседневности» происходит довольно скоро. Это же относится и к военному делу, о чем свидетельствует дальний поход Ярослава к Смоленску, состоявшийся в 1239 г. Он решал две задачи: оборонить русскую землю от соседей-врагов литовцев и вовлечь в сферу своего влияния смоленский княжеский стол. Литву Ярослав «победи и князя их яль, а Смоляны урядив, князя Всеволода посади на столе», да кроме того взял «множество полона». Словом, успех был полным, что и отметил летописец: «с великою честью отиде в своя си»⁸. Полным, и не случайным, потому что к нему можно добавить и участие «низовских» полков в победной битве на Чудском озере. «Великий князь Ярославъ посла сына своего Андрея в Новгородъ Великий в помощь Олександрови на Немци, и победиша я за Плесковом на озере, и полон много плениша и възвратися Андреи к отцю своему с честью»⁹. Такая воинская активность русских дружин сразу после нашествия свидетельствует о сохранении в основном дружинного ядра как главной силы древнерусского войска и опровергает мнение В. Б. Кобрина и А. Л. Юрганова о «гибели в ходе ордынского нашествия основной массы дружинников» (кстати, отсюда они делают и далеко идущий вывод о «возрастании» из отмеченного факта «деспотического самодержавия») ¹⁰.

Приведенные примеры позволяют говорить, и вряд ли это будет преувеличением, и о достаточно быстром восстановлении норм и порядков общественной жизни, существовавшей до нашествия. Пятилетие 1238–1242 гг. не внесло ничего нового в организацию северо-восточного общества. Более того, в течение почти 20 лет после нашествия Северо-Восточная Русь не была непосредственно включена в орбиту монгольской зависимости.

Однако А. Н. Насонов настаивает на том, что «после татарского завоевания во внутренней жизни края произошел глубокий сдвиг в результате тех событий, которые были связаны с нашествием татар». В основном это обстоятельство он объясняет тем, что «сильно опустошен и разгромлен» был Владимир — этот «ве-

чевой, общеземский центр». Вместе с тем летописные известия (на них ссылается и сам А. Н. Насонов) свидетельствуют о довольно активной общественно-политической жизни этого города. По крайней мере, более двух десятилетий он был «столицей» Северо-Востока: и Ярослав, и Александр «продолжали жить еще во Владимире». Последующие же великие князья, действительно, предпочитали оставаться на своих столах (в Твери, Костроме, Переяславле и т. д.).

А. Н. Насонов, исходя из этого, делает следующий вывод: «Владимир как город потерял свою силу и значение; он по-прежнему оставался городом столичным, великокняжеским, но не мог уже более служить реальной опорой великокняжеской власти»¹¹. Можно ли говорить при этом о «глубоком сдвиге» в общественной жизни Северо-Восточной Руси? Нам представляется, что нет. Ибо шел тот же самый процесс, которым было наполнено все бытие этого края в последнее столетие: образование новых городов-государств или возрождение «старых» (в частности, Ростова, очередному возвышению которого так много внимания уделяет А. Н. Насонов). Монголы внесли в это свою лепту, но не настолько, чтобы говорить о них как об определяющей силе этой тенденции.

***

В 1239–1240 гг. монголо-татарское нашествие затронуло в основном южнорусские земли. После Переяславля и Чернигова настал черед Киева, который пал в декабре 1240 г.

Не останавливаясь, завоеватели через юго-западную Русь в начале 1241 г. вторглись в Западную Европу. Но долго там не задержались. Возможной причиной этого называется смерть Угедея (конец 1241 г.) и предстоящая борьба за наследство, а также неподходящие для кочевников условия географического порядка: отсутствие степных просторов.

Пройдя половину Западной Европы, достигнув «последнего» — Адриатического — моря, монголо-татары возвратились на край Восточной Европы. Они обосновались в устье Волги, где было много места, корма и воды для лошадей. На одном из волжских рукавов они выстроили столицу западного улуса — Сарай. В Сарае правил Бату-хан, в далеком Каракоруме — столице всех монголо-татар — всемонгольский хан. Именно между этими двумя центрами и должна была делиться добыча и дань из русских земель.

В 1242 г. Батый (кстати говоря, ставший к тому времени старшим в роде чингизидов) впервые потребовал с русских земель дани. В Сарай, а потом в Каракорум двинулись первые русские князья с богатыми «подарками». Так началась эпоха, названная в отечественной историографии «монголо-татарским игом» на Руси.

Это понятие образует в нашем сознании, как правило, какую-то историческую грань, временной и сущностный водораздел. Оно делит раннюю русскую историю на два периода: время Древней (Киевской) Руси — уже прошедшее, и виднеющуюся на горизонте эпоху Московской Руси и Великороссии. Вторая половина XIII в. видится как бы переходным периодом.

В науке споры — обычное явление. Собственно, без них и не было бы науки. В исторической науке споры зачастую бывают бесконечными. Таковой является и дискуссия о степени влияния монголо-татарского (ордынского) ига на развитие Руси на протяжении более двух столетий. Какое-то время (в XIX столетии) было принято даже не замечать этого воздействия. И наоборот, в исторической науке, а также публицистике последних десятилетий считается, что иго стало поворотным пунктом во всех сферах общественной жизни, более всего политической, поскольку было оставлено движение к единому государству по образцу западноевропейских стран, а также в общественном сознании, сформировавшем вследствие ига душу русского человека как душу раба¹². Из всего спектра возникающих и нерешенных проблем нас будут интересовать следующие: какие изменения произошли (если произошли) в социально-политической структуре древнерусских земель-государств и как происходило становление русской средневековой государственности.

***

В первые годы своей власти на Руси Сарай ограничивался внешними проявлениями зависимости русских земель и князей. Частые поездки последних в ставку были обусловлены получением грамот (ярлыков) на управление волостями и доставкой дани и подарков, собираемых самими же князьями. За редчайшими исключениями на Руси еще не существовал институт монгольских чиновников. Лишь угличская легенда сообщает, что Батый еще в 1238 г. «оставил в нем (Угличе) своих чиновников», вместе с которыми и правил угличский князь Владимир Константинович.

«Добиваясь покорности от Руси, Орда не смогла сломать существующие там порядки. Ордынские ханы стремились поставить эти порядки себе на службу, используя в своих интересах русских князей, которые им казались надежными, истребляя ненадежных и все время сталкивая князей между собой, чтобы не дать никому усилиться и всех держать в страхе», — писал крупный отечественный историк Л. В. Черепнин¹³. И это верно. Но «политические порядки» Древней Руси заключались не только в институте княжеской власти, но и, как известно, в вечевом и ином земском устройстве. И их монголо-татары пытались приспособить для своих целей. Примером этого представляется использование ими административно-территориальной системы, сложившейся в древнерусских землях.

Ко второй половине 40-х — началу 50-х гг. относятся первые попытки произвести «исчисление народу в России» (китайская летопись «Юань ши»). В 1251 г. великим ханом становится Монке, который возобновил план Угедея по установлению правильного порядка взимания податей, что позволило бы положить конец произвольным поборам и даням. Эта задача была возложена на царевичей-чингизидов. Перепись являлась всеобщей. Так, в 1252 г. она проводилась в Китае, в 1254 г. — в Армении. Организацией русского улуса последовательно занимались сын Батыея (сам Батый умер в 1252 г.) Сартак, которому даровалось «право называться вторым в царстве и издавать грамоты как властелин» (армянский историк Киракос Гандзакечи), а после его смерти — его сыновья Улакчи и Беркай. В 1257 г. ответственным за сбор дани на Руси — даругой — был назначен родственник Монке — Китат.

Под 1257 г. русская летопись отмечает, что «приехаша численници, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромскую и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники, и идоша Ворду, толико не чтоша игуменов, чернецов, попов, крилошан, кто зрит на св. Богородицу и на владыку»¹⁴.

Так на Руси складывается достаточно стройная система управления и взимания дани. Деление всей территории на укрупняющиеся единицы и постановка во главе их управителей были присущи монголо-татарскому устройству. Но такой порядок не являлся новшеством и на Руси. Здесь деление по десятичной системе существовало с незапамятных времен. Как организационное устройство оно было известно еще восточным славянам (как, впро-

чем, и вообще славянам и другим индоевропейским племенам, в частности германцам). Оно сохранялось и в Киевской Руси, оно будет существовать на Руси и в последующее время. Так что монголо-татарам придумывать было нечего, оставалось только приспособить эту систему к сбору дани. Это они и сделали, добавив в качестве контрольного органа институт баскачества. Первоначально сбором дани параллельно с баскаками занимались откупщики — «бесермены». С конца XIII — начала XIV в. эти функции стали прерогативой русских князей, а дань получила название «выхода». Монголы воспользовались и существовавшими издавна на Руси такими единицами обложения, как «рало», «плуг», «соха»¹⁵.

***

Отношения монгольских ханов и русских князей — особая статья. Нельзя не отметить, к примеру, что они — отношения — лежат во многом в плоскости существовавшего в архаических обществах порядка между победителями и побежденными, сводившегося к понятиям «подарок — отдарок»¹⁶. За сохранение княжеского статуса и власти («подарок») предлагали взамен лояльное отношение со стороны русских князей: богатые дары, уважение к их религиозным обычаям и т. д. («отдарок»). Так, хан Узбек говорил в 1315 г. московскому князю Юрию Даниловичу: «...Оже ты даси выход болши князя Михаила Тферского, мы дадим великое княжение тебе». Когда же они видели отсутствие, хотя бы внешнее, расположенности к ним (например, несоблюдение их народных верований, согласно придворному этикету: очищение огнем, коленопреклонение и т. д.), следовало суровое наказание. Так погибли в Орде черниговские князья Михаил Всеволодович с боярином Федором и Андрей Мстиславич.

Но, безусловно, князья воспринимались ханами прежде всего как политическая сила. В связи с этим необходимо обратиться к политике поддержки монголо-татарами княжеской власти и к политике их в отношении Великого Владимирского княжения.

Усиление власти русских князей часто связывается с вооруженной поддержкой их монголо-татарами. Если в прежние времена население того или иного города указывало согласно вечевому решению «путь чист» «нелюбому князю», то теперь ситуация меняется. Князь, получив ярлык в Орде, является в город на княжение не только со своей дружиной, но и с отрядом какого-нибудь та-

тарского «мурзы». Кривые татарские сабли несли не только смерть, но и власть.

Однако известно, что и в Киевской Руси кочевники — в основном половцы — постоянно и активно участвовали в междоусобицах, раздиравших семейство Рюриковичей. Многие древнерусские князья наводили и возглавляли «поганных» в набегах на города и веси. Половцы выступали как союзники того или иного князя, пытавшегося с их помощью укрепиться в том или ином «граде» и волости. Но это не мешало затем «людюю» поступить с князем по-своему.

Следовательно, союзы русских князей с кочевниками тоже не являются чем-то новым. И все-таки мы не можем отбросить влияние монголо-татарской силы на изменение в положении князей и в их взаимоотношениях в период со второй половины XIII по XIV в. Видимо, дело здесь в жесткой системе контроля за статусом и перемещениями княжеской власти со стороны ханов. Татары явились дополнительным фактором, обуславливавшим отношения северо-восточного князья, и без того непростые и запутанные. Свою креатуру они всячески поддерживали в основном воинскими отрядами. Вот несколько примеров. В конце 60-х — начале 70-х гг. XIII в. в борьбе за Новгород нашли поддержку великий князь Ярослав Ярославич и Василий Ярославич Костромской. В 1275 г. русские князья вместе с татарами совершили набег на Литву. В 1281 г. князь Андрей Александрович Городецкий использовал татарские полки в борьбе за Великое Владимирское княжение с князем Дмитрием Александровичем Переяславским. Городецкий князь еще трижды — в 1282, 1285 и 1293 гг. — приводил татар на Русь.

Что касается государственного устройства, то фактически при монголах сохранялась система городов-государств. Они воспользовались и этой социально-политической организацией. Политически самой сильной землей-волостью оставался Владимир. На нее ордынцы и сделали ставку. Во Владимире во второй половине XIII — начале XIV в. находилась резиденция ханского наместника — великого баскака. На Владимирское великое княжение выдавался особый — главный — ярлык. За его обладание, сулившее немалую политическую власть над другими князьями и материальные выгоды, шла непрекращающаяся борьба между потомками Рюрика. Татарские ханы, в свою очередь, пользовались этой княжеской «пламенной страстью» и умело разжигали

между ними вражду, не давая возвыситься ни одному, ни другому, ни третьему.

Князья, особенно московские, адекватно оценивали и использовали союз с татарами: необходимый, но временный. А наряду с этим подспудно и объективно происходило «собрание власти» — и не только московскими князьями, но и вообще в руках русского князя как социального слоя средневековой Руси. Но этот процесс не являл собою какое-то одноразовое действие — он растянулся на столетия. Великокняжеская власть шла к своей вершине тернистым путем, испытывая давление со стороны прежде всего общинных, а также (особенно в XV в.) аристократических и церковных структур. На всех них еще в меньшей степени отразилось влияние монголо-татар.

Как известно, высшим органом власти в Древней Руси выступало вече — народное собрание всего свободного населения города-государства, орган непосредственного народовластия. Прерогативы вече были достаточно широкими. Оно принимало решения практически по всем жизненно важным проблемам земли. Вопросы войны и мира, дипломатические отношения, участие в призвании и изгнании князей, иногда мена княжеской администрации, а также выбор местных властей, регулирование судебной деятельности и некоторых сторон финансовой политики, — вот сфера компетенции вечевых собраний на Руси.

Считается, что с наступлением монголо-татарского ига деятельность веча вначале смещается в сторону борьбы за независимость, а затем и вовсе прекращается. Действительно, большинство выступлений вечников северо-восточных городов было непосредственно связано с теми или иными действиями монголо-татарских чиновников и их клевретов. Однако здесь нет типологически ничего нового: ведь и раньше вече собиралось, когда надвигалась или существовала внешняя опасность. Вече второй половины XIII в., как и в предыдущее и последующее время, активно занимается и княжескими «разборками». Словом, вече так и продолжает «работать», так сказать, в заданном прежде и присущем ему режиме. Вместе с тем вечевая деятельность приобретает вследствие новых условий и другие черты.

Во второй половине XIII в. вечевые выступления горожан проходили в Ростове и городах, тесно с ним связанных. Ростов, боя впустивший татар в марте 1238 г., сумел сохранить силы и

стать одним из наиболее значительных политических центров Северо-Восточной Руси. Можно вполне определенно говорить о «большой политической активности ростовских горожан и их вечевых собраниях в эти десятилетия, о многолюдных церемониях освящения церквей, переноса мощей, княжеских погребений и венчаний, приездах князей, в том числе и Александра Невского» (А. М. Сахаров).

В 1262 г. вспыхнули восстания в Ростове, Владимире, Ярославле, Суздале, Устюге, Угличе. Вполне вероятно, что они не были внезапными и стихийными, а являлись подготовленными и организованными. «Бысть вече на бесермены по всем градам русским и побиша татар везде, не терпяще насилия от них, занеже умножись татарове во всех градах русских, а ясащики живуще, не выходя». Кроме насилия, связанного с поборами, причинами вечевых выступлений часто служили и мотивы религиозного характера. В Ярославле за откупные операции — «оттого велику пагубу творяху людем, работяще люди христьянские в резех» — был убит принявший мусульманство монах Зосима. В Устюге сборщик дани Буга на вече выпросил прощение и перешел в христианскую веру¹⁷.

Вечевые выступления в Ростове продолжались и позже. В 1281 г. «город весь замяте», когда начался междоусобица Борисовичей — Дмитрия и Константина. В 1289 г., когда «умножися... татар в Ростове», вновь «граждане створиша вече и изгнаша их, а имение их разграбиша». Ближе к этому времени звучал вечевой колокол и в Ярославле. Ярославцы не пожелали, вспомнив прежние традиции, принять в город князя Федора Ростиславича — ставленника хана, а также ордынского посла. Только «сила великая», приведенная из орды, заставила горожан подчиниться.

В 1293 г. угроза татарского разорения подняла Тверь. На вече «Тферици целоваша крест, бояре к черным людем, тако же черные люди к бояром, что стати с единого битися с татары». Таким образом, мы видим, как и в прежнее время, единую городскую общину, сплоченную клятвенным обещанием, грозную для врагов, посадивших на их независимость.

События конца XIII в., имевшие место в Переяславле, обобщил И. Д. Беляев. Он писал: «Земцы, по приговору своего веча, даже продолжали по-прежнему участвовать в междукняжеских отношениях; так, в 1296 г. на княжеском земстве во Владимире участвовали выборные и от Переяславской земщины и держали сто-

рону одних князей против других перед ханским послом Алексеем Неврюем. Выборные от Переяславской земщины на этом съезде присутствовали вместо своего князя, в то время ездившего в Орду»¹⁸. Переяславцы «с единого» выступили за поддержку московского князя Даниила Александровича и тверского князя Михаила Ярославича в их борьбе с великим князем Дмитрием Александровичем. Собирается вече в Переяславле и в начале XIV в. В 1302 г. после смерти бездетного переяславского князя город по его завещанию отошел к князьям московского дома: «сеее в Переяславле» Юрий Данилович. В 1303 г. после смерти своего отца — Даниила Александровича — он должен был перейти в Москву. Но «переяславци яшася... за Юрия и не пустиша его на погребение отче». «Яшася» они на вече. Вечевое единство (вместе с московским войском) они проявили и в 1304 г. — во время угрозы со стороны Твери. Таким образом, порядки переяславцев по сути не претерпели изменений за столетие: и в начале XIV в. они так же выступали единым вечевым «фронтом» за того или иного князя в условиях княжеских междоусобиц и межгородских конфликтов. Вместе с тем переяславские события XIII–XIV вв. показательны и в плане вечевых функций, отнюдь не сводившихся только к борьбе с татарами.

Отношения веча и князей, а также бояр приобретали иной раз, что, впрочем, тоже было делом обычным, социальную остроту. Одна из вспышек была связана с претензиями тверского князя. В 1304 г. «бысть вече в Костроме на бояр», поддерживавших тверского князя, требовавшего перехода города от московского князя к нему. Похожими представляются и волнения в Нижнем Новгороде. Здесь горожане выступили против бояр, оставшихся в городе после смерти князя Андрея Александровича. Нижегородский летописец сообщает, что собралось вече, постановившее избить этих бояр. Однако в дело вмешался тверской князь Михаил Ярославич, бывший двоюродным братом Андрея. Михаил, возвратясь из Орды, где он получил право на правление в Суздальских землях (к которым относилась и Нижегородчина), «изби вечников». Вместе с тем отмечается, что «бысть замятня в Суздальской земле, во всех градах».

20-е гг. XIV в. не внесли существенных изменений в общественно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Руси. Сложившийся в XIII в. треугольник сил «вече—князь—татары» во мно-

гом продолжал определять происходящие события. В 1320 г. «бывша в Ростове злия татарове, люде же ростовские, собравшеся, изгониша их». Но особенно примечательно тверское восстание 1327 г., и прежде всего тем, что показывает стороны повседневной жизни северо-восточного русского города-государства. Все началось с того, что тверской князь Александр Михайлович не выполнил требования тверичей, как и в 1293 г. выступивших вместе, «оборонить» их от татарского сборщика даней Чолхана. «И сего не прияша тверичи и искаху подобно времени». И этот момент истинны наступил 15 августа, когда в день церковного праздника произошло столкновение местного дьякона Дюдько с татарами. Тогда «смятошася людие, и удариша в колоколы, и сташа вечем, и поворотися весь град, и весь народ в том часе собирашася, и бысть в них замятня». Показательно и участие в восстании и тверских тысяцких — Шетневых. (То, что произошло в 1327 г. в Твери, очень схоже с вечевыми волнениями, имевшими место в 1068 г. в Киеве, когда киевский князь Изяслав Ярославич после сокрушительного поражения от половцев, которые уже приближались к городу, не выполнил требований киевлян дать им оружие коней для обороны города и земли. Киевский князь нарушил тем самым свои обязательства, предусматривавшие защиту вверившей ему власти общины. Как видим, такого рода традиции не стали чуждыми и два с половиной столетия спустя.)

Подытоживая сведения о деятельности веча в первое столетие зависимости от монголо-татар — самое тяжелое время для Руси, — уместно, представляется, привести слова А. М. Сахарова: «Было бы неправильно думать, что дошедшими до нас известиями исчерпываются все факты городских вечевых собраний в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII и начале XIV в. Более реально предложить, что многие сведения остались неизвестными...»¹⁹. Соглашаясь с таким выводом, добавим следующее. Во-первых, приведенных факторов достаточно, чтобы говорить о северо-восточном вече данного времени как о реально действующей властной организации всего народа, чутко и остро реагирующей на любые изменения в социально-политической жизни, сохранившей и развившей с учетом новых условий традиции древнерусского периода. Во-вторых, видимо, то же самое будет справедливо и для оценки, известной о вече последующего времени: второй половины XIV и даже XV в.

От этих лет сохранились сведения, касающиеся Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода. Во Владимире активность населения была связана с происходившей в начале 70-х гг. XIV в. борьбой за Великое Владимирское княжение между Михаилом Александровичем Тверским и Дмитрием Ивановичем Московским. Дмитрию удалось склонить владимирцев на свою сторону, а Михаил «по старинке» пошел в Орду. Получив там ярлык, он «поиде к Володимерю, хотя сести тамо на великое княжение. И не прияша его, но отвещаша ему сице: “не имем сему веры просто взяти тебе великое княжение”»²⁰. По мнению А. М. Сахарова, в Москве в 1382 г. «вечу принадлежала реальная власть в городе». Это случилось, когда к городу приближался Тохтамыш, а Дмитрий Иванович спешно отъехал в Кострому.

С участием горожан происходило присоединение Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г. Тогда по звону колоколов «снидесе весь град», а старейший боярин Василий Румянец объявил о переходе бояр на службу московскому князю. В 1393 г. горожане вместе с князем принимают решение о вооруженном отпоре новгородскому воеводе. А в 1399 г. князь Семен вынужден был отчитываться перед нижегородцами за то, что не защитил их от татар, вошедших вместе с ним в город.

Пожалуй, последними по времени стали вечевые собрания периода «смуты» второй четверти XV в., которая затронула огромную территорию и задействовала широкие народные массы²¹. В ней не преминули «половить рыбку» и татары. В сложной и даже критической обстановке 1445 г. при угрозе татарского нашествия, когда в ханском плену находился великий князь Василий Васильевич, а город покинули великая княгиня с детьми и боярами, в Москве произошли вечевые сходки. «Гражане в велице тузе и волнении была: могущей бо бежати, оставивши град, бежати хотяху, чернь же худые совокупишася начаша прежде врага ргадная делати, а хотящих бежати из града и начаша имати и бити и ковати, и тако уставися волнение, но вси обще начаша град крепити а себе пристрой домовной готовить»²².

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что вече второй половины XIV — первой половины XV в. имело иную социальную принадлежность. Вече этих лет — уже в основном собрание городского непривилегированного населения в моменты безвластия или безвременья.

Причина упадка вечевого строя указывалась в свое время М. А. Дьяконовым. Он видел ее в расширении территории, когда «личное участие каждого в решении государственных вопросов становится невозможным, и народные собрания в их первоначальной форме с правом участия каждого свободного заменяются собраниями народных представителей»²³. Развивая эту мысль, другую причину необходимо видеть в факте формирования сословий. Глубинные процессы, происходившие в русском обществе, требовали новых политических институтов. Период непосредственной демократии сменялся периодом, когда на авансцену истории должно было выйти сословное представительство. Через столетия начнут созываться земские соборы. Но вместе с тем эхо вечевых событий еще не раз будет слышно в XVI и XVII вв.

Другой властный институт русского средневековья — институт тысяцких — тоже находит свои социальные истоки в прежнем периоде — Киевской Руси, и даже в более раннем — у восточных славян «докиевского» времени. «Тысяча» с тысяцким существовала в рамках десятичной организации восточных славян. В XI–XII вв. древнерусские тысяцкие — это прежде всего военачальники. Наряду с военной деятельностью тысяцкие также «судили и рядили» (управляли). Так, «Русская правда» составлялась при участии тысяцких. «Держать тысячу» означало постоянную должность. Тысяцкие занимали высокое социальное положение в системе администрации города и земли в целом, и летописец, зачастую при описании тех или иных событий, наряду с князем упоминает и имя тысяцкого. Тысяцкие были как княжескими, так и земскими. В первом случае они назначались князем, во втором — выбирались общиной. Но даже если тысяцким становился «княж муж», то в условиях древнерусской действительности он, как и сам князь, превращался в «инструмент общинной власти» не только городской, но и волостной, а со временем становился и ее представителем (И. Я. Фроянов).

Тысяцкие существовали на Руси повсеместно: в Новгороде, Киеве, Белгороде, Переяславле, в Галицко-Волынской земле, наконец, на Северо-Востоке. Известно, что там в первой половине XII в. вместе с князем Юрием Долгоруким находился ростово-суздальский тысяцкий Георгий Симонович. Именно он организовывал общественную жизнь края — «содержал княжения область», ибо сам князь занимался борьбой за киевский «злат стол». А ког-

да же, наконец, «сяде Георгий Володимеричъ Кіеве», то «тысяцкому же своему Георгиеви, яко отцю, передаст область Суждальскую». Возможно, что наследниками тысяцкого Георгия были в XIV в. московские тысяцкие. Во всяком случае, первый московский тысяцкий Протасий Федорович пришел в последней четверти XIII в. в Москву именно из района Владимира-Суздаля.

Тысяцкие XIII–XIV вв., как и их предшественники, играют «выдающуюся роль» (Ю. А. Кизилев) в общественной жизни. Так, в 1252 г. «приде Олександр князь великий ис татар в град Володимерь, и у сретоша и со кресты у Золотых ворот митрополит и вси игумени, и гражане, и посадиша на столе отца его Ярослава, тысяццо предержащу Роману Михайловичу, и весь ряд». Это сообщение о тысяцком, считает П. П. Толочко, «указывает на концентрацию в его руках всей полноты исполнительной власти не только в городе, но и в земле или волости». И другие источники отводят им место возле князя, подчеркивая, что от них тоже может исходить такая же «прострожа», как и от князей. Сфера деятельности тысяцких в это время расширяется. К руководству военным ополчением и обороной, судопроизводству прибавляется теперь распределение повинностей, участие в торговом суде и подписании княжеских договоров. Несмотря на назначение князем, тысяцкий «занимал независимое положение по отношению к князю и стоял как бы над ним» (Ю. А. Кизилев). Непосредственной причиной такого возвышения тысяцких являлась их прямая связь с делами и чаяниями свободного населения городов. Сила тысяцких состояла в том, что они могли опереться на широкие слои горожан; «смена тысяцкого затрагивала интересы многих горожан и была важным политическим делом, а не просто сменой одного княжеского чиновника другим»²⁴. В отличие от времен Киевской Руси, в Московской Руси тысяцкие были, как правило, коренными элементами волости: и по происхождению, являясь «уроженцами» данной местности, и по должности, которая передавалась от отца к сыну.

Тысяцкие в XIII–XIV вв. известны в больших и малых городах Северо-Восточной Руси: Москве, Твери, Рязани, Ростове, Владимире, Костроме, Кашине и др.

В Москве тысяцкими становились представители знатных бояр из родов Хвостовых и Воронцовых-Вельяминовых. При Иване Калите московским тысяцким был родоначальник Воронцовых-Вельяминовых — Протасий, а позже — Алексей Петрович Хвост.

Тысяцкому Хвосту принадлежало село Хвостово с окрестностями, расположенное под городом (в районе современного Замоскворечья). Эта непосредственная близость владений тысяцкого к Кремлю, отмечает М. Н. Тихомиров, «делала его особенно опасным человеком». При Симеоне Гордом он попал в опалу, ибо «вшел в коромолу к великому князю», но после смерти Симеона он вновь занял место тысяцкого. В 1356 г. Алексей Петрович был убит при таинственных обстоятельствах: «неведомо от кого и неведомо кем, только оказался лежащим на площади». И «бысть мятеж великий на Москве ради того убийства». Убийство Хвоста представляется результатом борьбы боярских группировок за власть — должность тысяцкого. Ведь он «пострадал от своей дружины». Почти сразу же эта дружина — «большие бояре московские» — отъехала из Москвы в Рязань. Среди них — и бояре Воронцовы-Вельяминовы.

Вместе с тем в мятеже принимали участие не только боярские группировки, но и горожане — «мужи московские». «Убийство тысяцкого затронуло широкие круги москвичей горожан, в первую очередь купцов», — писал М. Н. Тихомиров²⁵.

Должность московского тысяцкого была отменена в 1373 г. после смерти тысяцкого Василия Васильевича Воронцова-Вельяминова. В Москве Вельяминовы занимали «исключительно выдающееся место, породнившись с княжескими домами». «Современники, — продолжает М. Н. Тихомиров, — говоря о кончине Василия Васильевича, называют его “последним тысяцким”, что указывает на сознательное стремление великого князя упразднить опасный пост тысяцкого»²⁶. В связи с этим вновь имело место недовольство городского населения. Поэтому были предприняты меры. Сына последнего московского тысяцкого, Ивана Васильевича, которого князь опасались, «словили», привезли в Москву и в 1378 г. казнили. «И бе множества народа стояще, и мнози прелезиша о нем печалишася о благородстве его и о величии его».

Тысяцкие существовали и в Твери. Известно, что тверские тысяцкие — бояре Шетневы (Михаил Шетнев, его сын Константин и внук Иван Константинович) участвовали в восстании 1327 г. Важным для понимания значения этого института земской власти является обстоятельство, подмеченное Н. Н. Ворониным: «тверской тысяцкий поставил свой храм не в Кремле... а вне Кремля, на Загородном посаде “старой, богатой Твери”, как бы подчеркивая

этим свою социальную связь с демократическими слоями городского населения». Должность тысяцкого существовала в Нижнем Новгороде в 60-е гг. XIV в. В 70-е гг. тысяцкий по имени Василий был в Костроме. Тысяцкие отмечаются не только в городских центрах Северо-Восточной Руси, но и в малых городах: например, в Тверской земле. По «Инока Фомы слову похвальному...», «тысяшники земские» упоминаются в середине XV в. в Кашине.

Со второй половины XIV в. существование института тысяцких приходит в противоречие с растущей княжеской властью. Начинается борьба, закончившаяся вытеснением и, как видим на примере Москвы, даже физическим уничтожением этих представителей средневекового русского земства. Ранее всего это происходит с московскими тысяцкими, в то время как в других городах продолжается их деятельность. Значительно дольше удержались тысяцкие в Твери, а в ее округе (Кашине) — даже до середины XV в. Все это говорит, в конечном итоге, о том, что и этот институт традиционной власти имел серьезную социальную опору даже в XIV–XV вв. (есть упоминания о существовании тысяцких и в 60-е гг. XVII в.).

В XI–XII вв. «наблюдается тесная связь института тысяцких с сотенным управлением» (П. П. Толочко). И в XIII–XIV вв. тысяцкому как представителю свободного (ремесленного и торгового) населения города, а также сельской местности, подчинялись такие административно-территориальные образования, как сотни.

Сотенное и десятское деление также является древнейшей общественной организацией свободного населения. Первые сведения о сотских и десятских относятся к X в. Сотни в то время представляли собой, прежде всего, военные единицы. С течением времени сотенная система меняется: исчезают военные функции. Сотня становится одной из важнейших общественных ячеек: административно-территориальной единицей. Сотских, пятидесятских, десятских можно увидеть теперь уже и при исполнении обязанностей, преимущественно административно-гражданского характера.

Во главе городских сотен, состоявших из «молодых», «средних», «лучших» горожан, стояли выборные «добрые люди»: сотские и старосты. В их компетенцию входили сбор и раскладка податей по «городовому делу», наблюдение за порядком и целостностью сотен. По этим вопросам им было подвластно не только свободное население, но и лица, пользовавшиеся финансовыми

льготами. Так, правительственные специальные сборщики, являвшиеся в городские сотни, могли действовать только через старост и «лучших людей».

Должности сотских в городах сохранились и в XVI в. (а в Москве остатки самоуправляющихся сотен сохранялись даже в XVII в.). Ю. А. Кизилов отмечает, что в это время сотские рассматривали гражданские дела между членами сотен, обязаны были заниматься текущими проблемами городского хозяйства: постройкой и ремонтом мостовых, содержанием улиц в чистоте, а также — по-прежнему — сбором податей и налогов. Сотские имели в подчинении десятских, «из коих поручен каждому надзор над десятью домами, отчего всякий беспорядок скорее обнаруживается, а общественная служба отправляется поспешнее», — писал посетивший Россию в конце XVI в. англичанин Дж. Флетчер. Вместе с тем сами сотские подчинялись в ряде вопросов старостам²⁷.

Как и в Древней Руси, в XIV–XV вв. городские сотни не существовали изолированно, а оставались организационно связанными с сельскими сотнями. В Северо-Восточной Руси сотенное деление было принято наряду с делением на волости, во главе которых стояли старосты. По Ю. Г. Алексееву, «сотские продолжают существовать повсюду». Обычными формулировками актовых документов этого времени являются такие: «слуги потягли в дворьскому, а черные люди к сотьскому». В сотниках, пятидесятниках, а также в старостах обычно видят лиц выборных от общин. В источниках эти волостные представители выступают под терминами «большие люди», «лучшие люди», «добрые люди». Сотские руководят и управляют черными людьми — свободными крестьянами-общинниками, составлявшими основную массу населения средневековой Руси вплоть до конца XVI в. Как правило, сотник осуществлял руководство над населением нескольких деревень, иногда — даже свыше десяти.

В «правой грамоте» (1485–1490) речь идет о судебной тяжбе между Троице-Сергиевым монастырем и черносошными крестьянами из-за пустоши, которую крестьяне считали своей («пустышь наша тяглая волостная»). Примечательно, что крестьяне в споре, видимо по привычке, ссылаются на своего сотского, говоря: «у нас на то Семен сотский». «Иными словами, — комментирует эту ситуацию Ю. В. Бромлей, — надзор за пустошью, то есть общинными землями, — одна из обязанностей сотских». Он же распрос-

траняет этот вывод на определение границ волостей или земель. Общинная администрация также неизменно присутствует на судебных заседаниях по вопросам поземельных отношений, проводимых княжеской администрацией, а то и сама проводит суд.

Выборные волостные лица могли самостоятельно осуществлять раскладку налогов и повинностей, предоставление податных льгот. Можно говорить и об их полномочиях по созыву территориальных сходо́в, на которых решались насущные вопросы.

Источники отмечают, что староста был главным распорядителем на традиционных пирах, братчинах и празднествах. По этому праву он мог не пустить на праздник незваных гостей, будь это даже представители княжеской администрации, приехавшие без приглашения.

Вместе с тем общинные (мирские) власти сосуществовали с княжеским управленческим аппаратом (наместниками, волостелями, тиунами и пр.), который также расширялся: совершенствовались и усложнялись его функции. Такое сосуществование современные исследователи истолковывают, как правило, как проявление подчиненности, зависимости общинной местной организации от княжеской власти. «Будучи подчинены наместникам, волостелям и их тиунам, мирские выборные функционировали в качестве органа, осуществляющего волю господствующего класса», — считает Л. В. Данилова. Безусловно, князья XIV–XV вв. обладали большей публичной властью, нежели их предшественники. Но наряду с этим их должно рассматривать не столько как власть, противостоящую общине, сколько по-прежнему в качестве элемента традиционной общинной власти — исполнительной по своему характеру и основной. Только в этой связи и возможно говорить о «сращенности» местной администрации общины и княжеских управленцев, а также о «дуализме» сотенного управления. Представляется, что прав был И. Д. Беляев, писавший, что «княжеские и земские власти во все время татарского владычества почти всегда имели одинаковую силу и так были связаны друг с другом, что ни та, ни другая власть не могла действовать отдельно»²⁸.

Мирская организация была настолько жизнеспособна, что сохранялась даже при отходе черной волости в частное владение — вотчину. Более того, даже когда «крупная вотчина складывалась из разрозненных кусков, в ней воссоздавалась крестьянская община по типу мирской организации черной волости. Во главе ча-

стновладельческой общины, так же как и черных волостей, видим старосту и добрых людей-старожильцев, представлявших общину перед господином, а в некоторых отношениях и перед внешним миром»²⁹.

Таким образом, вывод, сделанный еще в начале XX в. Н. П. Павловым-Сильванским, остается по-прежнему актуальным. Он писал: «Общинные союзы, волости и марки, широко развитое самоуправление этих органически сложившихся территориальных союзов были главной основой древнейшего государственного строя».

***

Итак, монголо-татарское влияние не изменило кардинально сущность политического строя средневековой Руси и тех общинных порядков, которые существовали ранее. И в этой связи характерными являются события, произошедшие во второй четверти XV в.

Обычно их называют «феодалной войной», имея в виду усобицу и военные предприятия князей. При этом на второй план отодвигается тот факт, что в военных действиях (и не только) основную силу составляли широкие народные массы различных регионов Руси. На них опирались князья, и без этой основы невозможно представить их успехи или неудачи. Война 1425–1451 гг. может рассматриваться в рамках противоборства старых древнерусских традиций народовластия, наиболее сохранившихся на черносошном Севере, и новых веяний, укрепляющих великокняжескую власть, что в большей степени было присуще московскому центру³⁰.

Поводом для ее начала послужил династический конфликт между князьями Московского дома. После смерти Василия Дмитриевича претендентов на великокняжеский престол вследствие неясности в наследовании оказалось двое: его сын — десятилетний Василий и младший брат — звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич. Юрий отстаивал родовой принцип наследования («от брата к брату»). А Василий — семейный («от отца сыну»). Уже в первых столкновениях участвовали собранные Юрием на северных территориях войска. После первой неудачи в 1433 г. Галицкие войска овладели Москвой, а Юрий стал великим князем. Но, не получив поддержки от московского населения и

бояр, он был вынужден покинуть город. На следующий год он вновь завоевывает московское княжение, но через два с половиной месяца умирает.

На арену теперь выступают его сыновья: Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Первый из них, находясь в Москве, объявил себя наследником, но его не признали два других брата, сказав: «Аще не всхоте бог, да княжит отец наш, а тебя и сами не хотим». Юрьевичи предпочли видеть на престоле слабейшего, как им казалось, — Василия Васильевича, но ошиблись. Война продолжалась, вовлекая все более широкие массы населения. Именно теперь она превращается в борьбу за прежние вольности. Театр военных действий, кроме близких к Москве районов, охватывает Верхнюю Волгу и Поволжье с окраинными городами: Вяткой, Вологдой, Устюгом, Костромой. Князь авантюрного склада, Василий Косой, переоценил свои силы и умудрился растерять своих надежных союзников. Василию Васильевичу, наоборот, удалось объединить князей «гнезда Калиты». В решающей битве в мае 1436 г. под Ростовом отряды Василия Косого были разбиты, а он сам был схвачен и ослеплен.

С начала 40-х гг. противником московского князя стал Дмитрий Шемяка. В 1445 г. после набега на Русь казанского хана Улу-Мухаммеда Василий Васильевич попадает к нему в плен. Власть в Москве захватывает Шемяка. Однако Василий, пообещав выкуп татарам, возвращается в Москву с ярлыком на великое княжение. С ним приходят татары для получения «откупа». Народ осудил великого князя, чем и воспользовался Шемяка, вновь в феврале 1446 г. утверждаясь в Москве. Василий был ослеплен, поклялся, что не будет претендовать на великий стол, и был сослан в Вологду удельным князем. Однако после этого общество отвернулось от Шемяки: «мнози люди отступают от него». Через год Василий Темный, с которого была «снята клятва», выехал в Москву. В 1450 г. войска Василия Темного под Галичем нанесли решающее поражение Дмитрию Шемяке, который бежал в Новгород, где и умер в 1453 г.

Каковыми были последствия этой «смуты»? Во-первых, победа собственно московских князей означала победу принципов семейного наследования. Переход великого княжения от отца к сыну, безусловно, должен был стабилизировать и укреплять великокняжескую власть. Однако до торжества этого принципа дело не

дошло. И уже при Иване III будут иметь место попытки посадить на трон в обход сына Василия внука Дмитрия. Во-вторых, Москва уже окончательно и бесповоротно стала центром и основной силой территориально-объединительного процесса. Именно с 50-х гг. XV в. начинается последний, успешно завершившийся этап территориальных присоединений наиболее крупных и прежде сильных самостоятельных земель. В этом смысле (территориальном) об Иване III можно говорить как о «государе всея Руси». Присоединение прежде самостоятельных территорий еще не означало «триумфального шествия в этих землях московских порядков». Процесс замены старых местных органов управления, как показал Б. Н. Флоря на примере Твери, на центральное московское растянулся на десятилетия, закончившись, как известно, созданием «органов власти на местах из среды выборных представителей дворянства».

***

«Государем и самодержцем всея Руси» Иван III впервые был назван в 1492 г. Ученые констатировали, что «с понятием о самодержавии общество того времени, прежде всего, соединяла мысль о внешней независимости страны» (М. А. Дьяконов). Большое значение здесь имело свержение ордынского ига. События 1480 г., по словам А. Е. Преснякова, «сделали великое княжение всея Руси суверенным — самодержавным, в исконном смысле слова, — государством». Он же исключительно точно и лаконично сформулировал суть проблемы, сказав о «внешнем самодержавии Великорусского государства».

Тем не менее в современной исторической литературе преобладает мнение, что именно с Ивана III на Руси берут начало абсолютистские стремления и даже деспотическое правление. Но так ли это? Можно ли Ивана III Васильевича считать абсолютным монархом, начинающим ряд «сиятельных» российских деспотов? Вряд ли. Представляется, что Иван III (как, впрочем, и Иван IV) были довольно слабыми монархами, слабыми не как конкретные государственные деятели (личности их были во многом уникальными), а объективно, учитывая те социальные условия, в которых проходило их правление. «Нельзя утверждать, — писал М. А. Дьяконов (вслед за В. О. Ключевским), — что московским государям удалось осуществить идеал неограниченной самодержавной власти... мо-

гущество этой власти сказывалось в отношении к лицам, а не к существующему порядку»³¹. Представляется, что для абсолютной власти еще не наступило время, так как для нее отсутствовала социальная основа. Ни одна социальная группа в конце XV — начале XVI в. не являлась надежной опорой абсолютной власти. Поддержки не было ни в великокняжеской семье, ни среди аристократии, ни со стороны бюрократии, ее не приходилось ждать и от церкви.

В компетенцию великого князя входило издание распоряжений законодательного характера, право назначения на высшие государственные должности, ведение высшего великокняжеского суда — высшей судебной инстанции. Великим князем возглавлялись наиболее значимые военные походы.

Однако великие князья не столько возвышались над удельными и прочими князьями, сколько были первыми среди равных. Как пишет А. А. Зимин, «власть великого князя ограничивалась прочными традициями, коренившимися в патриархальности представлений о характере власти, которые имели к тому же религиозную санкцию. Новое пробивалось с трудом и прикрывалось стремлением жить как отцы и деды»³².

Традиции настолько довели над великим князем, что не имея возможности прекратить выделения своим детям уделов, он одновременно вел борьбу с самовластием удельных князей — своих братьев. Не говорит о силе князя развернувшаяся в последние десятилетия княжения Ивана III династическая борьба между группировками его внука Дмитрия (сына умершего в 1490 г. Ивана Ивановича Молодого) и сына от второй жены — Софьи Палеолог — Василия.

К концу княжения самого Ивана III в пределах московской земли оставался лишь один удел. Но великий князь в завещании «одаривает» уделами не только Василия, но и четырех его младших братьев. Правда, ставший великим князем Василий получает значительно большую часть территории, чем его братья — удельные князья, вместе взятые (66 городов, в то время как братья — 30), только он наследует выморочные (без наследников) уделы и только его детям может принадлежать великое княжение, от которого заранее отказались братья. К концу княжения Василия III уделов осталось всего лишь два: Дмитровский, где княжил Юрий Иванович, и Старицкий, принадлежавший Андрею Ивановичу. Все же опасность удельных князей сохранялась.

Что же касается личности Ивана III, то, по словам Ю. Г. Алексеева, «на первый план выступают такие черты, как осмотрительность, проницательность и дальновидность в сочетании с широким кругозором, стратегической масштабностью мышления и исключительной твердостью и последовательностью в достижении поставленных целей. Он не поражал воображение современников ни личной воинской доблестью, как его прославленный прадед, ни кровавыми театральными эффектами, как печально знаменитый внук. Он не отличался традиционным благочестием хрестоматийного князя русского средневековья, ни нарочитым новаторством Петра Великого. Сила ясного ума и твердость характера — вот его главное оружие в борьбе с многочисленными врагами. Его можно назвать неутомимым тружеником, шаг за шагом идущим по избранному пути, преодолевая преграды»³³.

Во всех государственных делах великий князь координировал свои предложения с мнением Боярской думы — совещательным органом, ставшим теперь постоянным. Один из бояр (Берсень-Беклемишев) позже вспоминал, как проходили заседания думы: «наш великий князь против себя встречу (возражение, спор) любил, и тех жаловал, кто против него говаривали и старых обычаев не переменил». В конце XV в. дума состояла из двух чинов: бояр и окольничих. Численный состав был небольшим: 10–12 бояр, 5–6 окольничих. Боярство было представлено людьми из старых московских боярских фамилий: великий князь при назначении на должность традиционно считался с определенным кругом боярских родов. В среде этих бояр в XV в. сложились местнические отношения, которые регламентировались не родовитостью, а службами предков. С присоединением земель в состав боярства стали входить князья прежде независимых княжеств («княжата»), что означало снижение их социального статуса. Окольничии стояли несколько ниже бояр, но также принадлежали к ближайшему окружению великого князя, будучи советниками и судьями. При Василии III в думу уже входят «великие», или «введенные», дьяки (позже они стали называться «думными дьяками»), а также представители московского дворянства — «думные дворяне».

Во второй половине XV в. начинает складываться центральная исполнительная власть, органы которой позднее станут называться приказами. Ю. Г. Алексеев считает, что эта система управления «в своих первичных чертах может быть прослежена... начи-

ная с 60–70-х гг. XV в.»³⁴. Но при этом он отмечает, что она «складывалась спонтанно». Приказы зародились в недрах княжеской системы управления из временных поручений, как правило, даваемых боярам. С конца XV в. эти единоличные поручения начинают превращаться в настоящие присутственные места («избы»). При Иване III заметно усиление ведомства дворецкого и ведомства казначейства. Дворецкий ведал личными, дворцовыми землями великого князя, а также рассматривал земельные тяжбы и осуществлял суд. С присоединением новых территорий на них появились местные дворцы, а из Москвы стал осуществлять управление ими приказ Большого дворца. Другое ведомство — казначей — ведало не только великокняжеской казной, но и играло также роль главной дворцовой канцелярии и архива и даже руководило внешней политикой. Именно из Казны в начале XVI в. выделяется целый ряд новых приказов.

Еще одним источником зарождавшейся приказной системы была Боярская дума. Для решения тех или иных вопросов при ней создавались особые комиссии, важнейшие из которых трансформируются в дальнейшем в приказы. Так были образованы, к примеру, Разрядный и Разбойный приказы.

В конце XV–XVI вв. в государственном управлении значительную роль начинают играть неродовитые, но грамотные чиновники — дьяки, ставшие реальными исполнителями великокняжеской власти. Они образовали первоначально аппарат Боярской думы, Казны и Дворца, а затем и приказов. Специализируясь на исполнении определенных поручений (финансовых, дипломатических, военных), дьяки подготовили создание органов управления с новым функциональным, а не территориальным распределением дел. Однако значение первых ростков приказной системы, полагает А. А. Зимин, нельзя преувеличивать. Тем более, что в середине XV в. число «предбюрократии» составляло всего 50 человек, а при Иване III — не более 200.

Параллельно с формированием центральных органов власти в Москве происходили и изменения в органах власти на местах. С присоединением к Москве удельных земель одни князья, сохраняя суверенитет, вынуждены были повиноваться, другие перешли на положение великокняжеских слуг и становились наместниками и воеводами.

Во владениях удельных князей сохранялась система управле-

ния, сложившаяся в XIV–XV вв. Средоточием правления был княжеский дворец, состоявший из хозяйственно-административных ведомств. Крупнейшими из них были ведомства дворского, казначея, конюшего и оружейного. Общее название этих правителей — «введенные бояре». Из них же состояла и княжеская дума, не являвшаяся постоянным органом и созывавшаяся князьями по мере надобности. В ведении удельных князей был суд по «земельным» и «разбойным» делам, а их денщики собирали в удельную казну пошлыны и поборы. Таким образом, удельным князьям предоставлялась довольно большая свобода действий во внутренних делах, чего не скажешь о внешнеполитической сфере, в которой устанавливалось полное их подчинение московскому князю. Что касается территории, управляемой служебными князьями, то она становилась административно-территориальной единицей в системе уже общерусского управления — уездом. Так как границы уездов восходили к рубежам прежних независимых земель, их размеры были разнообразны. В XV в. уезды уже подразделялись на станы и волости. Власть в уезде и его центре — городе — принадлежала наместнику, а в станах и волостях — волостелям. Наместники и волостели присылались из Москвы. Они получали управление территориями «в кормление» (отсюда их обобщенное название — кормленщики). Кормления состояли из судебных пошлын и части налогов. Кормления являлись вознаграждением, но не за исполнение настоящих судебных и административных обязанностей, а за прежнюю военную службу. Поэтому они относились к своим обязанностям небрежно и передоверяли их своим тиунам — управителям. Не было строгой системы ни в назначении кормленщиков, ни в определении размеров их «корма». В целом система кормлений являлась неэффективной.

***

Сложными оставались и отношения светской власти с церковью. Монголо-татары, у которых веротерпимость была возведена в ранг закона, не требовали выполнения повинностей от церкви. Так, они не произвели перепись и не обложили данью в 1257 г. «игуменов, чернецов, попов, крилошан, кто зрит на св. Богородицу и на владыку». В дальнейшем (до 1379 г.) отношения татар и русской церкви регулировались ханскими ярлыками, выдаваемыми митрополитам. В ярлыке 1267 г. (хана Менгу-Тимура) подтвер-

ждается церковный иммунитет: «да правым сердцем молят за нас Бога и за наше племя без печали и благославляют нас, и не надобе им дань и тамга и поплужное, ни ям, ни подводы, ни воина, ни корм». Это в основном повторяется и в других ярлыках. Правда, в середине XIV в. (видимо, вследствие принятия ордой мусульманства) монголы попытались принудить платить дань и церковь. Но уже с ярлыка митрополиту Алексею (1357 г.) привилегии восстанавливались.

С XIV в. начинается острое политическое противостояние церкви и светских властей. Усилившись экономически, став крупным землевладельцем³⁵, церковь начала претендовать на принятие самостоятельных независимых решений. Ряд историков видят в деятельности митрополита Алексея, а также Сергия Радонежского (современники Дмитрия Донского) тенденцию к установлению на Руси даже теократического правления. Светская власть в лице великих князей зачастую вынуждена была искать компромиссные пути.

В середине XV в. решалась и другая задача: приобретение независимости русской церкви от константинопольского патриарха, которому она была подчинена со времен принятия христианства на Руси. Вместе с тем возникла угроза проникновения в русские земли католичества.

В 1439 г. во Флоренции была заключена уния (союз) между православной и католическими церквями под главенством Папы Римского. В работе флорентийского собора участвовал и митрополит Руси, ставленник константинопольского патриарха Исидор. Однако по возвращении на Русь в 1441 г. за поддержку унии он был арестован Василием II, но бежал в Рим. Лишь через семь лет собор русских митрополитов избрал нового митрополита — не присланного из Константинополя, а рязанского епископа Иону, ставленника Василия Васильевича. После падения в 1453 г. под ударами турок-османов Константинополя право выбора русского митрополита окончательно закрепилось за русским епископатом. Активно вмешивались в церковные дела и великие князья. Однако представлять церковь того времени послушной и беспрекословной нет никаких оснований. Наоборот, противостояние церковной и княжеской власти в конце XV–XVI вв. подчеркнуло относительную слабость московской государственности. И это несмотря на то, что церковь в этот период не была монолитной ни идейно, ни организованно.

Вторая половина XV — первая половина XVI в. — время острых религиозных споров. По свидетельству Иосифа Волоцкого, «ныне и в домах, и на путях, и на торжищах иноци и мирьстии и вси сомнеются, вси о вере пытаются... от еретиков».

Еретичество появляется на Руси еще в XIV в. Ереси — это религиозные учения, противоречащие ортодоксальным догматам церкви. Так, возникшая в 70-е гг. в Новгороде ересь стригольников отвергала церковные обряды, возвеличивание духовенства. В учении этих «сектантов» усматриваются также некоторые черты язычества³⁶. Несмотря на преследования, сторонники стригольничества (нижнее духовенство и ремесленники) встречаются и в середине XV в.

Новая ересь (с 70-х гг. XV в.) получила название ереси «жидовствующих», так как эти еретики использовали Ветхий завет и сочинения иудейских авторов. Еретики-священники отрицали церковную иерархию, не принимали догмат о триничности божества, считали ненужными иконы и обряды.

Против еретичество, расшатывающего основы православия, русская церковь повела решительную борьбу. Высшие церковные иерархи новгородский архиепископ Геннадий и настоятель крупнейшего подмосковного монастыря — Волоколамского — Иосиф Волоцкий призывали применить против них силу. В 1490 г. ересь была осуждена церковным собором в Москве. Тем не менее она проникла даже в великокняжеский дворец, и одно время еретикам покровительствовал сам Иван III. Но в 1502 г. он окончательно порвал с ними. Тогда новый церковный собор 1504 г. осудил еретиков на смерть. Еретиков этого и последующего времени зачастую именуют «вольнодумцами»: представителями передовой, прогрессивной для России западноевропейской мысли. Вряд ли это так, хотя бы потому, что им приходилось бороться не только с русской церковью, но и в целом с основами присущего русскому народу православного мировоззрения и бытия. Вместо этого они пытались привнести и утвердить западноевропейские порядки.

Внутренне церковное движение связано с такими направлениями, как «иосифлянство» и «нестяжательство»³⁷. В центре спора между их представителями лежал вопрос о церковных богатствах. Теория «нестяжательства» зародилась в конце XV в. среди монашества воложских монастырей. Их идеологом стал Нил Сорский. Он настаивал на необходимости строгого исполнения церковных

правил и обрядов, в целях нравственного самоусовершенствования проповедовал ведение аскетического образа жизни и отказ от мирских удовольствий. Нил пришел к выводу о вреде монастырского крупного землевладения и считал возможным его ликвидацию. На церковном соборе в 1503 г. нестяжатели выдвинули программу, «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернцы по пустыням, а кормили бы ся рукодельем».

Другие церковные деятели, напротив, настаивали на необходимости для церкви иметь большие материальные средства, чтобы можно было успешно выполнять функции проводника христианской веры. Они также требовали невмешательства светской власти в церковные дела, добиваясь сильной, богатой и независимой церкви, занимающей высокое положение в политической жизни государства. Во главе этого направления стоял Иосиф Волоцкий (отсюда — «осифляне»).

Между нестяжателями и осифлянами развернулась борьба, продолжавшаяся до середины XVI в. Великокняжеская власть, преследуя свои интересы, первоначально поддерживала нестяжателей. Однако церкви удалось отстоять свое имущество, а нестяжатели потерпели поражение. Несмотря на это, в первые годы своего правления Василий III все еще поддерживал их. Но вскоре выяснилось, что при относительно слабой княжеской власти ориентация на сильную церковь более предпочтительна. Шаг навстречу сделал и глава осифлян. Борьба против нестяжателей приобретает более решительный характер. Пострадали крупнейшие деятели нестяжателей: большой боярин Берсень-Беклемишев (1525), видный богослов Максим Грек (1525 и 1531) и князь, постриженный Иваном III в монахи, — Иван Патрикеев. К середине XVI в. вновь возникает возможность повести наступление на церковные владения.

Таким образом, русская церковь, испытывая сильные потрясения в своей внутренней жизни, преследуя свои собственные цели, поддерживала великокняжескую власть только при наличии собственных интересов.

***

Для удержания и упрочения власти великому князю пришлось обратиться к традициям земского общественного устройства. С Ивана III на новом, впервые общегосударственном уровне начинается возрождение самоуправленческих начал, собственно, как

мы видели, и не умиравших, но несколько отошедших в тень. Сделанное же Иваном III не было забыто и его последователями, получив логическое завершение при Иване Грозном.

В городах на рубеже XV–XVI вв. создается институт городских приказчиков. Несмотря на то, что это были представители администрации великого князя, назначались они обычно из числа местного дворянства (детей боярских). Городовые приказчики ведали непосредственно городскими крепостями, являясь как бы военными комендантами. Однако постепенно они начали заниматься и другими вопросами, связанными с военно-административным управлением: строительством мостов, дорог, обеспечением военных перевозок и хранением оружия. Одной из главнейших их обязанностей стало проведение уездной мобилизации крестьянского и городского ополчения. В их руках сосредотачивались и финансовые дела.

Ю. Г. Алексеев для последних десятилетий XV в. считает возможным говорить о «реформе местного управления. Именно к этому времени относятся правительственные акты, регулирующие деятельность местных органов власти — наместников и волостелей, и формирующие основные принципы суда и управления»³⁸.

Опыт выдачи московскими князьями особых уставных грамот, в которых фиксировались пределы прав кормленщиков и их обязанности по отношению к населению, уже был. Так, уже в 1397 г. Василий Дмитриевич дал такую грамоту всему населению Двинской земли — от «бояр двинских» до сотских и «всех своих черных людей», всему «самоуправляющемуся земскому миру» (С. В. Рождественский). Она гарантировала право обращения к княжескому суду любого человека в случае злоупотребления чиновника.

Белозерская уставная грамота 1488 г. еще более широко регламентировала взаимоотношения между органами центральной власти (наместниками) и местным населением. В ней не только повторялась, но и расширялась норма, обеспечивающая право белозерцев жаловаться великому князю на наместников и их помощников. По ней также устанавливалось «сместное» (совместное) судебное разбирательство: наместничий суд был правомочен только при присутствии общинных представителей. Двинская и особенно Белозерская уставные грамоты, таким образом, отражают стремление центральной власти ограничить самовластие наместников, с одной стороны, а с другой — утверждают признание цен-

тром большой значимости в местном управлении общинных организаций.

Чрезвычайно важен вывод, который делает Ю. Г. Алексеев: «Хотя уставная грамота (Белозерская. — Ю. К.) непосредственно обращена к уставу только одного уезда, перед нами документ принципиального значения. Грамоту можно рассматривать как типовую... Видимо, предполагалось подобные грамоты дать и другим уездам Русского государства». Ряд норм и положений грамоты вошли в первый общерусский свод законов Московской Руси — Судебник 1497 г.³⁹

Основной вопрос Судебника — организация судебно-административной системы как в центре, так и на местах. Вводились три типа суда: бояр и окольничих великого князя, наместников и волостной. Проводилась также последовательная регламентация пошлин за все виды судебной деятельности. Судопроизводство вместе с тем предусматривало обязательное участие в избирательстве «добрых христиан» — представителей местного населения. Без них наместники судить не могли. Кроме того, ряд дел (уголовные и о холопах) наместники судили только «с судом боярским». Впервые вводился и опрос представителей местного населения. Таким образом, деятельность наместников ограничивалась и «сверху», и «снизу».

Другой сферой приложения Судебника 1497 г. стала сфера социальных отношений: поземельная собственность и зависимое население. В нем впервые в законодательстве упоминается о такой форме крупного землевладения, как поместье, которое вместе с черными землями ставится в привилегированное положение по сравнению с боярскими и монастырскими вотчинами. Так, иск о вотчинной земле можно было предъявлять до трех лет, иск о государственной (помещичьей и черной) — в течение шести. Допускался земельный иск и черносошных крестьян к помещику, что зафиксировало охрану черных земель от захвата частными землевладельцами.

Статья 57 «О христианском отказе» вводила одновременный для всего государства срок, в течение которого частновладельческим крестьянам разрешалось покидать своего господина. Срок этот — за неделю до и после Юрьева дня (26 ноября) — был связан с окончанием сельскохозяйственных работ. В случае ухода крестьянин платил хозяину «пожилое» — плату за пользование крес-

тьянским двором. Распространенное в исторической литературе мнение, что введение Юрьева дня явилось шагом на пути крестьянского закрепощения, неверно. Речь шла о закреплении в общегосударственном масштабе давно существовавших традиций взаимоотношений крестьян и землевладельцев. Основная масса русского крестьянства, таким образом, имела и право, и возможность перемены владельца. Социально-экономические и социально-политические отношения были еще далеки от жестокого крепостничества. Более того, считается, что вообще внутреннюю политику Иван III проводит в интересах земщины как основной социальной опоры великокняжеской власти, проявляя при этом «большую гибкость и дальновидность, используя сочувствие, помощь и поддержку народных масс» (Ю. Г. Алексеев).

Такова, к примеру, аграрная политика «государя всея Руси». Рядом современных исследователей отмечалось, что в конце XV — начале XVI в. великокняжеская власть «была заинтересована в сохранении фонда черных и дворцовых земель», крестьянство же, в свою очередь, «способствовало сохранению материального перевеса великокняжеской власти над ее противниками»⁴⁰.

В интересах горожан проводится торговая политика (П. П. Смирнов, Ю. Г. Алексеев), приведшая по сути к образованию городского сословия. Здесь примером является торговая реформа 60–70-х гг. в Суздале, которая, по мнению Ю. Г. Алексеева, «была не случайным явлением». Великий князь «пожаловал суздальцев городских людей: не велел... в городе сельским торговцем стоять и наряду с солью продавать безмен и в денежник»⁴¹. Таким образом, торговля в городе становится исключительным правом посажан. Так же и Белозерская уставная грамота разрешает только «городским людям белозерским посажаном за озеро ездити и торговати по старине». Обращает на себя внимание и то, что так было и ранее — «по старине». Следовательно, Иван III лишь продолжает и подтверждает имевшую место истари практику ведения торговли.

Последний вывод можно распространить, как кажется, на многие мероприятия Ивана III в отношении земщины: это не нововведения, а, так сказать, хорошо забытое старое; Иван III по сути возрождает то, что существовало и до него, но только теперь пытается осуществить это в общерусских масштабах. Возвышение же своей «самодержавной» власти он видит в широких слоях населе-

ния — в земстве. В этом суть его государственной политики, в этом его заслуга в строительстве единого Русского государства.

В отличие от ряда исследователей, усматривающих появление самодержавной власти в татарский период как следствие ордынского ига, необходимо сказать, что реальные признаки самодержавной власти появляются как раз после свержения ига. Однако самодержавие опирается в своем возвышении на традиции земского управления и собственно на слои самого земства, участвуя, таким образом, в формировании сословий крестьян, горожан, служилых людей (дворян). В конце XV — начале XVI в. самодержавие не может существовать без земства, как, скажем, в начале XVII в. земство не могло существовать без монархии. В целом без изменений земская политика остается и при Василии III Ивановиче, от времени княжения которого сохранилось несколько грамот, данным им на Белоозеро и другие территории.

***

Подведем итоги. В Северо-Восточной Руси второй половины XIII–XIV вв. продолжала существовать система земель-государств. Нас не должно смущать то обстоятельство, что главными городами выступают другие городские центры, нежели в древнерусский период. Система средневековых русских городов-государств предстает перед нами мобильной и развивающейся. В рассматриваемый период происходят процессы, имевшие место и ранее. В частности, это возвышение прежних пригородов, перемещение в них функций главных городов, понижение статуса некоторых городов. Новыми крупными центрами становятся вчерашние пригороды: Москва, Тверь, Нижний Новгород, Ярославль и др. Некоторые главные города сохраняют свое положение: недолго — Ростов, намного дольше — Рязань. «Образование более крупных уделов» — Тверского, Ярославского, Ростовского, Белоозерского, Московского и других, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, «не имеют феодального характера, представляя собою обыкновенное разделение единого государства на несколько равноправных государств». Наряду с этим и в рамках этих волостей продолжается политическое дробление.

Конечно, и внутри самой системы города-государства происходят достаточно существенные качественные изменения. Но в целом средневековый русский город-государство наследует основ-

ные черты древнерусского города-государства. Мы отмечали выдающуюся социально-политическую активность населения, выражавшуюся прежде всего в вечевых собраниях; в ряде случаев можно указать на социальное единство горожан и селян, важнейшим фактором становится функционирование сотенной системы, наконец, немаловажную роль продолжает играть народное ополчение. В социально-экономической сфере вследствие медленного роста крупного землевладения основой оставалась общинная экономика. Все это чрезвычайно существенно для постановки вопроса о том, что город в XIII–XIV вв. сохраняет преимущественно свою прежнюю структуру и функции, являясь, следовательно, гарантом действенности системы городов-государств.

Существенные изменения происходят начиная со второй половины XIV в. К этому времени наиболее могущественным городом-государством становится Москва. Ее князьям удается ликвидировать главенство, хотя и формальное, символическое, Владимира. Переход великокняжеского стола из Владимира в Москву М. Ф. Владимирский-Буданов объяснял следующим образом: «Это означало лишь новую победу пригорода над старшим городом подобно тому, как в XII в. город Владимир оттеснил собою Ростов и Суздаль»⁴². (Мотивы этого «падения» бывшего «столом земли Руския» «многославный Володимеря» присутствуют в летописных записях начала XV в., осторожно противопоставляющего древности и значение Владимира Москве. «И такового града, — горестно констатирует летописец, — не помиловавшие Москвичи»⁴³. Отголоски древнего межгородского противостояния (главный город — пригород) обнаруживаются в этой лаконичной фразе.)

Попадают в зависимость от Москвы Ростов и Ярославль. Крупные и важные территориальные приобретения дают возможность Москве усилиться, как никогда прежде. Увеличивается и власть московских князей. Много сказано о причинах этого «возвышения». Очевидно, не последнюю роль в этом сыграла и московская «земщина», фактор которой учитывается недостаточно. Хотя еще И. Д. Беляев отмечал, что «московская земщина особенно отличалась привязанностью к своему княжескому дому; она как-то слилась с княжими боярами, обратившимися почти в земцев, и на своих плечах несколько раз выносила Московский княжеский дом из величайших опасностей; она несколько раз билась с грозными тогда татарами, даже в отсутствие своих кня-

зей, и первая показала пример не уважать ханские ярлыки, ежели они противоречили выгодам Московского княжеского дома. Земщина собственно поставила Московское княжество в такое положение, что оно из младшего и слабейшего в продолжение каких-либо ста лет сделалось первым и сильнейшим во всей северо-восточной Руси»⁴⁴.

Внутреннее устройство Московской земли оставалось еще во многом в рамках города-государства. Не случайно именно здесь еще в середине XV в. в экстремальной обстановке, но происходят вечевые собрания, хотя бы и только московского населения.

Вместе с тем с рубежа XIV–XV вв. система города-государства и, как ее составляющая часть, вече представляются уже архаическими, не соответствующими новым историческим реалиям. Падение во многом уже формальной монголо-татарской зависимости и присоединение Новгорода и Твери довершают дело. Д. Я. Самоквасов пишет, что с присоединением последних земель «Москва получила значение единого старейшего города в России, а старейшие города древнейшей России стали к ней в отношения древних пригородов к городам старейшим, получили значение провинций»⁴⁵. Коренные изменения происходят и во внутреннем устройстве социально-политической системы. Из прежних основных властных структур общинно-вечевого строя остается только княжеская власть.

Таким образом, на рубеж XV–XVI столетий приходится рождение — впервые в истории русской цивилизации — единого национального государства. Государства, воплотившего в себе основы единодержавия и общинности, государства земско-самодержавного по форме и существу.

Примечания

¹ См. подробнее: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 130–135.

² См.: Там же. С. 135–139.

³ См.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 22, 48, 65, 102; *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе // *Исторический архив.* 1940. Т. 3. С. 86.

⁴ См.: *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 136. См. также: *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Этническое самосознание славян в XV столетии.* М., 1995. С. 15–18.

- ⁵ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 506–508.
- ⁶ См. подробнее: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 141–156.
- ⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 129; ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 467.
- ⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.
- ⁹ Там же. Стб. 470.
- ¹⁰ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 58.
- ¹¹ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 38–39, 48–49.
- ¹² Историографию проблемы см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 93–123.
- ¹³ Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 191–192.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 474–475.
- ¹⁵ Подробнее о переписи и в целом о даннической зависимости см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 162–190 и др.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 241–253 и др.
- ¹⁷ Подробно см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 190–206.
- ¹⁸ Беляев И. Д. Судьба земщины и выборное начало на Руси. М., 1906. С. 64.
- ¹⁹ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 206.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 18.
- ²¹ См. ниже.
- ²² ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 171.
- ²³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 135.
- ²⁴ Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992. С. 67.
- ²⁵ Там же. С. 67–68.
- ²⁶ Там же. С. 68–69.
- ²⁷ См.: Кизилов Ю. А. Городской строй России XIV–XV вв. в сравнительно-историческом аспекте // Вопр. истории. 1982. № 12. С. 29.
- ²⁸ Беляев И. Д. Судьба земщины и выборное начало на Руси. С. 66.
- ²⁹ Данилова Л. В. Сельская община в Древней Руси. М., 1994. С. 290–291.
- ³⁰ См.: Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. «Феодалные войны» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. 1992. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. Вып. 3. — Фактологическую канву «войны» см.: Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодалная война в России в XIV в. М., 1991.
- ³¹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 406, 415.
- ³² Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 242.
- ³³ Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 226–227. Ср.: Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002. С. 102–106.
- ³⁴ Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 202–204.
- ³⁵ Ср.: Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. С. 227 и др.
- ³⁶ А. И. Алексеев называет стригильничество «ярким проявлением синкретизма языческих верований и христианства», в то же время считая, что этот феномен «продолжает оставаться во многих отношениях загадкой» (Алексеев А. И. Под знаком конца времен... С. 58–62).
- ³⁷ Подробно см.: Алексеев А. И. Под знаком конца времен...

³⁸ *Алексеев Ю. Г. Реформы 60–90-х гг. в Русском государстве // Феодализм в России. М., 1995. С. 63–64.*

³⁹ *См.: Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. С. 162, 192–193; Он же. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.*

⁴⁰ *Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974. С. 179, 186, 187.*

⁴¹ *Алексеев Ю. Г. Некоторые черты городской политики Ивана III // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 168–169, 172–175.*

⁴² *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 110.*

⁴³ *ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 181.*

⁴⁴ *Беляев И. Д. Судьба земщины и выборное начало на Руси. С. 69.*

⁴⁵ *Самокусов Д. Я. Древние города России: Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С. 55–57.*

Д. А. Котляров

Русь и Поволжье: этнополитическое
взаимодействие (XIV–XVI вв.)

Отношения иноязычных народов с Русью формировали сферу общественно-политического, экономического и культурного синтеза, активность, уравновешенность или замедленность темпов которого зависела от уровня развития производительных сил, структуры собственности аборигенных сообществ, хозяйственных возможностей различных районов, интенсивности их освоения русским населением и времени включения в вассальную и политическую структуру Руси. В начальный период становления древнерусской государственности с ее еще не укрепившимися межобластными связями и сохранением пережитков родового строя финские племена и народы зависели от Руси лишь в данническом отношении и только номинально входили в политико-административную систему государства. С конца XI в. характер социального синтеза в Поволжье меняется. Начинается внутренняя колонизация древнерусским населением Волго-Окского междуречья при поддержке государственной власти земель-волостей, сопровождавшаяся ассимиляцией финноязычных туземцев¹.

Важным шагом по пути усиления полиэтничности Древней Руси, по мнению В. Л. Егорова, «было основание новых организующих центров», таких как Владимир и Суздаль. С этого времени русские князья предпочитали военные походы и насильственный захват земель соседних племен мирному, но длительному процессу их освоения. При этом целью становилось обретение ключевых позиций военно-оборонительного и торгового характера.

Владими́ро-Сузда́льская земля-во́лость нащупывала независимые от юго- и северо-запада Руси внешнеполитические связи по крупнейшей транспортной и торговой артерии — Волге. Река стала и военной магистралью большой стратегической важности².

Следовательно, в первой трети XIII в. наметилась устойчивая тенденция к заселению территории Владимиро-Суздальской земли в направлении полиэтничных районов Среднего Поволжья. Ее развитие было надолго приостановлено (но не прервано) монгольским нашествием, когда на протяжении более чем 100-летнего отрезка русской истории главным было сначала выживание (в XIII в.), а затем — восстановление экономического, военного и политического потенциалов русских земель (в XIV в.)³.

Возобновление наступательной политики Руси в Среднем Поволжье относится ко второй половине XIV в. и тесно связано с Нижегородским княжеством. Князь Константин Васильевич, который перенес свой престол из Суздаля в Нижний Новгород в 1350 г., организовал заселение мордовских земель русским населением. При Константине Васильевиче все Поволжье от Юрьевца до устья Суры, от берега Суры до рек Киши и Альгаша принадлежало Нижегородскому княжеству, а от этих рек границы проходили по р. Пьяне до Вада⁴. При его сыне Борисе Константиновиче (Константин умер в 1355 г.) русские селения доходили до Нижней Суры и Волги. Этот район был razoren ордынским князем Булат-Тимуром в 1367 г., но это не остановило колонизационного движения нижегородских князей на восток. В 1372 г. Дмитрий Константинович основал в низовьях Суры г. Курмыш.

Существенным толчком для поступательного продвижения русской колонизации в Среднее Поволжье явилась «замятня» в Орде, начавшаяся в 60-е гг. XIV в. В течение 20 лет (с момента убийства Бердибека в 1359 г. и до вступления на золотоордынский престол Тохтамыша в 1379 г., в Орде сменилось более 25 ханов. Они менялись с такой калейдоскопической частотой, что летописцы не успевали фиксировать их имена⁵. О постоянных неурядицах в политической жизни Орды в этот период сообщали персидские и арабские источники Хамдаллах Казвини, Аноним Искандера, Хайдер Рази, Бедреддин Элайни, Эльдженнаби⁶. Как считает В. Л. Егоров, фактическое прекращение в середине XIV в. завоеваний, бывших одним из основных ресурсов обогащения кочевой аристократии Золотой Орды, настраивало ее против ханской власти, про-

буждая в этой среде сильные сепаратистские устремления. Этот конфликт отразил внутреннюю непрочность всего государства, разобщенность отдельных его частей и резко выросшую роль знати во всех сферах политической жизни Золотой Орды. Одновременно борьба шла и внутри самой золотоордынской государственности, при которой экономическая мощь аристократии, базировавшаяся на собственном улусе и юрте, усиливалась политической мощью, основанной на крупных государственных должностях. В результате кочевая аристократия выступила против ханской власти не единым фронтом, а образуя отдельные соперничавшие между собой группировки, стремившиеся к максимальному расширению своей власти в политическом и территориальном аспектах⁷.

Во время междоусобной войны 60–70-х гг. XIV в. Золотая Орда фактически перестала существовать как единый государственный организм, развалившись на несколько враждовавших между собой частей. Правители каждой из них старались проводить политику, направленную на упрочение своей внутренней власти, увеличение контролируемой территории и обеспечение безопасности от посягательств более сильных соседей⁸. Политический кризис затронул и другие сферы жизни Золотой Орды. Упадок централизма болезненно отразился на положении городов. Археологические материалы и данные нумизматики показывают начало кризиса городской жизни в Золотой Орде уже в 1370-е гг. Этот факт устанавливается по отсутствию монет 70-х гг. и относительно небольшому проценту монет Тохтамыша (1379–1395), найденных на городищах.

Сепаратистски настроенная кочевая аристократия стремилась к захвату отдельных, традиционно оседлых сельскохозяйственных и городских зон (мордовские земли, болгарское Прикамье), которые становились основным источником доходов⁹.

Под 1361 годом в русских летописях говорится об ордынском князе Булат-Тимуре, который захватил город Булгар и «отнял бо Волжьски путь»¹⁰. По мысли М. Г. Сафаргалиева, Булат-Тимур, опираясь на сепаратистские элементы в Булгаре, пытался образовать здесь независимое татарское княжество. Об этом свидетельствуют его монеты, выбитые в городе Булгар, датируемые 768 г. (1366)¹¹. В. Л. Егоров полагает, что удерживать за собой Булгар Булат-Тимур удалось вплоть до 1367 г., когда он был разбит русскими войсками и бежал на Нижнюю Волгу, где и был убит ханом

Азизом. После гибели Булат-Тимура власть в Булгаре захватил местный князь Хасан (в летописях — Осан). Он сохранил свою автономию от Орды до 1370 г., когда при прямой помощи русских войск Мамаю удалось посадить там своего ставленника Мухаммед-Салтана¹². По мнению В. Л. Егорова, Хасан после этого покидает исконно болгарские земли, переправляется на малозаселенное правобережье Камы и утверждает здесь, основав в 70-х гг. новый город — Казань¹³. Источники не позволяют сделать такой вывод, и все дальнейшие предположения В. Л. Егорова о правлении Хасана в Казани выглядят необоснованными. По нашему мнению, можно говорить о соправительстве в Булгаре представителя центральной золотоордынской администрации чингизида Мухаммед-Салтана и местного князя Хасана (Осана). Подобные дуумвираты не были исключением в эпоху средневековья. Пожалование Мухаммед-Салтаном Хасану на условиях феодального подчинения какого-то суюргала на территории Среднего Поволжья, тогда как он был лишь официальным представителем сарайских властей, а реально распоряжался там все тот же болгарский князь, маловероятно. Это подтверждается летописным сообщением о походе русских войск «на Булгар» в 1376 г. Тогда великий князь Дмитрий Иванович «посла князя Дмитрия Михайловича Волынского ратию на безбожных Българы, а князь Дмитрий Константинович Суздальскы послал сына своя, князя Василья и князя Ивана, с ними же бояр и въя многы и приидоша к Болгаром в великое говенье марта в 16 в понедельник на верьбной неделе. Поганые же изъидоша противу их и сташа на бои и начаша стреляти, а инии из града гром пушаху, страшаше Русскыя полкы, а инии из самострелов стреляху, а друзии на вельбудех выехаша, полошающе кони Русскыя, они же никако же сего страшася, но крепко противу сташа на бои и устремишася единомудушно на них»¹⁴. Болгары укрылись за городскими стенами, русские бросились в погоню за ними и «убиша ту бесермен 70». Болгарские «князи» Осан (Хасан) и Мамат-Салтан (заметим, что Хасана русские летописи помещают на первое место, что, по нашему мнению, указывает на его первенствующую роль в управлении Булгаром) «добиста челом князю великому и тьстю его князю Дмитрею Константиновичю двумя тысячами рублев, а дарагу и таможенника посадиша князя великого в Болгарах и отыдоша прочь, много зла сътворивше поганым, суды их и села и зимници пожгоша, а людеи изъсекоша»¹⁴.

По всей видимости, в результате этого похода московскому и нижегородскому князьям удалось поставить под совместный контроль всю торговлю по Волге, которая велась через болгар, посадив здесь своих чиновников, собиравших пошлыны. Однако сил для удержания в своей власти ситуации в Среднем Поволжье у русских князей даже при объединении их войск было явно недостаточно. Поэтому успех не был значителен, и через несколько лет присутствие русских чиновников в Булгаре было ликвидировано местными властями, обратившимися за помощью к Сараю.

На западном берегу Волги в начале 60-х гг. XIV в. золотоордынскими феодалами также предпринимаются попытки создать обособленные владения. Захват Мамаем в 1361 г. Таны (Азова), по мнению М. Г. Сафаргалиева, заставил ордынского князя Секиз-Бея удалиться в район р. Пьяны, где он пытался образовать новое татарское княжество¹⁵.

В 1361 г. «иний князь Ординьский, Тагаи имя ему, иже от Бездежа, а тои Наручады ту страну отняв себе, ту пребываше»¹⁶. Осенью 1365 г. «прииде Тягаи из Наручади в Рязань и взял город Переславль пожже». Князья Олег Иванович Рязанский и Владимир Пронский «поидоша за ним в погоню, постигоша же его, и бысть меж ими сеча зла, и поможе бог христианом, а Тягаи в мале утече в Наручады»¹⁷. С образованием двух самостоятельных княжеств в Среднем Поволжье эта территория оказалась оторванной от Сарая¹⁸. Политические смуты в Орде не могли не сказаться на размещении населения в различных ее регионах. Так, постоянные столкновения в борьбе за власть кочевых аристократов в непосредственной близости от южных болгарских земель наносили серьезный урон населению Закамья. По мнению М. Г. Сафаргалиева, в результате кровопролитных междоусобий к началу лета 1377 г. все улусы Золотой Орды, расположенные к западу от Волги, за исключением Астраханского улуса Хаджи-Черкеса, находились под властью беклербека Мамаю.

Сокрушительное поражение Мамаю в 1380 г. на Куликовом поле от объединенного великим князем московским Дмитрием Ивановичем русского войска явилось четким рубежом завершения периода восстановления экономического, военного и политического потенциалов пока еще разрозненных русских земель¹⁹. Это проявилось, в частности, и в активизации политики московского князя в Среднем Поволжье. Эта территория снова включается в сферу внеш-

неполитических интересов Руси. Решающая роль в выражении этих интересов переходит к Москве. Отчетливо проявившийся во второй половине XIV в. кризис всех сфер жизни золотоордынского государства только способствовал усилению и развитию наметившихся тенденций. Попытка восстановления единодержавия в Золотой Орде, предпринятая Тохтамышем, покорение им Волжской Булгарии, восстановление старых границ государства, укрепление позиций Орды на Руси, где Дмитрий Донской снова стал данником (после похода Тохтамыша на Москву в 1382 г.), а рязанские князья были вовлечены в сферу антимосковской протатарской политики, — все это не нашло подкрепления внутри самой Орды. В Золотой Орде в конце XIV в. не было сил, способных привести страну к объединению под главенством центральной власти. Круги, которые первоначально выступают как сторонники этой власти, сами отказываются от нее, когда дело доходит до действительной диктатуры²⁰. Борьба между Тохтамышем и Тимуром столкнула их войска в грозной битве на р. Кундузча на территории нынешней Башкирии. Тохтамыш, на стороне которого в этой битве участвовали крупные силы населения Волжской Булгарии, потерпел поражение²¹.

Большинство историков, обращавшихся к изучению политической борьбы в Орде в конце XIV в., не сомневаются в факте разрушения поволжских городов, в том числе и Булгара, Тимуром, хотя об этом, по мнению А. П. Смирнова, сообщают только персидский автор XVI в. Шереф-ад-Дин Йезди и татарские легенды²². По мнению Р. Г. Фахрутдинова, еще больший урон, чем многотысячные полчища Тохтамыша и Тимура, болгарским землям нанесли постоянно повторявшиеся набеги ушкунников, которых на протяжении второй половины XIV — начала XV в. историк насчитывал шесть по летописным известиям (в 1359, 1366, 1374, 1375, 1391, 1409 гг.). К этим же набегам он приравнял и военные походы русских князей на территорию Волжской Булгарии²³. Правильно ли такое сопоставление?

Сходные по своим последствиям для населения Среднего Поволжья, набеги ушкунников и походы русских князей проводились с совершенно различными целями. Ушкунники приходили с целью захвата добычи, грабежа местного населения. Организованные русскими князьями походы, как правило, были ответом на враждебные действия с востока, со стороны болгарских княжеств, и носили характер целенаправленной политической акции. Раз-

ница очевидна при рассмотрении летописных сообщений о княжеских походах и грабежах ушкуйников. Так, в 1391 г. «новгородци Новагорода Великого да и устьюжане гражане и прочии к тому совокупившеся выидоша в насадах и в ушькуех рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин, и пограбиша весь, и Казань, и паки выидоша на Волгу и пограбиша гостей всех, и тако поидоша». Действия ушкуйников карались совместными усилиями русских князей, отрицательно относилась к ним и ордынская власть на местах. Еще в 1360 г. «възведоша посла из Орды Жукотинци о разбоиници, и бысть всем князем съезд на Костроме князь Дмитрией Костантинович и брат его старейши Андрей Нижнего Новгорода и князь Костантин Ростовьскы, и выдаваша разбойников, а посла отпустиша в Орду».

Вряд ли княжеский съезд собирался по поводу какого-то ордынского разбоя, скорее всего речь шла о крупной грабительской акции ушкуйников, что требовало принятия адекватных репрессивных мер золотоордынского государства, обратившегося за содействием к своим вассалам — русским князьям.

В 1399 г. брат великого князя московского Юрий Дмитриевич по повелению Василия I и без ведома ордынской власти идет в поход на болгарские княжества в ответ на набег царевича Ентяка, приведенного суздальским князем Семеном Дмитриевичем, и разграбление им Нижнего Новгорода. Князь Семен снял с себя вину за грабеж нижегородцев, заявив: «Не аз створих леть, но Татарове, а яз не поволен в них, а с них не могу». Татары оставались в Нижнем две недели, «донде же услышаша, что хочет князь великий ити ратью, и побегоша к Орде». Великий князь «слышав се и събра рати многы посла брата своего князя Юрья Дмитреевича, а с ним воевод и старейших бояр и силу многу. Он же шед взя город Болгары Великие и град Жукотин и град Казань и град Керменчук и всю землю их повоева, и много Бесермен и Татар побиша, а землю Татарскую плениша. И воева три месяци възвратис с великою победою и с многою корыстью в землю Русскую»²⁴. Хотя в этом походе «многая корысть» служит немаловажным показателем успеха русского войска, главным является его политическая направленность — отомстить за разграбление русского города²⁵. Обеспечение внешней безопасности подчиненной территории — одна из важнейших функций верховной власти, в данном случае — власти великого князя московского²⁶.

Проводя различие между организованными государственной властью военными предприятиями и набегами ушкунников, все же не стоит впадать в другую крайность, как это делает А. Г. Мухамадиев. По его мнению, в результате разгромов и пожаров Булгара «боськами» и бандитами из московских и новгородско-суздальских земель» к 1370 г. торгово-промышленная деятельность города угасла²⁷. Упадок городской жизни в Поволжье с 1370-х гг. был вызван совершенно иными причинами — политической смуты и кризисом центральной власти в Золотой Орде, когда было в значительной степени нарушено механическое соединение кочевого мира и оседлого городского, державшееся главным образом наличием единой сильной власти, исходившей из степного компонента²⁸. Существенным ударом по городской жизни в Поволжье было нашествие Тимура в 1395 г., когда до основания были разрушены многие города, что привело к усилению кочевого уклада жизни и стало тормозом к окончательному восстановлению городов²⁹.

Непрестанные военные действия, происходившие в Поволжье, привели к кризису в хозяйственной жизни региона, что вызвало крупномасштабные сдвиги населения и миграции. На рубеже XIV–XV вв. эти сдвиги превращаются в массовое переселение как финно-угорских, так и тюркских народов. Малонаселенными становятся южные и центральные районы Волго-Окского междуречья. Основная часть булгар еще раньше начала переселяться в Предкамье, на р. Казанку³⁰. Отсутствие в Закамье надгробий второй половины XIV в. позволяет, по мнению Г. В. Юсупова, говорить о довольно быстром темпе переселения и некотором запустении края³¹. Огромные территории между Окой и Цной на западе и Южным Уралом на востоке, южнее границы леса и лесостепи, становятся «диким полем», или «летним пастбищем» для кочевников³². К началу XV в. кочевники полностью хозяйничали на центральных территориях Булгарии — между Волгой, Белой и Камой³³.

Во второй половине XIV в. большинство селищ золотоордынского времени, расположенных в северной половине Западного и Восточного Закамья, прекращают свое существование³⁴. Об этом повествуют исторические предания татар и памятники древнетатарской литературы. О разрушении Булгара Аксак-Тимуром и побеге из него царевичей Алтын-бека и Алим-бека, о построении ими на р. Казанке города Казани рассказывается в татарской летописи рубежа XVII–XVIII вв. под названием «Дефтэр-и-Чингиз-

намэ», или «Дастан Аксак-Тимур». Этот же сюжет приводится в татарских народных легендах и преданиях, собранных в различное время³⁵. Несмотря на поздний характер и легендарность содержащихся в них фактов, они подтверждают, что на рубеже XIV–XV вв. политическим, экономическим и культурным центром болгарских земель становится Иски-Казань³⁶. Прилив населения в Заказанье привел к тому, что Иски-Казань, расположенная в отдалении от основной водной магистрали — Волги — перестала удовлетворять интересам растущего государственного организма. Поэтому административный центр Казанского княжества был перенесен в устье Казанки.

В целом же территория Среднего Поволжья на рубеже XIV–XV вв. представляла собой союз болгарских мини-государств-княжеств, обособленных от Золотой Орды. С конца XIV в. Казань, очевидно не затронутая нашествием Тохтамыша, становится местом средоточия населения, покинувшего Закамские болгарские земли. Но объединение всех княжеств и подвластных им территорий, населенных чувашами, мари, частью мордвы, удмуртов и башкир, в рамках единого государства, по нашему мнению, было осуществлено представителями кочевой ордынской аристократии, захватившими власть в 40-х гг. XV в. В описываемое же время (рубеж XIV–XV вв.) мордовские земли активно захватывала в свои руки ордынская знать — выходцы из Ахтубы, Бездежа и Азова, основывая здесь «беляки» — своеобразные мелкие княжества³⁷. В результате притока татар в бассейн р. Мокши и ее притоков произошла концентрация татарского населения вокруг городов Темникова, Наровчата, Елатьмы и Кадома³⁸. С востока мордовские земли охватывались влиянием Нижегородского княжества³⁹. Колонизация мордовских земель по р. Цне и ее притокам и нижнему течению р. Мокши ведется со стороны Московского и Рязанского княжеств⁴⁰. Славянские поселения распространяются в непосредственной близости от Кадома, Темникова, Елатьмы⁴¹.

Начало процесса собирания мордовских земель московскими великими князьями относится к концу XIV в. В 1392 г. великий князь московский Василий Дмитриевич сложил с себя крестное целование, данное нижегородскому князю Борису Константиновичу, и «поиде во Орду к царю Токтамышу и нача просити Новагорода Нижняго княжения князя великаго Борисова на кровопролитие, на погыбель христианскую. Безбожнии же Татарове взя-

ша и серебро многое и дары великии, и взя Нижний Новѣград златом и серебром, а не правдою»⁴². Иная трактовка событий содержится в Московском летописном своде конца XV в. Он сообщает, что 24 октября 1392 г. «прииде из Орды на Москву от царя Тахтымыша великий князь Василей Дмитриевич многу честь от царя прием и дары, еще же предать ему к великому княжению Новѣгород Нижний и Городец со всем, что ни есть во власти их, тако же Мещеру и Торусу»⁴³. Несмотря на противоположность летописных оценок, значение этого факта состояло в том, что к территории Московского княжества присоединялась вместе с нижегородскими землями и иноэтничная территория, главным образом мордовские места, включая Присурский район⁴⁴. По мнению С. К. Кузнецова, «мягкость» присоединения мордовских земель была обусловлена тем, что у мордвы не было собственного политического центра, а татарские мурзы не ставили перед собой задачи объединения всех мордовских территорий в своих руках даже при наличии потенциальных центров⁴⁵. Марийцы, населявшие бассейны рек Унжи, Ветлуги и Вятки, в XIV в. испытывали растущее продвижение русского населения из Галицкого княжества, Нижегородской и Вятской земель⁴⁶. Под усиливавшимся давлением русских марийцы отступают на северо-восток, попадая под влияние продвигающихся на север предков чувашей и татар-мишарей⁴⁷. Но, выступая против русских колонистов, марийцы могли участвовать в военных действиях русских князей в качестве союзников. К примеру, около 1375 г. при междоусобице костромских и галицких князей луговые марийцы служили у первых в наемном войске⁴⁸. Таким образом, отношения марийцев с русскими на рубеже XIV–XV вв. еще не приняли устойчивого характера.

Сходным был процесс взаимодействия удмуртского и русского населения в этот период. Удмурты и марийцы находились на таком уровне этнического развития, когда еще не сложилась общественная прослойка с политическим кругозором, выходившим за рамки отдельных общин⁴⁹. Особая этническая ситуация во второй половине XIV — первой половине XV в. складывается в бассейне Средней Вятки, где происходит консолидация пришлых групп русского и обрусевшего поволжско-финского населения и местных удмуртов в рамках возникшего политического и экономического образования — Вятской земли. Это государство не позднее второй половины XIV в. вступило в союзные отношения с

Арским княжеством в земле южных удмуртов на правобережье Камы, что составило основу определенной стабильности в Вятско-Камском междуречье, сохранявшейся вплоть до второй четверти XV в. Данный союз базировался на существенном сходстве соседних Арской и Вятской земель (полиэтничность населения, наличие родственного удмуртского компонента, религиозный синкретизм (сочетание христианства и язычества в Вятской земле, мусульманства и язычества в Арском княжестве), известной политической самостоятельности и на стремлении к совместным оборонительным акциям (противодействие новгородским ушкуйникам и московским войскам)⁵⁰. Отсутствие острых межэтнических столкновений в Вятской земле в рассматриваемое время доказывается умолчанием о них русских письменных источников и преданий народов Поволжья. Поэтому можно согласиться с мнением, высказанным И. Н. Смирновым, о том, что вятчане не стремились подчинить себе предков марийцев, чувашей и удмуртов, не преследовали в отношении их политических целей: «Ни разу вятичам не пришла мысль, что у этих людей можно отнять не только земли, но и свободу, обратить их в крепостных, в рабов и жить насчет их трудов...»⁵¹.

В Вятской земле в XIV–XV вв. вырабатывались традиции мирного добрососедского сосуществования русского народа с народами иной этноконфессиональной принадлежности. Совершенно иначе строили свои отношения с нетатарским населением Среднего Поволжья переселенцы с ордынских земель. Это отразилось в народной памяти, донесенной до нас в форме исторических преданий. Так, по удмуртским легендам, когда татарин садился на коня, удмурт должен был становиться на четвереньки, подставляя свою спину. Ни одна удмуртская девушка не могла выйти замуж, не побывав наложницей у татарина в течение четырех-пяти дней⁵¹. Согласно чувашскому преданию, в деревне Шумерля население страдало от податей, которые собирал живший здесь татарский баскак со своей свитой. Он мучил и наказывал чувашей. Однажды он призвал к себе чувашскую знать и приказал каждому вырыть могилу и поставить кленовый кол. Баскак сказал, что теперь они будут знать свое место в случае неповиновения. Узнав о прибытии в Шумерлю визиря, чувашские крестьяне попросили кузнеца Нягу пойти к нему и пожаловаться на баскака. По приказанию охраны Няга упал на колени перед визирем и рассказал о своеволии баскака. А визирь, оттолкнув его, сказал баскаку: «Продол-

жай так, как тебе угодно, а его, — указал он на Нягу, — на кол». Няга убил обоих чиновников и бежал. По другому преданию, когда на чувашей напали монголы-татары, герой Батыр со своими войсками потерпел поражение и вынужден был уйти на север и осесть в дремучих лесах, где основал селение Богатырево. Но и сюда нагрянул Салтык-хан с мурзами, судьями, толмачами, а затем с войском. Батыр с восемью сыновьями и односельчанами одержал победу над Салтык-ханом. В дальнейшем еще не раз приходилось Батыру сражаться с татарами⁵².

Из приведенных примеров видно, что, в отличие от русского народа, татары, оседавшие в Среднем Поволжье, относились к коренному финно-угорскому населению с позиций господства и подчинения, подвергая его беспощадному угнетению, на века отпечатавшемуся в народном сознании.

С середины XIV по начало XV в. происходило и интенсивное перемещение болгар-суваров из Закамья в Предкамье и Заказанье, с правобережных южных районов Чувашского Поволжья на северо-восток, в междуречье Кубни и Цивили, на территории, которые долгое время оставались за пределами воздействия кочевников-кыпчаков, их языка и культуры. Здесь они смешались с местным древнемарийским населением, сохранив булгаро-суварский (чувашский) язык, хотя и восприняли многие черты культуры финноязычных аборигенов⁵³. Так проходил этногенез чувашей. Активно взаимодействовать с русским народом предки чувашей станут позднее, оказавшись в рамках Казанского ханства.

Нижнее Поволжье во второй половине XIV — начале XV вв. еще не попало в орбиту политического влияния усиливающихся русских княжеств и являлось районом, за который вели борьбу сменявшие друг друга кочевые объединения.

В период «смуты» в Орде Хаджи-Черкес, бывший походный эмир хана Бердибека, объявил себя ханом в Астрахани и в 1374 г. начал там чеканить монету. Заручившись поддержкой местной знати, он овладел Сараем, изгнав оттуда Мамаю. Но самостоятельное удельное владение с центром в Астрахани было разгромлено сначала Тохтамышем, а затем Тимуром в 1396 г. В этом же году ханом в Астрахани был провозглашен Тимур-Кутлук, закрепивший Астраханский край за своими потомками, которые после окончательного распада Джучиева улуса стали во главе новообразованного Астраханского ханства⁵⁴. В первой половине 1390-х гг.

между реками Эмбой и Яиком мангытами во главе с беклербеком Едигеем было основано отделившееся от Орды собственное кочевое владение — Мангытский Юрт, скоро ставший одним из значительных кочевых объединений средневековья, более известным как Ногайская Орда⁵⁵. Едигею удалось стать фактическим правителем всей территории Джучиева улуса при номинальном хане Тимур-Кутлуге. После смерти Тимур-Кутлуга в 1400 г. Едигей по своей воле осуществил смену ханов на сарайском столе. Время правления Едигея в Орде характеризовалось попытками сдержать ставшее необратимым усиление Московской Руси и Великого княжества Литовского, поддерживая то одно, то другое. Так, в 1408 и 1410 гг. по инициативе Едигея предпринимаются разорительные походы на территорию Владимирской земли, нацеленные на ее ослабление. Однако поставленных политических задач Едигею разрешить не удалось. Ему пришлось столкнуться с растущим противодействием восточноевропейских государств при падении авторитета ханской власти.

По мнению И. Б. Грекова, с конца 1414 по начало 1418 г. Едигей придерживался относительно миролюбивой политики в отношении Руси. В конце 1419 г. сын Тохтамыша Кадыр-Берды, опираясь на поддержку крымских аристократов из рода Ширин, выступил против Едигея. В схватке под Сарайчуком оба противника погибли, что оказало огромное воздействие на всю систему международных отношений на востоке Европы⁵⁶. Происходившие здесь перемены тесно связаны с новым витком политического кризиса в Орде. Одним из результатов этого процесса явилось политическое оформление Казанского ханства.

События первоначальной политической истории Казанского ханства полны неясностей и противоречий. Историки спорят по вопросу о том, кто был первым казанским ханом, создателем нового государства. Было ли возникновение Казанского ханства обусловлено захватом власти ордынским правителем, или оно явилось лишь политическим оформлением сложных социальных сдвигов, происходивших на территории Среднего Поволжья со второй половины XIV в.? Не способствует прояснению спорных моментов и состояние источников по проблеме. Татарские свидетельства являются относительно поздними (не ранее конца XVI в.). Доверять им, на наш взгляд, возможно только в том случае, когда их сведения проверяются корпусом русских источников. Русские

летописи — основа наших знаний о начале политической истории Казанского ханства. Однако во второй четверти XV в. они характеризуются неполнотой и краткостью известий. Возникновение Казанского ханства тесно связано с «темным периодом» в истории Московской Руси. В Русском государстве в 20–50-е гг. XV в. наблюдается противоборство традиций древнерусского народовластия и новых веяний, укрепляющих государственность, основанную на развитии крупного землевладения⁵⁷. Первую тенденцию олицетворяли собой галицкие князья, им противостоял великий князь Василий Васильевич. В начале 30-х гг. XV в. Василий лишился влиятельных союзников: 27 октября 1430 г. умер великий князь литовский Витовт, дед великого князя, а 2 июля 1431 г. скончался фактический глава московского правительства митрополит Фотий.

Дядя великого князя Юрий Дмитриевич выступил претендентом на великокняжеский престол. Борьба продолжалась с переменным успехом вплоть до конца 40-х гг. XV в., окончившись победой Василия II над противниками⁵⁸.

Золотоордынское государство во второй четверти XV в. неумолимо раскалывалось на части под действием мощных центробежных сил. Со смертью Кадыр-Берди, последнего из сыновей Тохтамыша, и после гибели Едигея в 1419 г. с особой силой разгорелась борьба за власть между отдельными группировками золотоордынских феодалов, выдвигавших своих претендентов на ханский престол⁵⁹. В 1421 г. ханом стал Улуг-Мухаммед. А. Г. Мухамадиев считает, что в 1422 г. в Среднем Поволжье обосновался некий Гияс-ад-Дин, который начинает чеканить монету от своего имени в Казани⁶⁰. Именно его исследователь считает основателем Казанского ханства. Татарский историк Р. Амирханов приводит следующую версию событий, связанных с изгнанием Улуг-Мухаммеда из Сарая. После занятия им престола младший брат Тимур-Кутлуга Гаязетдин (Гияс-ад-Дин? — Д. К.) с сыновьями Едигея бегут в русские пределы, откуда возвращаются с трехтысячным войском, нападают на Улуг-Мухаммеда и побеждают его. Последний бежит в Крым, а Гаязетдин восходит на престол и правит до своей смерти в 1437 г. После его кончины власть оказывается в руках Кичи-Мухаммеда, внука Тимур-Кутлука. В борьбу с ним вступает Улуг-Мухаммед. В итоге противоборства сторон достигается соглашение, по которому Поволжье отдается Кичи-Мухаммеду, а Крым — Улуг-Мухаммеду.

В силу этих обстоятельств Улуг-Мухаммед оказывается в конфликте с Саид-Ахмедом из рода Тохтамышша и эмиром Хайдаром. Последние объединяются против новоявленного крымского правителя. В результате Улуг-Мухаммед вынужден бежать из Крыма по направлению к Казани⁶¹. А. Г. Мухамадиев считает, что в 1425–1427 гг. ханский престол находился в руках Барак-хана. В 1427 г. ханом становится Улуг-Мухаммед, но в борьбу с ним вступает Девлет-Берди, который захватывает Крым и Астрахань. В 1429 г. все владения Джучидов на западе принадлежали Улуг-Мухаммеду. В 1432 г. на орду Улуг-Мухаммеда напал Кичи-Мухаммед. Этим воспользовались Гияс-ад-Дин и его сын Хаджи-Гирей, захватившие в 1433 г. Крым, где правил в это время его брат по отцу Деулет-Бирди. Противоборство между Кичи-Мухаммедом и Улуг-Мухаммедом завершилось изгнанием последнего с престола в 1437 г.⁶²

Эти две версии дополняют друг друга. Противоборство между Кичи-Мухаммедом и Улуг-Мухаммедом в 1432–1437 гг. ведется не за сарайский престол, на котором сидел Гияс-ад-Дин, а за Крым. После смерти в 1437 г. Гияс-ад-Дина Кичи-Мухаммед и Улуг-Мухаммед выступили претендентами на сарайский престол. Победивший в этой борьбе, Улуг-Мухаммед ушел в Крым, откуда его вытеснили Сеид-Ахмед из рода Тохтамышша и эмир Хайдар. Изгнанный хан вынужден был удалиться со своей ордой на север, на русско-литовское побережье.

Перед изгнанником встала альтернатива: просить помощи у великого князя литовского либо поступить на службу к московскому великому князю Василию Васильевичу. Однако после смерти Витовта в 1430 г. Улуг-Мухаммед не имел покровителя в Великом княжестве Литовском, в то время как Василий был обязан хану ярлыком на великое княжение. В Литве к этому времени существовала практика приема на службу татар-мусульман с пожалованием им земель при Тимуре (конец XIV в.). На Руси же еще не было прецедентов такого масштаба. В летописях до 1445 г. имеется известие лишь об одном татарском царевиче на русской службе — Бердедате. Вероятно, именно это обстоятельство обусловило колебания московского князя в последовавших событиях.

Переходя со своей ордой с места на место, Улуг-Мухаммед осел около города Белева в верховьях Оки, на границе между Русью и Литвой. Московское великокняжеское летописание донесло до нас подробный рассказ о случившемся около города Белева в конце

1437 г.: «В лето 6946. Тое же осени пришед царь Махмет седе в граде Белеве, бежав от иного царя». Против малочисленного татарского войска Василий Васильевич отправил «многочисленны плки» во главе с двумя князьями Дмитриями Юрьевичами⁶³.

Попытку орды Улуг-Мухаммеда обосноваться около Белева А. И. Яковлев назвал запоздалым усилием «выдвинуть к северу свои колонизационные пункты»⁶⁴. Но закрепиться на Верхней Оке ему не удалось, что было, по мнению П. Н. Павлова, связано не с действиями московских войск (как мы увидим ниже, они были далеко не блестящими), а с активным и пассивным сопротивлением русского земледельческого населения⁶⁵. Ослабленный в войне с Кичи-Мухаммедом, Улуг-Мухаммед не был склонен вести военные действия против сильного русского войска: «И убоявся князей Русских, и инача ся давати им въ всю волю их, и в закладе дети своя давати, и что где взяли и не в великого князя отчине, полону, то все отдавати...».

Русские князья, «видевше своих многое множество, а сих худое недостаточство, и разгоревшися, поидоша на них, яко пожрети их хотяще». 5 декабря 1437 г. русское войско «припустиша к граду». Летописец дает образное изложение причин поражения русских с позиций средневекового мировоззрения: «... и превозношения ради нашего и множества грех попусти Бог на нас». Татары нанесли сокрушительное поражение «тмочисленным полком нашим, неправедно ходящем, прежде своих губящем, много множество изгублено руси бысть, яко единому Агарянину десяти или того выше одолети, князи же и воеводы вси побегоша».

Для русского книжника XV–XVI вв. причины поражения «тмочисленного» войска русских князей от «худого и малого» татарского войска крылись в нарушении русскими предводителями норм, обязательных для каждого православного. С политической точки зрения в событиях под Белевом русские князья проявили недальновидность. Отказав в покровительстве Улуг-Мухаммеду, они вместо вероятного, пусть даже временного, союзника получили опасного врага, кочующего со своей ордой в непосредственной близости от рубежей Московского государства.

Через полтора года, в июле 1439 г. Улуг-Мухаммед внезапно появился у стен Москвы. «В лето 6947 месяца июля 3 царь Махметъ приде к Москве со многими силами безвестно. Князь великий не возможе противу ему стати и отъиде за Волгу, а в осаде остави

князя Юрья Патрееевича со множеством людей». Хан простоял под городом 10 дней «и отъиде, а волости и села повоевав. Князь велики, совокупися с братьею в Переяславли, и посади на Москве князя Дмитрия меньшого, а сам поживе в Переяславли и Ростове до зимы, бе бо посады пожджены от Татар и люди посечены и смрад велик от них»⁶⁶.

После этого похода Улуг-Мухаммед на несколько лет исчезает со страниц русских летописей. Вероятно, между 1439 и 1443 гг. он кочевал со своей ордой вблизи южных и восточных рубежей Руси, собирая силы для нового набега. Отсутствие известий об Улуг-Мухаммеде на протяжении 1440–1442 гг. целым рядом историков было расценено как указание на то, что в данный период времени он закрепился в Казани, которая стала его базой для нападения на русские земли.

В отечественной историографии традиционным считается мнение, согласно которому Казань превратилась в центр нового государства в Среднем Поволжье в 1437–1438 гг. Образование нового ханства обычно связывалось с именем Улуг-Мухаммеда.

Но ни один летописный свод XV–XVI вв. не называет Казань в качестве исходного пункта походов Улуг-Мухаммеда в 1439–1445 гг. После перерыва хан вновь появляется в русских пределах в 1443 г. По сообщению Ермолинской летописи, «...царь Махметь стоял на беспуте, и князь велики ходил на него со всею братьею, да воротися, а он поиде прочь»⁶⁷. Беспут — это приток Оки, точнее Серпухова⁶⁸. Выйдя из Казани, для того чтобы оказаться возле Серпухова, Улуг-Мухаммед должен был пройти через рязанские земли. Но в этом же году на Рязань совершил набег ордынский царевич Мустафа. О появлении Улуг-Мухаммеда в рязанских землях источники молчат. В следующем году «царь Махметь нача помышляти к Новугороду к Нижнему, и князь велики повеле осады крепити». В 1445 г. Улуг-Мухаммед «приде к Мурому от Новагорода от Нижнего и князь велики поиде противу ему к Володимерю и посла на него воеводы...». Татары были побиты под Муромом, в Гороховце и под Ореховцем, а в Нижнем Новгороде «новом» «затворишася воеводы князя великого, князь Федор Давидович да пан Юшко Драница»⁶⁹.

Составитель Ермолинской летописи поместил известие, помогающее пролить свет на события, связанные с суздальским пленением великого князя московского и образованием Казанского хан-

ства. Среди историков на него обратил внимание только П. Н. Павлов⁷⁰. Это известие имеет следующий вид: «Тое же весны (т. е. в 1445 г. — *Д. К.*) царь Махмет и сын его Махмутек послали в Черкасы по люди, и пришед к ним две тысячи казаков и, шедше взяша Лух без слова царева, и приведоша полону много и богатства. Видев же царь множество корысти и посла детеи своих, Махмутека да Ягупа отчины великого князя воевати»⁷¹.

Махмутек в данном летописном отрывке предстает как соправитель Улуг-Мухаммеда, что, на наш взгляд, указывает на преклонный возраст хана. Улуг-Мухаммед получает подкрепление «из Черкас» — так летописцы называют территорию или народности Северного Кавказа⁷². Значительно пополнив свое войско, хан решает послать сыновей в поход на отчины великого князя московского с корыстными целями (вовсе не в его интересах и не при его силах было вмешиваться в смуту в Московском княжестве). К сожалению, последующий рассказ не сохранился в составе Ермолинской летописи и восстанавливать ход событий возможно только на основании сообщений официальной версии.

Весной 1445 г. великий князь получил известие о том, что Улуг-Мухаммед направил против него своих сыновей Махмутека и Ягупа, и после Петрова Заговения Василий II выступил в поход⁷³. Когда великий князь с войском пришел в Юрьев, к нему «прибегоша» нижегородские воеводы литвин Юшко Драница и Федор Долголов, сжегшие «город». Видимо, речь идет о сожжении городских укреплений, которые не были захвачены Улуг-Мухаммедом⁷⁴. После 29 июня (Петров день) великий князь идет от Юрьева к Суздалью. Здесь с его войском соединяются «братья его» князья Иван Можайский, Михаил Андреевич Белозерский, Василий Ярославич Серпуховский «с малыми людьми».

Во вторник, 6 июля 1445 г., войско стало на р. Каменке близ Суздаля у Спасо-Евфимьева монастыря. Русских было «яко не с тысячу человек». «Всполох» поднялся в тот же день. Войска «въскладше на себе доспехи своя», выступили в поле. Но тревога оказалась напрасной. Князь возвратился «в станы своя и ужинал у себя съ всею братьею и с бояры, и пища дльго нощи». Вечером 6 июля к великому князю из Владимира пришел некий Алексей Игнатьевич «с полком своим, а инии отгинуд».

На следующий день после заутрени великий князь «въсхоте еще опочинути», но внезапно пришло известие о том, «что татарове

Нерль бродятся». Русское войско, подняв знамена, спешно «поиде противу поганых, и выступившим им на поле и толко бяше их с полторы тысячи, понеже бо всех князей полци не успеха съвокупитися, ниже царевичу Бердедату не успевшу прийти, ту бо ночь в Юрьеве начевал, князь Дмитрий Шемяка не пришел, ни полков не прислал»⁷⁵.

Сперва перевес, казалось бы, был на стороне русских полков: «...сразившимся же им и начяша преже плъци великого князя одолати, а татарове побегоша, наши же овии погнаша по нех, а инии сами бегоша, а друзии же начаша избитых татар грабити, а татарове паки въвзратишася на христиан и тако одолеша их...»⁷⁶. Воспользовавшись разбродом в русском войске, противник применил излюбленную тактику кочевников, имитировав отступление, а затем ударил по разрозненному русскому войску и окружил его. В плен попали сам великий князь, князь Михаил Андреевич, а также много князей, бояр, детей боярских и простых воинов. Сами татары потеряли в этом бою 500 человек из 3,5 тысяч.

Очевидно, татарские царевичи не рассчитывали на столь легкую победу, а тем более на захват в плен великого князя, и не знали, как поступить с ним. Их интересовала чисто материальная сторона дела, т. е. выкуп. С Василия сняли нательные кресты и послали их в Москву к великим княгиням. Простояв в Суздале три дня, разграбив всю округу, Махмутек и Якуб идут к Мурому, а затем к Нижнему Новгороду, где, видимо, находился в данное время стан их отца — Улуг-Мухаммеда, куда стекалось все награбленное⁷⁷. В повествовании о суздальской битве наряду с упоминанием старшего сына татарского хана Улуг-Мухаммеда Махмутека встречается имя другого его сына, Ягупа (Якуба), он участвует в сражениях против русских наравне с братом. Как известно, после пленения под Суздалем великого князя московского Дмитрий Шемяка остался старшим в великокняжеском роде, и поэтому к нему татары направляют посла Бигича, чтобы договориться об условиях выкупа Василия. Шемяка, видимо, намеренно не хотел способствовать возвращению Василия в Москву, затягивая переговоры с татарами. 1 октября 1445 г., так и не дождавшись возвращения Бигича, «царь Махмет и сын его Мамутек князя великого отпустили, утвердив его крестным целованием, что дати ему с себя окуп поелико может». Новгородская I и IV летописи добавляют интересную подробность: «...взя на нем окупа двести тысяч руб-

лев, а иное бог весть да они»⁷⁸. Из этого можно допустить, что в договоре между татарским ханом и пленным великим князем были и другие условия, на которые летопись только намекает. О чем могла идти речь?

Под 1446 г. в Воскресенской летописи содержится лаконичное известие: «Тое же осени царь Мамотяк, Улуг-Магметов сын взял город Казань, вотчича Казанского Либяя убил, а сам сел в Казани царствовать»⁷⁹. В Никоновской и Львовской летописях под 1555 г. в рассказе «о поставлении храма Покрова пресвятой Богородицы» помещен краткий экскурс в историю взаимоотношений Москвы с Казанским ханством. В частности, о событиях 1445–1446 гг. летописи повествуют так: «Пленену бывшу благоверному великому князю Василию Васильевичу под Суздалем от Улу-Махметовых детей, от Мамутяка и от Ягуба царевичев, и из вотчины великого князя из Курмышы с Суры отпущен бысть князь великий Василей Васильевич на Москву, а царь Мамутек пришед ис Курмышы Казань взял, а казаньского царя Азяа убил и сам на Казани выцарился. И оттоле нача царство быти Казаньское...»⁸⁰ По мнению М. Г. Сафаргалиева, имя Азяа происходит от слова «газы» — воитель, т. е. в данном летописном отрывке речь идет о прозвище князя⁸¹. Заметим, что по Никоновской и Львовской летописям победивший и побежденный правители Казани изначально (еще до взятия города) обладают одинаковым титулом «царь», хотя ни тот, ни другой в действительности не могли так именоваться. Видимо, настолько важной представлялась московским книжникам мысль о казанском государстве как «царстве» после присоединения ханства к Русскому государству, что они изначально повышают ранг его руководителя до монархического, придавая ему тем самым статичность.

Только «Казанская история», которой пользовались большинство историков при разрешении вопроса об образовании Казанского ханства, указывает на то, что Улуг-Мухаммед «умре в Казани со юншим своим сыном, со Егупом оба ножом зарезаны от болшаго сына своего Мамотека, царствова на Казани 7 лет. И прият по нем царство Казаньское сын его Мамотек»⁸². Но Якуба вместе с Касимом мы видим на Руси в 1446 г. предлагающим службу великому князю московскому. По мнению одного из крупных специалистов по изучению «Казанской истории» Т. Ф. Волковой, указанные сведения носят легендарный характер. Обсто-

ятельства смерти Улуг-Мухаммеда по другим источникам неизвестны⁸³.

Логика составителя «Казанской истории» достаточно проста: если признать первым казанским ханом Улуг-Мухаммеда, то через него устанавливается прямая преемственность ханской власти от Золотой Орды; Махмутек был только старшим сыном бывшего сарайского хана. Легендарное известие «Казанской истории» является неотъемлемой частью общей концепции сочинения, прославляющего победу Московского царства как православной державы над Казанским ханством, воплощающим собой последний осколок Золотой Орды. Статус побежденного должен был соответствовать статусу победителя⁸⁴.

Тот факт, что Улуг-Мухаммед в 1444–1445 гг. посылает в походы на Русь своих сыновей, не участвуя в военных действиях сам, наталкивает на мысль о преклонном возрасте хана. Когда в плену у татар оказался великий князь московский, прямо встал вопрос о наследнике Улуг-Мухаммеда. Последующие события заставляют думать об отсутствии единства среди влиятельных татарских группировок при ставке Улуг-Мухаммеда. Этим не преминул воспользоваться московский великий князь. Возможно, что Василий, положение которого в Москве после возвращения из плена становилось весьма шатким, нуждался в союзниках. С этой целью он, по видимому, заключил тайное соглашение с сыновьями Улуг-Мухаммеда Касимом и Якубом, по которому они поступали на службу к великому князю. Такая догадка объясняет появление в конце 1446 г. на русско-литовском пограничье Касима и Якуба с людьми «из Черкас». С ними и столкнулись сторонники Василия в Ельце, выступив из Литвы. Первоначально между русскими и татарами завязалась перестрелка. Но после того, как татары узнали, что москвичи идут «искать» Василия Васильевича, отпущенного к тому времени Шемякой на Вологду, недоразумение уладилось. Выяснилось, что татары «пришли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было»⁸⁵.

Касим и Якуб, видимо находившиеся далеко не в лучших отношениях с наследником Улуг-Мухаммеда Махмутеком, согласились на предложение Василия, тем более что подкреплялось оно пожалованием определенных доходов («за его хлеб») в «корм» царевичам. О событиях, сопутствующих переходу на службу татарских царевичей, летописи сообщают по-разному. По версии Софийской I:

«Тем временем князь же великий поиде к Твери, и вся сила Московская съ все страны к Твери к великому князю из Литвы прииде князь Василей Ярославичь, князь Семен Оболенский, князь Иван Рязполовский, Феодор Басенок, и иных бояр много, детей боярских множество, и царевича два Трегуб-Касим и Ягуп, и наехаша великого князя на Углич»⁸⁶. По сообщению Ермолинской летописи, более подробному и, по нашему мнению, более соответствующему истинному ходу событий, «князь Василей Ярославичь, шурин великого князя, слышав то, еже учинися зло над великим князем и поиде в Литву же, и со княгинею и з детми, и со всеми людьми; а царевичи три, Каисым да Ягуп Махметовичи да Бердедат Кудудатовичь служили великому князю и те ступили на Литовские же порубежья»⁸⁷.

Рискнем выдвинуть предположение о том, что царевичи Касим и Якуб выехали на Русь в составе татар, сопровождавших Василия II из плена в Москву, чтобы проконтролировать сбор выкупа. Этот момент был наиболее удобным для перехода на сторону великого князя.

Во время мятежа Шемяки, свергнувшего и ослепившего Василия II, Касим и Якуб вместе с Бердедатом (еще ранее служившим великому князю) находились вблизи западных рубежей Руси, что позволило им перейти границу с Литвой. Оттуда Касим и Якуб направились к «черкасам» на Северный Кавказ, чтобы набрать людей, готовых служить Василию Васильевичу. В Ельце они сталкиваются с князьями — сторонниками великого князя, и с ними идут в Тверь. После вокняжения Василия Васильевича в Москве татарские царевичи с 1449 г. неоднократно упоминаются в летописях как действующие лица военных предприятий великого князя московского. В 1449 г. Шемяка осадил Кострому. «А князь великий слышав то поиде противу ему, взял митрополита Иону с собою, и епископы, и братию свою и царевичев со всеми силами: приидоше на Рудню, а князь Дмитрий перевезся Волгу на их же сторону и тако смиришася»⁸⁸.

В этом же году Касим, узнав, что татары из орды Сеид-Ахмата грабят русские окраины в районе реки Пахры, выступил против них из Звенигорода. Татары же «розсунушася по земли», Касим «с коими стретился, тех бил и полон отымал; они же видев то бежаша назад»⁸⁹. В 1450 г. Касим и Якуб со своими князьями участвовали в составе войска Василия II в битве с Шемякой под Галичем⁹⁰.

Зимой 1452 г. великий князь, получив известие о походе Шемяки к Устюгу, отправляет старшего сына Ивана на р. Кокшенгу «противу князя Дмитрея, а сам поиде к Костроме, а с Костромы отпустил сниматися с сыном царевича Ягупа на князя же Дмитрея». Великий князь Иван Васильевич с царевичем взяли «градки» по Кокшенге, разорив «землю ту», дойдя до устья р. Ваги и до «Осипова поля», вернувшись «назад вси здорови со многим пленом и с великою корыстью»⁹¹.

Около 1452 г. Касим, уже зарекомендовавший себя как преданный слуга великого князя, получает от него Городец на берегу Оки в качестве кормления⁹². В это же время великокняжеская власть пытается определить место служилых татар, во множестве появившихся в годы усобицы, в социальной структуре Руси.

В том, что проблема урегулирования отношений Московского государства со служащими ему татарами существовала, не было сомнений. Ее решение явилось составной частью установления гражданского мира на Руси. В этом можно усмотреть планомерную политику правительства Василия Васильевича. Инициатива в постановке проблемы, по-видимому, принадлежала высшему духовенству. 29 декабря 1447 г. епископы Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Иона Рязанский (впоследствии митрополит), Варлаам Костромской, Питирим Пермский, а также архимандрит Симонова монастыря Геронтий и троице-сергиевский игумен Мартиниан обращаются с посланием к князю Дмитрию Шемяке. Церковь, выступая гарантом междукняжеских договоров, обвиняет Шемяку в нарушении крестного целования по отношению к «старейшему брату», в «злохитрстве». Иерархи оправдывали «присутствие» татар «во християнстве» «неуправленьем» Шемяки с Василием, обещая, что «которого часа с своим братом старейшим с Великим Князем управишься во всем чисто, по крестному целованию; ино мы ся в том имаем, что того ж часа Князь Великий Татар из земли вон отшлет»⁹³.

Выступление Шемяки против татарского засилья в Московском государстве отражало настроения довольно широких слоев русского населения. Поэтому, несмотря на политический крах князя Дмитрия, правительство Василия Васильевича обращается к рассмотрению вопроса о служилых татарах. Можно согласиться с точкой зрения Г. В. Вернадского о том, что при этом московская администрация связала две проблемы: удаление за пределы Руси

татар и усиление степной системы обороны, что являлось стратегически необходимым для отражения угрозы со стороны Казанского ханства и Большой Орды. Исходя из этих задач, было решено укомплектовать служилыми татарами, возглавить которых согласился царевич Касим, главный передовой пост Московского государства на юго-востоке — Городец на Оке⁹⁴. Эти земли были пожалованы в 1392 г. ханом Тохтамышем московскому великому князю Василию Дмитриевичу вместе с Нижегородским княжеством⁹⁵. Русское население этих территорий в рассматриваемый период, скорее всего, было немногочисленным. Заселению препятствовала опасность татарских набегов как с юга, так и с востока. Основное население в этих местах — финно-угорские народности, мордва и мещера, а также татары. Как считает А. Х. Халиков, тюркоязычное население в низовьях рек Мокши, Цны, в среднем течении Оки, где располагалась Мещерская земля, появляется еще в XIII–XIV вв. Видимо, сюда, в укрытые лесами места, переселилось в период монгольского нашествия булгаро-татарское население, жившее до того несколько южнее, в бассейне рек Вада, Волги и по реке Цне⁹⁶.

А тем временем из объединения княжеств в Среднем Поволжье образуется новое государство. С самого начала своего существования Казанское ханство проявляет агрессивность по отношению к соседям, подчиняя себе окрестные земли, заселенные черемисами, чувашами, удмуртами. Сведения об этом сохранились в исторических преданиях народов Поволжья. К примеру, в чувашском предании «Убийство торхана» рассказывается, что Темир-хан, поселившись в Казани, вызвал к себе чувашского торхана и болгарского князя и потребовал, чтобы управляемые ими народы приняли ислам. Болгарские старейшины решили уехать от татар подальше. Старейшины чувашского и черемисского народов постановили отвергнуть ханское требование. Узнав об этом, Темир-хан выступил против чувашей с войском. В жестокой сече чувашаи и черемисы не выдержали — побежали в лес, а торхан был убит⁹⁷. В предании о Сарые говорится, что казанские цари часто посылали своих подчиненных обирать чувашей и уводить в неволю их дочерей. При малейшем сопротивлении татары нещадно резали мирных жителей и грабили их достояние⁹⁸. В удмуртском предании об Эш-Тэреке отразился тот период в истории племенных групп камских удмуртов, когда под давлением казанских татар

они покидали укрепленные городища на правобережье Камы, продолжая разрозненную борьбу за возврат своих владений. Удмурты, потерявшие своих предводителей, переселялись в глубь прикамских лесов, недоступных для казанской конницы⁹⁹.

Русское государство вплоть до конца 60-х гг. XV в. было не способно к активным внешнеполитическим акциям на востоке, ограничиваясь здесь обороной своих рубежей. В 1448 г. «в говение Филипово царь Казанский Мамутек после всех князей своих со мною силой воевати отчину великого князя, Володимерь и Муром и прочая грады. Слышав же то, князь великий Василей Васильевич посла противу их воинство свое»¹⁰⁰.

Как видим, Казанское ханство изначально проявляет враждебность по отношению к Московскому государству. Это требовало от великого князя организации обороны на востоке. В 1461 г. великий князь выступил с войском к Владимиру, собираясь в поход на «Казанского царя». «Бывшу же ему в Володимери, и ту приидоша к нему послы с Казани и взяша мир»¹⁰¹.

После смерти в 1460-х гг. хана Махмутека (точная дата смерти неизвестна) казанским ханом стал его сын Халиль¹⁰². О нем говорит в своем сочинении С. Герберштейн, указывая, что он умер бездетным, а на его вдове Нур-Салтан «женился некий Абраэмин (завладев тем самым и царством)»¹⁰³. «Абраэмин» — это родной брат Халиля Ибрагим. Когда Халиль скончался в 1467 г., Ибрагим стал казанским ханом, а царица Нур-Салтан, согласно обычаю, вышла замуж за брата своего покойного мужа¹⁰⁴. Но в Московском государстве существовал еще один претендент на казанский стол — дядя Халиля и Ибрагима, царевич Касим. По мнению М. Г. Худякова, кратковременное правление Халиля не дало Касиму возможности представить себя в качестве претендента на Казань, но со вступлением на престол Ибрагима он заявляет о своих правах. В Казани создалась группа активных сторонников Касима, обратившаяся к нему с приглашением занять казанский стол. Этим не преминул воспользоваться великий князь московский — создавалась реальная возможность поставить Казань в политическую зависимость от Русского государства.

Официальный московский летописный свод конца XV в. сообщает: «С въздвижениева дни (14 сентября 1467 г. — Д. К.) ходил царевич Касым к Казани, а с ним великого князя воеводы, князь Иван Васильевич Оболенский Стрига со мною силою и прочии.

И пришедшим им к Волзе, иде же бе и перевестися, и ту сrete их царь Казански Обреим со всеми князми своими и с силою своею и не дасть им перевестися на свою сторону. А позван был царевич от цареи Казанских (видимо, князей, иначе — явная нелепость. — *Д. К.*), от Авдул Мамона и от прочих, на царство лостью. Он же надеся на них, а лсти их не ведаа, испроси силу у великого князя, чаа получитьи обещанное ему, и не успев ничто же възвратися. Истомен же бе путь им, понеже бо осень студена бе и дождева, а корму начат не оставати, яко мнози христиане в постныа дни мясо ели, а кони их з голоду мерли, яко мнози от них и доспехи метали, но сами вси здрави пришедша киждо во своаси»¹⁰⁵. Инициативу похода великокняжеский летописец полностью возлагает на царевича Касима, который поверил обещаниям казанских князей во главе с Абдул-Мумином, позвавших его на «царство». Неудача похода объясняется осенней непогодой и нехваткой продовольствия. По версии, содержащейся в кратком извещии Ермолинской летописи, инициатором похода на Казань в сентябре 1467 г. был великий князь Иван Васильевич. Именно он «посылал на Казань ратью, на царя Обреима, Каисыма царевича да князя Ивана Юрьевича и иных воевод много з двором своим; они же, пришедше по сеи стороне Волги и постоавше противу Казани, и поидоша прочь, не учинивше ничтоже»¹⁰⁶.

Софийская I и Новгородская IV летописи подтверждают главную роль великого князя московского в организации похода на Казань. Москва, впервые прямо сталкиваясь с Казанским ханством, стремилась подчинить его, посадив преданного русским хана на казанский стол, но пока сил у Русского государства для этого не доставало, да и противник был новый. Новгородское летописание содержит интересные подробности об этом походе, отсутствующие в других источниках: «Князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевича Каисыма да с ним послал воевод своих князя Данила Дмитриевича да князя Ивана Васильевича Стригу, и двор князя великого и стаа у Волги втаи...»¹⁰⁷. Становится понятным слово «воеводы» в Московском летописном своде, когда говорится только об одном Иване Васильевиче Стриге-Оболенском: имя Даниила Дмитриевича (скорее всего Холмского) великокняжеский летописец намеренно пропустил. Русское войско не открыто нападает на татар, что, на наш взгляд, указывает на его немногочисленность. Далее новгородский летописец про-

должает: «...и татарове были на них вышли из судов, а наши хотели их заскочити от берега, и некто уноша именем Айдар, постелник великого князя, наполнився духа ратна и не отпустя их нима-ло от судна, и кликну на них, они же устрашившися и вметашася в суды и побегоша на Волгу. В той день содеяся спасение велико Татаром, здоровьем Григорьева сына Карповича Аидаровым»¹⁰⁷. Здесь явная насмешка летописца-новгородца над великокняжеским войском, потерпевшим неудачу в походе на Казань.

Со второй половины XV в. служилые татары становятся одной из сил, на которые великий князь мог всецело положиться. Так, готовясь отправиться на покорение Новгорода в 1471 г., Иван III «в свое место посадил на Москве сына своего благоверного и благочестиваго великого князя Ивана Ивановича, блюсти свои отчины и управляти Руськие земли»¹⁰⁸. В числе других наставлений великий князь приказал своему сыну «держати у себя Муртосу царевича, Мустафина сына царева и с его князми, и с его казаки, на что ся где пригодит ему на каково дело». Другой служилый татарский царевич, сын царевича Касима (скончавшегося, как думал В. В. Вельяминов-Зернов, около 1469 г., поскольку в этом году Иван III отпустил в Казань к царю Ибрагиму жену Касима), также принимал участие в военных действиях. Татарам в этом походе великий князь «не повеле людей пленити». На этом примере видно, насколько сложно было переломить в русских людях отношение к татарину как к злейшему врагу. С появлением прослойки великокняжеских татар московскому государю приходилось брать под контроль каждый их шаг, чтобы не вызвать волну раздражения в русском обществе, подобную той, что привела к перевороту в 1446 г. Для поднятия престижа служилых татар великий князь оказывал им почести за верную службу. Так, после новгородского похода 1471 г. Иван Васильевич «чтив царевича Даниара и отдарив отпустил его в Мещеру оубиша бо оу него же Новгородци 40 татарин в загоне»¹⁰⁹.

Интересные сведения о служебных функциях татар у великого князя донесли до нас посольские книги по связям Русского государства с Крымским ханством и Ногайской Ордой. Эти документы позволяют восстановить участие служилых татар в дипломатических и военных предприятиях московского правительства на протяжении длительного времени и выяснить их статус по отношению к Москве. Служилые татарские царевичи, по сведениям по-

сольских книг, играли немаловажную роль в обеспечении защиты Русского государства и его союзника — крымского хана от хана Большой Орды Ахмата, а затем и его детей. Так, в грамоте к великому князю Ивану Васильевичу от Менгли-Гирея от 23 марта 1475 г. говорилось: «А коли мой недруг Ахмат царь пойдет на меня на Менгли Гирея царя, и тебе моему брату великому князю царевичев своих Даньяра и Муртазу на Орду отпущати». Это соглашение о периодической помощи Крымскому ханству возобновлялось и после смерти Ахмата, когда основную угрозу спокойствию в степи представляли его сыновья. В 1486 г. в ответной грамоте к хану Менгли-Гирею Иван III сообщал о выполнении им союзнических обязательств: «Ино и летось, нам с тобою были немирны цари Муртаза и Седехмат, и как если послышол то, и яз посылал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их ни есть в моей земле. А они под Ордою были все лето и делали сколько могли». Далее великий князь обещал и впредь быть верным своему союзнику в борьбе с Ахматовичами: «А нонеча каким делом пойдут на тебя те цари, и яз брата твоего Нурдовлата царя отпущу под Орду и уланов и князей и казаков всех, что их в моей земли ни есть; а дела твоего везде берегу, как и своего дела». Бывало, что по ошибке в плен во время походов попадали не только враги, но и люди союзного крымского хана. В этом случае приходилось вмешиваться великому князю. Эти люди изымались у пленивших их государевых татар и передавались крымским послам по спискам: «Да ходили под Орду наши люди, и брата твоего Нурдовлатовы царевы люди, да там под Ордою улусы имали и головы поимали; и которые головы попали им в руки, и здесе нам говорили твои послы, а сказывали, что те люди твоего юрта были; здесь их у тех казаков те головы поимал и отдал есми их твоему послу Тевекель улану да Лухбердей дувану, и тебе бы то ведомо было. А и список есми к тебе послал, те головы имены переписавши, колко их отдало твоим послам».

Хотя походы в степь были частыми, основным делом служивых татар было сопровождение русских дипломатов по дороге в Крым и Ногайскую Орду и обратно. Эта миссия была столь важна, что нередко посольские грамоты перечисляют имена татар, которые должны были ехать с послом: «А се ехати с Дмитрием с Шейным татаром; а проводить им Дмитрея в Перекоп в Орду: из Ростунова Шамарда Умачев сын, да Тулуш, Тевекелев брат, да Асман да Не-

болса, да Мереч Хозя, да Сююндюк. А из Щитова от Мамейковых товарищов Мамыш, да Карачюра... А княжих Михайловских татар Асман да Меглешеик, да Баклаш, да Тонкач. А как проводят те татарове Дмитрея в Орду, и Дмитрею дати им воля, а выбрати из них человеки три или четыре... А остатися у Дмитрея татаром в Перекопи на лежанье вестей для, десяти человеком». Служилые татары доставляли московскому великому князю сведения об обстановке в Крыму и вокруг него («о тамошнем деле»).

Царевичи в Касимове сменяли друг друга, но их роль в ордынской политике Московского государства оставалась незаменимой до тех пор, пока существовала степная опасность. Так, в посольской грамоте великого князя хану Менгли-гирею в октябре 1490 г. говорится о посылке «под Орду» сына Нурдовлата царевича Сатылгана: «С весны рано посылал есми Сатылгана царевича и уланов и князей и Русь с ним твоего для дела под Орду, а приказал есми ему так, чтобы из-под Орды с поля на ходил без моего слова и до зимы...». Судя по всему, Сатылган унаследовал власть в Мещерской земле, а с ней и служебные обязанности в отношении великого князя, которые нес Нурдовлат. Но передача властных полномочий полностью принадлежала великому князю московскому. Обращались с просьбой о принятии на русскую службу их детей и правящие особы Крымского ханства. Так, в октябре 1493 г. к великому князю Ивану Васильевичу с грамотой обратилась крымская ханша («царица») Нур-Салтан. В послании содержалась просьба устроить судьбу своего сына: «Сатику на Бога надеася да и на тебя, послала, есми. Нынеча того молодые дитя или у себя, или к брату пошли. Как тому молодому дитяти упокой учинишь, сам ведаешь...». Нур-Салтан давала Ивану III подробную «инструкцию» по воспитанию своего сына и его людей: «Как учнешь кормити, сам ведаешь. Сатика молод, а у него добрых людей нет, а у Балая ума нет». Ханша просит великого князя «учинить» над царевичем и его людьми «одного доброго человека дядкою», «кого бы ся им блюсти добро». Также Нур-Салтан информировала Ивана III о том, что «у Сатики неустроенные робяты есть, тех куды будет на дело посылати, и ты их посылай, потому ини ся наставят и умны будут; а в одном месте им лежати, ини дуреют и испортятся».

Служилые татары не только сопровождали послов, но и прямо участвовали в переговорах сторон в качестве переводчиков. Хотя посольство Ивана Никитича Беклемишева в Крым в октябре

1502 г. не состоялось, нам кажется, что упоминание в сохранившейся посольской грамоте о татарах-толмачах в числе лиц, посланных с Беклемишевым, не являлось чем-то исключительным: «...а с ним послал (кому, как не служилым татарам, быть переводчиками между русскими и крымцами) подъячего Русина Чучкина сына Протасова да татар, Ахметека Якшы-Хозина сына в толмачех, да Хозеню Барла-Хозина сына в толмочах же...»¹¹⁰. Действия касимовских татар нередко выходили за рамки отведенных им функций, великий князь получал на них жалобы со стороны ногайцев, которые больше всего страдали от своеволия государевых татар. В мае 1533 г. ногайский князь Корныш жаловался великому князю Ивану IV: «...посылаю деи с тем к государю к твоему гонца, что де и неправда отца его, а нынеча его, что де и Городетцкие Татарове грабили у Бараку мою казну и гостей моих сорока человек сего лета посол мой шел из Казани Салтанак: ино его городетцкие же ограбили»¹¹¹. Великий князь, которого самовольные действия мещерских татар ставили в неудобное положение перед выгодным союзником в сложной степной политике — ногайскими князьями и мурзами, извещал в ответном послании Кел-магмед-мурзу о принятых мерах по обузданию своеволия слуг великого князя: «А мы ныне в Городок послали велили отаи обыскивати, и тех людей пытати. И кого доищются, и мы лихих велим кознити. А что мочно на них доправить, и мы велим доправив да вашим людям отдати»¹¹².

Исходя из этого, нельзя рассматривать Касимовское ханство в качестве первой попытки татарских ханов вступить в непосредственное управление русской территорией на правах удельных князей. На Мещерской земле было создано зависящее от московского великого князя ханство, всецело следующее в фарватере московской политики.

Итак, во второй половине XV — первой половине XVI в. на Руси оформляется сословная группа служилых мусульман, ставшая важным инструментом в осуществлении внешнеполитических задач нового российского государства. Эта социальная группа являлась примером эффективного взаимодействия московских властей с иноэтничной периферией на востоке. Служилые татары сыграли немаловажную роль и в процессе борьбы Русского государства за присоединение Среднего и Нижнего Поволжья.

Поход русских на Казань в 1467 г. открыл собой целую серию

военных действий в Среднем Поволжье, нацеленных на установление контроля над этим стратегически и экономически важным для формирующегося Русского государства регионом. С конца 60-х гг. XV в. закладываются основы политических отношений между московским государем и занимавшим первенствующую позицию в Среднем Поволжье казанским ханом. Неудачная попытка установления в Казани власти зависимого от Москвы хана в 1467 г. была обусловлена неадекватной оценкой в Москве ситуации внутри ханства, а также несогласованностью действий русского войска, просчетами военного руководства. К тому же следует учесть, что это был первый по-настоящему дальний поход русских воинов, впервые оказавшихся под стенами столицы грозных казанских «царей»¹¹³. Зимой 1467–1468 гг. русское правительство организует поход на подвластную Казанскому ханству Черемисскую (Марийскую) землю. Войско, основу которого составляли дети боярские, «совокупившеся вси поидоша из Галича на Николин день декабря 6, и поидоша лесы без пути, а зима была вельми студена». 6 января 1468 г. великокняжеское войско пришло в Черемисскую землю, «и много зла учиниша земли той, люди иссекоша, а иных в полон поведоша, а иных изожгоша, а кони их всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все иссекоша, а что было живота их, то все взяша и повоевавше всю землю ту досталь пожгоша, а за один день до Казани не доходили». Кроме похода на черемис Иван Васильевич велел муромцам и нижегородцам «воевати по Волге», что они и сделали, «повоевоша горы и бараты по обе стороны» Волги¹¹⁴.

Разорение западных окраин Казанского ханства не было бессмысленной жестокостью, поскольку тем самым ликвидировался или ослаблялся плацдарм для нападения на русские земли по левому берегу Волги. Здесь важно, на наш взгляд, отметить, что борьба с Казанью рассматривалась в русском войске, которое не могло не отразить преобладавшее в современном ему обществе настроение, как дело защиты независимости Русского государства в лице его главы, неотделимое от защиты религиозных убеждений — православной веры.

По мнению Ю. Г. Алексеева, ряд летописных известий о военных действиях 1467–69 гг. в Среднем Поволжье мог быть извлечен летописцем только из источников документального характера: в частности, сообщения о распоряжениях великого князя осенью 1467 г., о его пребывании во Владимире зимой 1468 г., о сосредото-

точении войск к Нижнему Новгороду весной 1469 г., о назначении воевод в полки и об инструкциях им. По стилю и содержанию эти известия соответствуют разрядным записям. Исследователь приходит к выводу о том, что в рассказах летописи о «Первой Казани» содержатся наиболее ранние разрядные записи, дошедшие до нас в передаче летописца и не включенные в известные разрядные книги¹¹⁵. Бросается в глаза изменение характера военного руководства. Князь-воин уступил место князю-главнокомандующему, выступающему в поход в редких случаях и управляющему войсками на обширных пространствах и на разных направлениях через назначенных им, заранее подобранных и проинструктированных воевод. Глава государства осуществляет стратегическое и военно-политическое руководство на театрах военных действий. Яркой особенностью русского военного руководства является упорство в достижении поставленной цели, невзирая на неудачи и поражения.

Результатом походов 1467–69 гг. стал решающий перелом в русско-казанских отношениях: произошел переход от стратегической обороны к стратегическому наступлению. Это была первая победа Руси над страной Джучиева улуса, ставшая важным этапом в становлении Русского государства¹¹⁶. Итогом походов на Казань в конце 60-х гг. XV вв. явилось покорение столицы независимого соседнего государства, установление политической зависимости Казанского ханства от Московского государства. Хан Ибрагим «добыша челом на всей воли великого князя». Был создан прецедент ограничения суверенитета Казанского ханства со стороны Руси. И хотя независимость Казани вскоре была восстановлена, сам факт подчинения воле московского государя в дальнейшем оказался мощным аргументом в руках великих князей, апеллировавших к традиции русского властвования над ханством. Установление зависимости Казани от Москвы надолго ослабило ханство.

В 1471 г. вятские ушкуйники беспрепятственно прошли «Камою на низ и в Волгоу в соудох и шедше взяша град царев Сарай на Волзе и множество Татар изсекоша, жены же их и дети в полон поимаша и множество полоноу взявше, возвратишяся»¹¹⁷. О возвращении вятской судовой рати с добычей узнали татары Большой Орды, «понеже близ ту кочевали за один день, и тако многое их множество поидоша переимати их, и поймавше суды и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити, они же одинако

пробишася сквозь их и уидоша со всем, а под Казанью тако же хотеша переняти их, и тако проидоша мимо тех со всем в землю свою»¹¹⁸. Но уже в 1475 г. казанцы перебили на Каме 40 устюжан, идущих торговать в Тюмень (очевидно, расположенную на Северном Кавказе)¹¹⁹.

В 1478 г., воспользовавшись тем, что великий князь Иван III был занят «новгородским делом», казанский хан Ибрагим, видимо рассчитывая на безнаказанность грабежа восточных окраин Русского государства, пришел «безвестно на Вятку, и множество полону поимал людей по селом, а иных изсече, города же ни единого не взя; и множество Татар у него от Вятчан под городом избиено бысть; прииде же на масленой недели, а поиде прочь на четвертой недели поста, много зла учинив христианом»¹²⁰. Устюжский летописец сообщает о том, что хан намеревался двинуться на Устюг, но через день повернул назад, поскольку на Моломе было наводнение. Получив известие о возможном приходе Ибрагима, устюжане «зиму всю» сидели в осаде¹²¹. В ответ на грабительский набег казанского хана 26 мая 1478 г. из Нижнего Новгорода «посла князь великы воевод своих князя Семиона Ивановича (Ряполовского. — Д. К.) да Василиа Феодоровича Образца и с ними множество в судех к Казани». Русское войско захватило казанское Поволжье, «множество изсекоша, а иных плениша и приведоша к граду, начаша стрелятися». Из-за сильной бури и дождя штурм Казани был невозможен, поэтому воеводы отступили, став лагерем на Волге. В это же время вятчане и устюжане «плениша по Каме, множество безчисленное изсекоша, а иных в полон поимаша». Силовое давление вынудило казанского хана обратиться с челобитием о мире к великому князю, «и оумиристася, яко оугодно бысть великому князю».

В чем состояла великокняжеская воля, летописи не уточняют. Видимо, речь шла о возобновлении мирного договора 1469 г. Однако заключенный мир оказался непрочным. На наш взгляд, этому способствовала смена хана на казанском престоле. В 1479 г. скончался хан Ибрагим. Он имел детей от двух жен: от старшей Фатимы трех сыновей — Али, Худай-Кула и Мелик-Тагира, а от Нур-Салтан (вдовы второго казанского хана Халиля) двух сыновей — Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. По смерти Ибрагима его вдова Нур-Салтан вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея. Вместе с матерью в Крым отправляется ко двору отчима

Абдул-Латиф, который позднее сыграет немаловажную роль в истории русско-казанских отношений¹²². На казанском престоле Ибрагиму наследует его старший сын хан Али.

В разрядной книге 1475–1598 гг. сохранилась под 1482 годом выписка из казанских посольских книг: «В лето 6990-го июля в 16 день, в казанских книгах, в посольствах написано: “...В Нижнем Новгороде стояли воеводы от великого князя Ивана беречь от Алегама царя: боярин князь Иван Васильевич с товарищи...”»¹²³. Далее сообщается о посылке к воеводам Ивана Писемского с наказом, где, между прочим, указывалось на то, что великий князь отправил в Казань «Звенца и Бурнака есми с ним отпустил». Речь, видимо, шла о возвращении казанского посла вместе с московским дипломатом. Воеводам было приказано выделить им сопровождение «в легких судах»¹²⁴. Очевидно, казанский посол возвращался на родину после подписания мира с московским государем. Это предположение подтверждается известием, помещенным под тем же 1482 годом в Типографской и Ермолинской летописях: «Того же лета поиде великий князь з братьею х Казани и оуверноуся из Володемира, а судовая рать ходила мало не до Казани, и оумиришася»¹²⁵.

В летописях, связанных с официальной великокняжеской летописной традицией, имеется краткая запись: «Того же лета был князь велики в Володимери»¹²⁶. Прямое указание на готовящийся поход на Казань в 1482 г. донесли до нас Софийская II и Львовская летописи: «Того же лета поча князь великий рать замышляти, на Казань хоте итти, воеводы же свои наперед себя своим воем посла князь великий, и Аристотеля с пушками до Новгорода до Нижнево, ту же царь Казанский присла с челобитьем; князь же великий пожалова его и възвратися»¹²⁷.

Видимо, нарушение новым казанским ханом условий мирного договора 1478 года с Москвой вызвало подготовку великого князя к походу. Но демонстрации военных приготовлений русских (весьма вероятно, что в пограничных землях были люди, поставлявшие хану сведения о происходящем на Руси) оказалось достаточно, чтобы хан Али запросил мира на старых условиях. Согласно нормам средневекового межгосударственного права Казань снова оказалась в зависимости от Московского государства. Все попытки быть независимыми от воли Москвы пока являлись тщетными, наталкиваясь на угрозу карательных санкций (посылка вой-

ска) великого князя московского. Следующее осложнение московско-казанских отношений произошло в 1485 г. Вот как об этом повествуют разрядные книги, думается, самый точный источник в данном случае: «Лета 6993-го отпустил князь великий на Казань на Алегама царя, царевича Магмедамина, а с ним послал воевод своих князя Василья Ивановича да Юрья Захарьича, да князя Семена Романовича, да князя Ивана Рамодановского. И Алегам збежал, а на Казань сел Магмедамин». Под следующим, 1486 (6994) годом, разрядные книги сообщают о посылке Иваном III к Мухаммед-Эмину в Казань своих воевод князя Василия Ивановича Оболенского, князя Василия Тулупа и князя Тимофея Тростенского «по царева Магметаминоу присылке, что хотел братью свою выдать великому князю». Но казанские князья, представители местной аристократии, не позволили ему этого сделать, поэтому Мухаммед-Эмин ушел к великокняжеским воеводам, которые, видимо, с войском располагались лагерем недалеко от Казани, готовые силой подавить сопротивление казанцев воле великого князя. Оставшись без хана, представители высшей аристократии казанского государства «ему добили челом, и Магмедамин пошел к ним опять в город на царство»¹²⁸.

Другая версия этих событий отразилась в Софийской II и Ермолинской летописях. Они под 1485 годом (судя по разрядным книгам, действие происходило в 1486 г.) содержат известие о том, что «казанци» (вероятнее всего, правящая верхушка ханства) прислали к великому князю жалобу на Мухаммед-Эмина, прося «отпустить» на казанский престол царевича, которого они ранее отравили в Москву, чтобы в случае, если Мухаммед-Эмин будет над ними «чинить лихо», заменить его этим царевичем.

На данном этапе великий князь московский выступал гарантом стабильности внутривнутриполитической ситуации в Казанском ханстве. Узнав о жалобе на него казанских князей, Мухаммед-Эмин хотел их перебить: «...а Меншицын сын, услышав то, да зазававши нас к себе на пир, хотел нас перетеряти, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город да окрепивши город, да за нами пошел в поле»¹²⁹. Так или иначе, на этот раз Мухаммед-Эмину удалось удержаться на ханском престоле в Казани, обратившись к посредничеству русских воевод. Но спокойствие оказалось кратковременным. В 6995 (1487) году «согнал с Казани Магмедамина царя брат ево Алегам, пришед из Нагаи по слову с казанцы»¹³⁰. Сводный брат

Мухаммед-Эмина, Али, договорившись с казанскими князьями, с помощью приведенных из Ногайской Орды ногайцев свергнул Мухаммед-Эмина. Очевидно, находившиеся недалеко от Казани русские воеводы не обладали силой, которая реально могла бы противостоять ногайцам, пришедшим с Али, и вынуждены были отступить на русскую территорию без боя. Во всяком случае, имеющиеся источники ничего не говорят о столкновении ногайцев с русскими войсками при занятии Али-ханом Казани.

Естественно, что ущемление интересов великого князя, считавшего себя полновластным хозяином ханского стола в Казани, а значит, и Московского государства, вызвало посылку сильной русской рати, призванной покарать великокняжеского «недруга» Али-хана. 9 июля 1487 г. Казань была взята русскими войсками. К сожалению, летописи не сохранили нам подробностей осады и штурма города. Разрядные книги, а также Софийская II и Ермолинская летописи говорят об участии в походе 1487 г. наряду с конной и судовой ратю русских. Хан Али был «изыман» вместе с матерью, женою, двумя братьями, сестрой и приближенными («с его князми»). За неделю до Преображения Господня (6 августа) Али-хана привезли в Москву «и посадиша в городе, на княжо Данилове дворе Александровича Ярославскаго; приведоша же и мать его и жену его»¹³¹. Великокняжеская летописная традиция сообщала об итогах похода 1487 г. в следующих словах: «И князь велики Иван Василиевич царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромолних князей и уланов полоненных Казанских смертью казнил, и иных коромолников; а царя Алегама князь велики и с царицею послал в заточение на Вологду, а мать его и братию и сестру послал в заточение на Белоозеро в Карголом»¹³². Ермолинская летопись так оценивает результат военно-политической акции великого князя: «...и бысть тишина велиа в тех странах от Татар»¹³³. На какое-то время казанские набеги на восточные окраины Русского государства прекратились.

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение о начале зависимости Казанского ханства от России с 1487 г., связанное с использованием в качестве достоверного источника «Казанской истории», памятника, где отбор фактов подчинялся поставленным автором идеологическим задачам. В этом сочинении опускается изложение русских походов на Казань в 60–70-е гг. XV в., но зато подчеркивается, что Иван III «по взятии же Вели-

кого Нова града в девятое лето, по Тверском во второе лето посла воевод своих на Казаньское царство с великим воинством за бесчестье и срамоту отца своего...». Поход 1487 г. рассматривался в «Казанской истории» как второе взятие Казани (первое, по ее версии, было в 1395 г.). Отсчитав время, прошедшее между 1487 г. и избиением русских в Казани в 1505 г., «Казанская история» указывала: «Бысть же тогда Казань за великим князем семь на десять лет»¹³⁴.

Историки, обращавшиеся к изучению русско-казанских отношений, не подвергали сомнению концепцию, созданную в сложной политической обстановке 60-х гг. XVI в. и излагавшую историю в свете требований центральной власти. Так, С. М. Соловьев считал, что внутренние смуты в Казани после смерти хана Ибрагима «дали московскому князю возможность утвердить здесь решительно свое влияние, впервые привести в зависимость татарское царство»¹³⁵. Еще дальше пошел автор исследования по истории Казанского ханства М. Г. Худяков: он начинал с 1487 г. особый период в политической истории государства казанских татар — эпоху русского протектората. По мнению ученого, с этого года «данические отношения русских к Казани были прекращены: стремясь к освобождению от татарского ига и уничтожив в 1480 г. зависимость от ханов Сарайских, Иван III не мог не стремиться к тому же в отношении ханов казанских, и этой цели он достиг в 1487 году». Из данника и подручника казанского хана великий князь стал независимым государем. С этого времени степень русского влияния на дела соседнего государства сильно колебалась, иногда достигая большой высоты, в значительной мере оправдывая аттестацию некоторых казанских ханов как подручников великого князя¹³⁶.

Как событие огромной важности рассматривал взятие Казани в 1487 г. А. А. Зимин. Он подчеркивал, что, хотя тогда и не последовало непосредственного включения Казани в состав Русского государства, но с тех пор, несмотря на противодействие части татарской знати, ханство входит в фарватер русской политики, а наиболее дальновидные князья и мурзы начинают понимать несомненные выгоды для себя союза с Россией¹³⁷. С. Х. Алишев, выделивший несколько этапов в присоединении народов Поволжья к Русскому государству, считает 1487 г. рубежом, с которого начинается новый этап в этом процессе — время протектората Москвы над Казанью¹³⁸.

Категоричность в установлении рубежа в развитии русско-казанских отношений схематизирует сложную историю подчинения ханства власти московского великого князя. Добавим, что захват Казани и посажение хана «из руки» великого князя явилось закономерным итогом целенаправленных усилий московских политиков, прежде всего самого Ивана III, начиная с 1467 г. Новая политическая система на востоке Европы начинает складываться в 60–80-е гг. XV в., когда идет активный процесс образования Русского национального государства, роста его территории. Одновременно происходит централизация аппарата государственного управления¹³⁹. В 1480 г. победой на Угре было покончено с ордынским игом. Был полностью восстановлен национальный суверенитет Московской Руси. Образование единого государства и победа на Угре представляли собой две стороны одного и того же процесса национального возрождения Руси¹⁴⁰.

Усиление Московского государства позволило Ивану III обеспечить охрану и безопасность восточной и южной границ, противопоставляя друг другу татарские ханства, выделившиеся из Золотой Орды. Составной частью восточной политики великого князя явилось подчинение Казанского ханства, превращение его в зависимое от России татарское государство. Начало этой политической линии Московского государства в отношении Казани было положено в 1467 г., когда Иван III попытался возвести Касима на ханский престол, что позволило бы уже тогда добиться установления зависимости ханства от Москвы¹⁴¹. С этого времени постепенно, методом проб и ошибок, в ходе мирных переговоров и внушительных военных акций выработывалась московская государственная политика в Среднем Поволжье. Поэтому можно говорить о вхождении поволжских народов в сферу пристального политического внимания великих князей московских. Впервые центральная власть в Казанском ханстве была поставлена под московский контроль (правда, ненадолго) еще в 1469 г., когда хан Ибрагим «доби челом на всеи воли великаго князя и на воеводьскои».

В 1478 г. снова был заключен мир на условиях, выдвинутых великим князем московским. Вероятно, этот же самый договор возобновляется в 1482 г., когда на престоле в Казани уже находился хан Али. Очевидно, что события 1485–1487 гг., завершившиеся взятием Казани и посажением хана «из руки» Москвы, стали результатом несоблюдения казанской стороной условий договора,

уже не раз возобновляемого с 1469 г. Захват столицы ханства и свержение его правителя дал московским властям возможность продиктовать мир на новых, более жестких, чрезвычайно невыгодных для казанского государства условиях. Но рассматривать успешное военное предприятие русских вне контекста становления московской великокняжеской политики по отношению к своему восточному соседу, как нам кажется, неправомерно. Установление зависимости Казанского ханства от России явилось начальным этапом постепенного включения народов Среднего Поволжья в политическую систему Русского многонационального государства, этапом усиления политических, экономических и культурных связей с русским народом¹⁴². Подчинение Казанского ханства в 1487 г. стало составной частью процесса присоединения и освоения окружавших русские земли территорий, населенных нерусскими народами, шедшего параллельно с объединением русских земель в единое государство, которое нуждалось не только в расширении своих владений, но и в обеспечении безопасности их границ¹⁴³.

Что же изменилось в практике московско-казанских отношений с приходом к власти при подавлении сопротивления ставленника великого князя хана Мухаммед-Эмина? В значительной мере приближает к пониманию сути происходившего в 1485–1487 гг. следующее пояснение В. В. Вельяминова-Зернова: «Великому князю, очевидно, было все равно, кто бы ни сидел на престоле Казанском, лишь бы царь этот исполнял его волю. Было два лица, искавших престола; для того, чтобы узнать, кто из них способнее поддаться русскому влиянию, надобно было сначала испытать их». Далее В. В. Вельяминов-Зернов отмечал, что «смуты времен Ильгама составляют важную эпоху в истории Казанского ханства. Казань, некогда гроза России, независимая и сильная, впервые, вследствие внутренних раздоров и беспорядков, получила ханов от руки великого князя Московского. С тех пор она, раздираемая междоусобиями, постоянно слабела, и чем далее вперед, тем более подпадала влиянию России, которая на беду ей крепла и росла. С Ильгамова царствования, собственно говоря, и началось падение ханства»¹⁴⁴.

Согласившись с историком в оценке изменения характера московско-казанских отношений после 1487 г., подвергнем сомнению высказанное им положение о начале «падения ханства» с правле-

ния хана Али. Неоднократное вмешательство русского правительства в борьбу за власть в ханстве, начиная с 1467 г., скорее всего, свидетельствует о том, что после смерти основателя династии хана Мухаммеда внутривосточная ситуация в Казанском ханстве характеризовалась перманентной нестабильностью, что облегчало проведение Русским государством своей политической линии в Среднем Поволжье, направленной на ослабление и приведение в зависимость восточного соседа. Именно события 1487 г. расценивались Иваном IV как отправной момент перехода Казанского ханства под власть Москвы. Иван Грозный писал в грамоте к мурзе Исмаилу, отправленной 2 февраля 1554 г.: «А о Казанской земле тебе и самому гораздо ведомо, что юрт исьстари наш. А взял ево дед наш своєю саблею и Алегама царя с братьею и с матерью и со царицами и з детми дед наш с того юрта привел к себе»¹⁴⁵. Повидимому, царь получал сведения о русско-казанских отношениях из официального летописания, в частности из Московского летописного свода конца XV в., в котором было выпущено известие об успешном походе на Казань русских войск под командованием брата великого князя Юрия Васильевича в 1469 г., завершившегося заключением мира, выгодного Русскому государству. С. Герберштейн писал о том, что подчинить Казань московскому государю тем легче, что «они не могут обойтись без взаимной торговли»¹⁴⁶.

Позиция великого князя Ивана III по отношению к Казанскому ханству после посажения на его престоле русского ставленника ясно прослеживается по материалам посольств его к крымскому хану Менгли-Гирею. Здесь же содержатся сведения, характеризующие положение Мухаммед-Эмина по отношению к Москве. Так, посланному к Менгли-Гирею и «его царице» Нур-Салтан татарину Беляку Ардашеву 10 августа 1487 г. надлежало передать крымскому хану от имени великого князя: «...посылал есми на своего недруга на Алегама царя на Казанского своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга Алегама царя поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а Магмет-Аминя царя на Казани есмя посадили. И тебе бы то было ведомо». Великий князь обосновал свои действия по отношению к Казанскому ханству несоблюдением ханом Али условий договорной грамоты с великим князем, которая, вероятно, была заключена в 1482 г. и представляла собой возобновление условий мира,

установленного в результате похода Юрия Васильевича в 1469 г. Милосердие бога помогло великому князю наказать своего «недруга» за его «неисправление».

Иван III не говорил о том, что и впредь казанские ханы будут устанавливаться по воле московского государя, но созданный прецедент можно было оформить в традицию и использовать для обоснования претензий на распоряжение Казанским юртом, что и было сделано Иваном IV. Московская великокняжеская власть формально не поступалась достигнутым уровнем отношений с другими государствами. Иван III именует своего ставленника в Казани Мухаммед-Эмина братом и сыном, признавая его правителем суверенного государства и в то же время указывая на его подчиненное по отношению к себе положение — ведь посажен на казанский престол он был по воле великого князя. Московский государь поставил под свой контроль внешнеполитические связи казанского хана. Иван III властно вмешивался в торговые отношения Казанского ханства с Русским государством: «Князь великий веле тебе (Мухаммед-Эмину. — Д. К.) говорити, и ты бы в Казани и во всей твоей земле заповедал всем своим людем, чтобы из Казани через Мордву и через Черемису на Муром и на Мещеру не ездил никто, а ездили бы из Казани все Волгою на Новгород Нижней».

В ногайских посольских книгах сохранились известия об обмене послами между Иваном III и Мухаммед-Эмином осенью 1490 г. 22 октября в Москву приехал посол казанского хана Аларкуш. В грамотах, посланных с ним, Мухаммед-Эмин обращается к великому князю как к брату, поскольку в данном случае он выступал как глава государства. В одной из грамот казанский хан жаловался на самоуправство на территории ханства одного из великокняжеских чиновников по сбору податей, некоего Федора Киселева: «Брату, великому князю. Тебе бы ведомо было: сего лета приехав Федор Киселев, чего изстарины не бывало, лишних пошлин с Цевели десятского Артака с детми изымав вязал, давил силою, взял три кади меду, да конь, да корову, да овцю, да семь куниц, да три лисицы взял; да на Алныши на реке с Шиховых детей взял конь сив, да конь коур, да конь гнед, да семь сот бел, да два бобрышка ярчики, да почеревье. Ино, брат князь великий тое силы как общещь, взяв да пошлешь, жалованье твое ведает». В ответной грамоте Иван III обещал «опытать» Федора Киселева о

«силе», учиненной им «цивильским людям», и сообщить об этом Мухаммед-Эмину.

Из приведенной выше грамоты казанского хана можно сделать вывод, что в конце XV в. Русское государство взимало какие-то фиксированные пошлины с земель по рекам Цивилию и Алнышу, принадлежавшим Казанскому ханству. Об этих пошлинах было известно и казанскому хану, видимо, они были установлены по межгосударственному соглашению. Ссылка на «старину» указывает на относительную давность заключения этого договора. Не мог ли это быть договор, заключенный во время похода Юрия Васильевича на Казань в 1469 г.? Взимание «лишних пошлин» силой являлось нарушением соглашения между государствами и вызвало обращение казанского хана к великому князю.

Иван III мог потребовать от казанского хана, как от подвластного ему удельного князя в Московском государстве, посылки рати против врагов Русского государства. Подчиненное положение Мухаммед-Эмина по отношению к московскому государю, его право по своей воле распоряжаться Казанским юртом и защищать своего «сына» от врагов признавалось и отчимом казанского хана Менгли-Гиреем, и его матерью Нур-Салтан.

В ноябре 1491 г. крымская ханша передавала великому князю на словах с послом: «...наперед деи Магмет Аминь сын был мой, а нынеча Магмет-Аминь сын твой и нынеча деи мое сердце на месте не стоит, от Нагаев вести приходят неупокойны: и князь велики брат наш своей земли осподарь как пожалует оборонит...». В грамоте, отправленной с этим же послом, Нур-Салтан писала: «Тот один молодой мой сын Магмед-Аминь царь первое на Бога ся надеет, да на другова ся на тебя надеет»¹⁴⁷. Жена крымского хана признавала Казанское ханство землей, подвластной Ивану III. Поэтому о фактическом суверенитете Казани в начале 90-х гг. XV в. не могло быть и речи. Иван III контролировал дела ханства, и оно находилось в том же положении, что и Касимовское ханство, полная зависимость которого от России не подлежит сомнению. Иван III строил свои отношения с Мухаммед-Эмином на основе модели отношения турецкого султана к крымскому хану. Не была ли великим князем заимствована юридическая форма этих отношений, ведь он был проинформирован о договоре 1475 г., фиксировавшем зависимость Крымского ханства от Порты на четко определенных условиях. Османская империя настояла на постоянном при-

существовании в Стамбуле ближайших родственников хана, которые в качестве представителей династии Гиреев могли сменить его в любой удобный для Порты момент. Кроме того, султану даровалась прибрежная полоса горного Крыма. Только в отличие от Ивана III Мехмед II предоставил крымскому хану право внешнеполитических сношений. Все же политика Османской империи в отношении Крыма характеризовалась большой гибкостью, что при отсутствии конфессиональной несовместимости позволяло избегать острых конфликтов, характерных для русско-казанских отношений¹⁴⁸.

Следовательно, после посажения ханом в Казани Мухаммед-Эмина в 1487 г. устанавливается протекторат Московского государства над территорией Казанского ханства, которое включается в сферу политического подчинения России, сохраняя ограниченную автономию только в делах внутреннего управления, лишаясь внешних сношений, не подвластных контролю московского государя. Установившийся режим оказался достаточно стабильным и продержался почти 10 лет. Возникает вопрос о критериях, определивших устойчивость привнесенной и поддерживаемой извне центральной власти в Казанском ханстве. Для этого необходимо обратиться к рассмотрению внутреннего строя Казанского государства в конце XV — начале XVI в.

В этот период территория ханства на западе и юго-западе была ограничена течением р. Суры и ее левого притока Алатыря. Окско-Сурское междуречье отошло в подчинение Русского государства. С севера пределы ханства также были потеснены активным московским продвижением на восток. Во второй половине 80-х гг. XV в. антимосковские действия правящей верхушки Вятской земли, непрекращавшиеся грабительские набеги вятской «вольницы» на восточные окраины русских земель привели к силовому подавлению этого автономного образования и подчинению его власти великого князя¹⁴⁹.

11 июня 1489 г. Иван III послал «рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича да князя Григорья Васильевича Морозова, и иных воевод со мною силою». Города Вятской земли были заняты великокняжеским войском. Летописец различает «вятчан» и «арян» (северных удмуртов) в составе населения Вятки. Если вятчане были приведены «к целованию», то удмуртов, которые были язычниками, «к роте приведоша». Также различно было

отношение великокняжеской власти к правящей верхушке («большим людям») русских «вятчан» и к управлявшим удмуртами арским князьям, этническое происхождение некоторых рассматривалось выше. «Больших людей» Вятской земли с семьями великий князь поместил в Боровце и Кременце, «торговые люди» были поселены в Дмитрове. Арские же князья, которых великий князь московский рассчитывал использовать в интересах укрепления своего влияния на Вятке, были им отпущены в свою землю¹⁵⁰.

Силовое подчинение Вятской земли вывело из сферы влияния Казанского ханства северных удмуртов и часть марийцев и стало отправной точкой целенаправленной политики Московского государства в этом регионе, при выработке которой учитывался опыт длительного совместного проживания русских с удмуртами, марийцами и татарами. Московское правительство делало все, чтобы завоевать поддержку нерусских народностей Вятской земли. Оно стремилось, по возможности, не трогать сложившуюся у них социально-политическую структуру, надстраивая ее сверху собственными органами управления. Эта линия великокняжеской политики усиливала тяготение к Русскому государству нерусского населения Вятки. Южные же удмурты вошли в состав Казанского ханства. На востоке под протекторатом Казанского ханства находились земли Северо-Западной Башкирии¹⁵¹.

Казанское ханство было многонациональным государством. Те племена и народности, которые раньше находились в составе государственного объединения или были под протекторатом Волжско-Камской Булгарии (предки чувашей, мари, удмуртов, северо-западные башкиры, восточная мордва), подпали под государственное объединение Казанского ханства¹⁵². В рамках этого государства происходит формирование современных финно-угорских и тюркских народов. Уровень этнической консолидации в Среднем Поволжье был различным. Эпоха Казанского ханства стала временем завершения в общих чертах образования этнических территорий всех волго-уральских народов¹⁵³. Основное население Казанского ханства в русских летописях конца XV–XVI вв. именуется «казанцами» или «татарами». По предположению М. З. Закиева, самоназванием народа было «казан кешесе» («казанский люд») и «казанлы», в то же время для внешнего применения сохраняется внешний этноним «татар»¹⁵⁴. Устойчивым этническим признаком ведущего тюркского компонента народов Среднего Поволжья

выступает мусульманство. Это подтверждается ассимиляцией части исламизированных марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей и башкир господствующим этносом булгаро-татар¹⁵⁵.

Об усилении в эпоху Казанского ханства политической и общественной роли мусульманского духовенства свидетельствуют сохранившиеся комментарии к Корану на татарском языке, богословские сочинения, прославляющие мусульманских пророков, распространение суфизма с его оппозиционной к властям проповедью терпения, любви, ненасилия¹⁵⁶. Население ханства, по подсчетам Д. М. Исхакова, в середине XVI в. составляло примерно 0,5 млн. человек, из них — от 180 до 240 тыс. булгаро-татар¹⁵⁷. Казань — крупнейший в государстве город; его политический, экономический и культурный центр к моменту взятия его русскими войсками в 1552 г., как предполагает Л. С. Шавохин, занимал вместе с загородными слободами площадь 55 га и имел население 5–5,5 тыс. человек¹⁵⁸.

Основу экономического развития Среднего Поволжья в XV–XVI вв. составляло пашенное земледелие на широких площадях с применением паровой системы с навозным удобрением в форме трехполья, а в лесных районах — подсеки и перелога. Скотоводство носило подсобный характер. Самостоятельный характер оно получило только на юго-востоке, особенно на лесостепных территориях между реками Заем и Иком. Народы ханства занимались также огородничеством, рыболовством, бортничеством, охотой¹⁵⁹. Основными районами земледелия были бассейны рек Казани и Свияги¹⁶⁰. За период относительно мирного развития Казанского ханства, продолжавшийся, по мнению С. Х. Алишева, с 1487 по 1521 гг., выросли производительные силы страны, расширилась внутренняя и внешняя торговля. Получали дальнейшее развитие старые и возникали новые города, такие как Арск, Лаишев, Алаты, Елабуга, Тетюши, Малмыж, Булымер и др.¹⁶¹ Крупнейшим экономическим и торговым центром являлась Казань. Этот город с прилегающими к нему землями центральной части ханства являлся средоточием производства продуктов, которые имели большое значение в экспорте на Восток (кожа, воск, мед, меха)¹⁶². Со второй половины XV в. Казанское ханство, по-видимому, входит в сферу русского денежного обращения, так как чеканка монет здесь прекращается, что обусловило экономическое тяготение Среднего Поволжья к Русскому государству¹⁶³.

Казанское ханство можно отнести к числу ранних государств¹⁶⁴. Народы, входившие в состав Казанского ханства, находились на разных ступенях общественного развития. Социальная структура булгаро-татарской и башкирской народностей была более четко обозначена, чем у других народов. Оформившиеся в период существования Казанского ханства чувашская, удмуртская, марийская, мордовская народности характеризовались сложным сочетанием раннеклассовых отношений, территориальных связей с родоплеменными или семейно-патронимическими. Племенные или локально-территориальные группы, диалекты и говоры ослабляли интенсивность консолидационных процессов¹⁶⁵.

Иноязычная периферия была слабо привязана к центральным землям ханства, что служило одним из факторов рыхлости внутренней структуры казанского государства. Надо отметить, что в эпоху средневековья включение первобытной периферии в состав уже существующих государств и насильственное формирование сословной структуры стало основным путем распространения государственности на периферии¹⁶⁶. Казанское ханство, на наш взгляд, наглядно иллюстрирует данное обобщение. Татарская аристократия господствовала над социальной верхушкой других народов в силу того, что булгаро-татарский этнос на рубеже XV–XVI вв. значительно выделялся по своему социальному уровню¹⁶⁷. Поэтому, хотя казанский хан формально пользовался неограниченной властью, фактически его власть была ограничена правлением казанских городских земских князей и главы мусульман казанского государства — сеида¹⁶⁸. Социальную структуру Казанского ханства определяли поземельные отношения. В XV–XVI вв. в Среднем Поволжье существовали 4 формы землевладения: государственно-ясачная, суюргально-тарханная, ханско-дворцовая и вакуфные земли мусульманского духовенства. Время правления хана Мухаммед-Эмина (1487–1518 гг. с перерывом) стало периодом оформления таких поземельных отношений, следы которых заметны затем на протяжении XVI–XVII вв.¹⁶⁹

Думается, будет правомерным распространить на Казанское ханство особенности складывания крупного землевладения, установленных А. Ю. Дворниченко для восточнославянских государств. Исследователь отметил отсутствие принципиального отличия разных форм пожалования в общественном сознании эпохи средневековья. Главным средством постепенного превращения

пожалования в крупную частную собственность был предоставляемый верховной властью иммунитет¹⁷⁰. Хан как номинальный собственник всех земель государства выделял своим подчиненным суюргальные территории с предоставлением права на сбор податей с населения, что оформлялось специальными грамотами — ярлыками, жалуемыми за несение военной или иной государственной службы. Это право становилось со временем наследственным, но не давало возможности владения самой землей и населяющими ее крестьянами¹⁷¹. Условное военно-ленное землевладение было широко распространено в средневековой Средней Азии и на Ближнем Востоке. Этой форме земельных правоотношений в странах Востока предшествовал институт икта, приближавшийся к бенефицию¹⁷². На территории Среднего Поволжья служебные отношения зародились еще в период Волжско-Камской Булгарии, о чем свидетельствует наличие здесь военно-служилой сословной группы (ювари) в XIII–XIV вв. Как полагает А. Х. Халиков, большая часть знати в Казанском ханстве, обладавшая суюргальным правом, сохранилась еще от булгарской аристократии¹⁷³.

Близко примыкает к суюргальному держанию тарханное право — освобождение от всех налогов и поборов за определенную услугу хану. От эпохи Казанского ханства сохранилось 2 тарханских ярлыка, но в тексте говорится и о суюргальном владении¹⁷⁴. М. А. Усманов, исследовавший эти ярлыки, сделал вывод о том, что оба эти права тесно переплетались и дополняли друг друга, развиваясь симбиозно¹⁷⁵.

Образование аристократии происходило преимущественно в результате саморазвития булгаро-татарского общества в ходе углубления процесса социальной и имущественной дифференциации, обособления представителей публичной власти. Таким путем шел рост крупного землевладения «снизу». О реальном соотношении двух путей становления крупной земельной собственности (в результате ханского пожалования и в ходе расслоения социума) судить трудно, так как источники, освещающие экономическую жизнь Казанского ханства, почти не сохранились.

Крупными землевладельцами были казанские ханы. С. Х. Алишев насчитал около 20 имений, доходы от которых использовались семьей хана и его двором.

Вакуфные земли духовенства были свободны от всяких налогов. Крупное землевладение составляло экономическую базу су-

ществования многочисленного иерархично структурированного сословия знати из булгаро-татар. Мы в целом присоединяемся к мнению С. Х. Алишева о том, что сотники, десятники, «лучшие люди» нетатарских народов ханства еще не могут считаться высшим сословием этих этносов, поскольку они появились в результате организационных правительственных мероприятий казанского государства. Татарские аристократы к западу от Свияги, на землях чувашей и марийцев, источниками не упоминаются¹⁷⁶. Исключение, как нам кажется, представляет мордва. Мордовские князья вступили в активное взаимодействие с князьями Владимиро-Суздальской земли еще в первой трети XIII в. Видимо, как можно судить по источникам, оформляющаяся знать мордвы не была полностью вытеснена булгаро-татарской аристократией.

Населявшие мордово-мещерские земли бесермяне, мордва и «мочаре» (мещеряки) платили ясак не только мордовским князьям, но и представителям татарских княжеских родов. Как полагает Н. В. Заварюхин, уже в XV в. мордовская и мишаро-татарская аристократия вступила в зависимость от великих князей московских. Четко определилась неразрывная связь с русскими территориями мордовских земель. К концу XV в. мордва окончательно включилась в сферу политического, экономического и торгового влияния Московской Руси.

Таким образом, наиболее развитый в социальном отношении после булгаро-татар этнос в Среднем Поволжье выпал из состава Казанского ханства и прочно связал свою историческую судьбу с Московским государством. Зависимой от Казанского государства к началу XVI в. была лишь Засурская мордва, присоединенная к России только после взятия Казани войсками Ивана IV в 1552 г.¹⁷⁷

Верхушку казанской аристократии составляли эмиры (карачи, беки-князья), являвшиеся военачальниками ополчения своей округи, собирающие с нее ясак в свою пользу. Мурзы (дворяне) составляли самый многочисленный слой землевладельцев, уланы (дети боярские) и казаки были постоянным ядром ханского войска. Во главе духовенства стоял один из сеидов г. Казани. Высшее духовенство оказывало немалое влияние на общественную, политическую и духовную жизнь Казанского ханства.

В фактической зависимости от перечисленных групп светской и духовной знати казанского государства находилась преобладающая масса населения — различные категории крестьян и городско-

го «черного населения», по-татарски именуемые «кешелэр», «куллар», «чуралар», «кара халык» — чернь, противостоящая аристократам — «аксо-як», т. е. «белой кости». Военнопленные («куллар», или «чуралар» — рабы) в сельской местности сажались на землю, в городах использовались обычно в ремесленном производстве и в качестве дворовых слуг. Часть пленных поставлялась на рынки восточных стран. Однако работорговля и рабовладение в эпоху Казанского ханства не получили широкого распространения¹⁷⁸.

Межсословная рознь осложнялась этнической и конфессиональной несовместимостью правящей аристократии ханства, в основном, как мы видели, состоявшей из исповедовавших ислам булгаро-татар, и языческой массы нетатарского населения периферийных районов казанского государства. Не было единства и в рядах самой политической элиты ханства. Еще в 1445 г. с ханом Махмудом в Казань пришло примерно 2 тыс. кочевников из Золотой Орды, которые в силу своей чуждости местному населению находили опору только в ханской власти и, видимо, составляли ближайшее окружение главы возникающего политического образования. В этом смысле кажется не лишним действительных оснований показание автора «Казанской истории»: «И начаше збираться к царю мнози варвары от различных стран от Златые орды, от Астрахани, и от Азова и от Крыма»¹⁷⁹. Видимо, приход кочевой знати с центральных территорий бывшей Золотой Орды в Среднее Поволжье и ее инкорпорация на привилегированных правах в состав ханского окружения в ущерб местной аристократии являлись характерной чертой политического строя Казанского ханства. К сожалению, русские источники донесли лишь единичные сведения о прибытии кочевников в Казань, очевидно, полагая нужным упоминать об этом только если дело прямо касалось отношений Казанского ханства с Московской Русью. Противоречие между пришедшей крымской и ногайской знатью и местной аристократией, опиравшейся на основную массу населения ханства, приводило к постоянной розни, обостряло противоборство и нарушало согласованность действий правящей элиты Казанского ханства, что во многом упрощало вмешательство во внутреннюю политику государства извне, со стороны Москвы. Противоречия в рядах высшей аристократии, разделявшейся на соперничающие политические группировки, имевшие различную внешнюю ориентацию (промосковская, ногайская и крымская), существенно ограничи-

вали верховную власть казанских ханов¹⁸⁰. Иерархическая зависимость аристократии казанского государства, их служба хану отнюдь не снимали остроту политических конфликтов внутри правящего слоя, что обусловило отсутствие у казанских ханов прочной социальной базы. Как увидим в дальнейшем, это вело к относительной легкости, с которой при поддержке внешних сил сменялись ханы на казанском престоле.

Итак, рассмотрение общественного строя Казанского ханства позволяет сделать вывод о наличии, по крайней мере, трех основных групп противоречий в социальной системе этого государства: это этноконфессиональные противоречия между центральной властью Казанского ханства и языческой нетатарской периферией, противоречия между высшими и низшими слоями господствующего этноса булгаро-татар и противоречия внутри правящей политической элиты ханства (между ханом и высшей аристократией, между местными и пришлыми группировками знати). Указанные противоречия значительно сужали возможность стабильного независимого существования Казанского ханства. Центральная власть Казанского ханства чаще всего оказывалась неспособной эффективно разрешать внутренние социальные конфликты и обращалась за внешней помощью. Откуда приходила эта помощь, зависело от того, политическая группировка какой ориентации одержит верх, чье влияние на высшую аристократию Казанского ханства (Московского государства, Крымского ханства или Ногайской Орды) возобладает на данном этапе. Приведенные замечания ниже будут проиллюстрированы анализом истории политики Московского государства в отношении Казанского ханства в конце XV — первой половине XVI в.

С конца 80-х гг. XV в. Русское государство устанавливает постоянные отношения и с Ногайской Ордой, кочевья которой охватывали территорию между средним и нижним течением Волги и Яика. История этого политического образования детально изучена в недавно вышедшей монографии В. В. Трепавлова, поэтому в данной работе она специально не рассматривается¹⁸¹.

Здесь мы лишь кратко остановимся на характере русско-ногайских отношений. В ноябре 1489 г. в Москву впервые прибыли 22 ногайских посланника, в их числе были и послы хана Шибанской орды Ивака, кочевья которого располагались на р. Тюмени¹⁸². «Приехали к великому князю из Нагай от Ивака царя посол его

Чюлнур, а от Мусы мырзы человек его Адык, а от Ямгурчей мырзы человек его Тувач, а с ними грамоты пришли». В грамотах содержались предложения об установлении дружественных равноправных отношений. Непременным условием «братства» с великим князем шибанский хан Ивак выдвигал освобождение из русского плена бывшего казанского хана Али и отпуск его к Иваку. Иван III ответил отказом, обвинив Али в нарушении заключенного с ним договора. Одновременно великий князь предъявил шибанскому хану претензии в укрывательстве людей и своего «недруга Алегамовых царевых», которые «колко лиха чинят нашим землям, моим да и брата и сына моего Магметь Аминеве цареве земле».

Великий князь согласился на установление отношений дружбы и братства с Ногайской и Шибанской ордами при условии, что такие же отношения будут установлены и с казанским ханом Мухаммед-Эмином: «А Иван царь захочет с нами дружбы и братства и с моим братом и сыном с Магметь Амином царем, и мы с ним дружбы и братства хотим. А мырзы Муса и Ямгурчей захотят с нами дружбы и с моим братом и сыном Магметь Амином царем и мы с ними дружбы хотим». Иван III стремился обеспечить невмешательство кочевых орд во внутренние дела Казанского ханства, прочно вошедшего в орбиту политического влияния Руси. А такая опасность реально существовала. Иногда, передвигаясь со своими стадами, ногайцы доходили до окрестностей Казани. На территории Казанского ханства в середине XVI в. существовали «мангытские места», с которых ногайские аристократы получали ежегодный «мангытский доход». Владения ногайцев распространялись к северу до р. Камы. Жившие возле р. Уфы башкиры и остяки платили дань ногайцам¹⁸³. Как считает Б.-А. Б. Кочкаев, «мангытский князь», бий, стоявший во главе политической организации Ногайской орды, очевидно, обладал, в силу своего звания, определенными правами на управление Казанью. Это позволяло ногайцам принимать деятельное участие в борьбе за ханский престол. Привлекало ногайцев в Среднее Поволжье и то, что Казань была самым близким рынком для торговли скотом¹⁸⁴. Ногайская Орда, находящаяся на второй стадии кочевания (полукочевания), по классификации С. А. Плетневой, и бывшая значительным государством (по В. В. Трепавлову), нуждалась для ведения планомерного скотоводческо-кочевых хозяйства в постоян-

ном союзе с земледельческими государствами. В свою очередь соседние земледельческие государства (Московская Русь и Казанское ханство) старались наладить союзнические отношения с кочевниками и максимально использовать их военную силу, а потому стремились к установлению политической зависимости кочевой орды от себя¹⁸⁵.

Поскольку Казанское ханство к концу XV в. само находилось в зависимости от Русского государства, то именно последнее располагало реальными возможностями подчинить Ногайскую Орду своему политическому влиянию. Взаимная заинтересованность кочевой Ногайской Орды и земледельческого Московского государства постепенно, не без препятствий, вела к налаживанию более или менее сносных, а затем вполне дружественных отношений между их правителями. Здравый смысл сумел пробить себе дорогу сквозь барьеры, возникавшие из-за несовпадения политических устремлений сторон. Основная масса ногайцев («черные улусные люди») постоянно нуждались в поступавшем из России хлебе, а знать — в продуктах ремесленного производства. В обмен на эти товары Ногайская Орда поставляла в Москву большие партии лошадей, видимо, получая немалые выгоды. Торговые сношения Московской Руси с ногайцами регулировались дипломатическими переговорами и заключенными по их итогам грамотами, разрешавшими свободный проезд в Москву ногайских купцов (известны грамоты 1508, 1534, 1536, 1549 гг.)¹⁸⁶. Так, под 1508 г. Софийская II, Львовская и Никоновская летописи содержат известие о том, что «прислаша Ногайские мурзы послов своих к великому князю Василию Ивановичю, государю всея Руси, бити челом, чтобы пожаловал велел Нагайским гостем ездити к Москве с конми и со всяким товаром»¹⁸⁷. По другим сведениям, с этим же ногайским посольством пришли «гости многиа с конми»¹⁸⁸. Очевидно, переговоры увенчались успехом, и в дальнейшем на протяжении всей первой половины XVI в., если этому не препятствовали политические противоречия ногайцев с Москвой, этот торговый договор периодически возобновлялся, составляя основу по преимуществу дружественных связей двух столь различных политических образований.

Итак, к 90-м гг. XV в. в орбиту московской политики включается Ногайская Орда, с которой устанавливаются дипломатические и военные, а затем (с 1508 г.) и торговые отношения¹⁸⁹. Мос-

ковское государство стремится к установлению контроля над политической жизнью не только Среднего Поволжья, но и над территориями нижневолжских кочевых степей.

Дипломатические и военные усилия русского правительства в этом направлении привели к значительным результатам: в итоге силового вмешательства московский государь добился права по своей воле ставить ханов в Казани, установил контроль над внешнеполитическими сношениями Казанского ханства. Удалось наладить дружественные отношения с правителями многочисленной, а потому представлявшей потенциальную военную угрозу южным русским рубежам Ногайской Ордой (хотя это не обезопасило Московское государство от грабительских набегов отрядов отдельных мурз, не подчинявшихся воле дружественного Москве бека). Постоянная нестабильность соседства кочевых ранних политических образований в Восточной Европе заставляла великокняжескую власть чутко реагировать на малейшие изменения соотношения сил в Поволжье, чтобы удержать его под своим политическим контролем.

Великому князю Ивану III в течение девяти лет удавалось поддерживать политическое равновесие в Среднем Поволжье, диктуя свою волю казанскому хану. Однако в мае 1496 г. московский государь получил известие из Казани от хана Мухаммед-Эмина, «что идет на него Шибаньский царь Мамук со многою силою, а измену чинят казанские князья Калимет да Оурак, да Садыр, да Агиш». Угроза потери политического контроля над всем Средним Поволжьем вызвала активные действия, предпринятые московским правительством для ее предотвращения. Иван III посылает в Казань «к царю Магмет Амину в помощь воеводу своего князя Семена Ивановича Ряполовского с силою, и многих детей боярских двора своего и понизовных городов дети боярские, ноугородцы и муромцы, костромичи и иных городов много. Князи же казаньские предиреченные слышав воеводу великого князя, что идут со многою силою князь Семен Ивановичь Ряполовский выбежаша из Казани ко царю Мамуку; царь же Мамук Шибаньский слыша силу великого князя в Казани многу, и възвратися въсвояси»¹⁹⁰.

Хан Мамук, глава Шибанской орды, принадлежал к династии Шейбани — брата Батыя и был братом уже упоминавшегося выше хана Ибака, сменившего его на тюменском престоле, как считал М. Г. Худяков, между 1493 и 1496 гг.¹⁹¹ Летописи указывают на

существование заговора в Казани, возглавлявшегося четырьмя представителями высшей аристократии ханства — князьями казанскими Кель-Ахмедом (Калиметом по летописям), Ураком, Садыром и Агишем. Заговорщики хотели возвести на казанский престол хана Шибанской кочевой орды Мамука.

Исходя из этого, можно прийти к заключению, что какая-то часть правящей элиты Казанского ханства имела прочные связи с кочевой ордой, восточным соседом Казанского ханства, чем и было вызвано приглашение сибирского хана свергнуть ставленника великого князя московского.

Весной 1496 г. «шибанская» группировка казанской аристократии потерпела поражение в результате быстрых и эффективных действий московского правительства, но это не заставило ее сложить оружие. Вскоре после того как войско хана Мамука повернуло назад, Мухаммед-Эмин, считая, что угроза его престолу миновала, отпускает воеводу князя Семена Ивановича Ряполовского с войском в Москву. Через некоторое время шибанский хан, видимо, получил известие от оставшихся в Казани заговорщиков: «И не по мнозе же времени сведав царь Мамоук шибаньскыи, что вьвода великого князя пошел изс Казани со своею силою назад вьсвоиси, понеже в Казани измена бысть над царем Магамед-Амином и вести к Мамоукоу изс Казани присылахоу, Мамоук же царь вскоре прииде ратью под Казань со многою силою нагайскою и с князи казаньскыи». Казанский хан «блюдяся измены от своих князей и выбежал изс Казани сам и с царицею и с останочными князи своими, и прииде к великому князю на Москву лета 7000 пятого».

Мамук взял город «понеже бо не бысть емоу супротивника». Заняв Казань, шибанский хан посадил в заточение «князей казаньских кои изменяли государю своему, Калимета, Оурака и Садыря, и Агыша з братею». «Гости» и «земьские люди», находившиеся в городе, были ограблены.

Своими действиями новый правитель восстановил против себя население Казани, лишив свою власть социальной опоры в местном обществе. Не подчинялась новой власти и провинция. Пытаясь как-то спасти свое положение, Мамук выпускает из заточения казанских князей, но вместо того, чтобы укрепиться в столице, он с ратью, взяв с собой освобожденных князей, двинулся под Арский городок. Очевидно, арские князья, руководившие Арским княжеством, с 1460-х гг. бывшим одним из улусов Казанского хан-

ства, отказались подчиниться шибанскому хану, обладая достаточными силами для противостояния ему: «...Арьский же князи града своего не сдали, но бишася с ними крепко». Казанское общество окончательно убедилось в том, что как кандидат на казанский престол сибирский хан, «выросший в своеобразных условиях, не мог освоиться с той обстановкой громадного культурного центра, куда он попал, и был не в состоянии управлять государством, не нарушая издавна сложившегося порядка».

Казанским князьям удалось тайно отъехать от Мамука и вернуться в Казань. Они успели укрепить город на случай возможной осады, «хана Мамука в град не пустиша, а измену на него възложиша, что их князей имал, а гостей и земьских людей грабил»¹⁹².

Утвердившись в Казани, «послаша князи казаньские Барашей-сейта к великому князю Ивану Васильевичю на Москву бити челом от них и от всей земли, чтобы их князь великий пожаловал, а нелюбки им отдал и вины их, что они изменили государю своему Магамед Аминю царю да и тебе великому князю». Казанские посланники просили великого князя не отправлять к ним снова Мухаммед-Эмина, «занеже от него было велико насилие и безчестие катунам нашим и за то есмя ему изменили и прочь от него к Мамуку отъехали»¹⁹³. Отказавшись от управления непопулярного Мамука, представители высшей казанской аристократии решили подчиниться воле великого князя московского в выборе хана, поскольку Юрт не мог оставаться без правителя, а покорение Казани русскими войсками в 1487 г. давало московскому государю право назначать главу Казанского ханства. Еще в 1495 г. в одной из грамот Иван III называл себя «Иоан, Божию милостью государь всея Руси и велики князь Володимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Крымский, и Българский и иных», что указывает на то, что Казанское ханство («болгарскую землю») московский государь считал своим владением, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Прислав челобитие в Москву, казанская аристократия соглашалась на подчинение воле великого князя, но выступила против конкретной кандидатуры бывшего хана Мухаммед-Эмина, который в период своего правления в Казани восстановил против себя большую часть правящей верхушки ханства, что и привело к попытке осуществления переворота.

Неспособность собственными силами воссоздать разрушенную за время смуты внутривнутриполитическую целостность казанского государства (как мы видели, периферия отказывалась подчиняться столице) вызвала обращение правящих кругов Казанского ханства за содействием к великому князю московскому.

Иван III исполнил просьбу казанских послов, простив им все «вины», пожаловав казанских князей и «всю землю» — «нарекл им на царство в Казань Абдыл-Летифа царевича Абреимова сына меньшого брата Магамед Аминя царя». Получив известие о воле великого князя в отношении Казани, хан Мамук «вскоре поиде от Казани въсвоясы и на пути умре». Мухаммед-Эмин, бежавший с казанского престола на Русь при приближении Мамука, был пожалован Иваном III городами Каширой, Серпуховом и Хотунью «с волостями и съ всеми пошлинами».

Правящая элита казанского государства, представлявшая интересы всего населения, была согласна на покровительство со стороны Московского государства. Каких-либо намеков на социальные конфликты в Казанском ханстве в последующие два года источники до нас не донесли. Следовательно, ограничение суверенитета Казанского ханства в пользу великого князя московского получило поддержку в широких слоях населения этого государства, ориентировавшегося на сильную власть русского государя, обладавшего достаточной военной силой, чтобы обеспечить стабильное существование и оборону от внешних врагов, на что казанские правящие круги сами по себе были неспособны.

В 1500 г. попытку захватить Казань предприняли ногайские мурзы Муса и Ямгурчей. Они осаждали город в течение трех недель. Казань была спасена тем, что в ней находились, хотя и «съ малыми людьми», великокняжеские воеводы, князь Михаил Курбский и князь Петр Лобан Ряполовский, видимо, присланные для охраны Абдул-Латифа при его возведении на престол. По распоряжению казанского хана возле Казани был сооружен острог, что позволило успешно противостоять численно превосходящим защитников города ногайцам: «...и по вся дни из града выходя с Ногаи бой творяху, и Божьим заступлением Ногаи вскоре от града все прочь поидоша въсвояси»¹⁹⁴.

Однако правление Абдул-Латифа в Казани оказалось непродолжительным. В начале 1502 г. Иван III со всей очевидностью продемонстрировал свое право распоряжаться казанским престо-

лом. Причину произошедшей перемены главы Казанского ханства источники не указывают, в летописях содержится лишь неопределенная ссылка на «измену» и на «неправду» Абдул-Латифа перед великим князем. В чем заключалась эта «неправда», мы не знаем. Проступок казанского хана перед московским государем был столь велик, что наказание не ограничилось просто сведением с престола. Абдул-Латиф полностью лишился своих привилегий, даже его жена передавалась его родному брату Мухаммед-Эмину.

Мухаммед-Эмин вряд ли мог приветствовать расправу над младшим братом, но ему ничего не оставалось в сложившейся ситуации, как покориться силе. Все же политика силового давления на Казань могла осуществляться лишь при наличии на московском великокняжеском столе жесткого волевого человека, каким, по всей видимости, был Иван III. Когда же его руки на руле государственного управления стали слабеть, сразу же появились симптомы разлада в созданной им системе властвования, базировавшейся главным образом на силе принуждения. Политика Ивана III в отношении Казани не решала нарастающих противоречий в московско-казанских отношениях. Аристократия страны, формально обладавшей всеми атрибутами независимой государственности, не могла примириться с диктатом иноконфессионального государства.

Конфликт проявился, когда Иван III фактически уже отошел от дел. Для того, чтобы обосновать разрыв политических отношений с Москвой, Мухаммед-Эмин отказался присягать на верность наследнику Ивана III Василию, поскольку раньше присягал внуку великого князя Дмитрию Ивановичу, впавшему в опалу в 1502 г.¹⁹⁵

24 июня 1505 г. на Рождество Иоанна Предтечи «безбожный и зловерный царь Магамед Аминь Казаньский, будучи у великого князя Ивана Васильевича всея Руси в дружбе и в шерти и забыв свое слово, преступив шертные грамоты, великого князя и посла Михаила Клепика поймал в Казани и людей великого князя торговых поймал, а иных секл, а иных пограбив розослал в Ногаи»¹⁹⁶.

Используя временное ослабление центральной власти в Русском государстве в переходный период между княжениями Ивана III и Василия III, Мухаммед-Эмин разорвал мирные отношения с Москвой, видимо полагая, что завоеванная решительными действиями поддержка населения ханства позволит противостоять неизбежному военному вмешательству со стороны Московского государ-

ства. В сентябре 1505 г. казанское войско во главе с ханом осаждало Нижний Новгород в течение двух дней, «а на третьей день от града побеже и граду не сотвори ничтоже; наместник же великого князя Ивана Васильевича Хабар с гражаны выходя из града многих людей его биша»¹⁹⁷.

Ответный поход русского войска состоялся только весной 1506 г. и был неудачен. За это время на великокняжеском столе умершего 27 октября 1505 г. Ивана III сменил Василий III. И все-таки расчет Мухаммед-Эмина на то, что период «междоусобия», самое начало правления Василия III, позволит разорвать отношения политической зависимости между Казанью и Москвой, не оправдался. Даже неудачный поход 1506 г. продемонстрировал казанцам всю мощь вооруженных сил Русского государства, превосходившего казанское войско и численно, и в техническом отношении. Поэтому казанский хан, не дожидаясь, когда великий князь отправит новую рать под Казань, запросил мира.

Хан соглашался на все условия русского правительства, очевидно убедившись в том, что казанское государство не способно сохранять независимость от столь мощного соседа, каким было растущее Московское государство, функционирование которого почти не подвергалось колебаниям при смене одного великого князя другим.

Василий III, «приговоря с своею братьею и с бояры, для христианских душ, которые в бесерменство попали в руки на бою, да и устроения ради христианьского проступку ему его отдал...» В январе 1508 г. Иван Григорьевич Попплевин привез из Казани в Москву шертные грамоты Мухаммед-Эмина, содержащие клятву (шерть) казанского хана о дружбе и братстве, «как было со отцем его с великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, да и тех людей великого князя царь отпустил, кои ему в руки попалися»¹⁹⁸. В результате переговоров, предпринятых по инициативе казанского хана, были восстановлены мирные отношения Казани с Московским государством, прерванные в 1505 г. Сохранялась зависимость хана от великого князя, поскольку возобновленный договор предусматривал установление дружбы и братства на тех же условиях, что и при великом князе Иване III. Это означало, что и внешнеполитические сношения, и внутренняя политика казанского государства вновь оказывались под контролем центральной московской власти.

За последующее десятилетие источники не донесли до нас известий о каких-либо военных столкновениях между Москвой и Казанью. Очевидно, зависимое по отношению к Русскому государству положение Казанского ханства позволило временно стабилизировать сложившуюся в нем неустойчивую социально-политическую обстановку. Мухаммед-Эмин теперь устраивал все политические группировки. К тому же сам Василий III, наученный горьким опытом, в отличие от Ивана III проводил в отношении Казани более мягкую политику, стараясь дипломатическим путем решать возникавшие противоречия. Вплоть до 1520 г. главное место во внешней политике Русского государства заняли контакты с Литовским великим княжеством и с Крымским ханством. Поэтому Василий III, со своей стороны, был заинтересован в сохранении статус-кво в отношениях с Казанью. И Москва, и Казань стремились к сохранению мира и предпринимали обоюдные усилия для этого, избегая поводов к конфронтации.

Контроль за ситуацией внутри ханства со стороны Москвы не ослабевал, пока там сидел ставленник великого князя. Но в 1516 г. тяжело заболел Мухаммед-Эмин. Перед казанским правительством вставал вопрос о престолонаследии, поскольку у хана не было детей¹⁹⁹.

В июне 1516 г. к великому князю прибыли из Казани послы Шаусейн-Сеит, земский князь Шах-Юсуф и бакши Бозек «с великим молением бити челом великому князю о том возвещая ему, что царь Магмед-Аминь болен; и князь великий бы пожаловал его деля брата его Абдыл-Летифа царя, свою опалу и гнев отдал и из нятьства его выпустил, и пожаловал бы его учинил царем в Казани; а Магмед-Аминь царь да и вся земля Казанская дадут великому князю правду, какову князь великий похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти»²⁰⁰.

Провозглашение казанским ханом Абдул-Латифа означало бы сохранение прежних отношений между Казанью и Московским государством, что предreshало отрицательную позицию правительства Василия III в данном вопросе. Положение осложнялось усиленной поддержкой Крымом Абдул-Латифа в качестве кандидата на казанский стол. Однако ни Москва, ни Бахчисарай не были готовы к силовому разрешению проблемы, нуждаясь во взаимной поддержке. Русское государство надеялось на использование сил Крым-

ского ханства в войне с Литвой, крымский хан Мухаммед-Гирей добивался от Москвы поддержки в астраханском вопросе²⁰¹.

Лавирование создавало русскому правительству свободу действий относительно кандидатуры казанского хана. А ненужного претендента можно было устранить, сославшись на божью кару, и через полтора года (19 ноября 1517 г.) «Абды-Лети́фа царя в животе не стало»²⁰².

Нам видится вполне обоснованной точка зрения М. Г. Худякова, поддержанная И. И. Смирновым, о том, что смерть Абдул-Латифа была насильственной. По мысли И. И. Смирнова, тем самым «устранялся наиболее опасный для Русского государства вариант разрешения династического вопроса в Казани»²⁰³.

Смерть Абдул-Латифа позволяла великому князю приступить к реализации плана посажения на ханский престол в Казани нужного ему кандидата, сомнений в политической лояльности которого не возникало. Свои намерения в этом вопросе правительство Василия III тщательно скрывало. Суть плана состояла в возведении на ханский престол в Казани касимовского хана Шах-Али. Шах-Али сменил на касимовском троне в 1516 г. своего отца Шейх-Аулияра, выехавшего на Русь в 1502 г. Шейх-Аулияр был племянником хана Большой Орды Ахмата. Из Крыма не раз приходили просьбы посадить на «Мещерском юрте» одного из сыновей крымского хана²⁰⁴. Это явно противоречило намерениям Москвы. 29 декабря 1518 г. к Василию III прибыл Кул-Дервиш «з грамотою от сеита и от уланов и от князей и от карачей и от ичек и от мурз и от молн и от шыхзод и от всех Казанских людей. А писали в грамоте к великому государю, что Божия воля ссталася, Магмед-Аминя царя Казанского во животе не стало, и бити челом великому государю: «земля Казанская Божья да и твоя государя великого князя, а мы холопы Божьи да и твои государевы, и ты бы, государь пожаловал, о нас омыслил и о всей земли, Казанской, и о господаре бы сеи пожаловал нам омыслил, как нам вперед быти»²⁰⁵.

Со смертью Мухаммед-Эмина прекратилась династия потомков Улуг-Мухаммеда на казанском престоле. Царевна Ковгоршад, сестра Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа, не могла претендовать на престол, хотя позднее, как увидим, она сыграла весьма значительную роль в управлении Казанским ханством. Царевич Худайкул, живший в России свыше 30 лет, был крещен и потому утратил свои права на мусульманский Юрт. Исходя из этого и Москва, и

Крым выдвинули своих кандидатов. Но у Русского государства существовала договоренность с казанцами о подчинении их воле великого князя в проблеме престолонаследия. Как можно заключить по источникам, с Крымом подобного договора не существовало. Поэтому правящие круги Казанского ханства, организовав народное волеизъявление, обращаются к великому князю с челобитием о распоряжении по его воле казанским столом.

Получив известие о назначении великим князем на престол в Казани Шах-Али, правительство булгаро-татарского государства направляет в Москву с Михаилом Юрьевичем Захарьиным большое посольство «от Сеита в головах и от уланов и от князей и от карачей и от всея Казанския земли людей послов Абибазея да Карача-Булата князя Шырина, да Шанезея князя земского, да Бозюку-Бакшея, и бити челом великому князю, чтобы государь, князь великий пожаловал их всех предреченных, дал им господаря царя на Казань Шигалея царевича»²⁰⁶.

Для решения столь важного вопроса, как поставление нового хана, в Казани прошло собрание представителей этносоциальных групп ханства, «всея Казанския земли людей», куда входил и правящий слой светской и духовной знати Казани, а также, очевидно, представители власти на территориях, подчиненных казанскому государству. Ввиду этого кажется неверным предположение С. Х. Алишева о том, что в источниках нет ни одного точного указания на проведение таких съездов²⁰⁷. Упоминание летописей о санкции «всей земли Казанской» при заключении важных межгосударственных соглашений, особенно в период междуцарствия, на наш взгляд, позволяет заключить, что в рамках Казанского ханства нерегулярно (а только в экстренных случаях) собиралось представительное собрание, призванное отражать (пусть во многом формально) интересы всего населения ханства. Состав представительства на этом собрании, судя по показаниям источников, не был постоянным. Это и не удивительно в условиях нестабильности политической структуры Казанского ханства.

Как показал М. Г. Худяков, «вся земля Казанская» выступала в наиболее важные моменты: при низложении хана, при избрании на престол нового хана, при заключении договоров с иностранными государствами. При решении этих вопросов правящая элита казанского государства должна была получить поддержку у населения ханства, чем и обуславливался созыв представительного

собрания «всей земли Казанской». Поэтому вряд ли стоит говорить, будто «законодательный орган, который решал важнейшие политические вопросы и должен был представлять волю всего населения, в действительности являлся узкоклассовой аристократической формой организации, направленной на эксплуатацию низших сословий и инородческого населения; народная масса была совершенно лишена активного участия в государственной жизни»²⁰⁸. Данное собрание не было съездом только аристократии, как считалось исследователями²⁰⁹. В нем принимали участие и представители нетатарского населения, среди которого прослойка знати только формировалась.

В то же время не следует и преувеличивать роль этого собрания во внутривнутриполитической истории Казанского ханства. В большинстве случаев оно лишь подтверждало решение, принятое узкой группой правящей аристократии. В связи с этим интересным представляется предположение И. И. Смирнова о том, что правительство Василия III в своей борьбе за возведение на казанский престол Шах-Али опиралось на мощную группировку князей Ширинов, имевшую своих представителей и в Казани, и в Крыму, и в Касимове, державшуюся московской ориентации и, в свою очередь, непосредственно заинтересованную в победе Шах-Али, с которым Ширины были связаны через своих касимовских сородичей²¹⁰. Отметим, что в составе посольства из Казани, отправленного бить челом о поставлении на престол Шах-Али, был и князь Булат-Ширин, что свидетельствует о его значительной роли в управлении государством. С ним мы встретимся не раз и в дальнейшем, и везде он будет выступать в качестве одного из самых влиятельных лиц в Казанском ханстве.

8 марта 1519 г. Василий III отпустил послов в Казань, отправив с ними «царя сажати на царство» князя Дмитрия Федоровича Бельского, тверского дворецкого Михаила Юрьевича Захарьина-Юрьева и дьяка Ивана Телешова. «Они же, ехав в Казань, по великого князя приказу посадиша Шигалеа царя на царство, Априля, а сеита и уланов и князей и карачей и мурз и молн и шихзот и всех земских людей к шерти приведоша на том, что им быти неотступным от государя, великого князя и до своего живота»²¹¹. Для утверждения заключенного в Москве договора было создано представительное собрание, призванное отражать интересы всего населения ханства, «всех земских людей». Клятва давалась на вер-

ность не Шах-Али, а Василию III, который тем самым наделялся правом распоряжения казанским престолом.

Шах-Али, оказавшийся на казанском престоле в возрасте 13 лет, не играл никакой политической роли и был всего лишь формально необходимым элементом в политической системе Казанского ханства, обеспечивающим ее нормальное функционирование. Направление политики, проводившейся от имени Шах-Али, определялось его ближайшим окружением. К сожалению, источники не дают возможности точно охарактеризовать личный состав казанского правительства в первой четверти XVI в.²¹²

Крымское ханство не могло смириться с потерей своего влияния в Казани. Первым враждебным действием Крыма в отношении Московской Руси явилась подготовка и реализация переворота в Казани. Заправляющая делами государства высшая казанская аристократия втайне от великого князя ведет переговоры с крымским ханом о приглашении на казанский стол царевича Сахиб-Гирея. Одновременно с этим хан Мухаммед-Гирей пытается враждебно настроиться по отношению к Василию III своего сюзерена турецкого султана, сообщив ему, что великий князь «учинил» на Крымском «юрте» в Казани Шах-Али «недруга их и мизгити их будто государь наш великий велел разорити, а там велел церкви свои христианские поставити, да и колоколы будто велел повесити».

Русскому посланнику в Турцию, сыну боярскому Василию Михайловичу Третьяку-Губину, было наказано передать султану, что «мизгити их по старому стоят, ино то Крымцы все речи без безлепичныя выставляивают». В материалах этого же посольства содержится донесение московских агентов в Азове о том, что «посылали х Крымскому царю просити салтана на царство на Казань»²¹³. Летописи содержат лишь краткое сообщение о событиях в Казани весной 1521 г., точной даты источники не дают. По мнению И. И. Смирнова, переворот в Казани произошел в апреле 1521 г.²¹⁴ Согласно летописям, «тое же весны Казанский сеити и уланы и князи великому князю Василью своея клятвы правду изменили, взяли себе ис Крыму царевича Сап-Гирея царем в Казань, а Шигаля царя и с царицею выслали ис Казани, а великого князя гостей переграбив, у себе держали»²¹⁵.

Отметим, что в «измене» московскому государю обвиняется не «вся Казанская земля», а только сеиты, уланы и князья, т. е. вер-

хушка казанской светской и духовной аристократии, что, на наш взгляд, указывает на слабость представительных учреждений в Казанском ханстве. Фактически делами государства управляла окружавшая хана группа светской и духовной знати. На данном этапе они сочли более выгодным для себя пригласить хана из Крыма, разорвав тем самым отношения зависимости с Россией. Ни о каком силовом давлении Крыма на Казанское ханство источники не сообщают. Думается, правящие круги Казани отдавали себе отчет в том, что смена московского ставленника на казанском столе братом крымского хана резко обострит отношения Казанского ханства с Московским государством. Очевидно, они надеялись получить вооруженную поддержку Крыма. Произошла политическая переориентация Казани. Между тем в самом городе произошел антирусский погром, организованный, по всей вероятности, высшим духовенством и верхушкой аристократии, принявшей решение о разрыве с Москвой.

Новое казанское правительство сразу проявляет агрессивность в отношении Русского государства. 26 мая 1521 г. татары и черемисы разграбили Унженские волости, а 4 июля осадили Унжу²¹⁶. Активные действия нового казанского хана были поддержаны из Крыма. В конце июня 1521 г. крымский хан, внезапно перейдя Оку, нанес удар по русскому войску, располагавшемуся в районе Серпухова и Каширы. Крымцы прорвались в глубинные районы Московской Руси, разграбляя их. 29 июня в осадном положении оказалась Москва, куда бежало население из разоренных районов. Страну охватила паника.

Как полагает А. А. Зимин, быстрое продвижение крымского войска в глубь территории Русского государства было неожиданностью и для самого Мухаммед-Гирея. Его отряды, придерживаясь традиционной для кочевников стратегии, способны были только к грабежу беззащитного населения во время кратковременных рейдов, после которых они возвращались с полоном в Крым. Так произошло и летом 1521 г.

Весной 1523 г. «царь Саип-Гирей в Казани много зла христианству навел и кровь пролил, яко воду и посланника великого князя Василья Юрьевича Поджегина уби»²¹⁷. Это означало открытый разрыв отношений и фактическое объявление войны Казанским ханством Московскому государству. Правительство Василия III начинает подготовку к активным военным действиям, на-

целенным на окончательное подчинение Казанского ханства. Первым шагом в данном направлении явился поход великокняжеского войска на Суру летом 1523 г.

Поход сильного русского войска носил характер акции прикрытия для строительства военной базы Московского государства в устье Суры. Летописи сообщают об этом кратко: «А в ту пору велел поставити на усть реки Суры град деревян и нарече его Василь-град»²¹⁸. Значение, придаваемое московским правительством строительству этой крепости, отразилось в наказе русскому послу в Литву Г. Д. Загряжскому: «...а на казанской земле близко Казани, на Суре, велел город поставити того дея, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити к Казани; и ныне в тот город из Казани многие люди пришли на государя нашего имя»²¹⁹.

Постройка Василь-города вызвала различную оценку политических деятелей Русского государства. Берсень-Беклемишев осуждал Василия за предпринятый в 1523 г. поход под Казань: «Почто князь велики ходил в Новгород? Поставил на их стороне лукно, ино как ся с ними помирити? Как Смоленск жо город взял, а люди тамо, ино нелзе миру быти — и поставити было город, ино было поставити на своей стороне, ино бы лзе и миру быти». Митрополит Даниил восхвалял великого князя за основание крепости в устье Суры, заявляя, что Василий III «тем деи городом всю землю Казанскую возмет»²²⁰.

По нашему мнению, помимо того, что новая крепость создавала стратегический плацдарм для наступления на Казанское ханство, военную базу для русских войск, само название Василь-город было символично: тем самым великий князь выдвигал претензию на владение территорией Среднего Поволжья.

Итак, поход осенью 1523 г. был успешен, были достигнуты цели, поставленные перед воеводами великим князем: построен русский форпост в Казанском ханстве, «и послании царя нашего воини благочестиваго Василиа ходиша, воююща и жгуще врагов, страну Татар и Черемису, возвратишася, плен мног с собою имеюще»²²¹.

Весной следующего, 1524 г., был организован новый поход на Казань с целью восстановить зависимость ханства от Русского государства, поскольку агрессивные нападения казанцев на восточные окраины Русского государства не прекращались. 17 октября 1523 г. «приходили татарове под Галичь, посады пожгли, а град

Господь сохранил не врежен, и отъидоша»²²². Поэтому 12 мая 1524 г. князь отправил под Казань конную и судовую рать, формальным предводителем которой был назначен Шах-Али.

Казанское правительство искало выход из создавшейся обстановки, угрожавшей полной потерей суверенитета ввиду превосходства военной мощи Русского государства. Безрезультатность просьб о помощи, обращенных к крымскому хану, подтолкнула Сахиб-Гирея на посылку весной 1524 г. специального посольства в Турцию, в результате которого казанский хан «заложил» за турецкого султана, объявил Казанское ханство Юртом Сулеймана I. Номинально была провозглашена политическая зависимость государства от Турецкой империи²²³. Как считал И. И. Смирнов, данный факт представлял серьезное осложнение для Русского государства в борьбе с Казанью, так как посылка войска на Казань могла теперь рассматриваться как враждебный акт против Турции. В истории русско-турецких отношений произошел поворот от дружественных, какими они были при султанах Селиме I, к враждебным. Поворот обуславливался активизацией турецкой политики в Восточной Европе. Провозглашая протекторат над Казанским ханством, Турция демонстрировала «стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы».

Видимо, под угрозой неизбежной войны с Россией правящая верхушка казанской аристократии производит замену на ханском престоле. Сахиб-Гирей покинул казанский престол не по своей воле, ведь именно при нем казанское правительство повело линию на военную конфронтацию с Русским государством. Вряд ли можно говорить и о влиянии Крыма на смену ханов в Казани. Очевидно, не обнаружив в лице Сахиб-Гирея руководителя, способного обеспечить оборону государства в условиях неотвратимой внешней опасности со стороны Русского государства, правящая элита ханства свела его с престола, обратившись в Крым с приглашением Сафа-Гирея, который, по их предположениям, обладал качествами, необходимыми правителю²²⁴. Состоявшийся в 1524 г. поход на Казань, хотя и завершился бесславно, в очередной раз продемонстрировал казанцам русскую военную мощь. И потому, когда отправленное в марте 1525 г. в Казань посольство передало заявление великого князя о перенесении торгового дела в Нижний Новгород, то, чтобы не спровоцировать нового похода, казанцы согласились на это условие, несомненно нахо-

сившее сильный удар по экономическим интересам Казанского ханства. Убытки от этого недальновидного шага потерпела и русская торговля, так как перенос ярмарки вызвал дороговизну и недостаток товаров, привозимых по Волге с Каспия из Персии, Армении и Астрахани²²⁵. По всей видимости, это событие определило затягивание казанской стороной подписания мирного договора. Руководство ханства не желало окончательно закрепить потерю Казанью роли крупнейшего торгового центра Поволжья, на что оно согласилось лишь под угрозой войны с Русским государством. Силы были явно неравны. Поэтому дипломатические контакты между государствами оказались фактически безрезультатными.

В марте 1526 г. прибыли в Москву казанские послы князя Казы и Чура и бакши Тевель. В 1528 г. приехали от Сафа-Гирея новые послы, князя Табай и Дана, и бакши Ибрагим, заявившие, что «в которых делах царь перед великим князем неправ, и царь в тех делах въ всех хочет перед великим князем исправиться и правду дати, и послов своих болших к великому князю посылает». Казанские послы возвратились на родину вместе с великокняжеским послом Андреем Пильемовым, перед которым дали клятву на шерстной записи «царь и вся земля Казаньская». Сафа-Гирей направил в Москву князей Мамыша, Курата и Шир-Миргена Чюрачикова. В ответ Василий III послал в Казань князя Ивана Федоровича Палецкого. Но Палецкий дошел только до Нижнего Новгорода, когда было получено известие о том, что Сафа-Гирей «свою правду и клятву преступил и послу великого князя Ондreja Пильемову нечесть и срамоту учинил велику...»

Давно назревавший конфликт разразился. Василий «не мога терпети царевы клятвы и преступления и советова о том съ своею братьею и з бояры». Было принято решение о посылке рати под Казань в мае 1530 г. Во главе судовой рати были поставлены князь Иван Федорович Бельский и Михаил Васильевич Горбатый-Кислый, конное войско возглавил князь Михаил Львович Глинский. Путь пешей рати был более сложным, ей пришлось столкнуться с «казанскими людьми», пытавшимися препятствовать переправе русских через Волгу. Разгромив противника «не в одном месте», конница переправилась через Волгу «на Казаньскую сторону» и соединилась с прибывшим ранее судовым войском. 16 июля начался штурм Казани. Из города выехало татарское войско, уси-

ленное пришедшими на помощь ногайцами во главе со старшим сыном мурзы Мамай и князем Яглычем, а также астраханскими татарами²²⁶. В «Казанской истории» говорится о том, что Сафа-Гирей тщательно подготовился к предстоящей осаде. Он послал во все казанские улусы с приказом к князьям и мурзам собраться в Казань. «И черемису ближнюю повеле загнати: повеле им делати подле Булака острог — около посаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казанки реки, и около его рвы копати по-за острогу, да в нем сядят черемиса с прибыльным войском яко да граду помощь будет и посады от запаления огня целы отстоят». Казань не могла вместить прибывших 30 тыс. ногайцев. Для размещения войска и был построен острог, примыкавший с двух сторон к городским стенам²²⁷. Собранное в Казани войско выступило из острога навстречу русским.

В разыгравшемся сражении верх одержали московские полки. Острог был захвачен, в нем «многих татар и жен их и детей и Черемисы безчисленно побиша, а иных плениша, и пушки и пищали у них поймаша; а царь не во мнозе утек во град»²²⁸. Вологодско-Пермская летопись сообщает о том, что в остроге был убит «болший» князь казанский Аталык с женой, а хан бежал из Казани к Арскому городку. В погоню за ним был послан передовой полк князя Ивана Федоровича Овчины-Оболенского. Командующие русским войском «большие» воеводы И. Ф. Бельский, М. В. Горбатый-Кислый и М. Л. Глинский «под городом под Казанью стали, оплошася, и обозу города гуляя не сомкнуша, а се промеж воеводами пришла брань, а люди в розстрое»²²⁹. Внезапно напала «Черемиса Казанская, город гуляи взяли и наряду пищалеи с семдесят, и зелья, и ядер немало взяли». Много воинов было перебито, часть попала в плен. Иван Михайлович Кляпиков, плененный ранее на Свияге, был казнен в Казани²³⁰. Русские воеводы приказали начать обстрел Казани из сохранившейся артиллерии. Казанцы выслали парламентаров — князя Булата, улана Аппая и князя Табая «бити челом за свою вину». Посланные поклялись отправить посольство в Москву и быть «неотступными» от московского государя и не сажать хана, кроме того, кого им «пожалует» великий князь. Приняв предложения казанцев, воеводы возвратились в Москву.

В конце 1530 г. от имени хана, князей и «от всех людей Казанские земли» прибыли казанские послы князь Табай, князь Теве-

кель и бакши Ибрагим с челобитием к Василию III о снятии опалы с Казанского ханства. По указанию Василия III, желавшего избежать кровопролития и с русской, и с казанской стороны, были написаны шертные записи, на которых поклялись казанские дипломаты. Была достигнута договоренность о возвращении русских пленных и артиллерии, захваченных казанцами в военных действиях в 1530 г.

Для принятия присяги ханом, князьями и представителями «всей земли Казанской» в январе 1531 г. был послан боярский сын Иван Васильевич Полев вместе с человеком Сафа-Гирея Баушем. 26 марта с грамотой от Полева из Казани приехал гонец боярский сын Сура Нехаев. Полев писал великому князю, что «царь правды на шертной грамоте не учинил и пищалей ему не дал». С Нехаевым приехал с ханской грамотой его человек Мердень. Сафа-Гирей требовал, чтобы Василий отпустил его послов, которые оставались в Москве в ожидании принятия присяги в Казани, а к нему отправил бы своего «большого» посла, а также вернул пленных казанцев и захваченные русскими татарские пушки и пищали. Только при выполнении всех этих условий хан обещал «правду на записи учинити и Ивана Полева к великому князю отпустить». Через Ф. М. Карпова и дьяка Меньшого-Путятина казанскому послу Табаю было заявлено, что «царь и князи и вся земля Казаньская по вашему челобитью правды не учинили». Табай объяснил это тем, что в Казани получили известие об отправке Василием III новой рати, и сообщил, что в столице ханства «людей добрых мало, все люди мелькие, ино земли крепити некому, люди все в розни; а в страховании великом люди штаталися, и наша мысль не имет». Посол от имени всего населения ханства заявил о подчинении воле великого князя, а хана обвинил в измене интересам государства.

Очевидно, хан не был согласен с решением, принятым на собрании «всей Казанской земли», но ему пришлось подчиниться воле большинства. Мердень был отправлен им без согласования со «всей землей», поэтому казанский посол предпочел опираться на волю большинства, а не на инструкции, данные лично ханом. Причину того, что хан пошел против интересов большинства населения, Табай видел в том, что «пристали к нему Крымцы да Нагаи да туташние люди лихие». Посол подчеркнул, что «земля» с ним не согласна, ищет великокняжеского жалованья: «Тому ли

быти царю на Казани, или иного государь царя пожелует, на Казань пошлет». Послы обратились с челобитием к Василию, чтобы он «дал нам Шигалея царя, занже Шигалей царь земли Казанской не грубил ничего... и ныне государь его отпустит х Казани и его накажет, как ему, будучи в Казани, дела его беречь и тамошних людей жаловати...». Казанцы просили отпустить Шах-Али к городу Василию вместе с ними и казанскими пленниками, обещая оттуда послать в Казань от себя грамоту, да «к Черемисе к горней и к луговой и к Арским князьям, о государеве жалованье... как было государево жалованье при Магмед-Амине царе, так же и ныне хочет их государь жаловати и беречи землю Казаньскую».

По словам послов, данное предложение всецело представляло их личную инициативу и вызвано было их желанием служить не хану, а великому князю. Послы говорили о том, что у них есть родственники и друзья в Казани, так же как и у пленных казанцев, задержанных в Нижнем Новгороде (речь идет, видимо, о казанских купцах, арестованных там в связи с войной 1530 г.), все родственники и друзья в Казани. Это должно было доказать Василию III, что за послами стоит довольно мощная поддержка и их словам можно доверять. Великий князь отправил в Казань Постника-Головина разведать настроения верхушки казанского руководства — мурзы Качиг-Алея и князя Булата Ширина. Видимо, эти лица поддерживали инициативу послов. Хотя летописи об этом молчат, дальнейшие события подтверждают наше предположение.

После совета с Боярской думой Василий III 10 декабря 1531 г. отпустил Шах-Али и казанских послов в Нижний Новгород. 24 декабря туда же был отправлен великокняжеский дьяк Афанасий Курицын «з записми» к Шах-Али и князю Табаю, написанными бакши Ибрагимом, а также с посольскими грамотами к «царевне» Ковгоршад (последней представительнице династии Улуг-Мухаммеда в Казани), князьям и «ко всей земли Казаньской»²³¹. 17 мая 1532 г. в Москву из Казани приехал Постник Головин, сообщивший о перевороте в Казани, во главе которого встали Ковгоршад, мурза Качиг-Алей и князь Булат Ширин. В результате Сафа-Гирей с приближенными к нему крымцами и ногайцами был выслан из Казани решением «всей земли», а «иных побили, которые царю думали на лихо, Раста князя з детми и Али, Шукурова сына, и иных князей...» Из Казани была выслана и жена Сафа-Гирея, отправленная «в Нагаи» к своему отцу, мурзе Мамаю.

19 мая в Москву приехали гонцы из Казани Кулчюра и Форузат с грамотами от руководства государства, где содержалась просьба отправить на ханский престол не Шах-Али, к которому казанцы испытывают недоверие, а его младшего брата — пятнадцатилетнего Джан-Али, владевшего Касимовым. Великий князь ответил согласием, а Шах-Али было приказано вернуться из Нижнего Новгорода в Москву. К Джан-Али с повелением быть в Василье-городе 22 июня отправился Федор Семенович Воронцов. В Нижний были посланы Федор Борисович Бороздин и великокняжеский дьяк Третьяк Раков, которым было приказано привести к шерти нового казанского хана. Джан-Али был отпущен в Казань вместе с князем Табаем «с товарищи» и пленными казанцами (чтобы ликвидировать недовольство политикой Василия III). «Сажать на царство» должны были окольничий великого князя Яков Григорьевич Морозов и дьяк Афанасий Курицын. В субботу 29 июня 1532 г. Джан-Али был утвержден на ханском столе в Казани. С этим известием новый хан отправил в Москву своего ловчего князя Бибя, прибывшего 14 июля. В августе из Казани вернулся Иван Полев вместе с ханским послом оружничим князем Бурнаком²³².

Казанское ханство вновь оказалось в сфере политического влияния Московского государства. Новый хан был слишком молод, чтобы реально контролировать внутреннюю жизнь казанского государства. От его имени делами управляли «царевна» Ковгоршад, князь Булат Ширин и мурза Качиг-Алей.

По мнению И. И. Смирнова, в русско-казанских переговорах 1528–1531 гг. отчетливо выявляются две тенденции: первая — стремление казанских послов урегулировать отношения между государствами, вторая — резко враждебная к русским позиция хана. Борьба этих тенденций была «лишь проявлением и отражением в области внешнеполитических отношений борьбы за власть между казанскими феодальными группировками, из которых одна поддерживала Сафа-Гирея, а другая пыталась найти опору в своей борьбе в Русском государстве»²³³.

Итак, в основе внутривнутриполитического конфликта в Казанском ханстве, вылившегося в смену верховной власти, лежало противоречие между окружавшей Сафа-Гирея кочевой аристократией из Крыма и Ногайской Орды, которым ограничение казанского суверенитета со стороны Москвы угрожало потерей преимуществ, связанных с полновластным хозяйничаньем в Казани, и стремле-

нием к миру основной массы населения государства, чью волю выражало «собрание всей земли». Большинство населения было готово поступиться не имеющим для них реального значения казанским суверенитетом, чтобы обеспечить спокойствие своей страны. Часть аристократии ханства осознала и использовала эти настроения для своего прихода к власти. Прямого вмешательства из Москвы, на наш взгляд, в событиях начала 30-х гг. XVI в. не проявилось. Василий III в данном случае предпочел согласовывать свои действия в отношении ханства с мнением «всей Казанской земли», убедившись, что военное давление способно принести лишь кратковременный эффект, а содержать на территории ханства постоянное войско Русское государство пока не имеет возможности.

В сентябре 1532 г. Василий III пожаловал старшего брата Джан-Али, бывшего казанским ханом в 1519–1521 гг., — Шах-Али, с кандидатурой которого не согласилась теперь правящая верхушка ханства. Ему были пожалованы Кашира и Серпухов «со всеми пошлинами»²³⁴. Однако уже в декабре этого же года «поймал князь великий царя Шигалея, что был на Казани»²³⁵. Поводом явилось то, что Шах-Али поддерживал отношения со своим братом, сидевшим в Казани, без ведома великого князя. Это было превышением полномочий служилого татарского царевича. И поэтому, узнав об этом от недоброхотов Шах-Али, а их, думается, было немало у мусульманина, служившего в православном государстве, Василий III наложил опалу на Шах-Али и на его окружение²³⁶. Великокняжеская власть ясно продемонстрировала, что верность государю должна быть выше родственных чувств.

Хотя Джан-Али, судя по всему, был проинформирован об опале старшего брата, он не обладал фактической властью в Казани, чтобы как-то повлиять на политику казанского правительства в отношении Московского государства. Установленные при возведении Джан-Али на престол договоренности ничем не нарушались. Джан-Али всецело подчинялся воле своего окружения, которому пока было выгодно находиться под покровительством сильного Русского государства, готового на значительные уступки, чтобы удержать Казань в фарватере своей внешней политики.

Однако вскоре в Казани стало нарастать недовольство не «тяжелой рукой» Москвы (никакие претензии к русскому правительству по сохранившимся источникам не прослеживаются), а конкретно русским ставленником Джан-Али, кстати, направленным в

Казань по инициативе руководства ханства. Высшие круги казанского государства решили использовать в своих интересах временное ослабление мощи Русского государства в начавшемся с декабря 1533 г. междоусобице и разорвать зависимые отношения с Москвой, переориентировав Казань на более сильный в данный момент, по их расчетам, Крым, за которым стояла Османская империя.

Осенью 1535 г. в Казани произошел переворот: «...Ковгоршад-царевна и Булат-князь в голавах и все уланы и князи и вся земли Казаньскаа великому князю изменили, Яналея царя, которово им князь великий Василий Иванович всея Руси дал им на Казань царем, и князи Казаньские, выпустив его из Казани, на Ички-Казани велели его убить, месяца Сентября 25, в субботу перед Покровом святей Богородицы, а на Казань взяли из Крыма Сафа-Киреа царевича на царство»²³⁷.

Московское правительство не предпринимало решительных действий против Казани. К большой войне оно пока не было готово. И все же позволим себе не согласиться с точкой зрения, высказанной в свое время М. Г. Худяковым, что «русские ничем не реагировали на переворот»²³⁸.

Сразу после получения известий от казанцев Боярская дума принимает решение о том, чтобы «Шигалеа царя пожаловати опростити». За ним на Белоозеро был послан князь Никита Борисович Туренин с боярскими детьми. По прибытии Шах-Али 12 декабря в Москву в его честь от имени великого князя был организован прием, подробно описанный в «Летописце начала царства». Великая княгиня встретила с женой Шах-Али Фатимой²³⁹. Москва хотела продемонстрировать, что у нее есть кандидат на занятие казанского престола, если руководство ханства добровольно согласится на восстановление русского протектората²⁴⁰.

Московское правительство, решившись на разрыв отношений с ханством, вероломно нарушившим условия мира с Россией, не имело возможности осуществить крупную военно-политическую акцию против Казани и ограничилось посылкой небольшой рати во главе с воеводами князем Семеном Гундоровым и Василием Замыцким в декабре 1535 г. «казанских мест воевати»²⁴¹. Этому походу в Москве придавалось большое политическое значение, но он оказался неудачным. Становилось очевидным то, что одними устрашениями прекратить ставшие постоянной угрозой для вос-

точных рубежей Московского государства набеги казанцев было невозможно. Требовалось организовать действенную систему обороны против грабительских акций со стороны Казанского ханства. И московское правительство делало шаги в этом направлении. Еще весной 1534 г. было принято решение, оформленное в постановлении Боярской думы о «городовом строении», включающем в себя как постановление о строительстве Китай-города в Москве и Софийской городской стены в Новгороде, так и мероприятия более широкого характера в отношении городского дела вообще. В 1535–1538 гг. происходит повсеместная реорганизация и перестройка городских крепостных укреплений, расширяется строительство новых городов. Для укрепления казанского рубежа в 1535 г. строится деревянная крепость в Мещере на р. Мокше — Мокшин. В 1536 г. переносится на другое место по р. Мокше город Темников (Мещерский городок), поскольку старые укрепления были ветхими и непрочными. В 1538 г. по челобитью местного населения о том, что у них нет «осадных мест» от прихода казанцев, строится город Любим на Ярославщине²⁴². В июле 1537 г. впервые была организована посылка воевод «от казанские украинь», ставшая с этого времени регулярной вплоть до покорения Казанского ханства²⁴³. На случай военной угрозы со стороны Казани во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Костроме, Галиче постоянно находились воеводы²⁴⁴.

Несмотря на враждебные отношения Московского государства с Казанским ханством, мирные контакты между людьми, населявшими оба государства, не прерывались. Так, в летописи сохранилось известие о челобитии, поданном князю Ивану Федоровичу Телепневу-Оболенскому задержанным в связи с началом военных действий казанским гонцом Девлечаром, с просьбой послать своего человека в Казань. С разрешения правительства Девлечар отправил посланника через Темников в Казань²⁴⁵.

Москва пыталась удерживать под своим контролем внешние сношения Казанского ханства, используя мобильные отряды служилых татар для захвата гонцов, посланных в Казань и идущих из Казани «во иные орды»²⁴⁶.

Все же мероприятия по обороне границ с Казанским ханством были явно недостаточны. Дальнейшие события показали, что оборонительная тактика неэффективна, если она не подкрепляется ответными нападениями русских войск на Казанское ханство.

Летом 1536 г. множество татар пришли в костромские и галицкие земли. Против них были отправлены воеводы Михаил Сабуров и князь Петр Васильевич Засекин, «и воеводы сошлись с Казанцы на Куси речке, а Казанские люди многие... людей великого князя побили и по грехом князя Петра Пестрого да Меншика Полева убили, и многих детей боярских побили»²⁴⁷.

В январе 1537 г. в Москве получили известие о том, «что събирается Казанский царь Сафа Кирей со многими люди Казанцы и со иными ордами, с Крымцы, с Ногаи, а помышляет итти на Костромские места и на Галицкие»²⁴⁸. Русское правительство послало воевод во Владимир и в Мещеру. Сафа-Гирей, узнав, что в Костроме и Галиче находятся большие отряды русских, «он же злой и лукавый, якоже змий вынуру из хвастиа, тако и се из леса прииде безвестно генваря 15, в понедельник, под Муром, и пришед посады пожег, и к городу приступати начат». Муромские воеводы отбили осаждавших с помощью пушек и пищалей, нанося урон неприятелю смелыми вылазками из города. Получив известие о том, что к Мурому по приказанию правительства двинулись полки из Мещеры и Владимира, казанский хан «пошел вьскоре от Муроме в Казань, и поплениша многих христиан грех ради наших»²⁴⁹.

В то же время Москва продолжала бесплодные переговоры с Казанью, что вызвало справедливую гневную сентенцию летописца, создававшего свой труд уже по завоеванию Казани: «...а все присылал царь Казаньской, увидев за грех за наш нестроение на Москве, и воеводам Казанцы в те годы по украином государя нашего, никым възбраняеми, и много христьянства погубиша и грады пусты сътвориша». Далее давался перечень городов, подвергнутых казанскому разорению в малолетство Ивана IV: «А воевали Казанцы грады и пусты сътворили: Новьград-Нижней, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, половину Володимеря, Шую, Юрьев Вольской, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многия лета, донележе Бог государем нашим избави от них»²⁵⁰. Сафа-Гирей, если судить по его действиям, вовсе не стремился к заключению мира с Москвой, который не мог быть равноправным. Русское правительство апеллировало к устойчивой (с Ивана III) традиции московского протектората над территорией Казанского ханства, с этим нынешний хан не желал мириться, всеми средствами затягивая переговорный процесс и не давая в то

же время повода для военного вторжения Русского государства на земли булгаро-татар.

Казанский хан пытался заручиться поддержкой ногайских мурз в борьбе с Московским государством. Правители же Ногайской Орды, заинтересованные в торговле и союзе с Россией, исправно поставляли информацию великокняжескому двору о своих отношениях с Казанью, желая продемонстрировать свою дружественную позицию²⁵¹. Материальное благополучие кочевников определялось состоянием их главного товара — скота — и поэтому сильно зависело от колебаний климата в степи. При неблагоприятных погодных условиях они могли поддерживать свое существование только при условии помощи со стороны сильного земледельческого государства, каким для ногайцев в XVI в. являлась Московская Русь. Этим обстоятельством обусловлена многочисленность посольств из Ногайской Орды.

В то время как с кочевниками Нижнего Поволжья у Москвы установились взаимовыгодные дружественные отношения, казанское правительство старалось занять нейтральную позицию, осознавая свою неспособность к прямой военной конфронтации с Русским государством и стремясь установить равноправие. Москва же не могла поступиться многолетней традицией ставить ханов в Казани «из рук» великого князя.

Предпринимаемые дипломатические усилия по реставрации ставшей традиционной с конца XV в. системы отношений Москвы и Казани не приносили результата из-за принципиального различия исходных позиций сторон. Все же обладающее мощным хозяйственным и военным потенциалом Русское государство в середине XVI в. было объективно сильнее, чем лишенное перспектив хозяйственного роста, обреченное рано или поздно покориться сильному западному соседу Казанское ханство.

Продвижение Русского государства вниз по Волге предопределялось его геополитическим положением. Л. И. Мечников справедливо подметил, что «вода является силой, побуждающей цивилизацию развиваться и переходить из области речных бассейнов и долин на берега морей и океанов»²⁵². По мысли ученого, «основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки»²⁵³. Нельзя не согласиться и с В. О. Ключевским, утверждавшим, что Русское государство, зародившееся в области верховий главных рек Восточно-Европейской равнины, естественно стреми-

лось распространить свои пределы до их устьев, по направлению основных речных бассейнов двигая население, необходимое для их защиты²⁵⁴. Осознание насущности присоединения Среднего Поволжья становилось все более сильным в правящих слоях Московского государства. Выразителем настроений русских служилых людей, заинтересованных в росте государственных доходов — главным источнике их благосостояния, стал публицист И. С. Пересветов²⁵⁵. В «Большой челобитной» он писал: «Да слышал есми про ту землю, про Казанское царство... что про нея говорят, применяют ее подрайской земли угодием великим. Да тому велми дивуемся, что таковая земля не велика, велми угодна, у такового великаго царя под пазухою, а в недружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую принимает; хотя бы таковая земля и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие»²⁵⁶. Понимание неизбежности столкновения с Казанским ханством, все шире охватывавшее население Руси, стало одним из факторов назревавшей необходимости существенного реформирования всех сфер государственной жизни России в направлении централизации. К осознанию этого в середине 40-х гг. XVI в. пришло и московское правительство. Думается, прав В. Д. Назаров, считающий, что в рассматриваемое время русскому обществу было свойственно не просто ощущение, но прочувствование, осознание глубокого неблагополучия, что отразилось в публицистических сочинениях М. Грека, И. Пересветова, Ермолая-Еразма, в летописях. Осознание кризисного состояния выразилось и в том, что были обозначены и зафиксированы в текстах цели предполагаемых перемен²⁵⁷.

С весны 1545 г. Русское государство начинает оказывать ослабевающее военно-политическое давление на Казанское ханство, что в конце концов привело к его падению как суверенного государства²⁵⁸.

Беспрепятственное разграбление подвластных Казанскому ханству земель вплоть до окрестностей Казани во время русского похода весной 1545 г. вызвало смуту в его политическом руководстве: «И оттоле начаша рознь быти в Казани: царь почал на князей неверку дрѣжати: “вы деи приводили вѣвод великого князя”, и учал их убивати; и они поехали многие ис Казани к великому князю, а иные по иным землям»²⁵⁹. Изменилась расстановка лиц в рядах высшей аристократии ханства, понесшей урон в результате

репрессий Сафа-Гирея. Сходят с политической сцены Ковгоршад и князь Булат-Ширин. Падение коалиционного правительства, примиравшего в течение 15 лет интересы противоборствующих политических группировок, и поворот казанской политики в сторону Крыма стали роковыми для Сафа-Гирея. Репрессии против высшей аристократии не спасли положение, а, напротив, доставили победу уже, казалось бы, сломленной оппозиции²⁶⁰.

В январе 1546 г. Иван IV получил весть о том, что «казанцы Сафа-Кирея царя с Казани съслали, а Крымских людей многих побили». 13 июня 1546 г. по просьбе «всей земли» на казанский престол был снова возведен Шах-Али²⁶¹. В рядах казанской высшей аристократии, судя по всему, не было единства. Часть ее, недовольная восстановлением зависимости от Русского государства, тайно поддерживала отношения с изгнанным Сафа-Гиреем, готовя свержение Шах-Али²⁶². Заговорщики хотели выдать Шах-Али Сафа-Гирею, но тому удалось бежать из Казани.

У власти в Казани оказалась антимосковская политическая группировка, что вызвало эмиграцию сторонников союза с великим князем и зависимости от России. По летописному сообщению, 20 сентября 1546 г. «приехали из Казани к великому князю служить князи Казаньские Кулушь-князь, Тереул, Бурнашь да Чюрины братиа Нарыкова, 76 человек; а иных царь в Казани побил, Чюру-князя Нарыкова, Баубека-князя, Кадыша-князя и иных многих побил и стал владети Казанью с Крымскими князьми»²⁶³.

6 декабря с челобитием к Ивану IV обратились отправленные горными черемисами «Тугай с товарищи», просившие послать войско на Казань и заявившие о готовности служить великому князю²⁶⁴. Сходство заявлений князей-эмигрантов и посланцев-марийцев убеждает в наличии между ними тесной связи. В ответ на челобитие великий князь послал в феврале 1547 г. войско под руководством князя Александра Борисовича Горбатого. Воеводы прошли до устья Свияги, повоевав многие «Казанские места», и привели в Москву 100 человек черемисов²⁶⁵. Хронографическая летопись содержит сообщение о том, что русские «воевали» на Луговой стороне, за 30 верст не доходя до Казани. Горные марийцы и чувашы пришли к воеводам, но узнав, что с ними нет Шах-Али, «поворочались назад», часть из них воеводы взяли в заложники и доставили в Москву²⁶⁶.

Хотя данный поход не принес каких-либо существенных резуль-

татов, он показал, что часть нетатарского населения Казанского ханства (Горная сторона) склонна перейти под протекторат России, если будет гарантирована определенная автономия.

Весной 1549 г. в Москве было получено известие о внезапной смерти Сафа-гирея: «Того же месяца марта 25 прииде весть царю великому князю, что в Казани царь Казаньский Сафа-Кирей умер, убится в своих хоромех»²⁶⁷. На престоле временно был посажен по соглашению между собранием «всей земли Казанской» («Казанцами» в летописном сообщении) и окружением покойного хана («Крымцами») двухлетний Утямыш-Гирей, сын Сафа-Гирея от Сююн-бике. Одновременно в Крым были отправлены послы «просити помочи и сверстного царя»²⁶⁸. Помимо Утямыш-Гирея у умершего хана было трое взрослых сыновей, двое из них — Мубарек и Булюк — жили в Крыму, а третий — сын русской пленницы — не обладал правами на престол²⁶⁹. Фактическое отсутствие хана в Казани вызвало острые разногласия в рядах высшей аристократии ханства, накалялись противоречия и между правящей верхушкой общества и основной массой населения столицы ханства (периферия государства, если судить по источникам, пока оставалась безучастной к политическим баталиям в центре)²⁷⁰. В Казанском ханстве разразился политический кризис, разрешить который могло лишь вмешательство извне. Ближе всех было расположено, а следовательно, обладало всеми преимуществами на овладение политической ситуацией в Среднем Поволжье, Русское государство. Попытка казанского правительства получить помощь из Крыма не принесла результатов²⁷¹.

В нормализации обстановки внутри Казанского ханства был кровно заинтересован ногайский князь Юсуф. Ведь Утямыш-Гирей приходился ему внуком, сыном его дочери Сююн-бике. В июле 1549 г. Юсуф предлагал Ивану IV возвести на ханский престол в Казани Шах-Али, выдав за него дочь, что, как считал князь, будет выгодно и русским, и ногайцам. Ногайский князь советовал русскому царю отправить Шах-Али в Казань вместе с аристократами-эмигрантами, перешедшими на сторону Москвы, а также «сколько ни будет Чюваши и Черемисы и Рзян и Мордвы; всех бы еси с Шигалеем царем х Казани послал»²⁷².

Русское правительство между тем самостоятельно разрабатывало план решающего наступления на Казань с целью полного ее политического подчинения, стремясь организовать поддержку сво-

его ставленника на казанском столе Шах-Али казанскими князьями и мурзами, преданно служащими московскому государю. Начиная с осени 1549 г. царь и его окружение употребляют все усилия для осуществления этого плана, детали которого уточняются ходом событий²⁷³.

Изучение источников, повествующих о событиях конца 40-х — начала 50-х гг. XVI в., наводит на мысль о том, что у русского правительства не было единого плана по подчинению Казанского ханства, которому оно следовало на протяжении всего рассматриваемого периода. Москва корректировала свои действия в разрешении «Казанского вопроса» с малейшими колебаниями политической ситуации внутри Казани и вокруг нее. Кроме того, восточная политика Ивана IV тесно увязывалась с проводившимися в Московском государстве с конца 40-х гг. реформами всех сфер управления обществом в направлении централизации.

Проводимые русским правительством преобразования, по мнению В. Д. Назарова, воспринимались не как новации, но как возвращение к правильному устройству общества и власти при прежних государях, к порядкам, нарушенным в годы так называемого боярского правления²⁷⁴. Толчком к началу преобразований послужили военные неудачи в первых походах на Казань, нехватка средств в казне, политические последствия царского венчания и женитьбы Ивана IV. Уже первые изменения в сфере налогообложения, таможенных сборов и имунитетной политики в области судопроизводства продемонстрировали необходимость системного подхода к проведению реформ, сыгравших немаловажную роль в оформлении Российского централизованного государства как самодержавной монархии с относительно слабо развитым сословным представительством²⁷⁵. Существенным элементом системы реформ явились преобразования в сфере военной деятельности Московского государства, непосредственно связанные с активизацией русской политики в Поволжье, а значит, ростом международного престижа страны и ее государя²⁷⁶.

В перестройке нуждались принципы взаимодействия отдельных отрядов русского войска во время боевых действий. В связи с этим проводится целый ряд мероприятий, направленных на отмену местничества во время походов на Казань в декабре 1549 г., феврале и июле 1550 г.²⁷⁷ Как полагал А. А. Зимин, летом 1550 г. Иван Грозный учредил из существовавших в составе русских вооруженных

сил отрядов пищальников — «выборных стрельцов» в количестве 3000 человек²⁷⁸.

Важным моментом во внешней политике Российского государства, в значительной степени повлиявшим и на его отношения с татарскими ханствами, демонстрировавшим всему миру легитимность прав московского правителя на обладание ими, было венчание Ивана IV на царство 16 января 1547 г. Отныне Иван IV приравнивался к другим единодержавным государям. Тем самым подрывалась почва для притязаний иностранных государей на установление какой бы то ни было зависимости от них русского правителя. Только восточные мусульманские власти XVI в. изобразались с царским венцом на миниатюрах Лицевого летописного свода. Поэтому венчание Ивана IV на царство являлось показателем стремления, прежде всего, к активной восточной политике, и именно с этих позиций рассматривалось современниками. Знаменательно, что Иван IV начинает принимать участие в походах на Казань только после принятия царского титула²⁷⁹.

С конца 40-х гг. московское правительство ведет целенаправленную последовательную подготовку к победоносной войне с Казанью. Каждая новая казанская кампания по возможности учитывала просчеты предыдущей. Учась на собственных ошибках, медленно, но неуклонно Московское государство продвигалось к конечной цели — «замирению» Казани.

Проведенные в государстве преобразования позволяли непосредственно обратиться к разрешению этой давно наболевшей проблемы. В июле 1550 г. на совещании царя с его ближайшим окружением принимается решение о зимнем походе на Казань русской рати во главе с царем²⁸⁰. В очередной раз стратегическая целесообразность была принесена в жертву политике: практика уже не раз показывала неэффективность военных действий в Среднем Поволжье зимой из-за неблагоприятных климатических условий. Московские стратеги все еще не желали придерживаться здравого смысла, уповая на волю бога.

Митрополит благословил царя «на земское дело итти на клятвопреступников Казаньцев» и обратился с поучением к князьям, боярам, воеводам и «всем людям вчинства царева», призывая их послужить царю «великодушно сердечным хотением и за святые церкви и за православное христианство», обещая жалованье за службу, «а как с государева дела з земскаго приидете, хто захочет

кому с кем будет счестися о отечестве, и государь счет дастъ»²⁸¹. Провозглашается неотделимость интересов царя от интересов государства, поэтому предпринимаемый поход на Казань получил статус общегосударственного предприятия Московской Руси, в успешном исходе которого заинтересован и царь, и народ, которым он правит. Служба царю означает служение интересам Русского государства. Это один из первых моментов становления идеологии царской власти в Московской Руси, в чем, по всей видимости, немалую роль сыграл митрополит Макарий²⁸².

Царь явно не стремился к внезапности нападения на Казань, желая сделать из похода прежде всего политическую акцию. Осада Казани успеха не принесла. На обратном пути, достигнув устья Свияги, согласно летописному рассказу, царь призвал «к себе царя Шигалея и ввевод своих и Казаньских князей, которые были с ним у города Казани, и учал царь и великий князь советовати, о тех бы местах поставити ему град Казаньского для дела и тесноту бы учинити Казаньской земли». Это предложение было поддержано, место было указано Шах-Али и казанскими князьями-эмигрантами, хорошо знавшими здешние земли. Как написано в летописи, «царь на место приехал и Божиим благоволением место полюбил, где быти граду и церквам святым стояти, Круглую гору». 23 марта Иван IV вернулся в Москву²⁸³.

Согласно официальной идеологии, поход царя на «земское дело» не мог быть безрезультатным, поэтому летопись обращает особое внимание на то, что в итоге «хождения» царя на Казань было принято решение о постройке крепости на устье Свияги, которая являлась бы базой русского войска для предстоящего взятия Казани, а самое главное — стала бы мощным притягательным центром для нетатарского населения Горной стороны, которое ранее показало свою лояльность по отношению к Русскому государству.

«Летописец начала царства» содержит пространную повесть о построении Свияжска. Начиная с изложения этого события и до взятия Казани в октябре 1552 г. преобладающее место в летописи занимают отношения с Казанью. Такое расположение летописного материала, записанного по горячим следам событий, позволяет предположить, что начиная с 1551 г. решение казанской проблемы рассматривалось московским правительством в качестве главной задачи, стоящей в данный момент перед Русским государством, — «дела земского». До населения насущные интере-

сы государства доводились через посредство господствующей в средневековой Руси православной идеологии. Глава церковной иерархии митрополит Макарий, а вслед за ним и нижестоящие чины русской православной церкви в своих проповедях изображали «казанское дело» как богоугодное, богоблагословенное, которое люди должны только начать, в то время как свершение его подчинено воле бога.

Поэтому начатая по инициативе Ивана IV и его окружения война с Казанским ханством объявлялась делом обязательным для каждого православного русского человека. Проводимая сверху идеологическая миссия соответствовала, по нашему мнению, преобладающим в русском обществе умонастроениям. Думается, что правительство не стало бы придавать столь внушительный размах предпрятию, противоречащему коренным интересам народа, не желая лишиться его поддержки. Русский народ поддерживал политику своего правительства, направленную на ликвидацию угрозы становившихся с 30-х гг. XVI в. все более разорительными набегов казанцев, на создание благоприятных условий для мирного взаимодействия с народами Поволжья. Следовательно, «казанское дело» Ивана IV изначально осознавалось как общенародное всеми слоями русского общества.

Начало «казанскому делу» было положено основанием Свяжска. Сооружение крепости в Горной стороне, довольно густо заселенной марийцами и чувашами, вызвало приход от них делегаций с челобитием на имя царя, «а велел бы им быти у Свяжского города и воевати их не велел»²⁸⁴. Вскоре в Свяжск к Шах-Али (вспомним, что еще ранее горные марийцы и чувашаи желали видеть его ханом в Казани) была прислана делегация, представляющая интересы всей Горной стороны («...князей и мырз, сотных князей и десятных и Чювашей и Черемисы и казаков»), с просьбой отправить посольство к царю. Очевидно, решение об этом было принято на экстренно созванном собрании всей Горной стороны, представительство на котором формировалось по тому же (к сожалению, неизвестному по источникам) принципу, что и на аналогичном собрании в Казани.

Горная сторона «отложила» от Казани. В Москву были отправлены Магмет Бузубов и Ахкубек Тугаев «с товарыщи» в сопровождении Григория Семеновича Плещеева. Посланцы передали царю челобитье «ото всее Горние стороны», клялись быть не-

отступными от Свияжска, прося о снижении ясака и жалованную царскую грамоту «как им вперед быти». Иван IV освободил население Горной стороны от ясака на три года и передал послам свою жалованную грамоту «со златою печатью», которая не сохранилась. Послы были одарены «великим жалованием, шубами и деньгами»²⁸⁵. «Горные люди» были приведены к клятве на верную службу московскому царю, обещали быть «неотступными» от Свияжска, освободить всех русских пленников. «Черные люди» обязывались платить дани и оброки, «как их государь пожалует и как прежним царем платили». В доказательство своей верности они под наблюдением Петра Турова и Алексея Ершова были посланы против Казани. Казаки перевезли их на Луговую сторону и в июне вышли на Арское поле у Казани. Оказавшись под обстрелом, они дрогнули и обратились в бегство, потеряв убитыми 100, а пленными 50 человек. Сопровождавшие горных людей П. Туров и А. Ершов сказали Шах-Али и воеводам, стоявшим тогда на Гостином острове, «что горние люди государю служили прямо»²⁸⁶. Вернувшись в Свияжск, воеводы в течение всего лета 1551 г. отправляли большие (500–600 человек в каждой) делегации горных людей «очей его видети царьских и жалование от него слышати за службу». Для них князьми и мурзами организовывались пиры, жаловались шубы с бархатом и золотом, а «иным Чюваше и Черемисе комчаты и отласные, а молодым однарядки и сукна и шубы белы...» Все пришедшие в Москву были одарены доспехами, конями и деньгами²⁸⁷. Такая политика привлекала на сторону Российского государства нетатарское население Горной стороны и являлась стимулом преданной службы московскому царю. По словам летописца, «и виде то государево к собе жалование и страх на собе Божиим милосердием и его государевым промыслом прямити государю почали и служити правдою и на Луговую сторону ходити вьезать и языков добывати»²⁸⁸.

Массовый переход горных марийцев и чувашей на сторону русских, блокада путей из ханства московскими войсками породили мощный всплеск политических разногласий в центре государства. Жители Казани выступили против крымцев, составлявших ближайшее окружение малолетнего хана. Из Арской земли в столицу пришли «з боем на Крымцов» арские чуваша (по всей видимости, связанные с чувашами Горной стороны), требуя обратиться с челобитием к Ивану IV. Возглавлявшему крымцев улану Кошаку

«с товарищи» удалось перебить мятежников. Многие князья и мурзы отъезжали в Москву, откуда русское правительство направляло их в Свияжск, веля «их тут устраивати». Осознав, что почва уходит из-под ног, что они лишились поддержки среди населения ханства, 300 знатных крымцев, разграбив все, что можно, бросив жен и детей, бежали к Вятке. Здесь их перебили вятчане и казаки, стоявшие в сторожах. В плен попало 46 человек во главе с уланами Кошаком и Барболсуном, багатуром князем Торчи и мурзой Ишмухамметом. Их привезли в Моск-ву и казнили по приказу царя.

Лишившись фактического правительства (Утямыш-Гирей был лишь номинальным ханом), казанцы обратились с челобитием к Шах-Али и свияжским воеводам, предлагая возвести Шах-Али на престол, а Утямыш-Гирея с матерью вывезти в Москву. С посольством в Москву были отправлены мурза Енбарс Растов от казанцев и боярский сын Яков Губин из Свияжска. Ивану IV была подана челобитная, утвержденная на собрании «всей земли Казанской». Летопись раскрывает состав этого форума: «...Кудайгул-улан и головах да Муралей-князь и вся земля Казаньская, моллы и сеиты и шихы и шихзады и молзады, имамы, азии, афазы, князи и уланы и мурзы и ички, дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары...». Исходя из этого перечня, можно заключить, что «вся земля Казаньская» включала представителей всех сословных и этнических групп Казанского ханства.

Казанцы предложили царю посадить на престол в Казани Шах-Али, обещая освободить русских пленников, если Иван IV прикажет не пленить казанцев, соглашались выдать оставшихся крымцев и их детей. Царь принял условия, изложенные в челобитной, и велел казанским князьям привести пленников на устье Казанки, а оставшихся освободить по воцарении Шах-Али.

Для московского правительства Казань после посажения на престол Шах-Али являлась составной частью Русского государства, обладающей внутренней автономией, по статусу равной вассальному Касимовскому ханству. Сохранив ограниченный суверенитет ханства, царь и его окружение надеялись обеспечить безопасным восточным рубежам России от наносивших урон материальным и людским ресурсам набегов казанцев.

Шах-Али, чувствуя непрочность трона под собой, лавировал между удовлетворением интересов казанцев и заявлениями о вер-

ности московскому царю. Ему отводилась роль связующего звена между двумя государствами, каждое из которых не было склонно поступаться своими позициями, что означало бы проявление слабости, неуместной в мире, где признается только право сильного. Противники должны были быть достойны друг друга. А Шах-Али привелось оказаться, по воле Ивана IV, в эпицентре московско-казанского конфликта. 14 ноября из Казани было получено известие о том, что Шах-Али узнал о переписке казанских князей во главе с князем Бибарсом Растовым с ногайцами. Из изъятых грамот стало известно о подготовке заговора с целью убийства хана и московского представителя князя Дмитрия Палецкого. По приказу Шах-Али заговорщики были перерезаны во время ханского пира²⁸⁹. Шах-Али осознавал, что удержать Казань в зависимости от Москвы возможно только пожертвовав Горной стороной, на что русское правительство никак не могло согласиться. Хан не видел для себя иного выхода из создавшегося положения, кроме бегства в Москву.

Москва не осудила политические репрессии в Казани, и это наводит на мысль о том, что избивание оппонентов Шах-Али было проведено по инициативе царя (ведь в этом участвовали и стрельцы). Московское правительство было заинтересовано в сломе казанского государства, стоявшего на пути национального развития русского народа. В то же время оно стремилось присоединить Казанское ханство с минимальными потерями для себя и старалось использовать любые возможности избежать прямого военного вторжения, неотвратимо влекшего за собой значительные человеческие жертвы с обеих сторон.

Поэтому русское руководство ответило согласием, когда в январе 1552 г. находившиеся в Москве как заложники казанские князья Нур-Али, Хосров и Хаджи Алимердин обратились с просьбой, переданной им из Казани, заменить Шах-Али московским наместником, организовав управление ханством, подобно тому как из Свяжска управлялась Горная сторона. В случае отказа казанцы оставляли за собой право пригласить хана извне, изменив царю. Думается, данный проект явился плодом прагматической оценки ситуации определенной частью правящих кругов Казанского ханства. Не желая конфронтации с Русским государством, которая угрожала гибелью Казани, болгаро-татарская политическая верхушка согласилась на фактическое уничтожение государства. Ни

о какой личной унии и воссоединении не могло идти и речи. Казанское правительство предлагало установить прямое управление Ивана IV территорией Казанского ханства через своих наместников, подобно тому как управлялись русские земли, желая сохранить свою власть и влияние, что представлялось невозможным, пока в Казани правил Шах-Али, обладавший, по всей видимости, определенной самостоятельностью в решении внутренних дел. Что интересно, в казанском проекте не затрагивался конфессиональный вопрос. Очевидно, он не был актуален, поскольку в Казани были прекрасно осведомлены о веротерпимости высших кругов светской аристократии Московского государства. Не стоит забывать и о целых отрядах мусульман на русской службе. Поэтому религиозные разногласия, по мысли верхушки Казани, были не столь значительны, как сохранение без особых перемен социальной структуры булгаро-татарского общества. И единственный путь к этому состоял в мирном присоединении к Русскому государству.

План, предложенный казанцами, был одобрен царем²⁹⁰. Шах-Али отказался передать мусульманский «юрт» под управление православного московского чиновника. Для него как представителя ханского рода ликвидация института ханской власти в Казани была неприемлема. В то же время он не хотел, чтобы русский царь воспринимал его действия как измену. 6 марта 1552 г. он выехал из Казани будто бы на рыбную ловлю, взяв в свое окружение, кроме городецких татар и 500 русских стрельцов, 84 казанских князя и мурзы, которые были сразу арестованы. В тот же день из Свяжска от воеводы князя Семена Ивановича Микулинского в Казань были посланы два наказа с грамотами, где сообщалось, что по челобитию казанских князей Иван IV свел Шах-Али и дал казанцам русского наместника — князя Семена. Из Казани прислали афыза с известием, что город готов принять государево жалование, и просьбой отправить к ним князей Чапкуна и Бурнаша, «кому им верити и на чье ся руки дати». 7 марта в Свяжск прибыло казанское посольство во главе с уланом Кудайгулом. Было подписано двустороннее соглашение. Казанцы принимали все русские условия, которые обсуждались ранее в Москве.

Но 9 марта в Казани вспыхнуло антирусское восстание²⁹¹. Поднявшие мятеж жители Казани отправили посланцев в Ногайскую Орду «царя просити» и начали отводить Горную сторону от Свяжска, посылая туда свои отряды. Один из этих отрядов был раз-

бит чувашами и горными марийцами, а предводители князь Шах-Чура и мурза Мамай были пленены, приведены к воеводам в Свияжск и казнены²⁹².

Удавшийся переворот в Казани весной 1552 г. означал крушение проводимого московским правительством и поддерживаемого значительной группировкой казанской аристократии проекта мирного присоединения Казанского ханства к России.

Представляется ли возможным выяснить мотивы организаторов и участников переворота? Думается, что руководителями мятежа двигало желание сохранить свою власть и влияние в обществе, чего они несомненно лишились бы после перехода управления в руки русских. В угоду этим эгоистичным устремлениям они жертвовали интересами страны, для которой становилось неизбежностью насильственное подчинение Московскому государству. Жители города легко поддались на уговоры мятежных аристократов из страха перед переменами. Приход новой власти означал для них коренную ломку привычного уклада жизни. Поэтому казанцы ухватились за последнюю возможность, позволявшую, как им казалось, сохранить неприкосновенной традиционную структуру булгаро-татарского общества.

Возобладавшие среди населения Казани антимосковские настроения были бесперспективны, за кратковременную независимость пришлось заплатить жестоким кровопролитием. Раздираемое внутрисполитическими противоречиями, Казанское ханство не было способно самостоятельно организовать нормальную жизнедеятельность страны. Отказавшись от подчинения России, казанское руководство обращается за новым ханом к ногайцам — верх в условиях недовольства действиями Москвы одержала политическая группировка, связанная с Ногайской Ордой. Новое правительство возглавил князь Чапкун Отучев.

Разрыв Казанью всех договоренностей с Московским государством означал неизбежность ответных решительных мер. Казанский мятеж наносил значительный урон политическому авторитету московского царя. Развязывание волжского узла противоречий стало первейшей задачей внешней политики Москвы. В апреле 1552 г. царь созывает совещание «братию свою, князя Юрья Васильевича и князя Володимера Андреевича, и бояр своих и воевод и съветует с ними о своем походе к Казани»²⁹³.

Устанавливалась блокада Казани — русское правительство

взяло курс на вооруженное подавление очага политической независимости в Среднем Поволжье, на уничтожение казанского государства. Позиция казанского руководства не оставляла Московскому государству иной возможности, кроме силового вмешательства. Непримиримая позиция казанцев обрекала их на гибель²⁹⁴.

Обе стороны готовились к решающему противостоянию. По всей видимости, неспособность представителей русской администрации в Свияжске найти общий язык с жителями Горной стороны подтолкнула местное население на обращение к традиционным властителям — к казанской правящей аристократии. В апреле было получено известие из Свияжска о начавшихся волнениях среди населения Горной стороны, их «пересылке» с казанцами и отказе их приезжать в Свияжск для разрешения проблем, касавшихся местного управления²⁹⁵. Тем временем казанцы по договоренности с Ногайской Ордой взяли «на царство в Казань» сына астраханского хана Касима Ядыгар-Мухаммеда, который в 1542 г. поступил на русскую службу, а в 1550 г. вернулся в Ногайскую Орду. Как полагал М. Г. Худяков, к тому моменту, как он оказался на Казанском престоле, Ядыгару было от роду не менее 30 лет²⁹⁶.

Можно предположить, что в Казани воспользовались нерешительностью русских воевод, отсутствием властных распоряжений из Свияжска, что рушило авторитет московского управления у населения Горной стороны. Активные действия казанского руководства, по всей видимости, позволили ему восстановить свое влияние на большей части территории, принадлежащей Казанскому ханству до 1551 г. Создалась реальная угроза потери позиций Русского государства в Среднем Поволжье, завоеванных с основанием Свияжска.

Успехи казанцев оказали деморализующее воздействие на русских, находящихся в Среднем Поволжье. С целью поднятия духа московских войск Иван IV прибегает к помощи высшего духовного авторитета для русского народа — митрополита Макария. По совету митрополита в Свияжск был направлен протопоп Архангельского собора Тимофей с посланием Макария и святой волей, которой свияжское духовенство должно было освятить город. В послании царь прославлялся за одержанную им «светлую», без крови, победу «на вся сопротивныя супостаты». Макарий указывал, что основная причина неудач войск, расположенных в Сви-

яжке, заключается в падении нравственности: «Зрите, от какой славы в каково безславие уклоняетесь и от каковы чести в каково безчестие низводитеся: иногда бысте сопротивным страшни, и ныне от сопротивных посмехаеми; а который град и люди вам в руце предавшеся, ныне же вам супротивнии являхуся, и нашему благочестивому Царю служити хотящеи, и те ныне противу вашего множества на брань устремляхуся». Нераскаявшимся грешникам митрополит угрожал царской опалой и отлучением от церкви²⁹⁷. Тогда же, в мае 1552 г., царь «приговорил» поход на Казань, все воеводы были распределены по полкам. В Москву был вызван находившийся в Касимове Шах-Али. Его Иван IV пожаловал селами в Мещерской земле и выдал за него Сююн-бике, вдову Сафа-Гирея. Бывший казанский хан принял участие в созванном царем совещании по казанской проблеме. Шах-Али призывал Ивана IV подождать с походом до зимы «для иных недругов и для того, что Казаньская земля в великих крепостех в лесах и в озерах и в ржавцах: зимою добро будет воевати». Царь ответил Шах-Али, что поход уже начат, часть войск отправлена, и высказал уверенность, что его предприятие угодно Богу и потому он возложил надежду на его помощь. 16 июня Иван Васильевич с войском выступил из Москвы в Коломну²⁹⁸. Начался поход, завершившийся штурмом и взятием Казани 2 октября 1552 г.

Последний поход на Казань получил достаточное отражение в дошедших до нас источниках, время составления которых близко к описываемым в них событиям²⁹⁹. Казанское взятие неоднократно подвергалось детальному анализу в военно-исторических исследованиях³⁰⁰. Поэтому полагаем возможным не обращаться к подробному рассмотрению хода осады Казани и предшествующих ему событий лета–осени 1552 г., а сразу перейти к политическим проблемам, возникшим перед московским правительством в связи с падением столицы булгаро-татарского государства.

Отметим, что активное участие в штурме Казани принимало население Горной стороны, снова перешедшее на сторону русских, не желая разорения своей страны и убедившись в способности Московского государства обеспечить их защиту. Интересно, что в память о своем посильном участии в военных действиях против Казани чувашаи, марийцы и мордва создали фольклорные образы своих вдохновителей и устроителей взрыва казанской крепости. Согласно чувашским преданиям, казанские цари, у которых они

были в подданстве, вжимали с них большие налоги. Угнетаемые казанскими вельможами чувашаи решились искать покровительства у московского царя. Он их принял ласково и обещал помочь. Когда русский царь собрался воевать с Казанью, чувашаи содействовали его войску: указывали русским воеводам дороги и секретно устроенные татарами укрепления³⁰¹. У горных марийцев существует предание об Акпарсе, организовавшем народ на участие в покорении Иваном Грозным Казани³⁰².

Живо отразило народное восприятие взятия Казани еще одно чувашское предание. По просьбе атамана Толбая, сына Батыра, возглавлявшего чувашский полк в составе русских войск, Иван Грозный, осаждавший Казань, распорядился прекратить стрельбу из пушек, ружей и луков. Казанцы тоже перестали стрелять и вдруг увидели, что со стороны речки Булак направляется к крепости безоружный человек, играющий на гуслях и поющий потатарски грустную песню о падении Биляра. Татарские воины поднялись на стены крепости и с умилением слушали певца-гусляра. Постоял Толбай у стены и повернул назад. Поет и считает шаги. Благополучно дошел до своих и передал царю, сколько шагов до крепостной стены. Пять суток русские воины рыли подкоп. В устроенный под стеной погреб вкатили 48 бочек пороха и поставили на них свечи. Вышли, неся одну свечу. Когда она догорела, взрыва не было. Иван Грозный подозревает измену. Толбай объясняет ему, что на воздухе свеча горит быстрее, чем в подземелье. Царь пошел в церковь и начал молиться. И тут огромной силы взрыв разнес стену. В возникший пролом ворвались воины³⁰³.

В. Д. Дмитриев отметил сходство сюжетных линий в преданиях народов Среднего Поволжья о взятии Казани. В частности, общими для чувашских и марийских исторических преданий являются мотивы об обращении представителей народа к Русскому государству за помощью, вступлении местных отрядов в русское войско и их участие во взятии Казани, о помощи народа русским войскам продовольствием и прочим, о гусляре, измерившем расстояние до крепостной стены, устроившем подкоп и обвинявшемся царем в измене. Эти сюжеты перекликаются и с мордовскими произведениями устнопоэтического творчества о проводниках русских войск и устройстве подкопа и взрыва крепостной стены. По мысли историка, все это свидетельствует о совместной борьбе

русского, чувашского и горномарийского народов против Казанского ханства. Сохранившиеся исторические предания народов правобережья Волги о борьбе за Казань основаны на воспоминаниях участников событий³⁰⁴.

Сразу после покорения Казани царь приступил к организации управления завоеванной страной. По всем «улусам» Казанского ханства были разосланы царские жалованные опасные грамоты ясачным людям, «чтобы шли к государю не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем Бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем»³⁰⁵. С челобитием к Ивану IV обратились жители Арской земли и Луговой стороны, участвовавшие в военных действиях на стороне казанцев и опасавшиеся возмездия от победителей.

10 октября 1552 г. в Казань приехали «многие Арьские люди» с просьбой к царю, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают». Царь приказал собирать с Арской земли ясак в том же размере, как было при хане Мухаммед-Эмине. Князь Александр Борисович Горбатый должен был «привести» к шерти «арских людей и во всем их управляти». В тот же день «луговые люди из Як и изо многих мест» били челом царю от имени всего населения Луговой стороны, прося, чтобы их пожаловали также, как и арских жителей. Представители территорий, входивших в Казанское ханство, «того дни правду ото всех черных людей дали»³⁰⁶.

Казалось, что борьба за Среднее Поволжье завершилась со взятием Казани. Но уже 20 декабря 1552 г. в Москве было получено сообщение от воевод Васильсурска, «что на Волге побили гонцов и гостей и боярьских людей з запасы луговые люди, да и горние с ними были». Шуйскому «с товарищи» было отдано указание произвести сыск среди населения Горной стороны. Отправленный из Свияжска Борис Иванович Салтыков приехал в чувашские земли по р. Цивиль, «и сыскал того горними же людми, что с луговыми воровали и горние; и Борис поймав горних, которые воровали, да иных тут повешал, а иных в город в Свиазской привел да у города перевешал; и всех их казнили 74 человеки, а животы их истцем поотдавали»³⁰⁷.

Это было начало волнений в Среднем Поволжье, которые, то затухая, то разгораясь, продолжались с 1552 по 1557 г. После взятия главного средоточия политической жизни в регионе — Каза-

ни русским пришлось столкнуться с упорным сопротивлением местного населения представителям московских властей, осложненным внутренними противоречиями между различными этнотерриториальными и сословными группами, существовавшими еще в эпоху казанского государства, а после его ликвидации особенно обострившимися. Только завоевав путем пожалования определенных привилегий поддержку части местного населения, русской администрации удалось справиться с повстанческим движением. Прибывшим из Москвы чиновникам, которым была поручена организация управления в присоединенных землях, потребовалось время для ознакомления со спецификой региона, что также сказалось на нерешительности первых шагов новой администрации в Среднем Поволжье. Лишь к 1557 г. русские власти выработали и сумели реализовать действенные меры по подавлению волнений, сочетая милость в отношении покорных с беспощадностью к оказывающим сопротивление.

Продолжавшаяся в течение шести лет война привела к уничтожению правящего сословия булгаро-татар. По словам летописца, «Казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися, а черные люде все с одного в холопстве и дани учинилися...»³⁰⁸. «Казанское дело» было завершено. Присоединение Среднего Поволжья вплотную поставило перед московским правительством вопрос об отношениях с Ногайской Ордой и Астраханским ханством.

На фоне богатой коллизии политической жизни Среднего Поволжья отраженная в источниках история Астраханского ханства выделяется бедностью событий. Думается, это можно объяснить незначительностью существовавшего здесь государственно-го образования, которое практически не оказывало влияния на расстановку политических сил в Поволжье.

Астраханское ханство образовалось в 60-е гг. XV в., когда после смерти в 1459 г. хана Большой Орды Кичи-Мухаммеда его место занял его старший сын Махмуд, через год изгнанный поднявшим мятеж своим братом Ахматом, который объявил себя ханом Большой Орды. Махмуд ушел в Астрахань, занял этот город и положил в 1459–1460 гг. начало новому государственному образованию — Астраханскому ханству. Столица государства возникла на месте или вблизи бывшего центра Хазарского каганата Итиля в 50-х гг. XIII в. из тарханного пожалования от хана одному из

представителей правящей верхушки Золотой Орды³⁰⁹. Источники, характеризующие историю Астраханского ханства при первых его правителях, весьма ограничены. Территория, занимаемая астраханскими татарами в 60-х гг. XV в., оставалась неизменной вплоть до падения ханства. С востока их владения отделялись от Ногайской Орды рекой Бузань, одним из притоков Ахтубы, южные пределы ограничивались бассейнами рек Симур, Терека, Куры и Кубани, на западе граница шла по рекам Егорлык и Манычу к Дону, отделяя астраханцев от Крымского ханства и от татар Большой Орды³¹⁰. Так же, как и в соседней Ногайской Орде, в Астраханском ханстве господствовала полукочевая форма хозяйствования (по классификации С. А. Плетневой). Для этой стадии развития характерны становление раннеклассового общества, формирование государственности, сопровождающиеся постоянными набегами на оседлых соседей³¹¹. Отличительной чертой Астраханского ханства М. Г. Сафаргалиев полагал более широкое применение рабского труда при добыче рыбы и соли³¹².

По отношению к Московскому государству первые астраханские ханы Махмуд и Касим придерживались той же политической линии, что и их ближайший родственник — хан Большой Орды. Так, во время похода Ахмата на Русь в 1480 г. астраханский хан Касим принимал в нем участие со своим войском³¹³. Брат Касима, Абдул-Керим, занявший престол в 1495 г., в самом начале своего правления ограбил московских купцов, находившихся в Астрахани³¹⁴. Новый хан порвал отношения с правителями существенно ослабшей после разгрома и гибели Ахмата Большой Орды. В 1498 г. Абдул-Керим не пустил в город детей Ахмата Сеид-Ахмата и Бахтияра, надевавшихся, по всей видимости, на поддержку родственника в условиях бескормицы в степях³¹⁵. В 1502 г. в течение семи дней Астрахань осаждали ногайцы, которые «много улусных черных людей поймали»³¹⁶. По предположению М. Г. Сафаргалиева, после этого ногайские мурзы и астраханские татары заключили между собой соглашение, которое значительно расширило позиции ногайцев в Астрахани³¹⁷. Астраханский хан принял на себя обязательство давать одному из ногайских мурз звание своего старшего эмира и ежегодно выплачивать ногайцам по 40.000 алтын. Ногайцы же предоставляли Астраханскому ханству помощь в борьбе с Крымом³¹⁸. В первой трети XVI в. крымский хан стремился овладеть Астраханью при помощи Москвы. Русское госу-

дарство, напротив, старалось установить дружественные взаимовыгодные отношения с Астраханским ханством³¹⁹.

Дипломатические связи между Астраханью и Москвой начались при хане Джанибеке, брате Абдул-Керима, вступившем на престол в 1515 г. В ответ на отправление в Москву астраханского посла туда был послан великокняжеский дипломат Иван Федорович Елизаров. Между двумя государствами успешно развивались торговые сношения. Русскому посланнику в Крым Ивану Григорьевичу Мамонову велено было передать хану Мухаммед-Гирею, что «ездят... из Астарахани и из Нагаи во государя нашего земли торговые люди, а государя нашего люди в Астарахань и в Нагаи ездят...» Главной целью посольств было регулирование торговли между Россией и Астраханским ханством³²⁰.

В середине XVI в. активное продвижение Московского государства в Среднем Поволжье вызвало со стороны Крымского ханства и стоявшего за его спиной турецкого султана стремление укрепить свое влияние на Ногайскую Орду и на Астрахань³²¹. Ногайский князь Юсуф занял враждебную по отношению к Москве позицию. Русская политика по отношению к Казани, с которой Юсуф был связан, угрожала его интересам. В то же время он стремился распространить свое влияние на Астраханское ханство³²². Астраханский хан Ямгурчи в 1552 г. разорвал отношения с Москвой, арестовал русского посланника Севастьяна и охранявших его служилых татар и сослал их на остров в Каспийском море³²³. Осенью 1552 г. ногайцами на Волге были пойманы крымские татары, доставившие Ямгурчею в Астрахань тринадцать пушек³²⁴. В январе 1553 г. из Москвы были отпущены задержанные на время казанского похода ногайские послы. В грамоте к мурзе Исмаилу, занимавшему дружественную к русским позицию, царь писал: «...и Астараханское дело не делалось, потому что в то время доставали есмя своего Казанского Юрту»³²⁵.

Дальнейшие события показали необходимость решительных действий московского правительства для удержания своих позиций в Нижнем Поволжье. В то время как мурза Исмаил участвовал в подчинении населения завоеванного русскими Казанского ханства, князь Юсуф, объединившись с астраханским ханом, готовился осенью 1553 г. к походу на русские «украины»³²⁶. Исмаил и ряд других ногайских мурз в октябре 1553 г. прислали в Москву посольство с просьбой организовать поход на Астрахань, сменить

Ямгурчи ханом Дервиш-Али, обещая свое посильное участие. Царскому окольному А. Ф. Адашеву и дьяку И. Михайлову было приказано «выпросити Измаиловых послов, что их хотение» и «с ними приговорити, как ся тому делу делать»³²⁷. В результате переговоров с ногайскими послами принимается решение о подготовке похода русской судовой рати с артиллерией на Астрахань. Исмаил или его дети и племянники должны были с берега поддерживать действия русских. В случае взятия Астрахани она передавалась под совместное управление служилого хана Дервиш-Али и одного из сыновей или племянников Исмаила. Исмаил обязывался выступить против своего брата, князя Юсуфа, «за то, что он царю и великому князю не прямит, послов царя и великого князя безчестует и в то время посланово Сяндюка Тулусупова у себя держит...» Получая поддержку из Москвы, Исмаил «з детми и с племянники» становился вассалом Ивана IV: «...куды его царь и великий князь пошлет, туды ему ходить»³²⁸.

Весной 1554 г. в Ногайской Орде развернулась острая борьба, начатая мурзой Исмаилом против бия Юсуфа и его сторонников. По просьбе Юсуфа противоборствующие стороны заключили мир³²⁹.

Для обоснования прав Московского государства на владение Астраханью Иван IV в речи перед Боярской думой заявил, что еще князь Владимир, крестивший Русь, передал этот город, называвшийся тогда Тмутараканью, своему сыну Мстиславу. Длительное время эта земля находилась под властью русских князей, пока «не за исправление закона Христова и многих междоусобных браней Русских государей, обладана бывши нечестивыми цари Ординьскими иже именовалася Большая Орда». Только при Иване III Большая Орда была разгромлена, «и почали те цари Ординьские жити в Азторохани...». Теперь же царь «за свою обиду и срамоту, еже царь Ямгурчей обеты своя изменил и посла ограбил, и по Нагайских мурз челобитию умыслил послати рать свою на Азстарахан»³³⁰.

Воеводы достигли Переволоки 29 июня. Отсюда в разведку был отправлен отряд дворян и казаков под командой Александра Вяземского и Даниила Чулкова. Вяземский натолкнулся на астраханский дозор во главе с Сакмаком выше острова Черного в волжском устье. В завязавшей стычке часть татар была перебита, а остальные вместе с предводителем взяты в плен. От них

воеводы узнали, что Ямгурчи стало известно о походе русских и сам он находится в пяти верстах ниже Астрахани. В городе остались лишь немногие, основная же часть астраханских татар «сидят по островом по своим улусам»³³¹. Русские воеводы приказали оставить «суды большие» и ускоренным темпом плыть к Астрахани. Достигнув Черного острова, воеводы разделили войско на две части. Одна, предводительствуемая Александром Вяземским, Давидом Гундоровым, Тимофеем Кропоткиным, Григорием Желобовым и Даниилом Чулковым, в составе «дворян, жильцов царевых и детей боярьских многих», была отправлена против стана хана Ямгурчи. Остальное войско 2 июля подступило к городу.

Остававшиеся в городе астраханцы, увидев приближение русского войска, бежали. Многие из них были перебиты, часть попала в плен. Первый отряд, достигнув ханской ставки, «побили многих, а иных живых поимали многих, и пушки и пищали поимали». Хану и его ближайшему окружению удалось бежать на конях. Ханские жены и дети двигались на судах к морю. Казачий атаман Федка Павлов настиг ушкой «с девками царевыми, да и набаты царевы и пищали в нем были многие, и то все поимали и людей побили». В тот же день Дервиш-Али был возведен русскими воеводами на ханский престол в Астрахани, и все собранные воинами астраханцы были приведены к клятве на верность царю. С вестью о взятии Астрахани в Ногайскую Орду были посланы служилый татарин Ямбулат и слуга Дервиш-Али Айдар. Оставив в городе гарнизон под начальством Андрея Барятинского и Петра Тургенева, воеводы отправились в погоню за Ямгурчи. 7 июля русские воеводы во главе с князем Ю. И. Пронским настигли князей, мурз и «всех людей» астраханских «вверх Уского Мочаку на Карайбулаке». Оказавших сопротивление перебили, остальных взяли в плен. У озера Белого воеводы освободили «полону Руского много».

Убедившись в решительности предводителей русского войска действовать до полного подчинения всего населения ханства, астраханцы отправили парламентаря — князя Кара-Иклеша, который обратился с челобитием «от князей и от уланов и от мурз и от всех людей Азстороханьских, чтобы их царь князь великий пожаловал, побити и розвести не велел, а велел бы служить себе царю и великому князю на Дербышь-Алею царю, а они на том правду

дадут, что им служить царю и великому князю прямо...». К клятве были приведены князья Ишим, Али, Кара-Иклеш «и иные многие люди», обещавшие верно служить Ивану IV и Дервиш-Али, освободить всех русских пленников, «откуды ни приведен и которой ни буди орде куплен...»³³².

Дервиш-Али распорядился разместить астраханскую знать в городе, «а черных людей отпустил по улусом з женами и з детми». По астраханским улусам были разосланы грамоты, «чтобы ехав в город, царю великому князю и Дербыш-Алею царю правду дали». К клятве было приведено 500 князей и мурз и 7000 «черных людей», а также мусульманское духовенство в числе 3000 человек.

Очевидно, на экстренно собранном совещании высшей астраханской знати во главе с ханом Дервиш-Али при участии русских воевод была составлена шертная грамота, которую Дервиш-Али «и вся земля Азстороханьская... написав, послали, укрепив ее печатями, к царю и государю». Подлинник грамоты не сохранился, но ее содержание изложено в летописи. Астраханцы обязывались ежегодно уплачивать дань русскому царю «по сороку тысяч алтын да по три тысячи рыб, а то им самим збирати да присылати с послы ежегод к государю; а ловцом царя и великого князя ловити Волгою от Казани по Азсторохань и до моря безданно и безьявочно, Азстороханьским ловцом с ними же ловить без обиды; а не станет у них Дербыш-Алея, и Азстороханьским человеком бити челом царю и великому князю и его детям: кого им государь пожалует на Азсторохань, тот им государь люб, а отнюдь ниоткуды им государя собе не искать»³³³. Астраханское ханство становилось вассальной территорией Московского государства, сохраняя без изменений свою политическую структуру. В залог верности астраханцев в Москву были отправлены пленные члены семьи бывшего хана Ямгурчи. 29 июля воеводы покинули Астрахань, оставив здесь Петра Тургенева с отрядом казаков. В октябре 1554 г. войско вернулось в Москву вместе с астраханскими послами князьями Кара-Иклешем и Курлаем³³⁴.

Однако главная сложность заключалась не в завоевании Астраханского ханства, а в удержании этой территории в политической системе Московского государства. Весной 1555 г. Дервиш-Али с помощью русской артиллерии и казачьих пищалей сумел отбить атаку объединенного войска ногайских мурз Юнуса, Али и Ака — детей бия Юсуфа, крымцев и турецких янычар, которое привел

свергнутый Ямгурчи. В отношении Ногайской Орды русский царь придерживался линии на раскол и ослабление среди ее знати³³⁵. Зимой 1555 г. в Москве было получено известие о гибели в междоусобной борьбе ногайского бия Юсуфа и изгнании из Ногайской Орды его детей и племянников. Новым бием стал дружелюбный России Исмаил, обещавший «быть заедин на всех недругов и не-отступным быть от царя и великого князя». Взамен он просил предоставить ногайцам право свободной торговли в Москве, Казани и в Астрахани³³⁶.

В мае 1555 г. Ямгурчи снова приходил с крымцами и ногайцами под Астрахань. Дервиш-Али заключил союз с ногайскими мурзами и с их помощью перебил Ямгурчи и его окружение. После этого он отправил гонцов к крымскому хану, отпустив Петра Тургенева в Москву. Это означало, что астраханский хан переориентировал свою политику на Крым, не надеясь на получение военной и материальной поддержки из далекой Москвы. Ход событий показывал, что удержать Нижнее Поволжье в составе Русского государства было возможно только силой оружия.

В марте 1556 г. из Ногайской Орды от князя Исмаила было получено известие об измене Дервиш-Али, объединившегося с крымским ханом и детьми Юсуфа, изгнанными ногайцами. Царский посол Леонтий Мансуров был «выбит» из Астрахани, служившие русским князь Бичула «с товарыщи» были убиты. Мансурову вместе с 350 людьми удалось уйти на Переволоку. Получив такие сообщения, царь организует поход на Астрахань. «Подем» на Волгу было отправлено 500 казаков во главе с атаманом Ляпуном Филимоновым. В судах по Волге были посланы стрелецкие головы Иван Черемисинов и Тимофей Пухов сын Тетерин, вятчане под начальством Федора Писемского и казаки под командой Михаила Колупаева³³⁷.

Захваченные русскими «языки» доносили, что по просьбе Дервиш-Али крымский хан направил в Астрахань 700 крымцев и 300 турецких янычар во главе с Атман-Думаном с пушками и пищальями. Однако, услышав о приближении русской судовой рати, все это войско вместе с астраханцами покинуло город, очевидно, сознавая бесполезность сопротивления. Укрепившись в городе, воеводы послали погоню к морю. Отряд Федора Писемского и Тимофея Тетерина настиг хана и его окружение в двадцати верстах от Волги. Ночью русские напали на лагерь астраханцев, перебив

«многих из них». Весь следующий день «плавные головы» вели бой с татарами. В конце концов Дервиш-Али обратился с челобитием к Ивану Черемисинову, обещая вернуться в город и верно служить царю. Соглашение было заключено на более тяжелых, чем ранее, для астраханских татар условиях: «И укрепилися в городе головы, как безстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрельцов розставили и отняли всю волю у Нагай и у Астороханцов рыбные ловли и перевозки все». Эти условия не устраивали крымских татар, которым удалось убедить Дервиш-Али не возвращаться в Астрахань. Город оказался под управлением русских воевод. Астраханское ханство как суверенное государственное образование прекратило существование летом 1556 г.³³⁸

В декабре 1556 г. ногайские послы сообщили Ивану IV о том, что князь Исмаил заключил мир с наследниками Юсуфа, которые «добили ему челом», а Дервиш-Али, лишенный поддержки ногайских мурз, бежал в Мекку. Все ногайские мурзы были готовы выступить по приказу царя в поход против Крыма. Дети Юсуфа принесли клятву на верность службы Ивану IV на тех же условиях, что и князь Исмаил, обещая кочевать около Астрахани, «а лиха никакова не учинити». Многие астраханские татары попали в плен к ногайцам «в то время, как бегали от царя и великого князя». Воеводы доносили, что в Астрахань прибыли послы от правителей Шемахи, Шевкала и Тюмени с предложениями о мире и взаимной торговле. Установление прочной власти, способной гарантировать безопасность купцов, превращало Астрахань в крупный торговый центр. На переправах через Волгу были устроены постоянные русские заставы. К весне 1557 г. все население бывшего Астраханского ханства принесло присягу на верность службы московскому государю, обещая «ясаки платить как прежде сего царем Астороханским плачивали». Воеводы «приведши их к правде и роздавали им острова и пашни по старине...». Князь Исмаил прислал в Астрахань своих детей «Магмета з братиею», которые в мае 1557 г. «правду за отца и за всех мырз дали, что им царю и великому князю прямить въ всем, а с Ываном (Черемисиновым. — Д. К.) побратались...». Сын Юсуфа, мурза Юнус, принес клятву от имени своих родственников, «что им служити и прямить царю и великому князю, а царю и государю их жаловать и воевати не велети и ослободити кочевати по старым местом»³³⁹. Ногайские правители становились верными слугами московского царя, а управ-

ляемая ими Ногайская Орда включилась в систему вассальной зависимости Русского государства.

Нам кажется справедливым утверждение Е. Н. Кушевой, что и «казанское дело», и «астраханское дело» представляли звенья единого плана овладения волжским путем, разработанного московскими политиками в конце 40-х гг.³⁴⁰ При этом было не важно, какая форма правления устанавливалась у народов Поволжья (васалитет с сохранением прежних политических институтов или воеводское управление). Значение имело прежде всего то, что Москва ставила под свой контроль весь регион. Начался процесс постепенной интеграции народов Поволжья в хозяйственную и политическую систему растущего и крепнущего Московского государства. А для русского народа открывались необозримые пути дальше на восток — в Сибирь.

Примечания

¹ См.: *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археолог. очерки. СПб., 1997. С. 240.

² См.: *Егоров В. Л.* Начало Российского многонационального государства // Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития: Материалы «круглого стола». Звенигород, 20–24 нояб. 1989 г. // История и историки. М., 1995. С. 24.

³ См.: *Егоров В. Л.* Начало... С. 27.

⁴ См.: *Храмцовский И.* Краткий очерк истории и описания Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1857. С. 15–16.

⁵ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... М., 1996. С. 376.

⁶ См.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. С. 533, 537–538; М.; Л., 1941. С. 97, 129–131, 215.

⁷ См.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 57–58.

⁸ См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 136.

⁹ См.: *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 12; *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки Джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т. 4. С. 173; Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 8.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 10. СПб., 1913. С. 233; М.; Л., 1949. Т. 18. С. 101; Т. 25. С. 181. Далее: ПСРЛ.

¹¹ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 382.

¹² См.: *Егоров В. Л.* Начало... С. 63.

¹³ См.: *Егоров В. Л.* О времени возникновения Казани // Советская археология. 1975. № 4. С. 80.

- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 193. Ср.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 116–117; Т. 18. С. 117–118; СПб., 1910/1914. Т. 20, ч. 1. С. 196–197; СПб., 1910. Т. 23. С. 120; Т. 24. С. 133.
- ¹⁵ См.: ПСРЛ. Т. 15. С. 71; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 382.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 233; Т. 15. С. 101; Т. 25. С. 181.
- ¹⁷ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 383.
- ¹⁸ См.: Егоров В. Л. Историческая география... С. 62.
- ¹⁹ См.: Егоров В. Л. Начало... С. 27.
- ²⁰ См.: Федоров–Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 153, 156.
- ²¹ См.: Тизенгаузен В. Г. Сборник... С. 156, 164.
- ²² См.: Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 71.
- ²³ См.: Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 69.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 160–161; Т. 18. С. 135; Т. 25 С. 181, 218, 225–226.
- ²⁵ См.: Егоров В. Л. Начало... С. 215.
- ²⁶ См.: Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 30.
- ²⁷ См.: Мухамадиев А. Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 165.
- ²⁸ См.: Федоров–Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 18–19.
- ²⁹ См.: Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этнографический взгляд на историю. М., 1992. С. 102.
- ³⁰ См.: Мухамадиев А. Г. Золотая Орда. С. 167.
- ³¹ См.: Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 23.
- ³² См.: Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 102.
- ³³ См.: Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. С. 12.
- ³⁴ См.: Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники... С. 69.
- ³⁵ См.: Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 163–165.
- ³⁶ Библиографию см.: Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники... С. 71–72; Смирнов А. П. Волжские булгары. С. 71; Федоров–Давыдов Г. А. Клады Джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 120; Мухамадиев А. Г. Золотая Орда. С. 13.
- ³⁷ См.: Алишев С. Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 189, 190, 214.
- ³⁸ См.: Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. С. 48–49.
- ³⁹ См.: Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Тр. НИИ ЯЛИЭ при СМ Мордовской АССР. Саранск, 1963. Вып. 24. Серия историческая. С. 71.
- ⁴⁰ См.: Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 246.
- ⁴¹ См.: Кизилев Ю. А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984. С. 72.
- ⁴² Кизилев Ю. А. Земли и народы России в XIII–XV вв. С. 73; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 29, 54, 144, 192, 193, 289, 356, 437; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 162.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 25. С. 219.
- ⁴⁴ См.: Кизилев Ю. А. Указ. соч. С. 70.

- ⁴⁵ См.: *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. Мордва. М., 1912. С. 36–37.
- ⁴⁶ См.: Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 60–62.
- ⁴⁷ См.: *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁸ См.: *Никольский Н. В.* История мари (черемис). Вып. 1. Казань, 1920. С. 25.
- ⁴⁹ См.: *Кизилов Ю. А.* Указ. соч. С. 68.
- ⁵⁰ См.: *Макаров Л. Д.* Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI веках // Материалы по истории Удмуртии... Ижевск, 1995. С. 84, 89.
- ⁵¹ *Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. 1890. Т. 8. Вып. 2. С. 52, 56–57.
- ⁵² См.: *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары, 1993. С. 67, 68.
- ⁵³ См.: *Иванов В. П., Фокин П. П., Трофимов А. А., Матвеев Г. Б.* Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993. С. 7; *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 77.
- ⁵⁴ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Сб. статей преподавателей пединститута. Саранск, 1952. Вып. 23. С. 31, 33–34.
- ⁵⁵ См.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 71.
- ⁵⁶ См.: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 239, 257–294, 306; *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 81.
- ⁵⁷ См.: *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 3 (16). С. 9; *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993. С. 208–210.
- ⁵⁸ Подробнее см.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.
- ⁵⁹ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 447.
- ⁶⁰ См.: *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. С. 122, 126.
- ⁶¹ См.: *Фахрутдинов Р.* Улуг-Мухаммед-хан // Татарстан. 1993. № 6. С. 34. Прим. 5.
- ⁶² См.: *Мухамадиев А. Г.* Золотая Орда. С. 132, 134; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 484, 485, 486.
- ⁶³ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 107; Т. 12. СПб., 1901. С. 24; Т. 18. С. 188; Т. 20. С. 240; Т. 25. С. 266.
- ⁶⁴ *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916. С. 4.
- ⁶⁵ См.: *Павлов П. Н.* Была ли Русь данницей Казани? // Учен. зап. Крестовозского гос. пед. ин-та. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 159.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 149–150.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.
- ⁶⁸ См.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 96.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 111; Т. 20. С. 256; Т. 23. С. 151.
- ⁷⁰ См.: *Павлов П. Н.* Указ. соч. С. 161.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 152.
- ⁷² См.: *Павлов П. Н.* Указ. соч. С. 161.

- ⁷³ ПСРЛ. Т. 8. С. 112.
- ⁷⁴ Там же. Т. 23. С. 151.
- ⁷⁵ Там же. Т. 8. С. 112.
- ⁷⁶ Там же. Т. 12. С. 62; Т. 18. С. 193; Т. 20. С. 257; Т. 25. С. 395.
- ⁷⁷ Там же. Т. 8. С. 112, 113.
- ⁷⁸ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 125; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 426.
- ⁷⁹ Там же. С. 114. Судя по тому, что в других летописях это сообщение нам не встечалось, появление его можно отнести ко времени составления Воскресенской летописи, т. е. к 40-м гг. XVI в. Имеется более раннее свидетельство. В наказе великого князя Василия III послу к турецкому султану Сулейману Василию Михайловичу Третьяку-Губину летом 1521 г. при обосновании прав московского государя на Казань в качестве первого казанского «царя» упоминался Махмутек. Об Улуг-Мухаммеде речь вообще не шла. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 2. // Сб. русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95. С. 696. Далее: Сб. РИО).
- ⁸⁰ Там же. Т. 13. М., 1965. С. 251; Т. 20. Ч. 2. С. 556–557.
- ⁸¹ См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 499.
- ⁸² Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 326. Далее: ПЛДР.
- ⁸³ См.: ПЛДР. С. 609.
- ⁸⁴ См.: Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 201–202.
- ⁸⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 206.
- ⁸⁶ Там же. СПб., 1851. Т. 5. С. 269; М., 1994. Т. 39. С. 146.
- ⁸⁷ Там же. Т. 23. С. 153.
- ⁸⁸ Там же. СПб., 1853. Т. 6. С. 178; Т. 8. С. 122.
- ⁸⁹ Там же. Т. 8. С. 122.
- ⁹⁰ См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царицах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 22.
- ⁹¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 179–180.
- ⁹² Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 26.
- ⁹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 75, 79.
- ⁹⁴ См.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.; Тверь, 1997. С. 338.
- ⁹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 219.
- ⁹⁶ См.: Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарское кн. изд-во, 1978. С. 132.
- ⁹⁷ См.: Димитриев В. Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // Тр. НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. Вып. 60. С. 94–95.
- ⁹⁸ См.: Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 331. В связи с этим представляется неверной точка зрения А. Г. Бахтина, что население Среднего Поволжья положительно восприняло приход хана и татарского войска (*Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края*. Йошкар-Ола, 1998. С. 40).
- ⁹⁹ См.: Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 35.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 73.

- ¹⁰¹ Там же. Т. 18. С. 214; Т. 25. С. 277.
- ¹⁰² См.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... М., 1996. С. 553.
- ¹⁰³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 170.
- ¹⁰⁴ См.: Худяков М. Г. Указ. соч. С. 553.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 279.
- ¹⁰⁶ Там же. Т. 23. С. 158.
- ¹⁰⁷ Там же. Т. 4. С. 149; Т. 5. С. 274.
- ¹⁰⁸ Там же. Т. 6. С. 9; Т. 39. С. 155.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 24. С. 189, 191.
- ¹¹⁰ Памятники дипломатических сношений... Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 12, 46, 58, 70, 98, 194, 434.
- ¹¹¹ Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1791. Ч. 7. С. 240. Далее: ПДРВ.
- ¹¹² Там же. Ч. 8. С. 74–75.
- ¹¹³ См.: Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 78–79.
- ¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 153; Т. 20. Ч. 1. С. 278–279; Т. 25. С. 279, 280; Т. 26. С. 124; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 223. Барат — овраг (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1: А–Б. С. 73).
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ См.: Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 92, 93, 94, 95.
- ¹¹⁷ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 191.
- ¹¹⁸ Там же. Т. 8. С. 168; Т. 12. С. 141; Т. 25. С. 291; Т. 26. С. 241–242; Т. 27. С. 135.
- ¹¹⁹ См.: Там же. Т. 8. С. 181.
- ¹²⁰ Там же. Т. 8. С. 199; Т. 24. С. 196; Т. 25. С. 323.
- ¹²¹ Устюжский летописный свод. С. 92.
- ¹²² См.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 170–171.
- ¹²³ ПСРЛ. Т. 24. С. 196–197.
- ¹²⁴ Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19.
- ¹²⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 183; Т. 24. С. 202.
- ¹²⁶ Там же. Т. 8. С. 213; Т. 12. С. 214; Т. 18. С. 269; Т. 25. С. 329.
- ¹²⁷ Там же. Т. 6. С. 234; Т. 20. Ч. 1. С. 349.
- ¹²⁸ Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 20; Разрядная книга. 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 26.
- ¹²⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 237; Т. 23. С. 185.
- ¹³⁰ Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 20; Разрядная книга. 1475–1605 гг. С. 26.
- ¹³¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 185.
- ¹³² Там же. Т. 8. С. 217; Т. 12. С. 219; Т. 18. С. 272; Т. 24. С. 205; Т. 26. С. 278.
- ¹³³ Там же. Т. 23. С. 162.
- ¹³⁴ Казанская история. С. 328, 332.
- ¹³⁵ Соловьев Г. М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 3. Т. 5–6. С. 76.
- ¹³⁶ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 567, 568.
- ¹³⁷ См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1972. С. 71.
- ¹³⁸ См.: Алишев С. Х. Присоединение народов Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. Казань, 1975. С. 175–176.

- ¹³⁹ См.: *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства... С. 273.
- ¹⁴⁰ См.: *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 173.
- ¹⁴¹ См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 65, 200.
- ¹⁴² См.: *Алексеев Ю. Г.* Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 158.
- ¹⁴³ См.: *Егоров В. Л.* Начало... С. 18.
- ¹⁴⁴ *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. С. 174, 189.
- ¹⁴⁵ ПДРВ. Ч. 9. СПб., 1795. С. 120.
- ¹⁴⁶ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 170.
- ¹⁴⁷ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 61, 62, 83, 85, 86, 87, 91, 99, 116, 122, 126.
- ¹⁴⁸ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 75–76.
- ¹⁴⁹ См.: *Назаров В. Д.* Внешняя политика Русского государства и присоединение Вятского края // Вятская земля в прошлом и настоящем: К 500-летию вхождения в состав Российского государства: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Киров, 23–25 мая 1989 года. Киров, 1989. С. 25.
- ¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 221; Т. 18. С. 272; Т. 26. С. 279.
- ¹⁵¹ См.: *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 107.
- ¹⁵² См.: *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 84.
- ¹⁵³ См.: *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 88, 89.
- ¹⁵⁴ См.: *Закиев М. З.* Этногенез и основные вехи развития булгаро-татар // Проблемы лингвостноистории татарского народа. Казань, 1995. С. 18.
- ¹⁵⁵ См.: *Закиев М. З.* Татары: проблемы истории и языка: Сб. статей по проблемам лингвостноистории, возрождения и развития татарской нации. Казань, 1995. С. 119.
- ¹⁵⁶ См.: *Амирханов Р. М.* Татарская социально-философская мысль Средневековья (XIII — середина XVI вв.). Казань, 1993. Ч. 1. С. 85; Ч. 2. С. 101–102.
- ¹⁵⁷ См.: *Исхаков Д. М.* Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI — начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа... С. 259.
- ¹⁵⁸ См.: *Шавохин Л. С.* Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 19.
- ¹⁵⁹ См.: *Алишев С. Х.* Казанское ханство... С. 38.
- ¹⁶⁰ См.: *Мухамедьяров Ш. Ф.* К вопросу о системе земледелия в Среднем Поволжье накануне присоединения к России // Учен. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1957. Т. 117. Кн. 9. С. 43.
- ¹⁶¹ См.: *Алишев С. Х.* Казанское ханство... С. 195.
- ¹⁶² См.: *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952. С. 57.
- ¹⁶³ См.: *Спасский Н. Т.* Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые «мордовки» // Советская археология. 1954. Т. 21. С. 200–201.
- ¹⁶⁴ О типах государственности см.: *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 548–558.
- ¹⁶⁵ См.: *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 85.
- ¹⁶⁶ См.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978. С. 36.
- ¹⁶⁷ См.: *Алишев С. Х.* Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа... С. 220.

- ¹⁶⁸ См.: Алишев С. Х. Казанское ханство... С. 197.
- ¹⁶⁹ См.: Мухамедьяров Ш. Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958. С. 5.
- ¹⁷⁰ См.: Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 303.
- ¹⁷¹ См.: Алишев С. Х. Исторические судьбы... С. 39.
- ¹⁷² См.: Заходер Б. Н. История восточного Средневековья. М., 1944. С. 117.
- ¹⁷³ См.: Халиков А. Х. Указ. соч. С. 116.
- ¹⁷⁴ См.: Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.). Казань, 1993. С. 24–26.
- ¹⁷⁵ См.: Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 34, 37–38, 247.
- ¹⁷⁶ См.: Алишев С. Х. Исторические судьбы... С. 41, 44.
- ¹⁷⁷ См.: Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 18.
- ¹⁷⁸ См.: Алишев С. Х. Казанское ханство... С. 195–196. Подробнее см.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 663–675, 679–694.
- ¹⁷⁹ Казанская история. С. 326.
- ¹⁸⁰ См.: Перетяткович Г. М. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877. С. 126–127.
- ¹⁸¹ См.: Трепавлов В. В. Указ. соч.
- ¹⁸² См.: Кочкаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алмата, 1988. С. 65, 67.
- ¹⁸³ Сб. РИО. Т. 41. С. 81, 82, 83–84.
- ¹⁸⁴ См.: Кочкаев Б.-А. Б. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁸⁵ См.: Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 141, 145, 149; Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 557.
- ¹⁸⁶ См.: Кочкаев Б.-А. Б. Указ. соч. С. 65, 81, 87.
- ¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 248; Т. 13. С. 9; Т. 20. С. 380.
- ¹⁸⁸ Там же. Т. 8. С. 249; Т. 39. С. 179.
- ¹⁸⁹ См.: Кочкаев Б.-А. Б. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 40; Т. 8. С. 231; Т. 12. С. 242–243; Т. 39. С. 170.
- ¹⁹¹ См.: Худяков М. Г. Указ. соч. С. 570; ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 130.
- ¹⁹² ПСРЛ. Т. 6. С. 40–41; Т. 8. С. 231–232; Т. 12. С. 243; Т. 39. С. 170; Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск, 1995. С. 90.
- ¹⁹³ ПСРЛ. Т. 6. С. 41; Т. 8. С. 232; Т. 12. С. 243; Т. 39. С. 170.
- ¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 44, 46; Т. 8. С. 237; Т. 12. С. 249–250; Т. 39. С. 172.
- ¹⁹⁵ См.: ПСРЛ. Т. 33. С. 134.
- ¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 50; Т. 8. С. 244–245; Т. 12. С. 259; Т. 39. С. 176.
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 50; Т. 8. С. 245; Т. 12. С. 259; Т. 39. С. 176.
- ¹⁹⁸ Там же. Т. 6. С. 246–247; Т. 8. С. 247–248; Т. 13. Ч. 1. С. 6; Т. 20. Ч. 1. С. 379; Т. 39. С. 178; Иосафовская летопись. М., 1957. С. 150–152. Далее: ИЛ.
- ¹⁹⁹ См.: Худяков М. Г. Указ. соч. С. 583.
- ²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 258; Т. 8. С. 260; Т. 13. Ч. 1. С. 25; Т. 20. Ч. 1. С. 391; ИЛ. С. 167.
- ²⁰¹ См.: Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Т. 27. С. 24.
- ²⁰² ПСРЛ. Т. 6. С. 260; Т. 8. С. 263; Т. 13. Ч. 1. С. 28; Т. 20. Ч. 1. С. 393; ИЛ. С. 172.

- ²⁰³ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 583; См. также: Смирнов И. И. Указ. соч. С. 25–26.
- ²⁰⁴ См.: Сб. РИО. Т. 95. С. 251, 295, 661, 663.
- ²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 266; Т. 13. Ч. 1. С. 31; ИЛ. С. 176.
- ²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 266; Т. 13. Ч. 1. С. 31–32; ИЛ. С. 176.
- ²⁰⁷ См.: Алишев С. Х. Исторические судьбы... С. 51.
- ²⁰⁸ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 678–679.
- ²⁰⁹ См.: История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. 1. С. 150; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. С. 59.
- ²¹⁰ См.: Смирнов И. И. Указ. соч. С. 34.
- ²¹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 266–267; Т. 13. Ч. 1. С. 32; ИЛ. С. 177. Интересно, в связи с этим, краткое известие Софийской II летописи, где говорится, что 1 марта 1519 г. «явил князь велики Василей Иванович Городецкому царевичю, Шавляеву сыну, Шаалею царство казанское» (ПСРЛ. Т. 6. С. 263).
- ²¹² См.: Худяков М. Г. Указ. соч. С. 587; Смирнов И. И. Указ. соч. С. 34.
- ²¹³ Сб. РИО. Т. 95. С. 661, 695–696, 706.
- ²¹⁴ См.: Смирнов И. И. Указ. соч. С. 38.
- ²¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 263; Т. 8. С. 269; Т. 13. Ч. 1. С. 37; Т. 20. Ч. 1. С. 401.
- ²¹⁶ См.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 601–602.
- ²¹⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 270; Т. 13. Ч. 1. С. 43; Т. 20. Ч. 1. С. 402.
- ²¹⁸ Там же. Т. 8. С. 270; Т. 13. Ч. 1. С. 44; Т. 20. Ч. 1. С. 402.
- ²¹⁹ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 682.
- ²²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 144. № 172.
- ²²¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 312.
- ²²² ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 541; Т. 6. С. 282.
- ²²³ См.: Дунаев Б. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. С. 27, 77. Прилож.; Смирнов И. И. Указ. соч. С. 53.
- ²²⁴ См.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 176–177.
- ²²⁵ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 15. Заметим, что решение о посольстве в Москву принимало специально созванное собрание представителей «всей земли Казанской» (Герберштейн С. Указ. соч. С. 179).
- ²²⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 272–273; Т. 13. Ч. 1. С. 45, 46, 47; Т. 20. Ч. 1. С. 406.; Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 74; Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 213–215.
- ²²⁷ Казанская история. С. 350.
- ²²⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 273; Т. 13. Ч. 1. С. 47; Т. 20. Ч. 1. С. 406.
- ²²⁹ Там же. Т. 26. С. 312.
- ²³⁰ Там же; Т. 8. С. 273; Т. 13. Ч. 1. С. 47–48; Т. 20. Ч. 1. С. 406–407.
- ²³¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 274–276; Т. 13. Ч. 1. С. 54–56; Т. 20. Ч. 1. С. 407–410.
- ²³² См.: Там же. Т. 8. С. 276–277; Т. 13. Ч. 1. С. 56–57; Т. 20. Ч. 1. С. 410–411; Худяков М. Г. Указ. соч. С. 601–602.
- ²³³ Смирнов И. И. Указ. соч. С. 63.
- ²³⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 280; Т. 13. Ч. 1. С. 66; Т. 20. Ч. 1. С. 414.
- ²³⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 65.
- ²³⁶ См.: Там же. Т. 8. С. 281; Т. 13. Ч. 1. С. 76; Т. 20. Ч. 1. С. 415. Более трагичной оказалась судьба окружения Шах-Али. «Ханских людей» развели по городам: в Тверь, Новгород и Псков (подальше от пределов Казанского ханства). Псковский летописец сообщает о том, что 26 июня 1535 г. 73 человека из числа приближенных Шах-Али были посажены в тюрьму во Пскове «в среднем горо-

де под Боурковским костром от Великие реки на смерть». 7 детей умерло через день, а 8 оставшихся в живых «ни поены, ни кормлены, а тех прибиша» (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 106, 107). В 1536 г. по просьбе Новгородского архиепископа Макария оставшихся в живых во Пскове татар окрестили (Там же. С. 107–108).

²³⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 100; Т. 20. Ч. 2. С. 432–433.

²³⁸ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 603.

²³⁹ ПДРВ. С. 350.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 101–105; Т. 20. Ч. 2. С. 433–435; Т. 29. С. 20–23.

²⁴¹ Там же.

²⁴² См.: Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 63–67.

²⁴³ См.: Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 91.

²⁴⁴ См.: Там же. С. 91–92.

²⁴⁵ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 112; Т. 20. Ч. 2. С. 439; Т. 29. С. 26.

²⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 113; Т. 20. Ч. 2. С. 439–440; Т. 29. С. 27.

²⁴⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 114; Т. 20. Ч. 2. С. 440; Т. 29. С. 27.

²⁴⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 115; Т. 20. Ч. 2. С. 441–442; Т. 29. С. 28.

²⁴⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 115; Т. 20. Ч. 2. С. 442.

²⁵⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 129; Т. 20. Ч. 2. С. 451; Т. 29. С. 35.

²⁵¹ См.: Кидыринязов Д. С. Материалы «Продолжения древней Российской вивлиофики» о русско-ногайских отношениях в XVI веке // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования: Материалы регион. конф. Махачкала, 1994. С. 111–115.

²⁵² Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки: Статьи. М., 1995. С. 337.

²⁵³ Там же. С. 355.

²⁵⁴ См.: Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Ростов н/Д., 1998. Кн. 1. С. 57.

²⁵⁵ Думается, можно согласиться с точкой зрения, недавно высказанной А. Г. Бахтиным. Вопреки мнению, утвердившемуся в историографии, историк полагает, что И. С. Пересветов в своем проекте призывал не к распространению поместной системы на восток, а к эксплуатации проживавшего в Казанской земле населения посредством налогов, различных пошлин и т. п. Каких-либо планов разрешить аграрный вопрос за счет передачи помещикам земель в Среднем Поволжье не существовало ни у правительства, ни у дворянства (Бахтин А. Г. Роль аграрного вопроса в восточной политике России в середине XVI века // Марийский археографический вестник. 1998. № 8. С. 15, 17, 26. См. также: Бахтин А. Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопр. истории. 2001. №5. С. 52–72).

²⁵⁶ Пересветов И. С. Сочинения. М.; Л., 1956. С. 182.

²⁵⁷ См.: Назаров В. Д. Государство, сословия и реформы середины XVI в. в России // Реформы и реформаторы в истории России: Сб. ст. М., 1996. С. 13, 14.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; Т. 20. Ч. 2. С. 464; Т. 29. С. 46.

²⁵⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 147; Т. 20. Ч. 2. С. 465; Т. 29. С. 46.

²⁶⁰ См.: Худяков М. Г. Указ. соч. С. 606. Мы не согласны с М. Г. Худяковым в том, что русский поход 1545 г. был вызван выступлением оппозиции и предполагал поддержку готовящегося переворота. Слишком длительный срок (4 года) про-

шел после присылки казанских послов с подобным предложением. Русское правительство не могло не учитывать произошедших за это время перемен в соотношении политических сил в Казани, что отражалось отсутствием повторных предложений после мая 1541 г. поддержать свержение Сафа-Гирея (*Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 605.)

²⁶¹ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 148; Т. 20. Ч. 2. С. 466; Т. 29. С. 48.

²⁶² См.: Там же.

²⁶³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 148–149; Т. 20. Ч. 2. С. 467.; Т. 29. С. 48.

²⁶⁴ Там же. Разрядные книги содержат известия, которые отличаются от летописных: с челобитием был отправлен черемисский сотник Атачик «с товарищи», обещавший встретить русских воевод за городом Василем, и идти с ними к Казани (Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 110; Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 330).

²⁶⁵ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 149–150; Т. 20. Ч. 2. С. 468; Т. 29. С. 49.; Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 110; Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 330.

²⁶⁶ См.: ПСРЛ. Т. 22. С. 526.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; Т. 20. Ч. 2. С. 475; Т. 29. С. 56.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ См.: *Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 614.

²⁷⁰ См.: Казанская история. С. 352.

²⁷¹ См.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 420–422.

²⁷² ПДРВ. Ч. 8. С. 144–145.

²⁷³ Можно проследить перемену политических настроений в верхах Московского государства летом 1549 г. 6 июля в Москву прибыл казанский посол Бакшанда с предложением мира; царь в ответной грамоте писал, что «похочет миру» и просил прислать «добрых людей» (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; Т. 20. Ч. 2. С. 475; Т. 29. С. 56). А уже в августе царь излагает казанским аристократам, нашедшим приют у ногайцев, план покорения ханства.

²⁷⁴ См.: *Назаров В. Д.* Государство, сословия и реформы середины XVI в. в России // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 14.

²⁷⁵ См.: Там же. С. 14, 17.

²⁷⁶ См.: *Хорошкевич А. Л.* Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Там же. С. 23.

²⁷⁷ См.: Там же. С. 25. Подробнее об этой реформе см.: *Зимин А. А.* К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // ИЗ. Т. 55. М., 1956. С. 345–348; *Он же.* Реформы Ивана Грозного. С. 334–338; 341–342; 344–345.

²⁷⁸ См.: *Зимин А. А.* К истории военных реформ... С. 346. См. также: *Марголин С. Л.* Начало стрелецкого войска // Учен. зап. каф. истории народов СССР Московского обл. пед. ин-та. М., 1939. Вып. 1. С. 47–53; *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 46–52.

²⁷⁹ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 174, 175.

²⁸⁰ См.: Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 363–364; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 158; Т. 20. Ч. 2. С. 475.

²⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 159; Т. 20. Ч. 2. С. 476; Т. 29. С. 57–58.

²⁸² Возражение вызывает точка зрения Р. Ю. Виппера, поддержанная М. Г. Худяковым, о том, что Макарий с 1542 г. по 1553 г. являлся фактическим главой

русского правительства (*Вунпер Р. Ю.* Иван Грозный. М., 1922. С. 34, 35; *Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 623.). Политическая роль Макария ограничена его духовным саном и сводилась к идеологическому обоснованию действий царя и его окружения.

²⁸³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 160; Т. 20. Ч. 2. С. 477; Т. 29. С. 58–59.

²⁸⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 164; Т. 20. Ч. 2. С. 481; Т. 29. С. 61, 161.

²⁸⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 164–165; Т. 20. Ч. 2. С. 481; Т. 29. С. 62, 161.

²⁸⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 165; Т. 20. Ч. 2. С. 482; Т. 29. С. 62, 162.

²⁸⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 165–166; Т. 20. Ч. 2. С. 482; Т. 29. С. 63, 162.

²⁸⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 166; Т. 20. Ч. 2. С. 482.

²⁸⁹ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 172–173; Т. 20. Ч. 2. С. 488–489; Т. 29. С. 68–69.

²⁹⁰ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 174; Т. 20. Ч. 2. С. 490–491; Т. 29. С. 70. «Казанская история» сообщает о том, что при Шах-Али в Казани по решению «всей земли», которое был вынужден признать хан, был обезглавлен глава духовенства — сеид, а его имущество отписано на имя царя. Не было ли это связано с несогласием верхушки духовенства с планом присоединения к иноверному государству? (см.: Казанская история. С. 410).

²⁹¹ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 174–177; Т. 20. Ч. 2. С. 491–493; Т. 29. С. 70–72.

²⁹² См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 177; Т. 20. Ч. 2. С. 493; Т. 29. С. 72.

²⁹³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 177–178; Т. 20. Ч. 2. С. 493–494; Т. 29. С. 72–73.

²⁹⁴ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 178; Т. 20. Ч. 2. С. 494; Т. 29. С. 73; *Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 638–639.

²⁹⁵ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 179; Т. 20. Ч. 2. С. 494–495; Т. 29. С. 74.

²⁹⁶ См.: *Худяков М. Г.* Указ. соч. С. 639; *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. С. 370.

²⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 180–183; Т. 20. Ч. 2. С. 496–499; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 287–290.

²⁹⁸ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 184; Т. 20. Ч. 2. С. 499–500; Т. 29. С. 78–79.

²⁹⁹ См.: Там же. Т. 6. С. 303–315; Т. 13. Ч. 1. С. 184–221; Т. 20. Ч. 2. С. 500–532; Т. 29. С. 79–110, 177–205; Казанская история. С. 458–536; *Курбский А.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 230–258; *Насонов А. Н.* Новые источники по истории Казанского взятия // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 8–25.

³⁰⁰ См.: *Богдановский М.* Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 гг. СПб., 1898; *Каниц Ю. Ф.* Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и взятия онаго в 1552 году // Инженерный журнал. № 9. С. 1173–1178; *Жеребов Д.* Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-инженерный журнал. 1949. № 8. С. 31–42; *Кротков И. А.* Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952. С. 30–38.

³⁰¹ См.: *Михайлов С. М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. С. 26.

³⁰² См.: *Четкарев К. А.* Марийское предание об Акпарсе: Из истории покорения Казани Иваном Грозным // Тр. Марийского НИИ ЯЛИ. 1955. Вып. 7. С. 33–80.

³⁰³ См.: *Димитриев В. Д.* Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России. С. 125–126.

³⁰⁴ См.: *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары, 1993. С. 117–118.

- ³⁰⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 221; Т. 20. Ч. 2. С. 532; Т. 29. С. 110. Организация управления в Среднем Поволжье после взятия Казани подробно рассмотрена в монографии И. П. Ермолаева «Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Управление Казанским краем». Казань, 1982. С. 11–16.
- ³⁰⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 221–222; Т. 20. Ч. 2. С. 532–533; Т. 29. С. 110–111.
- ³⁰⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 228–229; Т. 20. Ч. 2. С. 538–539; Т. 29. С. 214.
- ³⁰⁸ Там же.
- ³⁰⁹ См.: Сафаргалиев М. Г. Заметки об Астраханском ханстве. С. 29, 34.
- ³¹⁰ См.: Там же. С. 35–36.
- ³¹¹ См.: Плетнева С. А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 43.
- ³¹² См.: ПСРЛ. Т. 6. С. 201.
- ³¹³ См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 38.
- ³¹⁴ См.: Сборник РИО. Т. 41. С. 271.
- ³¹⁵ См.: Там же. С. 279.
- ³¹⁶ Там же. С. 381.
- ³¹⁷ См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 39.
- ³¹⁸ См.: ПДРВ. СПб., 1793. Ч. 9. С. 304–305.
- ³¹⁹ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 40.
- ³²⁰ Сборник РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 209–210.
- ³²¹ См.: Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе // Исторические записки. М., 1950. Вып. 34. С. 243.
- ³²² См.: Там же; ПДРВ. Ч. 9. С. 33.
- ³²³ Там же. С. 33.
- ³²⁴ См.: Там же. С. 49.
- ³²⁵ Там же. С. 63.
- ³²⁶ Там же. С. 100–103.
- ³²⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 235; Т. 20. Ч. 2. С. 544.
- ³²⁸ Там же.
- ³²⁹ См.: Там же. С. 149–151.
- ³³⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 235–236; Т. 20. Ч. 2. С. 544–545.
- ³³¹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 241; Т. 20. Ч. 2. С. 548–549.
- ³³² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 241–243; Т. 20. Ч. 2. С. 549–551.
- ³³³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 244; Т. 20. Ч. 2. С. 551.
- ³³⁴ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 244–245; Т. 20. Ч. 2. С. 551–552.
- ³³⁵ См.: Трепавлов В. В. Указ соч. С. 275.
- ³³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 245, 249; Т. 20. Ч. 2. С. 552–555.
- ³³⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 265–266; Т. 20. Ч. 2. С. 568–569.
- ³³⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 273, 274–275; Т. 20. Ч. 2. С. 574–575, 576.
- ³³⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 276, 277, 279, 281, 283; Т. 20. Ч. 2. С. 578–579, 580, 582, 584.
- ³⁴⁰ См.: Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 246.

В. В. Долгов

**Формирование многонациональной
российской государственности:
синтез культурных традиций,
становление нового центра**

Время образования единого русского государства стало и временем зарождения русского этноса. Ушла в прошлое домонгольская система национально-государственных отношений. Древнерусская этнополитическая общность, одним из основных связующих элементов которой служило пусть непрочное, но в своей непрочности стабильное единство русских земель, объединенных родом Рюриковичей и церковной организацией, после разрушения этих скреп пришла в движение. Процессы эти привели в конечном итоге к рождению новой общности, связанной с древнерусской народностью генетически, но отличной от нее по целому ряду существенных признаков. После монгольского нашествия переместился центр русской истории: из регионов, пронизанных оживленными торговыми путями, связанных тысячами нитей с узловыми точками европейской цивилизации, из «открытого всем ветрам» юга ядро национального и государственного развития сместилось в далекий Залесский край, бывшую культурную периферию, которая теперь, в условиях внешней опасности и внутреннего «нестроения», оказалась более подходящей средой для самосохранения этноса. Положение «на отшибе», ставшее причиной некоторой культурной и политической отсталости Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв., в новых условиях обернулось для нее огромным плюсом: будучи менее открыт культурным влияниям, Залесский край оказался и в меньшей степени подвержен случайным набегам кочевников.

Процесс политического «собрания» земель, объединения части восточнославянских территорий под властью Москвы оказал основополагающее влияние на протекание этногенетического развития. Подобно тому как в начальную эпоху Руси политические отношения сыграли главную роль в отделении восточного славянства от остальной славянской массы и образовании древнерусской этнической общности, точно так же, уже на новом этапе, границы будущего народа во многом оказались очерчены пределами распространения власти московского князя. Во всяком случае, векторы политического развития очень часто были направлены в ту же сторону, что и векторы культурного взаимодействия (причем вопрос о том, что же было в данном случае первично, остается спорным и требует особого рассмотрения).

Территориально расширяясь, политическое влияние далеко не всегда следует теми путями, которые предначертаны ему внутренними интенциями развития этнических процессов: под рукой Москвы оказались собраны народы, которым в силу устойчивых качеств самосознания как будто бы противопоказано соединяться в рамках одной цивилизационной общности: славяне, финно-угры и тюрки, христиане и мусульмане, язычники, — все они оказались заключены в пределы одного государства, а значит, неизбежность поиска путей культурного синтеза в той или иной форме оказалась предрешена. Впрочем, Русь изначально имела немалый опыт соединения в целое совершенно различных культурных традиций. Символично, что уже у истоков Руси, в момент легендарного приглашения Рюрика, в единой связке выступали наряду со славянскими и финно-угорские племена. России и в дальнейшем не раз приходилось переживать необыкновенные превращения социальной психологии, в результате которых самые дальние «чужие», ни при каких условиях не мыслимые, казалось, как нечто близкое, вдруг оказывались усвоены (у-свой-ены), размещены среди «своих», вписаны в систему мировосприятия по «эту» сторону черты, отделяющей мир чуждый, страшный, нечеловеческий от мира правильного, дружелюбного, «нашего».

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что на новом историческом этапе процесс культурного взаимодействия с другими народами для Руси должен был протекать более напряженно, чем в предшествующий период. Во-первых, Русь имела за плечами несколько столетий развития, оформившуюся традицию, которая уже

в силу своего возраста не могла быть столь же гибкой, как в начальный период формирования, когда страна стояла перед выбором и могла (если верить «Повести временных лет») с одинаковой легкостью пойти по совершенно разным путям развития: образно говоря, если Владимир I Святославич в качестве равноправных рассматривал возможности принятия Русью и ислама, и иудаизма, и православия, демонстрируя тем самым готовность к свободной культурной трансформации, то для Дмитрия Донского все было гораздо менее просто. Инерция национальных традиций уже представляла достаточно существенную силу, не считаться с которой было невозможно. Более отчетливым и устойчивым стало национальное самосознание. По наблюдениям Б. Н. Флори, в русском обществе «сошло на нет понятие “Русь” (в узком смысле), и области, лежавшие за пределами Среднего Поднепровья, гораздо чаще и последовательнее, чем ранее, стали отождествлять себя с “Русью”. Таким образом, во всем восточнославянском ареале в XIII в. усилилось чувство принадлежности к особой древнерусской народности»¹. С XIV–XV вв. получает распространение отождествление отдельных восточнославянских территорий (Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское) со «всею Русскою землею» и «великим княжением»². То есть этноним и политоним «Русь» был осмыслен как воплощение престижной культурной традиции, родство с которой хотелось подчеркнуть всем государствам, возникшим на восточнославянской территории. Традиция же, будучи воспринята как своя и сакральная, предопределяла направление дальнейшего развития, задавала определенные ориентиры, отклониться от которых было уже сложно (сложно, например, принять ислам, когда традиция как основополагающий стержень мировоззрения диктует православие).

Во-вторых, монголо-татарское нашествие и включение Руси в орбиту политического влияния государства чингизидов сделало гораздо более плотными и болезненными контакты с миром монголов и тюрок-кочевников. Позиция превосходства, периодически подкрепляемая военными успехами, которую удавалось удерживать русской культуре относительно культуры степной в домонгольский период, была надломлена. Это лишило русскую цивилизацию известной доли активности в восприятии инокультурных веяний, идущих с востока. Будучи поставлена в жесткие условия политической зависимости, Русь, сама того не замечая, станови-

лась подчас ведомой, что особенно сильно проявилось в сфере политического сознания и государственного строительства: политическая система монгольской державы оказалась одним из доминирующих образцов для развития отношений власти и подчинения на Руси. Результатом этого стало кардинальное изменение самого духа политической культуры: вечевые начала всеобщей ответственности и заинтересованности населения государственными проблемами, когда государство воспринимается как общее дело, сменяются отношением к государству как внешней силе, обожествляемой и вызывающей потребность сопротивляться, — одним словом, чужой.

Третьим весьма существенным обстоятельством следует считать то, что Византийская империя, на протяжении столетий служившая для Руси цивилизационным ориентиром и источником получения ценных новаций, в XV в. пала под ударами турков. Русь лишилась живого культурного образца. Тем не менее Византия, уже исчезнувшая с политической карты, не перестала оказывать влияние на русскую культуру. Образ ее, тщательно сохраняемый русской национальной элитой, еще очень долго продолжал оставаться значимым. Как свет погасшей звезды, наследие империи и в дальнейшем продолжало озарять русское общественное сознание. Образ Византии после Византии — это уже плод русской культуры, явление совершенно новое, проявление активного творческого начала, когда культура, опираясь на традицию, сама продуцирует значимые образцы для развития. Красноречивым символом отношения Московской Руси к византийскому наследию может служить «шапка Мономаха», которая почиталась на Руси древним венцом византийских императоров, а в реальности представляет собой конструкцию из разновременных византийских и восточных деталей, приобретенных, по предположению Н. В. Жилиной, Иваном Калитой у генуэзских купцов как дорогой византийский раритет³. Пластины, составляющие основу шапки, действительно могли быть деталями поздневизантийского императорского венца-митры⁴, но форма, которую придали этому убору на Руси, исключительно традиционна: подобные шапки с круглой тульей и меховой опушкой, судя по иконографическим материалам, были неотъемлемой принадлежностью княжеского облачения⁵.

Ярким маркером, которым в системе древнерусских представлений отмечалась позиция общества-образца, было понятие «цар-

ство». Если в домонгольский период Русь знала помимо «небесного» лишь одно царство — греческое, то после утверждения верховной власти ордынских ханов, реальное влияние которых на русскую политическую жизнь было несоизмеримо существенней влияния константинопольского императора, царский титул последовательно стал применяться также и к ним. За монгольским ханом со временем были молчаливо признаны права легитимного владыки. Хан стал царем⁶. Этот терминологический нюанс означал весьма существенный факт: теперь для русской культуры существовало два доминирующих ориентира: византийский/православный и степной/восточный. Первый из них бережно сохранялся и сознательно культивировался. Постепенно Византия превращалась из реального партнера по культурному взаимодействию в некоего воображаемого собеседника, в образ ушедшего в небытие учителя, диалог с которым ученик продолжает на протяжении всей жизни. Другой ориентир вторгся суровой реальностью военных поражений и политической зависимости, заставляя силой оружия подчиняться установленным извне правилам: отчужденность степного мира монголов-кочевников от мира городов славян-земледельцев преодолевалась необходимостью совместного существования (необходимостью одинаково настоятельной как для Руси, перед которой стояла задача выжить и сохранить национальную и государственную идентичность, так и для Орды, в благополучии которой русская дань и военная добыча играли не последнюю роль). Волей-неволей приходилось перенимать многое из культуры соседа. И если Орда своим господствующим положением, покаявшимся на военном и политическом превосходстве, получила право свободно брать лучшее, то Русь должна была впитывать прежде всего те культурные категории, которые бы позволили уцелеть. Весьма показательно в этом отношении «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского». Князь Михаил погиб не потому, что пытался оказать сопротивление очевидно превосходящей силе ордынского царя. Политическое господство и даже сам царский статус монгольского владыки не подвергаются сомнению в «Сказании». Михаил согласен поклониться хану, он говорит: «Тобе, цесарю, кланяюся понеже Богъ поручил ти есть царство света сего»⁷. Князь, однако, отказывается пройти сквозь ритуальный огонь и поклониться солнцу и идолам: другими словами, он отказывается исполнить *обычаи* завоевателей. Готовность

признать политическую зависимость, не поступаясь культурной самостоятельностью (здесь следует вспомнить этимологическую близость слов «культура» и «культ»), оказывается недостаточной — князь гибнет. «Сказание» по сути показывает, как жестко было сломлено все то, что не давало Руси проявить должную гибкость в сложной ситуации для проведения нежеланного, вынужденного, но неизбежного и в чем-то даже полезного культурного синтеза. По счастью, слом не стал смертельным. Русская культура, на время согнувшись в почтительном поклоне перед завоевателями, не сломалось, получив тем самым возможность дальнейшего развития. Логика жизни привела к тому, что будущее осталось за теми «многими князьями и боярами», упомянутыми в самом начале того же «Сказания», которые «идяху сквозь огонь и покланяху солнцу и кусту и идолом славы ради света сего»⁸. Вывод, быть может, не очень благороден, но оценочные суждения здесь неуместны. Вряд ли мы имеем моральное право осуждать те многочисленные поколения наших не погибших в войнах предков, прямыми потомками которых мы являемся. Эти поколения спасли не только свои (и будущие наши) жизни, но и живую культурную традицию, которую наследуем мы и все человечество. Нельзя согласиться с весьма (и, кажется, нарочито) экстравагантной точкой зрения И. Н. Данилевского, для которого оправдание действий Александра Невского, отказавшегося от борьбы с Ордой, есть «цинизм»⁹. Историк весьма строг: по его мнению, не кто иной, как Александр, водрузил ордынское ярмо на шею русскому народу¹⁰. Безнадежность сопротивления для него не оправдание — святой князь непременно обязан был победить или погибнуть, иначе ему не придется рассчитывать на уважение И. Н. Данилевского. Следует, однако, заметить, что сопротивление могущественному внешнему противнику для князя — не только вопрос личного мужества, а еще и вопрос ответственности перед вверившим ему власть населением города. Если шансы на победу невелики — он не имеет права рисковать жизнями и судьбами людей. Почему, собственно, предосудительно, что Александр не захотел, чтобы Новгород пополнил список сожженных Батыем русских городов, которые были ничем не слабее Новгорода и Пскова? И. Н. Данилевский присоединяется к шапкозакидательскому настроению новгородцев. Князю, профессионалу войны и политики, расстановка сил была видна лучше¹¹: большинство русских городов *уже*

лежало в руинах, попытка сопротивления силами всего лишь двух волостей действительно была *безнадежной*. Александр, неоднократно доказавший на поле битвы свою храбрость, едет в Орду, «дабы отомолити людии от беды»¹² и освободить русских от обязанности посылать свои полки для участия в татарских походах¹³. Поезда заканчивается для него смертью. Конечно, попытка решить дело миром не столь эффектна, как самоотверженная кончина в лихой сече. Действительно, с позиции сурового ригоризма восточная политика Александра Невского не так впечатляет, как гибель Михаила Черниговского, но направление было выбрано верно. Было положено начало трудному, но единственно плодотворному пути постепенного преодоления дистанции, отделявшей победителей от побежденных, — пути мирного урегулирования и постепенного единения культурных традиций. Чтобы победить татар, Руси самой пришлось стать до некоторой степени «татарской».

Русское царство, провозглашение которого в XVI в. ознаменовало окончательное объединение и централизацию основного массива восточнославянских земель, символически соединило в себе могущество обоих предшествующих царств, значимых для древнерусской культуры: византийского и ордынского. Царский титул московского великого князя символизировал соединение в его персоне сакральной силы хранителя православия, унаследованной от константинопольского императора, и силы политического господства, отвоеванной у татарских ханов. Это событие стало значительным этапом в процессе культурного синтеза, сплавившего в одно целое два совершенно различных потока инокультурных влияний.

Впрочем, полное усвоение указанных значений (царь как власть священная и политическая) стало возможным только после того как было проведено идеологическое отмежевание русского царского титула от его реальных исторических корней. Чтобы титул «заработал» в полную силу, необходимо было доказать его «изначальность» и историческую независимость. Это понятно: допущение о том, что титул имеет не «природный», а «приобретенный» характер, снижало его авторитет, открывало возможность оспорить его законность. Решение этой задачи было подготовлено московскими книжниками задолго до 1547 г., когда произошло венчание на царство Ивана Грозного. Начало разработки идеологического обоснования претензий московских великих князей

на царский титул начинается примерно со второй половины XV в., знаменательного тем, что на него приходится прекращение существования царств-предшественников: 1453 год — падение Константинополя под ударами турков, и 1480 год — падение ордынского ига (а стало быть, появление возможности не признавать в ордынском хане сюзерена — «царя»). Центральное место в идеологической системе, создаваемой для утверждения царского достоинства московских князей, сыграли «Повести о Вавилоне-граде» и их продолжение «Сказание о князьях Владимирских». «Повести о Вавилоне-граде» (произведения, по-видимому, имеющие византийское происхождение) повествуют об основании Навуходоносором нового Вавилона «о семи стенах» и о том, как «экспедиция», снаряженная византийским царем Василием, столетия спустя добывала знаки царского достоинства из заброшенного Вавилона. «Сказание о князьях Владимирских» продолжает рассказанную в «Повестях» историю, описывая, как царские регалии попали затем из Византии на Русь; кроме того, в «Сказании» содержится вымышленная биография русского княжеского рода, который возводился через мифического Пруса к Августу-кесарю — римскому императору Октавиану Августу.

Идеологическое значение названных произведений базируется на двух основных положениях: первое — это идея о поэтапном перемещении всемирного центра власти в ходе мировой истории: сначала из Вавилона в Византию, затем из Византии на Русь¹⁴. Впоследствии (уже в начале XVI в.) эта же идея нашла выражение в сочинении монаха псковского Елезарова монастыря Филофея, который в своем «Послании на звездочетцев» излагает концепцию о Москве как о Третьем Риме. Как было отмечено А. А. Горским, существенной особенностью древнерусских представлений о наследовании царского титула из Византии является то, что «царское достоинство стало рассматриваться как полученное из Византии, но не после крушения империи, а в эпоху ее бывшего могущества»¹⁵. Согласно «Сказанию о князьях Владимирских» «благочестивый царь Константинъ Манамахъ», оказавшись в трудной ситуации, когда ему приходилось вести военные действия сразу на несколько фронтов, решает, как следует из контекста, нейтрализовать одного из серьезных противников — Владимира Всеволодовича Мономаха, и для этого посылает ему целый набор драгоценных императорских регалий. Следует отметить, что литературная кон-

струкция этого пассажа очень напоминает построение рассказа о крещении Руси из «Повести временных лет». В обоих случаях ценное приобретение (крещение в первом, инсигнии во втором) получается в результате военного столкновения с византийским императором, который парадоксальным образом не становится при этом врагом. Смысл столь странного сюжета (война с тем, к кому хочешь приобщиться), в отношении рассказа о крещении был вскрыт еще Н. И. Карамзиным: «Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения, он вздумал, так сказать, завоевать Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя»¹⁶. То есть подобный авторский ход (мы говорим сейчас лишь о литературном приеме) позволял показать преемственность престижной традиции, не давая повода возможным злопыхателям говорить о какой бы то ни было зависимости от олицетворявших ее политических сил. Сходными представлениями, возможно, питался и автор «Сказания». Таким образом, Русь мыслила себя (хотела мыслить) не подхватившей царский венец из рук гибнувшей империи, а отвоевавшей и получившей его по праву сильного: славная победа над славным противником.

Вторая мысль, не менее, а может быть, и более важная, чем идея наследования инсигний, олицетворяющих мировую царскую власть, — это идея об императорском происхождении самой правящей династии. Теория происхождения от Августа дала Ивану III возможность говорить о исконном характере царского статуса русских князей: «мы Божьей милостью государи в своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы»¹⁷. Это было существенно. Русь стала преемницей Византии как новый центр мирового царства, но рюриковичи при этом не являются наследниками византийских императоров — они оказываются равны им, провозглашая себя генеалогически равноправной отраслью, идущей напрямую от императоров «первого» Рима. То есть русские князья оказываются уже изначально предуготовлены к тому, чтобы унаследовать высшую власть. Таким образом, и появление на Руси древних инсигний, и претензии на царский титул оказываются проявлением высшей закономерности, результатом долгого подготовительного пути, пройденного человечеством.

Как видим, под претензии московских князей на царский титул была подведена внушительная база. Русь наконец восприняла идею империи, оставленную без внимания в домонгольское время. Идея провозглашения царства знаменовала очень важный шаг в культурном развитии: Русь окончательно перестала воспринимать себя культурной периферией и силами образованных книжников стала формировать свой образ как образ мирового центра (вспомним, что митрополит Иларион не ставил перед собой столь высоких целей — его задачей было лишь доказать, что Русь «не хуже других»). Существенными шагами в этом направлении, помимо принятия Иваном IV царского титула, стало утверждение сначала автокефалии русской церкви, а затем и учреждение патриаршества.

Вкус к осознанию себя мировым центром косвенно проявился и в возникновении еретических течений: размышлениям на религиозные темы теперь был придан всемирно-исторический масштаб. Русь стала последней хранительницей православия: поэтому ответственность за чистоту и истинность веры увеличивалась и возрастала до размеров вселенских. Это придавало необычайную остроту спорам о вере.

Весьма существенное влияние в деле сознательного прививания на московское великокняжеское древо традиций константинопольского императорского двора сыграл, по общему мнению ученых, брак Ивана III с последним отпрыском византийского правящего дома царевной Софьей (Зоей) Палеолог, благодаря которой Москве удалось из первых рук получить новые образцы оформления государственной власти. По словам В. О. Ключевского, «Софья с привезенными ею греками, издавшими и византийские, и римские виды, могла дать ценные указания, как и по каким образцам ввести желательные перемены. Ей нельзя отказать во влиянии на декоративную обстановку и закулисную жизнь московского двора»¹⁸. «Декорация» эта имела чрезвычайно важное, можно сказать, программное значение — облекаясь в новые одежды, московские князья привыкали и к новому взгляду на самих себя: менялась картина мира. Если раньше «царь» был элементом для общественного сознания Руси внешним, некоей далекой высотой, то теперь нужно было привыкнуть мыслить в качестве наибольшей величины себя самого. Психологически такая перемена всегда влечет большие последствия. «Подростковый»

период русской культуры завершился: Русь вдруг осознала себя «взрослой», точнее, «старшей». Это означало прежде всего, что русская цивилизация отказалась от поиска культурных ориентиров вовне и сделалась самодостаточной, т. к. теперь никто не мог навязывать ей нормы со стороны (ей, единственной и последней христианской державе, надежде мира). На практике объем культурных заимствований, возможно, и не изменился: Русь и раньше проявляла довольно большую самостоятельность в отборе материала для усвоения. Изменилось самосознание. Изменилось отношение к потребности «учиться» у других, к необходимости прибегать к мировому культурному багажу для нужд собственного развития. Быть может, поначалу эти социально-психологические новообразования и не проявлялись особенно сильно, но в дальней перспективе они привели к тому, что Русь, которая в начальный период своей истории была открыта всем влияниям, быстро принимая ценное, гибко реагируя на изменения культурной и политической среды, в конце XVI–XVII вв. превратилась в закрытое общество, для которого основополагающим вектором для прокладывания пути в день завтрашний стали освященные представлением о собственном величии традиции дня вчерашнего. Ощущение самодостаточности переросло в ощущение национальной исключительности и самодовольства. Это привело к существенному отставанию по многим направлениям.

Вопрос о том, можно ли употреблять термин «отставание» при описании процессов культурного развития, является дискуссионным. Начиная с эпохи славянофилов в отечественной исторической науке сильна точка зрения, что положение Московской Руси в сообществе европейских государств следует характеризовать не как «отставание» (в силу негативных коннотаций, составляющих смысловой шлейф этого слова), а как «своеобразие» культурного пути. В наиболее общем виде особенность русского пути видится в том, что он был направлен на духовное совершенствование, в то время как Запад с начала нового времени развивал техническую сферу. Будучи представлено в таком виде, различие Руси и западной цивилизации, конечно, не может быть представлено в виде оппозиции «отставание — преуспевание». Действительно, вряд ли можно сравнить «Великие Четьи Минеи» и телескоп, но есть области, в которых «соревнование» культур выглядит вполне наглядно и не допускает никаких сомнений в правомерности сравнения

по описанному образцу: военная и экономическая. Отрицательные последствия замкнутости как базовой доминанты коллективного сознания проявились и в них. Важным является то обстоятельство, что выход из назревшего вследствие этого национального самодовольства и замкнутости кризиса был осуществлен Петром I путем сознательного возвращения России в положение культурной периферии (на сей раз уже по отношению к западному миру). Таким образом, можно говорить об особой продуктивности для русской истории тех периодов, когда Русь/Россия осознала себя «ученицей», не только открытой, но и жаждущей приобщения к инокультурному опыту.

Но все это произошло несколько столетий спустя. Русь в XIV — середине XVI в. еще весьма активно шла по пути синтеза самых разнообразных культурных приобретений. Две противостоящие друг другу тенденции — стремление отгородиться от внешнего мира и открытость, культурная восприимчивость были одинаково сильны. Долгое время тенденции эти сосуществовали, балансируя и тесно переплетаясь. Непримируемость одних уравнивалась толерантностью других. В Москву часто приглашали иностранных специалистов (в основном из западных стран или Византии), но по приезду иностранцы часто сталкивались с весьма настороженным и холодным приемом. Сложные трансформации претерпели отношения с врагами Руси — татарами: традиционная враждебность, как будет показано далее, стала сочетаться с парадоксальным на первый взгляд сближением позиций, взглядом на них почти как на «своих» и оживлением культурного взаимодействия. Все эти противоречивые культурные движения нашли выражение в процессе создания мощной великорусской державы, государства, в политическом устройстве и культуре которого синтетические черты проявляются с достаточной четкостью. Выделить «входящие» составляющие и механизмы их сочетания в этом сложном образовании — одна из задач настоящей главы.

Мы видели, как, обосновывая исконность царского достоинства московских князей, русские книжники в полную силу используют византийское идейное наследие и внешние формы «декорации» высшей власти. Существенную роль в культурном процессе XIV–XV вв. сыграло также усиление контактов с Южнославянскими землями, через которые на Русь шел приток южнославянских переводов с греческого учительной литературы. Литератур-

ное общение происходило в результате пребывания южнославянских книжников на Руси и русских книжников на Афоне и Константинополе, где те и другие работали во взаимном сотрудничестве¹⁹. Южнославянское влияние привело к подъему в литературе, в которую проникают новые стилистические приемы (так называемое «плетение словес»), и живописи, также получившей новые импульсы для развития. Носителями этих импульсов были приезжавшие (как правило, по специальному приглашению) южнославянские и греческие книжники и иконописцы. Можно перечислить целую плеяду выдающихся мастеров, труд которых оказал несомненное стимулирующее влияние на русскую культуру, дал возможность русским мастерам пройти своеобразный «курс повышения квалификации», расширить профессиональный кругозор, вновь соединиться с «материнским» источником русской цивилизации. Среди наиболее влиятельных фигур одним из первых может быть назван Феофан Грек (1340–1410 гг.) — выходец из Византии, приехавший на Русь уже зрелым мастером. Феофан работал в Новгороде, затем в Москве. Роспись новгородской церкви Св. Преподобного Иова на Ильине улице — единственная дошедшая до наших дней работа мастера, имеющая документальное подтверждение; ему также приписывают иконы деисусного чина Благовещенского собора в Московском Кремле. Художественная манера Феофана ярко индивидуальна, узнаваема, отличается экспрессивностью и темпераментом. В палитре преобладают коричневые оттенки; особую силу образам придают «пробелб» — блики, нанесенные сочными мазками чистой белой краски на оранжево-коричневую основу. Прямого подобия живописи Феофана среди произведений русских иконописцев того периода мы не найдем. Однако совместная работа греческого и русских художников, объединенных в рамках одной артели, не могла не оставить следа, не обогатить русскую иконописную традицию новыми приемами и образами. Бытовую зарисовку уроков мастерства, которые русские художники проходили у приезжего мастера, находим мы в «воспоминаниях» Епифания Премудрого (в его письме к некоему Кириллу Тверскому) о его встречах и беседах с Феофаном. Епифаний вспоминает, что по его горячей просьбе Феофан написал на листе бумаги изображение Софии Константинопольской. Епифаний очень ценил и хранил рисунок — ведь сам он никогда в Константинополе не был и знаменитого храма не видел. И этот-то вот рисунок

оказался очень популярным у московских иконописцев и миниатюристов, многие из которых, по словам самого Епифания, неоднократно затем обращались к нему с просьбой перерисовать набросок «нарочитого изографа» и использовали его в своей работе²⁰. Большое влияние на развитие агиографической литературы в XV в. оказал выходец из Сербии Пахомий Логофет. Его вряд ли можно назвать незаурядным литературным талантом, творческая манера его весьма шаблонна. Однако именно как литературный ремесленник, прекрасно владевший приемами «плетения словес», он замечателен прежде всего своей плодovitостью, оказавшейся весьма полезной для создания массы добротных произведений житийной и исторической литературы, составивших культурную основу для дальнейшего развития русской книжности.

Крупнейшим мыслителем, оказавшим большое влияние на развитие древнерусской философии и книжности в XVI в., был Максим Грек (Михаил Триволис; 1470–1556). Выходец из знатного греческого рода, получивший прекрасное образование, Михаил долгое время жил в северной Италии. Там он общался с деятелями культуры Возрождения, увлекался проповедями Савонаролы, затем постригся в монахи в католическом доминиканском монастыре Сан-Марко. Из Сан-Марко он переезжает на Афон, где принимает постриг в православном Ватопедском монастыре под именем Максим. В 1518 г. афонский книжник Максим по приглашению Василия III, нуждавшегося в переводе и исправлении книг его библиотеки, прибывает на Русь, где его, как и многих его соотечественников (например, иконописца Феофана), прозывают Греком. Келья Максима в Чудовом монастыре становится своеобразным «литературным клубом», «философским кружком». Наследие Максима Грека очень обширно: это и переводы, и богословские труды, и философские произведения. Благодаря его работе на Руси получили распространение многие сведения философского, исторического, лексикографического характера. Наиболее значительным его трудом как переводчика является Толковая Псалтырь: каждый из 151 псалма Максим снабдил символическими интерпретациями, принадлежавшими видным богословам древности: Оригену, Афанасию Александрийскому и др.

В своих сочинениях Максим Грек касается проблем человека и духовного совершенствования, а также рассматривает вопросы общественно-политические. «Слова» Максима Грека обличают силь-

ных мира сего, продолжая традицию нестяжателей. Он рисует Россию в образе неутешно плачущей вдовы, облаченной в черные одежды. Интересны его послания молодому, недавно вступившему на престол Ивану Грозному: «Главы поучительны начальствующим правоверно» (1548 г.); Максим старается внушить царю мысль, созвучную мысли Сократа: повелевать другими может только тот, кто способен повелевать собой. Однако думается, что наиболее существенное положительное влияние на развитие русской культуры оказали все же не оригинальные произведения Максима, а его переводы и наставническая деятельность, через которые Русь могла существенно расширить свой культурный багаж, т. к. других источников знания об античной и средневековой европейской мысли в тот момент почти не было. Наследие Максима Грека ценно прежде всего как образец качественного словесного искусства, ставший ориентиром для его русских последователей. То есть особенно существенной и, если можно так выразиться, полезной была функция Максима как транслятора инокультурных достижений, способного «приготовить» их для восприятия русскими реципиентами. Во всяком случае, для этого он был приглашен на Русь. Именно в качестве иностранного специалиста по вопросам гуманитарного и богословского знания он был востребован московским двором. Максим осознавал всю важность возложенной на него просветительской функции и стремился обеспечить дальнейшее успешное освоение Русью достижений греческой и западноевропейской культуры. Он составил даже своеобразный тест для будущих пришлых учителей, благодаря которому после его смерти в Москве смогли бы разобраться в качестве их подготовки. Это были фрагменты стихов, сложенных «иройскою и елигийскою мерою» (гекзамером и пентамером), которые нужно было предложить для перевода всякому, похваляющемуся мудростью и желающему за счет этого получать кормление. Если претендент на должность штатного мудреца и переводчика справится с переводом предложенных стихов (образцы перевода также были составлены Максимом заранее) и если сможет ответить, какими «ногами» (стопами) сложены данные стихи, то таковой «предобр есть» — его следует жаловать, его услугами можно смело пользоваться²¹.

На «низовом», бытовом уровне греческая культура продолжает оказывать влияние на основную массу населения лишь через

повседневную практику приходской жизни. С XIV в. сохранилось большое количество требников²², содержащих типовые вопросы, которые священник должен был задавать пришедшим на исповедь прихожанам. Вопросы были составлены по византийским образцам. Священнику предписывалось «с тихостью» спрашивать исповедующегося, перечисляя все возможные греховные поступки. Перечень грехов включал немало таких, о которых, очевидно, в русской глубинке и понятия не имели. Но после подобного вопрошания, конечно, кругозор расширялся.

Если говорить о разнообразных смальтах, из которых складывалась мозаика русской культуры периода формирования великорусского государства, следует упомянуть и о влиянии, оказанном византийской и западноевропейской цивилизациями на развитие древнерусской архитектуры. Взаимодействие русского зодчества с иностранными школами всегда было весьма активным. С самых первых шагов монументальное строительство на Руси обнаруживало известную зависимость от приезжих мастеров. Первые храмы, появившиеся в русских городах после крещения, обязаны своим возникновением специально приглашенным византийским строительным артелям, стараниями которых были возведены грандиозные Софийские соборы в Киеве, Новгороде и Полоцке. В дальнейшем практика приглашения иностранных специалистов строительного дела продолжает поддерживаться и князьями других русских земель. Западноевропейские архитекторы, присланные германским императором Фридрихом Барбароссой, принимали участие в возведении белокаменных храмов Северо-Восточной Руси, вследствие чего в декоре Успенского собора во Владимире явственно читаются черты романского стиля. Романский стиль, кроме того, оказал существенное влияние и на архитектуру западнорусских Галицкой и Полоцкой земель (причем там романским оказывается не только декор, но и элементы конструкции). Однако особый размах привлечение иностранных специалистов для возведения больших храмов общенационального значения (сравнимое, быть может, только с эпохой первоначальной христианизации) приобрело в конце XIV — начале XV в., в княжение Ивана III. Выдвижение Москвы на роль общерусской столицы потребовало соответствующего монументального оформления. Первые монументальные здания Москвы возводятся еще при Иване Калите. В отличие от Новгорода и Пскова, где строитель-

ство велось по частным заказам бояр и купеческих артелей, здесь монументальное зодчество с самого начала носило государственный характер. Основной заботой московских князей было, конечно, украшение Кремля. В 1367 г. Дмитрий Донской возводит вокруг города каменные стены (взамен старых деревянных) — белокаменный Кремль. Однако масштаб построек, сделанных при Калите и его ближайших потомках, был явно недостаточен для новой роли города, да и время брало свое — строения ветшали. Современный хорошо всем знакомый ансамбль московского Кремля в общих чертах складывается в эпоху Ивана III. Символическим центром ансамбля великокняжеской резиденции предполагалось сделать Успенский собор (1479 г.), постройка которого должна была отметить переход столичных функций от древнего Владимира (главным храмом которого со времен Андрея Боголюбского тоже был Успенский собор) к Москве. Первоначально строительством собора занимались русские мастера (Мышкин и Кривцов), однако они не смогли справиться с задачей, так как на Руси за несколько столетий утратили технику расчета перекрытий больших пространств, — постройка рухнула. Поэтому строительство решили поручить иностранному (итальянскому) архитектору Аристотелю Фиорованти. Здание собора представляет интересный пример культурного синтеза. Очевидно, Фиорованти сначала изучил вкусы русских заказчиков и образную систему древнерусского зодчества — его постройка внешне продолжает традиции древнерусской архитектуры, но конструктивно это произведение, в котором использованы все достижения ренессансного строительного мастерства: металлические конструкции, техника выведения сводов и пр. Следуя вкусам московской публики, в представлении которой большой собор обязательно должен быть пятинефным, Фиорованти пристраивает к восточному фасаду своего трехнефного собора пять апсид, чтобы соблюсти внешний канон. Удачность произведения итальянского зодчего, сумевшего уловить особенности местного мировосприятия, подтверждается широкой распространенностью формы Успенского Кремлевского собора, повторенной во множестве сходных зданий по всей Руси. Несколько иной пример сплава русской и западной итальянской культуры дает нам Архангельский собор (1508 г., арх. Алевиз Новый), сочетающий стили древнерусского собора и итальянского дворца-палаццо. Здесь ситуация обратная: конструктивно Ар-

хангельский собор представляет собой вполне типичный русский крестово-купольный храм, но его внешний вид, система декора совершенно итальянская. Особенно замечательно оформление фасадов: имея цельное внутреннее пространство, храм тем не менее кажется двухэтажным (дворец-палаццо), членившим фасад лопаткам придан вид пилястр, оформленных с применением классического антаблемента, а в традиционные полукружные закомары вписаны обычные для западной архитектуры того времени «раковины». Идеи, воплощенные в архитектуре Архангельского собора, также были подхвачены русскими зодчими (в частности, и «раковины», ставшие весьма популярным элементом оформления не только церковных, но и светских зданий). Вообще ансамбль Московского Кремля может служить ярким примером синтетического характера русской культуры периода объединения: храмы, колокольня Ивана Великого (1508 г., арх. Бон Фрязин), великокняжеский дворец и стены (1491–95 гг., арх. Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари), построенные итальянцами, соседствуют в нем с произведениями русских мастеров, в которых в свою очередь соединяются традиции разных архитектурных школ (Благовещенский собор). Архитектурный облик столицы складывался тем же способом, каким была сформирован идеологический облик московской державы: из разнородных элементов, смонтированных в соответствии с русскими вкусами и государственными потребностями.

Татарские традиции московского царства питали политическую практику по-другому: никем специально не культивируемые, они проявляли себя исподволь и часто маскировались за греческим декором.

Следует отметить, что ордынский образец оказывал влияние на внутренние сокровенные конструктивные особенности устройства московской Руси, тогда как византийская и западноевропейская традиции касались более внешних сторон. Это восточное влияние, по-видимому, может быть названо в числе основных причин отличия русской политической культуры от западной. Хотя изначально все, вероятно, могло получиться и по-другому (вполне по-европейски). По мнению А. Л. Юганова, «до монгольского нашествия и включения русских земель в состав Монгольской империи существовала возможность альтернативного развития»²³. Однако возможность укрепления вассалитета, который в Западной

Европе стал основой развития правовых отношений (ибо вассал, кроме обязанностей, имел на договорной основе также и права), не реализовалась на Руси. Возобладали отношения недоговорного характера, названные исследователем «министериалитетом»²⁴. «Русские князья, обязанные в новых условиях выполнять волю Орды, не могли уже примириться с независимостью старшей дружины, с ее былыми правами. Становясь “служебниками” ханов, они поневоле впитывали этот дух империи: беспрекословную покорность подданных и безграничную власть правителей»²⁵. Процесс формирования государственных отношений по восточному, говоря условно, образцу шел тем успешнее, что собственные традиции политического быта были весьма неопределенны, а сила официальной идеологии не могла поставить заслон движению в этом направлении потому, что политическая жизнь греческого царства (служившего, как было сказано, идейным образцом), в сущности, тоже строилась на основе подданства/министериалитета²⁶. Таким образом, повинуясь силе полученного культурного наследия, Русь начала движение по пресловутому «своему пути», направленному на укрепление государства в ущерб индивидууму.

Впрочем, нельзя отрицать и личностный фактор в истории, и фактор случайности: последний всполох борьбы за права крупных землевладельцев (укрепление которых могло в перспективе привести к вхождению в обиход практики договорных отношений для средних и низших сословий) пришелся на царствование Ивана Грозного, то есть на то время, когда татарское владычество давно кануло в прошлое. По мнению Н. Е. Носова, страна в эпоху Ивана Грозного стояла на перепутье, «именно тогда решался вопрос, по какому пути пойдет Россия: по пути подновления феодализма “изданием” крепостничества или по пути буржуазного развития»²⁷. Возможно, установлению «подданнической» политической культуры в немалой степени способствовал сильный и властолюбивый характер первого русского царя. Переписка Грозного с Андреем Курбским дает нам материал, иллюстрирующий мировоззрение эпохи. Показательно, что князь Андрей, высказывая по сути претензию на неприкосновенность прав боярства, сам рассуждает временами вполне по-холопски. Логика рассуждений беглого князя ясна: воеводы, «сильные в Израиле», верной службой и покорением «прегордых царств», кажется ему, заслужили доброе отношение к себе Ивана, царь же предал их смер-

ти, чем, по мнению князя, нарушил божественный закон, за что ему еще предстоит ответить. Несмотря на то, что князь апеллирует к божественным установлениям, право высшего служилого сословия на сохранение жизни и имущества он мотивирует их верной службой царю. Таким образом, обоснование личного благосостояния строится им не на провозглашении неких «неотъемлемых», «естественных» прав, а на осуждении возмутительной несправедливости царя, который в контексте посланий Курбского мыслится как единственный источник прав и благосостояния, как хозяин, который по справедливости должен награждать своих слуг, если те хорошо исполняют свои обязанности. Именно на этом противоречии Курбского и «ловит» Иван Грозный. Хозяин всегда сможет найти вину холопу — укорам царя несть числа: князь Курбский в числе прочих бывших соратников и бояр-ослушников оказывается повинен и в смерти первой жены Ивана, и в его несчастном детстве, и в попытке государственного переворота, и т. д. Царь склонен представлять пострадавшей стороной себя. А если так, то холопы вполне заслужили наказание, и помешать в этом царю никто не вправе: «А жаловати есьмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есьмя». Иван ставит в пример князю Андрею его собственного раба — Ваську Шибанова, который «и пред царем и предо всем народом, при смертных вратах стоя, и ради крестного целования» от верности господину «не отвержеся» и выказал готовность умереть за него. Царь упорно указывает князю на его рабское положение: по его словам, Андрея и его предков сам Бог «поручил» деду царя «в работу».

Строя свою аргументацию в той же системе координат, что и сам Иван, князь Андрей, конечно, не признает себя рабом открыто, более того, в одном из своих посланий он даже причисляет себя (как, впрочем, и своего визави) к «мужам рыцерским», но это не меняет дела: психология министриалитета впиталась уже так глубоко, что даже находясь в недостижимом далеке, потомок ярославских рюриковичей не может от нее избавиться. В прошлом остались времена, когда один князь мог сказать другому: «мы — единого деда внуки», а дружина предъявляла требования князю и добивалась их исполнения. Теперь в тоне посланий бывшего боярина звучит лишь обида несправедливо наказанного слуги, и кару на голову хозяина он призывает не большую, чем полагалась в домонгольское время за убийство своего холопа, — угрызения

совести. Быть может, конец XVI в. — последний рубеж, на котором Русь еще могла трансформировать основы политической психологии общества. Окажись князь Курбский не в Литве, а во главе какой-нибудь аристократической фронды, договорные начала в отношениях центральной власти и крупных землевладельцев могли быть восстановлены, но этого не случилось.

Впрочем, вопрос о том, насколько велико влияние на русскую политическую культуру разнообразных внешних воздействий, что является в ней наносным, а что исконным, практически неразрешим. Принципиальную его сложность показал заочный круглый стол, проведенный журналом «Ab Imperio»²⁸.

Мы можем констатировать общее «стилистическое» сходство здания русской государственности с ордынской и византийской. Как выглядело бы оно в других условиях, знать не дано. Можно только предполагать, что внутренние задатки, сделавшие успешным восприятие инокультурных влияний, все-таки были. Зачатки авторитарной системы некоторые исследователи²⁹ находят уже в эпоху княжения Андрея Боголюбского, при котором, по их мнению, происходит изменение характера княжеской власти, набирают силу всходы деспотизма, многими чертами близкого деспотизму поздних московских князей. Однако анализ политических коллизий в Северо-Восточной Руси, проведенный И. Я. Фрояновым, убедительно показывает, что никаких серьезных изменений в сути княжеской власти при Андрее Боголюбском не было³⁰. Таким образом, вопрос остается открытым.

Говоря о восточном (и уже — татарском) влиянии на культуру средневековой Руси, следует отметить то важное обстоятельство, что оно, действуя, как было сказано, исподволь, могло проникать лишь в те сферы, на которых не концентрировалось внимание идеологов. Поэтому ни религия, ни литература не хранят никаких следов воздействия тюркско-монгольской цивилизации. Попытки связать развитие русской архитектуры XII–XVI вв. с восточными образцами также не увенчались успехом. По мнению известного исследователя древнерусской архитектуры П. А. Раппопорта, восточные мотивы, отмеченные в декоре некоторых северо-восточных храмов, обязаны своим появлением не восточным постройкам, а тканям и утвари, хранившимся в княжеских сокровищницах. Русские мастера могли копировать с этих изделий образцы орнамента и переносить их на белокаменную резьбу фасадов.

В то же время несомненно проникновение в русский разговорный язык большого количества татарских слов, обозначающих предметы быта (к ним относится слово «деньги»³¹ и множество других).

Немало восточных заимствований исследователи отмечают в традиционном русском костюме, в который через посредство татарской культуры входят новые фасоны одежды и новые названия для вещей уже известных. На первый взгляд это кажется странным — модными часто становились элементы одеяния злейшего врага. Но факт: в высших слоях русского общества было весьма популярным ношение тафьи³² — маленькой шапочки, подобия тюбетейки, которую, так же как и тюбетейку, не снимали и дома³³. Распространены в одежде русских аристократов того времени были и татарские шапки — род колпака с поднятыми кверху полями с треугольным вырезом спереди. Кафтан, шуба, ферязь, сарафан, — все эти слова имеют восточное (тюркское, иранское, арабское) происхождение, отражающее, судя по всему, и соответствующее происхождение самих предметов. Было бы, конечно, сильным преувеличением говорить о том, что русский костюм можно типологически отнести к восточной традиции, но многие существенные детали его, безусловно, были заимствованы у татар. Сходство одежды русских и татар отмечалось и иностранными наблюдателями. В частности, в трактате «О нравах татар литовцев и москвитян», поданном в 1550 г. великому князю литовскому и королю польскому, автор Михайлон Литвин писал: «У татар длинные туники без складок и сборок, удобные, легкие для верховой езды и сражения; их белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам [татар] грозный вид и устрашают врагов, хотя почти никто из них не носит шлемов. Этому приему также подражают москвитяне (Mosci). А делаются эти шапки из овечьей шерсти, часто моются и, купленные за один грош, (grosso) долго им служат»³⁴.

Одежда в средневековом мире имела значение этно- и социодифференцирующего признака³⁵. В связи с этим весьма показателен тот факт, что на миниатюрах Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи³⁶ одежды русских действительно более всего похожи на одеяния татар — те же остроконечные шапки, о которых писал Михайлон Литвин (в то время как литва, немцы или венгры изображаются совершенно по-иному)³⁷. Это еще одно свидетель-

ство проникновения татарской моды в одежду русских феодалов³⁸, но не только. Будучи этносоциальным маркером, сходная одежда в весьма условном образном языке средневекового миниатюриста должна была знаменовать культурное сходство.

Большое влияние восточной (татарской, а ранее и половецкой) культуры испытало на себе и вооружение русского воина. Тяжелый рыцарский доспех, получивший в XII–XIV вв. широкое распространение в странах западной Европы, не имеет аналогий в произведениях русских оружейников. Необходимость вести боевые действия с легковооруженными степными всадниками обусловила большую гибкость и легкость русского оружия. В вооружении русского воина не было ни тяжелых цельнометаллических кирас, ни полностью закрытых шлемов, ни огромных двуручных мечей, которые были совершенно непригодны для отражения быстрых сабельных ударов. Вполне европейское (варяжское) поначалу вооружение русских дружин времен походов на Константинополь со временем приобретает все более и более восточные черты: каролингские мечи сменяют сабли, русская дружина с ладей пересаживается на коней.

Таким образом, инокультурное происхождение вещи не становилось препятствием к тому, чтобы она не только вошла в общее употребление, но и стала престижной. Мода вообще часто идет вразрез с идеологическими установками. Достаточно вспомнить такое же «ползучее» проникновение американских джинсов в гардероб не избалованного разнообразием повседневного платья советского человека. Штаны американских ковбоев стали своеобразным «троянским конем», посредством которого был разрушен образ врага, формируемый официальной пропагандой. Железный занавес не смог поставить преграду неистребимому явлению социальной психологии³⁹: желание модно одеваться было столь мощным двигателем толерантного мировосприятия, что противостоять ему оказалось невозможно. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что явление это, само по себе незначительное, обнаруживает глубокую закономерность: взаимное сближение культур быстрее всего устанавливается именно на низовом уровне — на уровне неотрефлексированных сфер социальной психологии, на уровне быта, простейших форм хозяйственной деятельности. Копирование понравившихся элементов одежды происходит гораздо легче, чем, например, превращение враждебного государства в друже-

ственное — оно ни к чему не обязывает. Причем не имеет значения соотношение культурных уровней взаимодействующих таким образом обществ. История знает много примеров, когда представители старых, великих цивилизаций перенимали (опять же на низовом, повседневно-бытовом уровне) многие навыки соседствующих с ними и часто враждебных «варваров»: китайцы у монголов, византийцы у турков и славян, римляне — у германцев. В случае Руси и Орды разница не была столь существенной. И хотя напряжение отчуждения между славянским и тюркско-монгольским, мусульманским мирами было изначально очень велико, культурный синтез медленно, но верно развивался, охватывая все новые и новые сферы. Весьма показательный пример изменения стереотипов восприятия дает нам «Сказание о Магамет Салтане» Ивана Пересветова. Удивительно — конструируя в своем «Сказании» очередную социальную утопию, Иван берет в качестве центрального образа уже не далекую, неизвестную, чудесную и будто бы даже православную Индию, как то было в древнерусской литературе и общественно-политической мысли раньше, а вполне известную, мусульманскую Турцию! Махмет-салтан представлен им как образец идеального государя, мудреца и воина. Фигура его в «Сказании» выписана подробно и величественно, и, напротив, единоверные греки выглядят мелко и почти комично. Если мусульманская страна могла быть выведена в качестве примера православному царству — налицо существенное изменение общественного сознания, существенная трансформация картины мира. Произошло то самое у-свой-ение «чужого», о котором говорилось выше. Этот пример не единственный. Не менее интересную трансформацию мы наблюдаем в «Казанской истории», согласно которой Иван Грозный устраивает поход на Казань, «ревнуя прадедом своим, великому князю Светославу Игоревичу, како тои многажды Греческую землю плени, столь далече ей сущи от Руския земля расстоянием, и дани великия со Царяграда имал со благородных грек, победивших Трою предивную и прегордого царя перского Ксера. Той же великий князь Светослав по Дунаю стоящих 80 градов болгарских взя. Поревновав же сыну его во благочестии сиявшему, православному и великому князю Владимиру и державу свою Русскую землю святым крещением просветившему, яко взя великий град Корсунь и ины земля, многие языци работаху ему, дани дающе, и надо всеми враги его рука бе высока. Вельми же позави-

де и Владимиру Манамаху, како же той подвижесе на греческого царя Костянтина и Манамаха великим ополчением ратным, не хотевшу греческому царю мира поновити дани давати по уложению прежде бывших его царей с великими князми рускими; великий же князь Владимир Манамах шед всю Фракию начисто половева, и Халкидониду, и окрестныя области Царяграда греческий все пусты положи, и возвратися на Русь с великою корыстью и со многим богатством, попленив царство Греческое»⁴⁰. То есть поход на «царя казанского» Иван устраивает «поревновав» своим предкам, ходившим походами на царей **греческих**! В приведенном историческом обосновании похода (весьма пространным) нет ни слова о борьбе тех же Святослава Игоревича, Владимира I и Владимира Мономаха ни с хазарами, ни с печенегами, ни с половцами (которые с позиции современного научного знания кажутся гораздо более близки татарам), и, напротив, греческие цари (единоверцы) оказываются поставлены в один ряд с потомками золотоордынских ханов.

Превращение татар из страшных врагов, в образе которых терпящей поражение за поражением Руси виделись inferнальные черты, в партнеров в сфере культуры началось достаточно рано: едва прошел первый страх и жизнь начала возвращаться в прежнюю колею. Как ни велико было первоначальное неприятие, уже очень скоро русские князья начинают использовать ордынские отряды в междоусобной борьбе — это не было ново. Столетиями раньше подобным образом произошло сближение с прежними соседями-кочевниками — печенегами и половцами⁴¹. Ситуация была похожа: сначала князья, загнанные в угол своими более успешными братьями, обращаются к кочевникам лишь в самом крайнем случае, когда исчерпаны все остальные возможности продолжать борьбу (Святополк Окаянный), затем подобного рода контакты становятся все более и более регулярными (Олег Святославич), а уж со временем почти в обычное дело превращаются династические браки (Мстислав Удалой, Юрий Долгорукий). Известный по реконструкции Герасимова портрет Андрея Боголюбского, который был рожден от смешанного русско-половецкого брака, может служить символом эпохи: у варяжских по происхождению русских князей начинают явственно проявляться монголоидные черты — князь Андрей имеет крутые скулы и миндалевидный разрез глаз. Летопись сохранила информацию о половецких ханах, носивших

христианские имена. У нас, правда, нет сведений, чтобы русских княжон отдавали замуж за степных владык, но теоретически это было возможно в том случае, если представитель тюркской аристократии принимал христианство (ведь русские источники вообще молчат о межнациональных браках, в них нет ничего ни о союзе Анны Ярославны с Генрихом Французским, ни о браке Елизаветы с Харальдом Сигурдарсоном — обо всем этом мы узнаем из источников западного происхождения). Таким образом, сближение двух народов продвигалось достаточно быстрыми темпами. К XIII в. наметилось сближение столь тесное, что во время прихода монголов русские войска по просьбе хана Котяня (тестя Мстислава) вышли в степи для того, чтобы помочь половцам отразить неожиданную опасность. Теперь все повторялось на новом уровне. Татарские рати стали существенным фактором межнациональной борьбы. От подчинения или неподчинения требованиям хана зависела политическая карьера: уже Александр Невский, который, как говорилось, занял позицию мирного урегулирования отношений с Ордой, вольно⁴² или невольно⁴³ получил от этого политические выгоды. И в дальнейшем умение наладить контакт с татарами (умение, очень раздражающее ригористически настроенных историков) служило залогом политического успеха. Со временем настала пора и смешанных браков — московский князь Юрий Данилович был женат на сестре хана Узбека Кончаке, которая приняла христианство и стала называться Агафьей. Русский полон, безусловно, оказывал влияние на антропологический и культурный тип самих татар. В более позднее время в Казани существовала русская диаспора. И снова, пройдя через боль, кровь и страх, взаимоотношения стали приобретать более мирный характер. Толерантный тип межнациональных контактов неизменно занимал в русской истории доминирующее положение — иного выхода не было. Со времени Василия II Темного мелкие татарские ханы начинают переходить на службу к московским князьям. Появляется новая социальная группа — служилые царевичи⁴⁴. Первыми из них были Касим и Якуб, братья Махмута, унаследовавшего трон от отца, первого казанского хана Улу-Мухаммеда. Василий пожаловал их уделом за помощь, оказанную ему во время борьбы со звенигородской ветвью потомков Калиты. Городец-на-Оке, куда Касим переселился со своей ордой, стал его главной резиденцией. Со временем в изначально русском городе появились

мечети и иные свидетельства влияния восточной культуры, он стал называться Касимов. Возникла этнографическая группа касимовских татар — потомков орды, пришедшей с Касимом и Якубом. Многие русские аристократические роды берут начало от представителей татарской знати (князя Мещерские, Юсуповы, род Годуновых, который по генеалогической легенде происходил от татарского мурзы Чета и пр.). Вне зависимости от истинности этих генеалогий (многие из которых подвергаются ныне сомнению) сам факт, что московские роды считали для себя престижным (во всяком случае не менее почетным, чем быть потомками русских или литовских родов) выводить свои корни из татарской знати, уже о многом говорит. Это явление общественного сознания, по-видимому, сохранилось с тех пор, когда ордынский царь признавался на Руси легитимным владыкой, стоящим выше любого представителя местной, пусть даже и княжеской династии. Генеалогические связи представителей русской и татарской аристократии показаны в «Очерках по истории Казанского ханства» известного историка М. Г. Худякова: исследователь писал о судьбе пленного казанского хана Али, потомство которого вследствие политических коллизий оказалось на Руси, было крещено и посредством браков объединилось со знатнейшими княжескими московскими родами (Мстиславские, Шуйские, Бельские)⁴⁵. Новый импульс для генеалогического сближения был дан взятием Казани, после которого, по словам автора «Казанской истории», «вои же рустии, избираючи великорожденных казанцев малыя дети, отроки и красные отроковицы, и жены доброличныя богатых и добродородных мужей, и в пленъ взяша многих, и овяхъ себе в работу сведоша, овехъ же, крестивша, в жєны себе пояша; отроки же и девицы в сыны и во дщєри место держать паче имущє своих детей»⁴⁶ (курсив мой. — В. Д.). Объединение правящей элиты свидетельствовало об определенном этапе межкультурного синтеза: как раз о том, что под татарским владычеством Русь сама стала отчасти «татарской». Символическим действием, отметившим сближение элит, стало «театральное» назначение крещеного татарского царевича Симеона Бекбулатовича «государем московским», устроенное Иваном Грозным в 1575 г. Страшная игра, затеянная Иваном, очевидно, должна была показать преемственность власти московских государей от татарских ханов, преемственность, игнорируемую официальными идеологами. В этом и заключалась царская

ирония, в этом была суть фарса: православный государь — и с татарским лицом.

По обоснованному мнению М. Г. Худякова, влияние татарского политического и социального уклада на русскую культуру весьма велико. М. Г. Худяков присоединился к мнению М. Н. Покровского о наследовании Русью татарской системы податного обложения и сошного письма. Масштабные общегосударственные переписи населения были введены татарскими завоевателями. К татарскому наследию исследователь относит развитое делопроизводство московского государства, методы дипломатии, многие аспекты военного дела. Худяков указывает на весьма важные параллели социально-политического строя: сильная власть верховного правителя (хана — великого князя), боярская дума — совет карачи и пр. Весьма интересным кажется сближение земских соборов и курултаяв: «Из описания курултая 14 августа 1551 года, приведенного в “Царственной Книге”, мы знаем о составе собрания “всей Казанской земли”. Нет сомнения, что собрания в таком же составе были известны казанцам и ранее <...>. В России земский собор появился накануне падения Казанского ханства, и нельзя не обратить внимания на тождество состава первых земских соборов и курултая. “Стоглав” 1551 года был соединением “властей” (духовенства), “Синклита” (боярской думы) и представителей “воинства”, а в курултае также участвовали духовенство, князья и огланы»⁴⁷. То есть Земские соборы обнаруживают сходство с казанскими курултаями не только по функциям, но и по принципу построения. «Трудно думать, — пишет далее М. Г. Худяков, — о случайности совпадения в составе двух этих собраний, состоявшихся в одном и том же году. Вопрос о том, откуда направлялось заимствование, очевиден: для Казанского ханства “собор всей земли” был старым привычным учреждением, для нарождавшейся новой России он был нововведением»⁴⁸. Несомненно, что Земские соборы имели и местные источники — вечевые собрания, княжеские съезды, соборы духовенства, но «не следует ли к этим образцам добавить еще более близкий — совет “всей земли”, практиковавшийся у татар, ближайшим образом — в Казанском ханстве?»⁴⁹ Даже если указанное сходство не дает оснований говорить о прямом заимствовании, нельзя не признать определенную когерентность русской и татарской политической культуры, открывавшую дорогу для обоюдного влияния.

Более того, при ордынском посредничестве до Руси дошли импульсы от весьма отдаленных цивилизаций. Введенные монголами налоговая и административная системы не были собственно их изобретением (ведь в момент завоеваний монгольские племена находились на родовой ступени развития) — механизмы управления огромной империей были заимствованы монголами у покоренных китайцев, обладавших длительной, насчитывающей не одно тысячелетие традицией государственного строительства⁵⁰. Посредством Орды доходили до Руси и арабские влияния.

Впрочем, проблема воздействия монголо-татарского завоевания на становление российской государственности, очевидно, останется предметом научного и историософского анализа еще в течение достаточно долгого времени. Сложность ее очевидна⁵¹.

Весьма яркую иллюстрацию того, что отношение к татарам как к «чужим» со временем трансформируется в более сложный комплекс представлений, в котором они оказываются уже отчасти «своими», могут служить некоторые сюжеты русского эпоса. Как известно, в былинах «татары» обычно выступают в качестве главного врага Руси. Этноним «татары» вытеснил из фольклора названия более ранних соседей-кочевников (хазар, печенегов и половцев). Битвы с татарами — основное занятие богатырей. Тем не менее существует комплекс былинных сюжетов, в которых татарин (обычно он выступает под именем Сокольника или Подсокольника) оказывается на поверку сыном Ильи Муромца. Обычно Подсокольник в качестве неизвестного вражеского богатыря-нахвалящика появляется в окрестностях богатырской заставы, на которой несут службу самые известные русские богатыри: Добрыня Никитич, Алеша Попович и др. Старшим на заставе — Илья. Богатыри вступают в единоборство с Подсокольниковым, но победить его оказывается под силу лишь Илье. В решающий момент, когда Илья уже сидит на груди поверженного противника и собирается «пластать» его «белые груди», вдруг выясняется, что это его сын, рожденный женщиной, с которой обретенный отец когда-то имел мимолетный контакт. Радостная сцена узнавания, однако, как правило, вдруг сменяется вспышкой ненависти со стороны Подсокольника, обиженного тем, что Илья в свое время бросил их с матушкой на произвол судьбы. Былина заканчивается трагически — Илья все-таки убивает Подсокольника, что не меняет сути дела и главной идейной линии эпической песни — «чужой»,

враг оказывается вдруг сыном, абсолютно и непререкаемо «своим», родным.

Самобытный сплав русской (восточнославянской) и татарской культур составил основу казачьего быта. Первоначально казаки — явление ордынского общества. Русскими летописями в XIV в. фиксируются «татаровья ординские казаки». Это были своеобразные военные формирования, кочевавшие в южнорусских степях и не подчинявшиеся официальным властям. Социальную основу первоначальных казаков составили выходцы из татарских орд, не имевшие никакого другого достояния, кроме личной свободы. Собственно, слово «казак» и обозначает «свободный». Основным источником доходов казаков были грабительские набеги на соседние территории. Со временем в казачьи отряды начинают проникать и славяне. Свободное воинское братство оказалось совершенно безразличным к этнической и религиозной принадлежности своих членов⁵². Самой историей был поставлен удивительный культурологический эксперимент — две антагонистические культурные традиции гармонично слились в единое целое, сохранившее почти в равных долях наследие обеих. Сам факт, что русские беглые холопы и крестьяне, разорившиеся дворяне и прочий люд, потерявший место в жизни на родине, находили прием и естественно вливались в татарские отряды, говорит по крайней мере о двух вещах: во-первых, о том, что исторически сложившийся образ врага сильно к тому времени потускнел (это сделало возможным саму немыслимую прежде ситуацию — поиск пристанища у татар). Во-вторых, это свидетельствует о наличии в русском общественном сознании эпохи возвышения Москвы весьма развитых механизмов культурной восприимчивости, об отсутствии психологической замкнутости и широте взгляда на межнациональные отношения. Со временем славянский компонент вытеснил из казачьих отрядов собственно тюркский. Тогда к слову «казак» прибавился эпитет «вольный», тавтологический, как мы видим. Это свидетельствовало о преобладании славян, которые уже не знали изначального значения слова «казак»; но огромный пласт восточной культуры все же был сохранен. Достаточно упомянуть названия высших казачьих чинов: атаман, есаул — они имеют, как и само слово «казак», тюркское происхождение. Сам внешний вид запорожского казака напоминает о славяно-тюркском синтезе: длинные усы и оселедец на выбритой голове имеют буквальное сходство с

внешностью русов, описанной византийским автором Львом Дьяконом на примере князя Святослава Игоревича. Шаровары, до сегодняшнего дня остающиеся элементом национального⁵³ казачьего наряда, являются традиционно восточным, тюркским элементом⁵⁴ (на Руси на протяжении всего допетровского времени бытовали европейского кроя штаны с узким шагом).

В южных и восточных губерниях европейской России получило распространение тюркское название плуга — сабан⁵⁵, хотя логично было бы ожидать обратного заимствования, ведь славяне перешли к оседлости раньше татар (во всяком случае раньше той их части, которая происходит от монголов и куманов-половцев). Однако пути культурного влияния часто неисповедимы и развиваются странными путями. Возможно, здесь сыграла свою роль болгарская или среднеазиатская земледельческая традиция, впитанная татарской культурой (также носящей ярко выраженный синтетический характер). Тем не менее все-таки до конца непонятно, как тюркское слово могло вытеснить из русского языка изначальный славянский эквивалент.

Интересным фактом культурного взаимодействия является выпуск русских монет с татарской легендой, причина производства которых заключалась в заинтересованности московского правительства в освоении денежного рынка Казанского ханства. Чеканилась монета с татарской надписью «это денга московская»⁵⁶.

Конечно, процесс заимствований имел двусторонний характер. Очевидно, процесс синтеза облегчался тем, что татарам было в принципе чуждо культурное высокомерие: в отличие от западных завоевателей, они не оказывали давления на религию и общественные устои покоренных стран. Орда Чингисхана была открыта для принятия новаций — монголо-татары учились у побежденных народов и стремились воспринять все то лучшее, что у них было, особенно в военной сфере. Во многом именно это стало залогом их потрясающих успехов. Не оказывали они культурного давления и на Русь.

Особенно существенным было терпимое и даже уважительное отношение татар к православию. Со свойственным язычникам религиозным плюрализмом они, судя по всему, испытывали почтение к жрецам любой веры, допуская вероятность того, что доступ к высшим силам могут иметь не только их шаманы, но и «шаманы» других народов. Каким бы странным ни казалось «сравнение

завоевателей», но это факт — татары выступают в данном случае меньшим злом именно из-за их отношения к вопросам веры, которая имела для средневекового мировосприятия первостепенное значение. Учреждение сарайской епархии дает нам представление о мере их терпимости. Едва ли в случае захвата некоторой части Руси католическим рыцарским орденом нечто подобное оказалось бы возможно. Между тем в русской истории было немало моментов, когда именно православная церковь оставалась чуть ли не единственным связующим звеном, державшим память об единстве русских земель. Церковь была хранительницей духовных традиций, с ее деятельностью было связано сохранение высшей, элитной части культуры, выработка символов групповой идентификации и формирование национального самосознания. Церковная среда в эпоху средневековья — это «инкубатор» интеллектуальной элиты. Удар по ней стал бы смертельным для формирующегося народа, далее последовал бы разрыв внутренних связей и ассимиляция.

Золотая Орда приняла ислам. Это было обусловлено преобладанием на покоренной монголами территории именно этой религии. Но принятие христианства Кончакой, сестрой хана Узбека (при котором начинается исламизация ордынского общества), показывает, что толерантное отношение к православию сохраняется и после принятия ислама. Церковные иерархи пользуются у монголов авторитетом, позволяющим успешно решать дипломатические задачи (митрополит Алексей).

Культурная рецепция на «низовом» уровне, на уровне хозяйственно-бытового уклада, начинается с переходом татар к оседлости. Впитав образ жизни местных народов, оседло живших на территории, захваченной монголами до нашествия, они немало переняли и от русских соседей. Этнографические наблюдения хозяйственно-культурного типа казанских татар показывают его известную близость русскому. Некоторые предметы быта, отсутствовавшие при кочевом способе жизни, войдя в обиход, получили русские названия (например, стол — эстэл, кровать⁵⁷ — карават, матица — матча). Но более всего оказалась подвержена влиянию элита (что закономерно). В Москве «на воспитании» находились татарские царевичи. Так, например, казанский хан Мухаммед-Эмин до восшествия на престол с 10 лет жил в России, где ему в удел был дан город Кашира⁵⁸, что впоследствии предопределило его про-

московскую политическую ориентацию. По сути, уже до присоединения в эпоху Ивана III Казань постепенно втягивалась в вассальные отношения с Русью. Интеграция была достаточно глубокой. Иван Грозный лишь завершил этот процесс.

Детально механизмы культурной восприимчивости и терпимого, благожелательного отношения к иному образу жизни мы можем рассмотреть в знаменитом «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Произведение это уникально тем, что дает нам возможность узнать простого, не книжного (то есть не интеллектуала-профессионала) человека в ситуации погружения в совершенно для него чужую, новую культурную среду, проследить его реакции, увидеть, какими предстали ему иноплеменники.

В 1468 г. Афанасий Никитин отправляется с торговым караваном в путешествие, целью которого была Шемаха. Караван двигался в сопровождении посла татарского ширваншаха Асанбега и шедшего в том же направлении посольства Ивана III, возглавляемого Василием Папиным. Это, однако, не уберегло путешественников от несчастья: в низовьях Волги они попали в засаду и были ограблены татарами. В надежде поправить положение Афанасий решает двигаться вперед в поисках выгодных закупок восточных товаров. Три моря, за которые совершил свое вынужденное путешествие Афанасий Никитин, — это Каспийское, Черное и Индийский океан. С 1468 по 1475 г. он посетил Кавказ, Персию, Индию, Турцию, Крым. Записки Афанасия носят дневниковый характер и не отличаются стройностью композиции, по-видимому, автор не успел или не сумел их упорядочить (не доехав до дома, он умер под Смоленском). Известный исследователь древнерусской литературы академик Н. К. Гудзий так охарактеризовал авторскую манеру тверского купца: «Язык Афанасия очень безыскусственный; фраза предельно проста по своему синтаксическому строению. Церковнославянские слова и обороты в ней почти отсутствуют, но зато в значительном количестве вводятся слова персидские, арабские, тюркские — признак своеобразной национальной терпимости Афанасия, совмещающейся у него с сильной любовью к родине. Речь его фактична и деловита и лишь изредка перебивается лирическими отступлениями, в которых находит себе выражение скорбь автора по поводу оторванности от родного ему религиозного уклада и от родной земли»⁵⁹.

Записки Афанасия в корне отличаются от произведений того же жанра, но написанных учеными-книжниками более раннего времени, например от «Хождения во Святую землю» игумена Даниила. Игумен Даниил видит то, что ожидает увидеть, он путешествует по местам, о которых он давно и много читал, это несколько сужает его кругозор и ограничивает остроту восприятия: во время путешествия он только и делает, что шагами или пядями восторженно измеряет предметы, знаменитые в священной истории. Совсем не то у Афанасия — психологизм его произведения несоизмеримо более тонок, в отличие от сочинения игумена, чье путешествие прошло более или менее гладко. Афанасию знакомо и душевное смятение, и страх. Это заставляет его глубже чувствовать, а отсутствие изощренного образования делает его описание гораздо менее трафаретными, чем у книжного Даниила. Мы находим в сочинении Афанасия не грамотно выстроенную ученую риторику, а размышления и эмоции — этим оно особенно ценно для воссоздания психологического состояния человека русского средневековья, попавшего на чужбину. Более всего внимания в тексте путевых заметок уделено Индии, которая предстает в образе совершенно отличающемся от того, что был рассмотрен нами ранее на примере «Повести временных лет» и «Сказания об Индийском царстве». Это уже не утопическая страна, населенная фантастическими существами, более того, «Хождение» Афанасия выглядит вполне свободным от каких бы то ни было книжных реминисценций. Чудеса и странности в нем не выдуманные, а настоящие, увиденные собственными глазами.

Особенности быта и нравов людей описываются Афанасием без тени предубеждения или осуждения. Он далек от намерения считать чужие обычаи глупыми или бесстыдными (как то часто бывает в подобного рода текстах, написанных в разное время и в разных местах) только лишь потому, что они отличаются от обычаев, принятых у него дома. Сохраняя доброжелательность, Афанасий наблюдает течение жизни чужой для него страны: «И тут есть Индейская страна, и люди ходят нагые все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родяты на всякий год, а детей у них много, а мужи и жены все нагые, а все черны»⁶⁰. Примечательно, что Афанасий прекрасно осознает, что если для него черные обитатели Индии выглядят необычно и удивительно, то и он сам для них странен и удивите-

лен не менее, и относится к этому с пониманием: «Яз хожу куды, ино за мной людей много, дивяться белому человеку». «А князь их — фота на голове, а другая на гузне. А бояре у них ходят — фота на плеще, а другая на гузне, а княгини ходят — фота на плече обогнута, а другая на гузне, а слуги княжия и боярьския — фота на гузне обогнута, да щит и мечь в руках, а иные с сулицами, а иные с саблями, а ины с луки и стрелами, а все нагы, да босы, да болкаты, и жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы, а паропки да девочки ходят нагы до 7 лет, а сором не покрыт»⁶¹. В наблюдениях очень многое должно было показаться тверскому путешественнику соотносительно с русскими представлениями верхом неприличия: это и непокрытые голова и грудь женщин, не покрытый «сором» детей, но у него и следа нет осуждения. Трогательная манера Афанасия использовать для описания индийских социальных и бытовых реалий чисто русские термины: индийские раджи становятся у него князьями, придворные — боярами, слоновий хобот он именует рылом, бивни — зубом, бояр носят у него на серебряных кроватях, набедренную повязку на статуе Шивы именует он ширинкой, сонм женских индуистских богинь — «жонками Бутовыми» и др. Много пишет Афанасий и о социальном и политическом устройстве: «во Ындейской земли княжать все хоросанци, и бояре все хоросанци; а гундустанци все пешеходы...»⁶²; «а земля людна вельми, а сельские люди голы вельми, а бояре сильны добре и пышны вельми»⁶³.

Но более всего интересны и показательны для понимания идейного багажа Афанасия его религиозные воззрения, детально проанализированные А. Л. Юргановым⁶⁴. Веру тверской купец понимает как совокупность религиозных обрядов и внешних правил, касающихся не столько внутреннего чувства и убеждений, сколько образа жизни: соблюдения праздников, формы отправления богослужения, соблюдения пищевых запретов. «Веру» можно «оставить», «веру» можно «сказать», ее можно и «позабыть». «“Вера” не стала еще автономной частью мироощущения человека, “уверенностию в вещах невидимых”. Она требовала ежедневного подтверждения причастности, — и само это подтверждение олицетворяло собой “веру”, т. е. истину, данную в определенных правилах. Потому-то и печалился Афанасий Никитин о вере, которую он “не сохранил”. Не сохранил в чистоте»⁶⁵, т. к. был лишен книг и находился вдали от родины, без помощи священника. Для него

это большая утрата, которую он переживает очень болезненно.

В результате его религиозное мировоззрение претерпевает существенную трансформацию. Виденные им картины чужой жизни, в которую он погрузился с головой, приводят его к убеждению, что Бог един, а способы почитания его могут быть разными. Это была своеобразная реакция на угрызения совести, вызванные несоблюдением норм православного благочестия, предписываемых церковью. То, что было легко делать, живя в родной стране (соблюдать праздники, ходить в церковь), на чужбине оказалось практически неразрешимой проблемой. Отсутствие возможности поддерживать тривиальные «бытовые» христианские установления в обстановке насущной потребности в религии, своеобразного «душевного голода», придают его мировоззрению необыкновенную широту. Нельзя сказать, что Афанасий проникся симпатией к исламу, он всячески сопротивляется окончательному омусульманиванию, к которому его неоднократно принуждали обстоятельства, но парадоксальным образом в его молитве вдруг возникают мусульманские пассажи. Он пишет, что, не зная точно сроков православного поста, он держал пост вместе с мусульманами⁶⁶. То есть тверской купец XV века, свято убежденный в истинности своей религии, попав в инокультурную атмосферу, оказался способным не только преодолеть традиционную ксенофобию и признать возможность обладания истиной представителями иной веры, но и частично впитать элементы чуждого мировоззрения, сделать их «своими». И хотя далось ему это нелегко (что понятно: еще со времен Феодосия Печерского хвала чужой вере воспринималась на Руси как унижение своей), но важен результат. Обращаясь к Богу, Афанасий использует то славянское «Богъ», то арабское «Олла».

Не меньше благожелательной терпимости и даже восхищенного любопытства находим мы и в описании стран Западной Европы, содержащемся в «Хождении на Флорентийский собор» — путевых заметках русской делегации, принимавшей участие в церковном соборе католического и православного духовенства, состоявшемся во Флоренции в 1439 г. «Хождение» сочетает традиционный для этого жанра произведений «дорожник» (близкий форме греческого проскинитария — путеводителя⁶⁷) — перечисление географических объектов в хронологической последовательности путешествия и очерковые описания виденного с выражением

чувств и переживаний автора⁶⁸. Чужие обычаи, быт далеких стран не вызывают в авторе ни малейшего неприятия. Наоборот, главная эмоция произведения — удивление. Особенно поначалу все кажется русским путешественникам «чудным»: постройки, водопроводы, фонтаны, башенные часы и пр. Особенно часто восхищенная реакция сопровождает описания виденных скульптур («круглая», т. е. объемная, скульптура была нехарактерна для древнерусской художественной пластики), которые кажутся русскому наблюдателю очень похожими на живых (он так и пишет — не «статуи», не «болваны», а «люди»): «И среди града того суть столпы устроены, в меди и позлащены, вельми чудно, трею сажень и выше; и у тех столпов у коеждо люди приряжены около тою же медию; и истекают ис тех людей изо всех воды сладки и студены; у единого из уст, а у иного из уха, а у другого из ока; а у инаго из локти, а у инаго из ноздрию, истекают же вельми прулко, яко из бочек; те бо люди видети просте, яко живи суть, и те бо люди напояют весь град тои и скоть; и все приведение вод тех вельми хитро, истекание и несказанно»⁶⁹. Давшее столь много великолепных впечатлений посольство, как известно, кончилось ничем: митрополит Исидор, подписавший унию, был низложен, Русь не присоединилась к тактическому союзу греческого православия и католической церкви, но «Хождение» вошло в комплекс древнерусской литературы и осталось источником сведений о Западной Европе на несколько столетий, источником вполне благожелательным.

Другой пример мировоззрения человека, волей судьбы попавшего в инокультурную среду, дает нам уже упоминавшаяся «Казанская история» — произведение XVI в., описывающее историю Казанского ханства и русско-татарских отношений, начиная со времени Батыева нашествия и до взятия Казани Иваном Грозным. Автор «Истории» не сообщает нам своего имени. Однако мы узнаем, что он провел двадцать лет в татарском плену вплоть до самого Казанского взятия. То есть произведение это представляет собой историческое сочинение по татарской истории, написанное русским пленником. Судьба этого человека, насколько мы можем судить по тексту самого произведения, сложилась весьма причудливо. Оказавшись в плену, он принимает ислам (об этом можно судить по тому, что после освобождения его, русского и, значит, изначально православного, пришлось заново обращаться к святой

вере и приобщать к церкви). Никаких особенных угрызений совести он, в отличие от Афанасия Никитина, по этому поводу не испытывает. Напротив, предисловие к рассказу выдает в авторе человека, вполне уверенного в своем праве рассуждать о промысле Божьем. В плену он пользовался большой любовью «царя» и вниманием со стороны «вельмож». Это дало ему, человеку видимо образованному, возможность заниматься интеллектуальным трудом, собирать сведения по истории Казани, которые он черпал как из неких «казанских летописцев», так и из устных рассказов хана и вельмож, которые, пребывая в «веселии», рассказывали ему «о войне Батыеве на Русь и о взятии от него великого града столного Владимира, и о порабощении великих князей»⁷⁰. Чтение «казанских летописцев» и сравнение их с русскими летописями показывают уровень его образованности: он знал татарский (и, возможно, арабский) язык и был начитан в русской исторической литературе. Это предопределило масштаб и качество проделанной им работы: «Казанская история» отличается последовательностью, логичностью изложения и широкой эрудицией. По стройности композиционного построения она не уступает «Повести временных лет» или «Степенной книге», чего нельзя сказать об идейном наполнении этого произведения — оно обнаруживает известную двойственность. С одной стороны, для автора, как для человека безусловно книжного, татары — «варвары»⁷¹, «сарацины»⁷² и «поганые»⁷³, с другой — явственно ощущается приобретенный во время двадцатилетнего татарского плена некий казанский патриотизм. Необходимость написания «Истории» он объясняет почти теми же словами, которыми в XI в. митрополит Иларион писал о недавно крещенной Руси: «И есть град Казань стоит и ныне всеми рускими людьми видимъ есть и знаемъ, а не знающим слышимъ есть»⁷⁴. Пересказывая татарскую легенду о возникновении города на месте змеиного логова, неизвестный автор сохраняет тот торжественный пафос, который, судя по всему, был присущ оригиналу.

Из последних сил обороняющие свой город жители Казани, которым пришлось столкнуться с многократно превосходящим войском московского князя (один защитник города против пятидесяти нападающих, согласно «Истории»), описываются в патетических тонах. Их речи полны истинной отваги: «Не убоимся, храбрыя казанцы, страха и прещения московского царя и многия его силы руские, аки моря, биющагося о камень волнами, и аки вели-

каго леса, шумяща напрасно, селикъ имуще град нашъ, твердъ и велик, ему же стены высоки и врата железа, и люди в нем удалы вельми, и запас многъ и доволенъ стати на 10 лет во прекормление намъ. И да не будем отметницы добрыя веры нашае срацинския и не пощадим пролити крови своея, да ведоми не будемъ во пленъ работати иновернымъ на чюжу землю, християном, по роду меньшимъ нас и украдшимъ благославление»⁷⁵. Доминирующий эпитет казанцев — «храбрые». Особая глава отводится автором «Истории» описанию мужественного поведения казанских женщин, готовых ценой изгнания и плена сохранить жизнь детям. Их попытка решить дело миром описана с большим сочувствием. Зрелище ходящих по стенам города женщин и девиц названо автором «Истории» «умильным». Любопытно, что над печальной судьбой «женъ и девицъ» еще не взятого города прослезились даже сами осаждавшие «жалостливи» русские воины. Прослезился, можно думать, и сам летописец.

Авторская позиция вообще выдает сложное положение, в котором писалась «История», — обе противоборствующие стороны были для рассказчика «своими». Не удивительно, что лучшим слугой Ивана Грозного оказывается служилый татарский царь Шигалей (Шах-Али): «вернейшийшии всех царей везде и верных наших князей и воевод служаще, и нелестно за христианы страдаше весь живот свой до конца». Давая такую характеристику татарскому военачальнику, летописец вынужден извиняться перед читателем за то, что «единоверных своих похуляюща и поганых же варвар похваляющи», но в свое оправдание он утверждает, что на его стороне сама истина, известная всем: «таков бо есть, я ко и вси знают его и дивятся мужеству его, и похваляют»⁷⁶.

От русских князей и ордынских царей он требует «братского» поведения и очень сокрушается, когда обстоятельства приводят их к вражде, подобно тому как русские летописцы домонгольской Руси сокрушались о «каторахъ» в потомстве Рюрика. С умилением он описывает первоначально «братские» отношения Василия II Васильевича Московского и изгнанного из «Великия Орды» эмиром Едигеем Улу-Мухаммеда, будущего первого казанского хана. «Горьким» называет он совет ближайшего окружения князя воспользоваться затруднительным положением хана и изгнать его из московских пределов, несмотря на горячие мольбы последнего⁷⁷. Более того, необходимость придерживаться норм «братолюбия»,

согласно мировоззрению автора «Истории», оказывается продиктована не просто политической целесообразностью, а принципами религиозной морали (что может показаться уже совсем странным относительно татар-мусульман современному наблюдателю). Так, например, за отклонение от промосковской политики «русский бог» наказывает казанского хана Мухаммед-Эмина неизлечимой болезнью. Лежащему на смертном одре «царю» автор вкладывает в уста полный раскаянья монолог, в котором он именует великого князя Ивана Васильевича «отцом», себя же — «злым рабом», не оправдавшим тех высоких отношений, которые сложились у него с московским князем, относившимся к нему как к сыну⁷⁸. В раскаянье он шлет Ивану богатые подарки, но это не помогает — он умирает снедаем червями и испуская нестерпимое зловоение, которое в системе художественных образов древнерусской литературы призвано было показать глубину морального падения персонажа (вспомним Святополка Окаянного). Таким образом, открывший военные действия против Москвы татарский хан осуждается не как вероломный враг, а как неблагодарный *сын*, пошедший против *отца*! Вспомним, что терминология родства (отец, сын, брат, старейший и пр.) издревле использовалась для обозначения вассальных отношений *внутри* рода Рюриковичей. Таким образом, политическая инкорпорация Казанского ханства в вассально-сюзеренные отношения с русскими князьями, произошедшая задолго до присоединения Казани Иваном Грозным (см. гл. 3), была соответствующим образом идеологически оформлена через традиционные для Руси понятия, использовавшиеся ранее только во внутренних отношениях. Это может служить показателем известного сближения, не только в политической, но и в культурной сферах. Во всяком случае, казанцы предстают в «Истории» уже совсем не так, как были представлены татары в «Повести о разорении Рязани Батыем» или в проповедях Серапиона Владимирского, — это уже не выходцы из преисподней, о которых пророчествовал Мефодий Патарский, не жуткое и непонятное воплощение Божьего гнева, это «свои» враги, ссоры с которыми носят почти семейный характер и обусловлены не «природным» антагонизмом, а обычными «семейными» причинами — предательством, непослушанием и т. п. Да и образ врага как таковой претерпел кардинальные изменения в связи с трансформацией жизненного уклада самих татар. Нет уже ни шатров, ни горящих в ставке огней, чрез которые должен пройти

всякий, желающий получить аудиенцию у хана. Казань — обычный и вполне привычный для русского мировосприятия город, окруженный деревянными (дубовыми) стенами, за которыми укрываются защитники, делающие, как это было в обыкновении, периодические вылазки. Население в массе своей земледельческое. Разница хозяйственно-бытовых укладов к началу XVI в. постепенно сходит на нет. Соответственно и лик врага становится менее непонятным и, как следствие, не таким пугающим.

Вообще, чтобы подчеркнуть «всемирно-историческое» значение казанского взятия, неизвестному летописцу пришлось потрудиться. Лишь обращение к событиям более чем двухсотлетней давности могло дать необходимый для построения колоритного вражеского облика материал. Иначе масштаб победы Ивана IV оставался непонятен. Однако мотив «мести за монголо-татарское иго» в «Казанской истории» выражен весьма слабо. Обоснование похода, как было показано выше, дается совершенно иное. «Борьба с последним осколком Золотой Орды» — такое отношение ко взятию Казани — удел скорее новейших учебников истории, чем идеологии XVI в.

В целом можно с полным правом утверждать, что в московский период Русь и восточные тюркские изначально кочевые народы продолжили движение по пути культурного синтеза, начало которому было положено еще на заре их этногенеза (пришедшегося на одно время — эпоху Великого переселения народов V–VI вв.)⁷⁹. Как показывают археологические и лингвистические источники, несмотря на извечную вражду, славяне и степные кочевники имеют во многом общую судьбу и на исторической арене выступают как необходимые части одной системы, дополняя друг друга, что раз за разом в течение тысячелетия приводило к образованию культур, в материальном и духовном облике которых прослеживалось черты обоих миров: славянского земледельческого и тюркского кочевого. Начало этому было положено еще в гуннские времена, когда предки славян оказываются включенными в гуннский союз, выступают под именем скифов, поставляя для последних челночно-однодревки. Затем, уже в VI в., подобным же образом выстраиваются отношения славян с аварами. Славяне принимают участие в военных предприятиях Аварского каганата, вместе с ними осаждают Константинополь в 626 г. Авары заимствуют у славян традиции домостроительства — полуземлянки. «Аварское иго» ока-

зало влияние и на древнюю славянскую социальную терминологию (каган, боярин, жупан, пан). Элементы культуры кочевников присутствуют в обрядности кургана Черная могила, насыпанного в 60-х гг. X в., в котором «помимо скандинавских и варяжских черт, прослеживается кочевнический (салтовский) обычай укладывать конское снаряжение, оружие и доспех в грудь (“трофей”) на кострище, а драгоценные серебряные оковки ритонов украшены в постсасанидском стиле: одна из оковок несет хазарский изобразительный сюжет»⁸⁰. Примером этнокультурного синтеза славянских и кочевнических традиций служат пенковская археологическая культура (VI–VII вв.), в которой славянский компонент соседствует с болгаро-аланским, и волынцевская (VIII–IX вв.), территория которой совпадает с ареалом дани, которую хазары брали со славянских племен (полян, северян, радимичей), и материальной культуре которой также присущ кочевнический элемент⁸¹. Весьма показательный образец тюркско-славянского симбиоза дает нам история Первого Болгарского царства. Таким образом, можно утверждать, что русско-татарский культурный синтез продолжал древнюю традицию славяно-тюркских контактов и имел глубокие корни. Речь не идет, конечно, о том, что отношения Орды и русских княжеств следует вслед за Л. Н. Гумилевым рассматривать как союз. На политическом и идеологическом уровнях взаимоотношения носили безусловно враждебный характер. Но взаимовлияние культур часто свойственно враждебным обществам, оно возникает вопреки и помимо военных столкновений, даннического ярма, явного недоброжелательства — либо как прямое заимствование, либо как «ответ на воздействие внешнего фактора»⁸². В сражениях Русь перенимала элементы боевых навыков врага, в стремлении сохранить самостоятельность во враждебной государственной системе — начала политического уклада властителей, в стремлении подражать их быту — детали костюма. В результате сложился синтетический культурный феномен, впитавший в себя (помимо сознания) многое из того, что впоследствии было органично усвоено русской культурой, стало восприниматься как «свое», традиционное, исконное.

Наиболее трудна для анализа финно-угорская составляющая русской культуры. Этому имеется несколько причин. Во-первых, начало контактов славян с представителями финно-угорских племен уходит корнями в столь глубокую древность, и степень ин-

теграции этих двух исторических общностей в процессах формирования русского этноса столь велика, что часто почти невозможно сепарировать славянские и финские элементы. Как известно, великорусская народность выросла на финском субстрате. Обширные территории, ныне считающиеся исконно русскими, в древности были заселены представителями финских племен. Показательно, что само название столицы России имеет, по мнению многих лингвистов, финноязычное происхождение (Моск-*ва*, как Сылва, Косьва и пр.) Следовательно, многое из того, что в настоящее время считается исконно славянским, может иметь в реальности финское происхождение, к сегодняшнему дню, однако, практически неустановимое. Во-вторых, сходство природных условий существования предопределило сходство части бытовых и психологических особенностей двух культур, что делает весьма затруднительным атрибуцию тех или иных феноменов как финских или славянских. В-третьих, поздние контакты с поволжскими и прибалтийскими финнами были гораздо менее острыми (и, следовательно, не столь заметными), чем отношения, например, с тюркскими народами. Все эти трудности, однако, делают проблему русско-финно-угорских отношений особенно интересной для анализа.

Уже Н. М. Карамзин писал о том, что многие финноязычные племена, в древности населявшие территорию России и известные нам по летописным свидетельствам (весь, чудь, меря, мурома), с течением времени растворились в славянской массе — «смешались с Россиянами»⁸³. Идея о мирном постепенном смешении славянского и финского компонента в этногенезе русского народа стала господствующей в дореволюционной историографии⁸⁴. Большинство ученых сходились во мнении, что славянская миграция имела характер медленной инфильтрации на финские территории, при которой практически не было военных столкновений ввиду наличия большого количества свободных земель, где пришлые селились, не мешая коренным жителям. Близкое и мирное соседство при явном доминировании славянского населения и русской культуры привело со временем к полной ассимиляции местных племен. Эта точка зрения, однако, была оспорена в конце XIX в. академиком А. И. Соболевским, по мнению которого «теория мирного занятия русскими пустых земель нынешнего великорусского центра не имеет под собою никаких оснований»⁸⁵. А. И. Соболевский указывал, что «летописи ничего не говорят о мирных, дружествен-

ных отношениях русских к финнам». «Более того, многочисленные письменные известия о походах новгородцев на западную чудь, а владимирских князей на мордву, летописные сообщения об избииении сборщиков дани “за Волоком”, в Печере и Югре, северные предания о “чуди белоглазой”, боровшейся с русскими, — все это свидетельствует о напряженных отношениях между славянами и иноязычными племенами. По мнению Соболевского, происходило постепенное вытеснение финно-угров с коренных территорий под напором русских соседей»⁸⁶. В развернувшуюся впоследствии дискуссии было вовлечено большое количество именитых историков, диапазон разброса точек зрения был весьма велик: от утверждения, что русский народ имеет в своем составе едва ли не 80 % финской крови (М. Н. Покровский), до полного отрицания влияния финно-угров на русский этногенез (Д. К. Зеленин). Определенный итог спорам был подведен в фундаментальном исследовании Е. А. Рябины, который проделал большую работу по анализу и систематизации археологических и иных источников по истории славяно-финских этнокультурных связей. Детальный разбор археологических данных позволил исследователю утверждать, что «отношения иноязычных народов с Русью затрагивали сферу общественно-политического, экономического и культурного синтеза, активность, уравнищенность или замедленность темпов которого зависели от уровня развития производительных сил, структуры собственности аборигенных коллективов, хозяйственных возможностей различных районов, интенсивности их освоения русским населением и временем включений в вассальную и политическую структуру Руси»⁸⁷. Социально-экономический синтез привел к началу процесса разрушения родовых отношений у восточноевропейских финнов и вхождению национальной знати в состав русской господствующей верхушки, а простых общинников — в состав зависимого населения Древней Руси (быть может, под именем «смердов»). Установление даннических отношений сочеталось с втягиванием финских территорий в систему торгово-экономических связей. Под влиянием древнерусского хозяйственно-культурного типа происходило совершенствование традиционных форм производственных орудий и постепенная замена их новыми типами⁸⁸. Постепенное сближение финского и славянского населения делало первые шаги через избирательное усвоение финно-уграми новых элементов материальной и духовной куль-

туры, аккультурации, которая со временем приводила к сглаживанию этнических черт и образованию синтетической культуры, в которой преобладающие славянские элементы сочетались с субстратными. «Происходящие при этом изменения выражаются прежде всего в широком распространении вещей, генетически не связанных с традиционными типами, и усвоении местными ремесленниками новых технологических схем и приемов. На первом этапе культурного сближения наблюдается сосуществование привнесенных извне и местных элементов <...> Смешение культурных традиций значительно усилилось в ходе неоднородной по этническому составу земледельческой колонизации северных территорий и сложения зон чересполосного славяно-финского населения. С XI в. на широкий рынок начинает поступать массовая продукция древнерусских ремесленников (украшения, оружие, орудия труда, бытовой инвентарь, гончарная керамика). Славянские изделия входят в повседневный обиход иноязычных народов, органично включаются в местный этнографический узор. Лесная зона Восточной Европы покрывается “вуалью” древнерусской культуры, скрывающей прежние региональные и племенные различия»⁸⁹.

Культурная близость открывала дорогу более интенсивной физической метисации, прослеживаемой по антропологическим материалам и оставившей след в появлении археологических памятников, для которых характерна не только культура смешанного облика, но костные останки с несколько ослабленными европеоидными чертами⁹⁰. Таким образом, стало возможным признать принципиальную правоту точки зрения В. О. Ключевского, по мнению которого ассимиляция финского населения наряду с влиянием природного фактора оказала решающее влияние «как на хозяйственный быт Великороссии, так и на племенной характер великоросса»⁹¹.

Это, однако, не означает, что наблюдения А. И. Соболевского, говорившего о напряженных отношениях славян с автохтонными финскими племенами, совершенно лишены основания. Действительно, письменные и фольклорные⁹² источники заставляют думать, что столкновения все-таки были. Но следует иметь в виду, что военные стычки совсем не исключают ни брачных контактов, ни культурного синтеза, ни ассимиляции в конечном итоге. Механизм подобного рода отношений мы можем рассмотреть на примере материала более позднего времени (XIV–XVI вв.), когда на

землях великорусского центра ассимиляционные процессы уже почти завершились и область активного русско-финского взаимодействия переместилась к окраинам складывающегося Московского царства.

В высшей степени интересный вариант русско-финского синтеза дает нам история Вятской земли. По мнению Л. Д. Макарова⁹³, русские начинают проникать в бассейн р. Вятки в конце XII в. Освоение края ведут в основном новгородские ушкуйники. Их походы нашли отражение в «Повести о стране Вятской», которая, по мнению исследователя, может дать вполне правдоподобные сведения о ранних этапах русского проникновения в регион: «В вышеупомянутой “Повести” говорится о походе двух новгородских отрядов из городка в низовьях р. Камы на Среднюю Вятку. Один из них пробрался по волокам с Камы в верховья р. Чепцы “и вниз по оной пловуще, пленяюще Отяцкие жилища и окруженные валами ратию вземлюще, и обладающе ими... внидоша в великую реку Вятку... и узревше... град чудской, называемый Чудью Болваньский городок... той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 (1181) месяца июля в 24 день... и побиша ту множество Чуди и Отяков, а инии по лесам разбегошася... и нарекоша той град Никулицин” <...> Второй отряд новгородцев “внидоша во устье Вятки реки и идоша по ней вверх до Черемешских жилищ и дошедше до Какшарова городка обладаема Черемисою... и начаша ко граду приступати, и другой день от града того жители побежаху, инии же граду врата отвориша. И тако Божию памошью той Какшаров град взяша и обладаша, и те Новгородцы распространишеся и начаша жити на всей Вятской стране и посылаху от себе для уведения вверх по Вятке реке места усматривающе”»⁹⁴. Таким образом, мы видим, что первоначальный контакт русских (новгородцев) с коренными жителями территории чепецкого и вятского бассейнов мирным не назовешь: ушкуйники действуют как завоеватели, грабя местное население и занимая территорию. Но посмотрим, как события развиваются дальше. После монголо-татарского нашествия под действием внешней угрозы две первоначально возникшие на Вятке самостоятельные волости Никулицын и Котельнич объединяются и создают новую столицу г. Хлынов (Вятка), служившую центром Вятской земли до самого ее присоединения к Московскому княжеству. В рамках Вятской земли оказалось объединено русское, финское и тюркское

население. Этнические процессы протекали здесь, судя по всему, тем же образом, что и в Северо-Западной Руси столетиями раньше. Эпоха первоначальных столкновений сменяется эпохой мирного сосуществования. Удмуртская племенная знать входит в состав вятского боярства⁹⁵, «еще в первой половине XVI в. (грамота 1522 г.) удмурты фигурируют среди городских жителей края, например, в г. Слободском (“И буде у Каринских князей и у чювашен и у вотяков дворы в городе есть, и в осаде с ними живут...”)”⁹⁶. Такое тесное соседство становится основой культурного взаимодействия (что в результате приводит к взаимной трансформации русской и местных культур), которое затем дает импульс активизации ассимиляционных процессов, в результате которых группы удмуртов, живших западнее Хлынова, были полностью ассимилированы, а в антропологическом типе вятчан начинают явственно проследиваться финно-пермские примеси⁹⁷. В дальнейшем, когда Вятка утратила самостоятельность и стала управляться московскими наместниками, сложившееся равновесие межнациональных отношений было нарушено. Полиэтническая местная знать не могла больше служить регулятором добрососедских отношений — верхушка ее была казнена, а остальные (в том числе и удмурты) подверглись выселению в центральные районы России. Часть финно-угорского населения мигрирует в верховья р. Чепцы⁹⁸. Однако начавшееся этноинтегративное движение на этом не останавливается. Власть русского царя со временем распространяется дальше на восток и процессы аккультурации и ассимиляции продолжают (до сегодняшнего дня).

Структурно влияние финно-угорской культуры на русскую напоминает влияние культуры восточной/татарской/исламской. Сходство заключается в том, что влияния эти в обоих случаях касаются тех областей культуры, которые находятся вне внимания идеологов, вне сферы рефлексии интеллектуальной элиты. Отличие же состоит в том, что влияние финского мира в силу неразвитости общественной жизни касалось в основном быта и не поднималось до уровня государственного устройства и политических отношений. С другой стороны, более интенсивные контакты между восточными славянами и восточноевропейскими финнами могли быть установлены в сфере религиозного мировоззрения, как в дохристианскую и догосударственную эпоху, так и позднее, когда сторонники язычества, стремившиеся сохранить свою веру, вынуж-

дены были бежать подальше от центров русского православия, на периферию, где приходили в соприкосновение с финно-угорскими племенами, долгое время сохранявшими традиционные верования. Так, например, финский источник, по мнению В. С. Кузнецовой, имеет сюжет о дуалистическом миротворении, широко представленный как в славянском фольклоре, так и в апокрифической литературе (апокриф о Тивериадском море)⁹⁹. Основу его составил миф о ныряющих на дно океана птицах-демиургах, являющийся базовым в языческом мировоззрении всех финно-угорских народов и восходящий к прауральской мифологии¹⁰⁰. В славянском мире сюжет этот получил чрезвычайно широкое распространение и вошел в культуру не только восточных, но и южных славян, став составным элементом религиозно-мифологической системы богомилов.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренные нами процессы взаимодействия русской цивилизации с тюркской, византийской, финно-угорской и европейской не исчерпывают всего многообразия культурных контактов, оказавших формирующее влияние на облик России. В стороне осталось влияние балтских, иранских, северных народов. Да и охваченный материал представлен далеко не в полной глубине и многообразии. Рассмотреть все аспекты культурной коммуникации так же сложно, как написать историю личных взаимоотношений представителей разных народов на протяжении тысячелетия. Задача, решению которой посвящена настоящая глава, была иной. Нам хотелось показать, что формирование русского единого государства стало возможным во многом благодаря наличию в социальной психологии развитых качеств терпимости и открытости инокультурным влияниям, которые, несомненно, можно отнести к базовым основам развития русской культуры и русской цивилизации. Вряд ли можно оспорить, что формирование многонационального государства (каковым Россия является и сейчас) не могло состояться без способности принять, переработать и усвоить элементы культур входящих в нее народов. Не могло оно состояться и без терпимого и в известной мере благожелательного отношения к «инородцам», без способности преодолеть ксенофобию и взглянуть на «чужих» (даже на врагов) как на «своих», с чего начинается всякое совместное бытие в рамках одной политической системы. Справедливости ради следует оговориться, что, безусловно, русская история дале-

ко не всегда может служить примером взаимовыгодного сотрудничества разных народов. Московское царство достаточно часто использовало весьма радикальные и жесткие средства решения этнополитических проблем. Трудно ждать от средневековья следования гуманистическим максимам современного общества. Но в целом существование большинства народов, вошедших в орбиту русского государства, не закончилась с потерей политической независимости (как это случилось с пруссами, попавшими под власть немцев, или американскими индейцами), а продолжилось дальше, трансформируясь под действием русской культуры и оказывая влияние на нее.

Конечно, история национальных отношений в любой империи — это история обид. Как ни банально, но вряд ли можно найти много татар, которым бы не хотелось так переиграть историю, чтобы Ивану Грозному все-таки не удалось взять Казань, а русским бывает тяжело вспоминать о батыевом нашествии. Символично, что рязанская княгиня Евпраксия, бросившаяся вместе со своим маленьким сыном из «превысокого храма своего» во время разорения города Батыем и разбившаяся насмерть, нашла своего двойника в лице казанской царицы Сююмбике, которая спустя более чем триста лет бросилась с крепостной башни во время штурма Казани Иваном Грозным. Это понятно, факты эти известны. Задача настоящего момента заключается в том, чтобы искать не различия и исторические поводы для взаимного недовольства, а попытаться понять, что за столетия совместного существования, несмотря на войны и ссоры, мы незаметно для себя стали гораздо ближе друг другу, чем это можно было представить поначалу, «пропитались» общим духом, смешались кровью, усвоили похожие привычки и бытовой уклад. То есть теперь мы уже имеем основания для того, чтобы жить согласно вместе. У разных народов, объединенных русским государством, безусловно, есть общее прошлое и, вне зависимости от стремления сепаратистски настроенных политических сил, будет во многом общее будущее.

Граждане прибалтийских государств могут делать вид, что не знают русского языка, но правда заключается в том, что они его знают. И с этим трудно что-то поделать в ближайшие десятилетия, а более глубокие следы влияния русской культуры не удасться изжить и за века. Безусловно, каждый этнос при угрозе потери национальной идентичности начинает вырабатывать защитные

механизмы, и чем сильнее истончаются связующие нити, тем агрессивней становятся способы защиты. В свете этого весьма значимым фактом оказывается открытость русской культуры, выступающая показателем большой национальной силы России, силы, дающей возможность развиваться не замыкаясь и не опасаясь иноэтничных влияний. Положение на стыке Европы и Азии делает в принципе невозможным ориентацию на национальную замкнутость не только для России, но и для всех входящих в нее народов. Культурный синтез в сложившемся историческом контексте рисуется неизбежным маршрутом в завтрашний день не только для славянского ее населения, но и для тюркского и финно-угорского. Все остальные варианты не то чтобы губительны, а попросту невозможны даже в условиях резкой конфронтации и намеренной эскалации национальной напряженности. Теперь уже и война, и злопыхательские воззвания националистов не в силах отгородить один народ от другого и распустить переплетение этнических связей, созданных историей. Единство многонационального народа России предопределено такими простыми и в то же время неразрывными связями, как чересполосное расселение и столетия совместного проживания. Никто не может собрать в мешок и унести свою землю вместе со своим народом. В этом необходимо отдавать отчет. И не тратить попусту сил на бесплотные попытки разбить то, что формировалось веками. Есть более продуктивные пути развития.

Нет серьезных оснований переживать и по поводу мнимого застоя современной западной культуры. Следует опять же помнить об изначально синтетическом характере русской цивилизации. А для этого необходимо знать о тех влияниях, которые Россия успешно переработала и усвоила в ходе тысячелетней истории. Нервное стремление отгородиться от западных слов, фасонов одежды, фильмов, музыки и т. д. базируется не столько на патриотизме, сколько на элементарном незнании, например, того, сколько слов в русском языке имеют неславянское происхождение (начиная от древних иранских «хорошо», «топор» до сравнительно новых «университет», «стадион» и пр.), сколько прекрасных храмов, ставших национальными святынями, построено приглашенными иностранными мастерами, какое влияние оказало на развитие русской литературы и живописи тесное общение представителей русского искусства с их западными коллегами. Византийские архитекторы, построившие Софийские соборы в Киеве и Новгороде,

немецкие мастера, принимавшие участие в возведении белокаменных соборов Северо-Восточной Руси, Феофан Грек, Аристотель Фиорованти, Марко Фрязин, Пьетро Антонио Солари, Пахомий Серб, Максим Грек — как без их творений можно представить русскую культуру? Список может быть продолжен, и по мере приближения ко временам менее отдаленным число персоналий в нем будет возрастать в геометрической прогрессии.

Вряд ли угрожает опасностью вхождение в повседневный обиход новых слов, пресловутых «менеджера», «дилера», «брокера» и др., против которых ополчились сторонники «чистоты» языка. Подобные опыты уже были в русской истории. Еще в конце XVIII — начале XIX в. пуристы предлагали заменить все иностранные слова на русские, а если нет подходящих, то сконструировать¹⁰¹. При всей благодати этого начинания оно не увенчалось успехом: ни тихогром (фортепиано), ни шарокат (бильярд), ни топталище (тротуар), ни рожакорча (гримаса) в обиход не вошли. Стоит вспомнить «Словарь Академии Российской» (1789–1794), в который не были включены слова иностранного происхождения, вошедшие в русский язык. Попытка игнорировать живое развитие языка была иронически отмечена А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине»¹⁰². Язык как живая саморегулирующаяся система сама разберется, какие слова необходимы, а какие нет: так, безо всякого внешнего принуждения ушли многие иностранные заимствования: авантажный, инфлюэнца и пр.

Итак, русская культура — культура, вобравшая в себя и творчески преобразовавшая огромное количество самых разнообразных этнических традиций и влияний. Это культура синтетическая в своей основе. Удержание во внимании этого неоспоримого факта совершенно необходимо как при оценке ее прошлого и современного состояния, так и при прогнозировании форм и путей ее дальнейшего развития.

Примечания

¹ Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. С. 34.

² Там же.

³ Жилина Н. В. «Шапка Мономаха»: Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука, 2001. С. 205.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ *Кондаков Н. П.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1906. 123 с. VI табл.; *Срезневский И.* Древнее изображение кн. Всеволода-Гавриила // *Он же.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб.: Типография Императорской академии наук. 1867. С. 41; *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944. 214 с.

⁶ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 134–161.

⁷ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII в. С. 160. Далее: БЛДР.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 201.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. С. 56.

¹² Житие Александра Невского // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. XIII в. С. 368.

¹³ См.: *Охотникова В. И.* Житие Александра Невского. Комментарии // БЛДР. Т. 5. С. 518.

¹⁴ См.: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М.: Учпедгиз, 1953. С. 241.

¹⁵ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. С. 149.

¹⁶ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского: В 12 т. М.: Московский рабочий; Слог, 1993. Кн. 1. Т. I–II. С. 141.

¹⁷ *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. С. 441.

¹⁸ Там же. С. 437.

¹⁹ См.: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. С. 210–211.

²⁰ См.: Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 444–446. Далее: ПЛДР.

²¹ См.: Инок Максима Грека о пришельцах философов // *Гудзий Н. К.* Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. М.: Учпедгиз, 1955. С. 259.

²² См.: *Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Т. III. Приложения. Одесса: Типолитография Одесского военного округа. 1894. IV–VIII; 296; 89; I–XVI с.

²³ *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: Мирос, 1998. С. 230.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 231.

²⁶ Там же. С. 237.

²⁷ *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 9.

²⁸ См.: От Орды к России: Круглый стол // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 205–239.

²⁹ См.: *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодер-

жавия в средневековой Руси: К постановке проблемы // История СССР. 1991. № 4; *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)

³⁰ См.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. С. 619.

³¹ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т. I. С. 499.

³² См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. IV. С. 29.

³³ См.: *Громов Г. Г.* Русская одежда // Очерки русской культуры XVI века. Ч. I: Материальная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 207.

³⁴ *Михайлон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В. И. Матусовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1994. С. 75.

³⁵ См.: *Долгов В. В.* Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 1999. С. 119.

³⁶ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1902. Т. 1.

³⁷ См.: *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 101.

³⁸ См.: *Громов Г. Г.* Русская одежда. С. 207.

³⁹ О социально-психологических механизмах функционирования моды см.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.

⁴⁰ *Казанская история* // ПЛДР. Середина XVI в. М.: Худож. лит., 1985. С. 444.

⁴¹ См.: *Майоров А. В.* Древняя Русь и кочевники в X–XIII вв.: печенеги, тюрки, половцы // История России: Россия и Восток / Сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лексикон, 2002. С. 38–80.

⁴² См.: *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 227.

⁴³ См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. С. 60.

⁴⁴ См.: *Котляров Д. А.* К вопросу о служилых татарах в Московском государстве // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1. С. 51–66.

⁴⁵ См.: *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. С. 48–49.

⁴⁶ *Казанская история.* С. 526.

⁴⁷ *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 238.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: *Нефедов С. А.* Влияние монгольского завоевания на развитие российских государственных институтов // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2001. С. 52–59.

⁵¹ См. об этом: *Кривошеев Ю. В.* Русь и Орда // История России: Россия и Восток / Сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лексикон, 2002. С. 81 — 137.

⁵² См.: *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. С. 6–9.

⁵³ В настоящее время казаки, утратив статус сословия, правильной всего мо-

гут быть названы этнографической группой в рамках русского и украинского народов.

⁵⁴ Само слово имеет иранское происхождение, но в русский язык попало посредством тюркских языков, см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. IV. С. 410.

⁵⁵ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. III. С. 541.

⁵⁶ *Спасский И. Г.* Деньги // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1: Материальная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 233.

⁵⁷ В русский язык слово «кровать» попало из греческого. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II. С. 379.

⁵⁸ См.: *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 46.

⁵⁹ *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. С. 256–257.

⁶⁰ Хождение за три моря Афанасия Никитина // ПЛДР. Вторая половина XV века. М.: Худож. лит., 1982. С. 448–450.

⁶¹ Там же. С. 450.

⁶² Там же. С. 452.

⁶³ Там же. С. 454.

⁶⁴ См.: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 58–63.

⁶⁵ Там же. С. 63.

⁶⁶ См.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. С. 460.

⁶⁷ См.: *Коняевская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.) М.: Языки русской культуры. 2000. С. 70.

⁶⁸ См.: *Казакова Н. А.* «Хождение» на Флорентийский собор. Комментарии // ПЛДР. XIV — середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 586.

⁶⁹ Хождение на Флорентийский собор // ПЛДР. XIV — середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 474.

⁷⁰ Казанская история. С. 302.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 308.

⁷³ Там же. С. 312.

⁷⁴ Там же. С. 316.

⁷⁵ Там же. С. 506.

⁷⁶ Там же. С. 492.

⁷⁷ См.: Там же. С. 318.

⁷⁸ См.: Там же. С. 338–339.

⁷⁹ См.: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Учеб. пособие для гуманитарных факультетов высших учебных заведений. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 226.

⁸⁰ Там же. С. 231.

⁸¹ Там же. С. 231–235.

⁸² *Крадин Н. Н.* От Орды к России: Круглый стол // *Ab Imperio*. С. 229.

⁸³ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М.: Московский рабочий, 1993. Т. I. С. 45.

⁸⁴ Подробная историография вопроса см.: *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археолог. очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1997. С. 9–16.

⁸⁵ Цит. по: *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. С. 11.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 240.

⁸⁸ См.: Там же. С. 240–241.

⁸⁹ Там же. С. 241–242.

⁹⁰ См.: Там же. С. 242–243.

⁹¹ *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 1. С. 259–280.

⁹² См.: *Прозоров Л. Р.* Этническое и расовое самосознание в русском эпосе // Этнический фактор и политика. История и современность: Тез. докл. Рос. науч.-практ. конф. 3–4 марта 2000 г. / Отв. ред. М. Ю. Малышев. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2000. С. 35–39.

⁹³ См.: *Макаров Л. Д.* Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI веках // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.): Сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Наговицын. Ижевск, 1995. С. 80–108; *Макаров Л. Д.* Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Тр. VI Международ. конгресса славянской археологии. Т. 1: Проблемы славянской археологии. М., 1997. С. 296–306; *Макаров Л. Д.* Особенности взаимодействия финно-угров и славян Прикамья в эпоху средневековья // Этнический фактор и политика. История и современность. С. 10–14.

⁹⁴ *Макаров Л. Д.* Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI веках. С. 81.

⁹⁵ См.: *Макаров Л. Д.* Об особенностях славяно-финских контактов в XII–XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации: Тез. докл. Ижевск, 1993. Ч. I. С. 33–34.

⁹⁶ Там же С. 87.

⁹⁷ См.: Там же. С. 94.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См.: *Кузнецова В. С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 1998. С. 56–62, 132.

¹⁰⁰ См.: *Напольских В. В.* Как Вокузе стал создателем суши: Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск, 1993. 159 с.

¹⁰¹ См.: *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка XI–XIX вв. М.: Гнозис, 1994. С. 160.

¹⁰² В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд.
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно это б было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я. винюся пред вами.
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

(А. С. Пушкин. *Евгений Онегин*.
Гл. I. *Строфа XXVI*)

Заключение

Геополитическое положение России между Европой и Азией предопределило значительное влияние пространственного фактора в отечественной истории. Освоение земель, колонизация территорий, заселенных неславянскими этносами, приводили к возникновению разнообразных форм взаимодействия и обмена этнокультурными традициями. Формирующийся восточнославянский древнерусский этнос осознал себя периферией по отношению к цивилизационным центрам — Константинополю и Риму, и в то же время был центром для окружающих его с севера и востока народов.

По мере распада на территории Восточной Европы родоплеменных связей и развития межэтнического, экономического и культурного взаимодействия противоречия этнического характера ослабевали (но никогда не исчезали полностью). Важную роль в этом процессе сыграло победное шествие христианства с его принципом «несть ни эллина, ни иудея». В то же время постепенно развивались и обострялись социально-экономические противоречия. Ужесточалось рабство, несмотря на то, что христианская церковь осуждала порабощение христиан и пыталась если не искоренить, то по крайней мере смягчить это зло. Внешняя эксплуатация — следствие древней оппозиции «свой — чужой», постепенно уступала место внутренней эксплуатации представителей собственного этноса. Само христианство, разрушая древнюю оппозицию «свой — чужой», создавало ее зеркальное отражение по конфессиональному признаку: «христианин (свой) — язычник (чужой)». Внутрицерковные разногласия стали причиной жестких оппозиций в среде самих христи-

ан: «католик — православный», «католик — протестант» и т. п. Распад родоплеменного строя и вызванные им процессы ускоренной социальной дифференциации, а также установление господства мировых религий (христианства и мусульманства) с их миссионерством и нетерпимостью к инакомыслящим закладывали основу этнокультурных противоречий, которые и стали определяющими в последующие века.

Отношение к чужакам, иноплеменикам, инородцам — людям иной культуры, религии, образа жизни — претерпевало сложную эволюцию в процессе развития социума. От полного неприятия «чужих» как враждебной внешней силы человечество постепенно шло к неизбежному осознанию того, что только равноправный диалог между представителями различных народов, рас и культур является оптимальным способом выживания цивилизации.

Характер взаимодействия между этническими группами во многом предопределялся их социокультурными параметрами: чем более однородны они были, тем менее конфликтно происходило их сближение вплоть до полной интеграции в единый народ.

Процесс взаимодействия русских с иными народами даже при использовании методов, бесчеловечных по современным меркам, но нормальных для средневекового человека, не приводил к потере этнической самоидентификации, в отличие от европейской колонизации.

Исторический опыт и теоретические аспекты этнокультурного взаимодействия в полиэтничных политических образованиях в последние годы становятся объектом пристального внимания научной и политической общественности как в российских регионах, так и в центре. Это связано с назревшей необходимостью наполнить реальным содержанием понятие «российский федерализм», с поисками возможных путей разрешения спорных проблем в отношениях между регионами и центром.

И это актуально не только для России, но и для всего цивилизованного мира: от того, как будет устанавливаться социальный и конфессиональный мир, изживаться социальная и религиозная нетерпимость, будет зависеть прогресс человечества в дальнейшем. Со временем появятся новые противоречия и «оппозиции», новые культурные центры и их периферия. И прогресс в развитии человечества будет зависеть от умения находить оптимальные ответы на изменяющиеся вызовы истории.

Сведения об авторах

Долгов Вадим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории исторического факультета Удмуртского государственного университета

Котляров Дмитрий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории исторического факультета Удмуртского государственного университета

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Пузанов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории исторического факультета Удмуртского государственного университета

Научное издание

Долгов Вадим Викторович,
Котляров Дмитрий Алексеевич,
Кривошеев Юрий Владимирович,
Пузанов Виктор Владимирович

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
РАЗНООБРАЗИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ»
(ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Коллективная монография

Редактор О. А. Виноградова
Оформление переплета и макет А. Л. Бондаренко
Компьютерная верстка Л. А. Хухарева
Ответственный за выпуск Ф. А. Еремеев

Лиц. ИД № 05974 от 01.10.2001.
Подписано в печать 01.12.2003. Формат 84 × 108 1/32.
Уч.-изд. л. 25,65. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 427.

Издательство Уральского университета
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

